

ТАЙНЫ

Век XX

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

Том 1

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

Том 1

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1996

ББК 63.3(2)712
Т65

Составитель В. ТРЕТЬЯКОВА

Художник Р. АЮПОВА

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОН»

Трагедия казачества: В 2 т. Т. 1: Шкуро А. Записки
Т65 белого партизана; Краснов П. Всевеликое войско
Донское; Врангель П. Записки. — М.: ТЕРРА;
«Книжная лавка — РТР», 1996. — 448 с. — (Тайны
истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-00683-1 (т. 1)

ISBN 5-300-00682-3

В первую книгу вошли мемуары казака-партизана А. Шкуро, бывшего атамана войска Донского П. Краснова, барона П. Врангеля — белых генералов, возглавивших борьбу против большевиков на Юге России. Собранные вместе мемуары этих популярных среди казачества военачальников четко выявляют различия их взглядов на роль и судьбы казачества в будущем России.

Т 0503020400-459
А30(03)-96

Без объявл.

ББК 63.3(2)712

ISBN 5-300-00683-1 (т. 1)

ISBN 5-300-00682-3

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

© «Книжная лавка — РТР», 1996

А. Г. Шкуро

**ЗАПИСКИ
БЕЛОГО ПАРТИЗАНА**

ГЛАВА I

Я родился в гор. Екатеринодаре 7 февраля 1886 года. Мой отец, Григорий Федорович, происходил из зажиточных кубанских казаков станицы Пашковской (под Екатеринодаром). Он учился в Ставропольском коммерческом училище. Отец мой принимал участие, в качестве простого казака, в войне 1877 г.; затем, уже в качестве офицера, в Ахал-Текинской экспедиции 1881 года и в многочисленных экспедициях в горы против немирных горцев. Он был сильно искалечен; впоследствии дослужился до чина полковника и в этом чине вышел в отставку.

В то время, когда я появился на свет, он был подъесаулом и служил в 1-м Екатеринодарском казачьем полку. Мать моя, Анастасия Андреевна, также уроженка Кубанской области, была дочерью священника. Мое раннее детство протекло в станице Пашковской, где я проводил время в оживленных играх и ожесточенных сражениях с одностаничниками-казачатами, доставляя немало огорчений своей матери, не успевавшей чинить мою вечно изорванную одежду. Когда мне минуло 8 лет, меня отдали в станичную школу, а затем, когда я усвоил начала грамоты, отвезли в Екатеринодар, в подготовительный класс Александровского реального училища.

Мне было 10 лет, когда меня с другими казачатами отправили в Москву, в 3-й Московский кадетский корпус, куда я поступил казенно-коштным воспитанником, то есть жил безвыходно в корпусе, на полном казенном иждивении. Кадетские годы были счастливой порой моей жизни; науки мне давались легко, со своими однокашниками жил я дружно, проказы наши были разнообразны и веселы, — вообще жилось хорошо и годы летели быстро. Уже будучи в последних классах, я сдружился со своим одноклассником, сыном капитана Петровского, смотрителя зданий корпуса, и стал по праздникам ходить в отпуск в их семью. Учился я или очень хорошо, или весьма плохо — середины не было; все зависело от того, чем в данное время была занята моя голова. Я обладал чрезвычайной живостью воображения, и, если увлекался какой-нибудь идеей или интересной книжкой, учение шло к черту. Свои досуги мы проводили в саду корпуса, куда при-

ходили барышни, большей частью дочери наших воспитателей и педагогов, за которыми мы усиленно ухаживали.

Нашим воспитателем был, внушавший нам глубокое уважение, суровый по внешности, но гуманный и добрый подполковник Стравинский. Он был олицетворением чувства долга и всеми силами старался передать нам это свое качество. Директором корпуса был в то время ген. Ферсман, которого мы очень не любили, так же, как и ротного командира 1-й роты, полк. Королькова.

Осенью 1905 года, когда я был уже в 7-м классе, произошел так называемый «кадетский бунт», произведший большой переполох в Военном министерстве, где его сочли результатом проникновения революционных идей в военные школы. Общее беспредметное недовольство в обществе, несомненно, бессознательно проникло и в кадетские умы, и мы перешли в оппозицию к начальству, постепенно усиливавшуюся на почве бестактности некоторых педагогов; дело обострилось вопросом о неудовлетворительном качестве подаваемых котлет; началось брожение умов. Я написал обличительные, против начальства, стихи, которые с большим подъемом читал перед однокашниками, 5 октября произошел кадетский бунт. Мы поломали парты и скамейки, побили лампы, разогнали педагогов, разгромили квартиру директора корпуса и бушевали целую ночь. Ввиду слухов, что на усмирение нас вызвана рота Самогитского гренадерского полка — что нам очень, с другой стороны, польстило, — мы приготовились к вооруженному отпору, но, к счастью, нас предоставили самим себе. К утру наш дух протеста иссяк за отсутствием дальнейших объектов разрушения. Начались репрессии. Главные виновники — 24 человека — в числе которых был и я, предназначались к исключению из корпуса.

В это время приехал в корпус тогдашний главный начальник военно-учебных заведений, обожаемый всеми нами, покойный ныне, великий князь Константин Константинович. Расспросив нас как следует, он, однако, пожелал разобраться лично в переживаниях, доведших нас до столь бурных проявлений протеста. Мы устроили великому князю чай, сервированный самими кадетами, причем пили его из казенных кружек. Затем чистосердечно рассказали князю, как дошли мы до жизни такой; в результате несколько воспитателей и педагогов были уволены, а кара, грозившая кадетам, смягчена — через месяц после исключения мы были амнистированы и снова приняты в корпус.

Подвергнувшись временному остракизму, я уехал на родину, где был принят весьма сурово моим родителем, обзывавшим меня «бунтарщиком». Эта катастрофа, окончившаяся, впрочем, благополучно, принудила меня, однако, пересмотреть всю линию моего поведения. Моей заветной мечтой

было попасть в Николаевское кавалерийское училище; для этого нужно было иметь не менее девяти баллов по наукам и восьми за поведение; мои же успехи, как в том, так и в другом, оценивались значительно ниже. Я принялся с рвением за учение, окончил корпус достаточно успешно и был принят в Николаевское кавалерийское училище, в его казачью сотню.

Начальником «Славной школы» был в то время генерал Де-Витт, а командиром казачьей сотни — войсковой старшина Пешков, забайкальский казак, совершивший в свое время, в чине сотника, свой знаменитый конский пробег, не сменяя лошади, из Владивостока в Петербург. Это было единственное, что он сделал путного в своей жизни. Сменным офицером был донской казак, есаул гвардии Леонид Иванович Соколов. В сотне, вместе со мной, было много кубанских казаков. С драгунами и особенно с донцами мы жили дружно. Моим лучшим другом был юнкер Заозерский, впоследствии трагически погибший во время автомобильной катастрофы под Москвой, когда он ехал на свою свадьбу.

Я ходил в отпуск к служившему в Главном артиллерийском управлении генералу Скрыбину, который любил окружать себя военной молодежью и которому нравилась наша веселость и жизнерадостность. У него был сын-кадет, мальчик лет пятнадцати. Его отсылали обыкновенно спать часов в 9; мы же, юнкера, оставались ужинать и при этом частенько изрядно выпивали, не выходя, однако, из пределов приличия, чтобы не шокировать гостеприимного и любезного хозяина.

Учился я в училище хорошо, хотя по-прежнему отличался некоторой супротивностью начальству. Очень увлекался верховой ездой, в особенности джигитовкой. На старшем курсе я был произведен в портупей-юнкера, но недолго проносил заветные нашивки; выпив как-то раз вместе с друзьями несколько неумеренно, я был замечен в этом дежурным офицером. В результате меня разжаловали из портупей-юнкеров. Любопытно, что записавшим меня дежурным офицером был сотник Скляров, доблестно командовавший впоследствии одной из бригад в моем корпусе. В мае 1907 года состоялось мое производство в офицеры. Вновь производимые юнкера были вызваны в Петергоф, где мы получили приказы о нашем производстве из собственных рук государя императора, который произвел на меня тогда обаятельное впечатление. Я был выпущен в 1-й Уланский, бригадира Головатова, казачий полк, своего родного Кубанского казачьего войска, стоявший в крепости Карс. Нужно ли рассказывать, какое гомерическое пьянство устроили мы в Петербурге, spryskivaya свои новенькие эполеты? Без копейки денег в кармане явился я в Екатеринодар, в отчий дом. Папаша мой, вообще человек достаточно прижимистый насчет монеты, на этот раз расщедрился и экипировал меня в полк на славу. Кроме хорошего обмунди-

рования и вооружения, я получил пару превосходных коней, сослуживших мне впоследствии большую службу.

В начале августа 1907 года я отправился в Карс, к своему новому месту служения. Первый Уланский полк был первоочередным полком; он весьма отличился в недавней еще в то время Японской кампании и считался лучшей и славнейшей частью Кубанского войска. Командиром полка состоял ген. Акулов. Он требовал работы от своих подчиненных, а также постоянной тренировки в поле. Мы, молодые офицеры, чрезвычайно напрактиковались в джигитовке, скачке с препятствиями и рубке с коня; также обращал внимание командир и на развитие военных знаний у офицеров: постоянно читались лекции, доклады, рефераты. Частенько устраивались большие охоты на водившихся в тех краях кабанов. Офицерство жило дружной семьей, традиции товарищества свято хранились в полку.

Однако мне недолго пришлось побыть в полку — вскоре последовал вызов охотников в экспедицию. Должны были быть отправлены в Персию две сводные сотни для борьбы с разбойничьим племенем шахсеван, грабившим караваны и нередко нарушавшим нашу границу между Джульфу и Нахичеванью. Мы вели с шахсеванами мелкую войну, с постоянными стычками, набегами, преследованиями контрабандистов; нужно было быть постоянно начеку, опасаясь засад и всякого рода вероломства. Потери наши, правда, не были особенно велики, но жизнь была больше чем беспокойной. Во время этой экспедиции я заработал свою первую награду — Станислава 3-й степени.

В Персии я пробыл до поздней весны 1908 года, когда состоялся приказ о переводе меня в 1-й Екатеринодарский конный, кошевого атамана Захара Чепиги, полк, стоявший гарнизоном в Екатеринодаре. После Персидского похода и всех лишений служить в Екатеринодаре показалось мне сплошной масленицей. Служебными обязанностями нас не обременяли. Мы, офицерская молодежь, играли в гвардию, плясали до упаду на балах, ухаживали за барышнями и порядочно пьянствовали. Несмотря на то, что папаша давал мне в дополнение к жалованью ежемесячно 200 рублей, — сумму немалую по тогдашней дешевизне жизни, особенно если принять во внимание, что я жил в родительском доме на всем готовом, — мне вечно не хватало денег, и я влез в долги.

Угарная жизнь того времени была прервана весьма поучительными и интересными маневрами в районе Минеральных Вод, под руководством нашего командира полка, полковника Генерального штаба Ягодкина. Во время этих маневров я хорошо изучил Минераловодский район, что впоследствии, во время Гражданской войны, весьма мне пригодилось. Безобразный период моей екатеринодарской жизни ознаменовался

для меня несколькими сидениями на гауптвахте и даже однажды вызовом к Наказному атаману, — тогда генералу Бабичу — для отеческого внушения. Я, вероятно, кончил бы достаточно плохо, если б в моей жизни не случилось обстоятельство, действующее обыкновенно отрезвляюще — я влюбился и женился. Жена моя и мой друг детства, Татьяна Сергеевна, была дочерью директора народных училищ Ставропольской губернии, Сергея Гавриловича Потапова.

После бракосочетания мы предприняли наше свадебное путешествие за границу — в Берлин и в Бельгию на Всемирную выставку. В Германии я хотел изучить производство пустотелых бетонных кирпичей. Дело это я изучил и применил по возвращении на Кубань и даже выстроил себе три дома, но дальше этого дело у меня не пошло, вследствие моей неопытности и непрактичности. Брюссельская Всемирная выставка произвела на меня сильное впечатление, но, к сожалению, я не успел ее осмотреть и изучить досконально, ибо она сгорела, причем я принимал самое горячее участие в тщетных попытках тушения ее грандиозного пожара. По возвращении из свадебного путешествия мы зажили с женой спокойной, чисто буржуазной жизнью. В 1913 году я должен был быть спущенным на льготу; мне предстояло четыре года числиться во второочередном полку, — в полной бездеятельности, — и в то же время быть привязанным к штаб-квартире полка. Строго говоря, полка и не существовало, был лишь штаб его. Эта перспектива стеснения свободы и длительного ничегонеделания мне, человеку энергичному и подвижному, казалась невыносимой. Я надумал ехать в Восточную Сибирь, в Нерчинский округ, где Кабинетом его величества организовывалась интересная экспедиция для отыскивания и нанесения на карту золотоносных месторождений. Я взял отпуск из полка и отправился в Читу, где мне было поручено организовать военную часть намеченной экспедиции. Горячо принялся я за дело, но в это время телеграф принес известие о начавшейся, в связи с австро-сербским конфликтом, мобилизации Русской армии, и я, бросив все, поспешил обратно в Екатеринодар.

Все мы перед коммунистами одинаковы. Надо твердо запомнить, что разница в политических взглядах никоим образом не должна исключать общей работы по облегчению тяжести жизни на чужбине.

Надо терпимо относиться ко взглядам своего брата казака, памятуя, что здесь, в эмиграции, политические взгляды — это только теория, не больше. За политические мнения нельзя ни карать, ни тем более ненавидеть или преследовать друг друга. Это делают только большевики. Мы не должны им подражать.

У нас, казаков, есть своя демократическая идеология, установленная Войсковыми Кругами и Радой, закрепленная в наших

конституциях. Это для нас твердый фундамент, на котором стоит главная масса казачества, а если кто отходит от этого фундамента вправо или влево — за это нельзя карать и преследовать.

Жизнь выправит наши взгляды, надо только твердо помнить, что та или иная политическая программа — это не Символ веры христианской религии, установленный Вселенскими соборами, который нельзя менять.

«Казачий голос» № 1

В. А. ХАРЛАМОВ

ГЛАВА II

Когда я приехал в Екатеринодар, то не застал своего полка, уже ушедшего на фронт, и был назначен, сверх комплекта, в 3-й Хоперский полк младшим офицером. Полк этот, вошедший в состав 3-го Кавказского армейского корпуса, отправлялся на Галицийский фронт. Корпусом командовал доблестный ген. Ирманов (Ирман) — герой Порт-Артура, командовавший впоследствии, во время гражданской войны, у меня в корпусе бригадой. Мы поехали по железной дороге до Ивангорода, куда прибыли в начале августа; оттуда мы были направлены к Тарнове, к которой подошли в самый разгар боя.

Без мостков, в чистом поле, выпрыгнули казаки верхом из вагонов. С места, в конном строю, помчались они в конную атаку на немецкую гвардию и австрийскую пехоту. Пролетая карьером, я видел, как наши славные апшеронцы, выскакивая из вагонов со штыками наперевес, в свою очередь, бросались в атаку. Мы бешено врубались в неприятельские цепи. Казаки дрались, как черти, нанося страшные удары.

Неприятель не выдержал, побежал. Далее последовала картина разгрома вдребезги. Мы пустились в преследование, забирая массу пленных. Гнали в глубь Галиции до замка графа Потоцкого близ Сенявы. Через реку Сан переправились вплавь на конях. Под Сенявой я, командуя взводом в составе 17-и шашек, в разъезде, встретился внезапно с эскадроном гвардейских гусар. Мы заметили их прежде, так как были в лесу, а они в поле; я выскочил на них с гиком, но они, в свою очередь, пошли в атаку. Мы сбили их, взяли в плен двух офицеров, 48 гусар и два исправных пулемета. За это дело я получил заветную «клякву» — Св. Анну 4-й степени на шашку, с красным темляком.

Во время боев под Ивангородом, где 3-й Кавказский корпус, вместе с гвардией, дрался не на живот, а на смерть, отражая бешеные атаки немцев и неся громадные потери от огня германской тяжелой артиллерии, наш полк, вместе с конными, тоже стоял в окопах. Особенно сильный бой происхо-

дил 5 октября; наши части выбивались из сил. Ирманов обходил полк и просил продержаться до утра, когда ожидался подход Гренадерского корпуса. Под утро я вышел на рекогносцировку и обнаружил, что немцы отходят. Велика была наша радость! Если б они атаковали нас еще раз, мы погибли бы, так как гренадеры сильно запоздали. Во время ивангородских боев наш полк сильно поредел; в числе прочих было убито два сотенных командира — подъесаул Амилахвари и сотник Положецев. Я тоже был контужен в голову и пролежал дней десять в госпитале.

Затем я вступил в командование 5-й сотней и на меня была возложена задача преследовать отступающих австрийцев. Я «висел» на них, не отпуская их ни на минуту. Ночью обстреливал, днем, пользуясь всякой складкой местности, делал засады, бросался в шашки. Оторванные от своих, мы попали, наконец, в какую-то жуткую свалку, где наши и австрийцы были совершенно перемешаны. Неожиданно мы вышли к окруженной австрийцами 21-й дивизии ген. Махмандарова и присоединились к ней. Махмандаров приказал мне постараться войти в связь с нашими войсками.

Внезапной конной атакой я разбил и взял в плен две роты австрийцев, и 21-я дивизия соединилась с одним из наших корпусов, в свою очередь окружавших австрийцев. Началось форменное их избиение. Мне казаки приводили каждый по 200—250 пленных. Мы преследовали врага в направлении на Кельцы, занятые австрийцами, которые, при приближении наших разъездов, бросили город, оставив громадную добычу и значительное количество пленных.

В начале ноября под Радомом я, вместе с донцами, взял много пленных, орудия, пулеметы и получил за это Георгиевское оружие. Весь остаток 1914 года мы метались по Галиции. В декабре я был ранен ружейной пулей в ногу во время разведки.

ТЕРСКАЯ ВОЙСКОВАЯ ПЕСНЯ

*Не из тучушки ветерочки дуют,
Ой, не дубравушка во поле шумит.
То не серые гусюшки гогочут,
Ой, по-над бережном гуси сидючи.
То не сизые орлы они в небе вьются,
Ой, по-над небесью орлы летучи.*

*То заплакали гребенские козаченьки,
Ой, перед Грозным царем стоючи.
Уж ты, батюшка, ты наш царь Иван Васильевич,
Ой, православный ты наш государь,
Как бывалыча ты нас, царь-надежа,
Ой, много дарил нас, много жаловал.*

А теперича ты, наш царь-надежа,
Ой, чем подаришь нас, чем пожалуешь.
— Подарю я вас, гребенские козаченьки,
Ой, рекою Терекон со притоками
От самого гребня до синя моря,
Ой, до синя моря до Хвалынского.

ГЛАВА III

Я начал прихварывать, ибо сказывалась непрерывная походная жизнь, не дававшая возможности отдохнуть и полегчить от раны и контузий. Ввиду сего, командир полка командировал меня в Луцк, где находился конный запас полка и куда поехали к нам пополнения людьми с Кубани. В Луцке я провел февраль и март месяцы. В начале апреля я повел походом в наш полк коней и казаков; по прибытии в полк получил пулеметную команду.

Наша армия отступала с боем по направлению к Брест-Литовску. В июле, в сражении под Таржимехи, когда наш полк шел в пешую атаку, я выскочил со своей пулеметной командой на 500 шагов перед нашей цепью, спешил с коней и открыл сильнейший огонь по немцам; атака наша увенчалась успехом, но я был опять ранен; ружейная пуля ударила в рукоятку кинжала, раздробила ее, пробила мне живот, с одной стороны слегка задела брюшину. Если бы не кинжал, я, конечно, был бы ранен смертельно. Меня эвакуировали в Холм, но через две-три недели я уже снова был на ногах и для дальнейшего лечения отправлен в Екатеринодар. За это дело меня произвели в есаулы.

Возвратившись в полк, я был назначен в полковую канцелярию для приведения в порядок материалов по истории боевой работы полка. Это был период затишья на фронте. В обстановке временного отдыха мне пришла в голову идея формирования партизанского отряда для работы в тылах неприятеля. Дружественное отношение к нам населения, ненавидевшего немцев, лесистая или болотистая местность, наличие в лице казаков хорошего кадра для всякого рода смелых предприятий, — все это в сумме, казалось, давало надежду на успех в партизанской работе. Мой полковой командир, доблестный полковник Труфанов, впоследствии вместе с братом зверски убитый большевиками в г. Майкопе, много помог мне своей опытностью и советами. Организация партизанских отрядов мне рисовалась так: каждый полк дивизии управляет из своего состава 30-40 храбрейших и опытных казаков, из которых организуется дивизионная партизанская сотня. Она проникает в тылы противника, разрушает там железные дороги, режет телеграфные и телефонные провода, взрывает мосты, сжигает склады и вообще, по мере сил, унич-

тожает коммуникации и снабжение противника, возбуждает против него местное население, снабжает его оружием и учит технике партизанских действий, а также поддерживает связь его с нашим командованием.

Высшее начальство одобрило мой проект, и я был вызван в Могилев, в Ставку походного атамана всех казачьих войск — великого князя Бориса Владимировича. Там я присутствовал при опытах со вновь изобретенной зажигательной жидкостью, которой наполнялись снаряды и пули. При ударе пуля разрывалась и возникал пожар, не поддававшийся никакому тушению. На одном из опытов присутствовали государь, наследник цесаревич, великие князья, ген. Алексеев, ген. Богоевский и др. Был дождливый день; изобретатель, г. Братолюбов, демонстрировал свое изобретение. Были приготовлены для опытов кирпичная стенка и деревянный дом. Государь лично выстрелил из винтовки в стенку, которая загорелась; дом также вспыхнул, как свеча. Мне было предложено применить и это изобретение во время партизанских набегов, но я так и не получил никогда этих зажигательных пуль. Говорили, что Братолюбов похитил чужое изобретение, возникли недоразумения, и дело затянулось.

По обратном возвращении в полк я был прикомандирован в штаб нашего корпуса и в течение декабря 1915 года и января 1916 года формировал партизанскую сотню исключительно из кубанцев. Она получила наименование Кубанского конного отряда особого назначения. В конце января состоялось первое боевое применение моего отряда. В это время наш корпус стоял на реке Шаре. В зимнюю морозную ночь, в белых балахонах двинулись мы через наши заставы, имея проводниками несколько местных лесников. Было очень темно; мы шли гуськом, ступая на следы друг друга, в мертвой тишине. Шли уже около часу, по цельному снегу, без тропинок. Взошла луна. Проводник доложил, что мы обошли уже первый немецкий пост. Я отрядил 15 человек, которые поползли к немецкому посту. Часовой был снят без звука, а 6 германцев взяты живьем.

От пленных мы узнали, где главная застава, состоявшая из роты пехоты. Решили ее уничтожить. Я разделил свой отряд на две части: одну повел сам, другую — под начальством хорунжего Галушкина. Выждав время, я двинулся медленно по лесу. Вдруг возглас:

— Хальт! Вер да?

Затем залп из нескольких винтовок. Проводники наши прыгнули в кусты, мы же повалились в снег и не отвечали. Пальба вскоре прекратилась. Вдруг слева, куда ушел Галушкин, раздалась частая ружейная стрельба и крики «ура». Видимо, молодой и горячий Галушкин «не выдержал характера». Тогда и мы, но без крика, в кинжалы, на вновь открывший по нас огонь германский пост. Вырезали, без потерь, 30 не-

мцев и скорее вновь на выстрелы. Выходим — лесная поляна, на ней двор лесника, из которого выскакивают немцы и беспорядочно стреляют в разные стороны. Мы с места в штыки и кинжалы. После короткой рукопашной борьбы мы их частью перебили, частью забрали в плен.

С той стороны, где — как мы предполагали — действует Галушкин, появились черные фигуры. Это были отступавшие от него немцы. Мы бросились на них в штыки. Но Галушкин, не зная, где мы, продолжал стрелять в нашу сторону. Мы перебили человек 70 германцев, 30 взяли в плен; в общем, роту прикончили, забрали 2 пулемета, винтовки, много касок. У меня оказалось 2 убитых и 18 раненых. У немцев всюду поднялась тревога. За отсутствием проводников, по компасу и звездам пошли мы обратно, с песнями и добычей, выслав вперед дозоры. Вскоре нашли под кустами наших перепугавшихся проводников, и они снова повели нас. Мы были еще дважды обстреляны немецкими заставами, но с боем, перекатами, ушли от них без новых потерь и на рассвете вышли на берег Шары.

Русские посты, встревоженные ночной пальбой, с криками «ура» открыли по нас огонь через речку. Несмотря на наши крики «свои, свои», огонь с русской стороны все усиливался, быстро распространяясь и вниз по реке. В это время наши задние дозоры стали доносить, что сразу на нас наступает около батальона германской пехоты, высланной нас преследовать. Положение становилось тягостным, — мы рисковали оказаться между двух огней. Я вызвал охотников доставить донесения через Шару, что это мы и чтобы нас пропустили. Охотники дошли благополучно, огонь прекратился. Со своим отрядом, гуськом, прикрываясь огнем задней заставы, мы перешли на нашу сторону. Немцы решили нас преследовать на нашем берегу Шары. Мы тотчас рассыпались в цепь и отбивались до подхода роты из резерва.

Было уже совсем светло, когда с песнями и влача пленных явились мы на бивак. Едва похоронили своих убитых, как приехал корпусной командир, ген. Ирманов. Он горячо благодарил нас и наградил казаков крестами. Я получил благодарность в приказе по корпусу. Тут впервые я встретился с доблестным командиром 206-го пехотного полка, полковником Генерального штаба И. П. Романовским, впоследствии начальником штаба Добровольческой армии при генералах Корнилове, Алексееве, Деникине; он недавно принял полк.

Затем началась боевая служба. Каждые двое суток мы выходили ночью в набеги, часто с прибавленными к моему отряду пехотными разведчиками. Мы очень беспокоили немцев, настолько усиливших свою бдительность, что нам приходилось постоянно менять место нашей работы. Мы брали много пленных, частенько приводили их по сотне и больше. Однако основная цель нашей работы — организация партизанской

деятельности населения в неприятельских тылах — так и не была достигнута, вследствие пассивности и запуганности населения.

Однажды, это было несколько южнее, я задумал смелую операцию — захватить неожиданным набегом высмотренный нами штаб германской дивизии, расположенный в тылу, верстах в 30—35 от нашего фронта. Для этой цели к моему отряду, выросшему уже до двух сотен, были приданы еще две сотни Хоперского полка Кубанского войска. У меня была хорошо налаженная связь с местным населением, и оно перерезало штабные телефонные линии к назначенному мною сроку. Конным пробегом мы дошли до штаба, перерезали германскую охранную роту, взяли в плен весь штаб дивизии во главе с ее начальником и забрали все документы. Это было уж слишком дерзко, и мы поплатились. Немцы нас почти окружили, и мы никак не могли выбраться на нашу сторону. Нарвавшись на германский батальон, попали под сильнейший огонь и понесли большие потери. Часть пленных разбежалась; немецкого генерала, пытавшегося скрыться, казаки зарубили.

Трое суток, преследуемые со всех сторон, бродили мы по лесу без отдыха, замерзшие, голодные и с неокормленными конями. Люди изнервничались и пали духом. К счастью, мы встретили двух крестьян, указавших нам затерянную деревушку, где мы отдохнули и отогрелись. С большими трудностями, на четвертую ночь, выбрались мы, наконец, на нашу сторону, доставив документы и несколько пленных. За это дело я был представлен к Георгиевскому кресту, но так его и не получил.

Ценили казаков, как военную силу, многие и не ценить их не могли.

Но казачьего духа не знали и не понимали. Все эти, какие-то особенные «казачьи понятия» представлялись им смешными.

Пусть их!

Навязываться никому не нужно.

Достаточно, если эти немногие мысли каждый казак будет твердо сам знать. Пусть нас судят по нашим поступкам.

А это время уже наступило. В казачьей семье нет места только коммунистам.

«Казачий голос» № 1

В. В. КРЕМЕНСКОЙ

ГЛАВА IV

Ранней весной 3-й Кавказский корпус отправился походным порядком на север, в район Барановичи — Молодечно, где собирался большой кулак из 12 корпусов, долженствовавший совершить прорыв германского фронта. Удар этот не со-

стоялся, вследствие совершившегося в это время знаменитого Брусиловского прорыва южного австро-германского фронта; собранные под Молодечно корпуса были постепенно переброшены на развитие достигнутых Брусиловым успехов.

Это был трудный поход в весеннюю распутицу, по невылазной грязи. Пасху мы встречали в одной деревушке Минской губернии. Под Барановичами наша пехота села в окопы. На этом участке фронта происходила правильная позиционная война; тылы противника были плотно населены его резервами, и поэтому партизанская работа не могла иметь тут никакого применения. Мой отряд стали посылать для производства разведок, вследствие чего он нес большие потери в людях, — и притом в каких людях! — в лучших, отборных, искусных партизанах!

Желая спасти свой отряд от конечного и притом непроизводительного истребления, а также полагая, что его боевые качества будут более полезны в другой военной обстановке, я стал проситься на южный фронт, где, как я слышал, происходили конные бои. Ходатайство мое в этом отношении увенчалось успехом; я получил предписание отправиться походом в 9-ю армию, действовавшую в Буковине. Около месяца мы шли, опять конным походом, на Черновицы и сильно заморили коней. По прибытии в район Черновиц, в июле 1916 года, мы отдохнули и поправили лошадей. Там я впервые встретил генерала Кельчевского, в то время начальника штаба 9-й армии, а впоследствии, во время гражданской войны, начальника штаба Донской армии, находившейся под командованием генерала Сидорина. Девятой армией командовал ген. Лечицкий.

В этот период войны Румыния также приняла в ней участие, и русские и румынские части были расположены вперемежку. Севернее нас действовала Уссурийская конная дивизия славного ген. Крымова, впоследствии участника похода Корнилова на Петроград, и третий конный корпус доблестного ген. Келлера, убитого в 1919 году в Киеве петлюровцами. Корпус этот состоял из дивизий: Первой донской, Десятой кавалерийской и Первой терской. Первой донской дивизией командовал известный военный писатель, впоследствии Донской атаман, генерал Краснов.

Из Черновиц мой отряд был переброшен в район Селетина. Мне были приданы еще три партизанских отряда: один казачий донской (быкадоровцы) подбесаула Быкадорова, уральский казачий подбесаула Абрамова (абрамовцы) и партизанский отряд 13-й кавалерийской дивизии. Таким образом теперь под моей командой состояло более 600 шашек. Действовать приходилось пешком в отрогах южных Карпат, причем работа наша координировалась с задачами, возлагавшимися на пехоту. В то время как пехота готовила лобовую атаку, я забирался в тылы неприятельского участка, нарушал комму-

никации, производил разгром тылов, а если было возможно, то и атаковал неприятеля с тылу. Горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на вьюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная. Дратся приходилось с венграми и баварцами.

При взятии Карлибабы, где мы захватили огромную добычу, я был контужен в голову, причем у меня были разбита щека и поврежден правый глаз. Вскоре после этого мой отряд придали Третьему конному корпусу генерала от кавалерии графа Келлера.

Тут я несколько отвлекусь, дав характеристику генерала Крымова, совместно с которым мне часто приходилось работать. Он, грубый с виду, резкий на словах, разносивший, не выбирая выражений, своих подчиненных, задиравшийся по всякому поводу с начальством, пользовался, несмотря на все это, безграничным уважением и горячей любовью всех подчиненных, от старшего офицера до младшего казака. За ним, по первому его слову — все в огонь и в воду. Это был человек железной воли, неукротимой энергии и неустрашимой личной храбрости. Он быстро разбирался в самой запутанной военной обстановке и принимал смелые, но неизменно удачные решения; хорошо изучил своих подчиненных и умел использовать их боевые качества и даже самые их недостатки. Так, зная склонность казаков держать подле себя коней, дабы, в случае неудачи, спешно изменить свое местонахождение, Крымов держал коноводов верстах в 50-и от места боя, благодаря чему его казаки держались в пешем бою крепче самой стойкой пехоты. Зная местность огня, он со своими забайкальцами, природными охотниками, применял такой метод борьбы с наступающим противником: занимал горные вершины отдельными взводами казаков, которые устраивались там по-своему и били на выбор. Никакой огонь артиллерии, никакие атаки баварцев не могли выкурить из горных щелей засевших в них казаков.

Я недолго работал с Крымовым, но вынес много ценных уроков и светлую память об этом доблестном солдате, об этом честном человеке, который не мог мириться с предателем Керенским и пережить позора России. Вечная ему память! Там же, в его дивизии, встретился я впервые с бароном Врангелем, впоследствии Главнокомандующим вооруженными силами Юга России в борьбе против большевиков. Однажды, после тяжелого ночного боя, под моросившим мелким дождем, возвращался я на отдых. Высланные заблаговременно квартирьеры донесли, что заняли для нас одинокий охотничий домик. Промокший и усталый, подъезжаю я, слезаю с коня. Вдруг на пороге домика появляется высокая, статная фигура и слышится громкий, властный голос:

— Это что еще за орда прибыла?

Я спросил:

— Кто это говорит?

— Командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, флигель-адъютант его величества, полковник барон Врангель, — последовал ответ.

Я представился и назвал себя. Выяснилось, что квартирьеры барона Врангеля заняли помещение раньше моих. Тем не менее Врангель любезно потеснился и пустил нас обогреться и отдохнуть. Я недолго, однако, пользовался его гостеприимством, ибо прискакавший ординарец привез мне новое спешное задание. Кстати, полк барона Врангеля считался лучшим в славной дивизии ген. Крымова.

Однако возвращаюсь к прерванному рассказу. Итак, мой отряд был придан Третьему конному корпусу и я явился представиться своему новому корпусному командиру. Граф Келлер занимал большой, богато украшенный дом в г. Дорна-Ватра. С некоторым трепетом, понятным каждому военному человеку, ожидал я представления этому знаменитому генералу, считавшемуся лучшим кавалерийским начальником Русской армии. Меня ввели к нему. Его внешность: высокая, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, проникающими в самую душу глазами. Граф ласково принял меня, расспросил о быте казаков и обещал удовлетворить все наши нужды.

— Я слышал о славной работе вашего отряда, — сказал он. — Рад видеть вас в числе моих подчиненных и готов во всем и всегда идти вам навстречу, но буду требовать от вас работы с полным напряжением сил.

Об этом, впрочем, граф мог бы и не говорить; все знали, что служба под его командой ни для кого не показалась бы синекурой. Действительно, после двухдневного отдыха на отряд были возложены чрезвычайно тяжелые задачи. За время нашей службы при Третьем конном корпусе я хорошо изучил графа и полюбил его всей душой, равно как и мои подчиненные, положительно не чаявшие в нем души. Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особое внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Он знал психологию солдата и казака. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени вежлив и деликатен; со старшими начальниками несколько суховат. С начальством, если он считал себя задетым, шел положительно на ножи. Верхи его поэтому

не любили. Неутомимый кавалерист, делавший по 100 верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен.

Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папаше и в чекмене Оренбургского казачьего войска, щеголяя молодцеватой посадкой, казалось, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования. Впоследствии, когда в Петрограде произошла революция, граф Келлер заявил телеграфно в Ставку, что не признает Временного правительства до тех пор, пока не получит от монарха, которому он присягал, уведомление, что тот действительно добровольно отрекся от престола. Близ Кишинева, в апреле 1917 года, были собраны представители от каждой сотни и эскадрона.

— Я получил депешу, — сказал граф Келлер, — об отречении государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы государь император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал царю (цитирую по памяти): «3-й конный корпус не верит, что ты, государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, царь, придем и защитим тебя».

— Ура, ура! — закричали драгуны, казаки, гусары. — Поддержим все, не дадим в обиду императора.

Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного, как нам казалось, государя. Вскоре пришел телеграфный ответ за подписью генерала Щербакова — графу Келлеру предписывалось сдать корпус под угрозой объявления бунтовщиком. Келлер сдал корпус генералу Крымову и уехал из армии. В глубокой горести и со слезами провожали мы нашего графа. Офицеры, кавалеристы, казаки, все повесили головы, приуныли, но у всех таилась надежда, что скоро недоразумение объяснится, что мы еще увидим нашего любимого вождя и еще поработаем под славным его командованием. Но судьба решила иначе.

**Гимн Донского войска,
принятый Войсковым Кругом
15 сентября 1918 года**

*Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон
И послушно отозвался
На призыв Свободы он.*

*Зеленеет степь родная,
Золотятся волны нив —
И, с простора долетая,
Вольный слышится призыв.*

*Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой,
Атамана выбирает
Всенародною душой.*

*В боевое грозно время,
В память дедов и отцов —
Вновь свободно стало племя
Возродившихся Донцов.*

*Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины —
В час невзгоды честь Свободы
Отстоят твои сыны.*

ГЛАВА V

Приказ № 1 и непрерывное митингование, пример которому подавал сам глава Временного правительства — презренный Керенский, начали приносить свои плоды: армия и особенно ядро ее — армейская пехота — стали разлагаться неуклонно и стремительно. По улицам Кишинева ходили толпы разнузданных солдат, останавливавших и оскорблявших офицеров. Желая уберечь своих казаков от заразы, мы, офицеры, стали проводить все наши досуги среди них, стараясь привить им критическое отношение к крайним лозунгам, проповедовавшимся неизвестно откуда налетевшими агитаторами, а также внушить необходимость доведения борьбы до победного конца.

Казаки держались крепко, но я чувствовал, что дальнейшее пребывание тут небезопасно, ибо брожение в пехоте приняло такой масштаб, что она производила впечатление совершенно небоеспособной. С другой стороны, отношения между пехотой и казаками, получившими прозвище «контрреволюционеров», приняли столь напряженный характер, что можно было ежеминутно опасаться вспышки вооруженной междоусобицы. Тогда я задумал отправиться со своим отрядом в Персию, в экспедиционный корпус генерала Баратова, слава о действиях которого, гремевшая на Кавказе, докатилась и до нас. Офицеры, которых я посвятил в свой план, отнеслись к нему с восторгом, а прослышавшие о нем казаки с энтузиазмом.

В это время произошел инцидент, положивший конец всяким нашим колебаниям, ибо уход наш из Кишинева стал совершенно необходим. Однажды я зашел в один из кишиневских ресторанов вместе со своим адъютантом. Едва мы устроились позавтракать, как вломилась банда растерзанных пехотных солдат. Они расположились в ресторане, не снимая головных уборов и поносительно ругаясь площадной бранью. Было ясно, что солдаты вели себя умышленно дерзко, чтобы демонстрировать этим свое пренебрежение к обедавшим тут же офицерам. Я не мог молча смотреть на подобное безобразие. Подойдя к солдатам, потребовал от них, чтобы они вели себя пристойно и сняли головные уборы; они не только не послушались меня, но даже вступили со мной в непозволительно дерзкие пререкания. Я, в свою очередь, пригрозил, для их успокоения, вызвать вооруженную силу. Тогда они, выскочив на улицу, стали созывать толпу, чтобы расправиться со мною. Адъютант, видя, что мне грозит суд Линча, бросился к телефону и передал в отряд о грозившей нам опасности. Тем временем на улице уже собралась громадная, дико горланившая толпа, требовавшая под угрозой разгрома ресторана, чтобы я вышел к ней. Едва я появился в дверях, как они бросились на меня. Я выхватил револьвер, — ближайšie шарахнулись от меня в стороны и уже не решались подходить близко. С ревом и ругательствами толпа требовала, чтобы я отдался в ее распоряжение, так как она намерена тащить меня силой в комендатуру. Я заявил, что живым в их руки не дамся, а в комендатуру пойду и сам, но чтобы ко мне никто не приближался, если не желает быть застреленным наповал.

Выйдя на улицу, я пошел в комендантское управление, держа револьвер в руке и не подпуская никого близко к себе. В бессильной злобе, осыпая меня проклятиями, валила за мной толпа. Вдруг послышался отдаленный, все усиливавшийся конский топот по каменной мостовой; из-за угла выскочил головной разезд моего отряда, а за ним, полным карьером, вынесся, сотня за сотней, и весь отряд. По сигналу тревоги и узнав о грозившей мне опасности, примчались ко мне на выручку мои верные станичники. Казаки не потратили, видимо, и минуты на сборы — они сидели на неоседланных конях, многие были полуодеты, без папах, даже босиком, — но шашки, кинжалы и винтовки были при них. Командир дивизиона, подьесаул Ассьер, подскакал ко мне с рапортом о прибытии.

— Построиться, мерзавцы! — скомандовал я, обращаясь к глумившейся только что надо мною толпе. И вся эта сволочь, в мгновение ока, покорно выстроилась и, руки по швам, стояла навывтяжку. Я приказал казакам стать сзади этой шеренги успокоенных буянов. Затем обратился к солдатам с внушением:

— Вы забыли дисциплину, — сказал я. — Родине нужны воины. Вы же превратились в банду разнузданных хулиганов, годных лишь для того, чтобы митинговать и оскорблять офицеров, виновных только в том, что у них нет ни спереди, ни сзади красного банта. Вот мои казаки, по первому звуку тревожной трубы бросились они исполнить свой долг...

Тут я поблагодарил казаков. Струсившие солдаты стали просить прощения и жаловаться, что их подбивают и сбивают с толку агитаторы.

— Ступайте, — сказал я им, — лишь полным подчинением дисциплине можете вы поддержать гибнущую родину, если у вас еще осталась хоть капля совести.

Этот случай переполошил все местные комитеты. На меня полетели телеграммы с жалобами в Питер к самому Керенскому. Нужно было уходить, ибо стало ясно, что вот-вот начнется война между комитетчиками и казаками. Я занял силой кишиневский вокзал, добыл поездной состав и двинулся на Кубань. Нас всюду везли как экстренный поезд. Казаки держали себя безукоризненно.

18 апреля 1917 года (1 мая нового стиля) мы подъехали к Харцизску. Уже издали была видна громадная, тысяч в 15, митинговавшая толпа. Бесчисленные красные, черные, голубые (еврейские) и желтые (украинские) флаги реяли над нею. Едва наш состав остановился, как появились рабочие делегации, чтобы осведомиться, что это за люди и почему без красных флагов и революционных эмблем.

— Мы едем домой, — отвечали казаки, — нам это ни к чему.

Тогда «сознательные» рабочие стали требовать выдачи командного состава как контрреволюционного на суд пролетариата. Вахмистр 1-й сотни Назаренко вскочил на пулеметную площадку.

— Вы говорите, — крикнул он, обращаясь к толпе, — что вы боретесь за свободу! Какая же это свобода? Мы не хотим носить ваших красных тряпок, а вы хотите принудить нас к этому. Мы иначе понимаем свободу, — казаки давно свободны.

— Бей его, круши! — заревела толпа и бросилась к эшелону.

— Гей, казаки, к пулеметам! — скомандовал Назаренко.

В момент пулеметчики были на своих местах, но стрелять не понадобилось. Давя и опрокидывая друг друга, оглашая воздух воплями животного ужаса, бросилась толпа врассыпную, и лишь стоны ползавших по платформе ушибленных и валявшихся в изобилии пестрые «олицетворения свободы» свидетельствовали о недавнем «стихийном подъеме чувств сознательного пролетариата».

ГЛАВА VI

В начале мая 1917 года я прибыл со своим отрядом на Кубань, на станцию Кавказскую; там распустил своих людей по домам в двухнедельный отпуск. В двадцатых числах мая, без всяких опозданий, отдохнув и проведав свои семьи, вернулись мои партизаны в отряд, и мы двинулись, двумя эшелонами, по железной дороге на Баку, а оттуда — пароходом на Энзели.

Энзелийский гарнизон уже пришел в состояние разложения. Там задавали тон, потерявшие всякий воинский облик, матросы Каспийской флотилии. Местные войсковые комитеты выносили демагогические резолюции и решения, окончательно сбивавшие с толку бросивших службу и слонявшихся без дела солдат. Появление моих бравых партизан, сохранивших полную старорежимную дисциплинированность, отвечавших по-прежнему на приветствия офицеров и щеголявших молодцеватым отданием чести, становившихся часто мне, как начальнику отряда, во фронт, не могло не оскорбить «революционного сознания» энзелийского сброда. Произошел ряд столкновений между пехотинцами и партизанами, доходивших до крупных потасовок; особенно острые столкновения возникали у казаков с матросами.

Глубоко презиравшие матросов казаки раз действительно хватили через край. Дело в том, что начальник энзелийского гарнизона, с согласия и одобрения местных комитетов, издал приказ, запрещающий принявшую безобразные размеры азартную игру в карты. Вошедшие прогуляться в городской сад 3-4 казака увидели толпу матросов, ожесточенно резавшихся в «три листика».

— Вот, — сказал один из казаков, — ваша революционная дисциплина. Ваши же комитеты запрещают карточную игру, а вы в публичном месте целой толпой играете в карты. К чему же тогда все эти комитеты? Лишь для того, чтобы мешать начальству работать?

Матросы вознегодовали и набросились на казаков, попрекая их 1905 годом, когда казачество подавляло революцию. Казаки возражали достаточно резко. Слово за слово... Казаки взялись за плетки и, отодрав хорошенько несколько матросов, поставили перепуганных игроков на колени и заставили их пропеть «Боже, царя храни»; при этом они «поощряли» плетками тех, кто пел, по их мнению, фальшиво или без достаточного воодушевления.

Этот случай переполошил все комитеты, и ко мне полетели жалобы на моих подчиненных. Расследовав дело, я признал, что казаки действительно виноваты в том, что принудили матросов петь гимн, и наложил на них за это своей властью дисциплинарное взыскание. Поведение же матросов, вынудившее казаков применить плети, я признал, в свою оче-

редь, провокационным и потребовал наказания. Дисциплинарные комитеты были вынуждены посадить матросов под арест. Тут уж «товарищи» обиделись совершенно. Особенно бесило их полное игнорирование казаками «Приказа № 1», этого краеугольного камня невиданной прежде революционной дисциплины. Полетели телеграфные жалобы генералу Баратову и комитету в штаб корпуса. Ежедневно происходили свалки и драки. Мои казаки, сильные взаимной выручкой и артистически владевшие оружием, отнюдь не давали себя в обиду. Впрочем, дело редко доходило до серьезных кровопролитий, если не считать таковыми кровоподтеков от казачьих нагаек.

В начале июня мы двинулись походом на Решт и Казвин. Каждые 30 верст были расположены дорожные этапные посты, в обязанности которых входила охрана пути, а также заготовка продовольствия и запасов фуража для проходивших по дороге воинских частей, патрулирование и охрана дороги, телеграфных и телефонных линий от нападения курдов и персидских разбойников. Во главе каждого такого поста стоял этапный комендант с гарнизоном солдат старших сроков службы. Этапные солдаты, обязанности которых были очень легкими, сравнительно со службой боевых солдат, сочли происшедшую революцию как освобождение и от их незначительных обязанностей и положительно бесились от безделья. Единственным их занятием был сбор получаемых новостей от проходящих мимо эшелонов и пускание всевозможных, отнюдь не укреплявших боеспособность, уток и сплетен. Приходя после утомительных переходов на этап, несмотря на телеграфное предупреждение, мы не получали ни пищи, ни фуража для коней и, измученные, должны были раздобывать это, как могли. В ответ на мои упреки этапные коменданты оправдывались отказом их подчиненных от какой-либо работы. Видя, что так мы не дойдем до цели, я решил привести этап в христианский вид. Высылаемые на переход вперед отряда сильные разъезды должны были напоминать этапам, что сзади идет нуждающийся в их услугах внушительный отряд. Первые дни этапные солдаты относились недостаточно внимательно к убеждениям начальников разъездов, но после того, как разъезды преподали несколько хороших уроков неповинующимся, а подошедший отряд дополнил «обучение», слава о сварливости и требовательности шкуринцев значительно опередила движение отряда, и, приходя на этапы, мы купались в изобилии. Более того — этапные команды выстраивались перед нашим прибытием на шоссе и встречали нас с почетом.

Дорогой мы встречали подчас возвращавшихся с фронта агитаторов, многие из коих были рады свежей аудитории, за каковую считали моих партизан. Казаки очень охотно выслу-

шивали этих носителей нового мировоззрения, но, однако, редко кто из них уходил после этого целым. Обыкновенно после окончания дискуссии, и притом по собственной инициативе, неблагодарные казаки их сильно пороли плетками. Так, они высекли, между прочим, одного весьма красноречивого «высокопоставленного» господина Финкеля, комиссара Бакинского комитета, командированного в штаб генерала Баратова и пытавшегося разъяснить станичникам контрреволюционность моего мировоззрения. После этого агитаторы, вероятно, сочли мой отряд недостаточно подготовленным к восприятию новых идей и стали искать более благодарной аудитории. Во время пути, по крайней мере, мы их больше не слышали.

По прибытии в Хамадан я представил свой отряд генерал-лейтенанту Павлову, известному кавалеристу, командовавшему впоследствии, во время Гражданской войны, после смерти генерала Мамонтова, 9-м Донским конным корпусом. Генерал Павлов командовал в это время экспедиционным корпусом, вместо генерала Баратова, который состоял в должности командующего Кавказской армией. Мы в Хамадане остановились в роскошном саду какого-то персидского хана; лошади стояли у коновязей, всюду дневальные, у ворот часовые. Приехавший внезапно генерал был встречен рапортом дежурного. Молодцеватая выправка, лихой ответ людей на приветствие, их бодрый, веселый вид привели в восторг старого кавалериста.

— Впервые, — сказал он казакам, — с начала революции встречаю я настоящую воинскую часть.

Мы недолго стояли, однако, под начальством доблестного генерала, ибо он скоро был отчислен от должности, по настоянию комитетов, за контрреволюционность. Мы повесили головы, думая, что настал конец делу; однако — нет еще. Генерал Баратов, увидевший, что пост командующего Кавказской армией, вследствие засилья комитетов и полного распада тыла, является теперь уже совершившейся синекурой, отказался от этой должности. Он вернулся, по отставке Павлова, на свой старый пост командира экспедиционного корпуса, дабы, по мере сил, гальванизировать дальше державшиеся еще, с грехом пополам, на позициях части.

По большой дороге Казвин — Хамадан, близ Хамаданской заставы, выстроил я свой отряд, ожидая прибытия, следовавшего в автомобиле из Энзели, славного генерала Баратова. На правом фланге отряда стояли трубачи, блестя на солнце медью своих инструментов, и хор туземных журначей. Казаки, с лихо заломленными папахами, в новеньких черкесках, в ладно пригнанной амуниции и на хорошо вычищенных походных конях, ниточкой вытянулись вдоль шоссе. Вот вдали запылилась дорога и показался серый автомобиль генерала

Баратова. Дружно по команде блеснули в воздухе шашки и понеслись, пробуждая равнину, чудные, заставляющие трепетать казачьи сердца, аккорды бессмертного Сунженского марша. Подкатил и остановился автомобиль. Из него легко выпрыгнул все тот же, не стареющий и жизнерадостный, Николай Николаевич Баратов.

— Здравствуйте, старые кунаки-кубанцы! — весело и молодод крикнул он.

Звонко и дружно гаркнули станичники приветствие. Собравшаяся у заставы громадная толпа персов, привыкших за последнее время видеть лишь банды буйных и недисциплинированных «товарищей», с сочувственным удивлением смотрела на непривычное для нее зрелище. Генерал Баратов сказал несколько теплых слов отряду и поехал в штаб корпуса, окруженный джигитовавшими казаками.

Вскоре генерал Баратов позвал меня к себе и объяснил общее положение дел. Известие о неудачном походе Корнилова на Петроград докатилось уже до Кавказа, и тыловые комитеты бомбардировали полки телеграммами, предупреждающими о контрреволюционности офицерства. В войсках, стоящих на позициях, начались брожение, смуты, возникло недоверие к своим начальникам. Приехавшие агитаторы проповедовали анархию и большевизм. Первыми поддались заразе стрелки Туркестанской бригады и пограничники; случаи неисполнения боевых приказов стали нередкими. Турки приободрились и почти повсюду, как на нашем фронте, так и в Месопотамии, перешли в наступление. Получавшие субсидии от турецких и немецких эмиссаров, курдские племена обнаглели, нападали на наши тылы и рвали коммуникации. Из крепких частей оставались еще на фронте лишь 1-я Кавказская казачья дивизия, Кубанская отдельная конная бригада, отряд партизан войсковых старшин Лазаря Бичехарова и вновь прибывший отряд. Необходимо было, во что бы то ни стало, продержаться на фронте хотя бы несколько месяцев, чтобы дать возможность эвакуировать находившееся в Персии громадное русское имущество, а также чтобы успело подойти подкрепление к дравшемуся в Месопотамии английскому экспедиционному отряду.

По новой диспозиции генерала Баратова бичехаровские партизаны должны были держаться у Керманшаха и Коршеда до смены их английскими войсками. Я обязан был удержаться, во что бы то ни стало, в районе города Сенэ, прикрывая дорогу Сенэ—Хамадан. Во исполнение этой задачи, мой партизанский отряд должен был развернуться до четырех сотен; к нему был придан батальон пехоты из не поддавшихся заразе добровольцев из полков и горная батарея. В начале августа я прибыл в Сенэ, в распоряжение начальника Курдистанского отряда генерала Гартмана и получил от него приказание вы-

бить турецкие таборы, успевшие занять позиции восточнее Гаранского перевала; турки старались сбить нас с него. Я выдвинул разведку, которая путем расспросов местных жителей выяснила, что существует горная тропинка, обходящая турецкие позиции. На рассвете 15 августа 1-я сотня моего отряда, под командой подьесаула Прощенко, двинутая по этой тропинке, успешно обошла турок и сбила их заставы. Следовавшие за сотней на выюках горные орудия изрядно обстреляли турок; пользуясь их переполохом, я развернул свой батальон в атаку. Турки в панике бежали, бросая пулеметы и пушки. Казаки преследовали их до ночи, забирая пленных и трофеи, и вышли в Мериванскую долину. Мы укрепились на отвоеванных позициях, и началось нудное сидение в окопах, нос с носом со вновь подошедшим противником. Изредка мы разнообразили это времяпровождение набегами на курдских ханов, грабивших наши транспорты.

В конце октября я, вместе с вахмистром Назаренко, был делегирован от кубанцев, находящихся на фронте, во впервые собравшуюся Кубанскую краевую раду и поехал в Екатеринодар. В это время в России произошел большевистский переворот, но Кубанская рада не признала такового и объявила независимость Кубанского края. Ходили слухи о бегстве Корнилова из Быхова и о том, что он идет на Дон. В Раде происходили страстные дебаты, как отнестись к его выступлению; большинство членов ее высказывалось за его поддержку. Я не успел, однако, принять сколько-нибудь заметного участия в волновавших всех политических вопросах, ибо заболел тифом; навещавшие меня во время моей вынужденной бездеятельности друзья рассказывали мне о проникновении большевистских идей в среду кубанских «иногородних» и о том, что многие из кубанских частей, возвратившихся с Западного фронта, также не избегли большевистской заразы.

Оправившись от болезни, я в начале декабря, в сопровождении своего верного, многолетнего вестового Захара Чайки, через Баку — Энзели, выехал на фронт. Между Энзели и Казвином, у этапа Имам-Заде-Раше, мой автомобиль был внезапно остановлен преградившей дорогу толпой вооруженных солдат, которые потребовали, чтобы я назвал себя. Услышав мою фамилию, толпа заревела в восторге. Солдаты объявили, что я арестован в качестве известного контрреволюционера. Затем они собрались на митинг, чтобы решить, что со мной делать. Голоса разделились: одни требовали расстрелять меня немедленно, другие же, опасаясь позднейших репрессий со стороны моих казаков, склонялись к тому, чтобы я был отправлен на суд комитета этапного батальона.

Не теряя драгоценного времени, я устроил, в свою очередь, военный совет со своим верным Чайкой и с шофером привезшего меня автомобиля. Решено было, что шофер выве-

дет тихонько свою машину на шоссе, посадит ожидающего там Чайку и к утру доставит его в Казвин, чтобы вызвать на выручку меня моих партизан. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что мои казаки, да и то в самом ограниченном, за малочисленностью автомобилей, количестве, могут прибыть в Имам-Заде-Раше лишь через несколько дней, ибо они могли быть от меня не ближе Хамадана. Но я знал трусость «товарищей», которые не решатся тронуть меня хоть пальцем, если будут знать, что это не пройдет для них безнаказанно. Когда автомобиль зашумел во мраке, увозя Чайку, я крикнул что есть силы ему вслед:

— Пусть немедленно все казаки мчатся сюда и устроят по мне хорошие поминки.

«Товарищи» переполошились, и, конечно, решено было меня не расстреливать. Я спокойно заснул в своей бурке. Утром меня повезли в автомобиле на суд этапного комитета. Войдя в комитетское помещение, я раскричался на его чинов:

— Как смели вы задержать, лишить свободы меня, начальника отдельной части, спешащего на фронт по делам службы? Мною вызван сюда мой отряд. Он вас научит порядкам, — ни один из вас не избежит веревки!

Испуганные комитетчики стали извиняться в своей «ошибке» и взмолились о прощении. Однако я переписал их фамилии (вследствие чего, как я слышал позже, большинство из них разбежалось), потребовал себе машину и уехал. Примчавшись на рассвете в Казвин, Захар Чайка наделал там шуму. Услышав от телефонистов, что мои казаки, вызванные меня выручать, обещались изрубить по дороге всех комитетчиков, многие из них также поспешили предусмотрительно навести лыжи.

Явившись в Хамадан, в штаб корпуса, я узнал, что за Гаранское дело произведен в полковники и назначен командиром 2-го линейного полка Кубанского казачьего войска, оставаясь одновременно командиром своего партизанского отряда. Кроме того, Кавказская георгиевская дума присудила мне офицерский Георгиевский крест, но я не ношу его, ибо награждение это не могло до сего времени быть санкционировано Всероссийской георгиевской думой. Мои партизаны, в свою очередь, пользуясь новыми правилами, присудили мне солдатские Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени.

В Хамадане я встретил часть своих орлов; остальные стояли на позициях у Сенэ. Я принялся объезжать сотню за сотней свой новый 2-й линейный полк. Казаки еще держались, но уже было заметно некоторое шатание. Повсюду заявлялись жалобы на невыданное обмундирование, на недодачу пары копеек, на то, что не пускают домой. Хотя во всем этом не было еще ничего политического, но для меня, природного казака, было ясно, что все это печальные последствия скрытых

бурь. Пехотные полки уже потеряли к этому времени всякий облик воинских частей. Солдаты открыто дезертировали, распродавая персам и курдам казенное имущество, винтовки и патроны. Мой отряд, за время моего отсутствия, тоже немного разболтался. Молодые партизаны, присоединившиеся к нам только в Персии и разбавившие крепкий кадр проделавших всю кампанию старослужащих, неохотно подчинялись строгим порядкам, коими держалась часть, но охотно прислушивались к смутьянам, будиравшим на митингах.

Корпусной комитет, в котором задавали тон писаря и мальчишки-офицеры, завидовавшие лаврам Крыленко, не боролся с большевистской пропагандой и даже довольно явно способствовал ей. Стоявший на государственной точке зрения, уважаемый корпусной комиссар Алексей Григорьевич Емельянов, совместно с генералом Баратовым, тщетно боролся с разложением войск. Скоро пришел приказ: уволить на льготу старослужащих казаков. Лучшие, незаменимые партизаны, с которыми я привык делить горе и радость, составлявшие цвет моего отряда, должны были уйти на льготу. И это в то время, когда фронт едва держался и каждый надежный боец был на учете. Взгрустнулось мне; мало надежд оставалось на будущее; чувствовалось, что мутные волны, залившие всю Россию и повергнувшие ее в бездну позора и страданий, затопят скоро и Кавказ, разрушат последний очаг русской государственности и жалкие остатки недавно могучей и грозной врагам Русской армии, бесславно дезертировавшей теперь.

Отъезд отпускаемых на льготу казаков был назначен на 26 декабря, на второй день Рождества. В сочельник, в предместье Хамадана — Шаварин, где стояли сотни, по старому русскому обычаю была приготовлена кутья. С первой звездой я вышел из своей квартиры и, в сопровождении офицеров, стал обходить сотни, поздравляя казаков с праздником Рождества Христова. Была лунная морозная ночь. Отовсюду слышалась беспорядочная стрельба — это по кавказскому обычаю люди салютовали празднику, стреляя в воздух. Выйдя из первой сотни, после того как там поздравил казаков, и направляясь ко второй, я проходил по двору; шел несколько впереди сопровождавших меня офицеров и казаков. В это время грянул залп, как мне показалось, с кровли соседнего туземного дома. Я почувствовал сильный удар в грудь, упал и потерял сознание.

Офицеры и казаки бросились к месту, откуда стреляли, и открыли огонь по убегающим в темноте фигурам. Это были большевистские агенты, решившие убить меня, как заклятого врага большевизма. Положенный на казачью бурку, я был отнесен в казармы, где прибежавший доктор осмотрел меня. Выяснилось, что пуля, направленная мне в грудь против сердца, ударившись в костяные газыри черкески, отклонилась

влево, пробила грудную клетку возле самого сердца, вышла наружу под левую мышку и пронзила левую руку, не задев, однако, кости, оставив таким образом 4 отверстия.

Когда я пришел в себя, то лежал на топчане, облитый кровью, обильно струившейся из раны. Нагнувшийся надо мной доктор Коренев поспешно бинтовал меня. Как в тумане, плыли передо мною суровые лица казаков, смотревших на меня полными слез глазами. По выражению их лиц я понял, что умираю. Силы вновь оставили меня. Когда я очнулся вновь, то увидел перед собой милое лицо генерала Баратова, узнавшего о моем ранении и приехавшего вместе с комиссаром Емельяновым меня проведать или, может быть, проститься со мной. Баратов перекрестился и сказал:

— Доктор говорит, что сердце не задето. Будешь жив. Ты еще нужен родине.

Меня вновь переложили на бурку и тихо и осторожно вынесли во двор, где стояли пожелавшие меня видеть все казаки моего отряда. Услыхав, что рана не смертельна, они разразились криками «ура», и хор трубачей грянул Кубанский войсковой марш. Перенесенный на квартиру, я впал в лихорадочную нервность и просыпался тотчас же, лишь замолкала успокаивавшая меня музыка. И долго, долго, до полного изнеможения, играли под окнами мои добрые трубачи.

Проболев недели три, худой и бледный, вышел я впервые во двор, погреться на жиденьком январском солнце и посмотреть на своих казаков. Давно уже уехали на родину мои старые боевые орлы. Я увидел вокруг себя лишь новые, молодые, почти все незнакомые мне лица. Мое сердце почуяло, что теперь здесь уже сделать ничего нельзя. Вскоре ко мне пришла депутация молодых партизан; они просили, чтобы я настаивал перед начальством о скорейшем возвращении казаков на Кубань; говорили, что Корнилов уже разбит, Кубань признала советскую власть и воевать дальше нет смысла.

Мне стоило больших трудов убедить казаков в необходимости продержаться еще некоторое время, чтобы дать генералу Баратову возможность закончить эвакуацию имущества из Персии. Тем не менее мне пришлось несколько раскассировать свой отряд. Отобрав две сотни наиболее надежных людей, я отправил, под разными предлогами, на родину наиболее малодушных и поддавшихся агитации казаков. Ввиду того, что мои раны снова разболелись, я вынужден был временно сдать командование полком и отрядом своим заместителям и уехать полечиться в Тегеран.

Во время моего отсутствия наши войска, по диспозиции генерала Баратова и ввиду вывоза главной части русского имущества из Персии, стали оттягиваться от перевалов и отступать к Энзели через Казвин и Решт. Возвращаясь из Тегерана, я догнал свой отряд уже близ Казвина. Там узнал, что

комитеты Баку и Энзели не выпустят меня живым, хотя бы для этого потребовалось вступить в бой с моими казаками. Не желая подводить своих подчиненных под опасность, я решил скрыться, распустив слухи, что якобы не возвращался из Тегерана, ибо уехал оттуда к англичанам в Багдад. Переодевшись солдатом, выкрасив волосы и с подложным паспортом, я приехал неопознанным в Энзели и ждал там случая сесть на пароход, отходящий с войсками в Петровск. Посещал митинги, происходившие в Энзели, и слышал, как «товарищи» поносительно ругали генерала Баратова, полковника Бичехарова и меня, грозили смертью нам троим.

Однажды ночью в лачугу, где я скрывался, явилась группа казаков. Это были казаки моего отряда и 3-го Хоперского полка, в рядах которого я начал кампанию на Западном фронте. Мои казаки вошли в конспиративную связь с хоперцами и просили их доставить меня, вместе с их эшелоном, в Петровский порт. Они принесли мне костюм персиянина, провели на пароход, на который был погружен 3-й Хоперский полк, и спрятали в трюме. На рассвете наш пароход отвалил от энзелийской пристани. Выйдя на палубу, я увидел на берегу многих казаков из моего партизанского отряда. Стоя на набережной, они махали мне своими папахами. Несмотря на то, что все хоперцы знали о том, кто я, ни один не показал и виду, что я опознан ими, и не проронил об этом ни слова большевистской команде. По прибытии в Петровск я поселился в этом городе, тогда столице Татаро-Дагестанской республики, ожидая прибытия своего партизанского отряда.

Надо только твердо помнить, что не человек для субботы, а суббота для человека. А это значит, что нельзя истреблять всеми способами людей в угоду теории, как это делают большевики-коммунисты, а наоборот: надо политические программы и всякого рода общественные организации поставить на службу человеку.

Нам, казакам, это легче всего сделать.

Надо только с доверием и по-братски подойти друг к другу и помогать друг другу на чужбине. Это — самое необходимое.

«Казачий голос» № 1

В. А. ХАРЛАМОВ

ГЛАВА VII

Мне не пришлось, однако, дожидаться в Петровске прибытия моего отряда и полка. Дело в том, что Татарско-Дагестанская республика вела в то время войну с наступающими со стороны Баку большевиками. Ввиду этого, а также принимая

во внимание продовольственные затруднения, татарское правительство предложило находящимся в Петровске, в ультимативной форме, или выступить против большевиков, или же немедленно покинуть пределы республики. Не испытывавшие еще прелестей большевистского строя и соскучившиеся по своим семьям казаки заявили, что они остаются нейтральными в татарско-большевистской распре и просят дать им возможность уехать на Кубань.

Мне было невозможно оставаться одному в городе, и поэтому я решил продолжать далее свой путь вместе с 3-м Хоперским полком. Нам подали составы, и мы тронулись на Грозный. Это путешествие по железной дороге останется надолго в моей памяти. Мы проезжали местами, где еще недавно кипела отчаянная война между отстаивавшим свои очаги местным русским населением и горцами, решившими изгнать его из пределов своих стародавних земель. В этой войне горцы, хорошо вооруженные и фанатичные, победили мирных русских крестьян, огнем и мечом пройдя всю страну. Лишь немногие уцелевшие крестьяне, бросив все, с женами и детьми бежали в пределы Терской области. Там, где еще недавно стояли цветущие русские села, утопавшие в зелени богатых садов, теперь лежали лишь груды развалин и кучи обгоревшего щебня. Одичавшие собаки бродили и жалобно выли на пепелищах и, голодные, терзали раскиданные всюду и разлагавшиеся на солнце обезглавленные трупы русских поселян, жертв недавних боев. Зрелище этого беспощадного истребления трудов мирных поколений, этого разрушения культуры, напоминавшее времена Батыя и Чингисхана, было невыносимо тягостно и разрывало душу. Железнодорожное полотно было местами разрушено, телеграфные столбы порублены, мостики сожжены. Засевшие в лесистых трущобах чеченцы осыпали проходившие эшелоны градом метких пуль, нанося нам потери. Приходилось двигаться с величайшими предосторожностями, постепенно исправляя путь, и часто с рассыпанной впереди цепью казаков, выбивавших из засад преграждавших дорогу горцев.

После длительного, полного опасностей путешествия по стране смерти наш эшелон достиг, наконец, пределов Терской области. От терских казаков мы узнали, что делается на белом свете. Невеселые сообщили они нам новости: большевики заключили предательский мир с немцами в Брест-Литовске; генерал Корнилов убит в феврале под Екатеринодаром, а Терский атаман Караулов тоже убит на станции Прохладной; Кубань, а за нею и Терек признали советскую власть. В наш эшелон стали подсаживаться какие-то подозрительные личности, именовавшие себя делегатами разных, неизвестных прежде, организаций, командированными якобы для приветствия возвращавшихся на родину казаков. Это

были большевистские соглашения, на обязанности которых лежало ознакомление с настроением казаков, а может быть, и составление проскрипционных списков тех, кто критически относился к советской власти и мог впоследствии оказаться ей опасным.

Эти люди пытались побудить казаков истребить своих офицеров, убеждая их в том, что казачьи части, возвращавшиеся на родину вместе со своими офицерами, считаются заведомо контрреволюционными и навлекают на себя большие неприятности, что все офицеры будут расстреляны большевиками и что поэтому лучше бы это сделать заблаговременно самим казакам. Однако хоперцы, привыкшие любить и уважать своих офицеров, не пожелали совершить над ними какого-либо насилия. Наоборот, они тайно предупредили офицеров о том, что им надо уходить и распыляться во избежание грозящей гибели. На последнем перегоне, не доезжая станции Минеральные Воды, где, как я слышал, был большевистский контрольный пункт, пользуясь тихим ходом поезда, я соскочил на полотно и пошел пешком, в обход этой станции, затем, на ходу же, вновь вскочил в товарный вагон и, не замеченный никем, приехал зайцем в Кисловодск, где жила моя семья.

Разбитый физически и морально, поселился я там, продолжая соблюдать свое инкогнито. Отдохнув немного и оправившись, стал совершать небольшие прогулки, прислушиваться и присматриваться к тому, что происходило кругом. В Кисловодске советские власти устраивали многочисленные митинги, на которых восстанавливали низы общества против буржуазии, интеллигенции и офицерства. По базарам ходили неясные слухи о том, что Корнилов жив и вновь формирует свою армию. Называли имя Деникина, рассказывали легенды о каком-то отряде Баратова. Не узнанный никем, толкался я, переодетый стариком, по базарам и чутко прислушивался к тому, что говорили приезжавшие из станиц казаки и казачки. Они держались вообще осторожно, опасаясь согладатаев и большевистских провокаторов, коими кишели базары. Каждое неосторожное слово могло стоить жизни; даже самое наименование «казак» считалось контрреволюционным, а станичники именовались «гражданами», чаще «товарищами». Эмблема протеста — черные казачьи папахи были заменены защитными, без кокард, и солдатскими картузами. Было жалко смотреть на матерых казаков, переряженных в ненавистные им картузы и застенчиво именовавших друг друга «товарищами».

Однажды утром, на Пятницком базаре, я встретил своего старого вахмистра, казака станицы Бекешевской Наума Козлова. Он сделал мне незаметный для посторонних знак, что узнал меня, и последовал за мной в укромное местечко, где

мы могли поговорить с ним по душам, не привлекая на себя ничего внимания. Наум Козлов был пожилой, рассудительный казак, хорошо знающий казачий быт и тонко разбирающийся в казачьих настроениях. Он пользовался большим уважением и влиянием в своей станице. По словам Наума Козлова, в начале советской власти ей поверили и считали, что она знаменует собой начало казацко-мужицкого царства. Однако, когда в станичных советах вместо уважаемых хозяев засела и стала верховодить местная голытьба, пропившие разум пьяницы, хулиганы, высланные сходом конокрады и вообще лишь подонки казачества и иногородних, Советы перестали пользоваться каким-либо уважением; наоборот, их стремление вмешиваться и регламентировать жизнь в станице стало вызывать всеобщее негодование. Старый антагонизм с инородцами сильно обострился, ибо иногородние стали требовать себе земельных наделов, и Советы поддерживали эти их тенденции. Насильственные отнятия земель, открытый грабеж под видом реквизиций — все это страшно возмущало казаков. Вообще повторилась старая история — все очень охотно готовы были делить чужое имущество, но никто не хотел делиться своим.

На почве общей бессудности и бесправия обострились отношения и между самими казаками. Бедные косились на зажиточных; те, кто работал, опасались, что плоды их трудов будут у них отняты впоследствии. Семьи, потерявшие на войне своих сочленов, не только перестали получать какую-либо поддержку от общества, а наоборот, им ставилось в укоризну участие их близких в «империалистической войне». Бесконечное митингование и всякого рода съезды с их крикливым бахвальством и бестолочью сумбурных речей отнюдь не способствовали устройству жизни на местах. Попытки большевистских властей обезоружить казаков и вооружить иногородних вызвали взрыв негодования среди казачества. Чувствовалось, что так дело дальше продолжаться не может. Назревала гроза, которая могла ежеминутно разразиться. Казачество ждало лишь вождя; если бы таковой явился и поднял знамя восстания, казаки восстали бы поголовно и повсеместно.

Расставаясь с Наумом Козловым, я ему дал инструкции потолковать — не называя, однако, меня — со стариками и подготовить казачье общественное мнение в Бекешевской станице к возможности, в недалеком будущем, восстания против власти большевиков.

Для того, чтобы убедиться лично в настроениях казачества Пятигорья, я решил совершить поездку по некоторым станицам. На Страстной неделе, в двадцатых числах апреля, наняв в качестве извозчика одного преданного мне человека, занимавшегося до большевизма отнюдь не извозным промыслом,

и в сопровождении моего бывшего подчиненного, есаула Мельникова, ранним утром выехал я в эту разведку. Ввиду того, что при налаженности большевистского сыска мое длительное отсутствие могло бы навлечь подозрения агентов, нам нужно было обернуться туда и обратно за одни сутки. Мы с Мельниковым решили именовать себя приказчиками скупщиков шерсти, каковые действительно в то время разъезжали по краю в поисках товара.

Первоначально мы заехали в станицу Бекешевскую, к Науму Козлову, узнать от него, что и как. У него взяли на всякий случай винтовки, которые тщательно запрятали под подушкой нашей линейки. Оттуда отправились в станицу Бургустанскую, где остановились напиться чаю у одного зажиточного казака, доброго знакомого нашего возницы. Слово за словом разговорились по душам с любезным хозяином, продолжая, однако, тщательно хранить наше инкогнито. Нарисованная этим казаком картина бесчинства совдеповских деятелей вполне совпадала с тем, что мне рассказывал Наум Козлов. Определяя настроение казачества, наш хозяин категорически высказывался за неизбежность поголовного восстания казаков против советского строя и скорбел лишь о том, что ввиду отсутствия общего руководителя, могущего возглавить таковое, оно может вылиться в ряд разрозненных бунтов, могущих быть подавленными каждый отдельно, причем много казачьей крови прольется напрасно. В общих чертах, весьма осторожно, я сообщил ему, в свою очередь, что скоро явится человек, который подымет и реорганизует казачество; пока же необходимо терпеть без протестов гнет большевизма, осторожно объединяя верных людей. Хозяин очень обрадовался тому, что я ему рассказал, и взялся за подготовку общественного мнения в своей станице.

Оттуда мы поехали в большую станицу Баталпашинскую, бывшую главным административным центром Баталпашинского отдела. Там жил один из офицеров моего партизанского отряда, сотник Тарасов (фамилия вымышленная), у которого на руках оставалось несколько тысяч казенных денег. Дело в том, что, покидая отряд близ Казвина и не желая, чтобы казенные деньги были захвачены «товарищами» и пошли на усиление большевизма, я роздал их офицерам отряда с обязательством вернуть мне по первому моему требованию впоследствии.

Часов в пять вечера, сделав более 70 верст и совершенно изморив лошадей, подъехали мы к Баталпашинской. Я не знал адреса Тарасова и не был даже уверен в том, что он не расстрелян еще большевиками. Чтобы узнать все это, мы пустились на хитрость. Подъехав к колодцу, этому клубу прекрасной половины станичного населения, и напоив лошадей, мы

пустились судачить с казачками, притворяясь торговцами, едущими в Ставрополь за хлебом. Узнав адрес Тарасова, мы имели попутно возможность убедиться в том, что казачки весьма неодобрительно отзывались о существующем строе, именуя его арестантским, каторжным и тому подобными поносительными эпитетами. Затем мы выехали на окраину станицы и спрятали нашего возницу вместе с линейкой и конями в необитаемом саду моего попутчика, есаула Мельникова, который был сам жителем станицы Баталпашинской, но, опасаясь расправы со стороны большевиков, скрывался в Кисловодске; сам Мельников, опасавшийся быть узнанным односельчанами, спрятался в том же саду.

Когда стемнело, я отправился к Тарасову. На мой стук в щеколду выскочил маленький мальчик, его сын; он объяснил, что папаша ушел на речку удить рыбу и скоро вернется к ужину. Я решил дожидаться. Во дворе меня встретила жена Тарасова. Несмотря на весь мой маскарад, она сразу опознала меня и положительно обомлела от ужаса. Придя в себя, чуть не на коленях стала умолять меня уехать скорей и не губить ее мужа; говорила, что он уже подвергался многократным обыскам и был даже арестован и что если кто-либо из живущих поблизости большевиков узнает, что я заходил к нему во двор, то гибель всей их семьи неизбежна. В то время пришел и сам сотник; он тоже сильно струсил, увидев меня, поспешно вернул мне потребованные от него деньги и явно стремился выпроводить меня поскорее. Однако я успел выведать от него, что в Баталпашинской не только большинство казаков, но и многие иногородние из тех, кто позажирнее, ненавидят большевиков и мечтают о свержении советской власти, а учитывающие это настроение коммунисты стараются застраховаться путем арестов, террора и беспощадных расстрелов, от которых уже погибло множество офицеров и наиболее видных казаков. По станице ходят слухи, что полковник Шкуро скоро подымет восстание, и казаки очень на меня надеются.

Уходя от Тарасова, я попросил его немедленно послать жену Мельникова в их подстаничный сад, где ее ожидает спрятанный там муж. Вернувшись к своим попутчикам, я застал их кормящими коней. Лошади были так утомлены, что необходимо было дать им несколько часов отдыха, прежде чем пускаться в обратный путь. Вскоре пришла в сад жена Мельникова. Она страшно обрадовалась своему мужу, которого, не имея давно известий о нем, готова была уже считать погибшим. Она рассказала, что среди станичников идет слух, будто бы полковник Шкуро находится в станице и ходит по дворам, переодетый нищим, и поет песни, призывающие казаков к восстанию. Расспросив Мельникову и не желая нарушать интимности ее свидания

с мужем, я залег спать под деревьями. Вдруг, часу в третьем ночи, едва стало сереть небо, в сад прибежала запыхавшаяся старуха казачка.

— Мельничиха тут?

— Тут.

— Пусть ваши утекают скорее. В Совдепе суматоха. Говорят, что полковник Шкуро в станице. Скачут конные, всюду обыски, похватили многих офицеров. Уже пошли патрули по садам.

Мы бросились запрягать лошадей, перекрестились и, с винтовками в руках, сопровождаемые благословениями перепуганных женщин, выехали на дорогу. Только что поднялись на гору, как увидели патруль из шести вооруженных конных, которые, заметив нас, с криками: «Стой, стой!», помчались к нам. Мы с Мельниковым открыли по ним огонь, а возница наш ударил по коням.

Не ожидая такой встречи, патрульные остановились и, в свою очередь, стали стрелять по нас. Мы свернули на небольшой полевой проселок и помчались по нему карьером, часто меняя направление. Благодаря пересеченной местности и нерешительности наших преследователей, мы скоро оказались вне опасности. Объехали станицу тылами и по дороге перерезали во многих местах телефонную линию между станицами Баталпашинской и Бекешевской. Затем, вернув винтовки Науму Козлову, мы спокойно поехали через Бугурусланскую в Кисловодск, вступая в разговоры с работавшими на полях казаками. Не доезжая Кисловодска, куда прибыли ночью, мы с Мельниковым разошлись поодиночке в разные стороны.

Пасха прошла спокойно. На Фоминой неделе я вышел однажды прогуляться по парку. Я не был загримирован, но по крою своей одежды смахивал скорее на мастера среднего руки. В одной из аллей мне встретила группа людей, человек семь, обвешанных дорогим оружием и одетых в новенькие, нарядные черкески. Поравнявшись со мною, они остановились. Я посмотрел на них и встретился глазами с бывшим некогда у меня сотенным фельдшером Гуменным. Он торопливо подозвал к себе какого-то человека семитского типа и с револьвером за пазухой и что-то сказал ему. Прикинувшись равнодушным, я зашагал было дальше, но еврей догнал меня.

— Вы полковник Шкуро? — спросил он меня.

Чувствуя, что дело дрянь, но отпираться нелепо, раз я уже опознан Гуменным, я ответил утвердительно.

— Вас хочет видеть Главнокомандующий революционными войсками Северного Кавказа товарищ Автономов...

Я последовал за евреем. Отделившись от группы, Гуменный подошел ко мне:

— Разве вы не узнаете меня, господин полковник? Я ваш бывший сотенный фельдшер Гуменный. Помните, может быть, когда вы формировали в Полесье ваш партизанский отряд, я пришел проситься к вам. Вы же мне изволили тогда ответить, что «мне в отряде сволочи не надо».

— Что-то не припоминаю, — возразил я, хотя прекрасно помнил этого вечного жалобщика и кляузника, бывшего в постоянной оппозиции к начальству, имевшего, однако, сильное, но скверное влияние на казаков.

— Позвольте вас представить нашему Главкому — товарищу Автономову.

Считая в душе, что все это — глумление и что сейчас меня потащат к стенке, я тем не менее посмотрел внимательно на Автономова. Он был сотником 28-го казачьего полка. Светлый блондин, маленького роста, лет 26 с виду, он производил впечатление человека неглупого и сильной воли. Не привыкший к шикарной черкеске с красным башлыком, Автономов как-то путался в ней и несколько проигрывал от этого.

Мы поздоровались.

— Я многое слышал о вашей смелой работе на фронте, господин полковник. Рад познакомиться с вами, — сказал мне Автономов. — Хотел бы побеседовать с вами по душам. Не откажите сказать ваш адрес, и, если вас это устраивает, мой адъютант зайдет за вами сегодня часов в восемь вечера. Вы придете с ним ко мне в бронепоезд, и там мы поговорим. Было бы желательно, чтобы вы пригласили с собою кого-либо из старших, компетентных офицеров по вашему выбору.

Я обещал, и мы расстались.

Когда я вернулся домой и рассказал об этой встрече жене, она пришла в отчаяние, уверенная, что теперь мне крышка.

РОДИМЫЙ КРАЙ

...Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы...

И взволновался Тихий Дон...

Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали как нежная струна... Звенит, и плачет, и зовет...

То Край Родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон... За честь отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит седой наш Дон — Родимый Край.

ГЛАВА VIII

Адъютант Автономова — бывший писарь из казаков — явился ко мне в восемь часов вечера, и мы со Слащевым и Датиевым пошли в бронепоезд Главковерха, стоявший у самой платформы станции Кисловодск. У дверей вагона стояли на часах большевистские часовые.

Нас ввели в роскошный салон-вагон, где стоял богато сервированный и украшенный цветами стол. Автономов любезно встретил нас и познакомил с несколькими находившимися в салоне хорошенькими дамами, которых он назвал сестрами милосердия. Тут же находился его начальник штаба Гуменный, не оставлявший нас ни на минуту с глазу на глаз с Автономовым, и брат Автономова, кадет лет 14-ти из Новочеркасского корпуса.

За обедом Автономов рассказывал весьма ярко и образно о том, что казачество довольно большевизмом. При этом проглядывало его несколько ироническое отношение к советской власти. Он высказал мнение, что крупной ошибкой со стороны большевистских главарей было их неумение привлечь на свою сторону офицерство, которое сидит по тюрьмам и истребляется бессудно. Опасаясь с его стороны какой-либо провокации, мы вели себя весьма сдержанно.

После обеда Автономов пригласил меня со Слащевым в кабинет, предварительно распрощавшись с Датиевым. Гуменный, конечно, последовал за нами.

— Моя главная задача, — начал Автономов, — помирить офицерство с советской властью для того, чтобы начать борьбу против немецких империалистов, по-прежнему в союзе с Антантой, и добиться отмены позорного Брест-Литовского мира. Если немцы доберутся теперь до Кубани, где имеются громадные запасы всякого рода, то это их чрезвычайно усилит. Я прошу вас, господа, помочь мне в этом отношении. Не думаю, конечно, сохранить за собой должность Главкома. Было бы желательно пригласить на этот пост генерала Рузского или Радко-Дмитриева. Я же с удовольствием откажусь от ненавистой мне политической деятельности и по-прежнему готов служить младшим офицером. Можно ли было бы в этом случае рассчитывать на поддержку офицеров?

Я возразил, что офицеры боятся довериться советской власти; офицерство не имеет даже возможности собраться, чтобы обсудить подобный вопрос, ибо рискует при этом арестом или даже расстрелом; оно обезглавлено, обескровлено и вынуждено терпеть, но рано или поздно восстанет вместе с казачеством и сбросит советское иго.

— Да, это трудная задача, — согласился со мной Автономов, — тем более трудная, что, с другой стороны, вследствие Корниловского добровольческого похода солдаты смотрят на

всех офицеров, как на контрреволюционеров, и совершенно им не доверяют. Дело осложняется еще тем, что Донской атаман Краснов, поддерживающий, в свою очередь добровольцев, является германофилом. Но если Рузский или Радко-Дмитриев согласятся возглавить Красную Армию, действующую против немцев, то генерал Алексеев и Деникин едва ли пойдут против нее.

Затем он рассказал, что защищал красный Екатеринодар от атаковавших его добровольцев под начальством генерала Корнилова. По его словам, Екатеринодар в феврале должен был быть оставленным вследствие больших потерь среди красных войск и неудержимой стремительности добровольцев. Уже Автономовым был отдан приказ об эвакуации города, когда пришла весть, что Корнилов убит и добровольцы отходят. Когда генерал Боровский ворвался в город и проник до Сенного базара, пришлось для отражения его и ввиду полного израсходования резервов хватать, вооружать и пускать в бой первых попавшихся, встреченных на улице людей; конечно, этот сброд совершенно не мог противостоять добровольцам. Ввиду деморализации красных войск не могло быть и речи об энергичном преследовании кадет. Озлобленные жестокими потерями, большевики выместили свою злобу на буржуазной части населения Екатеринодара, выволакивая на улицу и убивая всех, кто им попадался на глаза.

«Несмотря на все мои усилия, я не был в состоянии в течение почти трех дней прекратить это безобразие, равно как и глумление над трупом Корнилова, который «товарищи» откопали, долго таскали его голым по улице и сожгли в конце концов. За оборону Екатеринодара я получил свой нынешний пост, но советские воротилы не считаются со мною. Командующий Таманской армией Сорокин совершенно согласен со мною в необходимости вновь организовать настоящую русскую армию».

Затем Автономов распростился со Славцевым. Меня он просил остаться еще и пройти поужинать в Курзал. Меня это совершенно не устраивало; я опасался, что подобная демонстрация моей короткости с большевистским Главверхом дискредитирует меня во мнении офицеров и казачества и повредит успеху восстания, которое я подготовлял. Мне даже пришло в голову, не эту ли именно цель преследовал Автономов в своем сближении со мной. Впрочем, я был вынужден отказаться от этой мысли — ведь был совершенно во власти Автонома и, приказав расстрелять меня, он гораздо надежнее обезвредил бы меня и притом без всякой возможности реабилитации с моей стороны. В таком случае оставалось думать, что Автономов желал показать казачеству свою близость со мною, чтобы несколько примирить его с собой. Как бы то

ни было, но близость Автономова к контрреволюционерам не прошла впоследствии безнаказанно для него.

Пужинали мы в Курзале, причем мне казалось, что меня пытались подпойти. Я же, ссылаясь на болезнь почек, совершенно отказывался пить что-либо. Автономов и Гуменный изрядно подпили, расхлябались и стали уверять меня в своей любви к казачеству. Гуменный изъяснялся в своем расположении ко мне. По его словам, на него было возложено поручение разоружить у станицы Невинномысской возвращавшиеся с фронта казачьи эшелоны. При этом он имел предписание расстрелять меня без суда, о чем, в свою очередь, дал телеграммы по станциям. От хоперцев Гуменный (сам хоперец) слышал, что я бежал в Багдад, но другие казаки говорили, что я жив, скрываюсь в лесах и организую казачество для восстания против советской власти. Затем Гуменный стал высказывать те же мысли, которые излагал Автономов: о желательности примирения с офицерством и казачеством, о мире с добровольцами и необходимости продолжения борьбы против немцев.

В бронепоезде Автономов сделал мне теперь решительное предложение: начать немедленно вербовку офицеров и казаков и формирование партизанских отрядов на Кубане и Тереке для предстоящей борьбы с немцами, в чем он обещал мне полное свое содействие и выдал письменный мандат за своей и Гуменного подписью. Согласно этому мандату все соведпы, комиссары и местные власти под угрозой расстрела обязаны были оказывать мне полное содействие во всех моих требованиях и во всем идти мне навстречу. Я поднял вопрос об оружии. Автономов объяснил мне, что он едет на днях в Екатеринодар, где совместно с Сорокиным арестует местный ЦИК и пришлет мне затем в бронированном поезде 10 000 винтовок, пулеметы и миллион патронов, а также крупную сумму денег. Я же должен обязаться гарантировать ему и Гуменному жизнь и прощение со стороны белых войск в случае удачного осуществления его планов. Автономов хвалился, что он уже при посредстве Гуменного передал Добровольческой армии на станции Тихорецкой несколько составов с вооружением. Из последующего рассказа его о численности и дислокации Добровольческой армии я убедился, что разведка у него поставлена образцово.

— Добровольцы нас непременно поколотят, несмотря на свою малочисленность, — сказал Автономов, — ибо население ненавидит большевиков, а белых оно не знает и склонно их идеализировать. Быть может, впоследствии и большевистский режим окажется не таким, за который его склонны считать.

В это время вошел адъютант Автономова и доложил, что приехал председатель Совета народных комиссаров Терской

республики товарищ Буачидзе. Автономов попросил меня перейти в салон и принял Буачидзе. Я слышал происходивший между ними разговор. Буачидзе приехал встревоженный прибытием на станцию Армавир отряда некоего Беленкевича, которого он именовал бывшим полковником. Отряд этот состоял преимущественно из донцов, калмыков и китайцев, щеголял своей дисциплинированностью и даже отдавал честь своим офицерам, так что население даже считало его прорвавшимся отрядом контрреволюционеров. Беленкевич арестовал ЦИК и забрал все деньги. Теперь он отправляется во Владикавказ. Что делать?

— Я знаю этого мерзавца, — был ответ Автономова. — Он вовсе не полковник, а жид, бежавший из боя во время операций против немцев у Таганрога. Предложите ему разоружиться! В случае же отказа поставьте орудия на пути, разбейте паровозы и перестреляйте их всех из пулеметов...

Буачидзе уехал. Автономов вновь пригласил меня в свой кабинет. Пользуясь случаем, я попросил Автономова походатайствовать за бывшего Кубанского наказного атамана генерала Бабича, у которого большевики производили частые обыски и вообще стремились всячески унижить старика, прослужившего верой и правдой 50 лет и которому теперь поздно менять свои взгляды. Автономов тотчас же выдал мне бумагу, в коей запрещалось кому бы то ни было беспокоить старого атамана. В четвертом часу утра распростился я, наконец, с Автономовым, причем он просил меня прийти к нему завтра в 9 часов утра вместе со Слащевым и Датиевым для того, чтобы ехать совместно на митинг в Ессентуки, а оттуда на собеседование с генералами Рузским и Радко-Дмитриевым.

Страшно утомленный от громадного напряжения, ибо мне приходилось все время быть начеку, и не веря в душе ни одному слову из того, что мне говорили Автономов и Гуменный, вернулся я домой, где моя жена оплакивала меня, думая, что я уже расстрелян. Проворочавшись несколько часов в постели без сна, я зашел в девятом часу утра к жившим со мной в одной гостинице Слащеву и Датиеву. В указанное время мы вновь пришли втроем в бронепоезд Главнокомандующего революционными войсками Северного Кавказа — товарища Автономова. В начале десятого часа бронепоезд его тронулся на Пятигорск. На Ессентукском вокзале, куда подошел бронепоезд Главковерха, его уже ждали многочисленные комиссары. Среди них были Ной Буачидзе, председатель наркомов Терской народной республики; Булз, председатель Пятигорского совдепа, — взяточник и вор, славившийся своей жестокостью; Фигатнер, терский военный комиссар из народных учителей, а также терский комиссар внутренних дел, еврей, идейный большевик и культурный человек, пользовавшийся

симпатиями населения за свою внимательность к арестован-ным и доступность, и Лещинский, энергичный, умный и хит-рый еврей, присланный из Москвы для сбора контрибуции с буржуазии. Автономов познакомил нас; пришлось им подать руку.

Во время представления кто-то из комиссаров назвал меня «товарищем». Я запротестовал и объяснил, что пригла-шен сюда не в качестве товарища, а в качестве полковника. Услышав мои слова, Автономов поддержал меня и просил комиссаров называть меня по чину. Кто-то из комиссаров поехал на автомобиле и привез генералов Рузского и Радко-Дмитриева. Оба генерала были в весьма скромном штатском платье и выглядели постаревшими. Радко-Дмитриев имел вид больного человека. Он держался сдержанно и с достоин-ством. При их входе в салон все встали. Автономов обратил-ся к генералам с приветственной речью, именуя их почти-тельно «ваше превосходительство» и прося помочь спасти погибающую от надвигающейся со стороны немцев опаснос-ти Россию и объединить своим именем офицерство на этот подвиг. Оба генерала, заметно державшиеся выжидательно, ответили несколько неопределенно, что они не прочь помочь в этом деле, но интересуются узнать, какими силами распо-лагает Автономов.

Тут, по приказанию Главковерха, выступил вперед Гумен-ный и стал довольно грамотно докладывать боевой состав и дислокацию войск. С его слов могло показаться, что Красная Армия находится в очень благоприятном положении и явля-ется грозной силой. Однако Автономов часто прерывал до-кладчика и вносил поправки, свидетельствовавшие о том, что он отнюдь не разделял оптимизма своего начальника штаба. Автономов особенно подчеркивал совершенную недисципли-нированность красноармейцев и полное отсутствие надлежа-щего командного состава. По окончании доклада Гуменного молчавшие до сих пор терские комиссары вставили несколько слов, в том смысле, что для реорганизации армии у них день-ги найдутся и они постараются, со своей стороны, привлечь офицерство. Генералы Радко-Дмитриев и Рузский стали про-щаться, и Автономов, извинившись, что за отсутствием вре-мени не может представиться на дому им обоим, просил ге-нерала Рузского быть в час дня у Радко-Дмитриева, куда он приедет с визитом. После отъезда генералов заседание про-должалось.

— Нужно пригласить одного из них на пост командующего армией, — сказал Автономов.

Полковник Датиев высказал мнение, что желательно при-гласить Радко-Дмитриева, который, как яркий германофоб, более популярен среди офицеров, чем генерал Рузский, а также что генерал Радко-Дмитриев, как болгарин, стоит вне

партий в русской гражданской войне. Большинство заседавших согласилось с тем, что генерал Радко-Дмитриев является подходящим для занятия поста Командарма, но некоторые из терских комиссаров возражали на это, заявляя, что народ не верит больше ни генералам, ни кадровым офицерам и что необходимо образовать новое офицерство, вышедшее из недр самого народа. Слащев оспаривал это мнение и настаивал на том, что новые офицеры будут неопытными в военном деле и потому бесполезными; Автономов и мы с Датиевым горячо поддержали Слащева.

В конце концов было постановлено, что офицерам будет предоставлена возможность собраться на съезд в Пятигорске для обсуждения их отношения к вопросу о вступлении офицерства в имеющую быть реформированной Красную Армию. Затем мы все отправились на митинг в Эссентукский парк, где уже собралась масса народу и в том числе немного казаков. Автономов выступил с речью, в которой доказывал, что происходящая гражданская война есть не более как результат недоразумения и что ввиду общего грозного врага — немцев — все слои общества должны объединиться, забыв прежние распри. Он призывал всех к взаимному примирению и доверию к офицерству и казачеству. Речь его была красиво построена и хорошо сказана. Видно было, что она понравилась слушателям, но, однако, не могла рассеять взаимного недоверия и антагонизма, уже успевшего пустить прочные корни. Несколько простых казаков взяли, в свою очередь, слово.

— Какое может быть у нас, казаков, к большевикам доверие, — сказал один из них, — когда они нас обезоруживают. В нашей станице понаехавшие красноармейцы поотымали даже кухонные ножи.

— Вы просите, чтобы мы выставили полки, — возражал другой, — а потом заведете наших детей невесть куда на погибель.

Вообще из выступлений казаков у меня создалось впечатление, что они совершенно не склонны доверяться большевистским зазываниям и даже приход немцев считают меньшим злом, чем владычество большевиков. После митинга я со Слащевым и Датиевым отправились к Радко-Дмитриеву. Он занимал скромный, маленький домик около парка. Супруга генерала была очень встревожена тем, что ее муж стал объектом внимания со стороны большевистских заправил. Мы успокаивали ее, как могли.

— Я не могу им верить, — сказал мне генерал Радко-Дмитриев. — При первой же неудаче они обвинят меня в контрреволюционности или измене и расстреляют. Не думаю также, что генералы Алексеев и Деникин согласились пойти на сговор с этими мерзавцами.

Пришедший в это время генерал Рузский высказывал аналогичные взгляды:

— Кроме того, ведь у них нет ничего мало-мальски похожего на то, что мы привыкли понимать под словом «армия»; как же с этими неорганизованными бандами выступать против германцев?

Мы со Слащевым возражали, что все-таки необходимо организовать армию; это даст нам возможность организовать переворот.

— У нас имена слишком одиозные, и нам невозможно начинать это дело, — возражали оба генерала. — Беритесь вы за это дело, а если у вас что-либо наладится, то, может быть, и мы согласимся впоследствии возглавить армию.

В это время приехали Автономов и Гуменный. Первый стал уговаривать Радко-Дмитриева принять на себя командование имеющей сформироваться армией, но тот, а за ним и Рузский, решительно отклонили это предложение, ссылаясь на старость и болезни. Впрочем, Радко-Дмитриев сказал, что если здоровье его поправится и офицеры, поступающие в армию, будут пользоваться всеми присущими этому званию привилегиями, то он, может быть, еще пересмотрит впоследствии свое решение. На этом мы и расстались. Затем в бронепоезде Автономова мы уехали обратно в Кисловодск.

Автономов пробыл в Кисловодске сутки и опять выступал на митинге на те же темы, что и в Ессентуках. Затем он уехал в Екатеринодар. После этого я его никогда больше не встречал.

Шкуро говорил без умолку.

— *Ездил на Кубань, на заседание Рады, делегатом от своего отряда. Вы не видели моих партизан? Волки. Ну так, приезжаю я в Екатеринодар. Идет заседание. В Раде. Понимаете, обсуждается вопрос о форме правления! Казаков, офицеров — тьма. Один делегат с фронта говорит:*

— *Мне наказ дан кубанцами от полка добиваться республики.*

Другой говорит:

— *Федеративной, социалистической.*

Третий:

— *Автономной Кубанской республики.*

Все за республику. Выхожу я:

— *А мои волки, — говорю я, — поручили мне передать всей Кубани, Раде и казакам, что они стоят и будут биться за конституционную монархию.*

Только я это сказал — крики: «долой, вон», шум, свист. Ну, ничего, обошлось...

«Персидский фронт»

А. Г. ЕМЕЛЬЯНОВ

ГЛАВА IX

Имея в руках мандат Автономова, предоставлявший мне широкие права, я горячо принялся за организацию казачьих отрядов. В гостинице «Гранд-отель», где я жил, ко мне стали приезжать ходоки из разных станиц Терека и Кубани, с которыми я вел долгие переговоры. Они единодушно настаивали, чтобы под тем или другим предлогом я раздобыл им оружие, а затем предлагали ударить на советскую власть; я же просил их, главное, быть осторожными и не скомпрометировать преждевременно нашу идею.

Приходилось, во многих случаях, шупать почву. Многие депутаты из Совдепа особенно интересовались вопросом: какую позицию займет новая армия относительно Добровольческой армии Алексева и Деникина? Я возражал, что политические дела не входят в мою компетенцию и, вероятно, ЦИК сумеет сговориться с Добровольческим командованием. Если же соглашение достигнуто не будет, то что же — придется нам сразиться и с добровольцами.

Тем временем в Пятигорске собрались офицеры и своим старшиной выбрали прославившегося партизанскими действиями в Японскую войну генерала Мадритова. У них возник вопрос о необходимости кодификации новых уставов, где были бы приняты во внимание идейные завоевания революции и которые бы строго регламентировали правовое положение офицеров и их взаимоотношения с солдатами. Для этой цели была выбрана комиссия, которая, с Мадритовым во главе, выехала во Владикавказ, чтобы работать там в сотрудничестве с большевистским правительством Терской республики.

Я совместно со Слащевым и капитаном гвардии Сейделером тщетно добивался выдачи оружия для казаков. Под предлогом, что под рукой нет складов такового, комиссар по военным делам предлагал мне собрать отряды и отправить их в Тихорецкую, где они будут вооружены из имеющихся там складов. Терские комиссары согласились, однако, на возвращение терским казакам их шашек и кинжалов. Но отобранное в свое время у казаков дорогое, выложенное золотом и серебром оружие так и не было им возвращено. Я передал по станциям, чтобы в начале мая казаки, желающие поступить в формируемые мною отряды, собрались на сборный пункт в станицу Кисловодскую. Председателем Кисловодского совдепа состоял некто Тюленев; это был левый коммунист из монтеров, страшно ненавидевший буржуазию и офицерство, человек в высшей степени дерзкий и грубый. Он, как сторонник углубления классовой борьбы, относился весьма недоверчиво к затеянному Автономовым примирению и всюду это высказывал. Меня Тюленев считал заведомым контрреволюционе-

ром, не доверял мне совершенно и всячески препятствовал моей работе, а также воссоставлял против нашего дела и других членов Совдепа.

Однако у нас был свой человек в секретариате Совдепа, который извещал нас о всех шагах Тюленева. Вдруг он уведомил нас, что им получена телеграмма из Екатеринодара, сообщающая, что Автономов арестован за заговор против советской власти, приказано арестовать всех, у кого есть какие-либо мандаты за его подписью, и что Тюленев требует на этом основании моего ареста. Тотчас же я созвал совет из Слащева, Датиева и Сейделера: что делать? Вдруг получилось новое известие: в Совдепе тревога... большевистский разъезд между Бургустанской и Кисловодском наткнулся на бивак казачьего отряда и был им обстрелян. Прибегает поручик Бутлеров:

— Спасайтесь, полковник, решено вас арестовать!

На один момент мы решили было бежать, тем более что лошади для нас были уже приведены из станицы и спрятаны поблизости. Но бегство мое было бы сочтено большевиками как признание контрреволюционности моих намерений. И это в то время, когда организация отрядов была не закончена, оружие отсутствовало и время для восстания, в связи с движением Добровольческой армии, еще не созрело. Я решил отправиться сам в Совдеп, идти напролом и попытаться спасти дело.

Подхожу к зданию Совдепа. Возле него масса народу; раздают винтовки, патроны; страшная суматоха, отрывистые возгласы: «Казаки восстали».

— А вот и вы сами, товарищ Шкуро, — иронически возгласил Тюленев, увидя меня входящим в зал заседаний, — а я уже послал привести вас под конвоем.

— Во-первых, я для вас не товарищ, а господин полковник, — закричал я, в свою очередь, — а во-вторых, почему вопреки мандату Главкома Автономова вы не исполнили до сих пор моего требования и не приготовили помещения для фуража для собирающихся в Кисловодск казаков?

— Предатель Автономов уже арестован, и теперь мы приберем к рукам всю офицерскую сволочь, — дерзко возразил мне Тюленев. — Что касается до казаков, то они несколько поторопились и атаковали наши разъезды еще до получения ваших на этот счет приказов.

— Это недоразумение, — вскричал я. — Вероятно, разъезды первые атаковали казаков, а те лишь защищались.

— Вы арестованы, — объявил мне Тюленев.

Тут ко мне подошли вооруженные солдаты и отвели в комнату рядом с залом заседаний. Дело принимало худой оборот, и я мог плохо кончить, особенно если бы казаки опять подрались с большевиками. Самое ужасное, что, сидя взаперти,

я был лишен возможности сноситься с внешним миром и предупредить развитие событий. Через неплотно прикрытую дверь до меня доносились отрывки дебатов, происходивших в зале заседаний, и я разобрал фразу Тюленева: «Если раздастся хотя бы один выстрел со стороны казаков — Шкуро нужно расстрелять». Я ходил широкими шагами по комнате, обдумывая положение дел. Проходя мимо окон, видел постоянно кого-либо из своих единомышленников, прохаживающихся с беспечным видом по улице. Сознание, что я не один и друзья заботятся обо мне, вливало некоторую отраду в мое сердце. Охранявший меня часовой производил на меня впечатление добродушного парня.

— Вот, брат, — сказал я ему, — из-за простого недоразумения проливается русская кровь. Свои по своим выпалили, а я в ответе. Чтобы не было напрасного кровопролития, прошу тебя, снеси тайком записку к моей жене. Я напишу, чтобы казаки ушли обратно.

Тут я посулил ему еще 100 рублей за услугу.

— Чего же, пиши. Я снесу после смены.

Я написал коротенькую записку жене, в которой сообщил о моем аресте и о том, что мне грозит расстрел в случае, если казаки вступят в бой с большевиками; подателю письма просил выдать 100 рублей награды. Получив записку, жена наградила красноармейца и тотчас бросилась к Слащеву, а с ним в мою комнату; на моем столе были раскиданы разные бумаги и карты с отметками; на стене висело мое партизанское знамя — волчья голова на черном фоне. Поспешно попрятали все это. Вдруг входит казак в бурке.

— Кони поданы для полковника и г. г. офицеров!

Жена к нему:

— Скачи скорее в отряд! Скажи: полковник арестован... Чтоб казаки спешно разошлись по станицам... Когда полковник освободится, он вас снова соберет.

Казак ускакал. Тем временем ко мне явился комиссар Илешенин с нарядом красноармейцев и потребовал, чтобы я следовал за ним для присутствия при обыске у меня в «Гранд-отеле». Обыск, как у меня, так и у жены, конечно, оказался безрезультатным. Уходя, «товарищи» выставили караул у комнаты моей жены.

Ночевал я под арестом в здании Совдепа и опять подслушивал. Происходили ночное заседание и допрос пленных офицера и казака, поехавших на разведку и захваченных красноармейским патрулем. Офицер оказался не дураком.

— Позвольте, — доказывал он, — на каком основании нас схватили и теперь держат тут под арестом? Полковник Шкуро приказал нам собраться в станицу Кисловодскую, где мы пройдем недельное обучение, а потом будем отправлены под Ростов сражаться с германцами.

Пленный казак вторил своему офицеру. В Совдепе начались прения. Многие члены нападали на Тюленева, доказывая, что он своей ненавистью к офицерам доведет дело до гражданской войны на Кавказе. Требовали моего освобождения. После горячих дебатов постановили послать депутацию для переговоров с казачьим отрядом, придав к ней обоих пленных. Меня же решено было отпустить домой, но оставив на всякий случай наружных часовых у занимаемых мною с женой комнат. Утром меня опять потребовали в Совдеп: оказывается, случилась история со вчерашней депутацией. Ночью один из большевистских патрулей наткнулся на бивак казачьего отряда и открыл по нему стрельбу. Казаки ответили тем же. В это время подъезжала депутация и также попала под обстрел. Пользуясь суматохой, оба пленных удрали. Вместо них большевики поймали двух других казаков; один из них, совсем еще молодой казакишка, оказался набитым дураком и чуть не сгубил меня. На допросе он показал, что, мол, полковник Шкуро «нас гарнизовал, чтоб большевикам шеи свернуть; что у большевиков возьмем, то наше и по 1000 карбованцев жалованья обещал». Впечатление убийственное. На мое счастье Тюленев не присутствовал на этом заседании. Он уехал вместе с самыми завзятыми коммунистами на съезд в Моздок, откуда ему уже не суждено было вернуться. Если бы он был тут, меня бы немедленно расстреляли.

— Позвольте, — обратился я к членам Совдепа, — допросить мне этого казака.

Они согласились.

— Ты видал когда-нибудь полковника Шкуро?

— Нет, не видал.

— Меня (я был в штатском пальто) знаешь?

— Нет, не знаю.

— Кто же тебе говорил, чтобы бить большевиков?

— Да вообще казаки большевиков не уважают, побьют и их.

Тут заговорил другой, молчавший до сих пор, пленный казак:

— Нас собирал вахмистр Наум Козлов, чтобы бить немцев, по приказанию г. Главнокомандующего Автономова. Как же нам не послушаться? Не пускать же немцев к себе.

Видя, что шансы мои улучшаются, я обратился, в свою очередь, с речью к Совдепу, в которой упрекал большевиков в непоследовательности и в том, что, обратившись к нашему содействию, они при первом же недоразумении прибегают к обыскам, арестам и угрозам расстрела. Я сильно раскричался и заявил, что немедленно посылаю телеграмму Ною Буачидзе — председателю совета наркомов Терской республики. В Совдепе начался спор: отпустить меня или нет? В это время вернулись разъезды, доложившие, что казачьи отряды разошлись по станциям.

В конце концов Совдеп постановил отправить меня во Владикавказ. Тем временем есаул Бибилов (из моей организации) отправился с жалобой на мой арест в Пятигорск, в отдельский Совдеп, которому Кисловодск был подчинен. Но оказалось, что главари Пятигорского совдепа также уехали на съезд в Моздок. Оставался на месте один комиссар Радзевич. Он был социалист-революционер и сторонник сближения с казаками. Он приехал тотчас же на автомобиле в Кисловодск, навестил меня в моем заключении и обещал, со своей стороны, также дать телеграмму Буачидзе с просьбой о моем освобождении.

Полковник Константин Владимирович Агоев, терский казак, имевший мандат, аналогичный с моим, на формирование партизанских отрядов в Терской области, узнав о моем аресте, поднял страшный скандал и грозил распустить собранных им казаков. Тем временем меня повезли во Владикавказ. Ехал я в третьем классе, под сильным конвоем и в сопровождении одного политкома. По прибытии на место меня временно, на одни сутки, посадили в стоявший на станционных путях поезд Беленкевича, затем перевели во Владикавказскую тюрьму, где я просидел в одиночке трое суток.

Меня водили на допрос пешком и под конвоем, в местный Совдеп, помещавшийся в гостинице «Париж», в которой впоследствии стоял я со своим штабом; водили мимо казарм красноармейцев, которые, узнав, что ведут казачьего офицера, осыпали меня бранью и требовали даже моей выдачи для самосуда. Раз они даже открыли по мне огонь из окон, но мои конвоиры не растерялись и ответили также огнем; красноармейцы убежали. На допросах я держался нахально и жаловался на кисловодских комиссаров. Тут мне очень повезло: начальник кисловодского гарнизона, извозчик Сорокин, — совершенный зверь по своей жестокости, — уехал в Моздок. В это время произошли события, вследствие которых мое дело отошло на второй план: красноармейцы вступили по какому-то поводу в перестрелку с грузинскими войсками, и разразился конфликт, грозивший перейти в открытую войну. Тем временем меня перевели в общую камеру... грязь, вонь, вши, глумление.

Для разбора моего дела был назначен следователь, гуманный и интеллигентный человек, служивший у большевиков отнюдь не из сочувствия большевизму. Я попросил его допросить по моему делу в качестве свидетеля Буачидзе, так как ему-де известны проекты Автономова и его переговоры со мною. Узнав от следователя, что я сижу в тюрьме, Буачидзе потребовал меня к себе. Он объяснил мне, что дело с Автономовым обстоит вовсе не так, как его объяснил Тюленев; что Автономов на свободе и вызван для объяснений в Москву, где, возможно, и сумеет еще оправдаться; что генерал Мадри-

тов был по моему делу у него, Ноя Буачидзе, настаивал на моем освобождении, указывал, что в противном случае и предпринятый им пересмотр уставов бесцелен, ибо казаки будут окончательно восстановлены против большевиков и ни о каком взаимном их сотрудничестве не может быть и речи; что он получил также протест от социалистов-революционеров, требовавших моего освобождения и именовавших мой арест «провокацией».

— Я прикажу немедленно вас освободить, — сказал мне на прощанье Буачидзе.

Я возвратился в тюрьму в очень радостном настроении. Однако прошел день, другой — меня все еще не освобождали. Тогда я понял, что дело о моем освобождении обстоит вовсе не так просто, как это рисовалось Буачидзе, и решил приложить все старания, чтобы по возможности удрать из тюрьмы. В камере, где я теперь сидел, было человек 60 осетин, а среди них шесть офицеров, как осетин, так и казаков.

С ними я сумел сойтись настолько, что меня выбрали старшиною камеры. Осетины эти имели хорошо налаженную связь с внешним миром. Между прочим, неведомо откуда, у них появлялись каждый день по 5-6 револьверов. Сообща с этими осетинами мы стали разрабатывать план бегства. Ввиду того, что тюремная стража состояла из горьких пьяниц, это казалось не очень трудным. Решено было, что человек 200 осетин, пользуясь тем, что тюрьма находилась на окраине города во Владимировской слободке, нападут на нее неожиданно. Мы же, пользуясь суматохой, нападем, в свою очередь, на тюремную стражу, вырвемся на волю и уйдем в горы.

Наше решение было передано вольным осетинам, и был назначен уже день бегства, когда случилось со мной странное, более того, невероятное событие. Того самого Беленкевича, которого так нелестно охарактеризовал Автономов, местный Совдеп назначил Главкомом Владикавказского округа. Новый воевода, который, как говорили, был вообще не дурак выпить, нарезался на этот раз, как сапожник, и стал объезжать, наводя порядки, подведомственные учреждения. Явился он и в нашу тюрьму. При самом входе я попался ему на глаза.

— Ты кто такой?

— Я — Шкура, — отвечаю ему мрачно.

— Так это ты тот самый Шкура, который дрался со мной под Таганрогом?

— Да, я, а теперь вот тут сижу.

— Вот мерзавцы, ведь и меня чуть было не арестовали за контрреволюцию. Едем со мной в поезд.

Караульный начальник запротестовал было. Беленкевич — бах его в рожу.

— Как? Я ваш главнокомандующий, а вы — в разговоры! Не служите, пьянствуете только, мерзавцы! Арестовать!..

Пользуясь тем, что Беленкевич наводил порядки в карауле, я бросился в нашу камеру и рассказал осетинам о том, что он увозит меня из тюрьмы и что я намерен с сегодняшним полдневным поездом бежать на Группы Кавминвод; ввиду того, что, конечно, недоразумение с фамилиями будет скоро обнаружено и меня станут преследовать, было бы чрезвычайно желательно, чтобы железнодорожное сообщение и телеграфно-телефонная связь между Владикавказом и Группами была прервана тотчас по проходе поезда. Осетинские офицеры обещали, что это будет исполнено. Распростившись затем поскорее с пьяным Беленкевичем и дождавшись в укромном местечке момента отхода полуденного поезда на Группы, я вскочил в него незаметно и запрятался среди пассажиров.

Ввиду того, что нападения разбойничьих шайк на поезда были в то время делом обычным, каждый поезд конвоировался обыкновенно сзади него шедшим бронепоездом по однопутному пути. Так было и в данном случае. Нас конвоировал «Интернационал», под командой какого-то армянина. Едва мы миновали станцию Беслань и наш поезд перешел небольшой мостик, переброшенный через один из протоков Терек, как из кустарника грянул залп и затем открылась частая стрельба. Тотчас же оба поезда остановились. «Интернационал», в свою очередь, открыл огонь по атаковавшим.

Много пассажиров, в том числе и я, побежали в бронепоезд за оружием. Я возглавил отряд человек из сорока вооруженных пассажиров и пошел в обход атаковавшей шайки. У меня не было уверенности в том, что это дружественные мне осетины, и я хотел проверить это. Мне, однако, посчастливилось захватить в плен одного из нападавших, который оказался осетином; он объяснил, что их отряд действует по приказанию своих начальников и получил задание взорвать мост. Мне пришлось тогда в голову присоединиться к осетинам, и я стал приближаться к ним, вывесив носовой платок в качестве парламентарского флага. Однако осетины перестарались и встретили нас таким огнем, что войти с ними в контакт мне не удалось. Тогда я отошел обратно к поездам. К большому моему сожалению выяснилось, что среди пассажиров уже имелись убитые и много раненых. Я отправился к командиру «Интернационала» и просил его, во избежание дальнейших потерь, пропустить наш поезд вперед. Он согласился, и мы двинулись, но едва отъехали версты две, как сзади нас раздался сильный взрыв — это взлетел на воздух взорванный осетинами мост. Я был спасен. «Интернационал» остался на восточном берегу Терека.

По прибытии на станцию Минеральные Воды я прочел в экстренном выпуске местной газеты о взрыве моста и о том, что телеграфная связь с Владикавказом прервана. Только через три дня были восстановлены связь и железнодорожное

сообщение с Владикавказом. Поздно ночью я приехал в Кисловодск и повидался там с женою, Слащевым и Сейделером. Затем я уехал в Ессентуки, распорядившись, чтобы капитан Сейделер и поручик Фрост, отправившись в Кумско-Лоовский аул, узнали от имеющейся у меня там ячейки, где скрывается ядро моего отряда, присоединились бы к нему и ожидали моего прибытия.

В Ессентуках у меня была организация, возглавлявшаяся станичным комиссаром (так большевики окрестили станичных атаманов) прапорщиком Глуховым. Оказалось, что Глухов был уже отстранен большевиками от должности за неисполнение декретов и даже просидел некоторое время под арестом, но дела по организации шли у него блестяще. Не было лишь денег на покупку пулеметов, приторгованных Глуховым у красноармейцев. Я дал ему на это 4000 рублей. В Ессентуках я остановился в пансионате Яблокова, конечно, под чужой фамилией, вместе с присоединившимся ко мне Мельниковым (расстрелян впоследствии большевиками), братом подъесаула Мельникова, ездившего со мною в Баталпашинскую. Там ко мне явился штаб-ротмистр Гибнер, присланный секретно представителем Добрармии на Тереке полковником лейб-гвардии Измайловского пока Веденяпиным. Гибнер сообщил мне, что Веденяпин просит меня несколько повременить с началом восстания, ибо у терцев, где работал полковник Владимир Константинович Агоев, еще не все готово. С другой стороны, на Моздокском казачье-крестьянском съезде, куда, как я говорил раньше, выехало много комиссаров и на который советская власть возлагала большие надежды, соглашение с большевиками, видимо, достигнуто не будет, ибо с первых же шагов обнаружены большие разногласия и часть делегатов даже отказалась категорически работать с большевиками.

Пробыв в Ессентуках сутки, я вернулся в Кисловодск, двух казаков, данных мне Глуховым, отправил на подводе с вещами в аул Кумско-Лоовский. Оба казака (фамилия одного из которых Ягодкин) были впоследствии расстреляны большевиками, захваченные в разведке. Их провез на подводе старик казак, отец Ягодкина.

В назначенный час и в условленное место прибыла за мною заказанная заблаговременно лихая тройка; извозчик был свой, преданный нашему делу человек. Простившись со своими, мы со Слащевым, переодетые красноармейцами, сели в нее, и я демонстративно громко приказал:

— В «Замок коварства и любви»!

Это был популярный кабачок, расположенный верстах в шести от Кисловодска. Проезжая мимо патрулей, стоявших на окраине города, мы со Слащевым сидели развалиясь, горланя пьяные песни, обнявшись. Благодаря этому патрульные,

предполагая, что мы подобные им пьяные «товарищи», беспрепятственно нас пропускали.

Проехав версты четыре по направлению к «Замку коварства и любви», мы свернули на Камбиевский кабардинский аул, недалеко от которого нас ждали, предупрежденные заранее о нашем приезде, два брата Тамбиевы. Они были вооружены и привезли вооружение также для нас со Слащевым. В качестве проводников они поскакали впереди нашей тройки, указывая дорогу на Кумско-Лоовский черкесский аул, отстоявший от Тамбиевского верст на 25.

Владетельный князь Лоов, старый офицер, прапорщик милиции, был деятельным членом нашей организации, и именно через него велась связь с менявшими постоянно местоположение казачьими отрядами; вокруг Кумско-Лоовского аула патрулировали, предохранявшие от внезапностей, многочисленные черкесские разъезды. Несмотря на то, что весь аул знал о предстоящем нашем приезде, и благодаря чрезвычайной солидарности черкесского населения, ни одно лицо не повернулось в нашу сторону при нашем следовании по улицам аула. Милейший князь Лоов встретил нас обильным угощением. Так как Ягодкин с подводой был уже в ауле, то я переоделся тотчас же в черкеску с погонами, надел револьвер и шашку. Впервые после долгих месяцев унижений я вновь почувствовал себя русским офицером. Из отряда прибыл к князю Лоову для встречи меня, еще до моего приезда, поручик Фрост, который теперь доложил мне, что завтра утром лошади будут ждать нас в ближайшем лесочке.

Переночевав у князя, на другой день на рассвете, на подводе Ягодкина и в сопровождении вооруженных конных черкесов, мы поехали к месту, где нас должны были ждать кони. Поверх черкески у меня была бурка. Нам встречались ехавшие в лесу мужики соседнего большевистского селения Михайловского.

— Куда вы? — окликнули они нас.

— Мы из Кисловодска в Бекашевку за хлебом.

— Тут кругом казаки белогвардейские бродят.

— Мы их не боимся, — ответил я.

— Оттого и не боитесь, что вы, верно, с ними, — заметил один из мужиков.

— Да не с тобой, дураком, — крикнул ему я.

Поехали дальше, а лошадей все нет. Решили сесть в лесок, перекусить хлебом с салом. Едет из лесу казачишка на возу.

— Здравствуйте, чего тут робите?

— А ты кто?

— Я из Бугурусланской; ездил по дрова. Чего же вы в лесу будете делать? Может, вы до Шкуры едете?

— А это кто? — спросил я.

— Да полковник один. Гарнизовал казаков; говорят, тысяч

десять по горам бродят; пока баранту крадут да коней у мужиков угоняют.

— А вы что будете делать? — спросил я его.

— Если придет к нам Шкура, мы с ним вместе с большевиков шкуру спустим.

Тут он принялся ругать большевиков. Затем пристал к нам опять:

— А вы кто будете? Наверное, офицеры?

— Скоро увидишь и узнаешь, кто мы такие.

Тут он сразу принял положение человека, разговаривающего с начальством, чтобы подчеркнуть свою приверженность к старым порядкам.

— Коней видел?

— Да вон там, версты полторы отсюда, пасутся кони — четыре коня оседланные с сумами.

— Ну, прощай, казаче, — сказал я ему, — да скажи в станице, что скоро к ним приедут гости...

Этот казак, Литвинник, впоследствии был у меня ординарцем.

Мы поехали дальше. В это время прогремели в стороне, куда мы направлялись, 2-3 выстрела. Вскоре мы увидели пасущихся коней, и навстречу нам выскочили вахмистр Перваков и несколько казаков, закричавших «ура».

— Кто это стрелял? — спросил я Первакова.

— Да тут ехали два мужика михайловских. Мы к ним: «Откуда, мол, ребята? Кони у вас очень хорошие».

«Да это мы помещика делили».

Я говорю мужикам: «Помещик тот сказал, чтобы вы коней этих мне отдали». Они, конечно, удирать. Тут мы выстрелили — вроде по ним. Они с коней со страху попадали и... деру. Ну, мы, конечно, коней забрали.

Я принялся ругать Первакова, что он может, действуя таким образом, переполошить большевиков и наделать тревоги пальбой. Затем мы сели верхом и двинулись в путь. Долго прорывались по водомоинам, ущельям и лесным тропам. Наконец добрались до седловины между двух гор. Это была так называемая «Волчья поляна». Под исполинским дубом стоял сложенный из сучьев шалаш; возле него была воткнута пика, и на ней трепетал мой значок — волчья голова на черном поле.

— Смирно! Равнение направо, господа офицеры! — раздалась команда подполковника Сейделера, стоявшего на правом фланге небольшой шеренги офицеров и казаков. Затем он подошел ко мне с рапортом:

— Господин полковник! Во вверенной вам армии налицо штаб-офицеров — 2: Слащев и Сейделер; обер-офицеров — 5: подьесаул Мельников, пор. Фрост, прп. Лукин, прп. Макеев, прп. Светашев; казаков — 6: вахмистр Перваков, вахмистр Наум

Козлов, урядники Лучка, Безбородый, Совенко, Ягодкин; винтовок — 4, револьверов — 2, биноклей — 2...

— Здорово, Южная кубанская армия! — крикнул я. — Приветствую вас с началом действительной борьбы. Глубоко верю, что с каждым днем армия наша станет все увеличиваться и победа будет за нами, ибо наше дело правое, святое.

Восторженные крики «ура» были мне ответом. Так началась новая эра моей жизни.

Мы говорили долго и много. Рассказали о России, о Кубани, обещали назначить комиссию из членов Корпусного Комитета с участием представителей от партизан для подробного рассмотрения обвинений и для выяснения финансовых расчетов.

Наконец Шкуро заговорил.

Он вспоминал походы, что проделал с казаками. Яркими мазками он напомнил им историю создания отряда, печали неуспехов и пережитую радость побед.

— Ваши груди украшены эмблемой храбрых. Кто дал вам их? Я. Кто вел вас к чести и славе? Я. Когда вы придете на Кубань, вы не будете прятать ваши награды, а будете с гордостью выпячивать ваши груди, чтобы все видели в вас героев!

Он переходит от патетического пафоса к трагическому шепоту. Восклицал, укорял и взывал...

— Родная Кубань, — говорил он, плача, — возьми меня в свою землю, чтобы не видеть и не испытывать мне больше позора, что я выношу...

Он почти падал в обморок на руки его окружающих. Впечатление было колоссальное. Из обвиняемого он превратился в обвинителя, вырос из маленького войскового старшины, на глазах у всех, в властного вождя, переживающего трагедию. Шкуро увели, и казаки в безмолвии разошлись. Его увели друзья-офицеры, посадили на автомобиль и увезли. Все это видели и никто не протестовал. Арестованный на глазах у всех стал свободным. Его освободили сила таланта убеждать и молчаливое признание всех...

«Персидский фронт»

А. Г. ЕМЕЛЬЯНОВ

ГЛАВА X

Последние числа мая я провел на Волчьей поляне, готовя восстание казаков. Для этой цели рассылал своих офицеров и партизан по соседним станицам Усть-Джмуримской, Воровсколесской, Баталпашинской, Бекешевской, Бургустанской и другим. В каждой из них у нас были верные друзья, через которых мои разведчики узнавали о силах большевиков,

о казачьих настроениях и новостях. Вместе с тем они пускали фантастические слухи о силах моего отряда, чтобы побудить станичников охотнее идти мне навстречу и поддержать их оппозиционное к большевикам отношение.

С Кисловодском, где у меня сидел пор. Бутлеров, и с Ессентуками, где был Мельников, поддерживалась регулярная связь, и я знал ежедневно о действиях и намерениях большевистских верхов, о положении дел на Тереке и действиях Добармии. Мое исчезновение из Владикавказской тюрьмы наделало, как я и ожидал, много шума; большевики тщетно искали меня на Группах и даже арестовали мою жену. Ходившие по станицам слухи о приблизительном местонахождении моего отряда докатились и до Кисловодска; в Совдепе начались разговоры о необходимости выслать вооруженную силу для моего окружения и поимки.

Во избежании всяких случайностей мы охранялись весьма бдительно. На вершине горы, на дереве сидел постоянно дозорный с биноклем, держа под своим наблюдением все ведущие к нам дороги. Со стороны Кумско-Лоовского аула нас охраняли черкесские патрули. Однако наше местопребывание постепенно становилось известным окрестному населению. К нам стали приходить пастухи, казаки, наконец, даже бабы, приносявшие нам гостинцы. Тут случилось еще одно досадное обстоятельство: поехавший в станицу Бековскую вахмистр Перваков и еще один казак напились там после спора на политические темы и выпороли одного большевизанствующего мужика. Вскоре после этого в Бековскую прибыл большевистский карательный отряд в составе роты и пехоты с пулеметами и полевым оружием, назначенный для нашего уловления. Надо было менять убежище.

Поздно ночью мы оседлали коней и гуськом, шагов по 40 дистанции, двинулись в путь, в глубь гор, где, по выражению казаков, была хорошая щель. Проезжая по местам, где пастухи пасли овец, или мимо хуторов, мы подымали крик и шум, чтобы оставить впечатление, что идет большой отряд. На Волчьей поляне, с этой же целью, оставили громадное количество пепелищ от костров; это мы делали на каждой остановке отряда. Кроме того, волочили за собой под брезентом деревянный пулемет, что также производило свой эффект. Как выяснилось впоследствии, карательный отряд, уже после нашего ухода, обстрелял поляну из пулемета и атаковал ее пехотой. При этом едва не погиб приехавший в разведку на старое место подполковник Сейделер. Спасся он прямо чудом.

Обосновавшись в новой «щели», мы сделали оттуда ряд набегов на крестьянские хутора за оружием. Набрали много всякого оружия, которое зарыли в разных потайных местах.

Однажды мы имели даже бой с двадцатью красноармейцами, засевшими в засаду на одном хуторе и встретившими мой отряд огнем, а затем перешедшими в атаку. Однако после короткого боя, причем мною была пущена обходная колонна из двух человек, красноармейцы бежали с поля битвы, побросав свое оружие, которое, таким образом, досталось нам. Там мы взяли 15 винтовок, коней, хлеб и одежду.

Для удобства сношений с горцами я нанял 5 черкесов-абреков, которые были нам чрезвычайно полезны своим изумительным знанием местности и всевозможных потайных лазов и троп. Они выводили нас такими тропинками, где лошади становились на колени и сползали таким образом, и водомоинами, где приходилось идти вслед за абреческим конем, который, опустив голову, подлезал под спутанные корни и лесные поросли, прорывая их лукою горского седла. Вскоре и «щель» стала небезопасной; нам приходилось часто менять штаб-квартиру, оставляя по-прежнему свой адрес у князя Лоова. Однажды я послал войскового старшину Сейделера в станицу Суворовскую, где был станичным комиссаром бывший атаман, старый гвардейский казак. Он сочувствовал всей душой делу борьбы с большевизмом и познакомил Сейделера с начальником станичных пластунов — есаулом Русановым и начальником конницы — сотником Евренко. Оба эти офицеры были утверждены в своих должностях большевиками и могли поэтому открыто обучать свои контингенты, весьма пригодившиеся нам впоследствии. Суворовский комиссар поддерживал с нами оживленную связь и весьма помогал нам. Дабы уберечь его семью от мести большевиков, мы обещали ему при захвате станицы Суворовской арестовать его и выпустить лишь по ходатайству стариков.

В это время большевики объявили под угрозой жестоких репрессий приказ о сдаче казаками оружия, еще оставшегося у них на руках. Отобранное оружие свозилось в станицу Баталпашинскую для дальнейшей переправки в Екатеринодар, но станичный комиссар оттягивал отправку этого оружия под разными предлогами, и оно так никогда и не досталось большевикам. Предупреждаемые о времени привоза некоторых партий оружия в станицу Баталпашинскую, мы делали засады, атаковали конвой и увозили оружие себе. В Кумско-Лововском ауле оставалось оружие от расформированной в нем в свое время запасной сотни 1-го черкесского полка. За ним поехал поручик Фрост с двумя казаками. Аульский старшина очень охотно подчинился, но просил оставить расписку, каковая была ему выдана от моего имени. Мы взяли там 200 пик, 80 шашек и 80 кинжалов. Тем временем мой отряд увеличивался пробиравшимися к нам добровольцами и состоял уже из 25 человек. Однажды рано утром я проснулся от чых-

то устремленных на меня глаз. Передо мной стоял старый казак, страшно оборванный, исхудавший и босой.

— Я — Георгий Победоносец! — заговорил он глухим голосом. — Веди, молодой воин, спасай казачество. Не забывай Бога, будь милосерден к людям. Ты одолеешь...

Это был юродивый, пробравшийся к нам пешком из Екатеринодара. Он стал ходить по окрестным станицам, пел псалмы, предсказывал скорое пришествие воина, идущего освободить русский народ от большевистского ига. Его мистические речи, переполненные цитатами из Святых Отцов и всевозможными намеками и прибаутками, отвечали чрезвычайно настроению казаков. Слушая его, они вспоминали глубокие обиды, унижения, расстрелы близких, и сердца их распалялись гневом. Бабы плакали навзрыд в чаянии новых бед.

Однажды я получил сведения, что в Бургустанском станичном управлении назначен митинг, на котором должны были выступить комиссары, приехавшие, чтобы потребовать от станичников помощи для поимки меня и моего отряда. Опасаясь, что это их выступление может отразиться нежелательным для меня образом на психологии казачества, я решил ответить им по-своему. В день митинга, когда стало уже темнеть, я выехал из своей штаб-квартиры в сопровождении шести вооруженных и снабженных ручными гранатами казаков. Поверх черкесок у нас были бурки. У въезда на станичную площадь я оставил четырех казаков, приказав им в случае тревоги, стрельбы или взрывов бомб броситься мне на помощь; сам же, в сопровождении вахмистра Первакова и урядника Безродного, поехал к станичному управлению. На улицах было безлюдно и тихо, ибо стар и млад пошли на митинг. По дороге от встретившейся казачки я узнал, что приехавшие на митинг большевики уже уехали в автомобиле и увезли с собой бывший в станице пулемет, на который я точил было зубы. Я дал инструкции сопровождавшим меня вахмистру Первакову и уряднику Безродному в случае, если бы я был схвачен, открыть стрельбу и бросать бомбы прямо в окна станичного управления. Мы поехали к станичному управлению. Гул многих спорящих голосов несся из его открытых, ярко освещенных окон.

— Это что за казаки? — спросил нас кто-то из темноты.

— Мне нужно станичного атамана, — сказал я, не отвечая на вопрос.

— Станичных атаманов больше нет; теперь всюду станичные комиссары. Я сам станичный комиссар.

— Вы прапорщик такой-то?

— Да, я бывший прапорщик.

— Я от восставших казаков.

— А вы не от полковника Шкуро?

— Нет, я сам полковник Шкуро.

— Пожалуйте в станичное управление, там все старики.

— Вот что, прапорщик, — сказал я ему отдельно и веско, — вон там на окраине станицы стоят два моих полка. В случае какого-либо предательства с вашей стороны они вырежут всю станицу до последнего человека. Вы поняли? Теперь ведите меня в управление.

Я спрыгнул с коня и последовал за комиссаром в зал заседания, как был в бурке и в папахе. Громкий говор, смех, шум, люди стоят кучками.

— Товарищи казаки, — возгласил комиссар, — сядьте по местам; прибыл и хочет говорить с вами делегат от полковника Шкуро.

Гробовая тишина.

Широкими шагами вышел я на середину зала, обернулся лицом к двери и остановился; полусбросил с себя бурку и положил одну руку на кинжал, держа опущенный вниз револьвер. Сотни загорелых лиц смотрели на меня изумленно полными напряженного внимания глазами.

— Я — полковник Шкуро. Здравствуйте, братья бургустанцы! — крикнул я что было сил.

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие! — раздался вдруг бешеный, неудержимый, надрывный крик, от которого закачались лампы и задрожали стекла, а у меня пошлы круги перед глазами. Я почувствовал всем своим существом, что взял их за живое, что это победа... Тогда я заговорил с ними краткими, сильными, понятными казаку словами. Охарактеризовал весь ужас советской власти, напомнил им о погубленном отечестве, о тысячах невинных жизней, павших жертвами произвола и насилий, и о пролитой казачьей крови, вопиющей к небу о мести. Вместо нашего покойного героя ведут славных добровольцев генералы Алексеев и Деникин.

— Приготовляйтесь к восстанию! Будут жертвы, кровавые жертвы с нашей стороны, но лучше казаку умереть на поле битвы, чем и далее влечь бесславное ярмо большевистских рабов!

Когда я кончил, старики бросились ко мне, плача, приветствуя, обнимая. Вдруг отворилась дверь и вошел сильно под хмельком молодой казак.

— Это что еще за белогвардейщина? Опять офицеры появляются. Чего же смотрят комиссар и красноармейцы? Почему не арестуют его?

Окружавшие меня старики испуганно шарахнулись в стороны и как-то сразу поникли. Не желая проливать крови, я решил, однако, оставить поле за собой.

— Как смеешь ты, пьяная рожа, являться сюда, где твои деды и отцы решают участь казачества? Если вы, старики, —

обратился я к ним, — не обуздаете своих щенков и они будут мутить народ, как мутили на фронте, то все равно ваша станица погибнет и от нее не останется камня на камне.

Сзади меня хлопнула дверь и раздался стук прикладов. Это входили, проталкиваясь через народ, вызванные кем-то красноармейцы.

— Дорогу, — рявкнул я и направился к двери, с револьвером в поднятой руке. Люди шарахнулись, я вышел, вскочил одним прыжком на коня, и через минуту мы уже мчались карьером по пустынным улицам станицы. Погони не было. Тогда я приказал вернуться в станицу с другой стороны. Подъехав к крайней хате, мы завели коней во двор, выставили часовых в обе стороны и стали стучаться в окошко.

— Вы кто такие будете? — раздался женский голос.

— Мы с базара, позвольте отдохнуть.

— Нынче базара не было.

— Да мы бекешевские, загуляли у кумы.

— Ну, заходите.

Я вышел с Перваковым и Безродным. Старуха хозяйка поздоровалась и приказала молодой накрывать стол и подать сметаны и молока.

— А где хозяин?

— Он пошел до правления. Говорит: что делается!

— А что?

— Приехал полковник Шкуро. С ним казаков видимо-невидимо, до самой речки все полки стояли. Красноармейцы хотели арестовать его, да он их стал бить, а потом усакал...

Чувствуя боль в сердце и невыносимую усталость, как реакцию после страшного напряжения нервов, отвернулся я к стенке, под буркой снял черкеску с погонами и остался в бешмете. При этом из газырей посыпались на пол патроны. Впоследствии я узнал, что по краю ходила легенда, будто меня пуля не берет — знаю такое слово. Видали будто бы, как в меня всадили пять пуль, а я зашел в хату и при людях высыпал пули из себя на пол.

Отдохнув и закусив, мы простились и поехали к себе. Встречая казаков, чтобы замести следы, спрашивали дорогу в разные направления и кстати расспрашивали, кто такой полковник Шкуро. Отзывы о нем были восторженные: был, мол, у нас в станице орел, громкий голос, из себя дюже красивый, говорил — скоро придет с дивизией казаков, нас выручать...

Глубокой ночью вернулся я на бивак. Устроив совет со Слащевым и офицерами, мы решили, что дальше медлить нельзя, иначе казаки могут потерять дух, а большевики подтянут силы. Было решено сделать налет в ночь на 10-е июня в станицу Суворовскую. Стали готовиться. Мои партизаны

сговорились с надежными казаками, чтобы все, кто хотят присоединиться к отряду, в ночь на 10-е число выставили бы свет в окошки и ожидали нас, имея полное вооружение и оседланных коней.

Когда стемнело, я построил свой отряд и поздравил с первым походом. Мы двинулись, применяя обычные наши фокусы для того, чтобы убедить население в нашей многочисленности. Кроме того, применили новый трюк: проезжали по одному и тому же месту несколько раз, обходом возвращались обратно. Наполненные оружием, открытым теперь из наших потайных складов, следовавшие на рысях телеги напоминали артиллерию своим грохотом.

Станицу Бекешевскую, дабы не оставлять следов, мы обошли по руслу реки. Отряд пошел дальше; я же с Перваковым проехали прямо в станицу, стуча по три раза в хаты, окна которых были освещены — «время настало». Через одну-две минуты после стука из ворот выезжал готовый казак и молча следовал за нами. Особенно запомнился выезд первого добровольца. На наш стук в окно вышел старик казак; он был в одном белье. Опознав Первакова, старик впустил нас в хату. Вошли; поднялась и хозяйка. Я сбросил бурку.

— Здравствуй, хозяин. Я — полковник Шкуро, начинаю войну. Давайте вашего сына! Я его знаю, он добрый казак.

— Благослови, Господи, наше дело! Мать, иди седлай коня!

Старуха и жена молодого казака завывли. Через минуту он уже ехал за нами по улице.

Часа два мы собирали казаков. Собаки подняли страшный лай. Изредка слышалось сдержанное завывание жен и матерей, оплакивавших своих уходящих членов семейств. Набрав человек двадцать и оставив Первакова собирать других, я поскакал от Бекешевки. Подойдя к станице Суворовской, послал письменный приказ есаулу Русанову и сотнику Евренко по первому же звуку церковного набата собирать казаков и вооружать их из станичного правления. Затем я выслал вперед конные партии с офицерами во главе, чтобы арестовать без шума всех членов местного Совдепа, а также и станичного комиссара, знаменитого гвардейского казака, с которым приказал обращаться демонстративно грубо.

Выждав время, пока это было исполнено, я развернул свой отряд лавой и пошел на станицу, выслав вперед разъезды, которым было приказано бросить несколько гранат на станичной площади. Раздались взрывы. Далеко понеслись в утреннем воздухе медные звуки призывного набата. Мы шли на рысях по улицам станицы; мои трубачи трубили тревогу, из окон выглядывали испуганные физиономии, полуодетые станичники выскакивали из хат, натягивали на ходу бешметы и бежали на площадь. Ожидавшие нас казаки выезжали в пол-

ном вооружении и присоединялись к отряду. Мальчишки-ка-зачата на неоседланных конях с визгом мчались за отрядом.

Через час площадь была набита народом. Я обосновался в станичном правлении; Слащев устроил там же свой штаб. Вскоре был опечатан на машинке первый боевой приказ, в котором перечислялись якобы существовавшие дивизии, полки, сотни и батареи, долженствовавшие согласно этому приказу отправиться в район отдаленной станицы Отрадной, на поддержку сражавшихся там казаков. Я стоял на крыльце станичного правления и принимал доклады подскакивавших ко мне ординарцев из этих несуществующих частей. Они громко докладывали мне, что их части «двинулись уже в Отрадную». Роль этих ординарцев исполняли казаки Волчьей поляны.

Привели арестованного станичного комиссара и членов Совдепа. Я приказал рассадить их всех отдельно и назначить над ними полевой суд. Затем поздоровался с народом и сказал речь, в которой заявлял, что восстание против насильников-коммунистов поднято мною по приказанию находящихся при Добровольческой армии войскового атамана и кубанского краевого правительства. Я требую беспрекословного исполнения моих приказаний и назначаю мобилизацию казаков пяти младших присяг, прием всех охотников и мобилизацию лошадей. Для производства последней назначается комиссия из стариков под начальством офицера. Ввиду отсутствия денег комиссия должна выдавать квитанции для последующей их оплаты средствами войсковой казны. Собравшийся народ встретил мои слова восторженным «ура», и тотчас же закипела работа в станице. Затем ко мне явилась делегация от стариков просить освобождения арестованного станичного комиссара.

— Он был хорошим атаманом, — говорили они, — когда же большевики назначили его комиссаром, то заступался за нас и не давал в обиду. Оставьте его по-прежнему нашим атаманом.

Я приказал привести арестованного.

— По просьбе стариков, — сказал я ему, — освобождаю вас от наказания за службу у большевиков и назначаю вновь станичным атаманом. Примите, однако, обличье, приличное казаку.

Через несколько мгновений славный старик появился в синей черкеске с погонами гвардейской сотни конвоя его величества и многочисленными медалями. Его радостно приветствовало население.

Полковник Слащев уже напечатал на машинке первую боевую сводку. В ней говорилось, что Добровольческая армия наступает на Тихорецкую, что на Кубани, в Лабинском отделе и на Тереке вспыхнуло повсеместное восстание против советской власти. Тем временем уже построились 3 конных и

2 пластунских сотни вновь сформированного Суворовского отряда под начальством своих станичных офицеров во главе с есаулом Русановым. Все казаки были вооружены и одеты в черкески с погонями.

— Поздравляю вас, — кричал я, объезжая сотни. — Вы опять казаки! Многие из вас не увидят больше родной станицы, но те, которые погибнут, падут за освобождение казачества!

Народ тащил скрывавшихся и пойманных красноармейцев. Раздавались голоса, требовавшие немедленной с ними расправы. Я снова обратился к народу с речью:

— Мы не нападаем, мы защищаемся, — сказал я, — не будем же начинать наше правое дело пролитием крови. Отпустите на все четыре стороны этих несчастных, ослепленных лжеучителями, людей. Пусть они рассказывают всюду о том, что мы не душегубы и не насильники, подобно коммунистам, а люди, поднявшиеся на защиту своей свободы. Кто из них хочет, может поступать в наше войско и боевыми заслугами искупить свой, быть может, невольный грех перед родиной.

Слова эти произвели на всех громадное впечатление. Вслед за этим на открытом воздухе было отслужено молебствие о даровании победы нашему оружию. Я же получил тем временем сведения, что весть о поднятии мною восстания докатилась уже до Группы Кавминвод и произвела страшный переполох в большевистских верхах. Я полагал, что не далее как завтра могу быть атакованным красными частями. Необходимо было увеличивать отряд и мобилизовать возможно большие силы в ожидании первого боя, результат которого должен был произвести громадное впечатление на психологию казачества.

— Была думка. Признаюсь, — говорил Шкуро. — Уже в первые дни революции видел, что ничего путного не выйдет. Революция началась с севера, из столицы. Рыба с головы начинает тухнуть. Хотел с казаками усмирить Москву, да доехать не удалось.

Я спросил Шкуро о маршруте и числах. Выходило, что по Екатерининской дороге с юго-западного фронта Шкуро двигался на Москву.

— Ну и что же?

— Вижу, что с усмирением не выходит. Стал проситься опять на фронт. Куда? Слыхал, что в Персии есть лихой батяка Баратов. Стал проситься к нему. Фронт далекий, крепкий. Буду драться с турками, с курдами, с самим чертом... Ну не могу я видеть митингов!..

«Персидский фронт»

А. Г. ЕМЕЛЬЯНОВ

ГЛАВА XI

Я приказал Суворовскому отряду двинуться на станицу Воровсколескую, отстоящую от Суворовской верст на сорок. Уже начало темнеть, когда отряд выступил. Для ускорения движения пластуны были посажены на подводы. Отряд должен был идти переменным аллюром. Одновременно я послал письменный приказ в станицу Бекешевскую — мобилизоваться и ждать нашего прибытия через 1-2 дня; догнав в пути суворовцев, приказал, чтобы при занятии Воровсколеской всеми средствами избегать кровопролития и не допускать каких-либо насилий и грабежей.

На рассвете мы подошли к Воровсколеской. Станичники, уже предупрежденные о событиях, ждали нас. По звуку набата вся станица собралась на площади. Тотчас же я объявил мобилизацию и сбор коней. Призыв к восстанию в этой станице был встречен со значительно меньшим энтузиазмом, ибо она находилась в непосредственной близости к границе Ставропольской «мужицкой» губернии и могла первой подвергнуться атакам со стороны расквартированных там красных гарнизонов.

Вскоре ко мне в станичное правление прибыли делегации от соседних сел Ставропольской губернии — Нагутского, Лебедевки и др., присланные для того, чтобы осведомиться о моей политической платформе. Я объяснил делегатам, что мы восстаем под лозунгами: «Долой советскую власть», «Да здравствует Всероссийское учредительное собрание». Делегация уехала, увезя с собой отпечатанные моим штабом и объяснявшие наше политическое «кредо» воззвания к казакам и крестьянам. Делегаты обещали переговорить с антибольшевистской организацией села Солдатско-Александровского, объединявшего вокруг себя 18 сел и немецких колоний. В распоряжении этой организации было многочисленное и разнообразное вооружение вплоть до артиллерии полевой, горной и даже тяжелой.

От полубольшевистского селения Курсавки, расположенного по железной дороге между Минеральными Водами и Армавиром, также прибыла делегация. Курсавчане обещали свой нейтралитет в имеющей произойти гражданской войне, но просили нас не трогать их села. Желая, однако, извлечь что-нибудь и от Курсавки, я послал туда несколько пожилых казаков. На созванном там митинге выяснилось, что многие жители хотели бы поддержать меня, но другие, боясь мести Красной Армии, стояли за нейтралитет.

В полдень прискакало ко мне несколько казаков из станицы Бугурустанской. Они сообщили, что в их станицу приехали комиссары и потребовали немедленной выдачи всего оружия, угрожая в противном случае разгромить станицу посредством

якобы следующего за ними отряда Красной Армии. Комиссары арестовали несколько казаков за контрреволюционность, которая выразилась в том, что я, полковник Шкуро, не был арестован, когда выступил в станичном правлении. Трое из арестованных казаков уже расстреляны. Известие это еще более убедило меня в необходимости действовать возможно быстрее во избежание деморализации казачества. В Воровсколесской мой отряд усилился на 200 конных казаков и 100 пластунов. Однако многие из них были вооружены лишь холодным оружием, а те, у кого были ружья, не имели достаточного количества патронов. Отслужив напутственный молебен, около четырех часов дня мы выступили (имея опять пехоту на подводах) по направлению на Бекешевку. В Воровсколесской я назначил начальника гарнизона, подчинив ему конвойную команду из стариков, и приказал держать со мной связь постами летучей почты.

Поздно вечером, под лихие песни казаков, подходили к Бекешевке. Вот замелькали станичные огни, высыпал из ворот народ.

— Что за войско? — закричал чей-то голос.

— Шкуринцы, — отвечали мои казаки.

Я выслал сторожевых вокруг станицы с приказанием впускать всех, но не выпускать никого из станицы. Справа повзводно, растянувшись длинной колонной, вошли мы в станицу. Ко мне подскакал с рапортом вахмистр Перваков, оставленный тут вчера ночью для вербовки партизан. Он распорядился, оказывается, уже от моего имени, арестовать всех комиссаров, а трех, наиболее ненавистных казачеству, успел даже расстрелять. Я напустился на него за такое нарушение моих указаний; он же оправдывался тем, что нужно было пустить малость крови, чтобы казаки, зная, какая расплата теперь грозит со стороны коммунистов, стояли тверже. Я расположил свой отряд на ночевку на станичной площади. Казаки развели костры и готовили себе всякую снедь из припасов, обильно нанесенных им щедрыми казачками.

Всю ночь в станице продолжалась лихорадочная работа по формированию пеших и конных из бекешевских контингентов. В моем штабѣ тоже не спали. Донесения стекались со всех сторон. Красные не дремали. Еще в течение дня были получены сведения, что из Ессентуков выступил отряд Красной Армии в составе 500 штыков, при двух орудиях. Он шел на Суворовскую. Отряд такой же силы выступал из Кисловодска по направлению на Бургустанскую. На станции Курсавка уже высаживаются эшелоны красных, имеющие, вероятно, своим заданием овладеть Воровсколесской и Бекешевской. Из Армавира едут поездами красные части с артиллерией для высадки на станции Невинномысской и дальнейшего движения

на Баталпашинскую, для закрепления за собой этой, пока еще не поднятой мною, станицы.

В течение ночи были получены донесения, что красноармейцы уже вступили в Суворовскую и в Бургустанскую и арестовали оставленные мною власти, а виднейших казаков взяли заложниками. В Бургустанской они насильно мобилизовали казаков, но те перерезали в пути комиссаров и бежали обратно в свою станицу. На рассвете из Суворовской вышел, направляясь на Бекешевку, красный отряд.

Из темноты я услышал крики:

— *Стой, стой!*

— *Это не нам, Иван Савельевич?*

— *Должно быть, нам. Как будто кругом больше никого нет.*

Белянчиков остановил автомобиль. Ко мне подбежал маленького роста человек в большой папахе.

— *Вы куда? В Шеверин? В штаб? Позвольте представиться: войсковой старшина Шкуро. Мне нужно к командиру корпуса, да этот проклятый грузовик до утра будет идти. Подвезите, пожалуйста.*

Мы поехали. В темноте на Шеверин-Хамаданской дороге беспомощно стоял грузовой автомобиль. Шкуро кричал казаку:

— *Смотри ящики не побей! Найдешь меня в офицерском собрании.*

«Персидский фронт»

А. Г. ЕМЕЛЬЯНОВ

ГЛАВА XII

Учитывая, что мой плохо вооруженный и совершенно не сколоченный отряд пока еще мало пригоден к маневренным действиям, я распорядился следующим образом: пехоту поделил на две части; наилучше вооруженная часть ее, под начальством есаула Русанова, должна была занять горный хребет в шести верстах от станицы Бекешевской, на дороге Суворовская — Бекешевская. Остальные — тысячи две жителей, вооруженных чем попало, — должны были занять вторую позицию, почти у околицы станицы Бекешевской. Кавалерию в составе 600 человек, из них только 150-200 с винтовками, я взял под свою непосредственную команду и спрятал ее за правым флангом передовой позиции. Сотник Евренко с двумя конными сотнями суворовцев должен был отправиться в обход, через станицу Бургустанскую, и, подняв там казаков, ударить вместе с ними в тыл наступающих на нас красных.

На рассвете 12 июня я расположил свое войско согласно вышеизложенному и, выслав разъезды в разные стороны, ожидал неприятеля. Я объехал ряды казаков, призывая их сра-

чиваюсь и вижу, что моя пехота залегла на том месте, где только что была неприятельская цепь; оттуда послышалась трескотня пулеметов, и убежавшие красноармейцы стали то здесь, то там с размаху тыкаться в землю. Оказывается, мои пехотинцы взяли 5 пулеметов и тотчас же обратили их против врагов. Тут же было подобрано до 70 винтовок и масса патронов.

Отбежав верст 25, большевики вдруг остановились и вновь открыли огонь; оказалось, что к ним подошли подкрепления. Я приказал прапорщику Светашеву, захватив с собой взвод конных казаков, скакать что есть силы в станицу Бургустанскую и поторопить сотника Евренко с его выходом в тыл неприятельских сил. Есаулу же Русанову послал приказание не продвигаться вперед, пока не начнется пальба в большевистских тылах.

Перестрелка длилась с час. Вдруг я вижу в бинокль, как русановские пластуны перебежками начинают отходить к станице; вот провезли в тыл пулеметы на тачанках. Оказалось, что группа красных, зайдя, в свою очередь, во фланг цепи пластунов, вынудила ее своим огнем к отступлению. В то же время артиллерия противника метко била по нашей цепи. Увидя, что дело дрянь, и, посоветовавшись со Слащевым, я решил бросить свою конницу на батарею, с целью овладеть ею и дать возможность Русанову обосноваться на второй линии. Видя мчавшуюся на него конницу, артиллерийское прикрытие пустилось наутек; артиллеристы открыли бешеный огонь картечью, вырывая целые прорехи из рядов казаков. Мчавшийся впереди доблестный прапорщик Светашев, присоединившийся ко мне в самом начале восстания, один из лучших офицеров, получив целый заряд в себя и лошадь, был разорван на куски. Конница дрогнула и пустилась врассыпную.

Собрав вокруг себя несколько десятков конных казаков, полковник Слащев снова бросился на батарею, но упал, споткнувшись о воронку, вместе с конем. Он тотчас же вскочил снова и вдвоем с ординарцем врубился в прислугу; я со своим конвоем влетел на батарею, но, к сожалению, оказался у зарядных ящиков. Прислуга, перерубив построшки, поскакала от нас в сторону, преследуемая моим конвоем. Мы захватили ящики, но красные артиллеристы успели увезти пушку. В это время я получил донесение Русанова, что его пехота, полагая, что наше дело проиграно, начинает разбегаться и со второй линии.

Вдруг в красных рядах начались смятение и крик. Это Евренко врубился, наконец, с тыла в красные резервы. Увидя это зрелище, все население Бекешевки высыпало на бугор, оглашая воздух радостными воплями. Вообразивши, что к нам подошли новые силы, большевики пустились бежать. Собравшаяся вновь моя конница бросилась в шашки. Очутившиеся

между двух конных отрядов, красноармейцы устремились в чистое поле между станицами Бекешевской и Суворовской, и тут произошло их страшное избиение — более 500 трупов было подобрано потом на этом месте. Я наскочил со своим конвоем на удиравший эскадрон красных и лично срубил с коня его командира, большевика из вольноопределяющихся, который хотел в свое время, в качестве шпиона, проникнуть в мою организацию. Мы захватили пушку, оказавшуюся не исправной, 6 пулеметов, 400 ружей и массу патронов.

В это время в Суворовскую прибыл отряд Красной Армии, около 1000 человек, сделавшихся пассивными свидетелями того, как бегали по полю, настигаемые казачьими шашками, красноармейцы и как летели их головы. Вновь прибывшие поспешно замитинговали, решили, что силы не равны, и разбежались. Около пяти часов дня все было кончено. Тем временем в штабе моем были получены донесения, что отряд Красной Армии из Баталпашинской направляется на Бекешевку. Другой отряд, вышедший из Курсавки, занял станицу Воровсколесскую. Приказав первой сотне преследовать остатки красных, бежавших по направлению к Ессентукам, я повернул свой отряд обратно на Бекешевскую, чтобы дать людям поесть и отдохнуть. Население встретило нас с восторгом.

На другой день с утра мы похоронили убитых и организовали обоз для транспортировки с собою раненых, насчитывавших уже около сотни, которых, не имея базы, я должен был таскать с собой повсюду, из опасения, чтобы они не были зверски зарезаны мстительными коммунистами. Весть о вчерашней моей победе над большевиками широко разнеслась по краю. Шла молва о том, что у меня уже до 70 000 войска и будто одних пленных я набрал 10 000 человек.

Ко мне прибыли, между тем, небольшие отряды добровольцев-казаков из станиц Кисловодской и Ессентукской. Каждый из этих пяти отрядов просил атаковать его станицу, гарантируя поголовное восстание ее населения. Передо мною стояла дилемма: или атаковать направляющиеся на меня красные отряды (но будучи плохо вооруженным, я подвергал дело большим случайностям), или же, игнорируя их, ворваться в один из городов Минераловодской Группы, в каждом из коих были значительные склады оружия. Вооружив свой отряд, я мог бы, уже с большими шансами на успех, уничтожить живую силу противника. Ввиду того, что в Кисловодске, по полученным мною сведениям, гарнизон был слабее, я решил атаковать его, никому, однако, кроме Слащева, не сообщив о своем решении.

Днем 13 июня в Бургустанскую приехал полковник Константин Агоев вместе с комиссаром Радзевичем для переговоров со мною от имени Пятигорского Совдепа. Однако Радзе-

вич, боясь недружелюбия казаков, вскоре уехал в автомобиле обратно. Во главе всего своего отряда я двинулся к Бургустанской и остановился биваком в близлежащем лесу. Агоев, приехавший ко мне на линейке, сообщил мне, что брат его, полковник Владимир Агоев, у станицы Мариинской организовал отряд терцев и хотел было уже поднять восстание, но внезапный арест большевиками намечавшегося командующим Терской армией полковника Бочарова, — позже расстрелянного ими, — спутал все карты. Он, Константин Агоев, тоже сформировал, с согласия большевиков и на основании прежних переговоров с Автономовым, отряд милиции человек в 200 и намерен попытаться освободить Бочарова и бежать к брату.

— С чем же вы идете? — сказал он мне. — Ведь у вас нет оружия.

— Передайте комиссарам, что у большевиков есть достаточно оружия и мы его возьмем.

— Большевики уполномочили меня предложить вам сдать-ся при условии полной амнистии вам и всем восставшим. Ваша жена взята заложницей, и ее расстреляют, если вы не сдадитесь.

— Передайте комиссарам, что женщина ни при чем в этой войне. Если же большевики убьют мою жену, то клянусь, что вырежу, в свою очередь, все семьи комиссаров, которые мне попадутся в руки. Относительно же моей сдачи передайте им, что тысяча казаков доверили мне свои жизни и я не брошу их и оружия не положу.

Этот мой ответ позднее был напечатан во всех большевистских газетах. Мы дружески распростились с Агоевым, и я сказал ему по секрету, что завтра иду в Кисловодск или Ессентуки. Проводив его, двинулся с отрядом в Бургустанскую. С песнями, сотня за сотней, вступали мы в эту станицу, восторженно приветствуемые ее населением. Никогда, ни раньше, ни потом, не видел я такого энтузиазма и готовности идти на все жертвы. На площади отслужили мы ночной молебен под слезы вдов и клятвы бургустанцев победить или умереть. Эта чудная станица, равно как и Бекешевка, жестоко поплатились впоследствии: они были уничтожены дотла большевиками.

Ночью я собрал военный совет, на который, кроме чинов штаба, своих старых офицеров и строевых начальников, пригласил бургустанскую станичную администрацию, а также делегатов станиц Ессентукской и Кисловодской. Выслушав мнения всех присутствующих, я объявил, что мы пойдем брать Пятигорск. Тотчас же после совета выслал сотню бургустанских казаков для производства демонстрации на Пятигорском направлении. Ввиду того, что результат военного совета стал уже известным в Пятигорске, а также вследствие этой демонстрации, большевики стали поспешно оттягивать войска в Пятигорск из других городов Группы. Из Кисловодска также

была отправлена часть гарнизона, в том числе и горная батарея, на которую я было имел виды.

В полночь на 13 июня я построил свой отряд, отобрав из него 4 конных и 2 пластунских сотни из лучших и храбрейших казаков, при двух пулеметах, и, посадив пластунов на подводы, двинулся на Пятигорск. Остальную часть отряда поделил пополам, поручив ей защиту станиц Бекешевской и Бургустанской от возможных нападений большевистских войск. Присоединившись затем к моему отряду, двигавшемуся на Пятигорск, я, неожиданно для всех, приказал свернуть на Кисловодскую дорогу; не доходя несколько верст до Кисловодска, разделил отряд на три колонны; первая из них должна была атаковать здание Совдепа на Тополевской улице, вторая — вокзал и Курзал при нем, третья — парк. Каждой колонне были приданы проводники из казаков станицы Кисловодской.

Едва начало светать, как колонны, изрубив большевистские посты, ворвались в Кисловодск. Вокзал, Курзал и часть парка были захвачены сравнительно легко, но из Нарзанной галереи, где засели большевики с пулеметами, а также из здания Совдепа, где забаррикадировались комиссары, нас осыпали пулями. Казаки рассыпались в цепь и затеяли длительную перестрелку. Бой затягивался. Хотя железнодорожный мостик на дороге Кисловодск—Пятигорск был взорван и мы были гарантированы от нападений неприятельских поездов, но кавалерия, брошенная по тревоге, могла бы атаковать нас внезапно. Я рыскал по улицам со своим конвоем в поисках оружия. К счастью, казаки нашли его в какой-то школе. Там оказалось 1000 винтовок, 100 000 патронов и 18 бомбометов с несколькими тысячами снарядов к ним, много револьверов и 9 пулеметов. Я приказал тотчас же грузить винтовки на подводы и вывозить их. Из бомбометов же мы начали обстрел зданий Совдепа. Выпустили уже снарядов пятьдесят, как вдруг один из них попал в окно нижнего этажа и разорвался внутри. Стрельба оттуда мгновенно прекратилась; лишь из верхнего этажа дома нас продолжали осыпать пулями.

Ввиду того, что у стен дома теперь образовалось необстреливаемое (мертвое) пространство, я решил взять его штурмом и вызвал для этого охотников. Вызвалось человек двадцать. Главная трудность состояла в том, чтобы перебежать поперек широкую улицу, сильно обстреливаемую фланговым огнем из Нарзанной галереи. Приказав усилить до предела возможного огонь по галерее, я ринулся с охотниками через улицу. Потеряв четырех казаков ранеными, мы достигли, однако, дома и, выломав двери ударами прикладов, ринулись вверх по лестнице во второй этаж. На меня бросился кто-то с револьвером в руках, но я успел положить его наповал пулей из нагана в лоб.

Мы ворвались в большой зал, наполненный пороховым дымом. С десятков большевиков, преимущественно комиссаров, увидя нас, бросились на колени среди трупов и умоляли, с поднятыми вверх дрожащими руками, не убивать их. Я переписал фамилии пленных и объявил, что дарую им жизнь, но под условием, чтобы никто из жителей Кисловодска и станицы не пострадал за мой набег.

— Я мог бы взять вас с собой в качестве заложников, но не делаю этого, полагаясь на ваше чувство чести, — сказал я им. Они благодарили меня униженно и со слезами.

На близлежащей горке засели красноармейцы, наносившие нам потери. Я бросился на эту горку с группой казаков, чтобы выбить оттуда засевших, но был встречен таким огнем почти в упор, что уцелевшие станичники разбежались. Я остался лишь с одним вестовым перед несколькими десятками бросившихся на меня в штыки красноармейцев.

— Держи! Держи! Сдавайся! — кричали они.

Выпустив в них все патроны своего нагана, я вынужден был спастись бегством, но оказался перед оврагом сажени четыре глубиной. В это время большевики дали залп и сбили с меня папаху. Выбора не было, и я прыгнул в овраг, а за мною и вестовой. До сих пор не понимаю, как я не поломал себе ног. Подбежавшие к оврагу красноармейцы открыли было сверху опять стрельбу по нас, но, встреченные, в свою очередь, огнем находившихся вдали казаков, поспешно ретировались. Я оказался на улице возле самого вокзала. Слащево со штабом находился в это время у въезда в станицу. Я послал ему приказание собирать войска на Пятницком базаре.

Тем временем ко мне явилась депутация со станицы Кисловодской, просившая, чтобы я объявил в ней мобилизацию и поднял станицу. Не имея в виду оставаться тут и не желая подводить кисловодчан под репрессии, я отказался категорически от этого предложения, разрешив, однако, желающим из них присоединиться к нашему отряду. Сотни три конных казаков тут же присоединились к нам. Я хотел было еще взять Нарзанную галерею, чтобы овладеть находившимися там пулеметами, но высланная туда полусотня была встречена таким огнем, что пришлось отказаться от этой мысли. В это время я получил донесение, что значительный отряд красных, в составе, примерно, 2-3 тысяч пехоты и полка конницы, движется на Бекешевку со стороны Баталпашинской. Я решил двигаться немедленно кратчайшей дорогой на выручку Бекешевки через Кумско-Лоовский аул.

В шесть часов вечера, 13 июня, выступили мы из Кисловодска, взяв с собой своих четырех убитых, 60-70 раненых и большой обоз с оружием и взятыми в Совдепе запасами чая, сахара и мануфактуры. Ночью мы отдохнули часа два в селеении Михайловском. Там я получил новое донесение от остав-

ленного мною начальника отряда, прикрывавшего Бекешевку, есаула Русанова. Он доносил, что большевики находятся уже в десяти верстах от Бекешевки, наступают густыми цепями и громят артиллерией, а плохо вооруженные казаки ополчения отходят к станице, причем между ними возникли слухи, будто я их бросил и больше не вернусь в Бекешевку. Я приказал прибывшему ко мне в отряд и назначенному мною начальником конницы полковнику Кубанского войска — Удовенко идти лесными дорогами, выйти севернее Бекешевки и атаковать во фланг и тыл наступающих на станицу большевиков. Всех пластунов на подводах двинул прямо на Бекешевку. В станицу Бургустанскую же послал приказание, чтобы ее ополчение продолжало бдительную охрану в три направления — на Ессентуки, на Кисловодск и на Суворовскую, — выделило в то же время все наличные резервы и выслало их в помощь бекешевцам. Доблестные бургустанцы выслали 400 казаков и коней. Сам же я с сотней своего конвоя помчался, обгоняя своих пластунов, к Бекешевке.

15 июня утром я подъехал к этой станице. Русанов с ополчением уже отошел от нее, занятой на его плечах красными, и вел бой на южной ее окраине. Навстречу мне попадались повозки, груженные казачьи имуществами, и толпы беженцев, преимущественно женщин, заливавшихся слезами, детей и сумрачных старцев, медленно двигавшихся, опираясь на посохи. Вот вдаль показалась станица и казачьи цепи, быстро отходившие от нее. Шрапнель противника метко рвалась над нами. Гора Бекет, высившаяся верстах в шести южнее станицы и ставшая командной высотой над всем полем сражения, была уже занята большевиками, фланкировавшими с нее казачьи цепи. Судя по меткости артиллерийского огня, неприятельские наблюдатели, видимо, уже также установили на ней свои посты. Я поскакал по казачьим цепям, ободряя их и обещая скорое прибытие помощи. Увидев, что я их не бросил и что к нам идет подкрепление, казаки подбодрились, по моему приказанию перешли в контратаку и остановили неприятельские цепи, которые залегли и затеяли длительную перестрелку.

Тем временем группа казаков, известными им одним лесными тропинками, пробралась к вершине горы Бекет и выбила оттуда красных. Теперь, в свою очередь, красные, поражаемые во фланг, не выдержали и начали отступать к станице. Ободренные успехом казаки стали все сильнее и сильнее теснить большевиков. Вдруг я получаю донесение, что неприятельская артиллерия карьером уходит из станицы — это Удовенко вышел в тыл. К сожалению, он обнаружил себя преждевременно, иначе бы артиллерия стала нашей добычей. Дело в том, что на пути отступления красных была сильно тинистая, непроходимая вброд речка. Удовенко успел

захватить все мосты, кроме одного, к которому и устремилась красная артиллерия. Ввиду того, что проскакивать через мост ей пришлось под огнем, две пушки опрокинулись с моста, и их засосало в болоте; зарядные же ящики и весь обоз с имуществом, награбленным большевиками в станице, достался нам.

Конная сотня казаков Удовенко заняла мост тотчас же и залегла на нем. Лишившись поддержки своей артиллерии, красная пехота быстро очистила станицу и бросилась к переправам, но, встреченная огнем занявших мост казаков, остановилась в смятении; прижатая к болотистой речке и впадшая в панику, она была обречена на гибель. Я пустил в конную атаку свою конную сотню. Вzbешенные тем, что во время своего кратковременного пребывания в станице большевики расстреляли несколько стариков, бекешевские ополченцы не давали пощады никому. Из двухтысячного большевистского отряда не ушел почти никто. В этом бою мы захватили 2000 ружей и 7 пулеметов. К вечеру в окрестных лесах было взято еще несколько десятков пленных, но и им не дали пощады вzbешенные казаки.

Эта победа сильно ободрила казаков, ибо они увидели на опыте, что, несмотря на то, что мы были малочисленны и почти безоружны, но били Красную Армию, страшную только для незащитных, но неизменно пасующую, лишь только ей приходится встречаться с организованным войском. Я подогрел это настроение и указал бекешевцам в речи, сказанной на станичной площади, что до тех пор, пока в нашем войске будет царить дисциплина и послушание, мы непобедимы; если же начнется митингование, то гибель нашего дела неизбежна.

Для того, чтобы подсчитать свои силы и организовать поинному мой, теперь уже значительно увеличившийся, отряд, я расположил его вне станицы. Пропуская его мимо себя, я был поражен: сотни выглядели очень жидко; однако наутро части опять были полными; это объясняется тем, что для казака совершенно невозможно, будучи возле своей хаты, не переночевать дома. Я отобрал 3000 вполне годных к бою казаков и сформировал из них одну конную дивизию трехполкового состава и одну пластунскую бригаду из трех батальонов. По имени старых казачьих полков, которые комплектовались из этих Полковых округов, полки конной дивизии получили названия 1-го и 2-го Хоперских кубанских и 1-го Волжского терского. Батальоны пластунов были наименованы 6-м и 12-м пластунскими кубанскими и 1-м терским. Начальником конной дивизии был назначен мною полковник Удовенко.

Из присоединившихся к моему отряду горцев-черкесов, кабардинцев и карачаевцев — мною был сформирован кон-

ный горский дивизион, двухсотенного состава, командиром которого я назначил нашего старого друга, присоединившегося теперь к отряду корнета князя Лоова. Ввиду того, что малобоеспособные старики и казачата бекешевы, гордые своей недавней победой, путались всюду, мешая работе, я сформировал из них гарнизонный конный полк и пеший батальон. Однако никакими силами нельзя было отобрать у них и даже от участвовавших в сражении баб захваченное ими оружие, которое они берегли, как зеницу ока.

С казаками бороться против большевиков пошли и многие крестьяне, жившие поблизости от станиц и в самих станицах. Этим казаки приговором станичного общества зачисляли в казачье сословие. Такие добровольцы дрались отлично и подавали пример удали казакам.

Казаки в бою действовали великолепно, с громадным мужеством и искусством. Младшие офицеры были хороши, но в сотенных и полковых командах ощущался большой недостаток.

Ген. П. Н. КРАСНОВ

ГЛАВА XIII

С 15 июня стояли мы в окрестностях станицы Бекешевской, часто меняя бивак, ввиду необходимости пасти коней на траве. В то же время велась усиленная разведка в разные стороны, и части пополнялись прибывавшими отовсюду казаками. Ожидали прибытия солдатских отрядов из восставшего района Солдатско-Александровского, но тщетно. От разбросанной всюду моей агентуры поступили сведения, что большевики сняли часть своих сил с Тихорецкого антидобровольческого фронта и сосредоточивают их в районе Невинномысской и Баталпашинской. Броневые поезда красных курсировали по всем путям.

По городам и станицам, занятым большевиками, было введено осадное положение и начались массовые аресты и расстрелы. Советская пресса, исправно мне доставляемая, забавляла себя и своих читателей рассказами о понесенных мною бесчисленных поражениях, о моей поимке и даже казни. На одном из митингов были даже проданы с аукциона снятые с меня, якобы после моего расстрела, сапоги. Вследствие своей удивительной непоследовательности, большевистские пускатели уток расстреливали меня вчера, но затем объявляли о новом моем поражении, и так без конца. Я посылал тем временем отдельные небольшие отряды делать налеты на большевистские села и хутора, за оружием, провиантом, фуражом, но главное за конями, которых не

хватало, а также для того, чтобы взрывать мосты и нарушать железнодорожное сообщение и вносить беспорядок в большевистские коммуникации.

Рассылаемые мною во все стороны эмиссары подымали восстания моим именем в различных станицах Баталпашинского и Лабинского отделов. Это делало мое имя вездесущим, чему весьма способствовала большевистская пресса.

18 июня я перешел с отрядом в район Белого ключа, верстах в 16-ти от Бекашевки, где были превосходное пастбище и водопой. В Белый ключ прибыл ко мне разъезд казаков-лабинцев, доложивший, что он послан подьесаулом Солоцким, пробивающимся на соединение со мною из Лабинского отдела, через станицы Вознесенскую и Отрадную. 21 июня мои разъезды донесли, что Солоцкий приближается. Мы все бросились к нему навстречу. Сотня за сотней, с песнями ехали лихие лабинцы. При моем приближении бывшие в их отряде трубачи грянули войсковой марш; далеко покатилося, оглашая леса и горы, могучее «ура», папахи полетели в воздух. Мои казаки обнимали и целовали вновь прибывших. Это был незабываемый момент.

Солоцкий привел с собой около 5000 годных к бою казаков — 2 конных полка — 1-й Лабинский и 1-й Хоперский, и 2 пластунских батальона того же наименования (около 4000 шашек и 1000 штыков). Все люди имели хорошее вооружение, как холодное, так и огнестрельное; при отряде насчитывалось с десяток пулеметов, но патронов было мало. Офицеров в отряде тоже было мало; командный состав состоял больше из вахмистров и урядников. Однако главная беда состояла в том, что за отрядом Солоцкого двигался большой, почти в 2000 подвод, обоз беженцев, везших свой скарб, гнавших за собою громадные стада овец и рогатого скота.

Подьесаул Солоцкий происходил из станицы Владимирской. Он был инженером по образованию; призванный под знамена с начала германской войны, дослужился до чина подьесаула. После большевистского переворота, когда на Кубани тайно образовалось «Общество спасения Кубани», растянувшееся по всему Краю и подготавливавшее вооруженную борьбу против большевиков, Солоцкий примкнул к этой организации и деятельно работал в своей станице. Когда слух о поднятом мною восстании докатился до Лабинского отдела, Солоцкий поднял восстание, в свою очередь. Славная станица Прочноокопская, уже восстававшая против большевиков 28 раз, тотчас же присоединилась к восстанию. Вокруг Солоцкого объединились до 10 000 казаков; отряд его принял название Южно-Кубанской армии. Солоцкий захватил Армавир, однако, не имея артиллерии, был скоро выбит оттуда. Преследуемый большевистскими отрядами, он долго метался по горам Лабинского отдела, то

нанося большевикам поражения, то неся сам потери и восполняя их казаками, примыкавшими к нему из станиц, по которым он проходил.

У станицы Исправной Баталпашинского отдела Солоцкий потерпел серьезное поражение, главным образом вследствие отсутствия у него патронов. В его войсках начались распад и митингование. Объединив вокруг себя 5000 твердых, не поддавшихся заразе казаков, он решил пробиваться ко мне. Остальная часть его отряда, пошедшая самостоятельно, напоролась под станицей Андреевской на превосходные силы красных и потерпела вторичное поражение. Остатки этого отряда пробились позже на соединение со мною, но не застали меня, ибо к тому времени я уже ушел в пределы Ставропольской губернии; тогда, через Клухорский перевал, отряд направился к Сухуму, где был обезоружен грузинскими войсками и интернирован в Грузию.

Пользуясь контингентом, приведенным Солоцким, я переформировал теперь свое войско: 1-й Хоперский полк Солоцкого влил в свои 1-й и 2-й Хоперские полки, а 1-й Лабинский ввел в свою конную дивизию в качестве отдельного полка. Дивизия эта, развернутая теперь в четыре полка (1-й и 2-й Хоперские, 1-й Лабинский и 1-й Волжский), была мною названа 1-й казачьей дивизией; я не мог назвать ее Кубанской, ибо 1-й Волжский полк состоял целиком из терских казаков. Начальником этой дивизии, вместо несколько вялого полковника Удовенко, я назначил подьесаула Солоцкого. Пластунская бригада, в которую вошел приведенный Солоцким 1-й Лабинский пластунский батальон (командиром его был есаул Калядин), достигла теперь также нормального четырехбатальонного состава.

Общая обстановка к этому времени складывалась так: терцы на Сунженской линии еще не восставали; в Баталпашинской вновь сосредоточились большие силы красных. Их начальник, товарищ Балахонов, из бывших прапорщиков, клялся на митингах, что возьмет меня живьем и привезет в клетке в Баталпашинск. В помощь ему движется из Армавира, направляясь в Баталпашинскую, дивизия красных. Крестьянское восстание на севере Ставропольской губернии разрастается. Добровольческая армия генерала Деникина движется на Тихорецкую.

Я решил пробиваться через Ставропольскую губернию на соединение с генералом Деникиным. Тут я получил известие о том, что из Баталпашинской, с целью окружения меня, движутся два отряда. Один идет прямо на Бекешевскую, другой, по лесным дорогам, через станицу Усть-Джегутинскую и Белый ключ. Я решил разбить каждый отряд порознь, атаковав первоначально Усть-Джегутинскую колонну; оставив с этой целью пластунскую бригаду на позиции у Белого ключа,

выслал казачью, лесными тропинками, в тыл приближающейся красной колонне.

Утром 20 июня разъезды донесли, что красные подходят. Два батальона пластунов я оставил в резерве, а два других в боевой линии. Большевики открыли сильный артиллерийский огонь и пошли пехотой в атаку. Мои бомбометы, расположенные на горах, метко били по красным цепям, как только они приближались шагов на тысячу. Не будучи в состоянии добиться успеха фронтальной атакой, большевики пробовали принимать охватывающее положение, что не представляло особых трудностей, ибо местность была весьма лесистая и овражистая. Имея резерв, я отвечал им тем же. С переменным успехом бой длился уже более полудня. Я начал волноваться, ибо, как действующий по внутренним операционным линиям, не мог держать свои руки связанными. Вдруг, около двух часов дня, красные стали отступать, предупрежденные, видимо, кем-то о движении на их тыл, предпринятом моей конницей.

Взяв горский конный дивизион и в сопровождении своего конвоя, я бросился лесными тропами на поиски дивизии. Нашел ее стоящей и спешенной в лесу. Оказывается, что Солецкий заблудился. Выслав тотчас же разъезды, я обнаружил, что артиллерия противника уже проскочила обратно; пехота же, как раз в это время, двигалась мимо дивизии, в 2-3 верстах от ее стоянки. Я бросил тотчас же один конный полк к станции Джегутинской для захвата обозов колонны, остальные же три полка направил в пешем строю в атаку, во фланг проходившей мимо красной пехоты. Атакованные внезапно красноармейцы бросились врассыпную; многие были перебиты, однако значительной части пехотинцев удалось рассеяться по лесам. Как я узнал впоследствии, в Баталпашинскую после этого боя прибыло до 400 раненых.

Ворвавшийся в Усть-Джегутинскую, мой конный полк захватил все обозы и зарядные ящики; нам досталось порядочное количество хлеба, фуража и до 30 000 патронов. Не теряя времени, я снова собрал в кулак весь свой отряд и к вечеру сосредоточился восточнее Бекешевки, в ожидании другой колонны красных. Однако, узнав о поражении первой колонны и получив известие от своих разъездов о том, что на полях лежат тысячи трупов изрубленных нами большевиков, красные части замитинговали и дальше не пошли. Вообще я заметил, что вид неубранного поля сражения всегда действовал на большевиков панически и представлял для них преграду, действовавшую лучше всякого проволочного заграждения.

Однако я не мог еще торжествовать победу. Большевики решили, во что бы то ни стало, уничтожить мой отряд. Уже новые три колонны двинулись ко мне, с целью забрать меня в кольцо. Один сильный отряд трех родов оружия, высланный

из Пятигорска, направлялся на Суворовскую; второй, такой же силы, на Бургустанскую; третий, наиболее сильный, заканчивал свое сосредоточение в Курсавке для последующего движения на Воровсколескую. Видя, что мне не под силу справиться со столь превосходящим меня, как в численности, так особенно и в вооружении, противником, я решил, не теряя времени, пробиваться в Ставропольскую губернию. Мой отряд, пополнявшийся все время стекавшимися ко мне отовсюду казаками, достигал уже 10 000 человек, но оружия по-прежнему не хватало.

Чтобы пробиться в Ставропольскую губернию, мне нужно было пересечь линию железной дороги, по которой постоянно курсировали броневые поезда. Для отвлечения внимания большевиков я решил произвести две демонстрации: одну 1-м Лабинским полком у Баталпашинской, другую — одними разъездами — у Курсавки. Весь мой остальной отряд должен был сосредоточиться в Воровсколеской, откуда затем броситься на пересечение железной дороги. Чтобы подсобить оружия, я решил взять его у замитинговавшей колонны красных. В то же время, для защиты Бургустанской, выслал туда Волжский полк. Выслав по обыкновению один полк в тыл, я погнал красных, нжимая с фронта. Брошенный в тыл 1-й Лабинский полк, под командой есаула Козликина, дошел до самой станицы Баталпашинской и, ворвавшись в нее ночью, достиг станичной площади и открыл там стрельбу.

Наполнявшие станицу красноармейцы бежали в панике к мосту через реку Кубань, оставив на произвол судьбы всю свою артиллерию и обоз. Открыв огонь по мосту, лабинцы положили там около 1500 большевиков. Затем Козликин вышел из Баталпашинской, не подобрав трофеев, и двинулся к Воровсколеской, куда тем временем прибыла, уже направленная раньше, пластунская бригада. Если бы Козликин был энергичнее и распорядительнее, он не только забрал бы всю артиллерию красных, но поднял бы и мобилизовал громадную Баталпашинскую станицу, присоединение которой вызвало бы тотчас же восстание всего Баталпашинского отдела. Вооруженный артиллерией и имея за собой Баталпашинский отдел, я представлял бы из себя столь грозную силу, что мне не потребовалось бы уходить в Ставропольскую губернию, а наоборот, я мог бы тотчас сам атаковать красных, овладеть Группами, соединиться с терцами и, поставив между своей и Добровольческой армиями действовавшие против генерала Деникина красные войска, раздавить их в короткий срок. Вся кампания сложилась бы иначе.

Козликин оправдывался тем, что Лабинский полк, состоявший из казаков, незнакомых баталпашинцам, был встречен ими недоверчиво и не мог рассчитывать на присоединение к нему местного казачества. В этом, конечно, была доля прав-

ды, но если бы, задержавшись в Баталпашинской, он связался со мною, дело пошло бы иначе. Факт же невзятия им брошенной красными артиллерии совершенно необъясним и непростителен.

Пока лабинцы хозяйничали в Баталпашинской, оба Хоперских полка гнали замитинговавшую колонну красных из Бекешевки; другая колонна красных, высланная из Баталпашинской на поддержку замитинговавшей, еще до захвата Баталпашинска моими лабинцами атаковала, в свою очередь, хоперцев во фланг, нанесла им потери и вынудила к отступлению в Воровсколесскую. Услышав, однако, о том, что Баталпашинская взята казаками, колонна эта поспешно отступила на Невинномысскую.

27 июня весь мой отряд сосредоточился в четырех верстах от Воровсколесской, куда привезли и раненых. Высланные в разные стороны казачьи разъезды отогнали шмыгавшие всюду разъезды красных. Я предупредил население, что ухожу из станицы и поэтому советую ему не сопротивляться красным в случае их прихода. Узнав, что я их увожу от их станицы, казаки замитинговали. Раздались голоса, что не стоит идти со мною, что казакам придется воевать невесть где, в то время как большевики будут безнаказанно бесчинствовать в станицах. Я построил полки и убеждал казаков, что в силу создавшейся военной обстановки нам оставаться здесь долее нельзя. Говорил, что веду их на соединение с Добрармией, с которой вместе придем освобождать станицы, что нам нужно сколотиться и поучиться, прежде чем начинать крупные бои, ибо мы пока еще не серьезное войско, а необученный сброд. Потом сел на коня и крикнул:

— Кто со мной — иди, кто не хочет — ступай по домам!

Я долго ехал, не оглядываясь, а когда, наконец, посмотрел назад, то увидел следовавшие за мной колонны. Остались часть терцев, несколько сот кубанцев. Многие из них, как я узнал впоследствии, погибли, схваченные большевиками.

Ночью мы двинулись к намеченному месту прорыва через железную дорогу, между станциями Невинномысской и Киян. При этом случилось большое горе: позже были подвезены в Воровсколесскую еще раненые, которых станичники, не зная, что я ухожу ночью, оставили, не предупредив меня, переночевать в Воровсколесской. Эти несчастные были захвачены нагрянувшими на станицу красными и зверски ими умерщвлены.

Подойдя к железной дороге прямо против станции Киян, я выслал по конному полку вправо и влево от нее с приказанием порвать телеграфные провода и разрушить железнодорожный путь. За отсутствием подрывных средств приходилось вручную разбирать рельсы и шпалы. Два поезда все же успели проскочить к станции Киян со стороны Невинномысской.

Уже перед рассветом я занял с главными силами станцию Киян, где мы разогнали всех служащих, дабы не осталось свидетелей, могущих видеть и пересчитать мой отряд. Услышав шум от приближающихся поездов, я сильно опасался, не были ли это неприятельские броневики. В это время еще далеко не весь отряд пересек полотно, — что же я мог поделаться с ними, не имея артиллерии. К счастью, один из этих поездов оказался пассажирским, другой товарным. Я приказал арестовать машинистов и потушить паровозные топки. Затем мы осмотрели поезд. Среди спавших пассажиров казаки обнаружили человек 60 красноармейцев; их обезоружили, а затем отпустили на волю.

В товарном поезде мы забрали 100 голов скота, 50 коней, амуницию, более сотни винтовок и тысяч 20 патронов. Затем, присоединив к себе боковые отряды, я двинулся дальше. Шли без передышки весь следующий день. К вечеру 28 июня дошли до станицы Темнолесской в 30-и верстах от Ставрополя. Мы сделали переход в 111 верст, имея с собой громадный обоз и раненых. Во время этого перехода, в одном из многочисленных сел Баталпашинского отдела мужики открыли по нас огонь и произвели страшную панику в обозе. В виде репрессии я приказал выпороть несколько мужиков и забрать их коней под безлошадных казаков.

Темнолессцы встретили нас восторженно, поили и кормили на славу. Большое количество казаков этой станицы присоединилось к отряду. Ввиду того, что лошади и люди падали от усталости, я дал отряду сутки отдыха (29 июня). Ночью с 28 на 29 июня со стороны Ставрополя доносилась сильная артиллерийская пальба. Выслав к Ставрополю разъезды из темнолесских казаков, я получил донесение, что в городе произошло восстание офицеров, которое, однако, ввиду неприсоединения к нему обещавших поддержку рабочих, а также из-за наличия в городе сильного красного гарнизона, было жестоко подавлено.

Об армии Деникина мне было донесено, что она находится в районе селения Медвежьего. Полагая, что без артиллерии невозможно овладеть Ставрополем, я решил обойти город с востока, идти на Бешпагир и далее на северо-запад, для соединения с генералом Деникиным. 30 июня я двинулся к Бешпагиру. Мы прибыли туда часа в два дня. Во все стороны были высланы разъезды. Вдруг недалеко от моей палатки разорвалась граната, затем послышалась пулеметная трескотня и, наконец, примчались казачьи разъезды, преследуемые по пятам несколькими грузовиками. Оказывается, это были большевистские разведчики, посаженные на грузовики, из коих один нес на себе горное орудие, другие же были вооружены пулеметами. Я тотчас же приказал рассыпать один полк лавой, дабы отрезать грузовикам отступление и захватить их.

Некоторые из них успели проскочить и умчаться к Ставрополю, где подняли страшную панику; два же грузовика достались нам. Среди изрубленной казаками прислуги был опознан местными жителями некий матрос Шпак, известный в Ставрополе своей кровожадностью.

Напуганный набегом большевиков обоз быстро запрягся, не ожидая приказа. Воспользовавшись этим случаем, я приказал двинуться в путь. Сделав новый переход верст в сорок, мы вышли севернее Ставрополя у селения Х. Не доходя до этого селения, я выслал вперед лихого подьесаула Васильева с дивизионом. Это был доблестный офицер из простых казаков. Ворвавшись в селение, он захватил там комиссара Петрова, два грузовика с пулеметами и денежный ящик с 500 000 рублей. Я предал Петрова военно-полевому суду, приговорившему его к смертной казни. Петров умолял о прощении, указывая особенно на то, что он, как бывший офицер, может быть полезен в нашей армии. Прежде чем утвердить приговор, я обратился к казакам, предлагая им высказаться по этому поводу. Казачье общественное мнение высказалось за необходимость казни, и Петров был повешен.

Крестьяне этого селения, встретившие нас хлебом-солью, относились к нам очень радушно и проклинали большевиков, причинивших им очень много зла. Выслаемые мною в окрестные селения разъезды встречали повсюду хороший прием, и крестьяне охотно снабжали их оружием, припрятанным от большевиков. В штаб отряда стали прибегать из Ставрополя беженцы, утверждавшие, что красноармейцы бегут из города и что им можно легко овладеть. Временами у нас происходили стычки с небольшими партиями большевиков, причем казаками было взято несколько грузовиков.

Тем временем Добровольческая армия овладела Тихорецкой; я же перешел несколько к югу, к селению Птичьему, расположенному около железной дороги Ставрополь — Кавказская. В Птичьем я составил ультиматум к большевистским властям Ставрополя, в котором потребовал сдачи города в 24-часовой срок, угрожая в противном случае разгромить его тяжелой артиллерией (у меня не было ее не только тяжелой, но и легкой); в случае же добровольной сдачи обещал прощение захваченным большевикам. Высланный на станцию Пелагиада разъезд 7 июля передал мой ультиматум в Ставрополь по телеграфу. Тотчас же был получен по телеграфу ответ из Ставрополя, что город оставлен большевиками и власть перешла в руки Городского самоуправления, которое и просит меня занять город.

Одновременно с этой же станции удалось вступить в телеграфную связь со станцией Кавказской, только что занятой дивизией генерала Боровского. Приказав полковнику Слащеву вступить с войсками в Ставрополь, я сам решил ехать к

генералу Деникину. Погрузившись в один из захваченных грузовиков, с пулеметами и четырьмя казаками, 7 июля выехал в Торговую, где нашел командира Кубанской конной бригады, полковника Добрармии Глазенапа. Встретившись с ним, я стал расспрашивать об общем положении, о политических лозунгах Добрармии и сказал ему:

— Мы, казаки, идем под лозунгом Учредительного собрания.

— Какая там лавочка еще, Учредительное собрание? — ответил он мне. — Мы наведем свои порядки.

Глазенап распорядился выслать в мой штаб генерала Уварова в качестве заведующего гражданской частью Ставропольской губернии. Я вместе с Глазенапом и в его поезде должен был ехать в Тихорецкую к генералу Деникину. О нашем выезде Глазенап сообщил туда по телеграфу. За свое кратковременное пребывание в Торговой я видел много пьяных офицеров и казаков и слышал жалобы жителей на плохое поведение войск.

На станции Тихорецкая я был восторженно встречен находившимися на вокзале офицерами. Прежде всего отправился к Кубанскому войсковому атаману — полковнику Филимонову, в сопровождении приехавших со мною двух пожилых бекешевских казаков. Филимонов, живший со своей супругой, встретил меня радостно, расцеловал и повел к генералу Романовскому.

Пусть казак и гражданин Всевеликого войска Донского помнит о своем долге перед родным краем. Пусть в каждом из нас Атаман найдет верных исполнителей. Одна мысль, одна воля да объединит нас: помочь Атаману в его тяжелом и ответственном служении Дону.

Ген. П. Н. КРАСНОВ

ГЛАВА XIV

Из разговора с Филимоновым я убедился в том, что между командованием Добрармией, с одной стороны, и Кубанским атаманом, Радой и правительством, с другой, существуют некоторые трения. Атаман жаловался мне, что, несмотря на то, что Добрармия вступила на территорию Кубанского края и невзирая на прежние договоры, генерал Деникин игнорирует кубанскую власть. Разговорившись позже с офицерами как добровольческими, так и казачьими, я убедился, что в армии установилось презрительное отношение к следовавшим за нею Раде и кубанскому правительству. Их обвиняли в трусости, вследствие их неучастия в боях, в излишней заботливости

о своем комфорте и самоснабжении, причем это недружелюбие демонстрировалось часто и недвусмысленно.

В Тихорецкой все чины штаба были расквартированы в небольших домах, недалеко от станции. В одном из таких скромных домиков проживал и начальник штаба Добровольческой армии, генерал Романовский. Я явился к нему и был встречен очень ласково и гостеприимно. Генерал сказал мне, что до штаба Добрармии доходили сведения о моем восстании; но эти вести были столь разноречивы, что никто себе не представляет в действительности, каковы мои средства и силы. Я доложил подробно историю моей работы и просил дать мне артиллерию, ибо, кроме пары поломанных пушек, которые я таскал за собой для морального воздействия на противника, и одного горного орудия, снятого нами с грузовика матроса Шпака, у меня не было ничего.

Генерал Романовский очертил мне общую картину того времени. Задуманная для взятия Екатеринодара операция встретила трудности — кавалерийская дивизия генерала Эрдели натолкнулась на сильное сопротивление противника у станции Станичной и отошла несколько назад; дивизия генерала Боровского упорно завязла у станции Кавказской, и в настоящее время трудно выделить какие-либо силы для защиты Ставрополя от неизбежного нажима красных. Ставрополь лишь напрасно свяжет командование, основная цель которого захватить Екатеринодар и получить выход к Черному морю, как к естественной границе, обеспечивающей фланг армии. Я доказывал Романовскому необходимость держать Ставрополь, ибо очищение города произвело бы самое тягостное впечатление на население и убедило бы его в слабости антисоветской армии. Романовский обещал поговорить с генералом Боровским о том, чтобы он выделил мне, если боевая обстановка позволит, какие-нибудь силы.

Распростившись с Романовским, я отправился, согласно его приказанию, к командующему Добрармией, генерал-лейтенанту Деникину. Представляясь ему, я рапортовал по форме о состоянии приведенного мною отряда и о том, что признаю власть Добрармии и предоставляю себя в ее распоряжение.

— Родина вас не забудет, — сказал мне Деникин.

Затем, после нескольких дружеских фраз, он пригласил меня отобедать у него. Я вынужден был, однако, отказаться от этого приглашения, так как еще раньше был приглашен на обед к Филимонову. Я спросил генерала Деникина о лозунгах Добрармии. Однако он тотчас же перевел разговор на другие темы. У меня создалось впечатление, что Деникин избегал ответа на интересовавшую меня тему. Прощаясь со мной, он просил представиться завтра утром генералу Алексееву.

По выходе из квартиры командующего я был встречен несколькими членами Рады, которые повели меня в здание

местной школы, где собрались на заседание члены Рады и атаман. Я был встречен аплодисментами депутатов. Затем атаман и председатель правительства Л. Л. Быч сказал мне приветственное слово. Я сделал Раде детальный доклад о своей работе и отвечал на задаваемые мне депутатами вопросы. Рада постановила ходатайствовать перед атаманом о производстве меня в генерал-майоры, в благодарность за труды мои по поднятию восстания; Филимонов вошел с представлением по этому поводу к командующему Добрармией. Затем Л. Л. Быч пригласил меня зайти к нему поговорить с глазу на глаз. Он жаловался мне на плохие отношения к кубанским верхам со стороны командования и на то, что слабохарактерный и покладистый атаман недостаточно энергично защищает перед командованием интересы казачества и достоинство Рады. Быч опасался, что по занятии Екатеринодара разногласия увеличатся. С другой стороны, он подчеркнул, что по мере военных успехов верхи армии начинают править и лозунг «Учредительное собрание» становится постепенно менее популярным.

Переночевав в отведенной мне квартире, на другой день, в 6 часов утра, я отправился к генералу Алексееву. Не видев его с 1916 года, я поразился, как он за это время осунулся, постарел и похудел. Одетый в какой-то теплый пиджачок и без погон, он производил впечатление почтенного, доброго старичка.

Алексеев особенно интересовался настроением крестьян Ставропольской губернии и Минераловодского района. Я доложил, что, по моему мнению, население почти всюду относится отрицательно к большевизму и что поднять его не трудно, но при неперменном условии демократичности лозунгов, а также законности и отсутствия покушения на имущественные интересы крестьян; в частности, необходимо избегать бессудных расстрелов, а также не производить безвозмездных реквизиций. Касаясь вопроса о настроении казачества, я обратил внимание генерала на прискорбные отношения, установившиеся между Радой и командованием. Алексеев возразил, что нынешний состав Рады не выражает волю населения, а роль ее важна лишь в будущем, когда будет очищена вся Кубань; теперь же Рада является лишь ненужным и бесполезным придатком к штабу армии. Относительно демократических лозунгов и о том, что Деникин не пожелал беседовать со мной на эту тему, Алексеев отозвался весьма сдержанно; у меня создалось впечатление, что между обоими генералами произошло по этому поводу какие-то недоразумения.

Затем я отправился поездом в Кавказскую на свидание с генералом Боровским. Подъезжая к ней, я слышал уже издали орудейную стрельбу, ружейную и пулеметную трескотню. Шел сильный бой. Генерал Боровский был на позиции. Однако вскоре он вернулся. Это был еще молодой, энергичный

и решительный человек. Он выдвинулся на должности командира студенческого батальона, теперь же командовал 1-й дивизией Добрармии, состоявшей из Марковского и Корниловского полков и Кубанского стрелкового полка. Ссылаясь на боевую обстановку, Боровский отказался в данный момент выделить мне какие-либо силы, но просил держать связь с ним, обещая помочь в случае крайней необходимости. Однако он дал мне бронепоезд, вооруженный морскими орудиями, с прислугой, составленной из офицеров и кубанских казаков. Правда, этот поезд был самодельной бронировки, однако он мне весьма пригодился впоследствии.

На этом бронепоезде, в тот же день, я отправился в Ставрополь, куда прибыл около пяти часов дня. На вокзале толпилась масса народу, встретившего меня овациями. Мне был подан экипаж, и, в сопровождении своего конвоя, я поехал через город в приготовленную для меня квартиру. Вечером я вышел в общественный сад. Публика горячо приветствовала меня, выступали с речами, кричали «ура», некоторые даже пытались целовать мне руки. Ко мне являлись разные депутаты, в том числе и от рабочих.

В Ставрополе было захвачено 16 полевых и горных орудий. Доблестный подполковник Сейделер горячо принялся за формирование и в несколько дней сформировал одну за другой 24 орудийных батареи. Орудия были частью неисправны; приходилось из 2-3 неисправных пушек собирать одно годное к бою орудие. Лошадей собирали путем конной повинности, расплачиваясь квитанциями. Население охотно шло нам навстречу, поставляло лошадей, а крестьяне охотно привозили фураж и продовольствие для людей. Из наличных в городе офицеров, придав к ним гимназистов, студентов и юнкеров, был сформирован Ставропольский офицерский полк.

По приказанию Ставки я считался командующим войсками г. Ставрополя, но оставался непосредственным начальником конной дивизии, переименованной во 2-ю Кубанскую казачью дивизию. Она состояла теперь из конных полков 1-го и 2-го Хоперских, 2-го Кубанского и 1-го Лабинского. Двухсотенный дивизион терцев влился в состав 1-го Лабинского полка. Пластунская бригада была выделена из моего непосредственного командования, и ее начальником назначили полковника Слащева.

Организация у меня кипела день и ночь. Нужно было ждать впереди упорных боев и не терять времени напрасно. Для поднятия казачьих станиц между Армавиrom и Ставрополем я рассылал отдельные сотни, но оружия опять стало не хватать. Разведка начала приносить сведения о том, что красные, узнав, что Ставрополь ими очищен под влиянием паники и без достаточного основания, ввиду отсутствия у меня артиллерии и малочисленности моего отряда, стали вновь

собирать кулак для обратного его взятия. Одна из колонн, численностью до 4000 бойцов, двинулась от Невинномысской к Темнолесской. В северных уездах Ставропольской губернии большевики мобилизовали крестьян и собирали в районе Башкирских кочевий отряд, численностью до 6000 человек. Генерал Боровский вел упорные бои. Для поддержки его я получил приказ нажать на Невинномысскую. Я двинул в район Темнолесской произведенного по ходатайству Рады в войсковые старшины Солоцкого с казачьей бригадой. Другая бригада была брошена к Башкирским кочевьям.

13 июля Солоцкий донес, что его бригада вытеснила большевиков из Темнолесской и отступает к селению Татарке. В помощь ему я выдвинул пластунскую бригаду Слащева на линию реки Татарки, с приказанием поддержать Солоцкого и, если возможно, перейти в контратаку. Третья колонна красных заняла Бешпагир. Я оказался атакованным с трех сторон, имея мало артиллерии, снарядов и патронов, а свои войска усталыми от длительных боев; тщетно просил помощи у генерала Деникина, руки которого были связаны кровопролитными боями у Кавказской. 16 июля положение стало угрожающим. Подвергаясь нажиму со всех сторон, мои войска стали уже приближаться к Ставрополю. В городе началась паника. Скоро снаряды большевистской артиллерии начали рваться на улицах. Пластуны выдыхались, не имея патронов.

Пришлось бросить в бой еще не сформированный как следует офицерский полк. Часа в три дня положение стало особенно тяжелым. Конница уже не могла действовать в конном строю и жалась за пехотой и на флангах. Я упрашивал Боровского поддержать меня хотя бы батальоном. Среди казаков начались разговоры о том, что добровольцы нас бросили на произвол судьбы. Положение становилось отчаянным. Выяснилась невозможность дальнейшей обороны города. Ко времени захода солнца пластуны уже вели бой на окраинах Ставрополя.

Вдруг раздалась лихая военная песня и, рота за ротой, замаршировали по городу присланные Боровским батальоны корниловцев и кубанских стрелков. Войдя во фланг большевистских цепей, не ложась и идя в полный рост, без выстрела наступали доблестные добровольцы и, приблизившись, бросились в штыки. Громовое «ура» огласило воздух. Подбодрившиеся пластуны также перешли в атаку. Красные цепи заколебались, смешались и пустились наутек. Я бросил конницу в преследование. Забрали мы громадную добычу, нарубили массу «товарищей» и на их плечах дошли до Темнолесской. В ней я оставил бригаду Солоцкого, пехоту же оттянул обратно к Ставрополю и стал ее приводить в порядок и продолжать формирование офицерского полка. Корниловцы и стрелки,

ознаменовавшие, к сожалению, свое пребывание в городе рядом грабежей и насилий, ушли обратно к Боровскому.

Тем временем у меня произошел ряд неприятностей с временно исполнявшим должность генерал-губернатора генералом Уваровым, вступившим в управление губернией, еще в большей своей части не очищенной от большевиков. Начались гонения на демократию, аресты, расстрелы. Пользуясь своим старшинством в чине, генерал не желал считаться со мною и даже делал поползновения вторгнуться в область моей компетенции. Однажды ко мне пришла депутация рабочих, принесших шапку собранных между собою денег на нужды войска.

— Объясните нам, — просили они меня, — за что же вы, в конце концов, боретесь? Теперь мы уже ничего не понимаем.

— Мы боремся за освобождение от большевистского засилья, за землю, волю и Учредительное собрание, — отвечал я.

На другой день мой ответ был напечатан во всех местных газетах, и со стороны Уварова полетела на меня жалоба в Ставку, что я своими выступлениями мешаю ему управлять губернией. Меня вызвали в Ставку; начальник штаба, от имени Главнокомандующего, сделал мне внушение за то, что я вторгаюсь в область политики. Взбешенный, я пошел к атаману Филимонову и заявил ему, что затрудняюсь впредь командовать ставропольскими войсками и вообще не создан для оборонительной борьбы; моя сфера — партизанщина, и я прошу отпустить меня подымать восстание в Баталпащинском отделе и в горах. Как на своего желательного преемника я указал на полковника Улагая, выздоровевшего в это время в Новочеркасске от ран. Л. Л. Быч поддержал меня. Ставка, с которой у меня возникли новые недоразумения по поводу того, что я стал снабжать свой отряд запасами из взятой мною добычи, вместо того, чтобы сдать ее в интендантство Добармии, охотно пошла мне навстречу.

8 августа был взят Екатеринодар, куда я приехал также вместе со Ставкой, в поезде генерала Деникина. Я присутствовал на торжествах по этому поводу. Там впервые встретился с генералом Покровским и видел его дивизии. Полки были хороши и в полном комплекте. Затем я вернулся в Ставрополь, но заболел и провалялся недели две в постели.

Тем временем в должность губернатора вступил полковник Глазенап; Уваров же остался его помощником. С Глазенапом я не поладил по тому же поводу, что и с Уваровым. На смену меня прибыл полковник Улагай. Сдав ему дивизию, за исключением 2-х смешанных сотен хоперцев и терцев, ядра моей будущей партизанской бригады и взвода полевой артиллерии, я получил наименование начальника отдельной Кубанской партизанской бригады.

К тому времени на Тереке уже началось общее восстание

против большевиков. Ввиду того, что меня плохо снабжали, я ездил ругаться в Екатеринодар.

26 августа в Ставрополь приехал генерал Деникин, восторженно принятый населением.

Казаки между собою ругали начальство и жаловались, что им приходится защищать мужиков, в то время как их братья казаки еще страдают под большевистским игом.

После смерти генерала Корнилова, убитого под Екатеринодаром 31 марта (13 апреля) 1918 года, армия, опять после ряда боев, пробилась обратно на территорию Дона, где, к тому времени, восставшее против большевиков казачество очистило от них свою территорию.

Ген. ЛУКОМСКИЙ

ГЛАВА XV

Мой бывший отряд, под командой Улагая, вел с переменным успехом бои под Невинномысской и у позиций на горе Недреманной. Вскоре прибыл в Ставрополь генерал Боровский, принявший на себя общее командование войсками. Однако он недолго пробыл в Ставрополе и перешел с полевой частью своего штаба в село Татарку, а затем в Темнолесскую. Ко мне, в партизанскую бригаду, в качестве начальника штаба был назначен подполковник Генерального штаба Анатолий Михайлович Шифнер-Маркевич. Он произвел на меня первоначальное впечатление человека вялого и нераспорядительного; я готов был всячески от него отделаться. Однако впоследствии я убедился, что это замечательный офицер, и совершенно переменял о нем свое мнение.

Заботы мои по формированию кадров партизанской бригады чрезвычайно осложнялись наплывом ко мне моих старых казаков, прослышавших, что я иду подымать их станицы и стремившихся побывать дома. Улагай и Слащев ссорились со мной, думая, что я нарочно сманиваю у них казаков, и даже жаловались на меня в Ставку. Я гнал от себя казаков, но они усвоили новую «тактику»: попросту дезертировали из полков и, прячась по деревням и даже лесам, караулили мой исход, чтобы потом присоединиться в пути к моему отряду.

30 августа я выступил из Ставрополя и, дойдя до станицы Темнолесской, переночевал в ней в штабе генерала Боровского, получив в его разведывательном отделении сведения о расположении противника и его силах. Боровский настаивал, чтобы я, прорвав фронт красных на его левом фланге, атаковал затем их в районе Невинномысской и тем помог Боровскому взять ее. Я отказался, однако, самым категорическим

образом от этого поручения. Мог ли я, имея самостоятельную и притом весьма трудную задачу, ввязываться в местные боевые действия. С другой стороны, я не считал себя вправе рисковать своим контингентом, одна половина которого состояла из офицеров, а другая из отборных казаков, каждый из которых был влиятельным лицом в той или другой станице, которые мне предстояло поднять.

Почти сутки 31 августа я потратил на разведку неприятельского расположения. Высланные мною к востоку и юго-востоку от Невинномысской конные партии выяснили, что в этой местности красных войск не было и она охранялась только курсировавшими по железной дороге броневиками. Я решил прорваться в этом месте и затем идти снова к станции Киян, а оттуда в Баталпашинский отдел. 1 сентября перевел свой отряд на левый фланг. Произведя переключку отряда, убедился, что силы его простирались теперь уже до 400 человек. Это влились в него все «самовольцы». Гнать их было поздно.

Ночью с 1 на 2 сентября я, не замеченный никем, двинулся к станции Киян, которой достиг, идя со всеми предосторожностями, к вечеру 2 сентября, сделав переход в 45 верст. Заняв гору над станцией я расположил на ней свою двухорудийную батарею, которой командовал доблестный есаул Трепетун; впоследствии, уже в чине полковника, он пал смертью храбрых под Екатеринославом, командуя артиллерийским дивизионом в моем 3-м конном корпусе.

У станции Киян маневрировали три красных бронепоезда: один на путях по направлению Минеральных Вод, два в направлении к станции Невинномысской. Трепетун завязал с ними артиллерийский бой. Около полудня ему удалось подбить один из минераловодских броневиков, который был тотчас же взят на буксир другим броневиком, потащившим его из района боя. Третий оставшийся броневик стрелял из рук вон плохо. Команда его, чувствуя, что ему несдобровать в случае продолжения борьбы, погрузила находившуюся на станции Киян роту красной пехоты, и он спешно удалился в сторону Невинномысской. Тотчас же по его уходе я стал переводить отряд через полотно, а затем втянулся в горы. Во время боя с броневиками случилось у нас большое горе: лопнуло тело одного из двух наших орудий, и мы его таскали впредь за собой лишь для морального эффекта.

От Кияна я взял направление на станицу Новогеоргиевскую, которую мы обошли в ночь со 2 на 3 сентября. Когда проходили ночью по хуторам, открывались окна и слышались оклики:

— Кто идет?

— Шкуринские партизаны, — отвечали мои казаки.

Многие хуторяне присоединялись к моему отряду, причем это были не только казаки, но и крестьяне. В Новогеоргиев-

скую я выслал офицерский разъезд с приказанием поднять станицу и, мобилизовав казаков, вести их в станицу Беломечетинскую, которую намерен был занять. Совершив громадный переход, в 6 часов 3 сентября я подошел к Беломечетинской, приказал тотчас же оцепить ее и не выпускать из нее никого. Одну полусотню двинул вперед в станицу, приказав ей занять площадь и ударить в набат. Когда, полчаса спустя, я въехал на площадь, она была полна народа, встретившего меня криками «ура».

От имени Кубанского атамана и генерала Деникина я объявил призыв 10-ти присяг казаков и конскую мобилизацию; послал также эстафеты в окружные хутора, аулы, в станицы Отрадную и Карданикскую с приказанием мобилизоваться и собираться в станице Беломечетинской. Затем собрал стариков на совет. Они настаивали в один голос на необходимости возможно скорее овладеть станицей Баталпашинской, ибо лишь в этом случае подымется дружно весь Баталпашинский отдел.

К утру 4 сентября уже был сформирован в станице 1-й Кубанский партизанский полк. Командиром его я назначил есаула Логинова, приказав ему оставаться с полком в станице, продолжая формирование и готовясь к встрече могущих прибыть из Невинномысской красных отрядов. Две сотни прибывших из Новогеоргиевской казаков я также придал Логинову; ему же оставил и поврежденную пушку, еще годную, однако, для производства 2-3 выстрелов.

Между прочим в Беломечетинской удалось захватить многих комиссаров, возвращавшихся со съезда в Баталпашинской; среди них был обнаружен и военный комиссар всего Баталпашинского отдела, казак Беседин. Из допроса комиссаров выяснилось, что в Баталпашинской войск мало и там ничего еще не известно о начатом мною движении. Посаженный мною на телефонной станции офицер продолжал вести переговоры с Баталпашинской телефонной станцией и принимал телефонограммы, как будто ничего не случилось.

Вечером 4 сентября, со своими основными двумя сотнями, выступил я, направляясь на Баталпашинскую, и еще задолго до рассвета достиг черкесского аула Дударуковского, расположенного на горе, на левом берегу реки Кубань, как раз напротив Баталпашинской. Ненавидевшие большевиков черкесы встретили нас очень радушно и сообщили, что мост через Кубань охраняется одним лишь взводом, а гарнизон Баталпашинской меня совершенно не ожидает. Черкесы пожелали тотчас же присоединиться к моему отряду. Хотя большинство из них не имело не только оружия, но даже и седел, сотни четыре черкесов сели на коней и явились в мое распоряжение. Я присоединил их к своему конвою.

Одну конную сотню, под начальством есаула Маслова, послал перейти вброд реку Кубань и напасть затем на Баталпа-

шинскую с запада, со стороны дороги на Новогеоргиевскую. Сигналом для атаки должен был послужить орудийный выстрел. Другой сотне я приказал спешиться и атаковать мост.

Ровно в 5 часов утра я приказал Трепетуну дать сигнальный выстрел. По странной игре случая выпущенный при этом снаряд попал в здание местного Совдепа и наделал там страшный переполох. Тотчас же затрещали пулеметы; спешенные казаки овладели мостом. Оторопевшие было сначала большевики быстро, однако, оправились, заняли прибрежные дома и открыли ружейный огонь по мосту. Тогда Трепетун дал по ним несколько орудийных выстрелов, и они обратились в бегство. Я видел в бинокль страшную суматоху и беготню в станице. Взяв свой конный взвод и в сопровождении черкесов, я бросился бродом через Кубань у самого моста, в виду всей станицы. Увидев эту, показавшуюся громадной, массу конницы, гарнизон, составленный из 800 красноармейцев, бросился бежать, — одни по направлению к Воровсколесской, другие на Бекешевскую. В это время влетел в станицу и Маслов.

Из домов выскакивали казаки, бросая в воздух папахи, крича «ура» и целуя нам руки. Вооружившись, чем попало, довил включительно, они вскакивали на неоседланных коней, на спешно заложенные подводы и бросались преследовать большевиков; нарубили до 400 убежавших красноармейцев.

Старики пришли ко мне с хлебом-солью. Отовсюду спешили освобожденные баталпашинские офицеры, уже переодетые в черкески и с погонами. В их числе оказался уважаемый войсковой старшина Косякин, которого я назначил атаманом Баталпашинского отдела. Тотчас же был мною подписан приказ о всеобщей мобилизации, разосланный эстафетами во все станицы; туда же мною были разосланы офицеры для заведования мобилизацией. В Баталпашинской я стал формировать два Хоперских полка; командиром 1-го назначил полковника Толмачева, а 2-го — войскового старшину Бреуса. Тем временем десятка два казаков моего отряда, бекешевцев по происхождению, безо всякого с моей стороны приказания, поскакали в свою станицу, атаковали ее, выгнали красных и донесли мне об этом по телефону.

Около 8 сентября Логинов стал доносить из Беломечетинской, что на него наступают красные со стороны Невинномысской. Один из красноармейских отрядов сжег Мансуровский черкесский аул. Это произвело впечатление электрической искры на черкесов, которые начали всюду восставать и вступать со мною в связь. Из них я стал формировать 1-й и 2-й Черкесские полки.

Кресты родных моих могил, и над левадой дым кизячный, и пятна белых куреней в зеленой раме рош вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель, застывший в думе, — волнует

сердце мне сильнее всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарований.

Тебя люблю, Родимый край...

Ф. КРЮКОВ

ГЛАВА XVI

Подтянув от Армавира и Невиномысской свои резервы, красные стали нажимать и на Беломечетинскую. Со стороны Минеральных Вод они взяли уже Суворовскую, частью сожгли ее и завязали упорные бои с татарскими казаками, защищавшими под начальством полковника Скобелыцына, с мужеством отчаяния, уже второй месяц, почти без патронов, станицу Бургустанскую. Я тотчас же послал, сколько мог, патронов бургустанцам и просил их продолжать оборону в ожидании помощи от меня.

Терцы уже восстали и, образовав в г. Моздоке Крестьянское народное правительство с Георгием Федоровичем Бичераховым во главе, вступили в бой с большевиками. Они снабжались оружием, снарядами и патронами от генерала Лазаря Федоровича Бичехарова, занявшего г. Петровск и владевшего Каспийским морем. Тем временем рассылаемые мною повсюду эмиссары подымали станицы Баталпашинского отдела, с энтузиазмом восстававшие одна за другой и высылавшие свои отряды в Баталпашинскую. Таким образом я имел обеспеченный в случае неудачи тыл, ибо граница с Грузией была открыта для меня вследствие того, что казаки завладели Клухорским и другими горными проходами. Равным образом в моем распоряжении были и выходы в Сочинский округ.

Теперь передо мною стояла альтернатива: или ударить от Беломечетинской в тыл красных, сражавшихся с Добрармией у Невиномысской, или, бросив Баталпашинский отдел, проникнуть в Лабинский и, подняв его, нажать затем на Армавир и облегчить, таким образом, движение генерала Покровского с 1-й Кубанской дивизией из Майкопского отдела и генерала барона Врангеля с 1-й конной дивизией, или же войти в соединение с терцами, облегчив этим им восстание. Первая задача была легче всего осуществима, но для решения ее, как и задачи второй, нужно было иметь артиллерию и патроны; у меня же не было ни того, ни другого. Поэтому я решил пробиваться к терцам, где мог достать оружие и амуницию, а затем уже приступить к решению других задач. С другой стороны, было весьма трудно вывести казаков из своих земель; в случае, если бы это потребовалось, с непосредственной целью соединиться с их ближайшими братьями-терцами, они пошли бы охотно.

Я поручил начальнику Баталпашинского отдела, войсковому старшине Косякину, организовать территориальные войска и держать фронт в сторону Невинномысской, себе же поставил очередной целью овладеть Кисловодском или Ессентуками для соединения с командующим терскими войсками, полковником Владимиром Агоевым и ротмистром Серебряковым-Даутовским, успевшим поднять против большевиков всю Кабарду. 12 сентября я выступил в Бекешевскую, имея в своем отряде 1-й партизанский конный полк в составе шести сотен и 6-й и 12-й пластунские батальоны; 1-й и 2-й Черкесские конные полки и Карачаевский конный полк были мною оставлены в районе станиц Баталпашинской и Отрадной.

В Бекешевскую я прибыл 12-го вечером и был встречен с энтузиазмом. Там присоединил к себе 2-й Хоперский полк. Переночевав в Бекешевской, мы двинулись в станицу Бургустанскую, куда прибыли в 9 часов вечера 13 сентября. Печальное зрелище представляла эта станица. Церковь была сожжена, многие дома лежали в развалинах. Множество казаков было расстреляно большевиками или погибло в боях. Горестный плач овдовевших казачек и осиротелых детей смешивался с восторженными кликами приветствовавшего нас населения.

Я построил свой отряд на площади и просил духовенство отслужить нам напутственный молебен. Затем подарил станице 5 пулеметов. Восторгам жителей не было конца. Затем я поздравил войско с походом. Казаков-суворовцев, в количестве 300-400, послал выбить большевиков из их станицы, с тем, чтобы по выполнении задания они опять присоединились к отряду. Сам же, взяв с собой всю конницу и присоединив к себе бригаду волжцев Скобельцына, около 12-ти часов ночи выступил в сторону Ессентуков.

На рассвете 14 сентября мы приблизились к станице Ессентукской. 1-й Волжский полк послал атаковать станицу Кисловодскую; 2-й же Волжский полк, под командой войскового старшины Менякова, состоявший преимущественно из казаков станицы Ессентукской, двинул на эту станицу. Полк, приблизившись незаметно, по пушечному выстрелу в конном строю атаковал занятые красными окопы. Встреченный сильным огнем, полк врубился, однако, в окопы. Большевики обратились вспять. При этом было захвачено одно орудие и около ста снарядов. Однако, вместо преследования врага, казаки рассыпались по своим хатам, чтобы провести близких. Ободренные этим красные, засев в домах у парка, открыли бешеный огонь по станице и расстреливали, как куропаток, сражавшихся поодиночке казаков. Много их, в том числе и войсковой старшина Меняков, было ранено. Казаки стали отступать к станице. Я бросил в поддержку к волжцам в конном строю 2-й Хоперский полк. Он доскакал до самой станицы,

но, встреченный сильнейшим огнем и потеряв убитым своего доблестного командира, войскового старшину Бреуса, отхлынув в беспорядке назад, увозя, однако, взятую в бою пушку и труп своего командира.

Со стороны Кисловодска появились два бронепоезда и открыли по нас артиллерийский огонь. Есаул Трепетун, с одним-единственным орудием, вступил с ними в перестрелку. Первым же выстрелом, попавшим в вагон с огнестрельными припасами одного из броневиков, первый броневик взорвался на воздух. Устрашенный этим, второй броневик поспешно вышел из сферы нашего огня и открыл издали по нас огонь тяжелой артиллерией. В это же время партизанский полк занял вокзал. Обнаружив там большие склады товаров, партизаны занялись грабежом их, рассыпались и вышли из рук начальства.

Подвезенные незаметно со стороны Пятигорска несколько эшелонов большевиков атаковали их и выбили с вокзала. Таким образом элемент внезапности был утерян; приходилось все начинать сызнова. Гарнизон Ессентуков, значительно усиленный и ободренный удачей, представлялся серьезным противником. Тогда, продолжая демонстративную атаку Ессентуков, я решил обратить удар на Кисловодскую, откуда командир 1-го Волжского полка еще не присылал донесения. Оставив для действия против Ессентуков 2-й Волжский полк и подошедший по взятии своей станицы дивизион суворовских казаков и приказав им, кроме того, охранять Бургустанское направление от возможного со стороны красных покушения, я двинулся к Кисловодску со 2-м Хоперским полком, командиром которого назначил теперь только что явившегося из карачаевских аулов, где он скрывался, лихого полковника Беломестного. Оказалось, что 1-й Волжский полк успел взять станицу Кисловодскую и даже уже произвел в ней мобилизацию.

К моменту подхода остального моего отряда, 15 сентября утром, гарнизон города капитулировал. Здесь было взято нами 3000 пленных, 2 исправных орудия, 2500 винтовок, до 200 000 патронов и освобождено большое количество офицеров. Захвачен был также целый ряд комиссаров, с которыми было поступлено со всей строгостью законов. Мобилизованных казаков станицы Кисловодской я влил в 1-й и 2-й Волжские полки. Многочисленное освобожденное в Кисловодске офицерство вошло в местный офицерский полк. Оружия опять стало не хватать.

Для связи с полковником Владимиром Агоевым я выслал в аул Кармово (кабардинский — единственный враждебный нам — аул) партизанский конный полк. Встреченный недружелюбно кармовцами, полк занял аул после небольшой перестрелки: из Кармова в станицу Мариинскую, где находился

штаб Агоева, был выслан дивизион партизан. Он был восторженно встречен агоевцами и вскоре вернулся ко мне обратно, привезя с собою от Агоева два орудия со снарядами, винтовки и патроны. Тут необходимо упомянуть, что еще раньше, при движении моем к Кисловодску, ко мне прибыл разъезд от Агоева и привез 20 000 патронов, что и дало мне возможность овладеть Кисловодском, ибо после боя под Ессентуками у меня иссякли патроны.

В Кисловодске мною была захвачена мощная радиостанция стационарного типа. Я приказал переделать ее в передвижную, что и было исполнено радиотелеграфистами в трехдневный срок, причем, однако, радиус действия ее сократился до 300 верст; этого, впрочем, было вполне достаточно для меня. Я связался по радио со штабом генерала Деникина и донес ему о взятии мною Кисловодска, поднятии Баталпашинского отдела и связи моей с восставшими, под начальством Агоева, терцами. Получив позже возможность сноситься шифром, я донес, что по окончании организации удара в тыл большевикам, сражающимся против генерала Боровского. В ответ на это я получил по радио выговор от генерала Деникина за неисполнение директивы. Что это была за директива, которую я якобы не выполнил, не знаю и до сих пор; никакой директивы я от штаба Добрармии не получал, и вообще на все мое предприятие там смотрели, как на авантюру, обреченную на неудачу. От Кубанского атамана тоже пришла весьма неразборчиво переданная по радио радиограмма, где упоминалось что-то о суде надо мною.

От Агоева, с которым я поддерживал регулярную связь разъездами, приходили нехорошие вести. Казачье-крестьянское народное правительство, видимо, не пользовалось популярностью. На Моздокском и Сунженском фронтах начались разложение и митингование. Казаки устали и рвались по домам. Во главе всех вооруженных сил терцев стал генерал Мистулов — хороший воин, отчаянно храбрый человек, но, видимо, уже утерявший веру в успех дела. Один отряд Агоева еще держался твердо.

Для связи с отрядом генерала Лазаря Бичерахова, овладевшего уже, по слухам, Кизляром, я выслал разъезд с поручением просить у генерала денег на вооружение. У меня не было ни денег, ни какого-либо снабжения. Поэтому я очень обрадовался, когда ко мне явились представители местного беженского финансово-промышленного мира и предложили свои услуги по налаживанию этого вопроса. Они сформировали из себя Финансовую комиссию, поставившую себе задачей изыскание средств для питания армии финансами и всяким снабжением. Председателем комиссии был г. Фрешкон, члены — Востряков, Лоов, Кюн, Цатуров, Майлов, Гукасов, Шадинов и другие. Работали идеально, блестяще, честно,

самоотверженно, выше всяких похвал. Члены Финансовой комиссии выдали местному отделению Государственного банка вексель за своими подписями, обеспеченный их имуществом, находившимся в Совдепии; банк выпустил равную сумму денег местного значения (чеки), на 6—7 миллионов, прозванных в народе «шкуринками». По взятии Грозного, Маилов внес один миллион. Впоследствии все эти обязательства были оплачены и изъяты из обращения.

В течение двух месяцев Финансовая комиссия содержала армию в 25 000—30 000 человек, освободив меня от всяких хозяйственных забот. Вся интендантская часть обслуживалась также комиссией, открывшей швальни, кожаный, полотняный и шорный заводы, сапожные и седельные мастерские, сукновальню. Комиссия скупала винтовки и патроны. Она же издавала газету «Доброволец», сослужившую большую службу в смысле привлечения к нам общественных симпатий и боровшуюся с большевистскими лжеучениями. Впоследствии, при отступлении моем из Кисловодска, комиссия озаботилась вопросами эвакуации и питания до 10 000 беженцев, их размещением, санитарными мероприятиями. Я не нахожу слов, чтобы охарактеризовать замечательную работу этой комиссии. На ее примере я убедился, что наша буржуазия и общественность могут работать и при этом великолепно; если бы командование Добрармии сумело наладить сотрудничество с общественностью, мы не претерпели бы впоследствии, погубившего все дело, распада тыла.

По радио я получил приказ генерала Деникина помочь во что бы то ни стало генералу Боровскому, продолжавшему сражаться с Таманской большевистской армией в районе Невинномысской. Атаман Баталпашинского отдела Косякин доложил о тяжелой боевой обстановке, сложившейся в районе Баталпашинской и Беломечетинской, атакованном отступавшими из Майкопского отдела красными, откуда их гнал генерал Покровский, и из Лабинского, где их жал генерал Казанович. Тем временем у терцев начался полный распад. В конце сентября они заключили соглашение с большевиками и ушли с фронта. Держался лишь Агоев с отрядом из двух Волжских полков, двух Кабардинских, одного пластунского, одного офицерского батальона и нескольких батарей.

Я решил очистить Кисловодск (этого категорически требовал Деникин) и, держа против Минераловодской группы красных фронт у Бекешевки, Суворовской и Бургустанской, обрушиться в тыл Невинномысскому красному фронту. Мое войско, все время усиливавшееся притоком добровольцев, достигло уже шести казачьих конных полков, сведенных мною в 1-ю Кавказскую дивизию (полки 1-й и 2-й партизанские, 1-й и 2-й Хоперские, 1-й и 2-й Волжские). Из иррегулярной конницы я сформировал 1-ю Туземную горскую дивизию

(полки 2-й и 3-й Черкесские, 1-й и 2-й Кабардинские, Кара-чаевский полк и Осетинский дивизион); пехота была сведена в пластунскую бригаду (батальоны — офицерский, терский и хоперский); артиллерия состояла из 5-и или 6-и полевых, четырехорудийных батарей.

К сожалению, у меня было очень мало снарядов и патронов, и поэтому небольшая моя армия не могла еще принять участие в серьезной военной операции наступательного характера. Войсковой старшина в Баталпашинском отделе, за отсутствием оружия, вооружил до 8000 казачьей милиции самодельными пиками; на длинные деревянные древки насаживались самодельные, выкованные в местных кузницах, острия. Войско это, получившее название «пикадоров», мужественно сражалось с большевиками. Однажды два батальона пикадоров были внезапно окружены красной конницей Кочубея — моего бывшего казака — и, потеряв до 300 человек изрубленными, попали в плен, но были освобождены подошедшей бригадой моей конницы, изрубившей в этом деле до 1500 красных кавалеристов.

25 сентября большевики повели сильное наступление на Кисловодск со стороны Ессентуков и на станицу Бургустанскую, которой они успели даже овладеть. Я выслал конную бригаду полковника Беломестнова против Бургустанской группы красных. На должность полевого начальника штаба я назначил только что присоединившегося к нам полковника Генерального штаба Плющевского-Плющика, впоследствии, по уходе полковника Сальникова, назначенного генерал-квартирмейстером Добрармии. Зайдя в тыл группе красных, Беломестнов, с двумя полками (партизанским и Хоперским), изрубил около 1500 большевиков и взял до 600 пленных. Ободренные этим бургустанцы перешли в наступление и отняли у красных свою станицу. Я же с главными силами вступил в бой с Ессентукской группой красных и сдерживал ее, деятельно готовясь к эвакуации Кисловодска, назначенной на 27 сентября.

Уступая приказанию генерала Деникина, я выслал два полка в тыл Невинномысской группе красных, в район станиц Беломечетинской и Отрадной. Около этого времени ко мне приехала моя жена, бежавшая в свое время из кисловодской тюрьмы при помощи штаб-ротмистра, осетина Борукаева и скрывавшаяся в аулах около Нальчика. Доблестный Борукаев, бывший все время у меня адъютантом, впоследствии, в бою под Екатеринославом, пал смертью храбрых.

На рассвете 27 сентября началась эвакуация Кисловодска. Двинулось на заранее заготовленных подводах громадное количество беженцев, и вывозилось из Кисловодска имущество государственных учреждений. Ничего оставлено не было. Беженцы частью осели в Баталпашинской, а также в ее окрест-

ных станицах — Усть-Джегутинской и Кардошинской, — частью же двинулись на Сухум. Эвакуация прикрывалась кисловодским ополчением, офицерским и 1-м пластунским батальонами. Остальную часть своего отряда я бросил к Баталпашинской, на которую наступали красные со стороны Невинномысской, из Курсавки на Воровсколесскую и из Майкопского отдела. Эта группа уже успела овладеть станицей Отрадной. Впоследствии выяснилось, что это была одна из попыток Таманской армии проложить себе путь отступления.

Очищение Кисловодска сократило мой фронт с 500 до 400 верст и дало мне возможность образовать некоторый резерв.

Баратов и я убеждали Шкуро уехать из отряда. Политическое положение на фронте было запутанное. Связь с центром утеряна. Денег не было. Назревала эвакуация корпуса. Хлопот было много, а тут еще возня с отрядом Шкуро. Отряд в Хамадане, около штаба, мешает работать. Казаки требовали, чтобы под командой ближайшего помощника и друга Шкуро — есаула Прощенка — их отвели домой на Кубань. Шкуро упирался. Он очень самолюбив и заподозрил интригу:

— Ни за что! Казаков подговорили, их сбили, я знаю их наизусть. Знаю, чем дышит каждый! Не уеду. Через три дня они опять все пойдут за мной.

Нужно сказать, что офицеры отряда все были на стороне Шкуро, да и часть казаков, конечно.

«Персидский фронт»

А. Г. ЕМЕЛЬЯНОВ

ГЛАВА XVII

Маневрируя все время и сосредоточиваясь то здесь, то там, я наносил короткие удары пытавшимся наступать колоннам красных. Более крупные бои произошли у станиц Воровсколесской, Невинномысской, Бургустанской, Суворовской и Отрадной. Войска мои были изнурены громадными, преимущественно ночными, переходами, не успевая отдохнуть от которых, тотчас же пускались в бой. Патронов было так мало, что Финансовая комиссия скупала их у населения, уплачивая по 10 рублей за каждый. Я возил с собой небольшой запас патронов и, как драгоценность, из рук в руки, передавал командирам полков по цинковой коробке с 600 патронами в критические моменты боев.

Это имело и свои хорошие стороны: казаки приучались дожить каждой пулей и открывали огонь лишь с дистанции постоянного прицела (400 шагов), стрельба их приобрела чрезвычайную меткость и выдержанность. Сравнивая результаты своего огня с беспорядочной и почти безвредной паль-

бой красных, казаки вырабатывали в себе уверенность в собственной силе и стойкости. Однако, ввиду маневренного характера войны, драться приходилось преимущественно кавалерии, которая, за отсутствием патронов, при каждом мало-мальски подходящем случае атаковала в конном строю, и притом не только кавалерию противника, которая обыкновенно не принимала удара, но и красную пехоту, масса которой полегла под казачьими шашками, особенно при преследовании.

Тем временем из Добровольческой армии пришли неважные вести. В первых числах октября большевики прорвали фронт полковника Боровского, овладели Ставрополем и угрожали Невинномысской и Армавиру. У них образовался некоторый плацдарм, на котором они могли теперь оправиться и создать новый ударный кулак. Я не мог предпринять ничего серьезного, не имея патронов и снарядов, и ждал с нетерпением подхода генерала Покровского, двигавшегося на соединение со мною и, как я имел сведения, хорошо снабженного и вооруженного.

Около 7 октября мои разъезды встретились с разъездами Покровского в глубине Майкопского отдела. 9 октября, после боя у станицы Отрадной, которой я овладел, появились авангардные сотни Покровского. Я устроил почетную встречу генералу. Перед построенными полками мы выпили на «ты» с Покровским; наши казаки братались; станицы ликовали. Генерал стоял во главе отряда, состоявшего из 1-й Кубанской дивизии, которая включала в себя шесть полков большого состава — до 1000 шашек в полку — и четырехбатальонную пластунскую бригаду под командой генерала Геймана, поднявшего весь Майкопский отдел и присоединившегося к Покровскому. При отряде была сильная артиллерия, имевшая тяжелые орудия. Покровский приказал выдать мне 100 000 патронов и 500 снарядов. Я доложил генералу, что подчинюсь ему, как старшему по чину.

В Баталпашинской, как в столице отдела, была устроена торжественная встреча Покровскому; отслужили молебствие перед всем войском; Финансовая комиссия поднесла лично генералу 100 000 рублей (еще раньше она поднесла мне 200 000 рублей, из коих я 100 000 подарил станице Баталпашинской, а 50 000 дал местной гимназии).

Затем генерал Покровский перешел со своим штабом в станицу Беломечетинскую, я же остался в Баталпашинской. В это время у нас произошел неприятный инцидент. Встав утром и выйдя на крыльцо занимаемого мною дома, на станичной площади против собора я увидел большую толпу народа, окружавшую виселицы, на которых болтались 5 трупов; человек 12 в одном белье ожидали очереди быть повешенными. Мне доложили, что прибывшие из штаба генерала По-

кровского офицеры вешают арестованных подследственных. Я приказал немедленно прекратить это безобразие и поручил атаману отдела произвести расследование происшедшего. Выяснилось, что командир комендантской сотни штаба Покровского Николаев и есаул Раздеришин явились в местную тюрьму и, отобрав по списку часть арестованных, виновность которых отнюдь еще не была установлена судебной процедурой, именем генерала Покровского потребовали их выдачи и стали вешать на площади. Я выгнал вешателей из станицы и послал протестующее письмо Покровскому. Вместо ответа он сам приехал ко мне разъяснить «недоразумение».

— Ты, брат, либерал, как я слышал, — сказал он мне, — и мало вешаешь. Я прислал своих людей помочь тебе в этом деле.

Действительно, я не разрешал подчиненным какой-либо расправы без следствия и суда над взятыми большевиками. В состав судей привлекались местные жители из умудренных жизнью стариков, людей суровых, но справедливых и знавших чувство меры. Я просил генерала Покровского избавить меня на будущее время от услуг его палачей.

Покровский сообщил мне, что им получено приказание из Ставки о том, что я официально вхожу в его подчинение и назначаюсь начальником 1-й Кавказской дивизии. Сформированные же мною конная горская дивизия и пластуная бригада пошли под начальство генерала Гартмана. Покровский двинул пластунов обеих бригад на Невинномысскую и овладел ею. Оттуда я произвел внезапный налет на Темнолесскую и взял ее. При этом был пленен эскадрон красных и взяты кое-какие трофеи.

Приехавший вскоре генерал Покровский распорядился повесить всех пленных и даже перебежчиков. У меня произошло с ним по этому поводу столкновение, но он лишь отшучивался и смеялся в ответ на мои нарекания. Однажды, когда мы с ним завтракали, он внезапно открыл дверь во двор, где уже болтались на веревках несколько повешенных.

— Это для улучшения аппетита, — сказал он.

Покровский не скупился на остроты вроде: «природа любит человека», «вид повешенного оживляет ландшафт» и т. п. Эта его бесчеловечность, особенно применяемая бессудно, была мне отвратительна. Его любимец, мерзавец и прохвост есаул Раздеришин, старался в амплу палача угодить кровавым инстинктам своего начальника и развращал казаков, привыкших в конце концов не ставить ни в грош человеческую жизнь. Это отнюдь не прошло бесследно и явилось впоследствии одной из причин неудачи Белого движения.

Тем временем начались холода, сильно отзывавшиеся на моих плохо экипированных казаках: были случаи обморожений, начали развиваться простудные болезни. Местность, в

которой приходилось действовать, была разорена рядом многократно происходивших здесь военных действий; продовольствие и фураж приходилось привозить издалека.

Большевики прочно держались в Ставрополе. Наши отряды с разных сторон нажимали на них: дивизии Боровского и Улагая с севера, дроздовцы от Армавира, которым они овладели совместно с дивизией Врангеля, дивизии моя и Покровского с востока и юго-востока; пластуны остались в Невинномысской. Я получил приказ от Покровского овладеть большевистской позицией на горе Холодной, что у селенья Татарки, причем было приказано взять ее в конном строю. Я считал нелепостью подобное использование конницы, но пришлось повиноваться. Посланная мною бригада хоперцев овладела было с налета окопами, но подошедший сильный резерв противника энергично выбил ее и, нанеся значительные потери, обратил в беспорядочное бегство. Тем временем Покровский успел уже разметать и мой резерв — я остался лишь со своей конвойной сотней и с хором трубачей. Бросившись навстречу улепетывавшим хоперцам и приказав трубачам играть марш, я собрал вокруг себя несколько сотен и повел их в контратаку. Позиция была вновь взята, но с тяжелыми жертвами.

Вечером этого же дня у Покровского было собрание старших начальников, на котором я, поддержанный моим начальником штаба, полковником Шифнер-Маркевичем, горячо нападал на бессистемность нашей работы и на манеру Покровского руководить боем. Действительно, он совершенно не умел руководить боем конницы: страшно горячился во время боя, раздергивал части по сотням, расплывал резерв и принимал личное участие в бою, мечась с конвойной сотней по полю сражения и видя лишь тот участок, на котором в данном случае находился. Части, уже нацеленные и вязавшиеся в бой, выдергивались внезапно обратно, чем компрометировался достигнутый ими успех, часто добытый дорогой ценой, и перебрасывались иногда на другой фланг, где нужды в них не ощущалось.

Командиры полков 1-й Кубанской дивизии были совершенно обезличены Покровским и не смели пикнуть. Равным образом не считался он и со своим начальником штаба, полковником Сербиным. Меня и Шифнера он хотя и выслушивал, но не считался с нашим мнением, тотчас же принимаясь писать боевой приказ или диктовать своему начальнику штаба. С другой стороны, нужно ему отдать справедливость, Покровский был превосходным организатором, человеком большой личной храбрости и громадной силы воли.

На данном заседании я доказывал, что окружаемые в Ставрополе большевики, безусловно, приложат все старания к тому, чтобы вырваться из сжимающего их кольца, причем,

естественно, они будут стремиться идти по линии наименьшего сопротивления — на селение Благодарное и на Святой Крест; нам необходимо отжимать их к югу, где все равно они не уйдут от нас. Тратя же наши силы на овладение отдельными пунктами, мы не выигрываем ничего. Все мои доводы остались, однако, безрезультатными. Сжатые в Ставрополе большевики производили демонстрации в разные стороны, но в то же время стягивали поспешно обозы с юга к городу. Перебежчики и агентурные сведения подтверждали правильность моих предположений. Однако Покровский был уверен, что большевики будут прорываться к югу на Невинномысскую.

Внезапным налетом Врангель овладел монастырем к югу от Ставрополя, недалеко от города. Это послужило сигналом для красных. Прорвав фронт генерала Улагая (2-я Кубанская дивизия) и генерала Боровского, они пустились в отступление главными силами именно в тех направлениях, которые я предполагал: на Святой Крест и Благодарное. Отдельные же их отряды искали спасения во всех направлениях. Часть бросилась и в Астраханские степи.

Врангель ворвался в Ставрополь и, с боем на улицах, овладел им. Тем временем, ввиду постоянных передвижений и как следствие затрудненности подвоза фуража, у нас началась бескормица. Для продовольствия коней приходилось разбирать соломенные крыши, причем на полк назначалась одна хата. Кони стали падать. К этому прибавились затруднения с недостатком пресной воды, ибо местную соленую колодезную воду лошади отказывались пить либо болели от нее. Болели от нее желудком и люди.

Началось преследование красных. Генерал Улагай с 2-й Кубанской дивизией двинулся в сторону Астраханских степей, а генерал Врангель с конной дивизией на Святой Крест; пластуны Геймана и Слащева, объединенные теперь в 3-й армейский корпус генерала Ляхова, пошли к югу, на Минеральные Воды, против тех красных частей, которые, освободившись, вследствие распада Терского фронта, двинулись было на выручку Ставрополя. Я и Покровский должны были ехать в Екатеринодар на Радугу. Наши две дивизии, объединенные под начальством генерала Науменко, начали преследование красных по направлению к селению Александровскому. Однако вскоре моя дивизия была выделена и придана к корпусу Ляхова для движения на Минеральные Воды, севернее линии железной дороги.

В Екатеринодар я ехал вместе с генералом Покровским. В пути мы с ним узнали друг друга несколько ближе. По пути в город я явился в Ставку и к генералам Деникину и Романовскому. Первый принял меня несколько сухоовато, упрекал в том, что я, согласно донесению Боровского, не вы-

полнил своевременно данной им мне директивы — действовать по тылам красных, с которыми он воевал у Невинномысской; вследствие невыполнения им этой задачи, он понес большие потери и сдал эту станицу. Я возразил Главнокомандующему, что не был подчинен Боровскому, а непосредственно ему, Главкому, и от него никакой директивы, кроме приказа поднятия восстание казачества, не получал. Пожелание же Боровского, чтобы я помог ему, как отвлекавшее меня от основной задачи, а также затруднительное для моего отряда, не располагавшего достаточным количеством вооружения и патронов, было для меня невыполнимо. Удовлетворившись моим объяснением, генерал Деникин упрекнул меня, однако, в самовольном взятии, как он выразился, ни на черта не нужного в то время Добрармии Кисловодска. Когда же я очертил Главнокомандующему вынудившую меня к этому обстановку, а также выгоды, которые извлек из этого моего шага, генерал согласился с тем, что я не заслуживаю упрека. Относительно Рады Деникин высказался вскользь, что она слишком оппозиционна и это вредит общему делу.

Затем я представился войсковому атаману генералу Филимонову, причем просил его разъяснить мне непонятную радиограмму, присланную мне атаманом по занятии Кисловодска, в коей говорилось что-то о суде надо мною. Атаман рассказал, что когда он, после взятия мною Кисловодска, по настоянию членов Рады обратился к генералу Деникину с просьбой о моем производстве в генерал-майоры, о чем он возбудил ходатайство еще в Тихорецкой, Главком ответил ему:

— Шкуро не в генералы нужно произвести, а предать суду за самовольное взятие Кисловодска и за неисполнение боевых приказов.

На основании этих двух разговоров у меня создалось впечатление, что незаслуженные мною нарекания обязаны своим происхождением какой-то штабной интриге, вероятно, имевшей своими авторами моих ставропольских противников — генерала Уварова и полковника Глазенапа.

В Екатеринодаре казаки и население города встретили меня тепло, и я часто становился объектом уличных восторгов и шумных приветствий. В прессе был помещен ряд лестных для меня отзывов. Я побывал у лидеров кубанских фракций: у Быча, Рябовола, Сушкова и других, стараясь уяснить себе различные оттенки общественных настроений. Чувствовалась сильная оппозиция к Главному командованию: его упрекали в неисполнении договора, заключенного генералом Корниловым с казачеством, согласно коему Главнокомандующий обязался не вмешиваться в казачьи дела; в неисполнении обещания сформировать отдельную Кубанскую армию; в том, что командование игнорирует казачьи установления и конститу-

цию Края. С другой стороны, для меня не осталось незамеченным, что левое крыло Рады имеет сильное тяготение к Петлюре и даже стремится к суверенитету Кубани, что не могло не возбудить недоверия Главнокомандующего, стоявшего на страже общегосударственных, русских интересов.

Из переговоров моих с депутатами у меня создалось впечатление, что они относятся ко мне с какой-то скрытой боязливостью, причем мне было подчеркнуто несколько раз, что мои собеседники были бы откровеннее со мной, если бы были уверены, что слова их не будут переданы мною моему другу генералу Покровскому, которому многие не склонны доверять, видя в нем решительного противника кубанских представительных учреждений.

Сопоставляя эти отзывы с тем, что мне урывками приходилось слышать от Покровского, я пришел к заключению, что он действительно затевает какое-то насилие над Радой. В станицу Пашковскую (под Екатеринодаром) Покровский привел, якобы для отдыха, Кубанский гвардейский дивизион и сводный Кубанский полк. Там же стояла моя конвойная «волчья» сотня, несшая караул у моего дома и служившая также для меня приемно-отсылочным аппаратом снабжения моей дивизии. В день открытия Рады Покровский заехал за мною на своей машине — у меня не было автомобиля, — и мы отправились с ним в Зимний театр, где происходили заседания. Вошли в зал во время чьей-то речи и заняли места в одной из лож. Депутаты стали оборачиваться, — видимо, наше появление произвело некоторую сенсацию. Наше совместное появление произвело и другой нежелательный эффект — оно как бы подтвердило создавшееся в политических кругах впечатление о нашей с Покровским неразрывной дружбе.

Мы оба послали записки председателю Рады Рябоволу о том, что просим слова. Покровский говорил первым. При его появлении вся Рада встала и приветствовала его аплодисментами.

— Я прошел всю Кубань огнем и мечом, — сказал Покровский, — и все казачество дружно восставало и шло за мной. И мне больно видеть теперь, что какие-то интриги роняют престиж Главнокомандующего и губят общее дело.

После Покровского выступил я, встреченный криками «ура» и бурными овациями Рады. Взволнованный и возбужденный горячим приемом, я сказал речь, проводя ту же мысль, что и Покровский, но выразил ее в более мягкой формулировке. Я кончил свою речь здравицей за Главкома, за Кубанское войско, казачество и Россию. Вскоре должны были состояться выборы Кубанского войскового атамана. Покровский, как я заметил это еще и раньше, в Ставропольской губернии, сильно целил на атаманский пост. Он тратил большие деньги на агитацию в станицах и рассылал повсюду своих

офицеров, добивавшихся на сходах приговоров о желательности избрания Покровского войсковым атаманом. В одной станице даже случилось недоразумение: послав в Раду благоприятный Покровскому приговор, станичный сход тотчас же прислал и второй, коим аннулировал первый, как неправильный и написанный под давлением офицера, присланного генералом. Покровского поддерживал и Союз хлеборобов — кубанских крупных земельных собственников. Рябовол просил меня выставить мою кандидатуру в атаманы.

— Вы природный казак, и на вас вся наша надежда. Поддержите нас, — убеждал он меня, но я решительно отклонил это предложение, ссылаясь на то, что еще молод для такого поста, неопытен в политике, а кроме того, враг сепаратистских тенденций левых элементов Рады и сторонник Великой России.

Через несколько дней, по открытии сессии Рады, станица Пашковская, праздновавшая какой-то местный праздник, прислала нам с Покровским приглашение приехать в станицу. Оба мы, вместе со своими штабами и в специально поданном для нас трамвае, поехали в Пашковку. Нам была приготовлена торжественная встреча: построены стоявшие там части Покровского и мои полки, хор трубачей играл войсковой марш. Станичный атаман, подхорунжий Голубь, приготовил для нас особую честь — все местные старики были в строю. Нам подали коней, и Покровский, сопровождаемый мною, принял парад. Затем мы оба встали на правый фланг своих частей и прошли церемониальным маршем перед стариками. Был приглашен и мой отец, отставной полковник, а пашковцы особенно приветствовали меня, как своего одностаничника. Затем нас пригласили на обед, сервированный в местной гимназии. Покровский произнес застольную речь, совершенно недвусмысленно направленную против Рады. Подвыпившие старики поддержали его: «Якы там бунты, теперь тышь и гладь» и т. п. На другой день в газетах появились статьи о празднестве с намеками, что скоро Покровскому быть атаманом.

При последующих встречах наших Покровский начал со мной заводить разговоры на политические темы: о необходимости унять крикунов в Раде и о том, что власть войскового атамана должна быть расширена. Что атаман Филимонов и Главное командование держатся того же мнения, равно как и значительная часть самой Рады; таково же мнение и на местах, о чем у него, Покровского, имеются донесения. С другой стороны, из бесед моих с членами Рады, станичниками и общественными деятелями у меня создалось впечатление, что общественные настроения отнюдь не соответствуют картине, изображенной мне генералом Покровским.

Однажды поздно вечером ко мне приехал адъютант гене-

рала Покровского — капитан Козловский и просил меня, по поручению своего начальника, немедленно ехать к нему по важному делу, не терпящему отлагательства. Последовав за ним, я застал Покровского сидящим за столом. Вокруг него сидели четыре полковника (командиры полков дивизии Покровского), его начальник штаба — полковник Гебдев и временный заместитель Покровского — в должности начальника дивизии — генерал Крыжановский (плененный впоследствии в 1919 году вместе со своим штабом и зарубленный большевиками). Покровский обратился к нам с речью, в которой сообщил, что Главнокомандующий и атаман Филимонов настаивают на необходимости обуздать крикунов из Рады:

— Сегодня в четыре часа я намерен арестовать этих господ и предать их военно-полевому суду по обвинению в государственной измене. Части моей дивизии, расквартированные в станице Пашковской, уже идут сюда. Они займут все караулы. Полковник же Шкуро со своей волчьей сотней произведет намеченные аресты, причем я дам в качестве провожатых моих офицеров, которые знают адреса лиц, коих необходимо арестовать.

Возмущенный тем, что Покровский, пользуясь моим временным подчинением ему, хочет заставить меня совершить государственный переворот, я резко возразил, что сомневаюсь, что подобные приказания могли быть отданы Главнокомандующим и атаманом, и не поверю, пока не услышу подтверждения этого приказания из их собственных уст.

— Хорошо, — ответил Покровский, — едем же, не теряя времени, к ним.

Мы с Покровским поехали к генералу Романовскому. Остальные же заседавшие, по моему настоянию, отправились к Филимонову, куда должны были вскоре прибыть и мы с Покровским. Романовский уже спал, когда мы приехали к нему; разбуженный, он вышел к нам.

— Ваше превосходительство, — обратился я к нему, — уполномочило ли Главное командование генерала Покровского арестовать и предать военно-полевому суду часть членов Рады?

— Мне ничего не известно об этом, — ответил изумленный Романовский, — впрочем, я спрошу Главнокомандующего по телефону.

Вернувшись через некоторое время, он сообщил, что Главнокомандующий ничего не приказывал генералу Покровскому и что вообще Главное командование не может взять на себя никакой ответственности в этом деле. Взбешенный, я наговорил дерзостей Покровскому, и, простившись с Романовским, мы поехали к атаману. Разбуженный приехавшими раньше офицерами, Филимонов, весьма смущенный и расстроенный, сидел, окруженный ими.

— Господин атаман, — обратился я к нему, — генерал Покровский приказал мне произвести аресты членов Рады, причем ссылался на приказания, полученные от Главнокомандующего и от вас. Главнокомандующий, как я уже выяснил, не подтвердил этой ссылки на него. Жду ваших приказаний и объяснений.

— Ничего подобного, — возразил Филимонов, — я генералу Покровскому не приказывал. Мне ли, облеченному доверием народа, народному избраннику, становиться на путь нарушения конституции и государственного переворота?

— Значит, это провокация, ваше превосходительство! — крикнул я Покровскому. — Я не только не пойду с вами, но и не допущу вас до этого шага, — добавил я.

— Что же, мы с тобой драться будем? — полувопросительно, полушутливо и полуугрожающе сказал мне Покровский.

— Да, — ответил я, — если потребуется, но ни в коем случае не допущу переворота, который разложит армию и расколет Кубань.

Покровский смутился и глухим голосом отдал офицерам приказ остановить двигавшиеся из Пашковской свои войсковые части...

С тех пор я избегал встречаться с Покровским. Он же, в свою очередь, перестал бывать у атамана, у которого прежде бывал почти ежедневно.

ГЛАВА XVIII

В Раде все больше обозначалось недовольство части ее членов Главным командованием на почве постоянных столкновений о пределах компетенции между органами кубанских правительственных учреждений и таковыми же Главного командования. Против атамана Филимонова велась агитация; его обвиняли в чрезмерной уступчивости Командованию и неумении постоять за Кубань. Выдвигалась кандидатура на атаманский пост Луки Лаврентьевича Быча, председателя Кубанского краевого правительства. Л. Л. Быч, вместе с правительством, сопровождал генералу Покровскому в его 1-м походе, затем, по соединении кубанцев с отрядом генерала Корнилова, последовал за Добрармией на Дон, а после обратного занятия Екатеринодара продолжал свои прежние функции министра-президента.

Презрительное отношение добровольцев к членам Рады и игнорирование Главным командованием конституции Края и договора, заключенного в свое время между Кубанью и генералом Корниловым, глубоко уязвляло самолюбие Быча. В Екатеринодаре съезжавшиеся с мест старые депутаты нашли уже скристаллизовавшиеся настроения и примыкали к ним.

Основных течений было два: одно, возглавляемое депутатами Сушковым и Скобцовым, стояло за всемерную, безоговорочную поддержку Главного командования; оно поддерживалось преимущественно депутатами так называемых линейных отделов, населенных в большинстве казаками-донцами великорусского происхождения (Лабинским, Баталпашинским, Майкопским). Другое течение, оппозиционное Главному командованию, возглавляемое Л. Л. Бычем и председателем чрезвычайной Рады Рябоволом, поддерживалось преимущественно депутатами Черноморских отделов, украинского, частью запорожского, происхождения (отделы Ейский, Таманский, частично Екатеринодарский и Кавказский).

Сам Быч происходил из простых казаков станицы Павловской Ейского отдела. Юрист по образованию, человек недюжинных способностей, большого ума и сильной воли, но также и большого честолюбия, он был в свое время городским головой города Баку; при Временном правительстве занимал должность помощника Главноуполномоченного по снабжению Кавказской армии. Быч пользовался репутацией человека бескорыстного. Он не обладал красноречием, но брал чрезвычайной основательностью и доказательностью своих выступлений.

Первоначальная позиция черноморцев отнюдь не носила принятого ею позже стремления к полному разрыву с Главным командованием и не выдвигала проекты о суверенитете и полной политической независимости, или, как это именовалось, «самостийности» Кубани. Эта идея была выдвинута позже, равно как и проект союза с петлюровской Украиной. Однако, несомненно, украинофильская тенденция была всегда близка черноморской фракции Рады. Первоначальному плану черноморцев нельзя отказать в дальновидности и предусмотрительности.

— Нам, казакам, — говорили они, — не по силам освободить вооруженной рукой всю Россию. Необходимо освободить казачьи области, установив в них правопорядок, провести в жизнь завоевания революции, создать оборонительную армию, заключить союзы — на федеральных началах — с Азербайджаном, Грузией, Арменией и горцами; создав таким образом сильное южно-русское государство, выжидать событий, служа красноречивым и соблазнительным примером для стремящейся к освобождению от большевизма России.

Однако Главное командование, отгороженное от общественного мнения Особым совещанием, состоявшим в значительной части из людей (под предводительством реакционера А. М. Драгомирова), не осмысливших факта происшедшей революции, упорно не хотело прислушиваться к тому, что волновало общественные круги. Более того, Драгомиров относился прямо презрительно к членам кубанского правитель-

ства; это страшно озлобляло их, что, конечно, не могло идти на пользу общерусскому делу.

На Дону положение дел было другое. Тогдашний Донской атаман — генерал Краснов поставил себя в совершенно независимое, относительно Главного командования, положение. Бывший атаманец, убежденный монархист, германофил по необходимости, Краснов был человеком широкого и разностороннего образования, громадной трудоспособности и железной воли. Он вел Дон твердой рукой. Организовав многочисленную, прекрасно вооруженную, экипированную и стройную Донскую армию, Краснов освободил от большевиков всю территорию Дона, а также часть Богучарского уезда Воронежской губернии. Завязшее на Кубани по уши, не имевшее собственной территории, Главное командование, питавшееся к тому же снарядами и патронами из донских складов, с неопределенной политической программой и неустойчивой политикой, не пользовалось уважением на Дону.

Краснов, страдавший значительной манией величия, отнюдь не намерен был признавать приоритета генерала Деникина и не упускал случая это демонстративно проявлять. В начале декабря приехали в Екатеринодар союзники. Их встретили с большим подъемом и помпой. Конечно, Краснов, как глава «старшего казачьего брата», пожелал, в свою очередь, принять союзников самостоятельно. Он затеял это «en grand», разослав приглашения представителям Добармии, Кубани и Терека. Я был командирован в качестве представителя вооруженной Кубани. Вместе со мной ехали Петр Макаренко, генерал Гейман и Ратагау от Рады, генерал Боровский от Добармии.

Впервые, после долгого перерыва, вступил я на территорию Дона. После грязного и беспорядочного Екатеринодара казалось, что я попал в другое царство, как в старое время, бывало, выезжал за границу. На станциях стояли brave жандармы в красных фуражках; поезда шли аккуратно по расписанию; всюду чистота и порядок. В Ростове нас приветствовали представители атамана. В Новочеркасске ожидавшие офицеры рассадили нас по приготовленным автомобилям и развезли по гостиницам, где для каждого был отведен чистенький номер. Все это представляло разительный контраст с екатеринодарскими порядками. На улицах города попадались чистенько одетые, франтоватые, лихо козырявшие казаки и солдаты.

Вечером я представлялся Краснову. Еще юнкерами мы зачитывались статьями подъесаула П. Краснова, писавшего по казачьим вопросам. В германскую войну я встречался уже с генералом Красновым, командовавшим 1-й Донской дивизией. С большим удовольствием встретился и теперь. Разговор коснулся взаимоотношений Дона с Главным командованием.

— Могу ли я, — сказал атаман, — имея сильную армию, на освобожденной территории, с налаженным государственным аппаратом и установившимся правопорядком, подчиниться генералу Деникину, почти не имеющему ни территории, ни своей армии, — ибо громадная часть Добрармии состоит из казаков же, — и с туманной, колеблющейся политической программой? Меня обвиняют в германофильстве, но это плод недоразумения, ибо мое так называемое германофильство есть разумная международная политика, вызванная обстоятельствами времени. Пусть добровольцы помнят, что Дон снабжал их патронами и снарядами, без чего борьба их с большевиками была бы немыслима; но эти, полученные от немцев, патроны я омываю прежде в водах Тихого Дона и затем уже передаю Добрармии, — добавил Краснов с улыбкой.

На другой день утром я присутствовал на торжественном богослужении в Новочеркасском соборе. Давно не испытывал я такого наслаждения; превосходное облачение духовенства, чудный хор, благолепное богослужение — все то, от чего мы давно отвыкли в нашей звериной жизни последних лет.

Затем состоялся парад войскам. Участвовали юнкера, донские гвардейские и армейские части и вновь воссозданные старые русские боевые полки, с лейб-гвардии Финляндским во главе. Войска производили превосходное впечатление своей выправкой, экипировкой, бодрым видом и стройностью эволюций. Присутствовавшие на параде иностранцы, ожидавшие, видимо, встретить нечто вроде ополчения или милиции, были поражены. Вечером в честь иностранцев был дан торжественный обед в атаманском дворце. Роскошно сервированный стол ломился от всяких яств и бесчисленных закусок и вин; зернистая икра стояла прямо в жбанах; звеня громадной рыбы и янтарные бутылки радовали глаз. Донской войсковой смешанный хор, в старинных казачьих, расшитых позументом, чекменях, — детище донского композитора — генерала Траилина, — пел славные, исторические донские песни; превосходный войсковой струнный оркестр играл, скрытый на хорах. Умел-таки Краснов принять гостей седого Дона, старшего брата всего русского казачества.

Присланные иностранцами представители были, вероятно не без умысла, не в чинах — больше неполные штаб-офицеры и молодежь, но Краснов сумел не понять намека и принял их с великими почестями. Первый тост произнес Донской атаман за его величество короля Георга, за английский народ, британскую армию и флот. Последовал английский гимн. Второй тост был тоже произнесен Красновым — за Францию и ее вооруженные силы. Выслушали марсельезу. Англичане ответили тостом за восстановление великой единой России. Оркестр грянул: «Боже, царя храни!» Республиканцы ежились,

но, конечно, встали из приличия; монархисты раскраснелись от волнения и подпевали.

Генерал Боровский сказал солдатского характера речь, в которой благодарил Дон за гостеприимство, оказанное в свое время формировавшейся Добрармией. Краснов ответил тостом — достаточно кратким и сдержанным — за генерала Деникина и Добрармию. Макаренко и Ратагау в застольных речах проводили свою черноморскую платформу. Я также поднял бокал и высказал свое восхищение всем виденным на Дону, приписав это энергии и творческой деятельности атамана.

— Я вижу силу в единении, — сказал я, — а в генерале Краснове будущего атамана всех казачьих войск...

На другой день состоялся второй обед, данный Донским войсковым кругом. Главной темой застольных здравниц был вопрос объединении всех сил. Были, однако, речи и против такого.

По возвращении с донских празднеств я представился Кубанскому атаману и генералу Романовскому, который, от имени Главкома, сделал мне внушение за мое пожелание в застольной речи видеть Краснова Атаманом всего казачества. В Екатеринодаре происходили в это время выборы Войскового атамана. Черноморская фракция решила голосовать за Быча. Депутаты приглашали меня поддержать своим влиянием эту кандидатуру, но я решительно отказался; не говоря уже об одиозности этого имени для Главного командования и о тяжких несогласиях, могущих проистечь в случае его избрания, Быч, как человек штатский, не был бы авторитетен для казаков, привыкших видеть на атаманском посту людей военных. Особенно малоуместным представлялся мне штатский атаман во время гражданской войны, требовавшей напряжения всех воинских средств страны. Линейцы и поддерживавшая их в данном случае горская фракция вотировали за старого атамана Филимонова, который и был переизбран незначительным числом голосов. Быч, бывший на ножах с Филимоновым, не пожелал остаться председателем правительства, подал в отставку и был замещен линейным лидером Сушковым. Стараясь предоставить Бычу приличный выход из положения, черноморцы изобрели для него, как казалось тогда, синекуру в виде командировки в Париж в качестве председателя делегации, в которую вошли бывшие члены правительства: из ведомства юстиции Намитоков, по военным делам Савицкий и члены Рады Калабухов и Долгополов.

Тем временем дела на фронте шли неважно. Усилившись частями, подошедшими с ликвидированного Терского фронта, отступавшие красные части задержались и оказывали упорное сопротивление у селений Благодарного и Александ-

ровского. На минераловодческом направлении красные вновь овладели станицами Бургустанской, Суворовской и Бекешевской, угрожая своим левым флангом Баталпашинской, оборонявшейся отрядом Султан-Келеч-Гирея. Станция Красавка и станция Воровсколеская переходили из рук в руки. Из Баталпашинской приезжали ко мне старики с просьбой выручить их станицу.

Произведенный 30 ноября в генерал-майоры, около половины декабря я выехал на фронт. Дивизия моя входила в состав 3-го армейского корпуса, под командой генерала Ляхова, штаб которого стоял на станции Киян. Ляхов объяснило мне общую обстановку. Красные намеревались овладеть Армавиrom, чтобы затем выйти таким образом в тыл 3-му корпусу. Следующим ударом на Кавказскую они отрезали бы отряд Врангеля, наступавшего на Святой Крест.

Отправившись в свою дивизию, временно находившуюся под командой генерала Офросимова, я застал ее в печальном состоянии. Люди и лошади болели от плохой воды. Полки были очень слабого состава — 30—40 шашек в сотне; люди плохо одеты и неважно питались. Я просил Ляхова дать мне возможность отвести дивизию в резерв на несколько дней, чтобы привести ее в порядок. Вместо ответа он вызвал меня спешно к себе. Сдав временно командование дивизией полковнику Бегиеву, я 21 декабря вечером выехал со своей волчьей сотней конвоя и хором трубачей в штаб корпуса. Пройдя верст 40 переменным аллюром, часа в 3 ночи я прибыл на станцию Киян. Генерал Ляхов уже спал в своем купе. Я приказал адъютанту разбудить его.

— Я вызвал вас, — сказал генерал Ляхов, — с тем, чтобы командировать немедленно на помощь генералу Султан-Келеч-Гирею, который доносит, что под нажимом превосходных сил красных вынужден очистить Баталпашинскую и перевести свои силы на левый берег реки Кубани. Если Баталпашинская будет взята, то мой корпус и отряд Врангеля будут вынуждены к отступлению, ибо противник пойдет по нашим тылам. Местные казаки просят прислать им генерала Шкуро.

Я начал просить генерала Ляхова дать мне с собой мою дивизию или, по крайней мере, какой-либо отряд, но он отказал дать хотя бы сотню, ссылаясь на трудность обстановки, и, наоборот, чтобы я прислал ему подкрепление для укомплектования его пластунских бригад. Ляхов приказал мне вступить в командование казачьей конницей и пластунами, находящимися под Баталпашинской; у Султан-Келеч-Гирея должна была остаться черкесская конница. Я стал настаивать, чтобы мне была предоставлена полная самостоятельность, — в противном случае я не могу ручаться за успех. Он упирался было, но в это время вошедший адъютант доложил, что телеграфная

связь с Баталпашинской прервана. Полагая, что это означает уже взятие Баталпашинской красными, Ляхов согласился с моими доводами и тотчас же написал приказ о назначении меня командиром правого боевого участка корпуса, с полным подчинением мне всех находящихся там сил.

Часов в пять утра, опять со своей волчьей сотней и трубами, я выехал со станции Киян в направлении на станицу Новогеоргиевскую (верст 35), приказав своим казакам распускать по дороге слухи, что вся моя дивизия идет за нами. В Новогеоргиевскую вошел с музыкой. Там нашел обозы пластунской бригады Слащева и множество дезертиров — черкесов и казаков. Позвав к себе станичного атамана и коменданта, я жестоко распустил их обоих и приказал немедленно привести станицу в порядок. Затем обошел находившихся в станице раненых, расспросил их и роздал несколько крестов. В станице уже находилось много беженцев из Баталпашинской, приехавших со своим скарбом и пригнавших громадные отары скота.

Собрав стариков на сход, я подбодрил их, нарисовав положение дел в более розовом цвете, чем это было на самом деле, роздал пособия вдовам убитых казаков и, закусив, чем Бог послал, тронулся с песнями в дальнейший путь. Ко времени моего отъезда местное начальство уже проявило должную энергию и разогнало дезертиров по своим полкам. Командир моей волчьей сотни есаул Колков тоже не терял времени даром — несколько десятков волонтеров было им присоединено к сотне. Доблестный Колков, командовавший впоследствии волчьим полком, пал смертью храбрых во время десанта из Крыма в Тамань.

Уже темнело, когда мы подходили к Баталпашинской. Навстречу попадались толпы беженцев со скотом и вереницами телег. Я выслал вперед офицерские разъезды; вскоре было получено донесение, что станица почти покинута жителями, но атаман отдела — полковник Косякин еще в ней и что наши войска просачиваются партиями с того берега по мосту через реку Кубань. Приказав музыкантам играть войсковой марш, а волкам петь песни, я часов в десять вечера въехал в станицу. Это произвело переполох в войсках, вообразивших, что красные зашли им в тыл. Многие бросились по мосту на левый берег Кубани. Мои разъезды были обстреляны нашими. Когда мы ехали по улицам станицы, отовсюду слышались крики: «Кто идет?» Узнав, что это генерал Шкуро прибыл на помощь, станичники приветствовали меня восторженными криками, и «ура» неслось по станице. По прибытии моем на станичную площадь, полковник Косякин подошел ко мне с рапортом; он уже собирался уезжать, и его вещи были уложены. Атаман обрадовался.

— Теперь не сдадим станицы, — сказал он.

Я тотчас написал приказ о вступлении моем в командование, о том, чтобы войска вновь заняли позиции, и что завтра я буду их смотреть. Своих волков я разослал по войскам, приказав разглашать всюду о моем приезде. Однако войска туго верили этой новости. Тогда я сам поехал к мосту и начал драть плетью уходивших с позиций черкесов и казаков, осыпая их бранью. Слышу в темноте один голос:

— Верно, це батько Шкуро приихав, раз ругается и бьется.

Я выставил у моста посты, приказывая возвращать дезертиров. Переночевав в станице, утром съездил в Дударуковский аул, куда перешел со своим штабом Султан-Келеч-Гирей. Генерал разъяснил мне обстановку, причем выяснилось, что красные в значительно превосходных силах, а казаки и особенно черкесы уже сильно деморализованы. Вернувшись, я приказал Косякину немедленно принять меры для возвращения дезертиров и объявить всеобщую мобилизацию в окрестных станицах.

Энергичный Косякин горячо принялся за работу: в первом же ауле, куда он приехал, повесил одного дезертира. В следующем ему уже не пришлось этого делать — конные черкесы и казаки ехали со всех сторон по своим полкам, не ожидая дальнейших «напоминаний». Целый день 23 декабря без перерыва шли возвращавшиеся дезертиры и волонтеры. Я объехал фронт и показавшись войскам. Несмотря на холод, у многих людей не было обуви — особенно у терцев, — одежда плохая, пища неважная. Я отрешил за нераспорядительность двух командиров полков, предал суду одного заведующего хозяйством за злоупотребления, и... пища улучшилась в количестве и качестве. Вездесущий Косякин распорядился насчет обуви и одежды. Разосланные им казаки обходили хаты и собирали эти предметы, не стесняясь разувать тех, кто не мог участвовать в бою: «Не можешь драться — давай сапоги». Скоро казаки запели песни — хороший признак.

Из опроса захваченных пленных удалось установить, что красное командование приказало взять 24 декабря Баталпашинскую. Тогда я решил опередить большевиков, перейти сам в наступление. В составе моей волчьей сотни прибыл со мною мой старый сподвижник, войсковой старшина Русанов. Я решил поручить ему, действуя моим именем, поднять восстание в станицах Усть-Джегутинской и Красногорской, собрать и ударить 24 декабря в тыл красным на станицу Бекешевскую; дал ему одну пушку, несколько сот винтовок, патроны и снаряды.

У Баталпашинской я сузил фронт, оттянув ночью пехоту к станичной околице, конницу же расположил за левым флангом пехоты, дав разрешение отдыхать, держа связь со Слащевым; освободившийся резерв оттянул в Дударуковский аул. Вечером 23-го перебежчики донесли: среди красных прошел

слух, что я с дивизией захожу им в тыл; у них по этому поводу был митинг, на котором бойцы протестовали против того, что их хотят направить в станицу, лежащую в котловине, где их охватят с тыла.

Дабы усилить деморализацию большевиков, я приказал своим волкам произвести на них ночной набег. Подойдя садами, ползком, до одной из занятых красными высот, окружавших станицу, волки без выстрела и крика бросились в шашки, перерубили роту красной пехоты и захватили человек 50 пленных. У красных начались переполох, беспорядочная стрельба и суетня; они не спали всю ночь, ожидая повсюду нападений. Утром 24 декабря большевики повели нерешительное наступление и открыли сильный артиллерийский огонь по станице. Я приказал беречь патроны. Затянулась вялая перестрелка. От Русанова донесений нет и нет. Вдруг, около двух часов дня, вдалеке, в направлении на Бекешевку, послышалась отдаленная пушечная пальба. Я тотчас приказал перейти в атаку и вынесся вперед со своей сотней. Встретившие было нас пачечным огнем красные вдруг вскочили и бросились бежать. Мои волки и три сотни конного ополчения тут же, на глазах всей пехоты, врубились в красную орду, кроша ее в капусту. Пластуны, пешее ополчение с пиками, даже бабы, — все это бросилось преследовать бегущих.

Красные бежали в панике, бросая пушки, пулеметы, винтовки, обозы, сдаваясь в плен. Тем временем от Русанова было получено донесение, что он соединился с полковником Кусовым, командовавшим карачаевской конной сотней и кисловодскими слобожанами, и что они вместе, подняв указанные станицы, идут на Бекешевку. Я продолжал преследование почти до Бекешевки; не доходя до нее версты три, оставил отряд на ночевку в окрестных горах.

Оставив Султан-Келеч-Гирея и приказав ему занять Бекешевскую на рассвете, я вернулся обратно в Баталпашинскую. Так как это был сочельник, в церкви шло торжественное, связанное с радостью победы, богослужение. Церковь была полна плакавшим от радости народом. Священник сказал мне приветственное слово, растрогавшее меня до слез. Народ горячо благодарил меня. 25 декабря утром я побывал опять в церкви, а затем приветствовал десятитысячное ополчение стариков, собравшихся со всех сторон освободить Баталпашинскую, но не успевших принять участие в бою. Поблагодарил я стариков и распустил по домам, так как мне их нечем было кормить. Они страшно гордились готовностью сражаться, которую проявили; приписывали себе часть победы, ибо красные, мол, перепугались, узнав, что старики поднялись и идут на них. На радостях они изрядно загуляли в станице.

Слухи о поражении красных быстро разнеслись по Краю. Отовсюду потянулись обозы и гурты скота возвращавшихся

беженцев. После полудня я поехал в экипаже в Бекешевку, с которой уже наладилась телеграфная связь. Выяснилось, что Русанов вошел в нее раньше Султан-Келеч-Гирея. Отступавшие красные очистили без нажима Воровсколескую, Бургустанскую и Суворовскую, но ввиду того, что преследование их не продолжалось и Ляхов не перешел тотчас же в наступление, красное командование успело привести свои войска в порядок и удержалось в Эссентуках. Не будь этого, можно было бы с налета овладеть все Минераловодческой группой.

Одновременно А. Т. Аверченко посетил генерала Врангеля, которому поднес последнюю как раз вышедшую книгу со следующей надписью (воспроизвожу на память):

«В знак моего глубокого уважения лично к Вам, прошу Вас принять на добрую память мою лебединую песнь. После закрытия моей газеты не могу оставаться в Крыму и уезжаю за границу»

«Крымская эпопея»

А. А. ВАЛЕНТИНОВА

ГЛАВА XIX

27 декабря я перешел со штабом в Бургустанскую. Печальную картину представляла эта станица, также, впрочем, как Бекешевская и Суворовская. По меньшей мере половина домов была сожжена большевиками. Массу хлеба красные увезли, большое количество сожгли и потоптали. Многие из казаков были расстреляны. Поддерживавшие большевиков часть иногородних бежала вместе с ними; оставшиеся были беспощадно вырезаны мстившими сторицей казаками.

Дальнейший мой план действий, одобренный генералом Ляховым, состоял в том, чтобы овладеть Эссентуками, затем пройти на станцию Прохладную и ударить оттуда в тыл всей Минераловодской группе красных. Из Баталпашинской я выслал генералу Ляхову около 1500 пластунов на укомплектование пластунских бригад Геймана и Слащева. 29 декабря, с ополчением конным и пешим и с черкесской бригадой Султан-Келеч-Гирея, я двинулся на Эссентуки. Мы легко дошли до станицы, но, встреченные у нее сильным огнем, понесли большие потери и были отбиты; пришлось отойти версты на четыре от станицы; свой штаб я разместил на хуторе Старицкого.

30 декабря утром была сильная снежная пурга. Я бросил снова свои войска в атаку. Перебежчики указали нам хорошие цели, и огонь артиллерии был поэтому очень эффективен. Храбро дрались терские добровольцы, стремившиеся поскорее пробиться к родным станицам. После жестокого боя Эс-

сентуки были взяты. Мост на железной дороге на Кисловодск конница взорвала, но, как выяснилось впоследствии, неудачно. Трофеи были невелики: всего несколько пулеметов, винтовки и человек 400 пленных.

Напуганные слухами о жестокости казаков, большевики настолько их боялись, что даже раненые и тифозные красноармейцы повыскакали из госпиталей и бежали полуодетые, падая и замерзая в пути. Ессентукские казаки всю ночь расправлялись с захваченными ими большевиками, их одиночными. Конница, видимо, небрежничала по случаю холода и в упоении победой. Чрезвычайно утомленный, я, вопреки своему обыкновению, не проверил лично несение сторожевой службы. Между тем красные приготовили нам сюрприз.

Часов в пять утра я проснулся от сильной и близкой трескотни пулемета. Однако донесения о бое не было. Выяснилось, что подошедший от Пятигорска по исправленному — плохо взорванному казаками — мостику большевистский бронепоезд приблизился к станции и начал громить ее. Затем высадил десант пехоты, пошедший в атаку. Станция была быстро занята; напуганные пальбой наши обозы, вошедшие, вопреки приказанию, в город, пустились наутек. Разошедшиеся по своим хатам терцы были застигнуты врасплох. Местные большевики и прятавшиеся по садам красноармейцы открыли, в свою очередь, со всех сторон стрельбу по казакам. Началась паника: ополченцы, особенно пехота, стали поспешно, без сопротивления, покидать город.

Одевшись, я вскочил на коня и, со своей конвойной сотней, бросился к вокзалу. На площади перед ним стояли две наши горные пушки. Я приказал командиру артиллерийского взвода открыть огонь по появившимся вдалеке красным цепям. Едва мы успели дать два-три выстрела, как с тылу, совсем близко, раздались выстрелы; артиллерийская прислуга, бросив орудия, побежала в разные стороны. Цепь красных появилась сзади, в тридцати шагах от нас.

Быстро спешив конвойную сотню, я открыл ответный огонь. Красные попрятались за дома. Кое-как, вручную, мы накатили пушки, взяли их в передки, и артиллерия помчалась в гору, осыпаемая пулями красных. Я приказал сотне садиться на коней — хватать, а моего коня нет: перепугавшийся вестовой спрятался где-то, уведя и моего коня. Конвойцы бросились искать его; скоро нашли и привели, предварительно изрядно отодрав его плетью. Мой значок остался прислоненный к забору возле вокзала. Под градом пуль помчались по опустевшим улицам и успели по дороге захватить и значок. Полным карьером неслись мы. Много конвойцев было ранено, но ни один не упал с коня, хотя позже некоторых сняли с седел за мертво. Пришлось опять занять старые позиции, — верстах в

четырёх от города, — которые я приказал укрепить. Красные несколько раз порывались атаковать нас, но были без труда отбиваемы.

Войска генерала Ляхова атаковали в это время Курсавку. Барон Врангель вел упорные бои у Святого Креста. Ляхов прислал мне в помощь Волжскую и Кабардинскую бригады, а также снаряды и патроны; из станиц тоже подошли подкрепления. 4 или 5 января 1919 года Ляхов овладел Курсавкой и приказал своим пластунам 6-го взять Пятигорск. Черкесская дивизия Султан-Келеч-Гирея получила приказание овладеть Железноводском, но потерпела неудачу и отступила. 5 января я послал Кабардинскую бригаду и человек 200 кисловодчан овладеть Кисловодском. Это было исполнено ими без труда.

Одновременно я направил партизанский полк пополнения, бывший у меня, обойти Ессентуки со стороны Прохладной. Почувствовав себя окруженными, красные бежали из Ессентуков, которыми, перейдя в наступление частью отряда, мы легко овладели. 5 же января я послал 1-й Волжский полк на Пятигорск; 6 января, на плечах бегущих красных, полк ворвался в город и овладел им. Пластуны бригады Ляхова подошли к Пятигорску лишь 6-го вечером.

Добыча, взятая в Ессентуках и особенно в Пятигорске, была очень значительна: несколько тысяч пленных, орудия, пулеметы. 20-го Волжский полк отрезал громадную колонну обозов, отбил своих пленных и взятых в Кисловодске большевиками заложников; было захвачено также много комиссаров и среди них известный жестокостью комиссар Ге, вместе со своей кровожадной супругой. Оба они были повешены впоследствии, по приговору полевого суда.

6 января я приехал в Кисловодск, восторженно встреченный населением, измученным под большевистским режимом. Город сильно пострадал, много домов было разграблено, знаменитая тополевая аллея вырублена; сотни жителей изрубили и расстреляли красные палачи. По случаю Крещения было Водосвятие и благодарственное молебствие, после которого я принял парад войскам. 6 января партизанской бригадой моей дивизии была занята станция Минеральные Воды; в тот же день Врангель овладел Святым Крестом. 7 января генерал Ляхов приехал в Пятигорск, встреченный выставленным мною почетным караулом и трубачами. Генерал тепло благодарил меня за спасение Баталнашинской и успехи, достигнутые со столь незначительными, импровизированными отрядами.

Тотчас же он дал мне новую задачу — подымать восстание терских казаков и двигаться с ними на Владикавказ. Я снова вступил в командование, сданное мною временно полковнику Бегиеву, — 1-й Кавказской казачьей дивизией. Мне

была придана также Кабардинская бригада и несколько десятков штаб- и обер-офицеров из терцев, в качестве командного состава для имеющих быть сформированными терских полков.

8 января я приехал в станицу Мариинскую, где стояла моя дивизия. Кабардинскую бригаду, через Кармово и Кабардинские аулы, послал овладеть Нальчиком, который они взяли 12 января, после легкого боя. Сам же с дивизией пошел на станицу Прохладную; овладел ею 10 января, после горячего боя. При этом удалось захватить два бронепоезда, 4 орудия, массу пленных и обозы. Оттуда я двинулся к Нальчику. По всем путям лежали сотни и тысячи трупов замерзших красноармейцев; почти все они были босы и без теплой одежды.

Население Нальчика, русское и кабардинское, восторженно нас приветствовало. Большая и Малая Кабарда делились в это время на две партии; во главе одной стоял некий Назир, поддерживавший русских большевиков. Земля в Кабарде принадлежала почти целиком князьям и помещикам; безземельные нищие крестьяне состояли в полной зависимости от верхних классов. Назировцы истребляли помещиков и князей, отнимали у них землю и раздавали ее крестьянам. Консервативные слои кабардинцев сгруппировались вокруг ротмистра Серебрякова-Даутокова, офицера русской службы, служившего во время германской войны в Кабардинском полку Туземной дивизии.

Во время революции энергичный, образованный и неглупый Даутоков, обладавший к тому же красноречием, пользовался большим доверием среди всадников, выбиравших его на разные комитетские должности. По своим взглядам он был сторонником тесного единения с Россией, с предоставлением Кабарде неширокой местной автономии. Не будучи сторонником реставрации, он полагал, что лишь Всероссийское учредительное собрание правомочно разрешить форму правления. Когда восстала против большевиков Терская область, Даутоков решил поднять восстание и в Кабарде.

Ввиду того, что назировцы, потеряв свой прежний облик борцов за кабардинский пролетариат, все более обращались в простых разбойников, терроризировавших и грабивших население, восстание Даутокова получило поддержку со всех сторон. У него не хватало лишь денег для приобретения оружия и на ведение войны. Даутоков вступил в конспиративную связь с проживавшими в Кисловодске бывшим командиром Кабардинского полка, графом Илларионом Илларионовичем Воронцовым-Дашковым. Граф выехал к генералу Лазарю Бичерахову, занимавшему в то время Петровск, и просил его прислать Даутокову денег. Бичерахов послал Даутокову с Воронцовым-Дашковым несколько миллионов. Даутоков сформировал два полка добровольцев: 1-й состоял

сплошь из узденей, князей и помещиков, 2-й — из крестьян и добровольцев.

Аулы охотно давали пополнение, коней и седла. Борьба с Назиром пошла успешно. Когда Терский фронт рухнул, Серебряков-Даутоков покинул Кабарду и горными перевалами пошел на соединение со мною в Баталпашинский отдел. После очищения Кабарды от большевиков и назировцев все полагали, что именно Серебряков-Даутоков, а не кто ной, будет назначен ее правителем. Однако у Даутокова было много врагов в штабе Главнокомандующего, доказывавших там, что он будто бы авантюрист и демагог.

Правителем Кабарды был назначен князь Бекович-Черкасский, ретроград и кабардинец только по названию. Произведенный в полковники и утвержденный в должности командира Кабардинской бригады, посланный на Царицынский фронт, Серебряков-Даутоков был вскоре убит.

Соседняя с Кабардой Осетия представляла собой кипящий котел. Одни шли за большевиков, другие против, третьи боролись с обеими сторонами. Большевистствующая осетинская партия возглавлялась неким Керменом и носила поэтому название керменистов. Столицей их было селение Христианское, укрепленное и снабженное двухтысячным, хорошо вооруженным гарнизоном. Керменисты были вначале популярны в Осетии, но позже, так же как и назировцы, вступили на путь бесшабашного грабежа. Население отшатнулось от них.

Наиболее единодушной и целиком большевистской была Ингушетия. Еще со времен покорения Кавказа, отчаянно защищавшие свою независимость, храбрые и свободолюбивые ингуши были частью истреблены, а частично загнаны в бесплодные горы. На принадлежавших им прежде плодородных землях расселили терских казаков, основавших на врезавшемся в Ингушетию клине свои станицы.

Лишенные возможности зарабатывать свой хлеб честным путем, ингуши жили грабежом и набегами на казачьи земли. Еще в мирное время пограничные с Ингушетией терцы не выезжали в поле без винтовок. Не проходило дня, чтобы не было где-нибудь стрельбы и кровопролития. Считая казаков угнетателями, а казачьи земли по-прежнему своими, ингуши беспощадно мстили терцам. Отношения создались совершенно непримиримые; дальнейшее сожительство было невыносимо. Нужно было либо уничтожить ингушей, или выселить казаков с бывших ингушских земель, вернув таковые их прежним владельцам.

Большевики, по занятии ими Северного Кавказа, созвав во Владикавказе съезд представителей ингушей и казаков четырех терских станиц, приказали последним в месячный срок выселиться. Впоследствии, по очищении Северного Кавказа

от большевиков, терцы вновь вернулись в свои станицы, но после неудачи Деникина были опять изгнаны.

Передо мною стояла задача утихомирить Осетию и Ингушетию. Я предлагал разрешить дело миром, начиная с Осетии, а позднее, овладев Владикавказом, созвать в этом городе съезд представителей ингушей и вести с ними переговоры. Керменистам я предложил без боя очистить Христианское и уйти в горы. В противном же случае угрожал репрессиями. Керменисты отказались исполнить мои требования.

Тем временем мой отряд значительно увеличился. Выйдя из Кабарды на Сунженскую линию в районе станиц Александровской и Солдатской, я присоединил к себе, с разрешения генерала Ляхова, только что сформированную 1-ю Терскую пластунскую бригаду генерала Расторгуева; проходя по станицам Сунженского отдела, сформировал 1-й, 2-й и 3-й Сунженские казачьи полки и двинулся к Беслану, куда одновременно подошла, назначенная также ко мне в подчинение, Кубанская пластунская бригада генерала Геймана. Равным образом в Осетии мною было приступлено к формированию 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Осетинских конных полков и Осетинской конной бригады.

Подойдя в двадцатых числах января к селению Христианскому, и после того, как керменисты обстреляли моих парламентариев, я атаковал селение, но был отбит. Тогда мы подвергли Христианское двухдневной бомбардировке, а затем взяли его приступом. Потери при этом у нас были значительные. Генерал Ляхов приказал наложить на Христианское контрибуцию в 10 миллионов рублей (впоследствии она была сложена), 500 коней, 500 седел, 500 бурок и обезоружить жителей.

Оставив в Христианском гарнизон из двух сотен, я двинулся в казачью станицу Ардонскую. По дороге ко мне присоединилась масса добровольцев, как осетин, так и русских. Перешедший со своим штабом в Прохладную, генерал Ляхов вызвал меня к себе и отдал приказ немедленно двигаться на Владикавказ.

27 февраля (12 марта), около двенадцати часов, генерала Алексева вызвал к прямому проводу великий князь Михаил Александрович.

Великий князь сообщил генералу Алексеву те же данные, которые были изложены в телеграммах председателя Государственной Думы, и просил начальника штаба Верховного главнокомандующего немедленно доложить государю, что он считает единственным выходом из создавшегося положения — срочно распустить нынешний состав Совета министров, объявить о согласии создать ответственное перед Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинет мини-

стров или председателю всероссийского земского союза князю Львову, или председателю Государственной Думы Родзянко.

Генерал Алексеев пошел с докладом к государю императору.

Государь выслушал и сказал начальнику штаба, чтобы он передал великому князю, что государь его благодарит за совет, но что он сам знает, как надо поступить.

«Воспоминания»

Ген. ЛУКОМСКИЙ

ГЛАВА XX

Около 24 января я подошел к Владикавказу. Предварительно нужно было овладеть осетинским селением Муртазовом, занятым красными ингушами, а также молоканской большевистской Курской слободой. Молокане, несмотря на их непротивленческую религию, оказались людьми весьма кровавыми. Хозяйничали вместе с ингушами во Владикавказе, грабили жителей, принимали участие в обысках и даже расстрелах. Горожане страстно ненавидели молокан и жестоко отомстили им впоследствии.

Выслал я парламентаров в Муртазово с предложением сдать селение без боя, однако они были обстреляны ингушами. Тогда я послал генерала Геймана с пластунской бригадой вступить в Ингушетию и, по овладении рядом аулов, занять столицу ее — аул Назран. Задача Геймана была чрезвычайно трудной, ибо каждый клочок территории, каждый хутор и аул защищались с мужеством отчаяния и стоили большой крови.

Атаковав аул Муртазово, я взял его после чрезвычайно упорного и кровопролитного боя. Один ингуш-пулеметчик стрелял до последнего момента и был зарублен казаками лишь после того, как выпустил последний патрон.

Едучи верхом, я видел, как два казака вели пленного старика ингуша. Выхватив внезапно шашку у одного из конвойных и полоснув его по голове, старик бросился в кусты. Его настигли и хотели изрубить. Однако я не позволил убивать и объяснил казакам, что патриотическое и геройское, с его точки зрения, поведение старого ингуша должно служить примером для казаков. Спасенный мною ингуш проникся ко мне бесконечной благодарностью; воспользовавшись этим его настроением, я послал его в Назран, чтобы он предложил своим соплеменникам прекратить напрасное кровопролитие и войти со мной в переговоры. Миссия старика увенчалась успехом. Назран сдался Гейману без боя, и Ингушетия вступила со мной в переговоры.

Первая атака, поведенная мною против Курской слободы, была отбита после горячего боя. Однако 28 января, после вторичного, чрезвычайно упорного боя, слободу мы взяли. Наши

войска вступили во Владикавказ. Большевики бежали по Военно-Грузинской дороге. Я бросил конницу в преследование их.

Не зная границ нового Грузинского государства, казаки вторглись в Грузию верст на 40 и изрубили множество большевиков. Грузинское «храброе воинство» также бросилось бежать от казаков без оглядки. Однако я получил телеграмму из Ставки, что войска мои перешли границу и чтобы я вернул их и сосредоточился в районе Владикавказа для дальнейшего движения на Грозный, где дивизия Покровского потерпела неудачу.

Тем временем население Владикавказа и осетины горячо принялись за молокан. Ввиду того, что пример этот деморализующе действовал на войска, я ввел порядок, а вслед за тем вывел войска из города и запретил без разрешения начальников частей въезд в город не только казакам, но и офицерам. Затем я проехал на бронепоезде «Генерал Алексеев» в Назран, где меня встретили представители ингушского народа. Побеседовав с ними обстоятельно и тихо, я получил от них обещание жить далее в мире и не воевать с Добрармией. Ингуши жаловались мне на терцев, вернувшихся вновь в свои четыре станицы и выселивших из них ингушей. Объяснив представителям несвоевременность поднятия этого вопроса теперь, я обещал в будущем созвать съезд для мирного разрешения его.

Возвратившись к своей дивизии, я получил телеграмму из Ставки об отмене предыдущего приказа о движении на Грозный, которым уже успел овладеть Покровский, и о вызове дивизии как моей, так и дивизии Покровского и Врангеля, на Донской фронт. В тот же день началась погрузка дивизии в эшелоны. Терцы и часть пластунов оставались еще на Кавказе; они погнали остатки большевиков к Каспийскому морю.

Прибыв в Екатеринодар, я явился в штаб Главнокомандующего и узнал там, что вверенная мне дивизия перебрасывается в район Александрово-Грушевской. В Екатеринодаре я пробыл с неделей. Тем временем на Дону происходили важные события. Сосредоточив значительные силы на правом берегу Волги, красные сильно нажали, вынудив донцов отступить от Царицына и даже очистить часть Донской территории. Под влиянием ряда неудач начался развал армии. Против атамана Краснова началась агитация в Донском войсковом круге, возглавляемая представителем его Кермановым и партией Агеева. Удаленные в свое время Красновым генералы Сидорин и Семилетов работали против него в Екатеринодаре. Главное командование, недовольное неустойчивостью Краснова в вопросах оперативного характера, отнюдь не поддерживало его. Он, в свою очередь, занял непримиримую позицию и, войдя по пустячному поводу в столкновение с Кругом, ушел в отставку. Вместе с ним ушел и командующий Донской армией генерал Денисов.

На должность атамана был избран генерал Африкан Богатовский, пригласивший генерала Сидорина на должность Командарма, а Семилетова — походным атаманом. Донкрут и новый атаман пошли навстречу объединению с Добрармией, и генерал Деникин принял звание Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Барон Врангель был назначен командующим Добрармией, состоявшей собственно из Добровольческого корпуса в составе одной дивизии пехоты и из кубанских и терских частей. Врангель в это время выздоравливал в Кисловодске от тифа, и в командование армией временно вступил его начальник штаба ген. Юзефович. В командование 1-й конной — бывшей Врангелевской — дивизией вступил генерал Шатилов и двинулся с нею на Царицынский фронт.

Из моей 1-й Кавказской дивизии было взято два терских полка (они вошли в состав вновь сформированной 1-й Терской дивизии генерала Топоркова); 2-я Терская дивизия осталась в Дагестане; 2-я Кубанская (Улагая), 3-я Кубанская (Ренникова) дивизии и Астраханская бригада действовали в Астраханском направлении. Дивизии — моя, Покровского и Топоркова были назначены на Донской фронт.

В то время как кубанские части двигались на Донфронт, члены Кубанской Рады выехали на станцию Тихорецкую для подбадривания частей, ибо существовало опасение, что казаки откажутся переступить границу Кубанского края. В Ростове кубанцы были встречены и чествуемы членами Донкрута. Когда я приехал в Ростов для представления в штаб Добрармии, то был встречен на вокзале представителями города и членами Донкрута. Меня чествовали обедом в парадных комнатах; вокруг вокзала собралась громадная толпа народа, требовавшая моего выхода. По окончании обеда я хотел было отправиться на автомобиле в штаб армии, но народ подхватил меня и стал качать. Отпущенный, наконец, я произнес небольшую речь, в которой изъяснял свою радость, что мы идем на выручку старшего брата, Седого Дона, а затем двинемся и на Москву.

В штабе генерал Юзефович объяснил мне, что вновь прибывшие дивизии распределяются следующим образом: моя — на правом фланге пехотного добровольческого корпуса генерала Май-Маевского; правее меня — дивизии Покровского и Топоркова, должныствующие примкнуть своим правым флангом к левому флангу Донской армии. Юзефович полагал объединить все конные дивизии под начальством генерала Покровского. Я доложил, однако, Юзефовичу, что в этом случае подаю в отставку, ибо, зная по опыту неумение генерала Покровского управлять конными частями, предвижу гибель моей дивизии, а далее и всего дела.

— Ну, я улажу это дело как-нибудь иначе, — сказал мне Юзефович.

Я пробыл еще пару дней в Ростове, причем меня беспрерывно чествовали адресами и торжественными встречами. Затем съездил в Новочеркасск, где представился моему старому преподавателю тактики в Николаевском кавалерийском училище, ныне Донскому атаману, Африкану Богаевскому. Атаман вспомнил прошлое школьное время, а также и то, как я представлялся ему в Ставке, где он был начальником штаба походного атамана всех казачьих войск, великого князя Бориса Владимировича. Богаевский чествовал меня обедом...

Моя дивизия сосредоточилась в районе Александрово-Грушевской, и я отправился к ней, получив директиву подчинить себе Терскую дивизию Топоркова и ударить в тыл группе красных, прорвавших фронт и катившихся к Иловайской, в глубокий тыл Добровольческому корпусу. Направление мне было дано приблизительно на Дебальцево. Дивизия Покровского, 1-я Донская и Донская пластунская бригады должны были прикрыть очищаемый мною участок фронта. Для выработки деталей этой операции собрался съезд начальников дивизий. Ввиду отсутствия у меня технических средств, я должен был пользоваться средствами связи Покровского, держа связь со штабом постами летучей почты.

Артиллерия моя была слаба: по одной четырехорудийной батарее на дивизию. Я решил рвать красный фронт у Крындачевки. Партизанская конная бригада лихо исполнила это задание, взяв при этом пленных и 12 пулеметов. Заночевав затем без достаточного охранения, 2-й партизанский полк был атакован внезапно на рассвете подошедшими свежими силами красных и рассеялся, потеряв полковой значок и все пулеметы. Я двинулся уже с бивака, когда увидел несшихся во весь дух полуодетых партизан, услышал стрельбу и крики «ура». Выслав тотчас же по полку справа и слева в обход красных, пустив волков и остановленных мною партизан с фронта, я забрал весь отряд красных. Около 1500 их было изрублено, отнята обратно вся добыча, взятая ими у партизан, а также два орудия и много пулеметов. Через Покровского я донес в штаб армии о совершенном мною прорыве красного фронта. Покровский прислал мне письмо, ставя на вид, что я обязан доносить не непосредственно в штаб, а через него, как моего прямого начальника. Я ответил ему, что он ошибается, полагая меня в его подчинении.

Ввиду того, что красные сильно проникли к югу, я изменил данную мне директиву: взял южнее Горловки и оторвался от Покровского. Собрав в кулак все свои силы и выяснив, где находится почувствовавшая себя отрезанною и отступающая дивизия красных из 9 полков, я решил атаковать ее. Отрезав первоначально ее обозы, я атаковал затем на рассвете дивизию на походе в конном строю и раскатал ее вдребезги, не дав ей даже развернуться. Было взято 8 орудий, с сотню пу-

леметов и свыше 5000 пленных. Расстреляв комиссаров и коммунистов, я распустил красноармейцев по домам. Из насильно мобилизованных большевиками русских офицеров и добровольно пожелавших вступить в ряды Белой армии красноармейцев я сформировал при каждой дивизии по стрелковому батальону, развернутому впоследствии в полк...

У генерала Май-Маевского положение становилось все более трудным. Атакованный с севера красными, а с юга и запада махновцами, он держался из последних сил, имея на версту фронта 6 стрелков при 2-х пулеметах и ожидая результатов моего рейда. Я атаковал Горловку ночью, взорвав железнодорожный мост к северу от нее и захватив два бронепоезда.

Атака велась в конном строю. Казаки шли цепью, верхом и не стреляя. Артиллерия и пулеметы на тачанках выносились карьером шагов на 500—1000 перед фронтом и открывали огонь. По мере приближения казаков стрельба красных становилась все более нервной, а потери наши уменьшались. Когда красные начали шевелиться, казаки обнажали шашки и с криком «ура» бросались вскачь. Большевики разбежались врассыпную; казаки преследовали их, рубя и забирая в плен. В Горловке была взята громадная добыча, в том числе артиллерия, погруженная уже в поезда, и много пленных, с которыми было поступлено по-старому.

Затем по тылам красных я вошел с боем в Ясиноватую и, описав правильную восьмерку, в конце марта явился в Иловайскую. Серьезных боев больше не было, но, благодаря ужасающей весенней распутице, сильно истрепался конный состав, который приходилось менять по дороге на плохих крестьянских коней. Люди были также очень утомлены постоянными громадными пробегами. Я удвоил свою артиллерию и имел, кроме того, запасную батарею. Питаться приходилось продовольствием, бросаемым красными.

Рейд продолжался недели две. Май-Маевский очень благодарил меня за оказанную выручку и просил проделать аналогичную операцию и против махновцев, угрожавших ему с юга и грозивших взятием Матвеева Кургана отрезать его от Таганрога. В случае отступления он должен был лишиться, за невозможностью их вывезти, громадных складов и всякого рода запасов. Донское командование со своей стороны просило, чтобы мною был произведен рейд в тылах красных, наносявших превосходными силами на группу Покровского.

Генерал Деникин приказал, чтобы в первую очередь мною была оказана поддержка, требуемая донцами, а затем уже Добровольческому корпусу. Во исполнение первой задачи я выдвинулся громадными переходами к Дебальцево. На бесчисленных путях этого важного железнодорожного узла маневрировали пять тяжелых бронепоездов. Вертясь вокруг Дебальцево с разных сторон и взрывая пути то здесь, то там, я

четырежды атаковал станцию, но был жестоко отбиваем огнем броневиков, успевавших починить пути и громивших меня сосредоточенным огнем. Имея лишь полевую артиллерию, я не мог нанести им большого вреда. Тогда в помощь мне был двинут славный Корниловский полк со своей тяжелой артиллерией. Он зашел в тыл Дебальцево и разгромил броневики. Соединенными нашими силами Дебальцево было взято. Корниловцы остались в качестве гарнизона поселка.

Таким образом Покровский был выручен. Он тотчас же перешел в наступление и погнал красных. Я же, выполняя директиву о выручке Май-Маевского, повернул и бросился на Никитовку; взял ее и пошел по тылам красных и до Юзовской линии; затем вновь повернул обратно, прошел южнее, уже почти без боев, и вышел опять у Иловайской. Тем временем большевистская Царицынская армия уже дошла до Великокняжеской и угрожала Тихорецкой. В случае взятия этой станции весь Донской фронт был бы отрезан от беззащитной теперь Кубани. Выздоровевший и вступивший в командование Врангель снял с Донского фронта дивизию Покровского и бросил ее к Великокняжеской.

— Господа, когда мы там, на фронте, идем с нашим флагом — неприятель бежит. Мы полюбили этот победный флаг. Надо-ть оставить его. В нем победа.

Гром аплодисментов был ответом на эту короткую речь, и «самостийный» флаг остался развеваться над атаманским дворцом к великому негодованию Деникина.

Атаман решил идти с казаками спасти Россию не только на словах, но и на деле. Он готовил и берег для этого особый корпус молодых казаков. 1-я Донская казачья дивизия, — 5000 шашек и 12 конных орудий, 1-я пластунская бригада, — 8 тысяч штыков, 8 полевых орудий, 4 тяжелых орудия, 1-я стрелковая бригада, — 8 тысяч штыков, 8 полевых орудий и 4 мортиры, 1-й саперный батальон, — 1000 штыков, все технические войска — броневые поезда, аэропланы, броневые машины, и пр. должны были идти с Деникиным на Москву. Их особо снаряжали, особо воспитывали и прививали им идею похода для спасения России.

Ген. П. Н. КРАСНОВ

ГЛАВА XXI

В это время Врангель, полагая, что движение на Москву по прямому направлению не будет успешным, ибо мы едва в состоянии удержаться в Донецком бассейне, настаивал перед Главным командованием на очищении Донбасса и переброске конницы на левый берег Волги, для соединения с левым

флангом Колчака, через посредство Уральского казачьего войска. Он настаивал на необходимости формирования для этой цели особой Кавказской армии на Царицынском направлении. Эта армия должна была состоять из всех конных и пластунских частей (кубанских, терских, астраханских и горских) за исключением дивизий моей 1-й Кавказской и 1-й Терской.

Добровольцы и донцы должны были бы удержать фронты по южной окраине Донецкого бассейна и восточнее — ныне существующий фронт, проходящий по Донской области. Однако Главное командование не согласилось полностью с этим планом и считало, что наивыгоднейшим является кратчайшее направление на Москву через Харьков, Курск и Орел. Кавказская же армия была сформирована, но должна была действовать не на левом, а на правом берегу Волги.

Лозунг же «неделимая Россия» теперь уже толковался в Ставке в ограничительном значении этого термина, то есть как отрицание федеративного строительства государства. Отсюда возникли невозможность сговориться с Петлюрой, перешедшая впоследствии в вооруженную борьбу, недоразумения с Кубанской Радой и с Грузией, кровопролитные столкновения с Дагестаном и Азербайджаном, недоброжелательства в сношениях с Польшей и т. п. Все это дробило силы и средства армии, вызывало необходимость содержания крупных гарнизонов в тылу и препятствовало возможности создания единого антибольшевистского фронта. Назначенный Командующим войсками Кавказа генерал Эрдели, воспитанник петербургских салонов, не имевший понятия о кавказских взаимоотношениях и обычаях, не сумел довести до конца удачно начатое мною умиротворение Ингушетии и Чечни. Там начались непрерывные восстания. Игнорируемая Главным командованием Кубанская Рада, ища союзников, приняла украинофильскую, вернее петлюровскую ориентацию, ибо малороссийское наречие, традиции, дух и нравы родственны значительной части населения Кубанского края.

Однако вся эта политическая заваруха, ослаблявшая армию физически, раздробляя ее силы морально, пока еще не очень отражалась на ней. Худшие в этом отношении последствия вызвала неналаженность или, вернее сказать, отсутствие снабжения. Денег не отпускалось достаточно, даже жалование не платилось войскам иной раз по полгода. Приходилось жить добычей, отнимаемой у большевиков. Если же таковой не попадалось или не хватало, то прибегали к реквизициям у населения, уже сильно разоренного немецкой оккупацией и гражданской войной. Реквизиционные квитанции, никогда не оплачиваемые, потеряли в глазах населения всякое значение; понятия реквизиции и вооруженного грабежа стали скоро для него аналогичными. Казаки и солдаты быстро привыкали, в

свою очередь, смешивать два этих понятия, что чрезвычайно развращало армию.

Нравственный распад постепенно распространился и на офицерский корпус. Первые добровольцы, горячие патриоты и идейные, бескорыстные сподвижники Л. Г. Корнилова, были уже повыбиты. Нынешнее офицерство состояло из новых людей, частью пленных или перебежавших из Красной Армии, из мобилизованных в освобожденных от большевизма областях и из приехавших с Украины, Грузии и окраинных государств. Прежние лозунги остались, но внутреннее содержание их стало другим. Прежний дух отлетел от армии. Не ощущалось и внутренней спайки между офицерами и солдатами.

Мобилизуемые принудительно крестьяне и рабочие интересовались прежде всего программой Добрармии. Ощутившие на своей шкуре грубую неправду большевистских обещаний, народные массы, разбуженные политически, хотели видеть в Добрармии прогрессивную силу, противобольшевистскую, но не контрреволюционную. Программа Корнилова была ясна и понятна; по мере же успехов Добрармии программа ее становилась все более неясной и туманной. Идея народоправства не проводилась решительно ни в чем. Даже мы, старшие начальники, не могли теперь ответить на вопрос: какова же в действительности программа Добрармии даже в основных ее чертах? Что же можно было сказать о деталях этой программы, как, например, в ответ на вопрос, часто задававшийся мне шахтерами Донецкого бассейна: каковы взгляды вождей Добрармии на рабочий вопрос? Смешно сказать, но приходилось искать добровольческую идеологию в застольных спичах и речах, произнесенных генералом Деникиным по тому или другому случаю; простое сравнение двух-трех таких «источников» убеждало в неустойчивости политического мировоззрения их автора и в том, что позднейший скептицизм и осторожность постепенно аннулировали первоначальные обещания. Никаких законоположений не было; ходили слухи о том, что что-то пишется в тени кабинетов; нас же, полевых работников, постоянно сталкивавшихся с недоумениями и печалью населения, ни о чем не спрашивали и даже гневались, когда мы подымали эти вопросы...

В конце апреля красная конница Думенко перешла в наступление от Великокняжеской, направлением на Батайск. Предпринявший контрпереправу Врангель разгромил Думенко и отбросил его на восток от Великокняжеской. Положение Май-Маевского, предоставленного собственным силам, становилось все более тягостным, — он едва держался. Я получил задание сосредоточиться около Матвеева Кургана и прикрыть отряд Май-Маевского. 2 мая мы стали сосредоточиваться у Харцизска с целью приступить к исполнению директивы идти к Матвееву Кургану.

В ночь на 4-е мая Врангель вызвал меня к аппарату, спрашивая о состоянии корпуса; я доложил, что люди и особенно конский состав очень переутомлены, но если мне дадут несколько дней отдыха, можно было бы вновь пуститься в рейд, дабы не отдавать каменноугольного района. Врангель предоставил мне свободу действий, а Май-Маевскому разрешил отступать, предоставляя ему выбрать момент для этого по его усмотрению. 4 мая я отправился к Май-Маевскому в Иловой-скую.

— Мой корпус уже несколько отдохнул, — сказал я ему. — Я готов поддержать вас. Давайте удерживать Донецкий бассейн.

Май-Маевский предложил мне отдохнуть еще денек.

— Если красные не будут наступать сегодня, я продержусь еще один день, — сказал он.

Эвакуация складов и запасов была им начата заблаговременно. Однако уже в два часа дня красные перешли в энергичное наступление и принудили к отступлению Корниловский и Марковский полки. Скоро снаряды красных стали ложиться на станции Иловойской. Бывшие на ней поездные составы стали уходить один за другим. Вскоре остался лишь один поезд Май-Маевского. Обстрел все усиливался. Повсюду рвались снаряды с оглушительным треском. Железнодорожники разбежались. Начальник штаба Май-Маевского, генерал Агапеев, струсив, хотел было бежать. Май-Маевский сохранял, однако, полное спокойствие и хладнокровие; он успокаивал всех.

Я отдал приказание 1-й Терской дивизии Топоркова, выйдя из Харцизска, поддержать корниловцев, 1-й же Кавказской, стоявшей у Иловойской (временно командовал ею генерал Губин), прорвать фронт красных южнее ее, направляясь на Волноваху, и отрезать таким образом Красную Армию от Махновской. В резерве, в Иловойской, я оставил один полк 1-й Кавказской дивизии и свою волчью сотню, а также хор трубачей, которых заставил играть на станции.

Прошло часа три. Пулеметная трескотня все приближалась. Стали появляться отдельные беглецы — марковцы и корниловцы. Видя, что поезд Май-Маевского на станции, а мои трубачи играют, и узнав от «волков», что я прибыл с корпусом на помощь, они подбодрились и поспешили обратно в свои части. Сев на коня, в сопровождении своих резервных частей, я поехал к Корниловскому полку; его цепи были в трех верстах от Иловойской; трубачи играли Корниловский марш. Корниловцы повскакали в цепи, черно-красные фуражки полетели в воздух, радостное «ура» огласило окрестность.

Опешившие красные прекратили стрельбу. Вдруг справа и в тылу у большевиков началась артиллерийская канонада. Это

появились конные цепи терцев. Корниловцы с криками «ура» бросились тотчас же в атаку. Я двинул вперед своих «волков». Красные начали поспешно отступать.

Вернувшись в Иловайскую, я получил донесение о действиях 1-й конной дивизии. Оказалось, что 1-й партизанский полк, исполняя задачу, нарвался на крупный отряд красных, засевших за илистой, непроходимой вброд, речкой. Понеся потери, партизаны стали отступать. Решившие преследовать их, красные перешли на тот же берег этой речки. Тогда командовавший 2-м партизанским полком есаул Соломахин по собственной инициативе ударил внезапно во фланг большевикам и погнал их к речке. Много большевиков потонуло и было изрублено.

Мы взяли около 1500 пленных, несколько пушек, множество пулеметов и другой добычи. Фронт красных был прорван. Я бросил обе дивизии в этот прорыв, нацелив их на Юзовку, которую Кавказская дивизия должна была атаковать с юга, а Терская с севера.

5 мая прибыл к Май-Маевскому дивизион танков — оружие невиданное до сих пор. Я дал для охраны их свою волчью сотню. 6 мая корниловцы с танками перешли в наступление и взяли Ясиноватую. В тот же день мои дивизии овладели Юзовкой, забрав там много пленных — красных и махновцев. Перевешав коммунистов, я распустил всех прочих по домам. Не задержавшись в Юзовке, мы взяли последовательно станции Чаплино и Волноваха без больших потерь.

ГЛАВА XXII

По представлению временно командующего Доброймией генерала Юзефовича я произведен в генерал-лейтенанты; 4 мая был утвержден командующим конным корпусом, составленным из моей прежней конной группы: дивизии 1-я Кавказская и 1-я Терская. В середине мая донской генерал Калинин прорвал фронт красных и продвигался с востока на Луганск. Для того, чтобы помочь ему, я должен был нажать на красных со стороны Дебальцево. Я двинулся на Антрацитовку. Калинин овладел Луганском.

В это время Махно опять перешел в наступление на корпус Май-Маевского и вынудил его очистить Юзовку. Я получил задание атаковать махновцев. Стянувшись обратно, я отнял Юзовку от махновцев, затем южнее ее разбил дивизию красной пехоты и двинулся на Мариуполь, который атаковал и взял одновременно со сводным отрядом Добровольческой армии генерала Виноградова. Оставив 1-ю Терскую дивизию для поддержки добровольческого корпуса, сданного Май-Маевским генералу Кутепову, двигавшемуся на Харьков и взяв-

шему уже Бахмут, с 1-й Кавказской дивизией, я предпринял операцию против столицы махновцев и склада их награбленной добычи — поселка Гуляй-Поле, взял его с боем, разгромил и рассеял остатки махновцев. Затем я сжег важный Синельниковский железнодорожный узел.

Красные, разрезанные на две группы, отступили на правый берег Днепра, в районе Екатеринослава и Александровска. Взамен 1-й Терской дивизии мне были приданы пластунские бригады; 2-я Кубанская генерала Геймана и 1-я Терская генерала Расторгуева. Эта мера отнюдь не была выигрышной для меня. Мой корпус из конного обратился в смешанный конно-пеший, что лишало его подвижности и препятствовало производству дальних рейдов. В то же время Май-Маевский, употреблявший 1-ю Терскую дивизию в качестве своей дивизионной конницы, отнюдь не мог использовать всех прекрасных боевых качеств этой доблестной дивизии.

В командование моей бывшей 1-й Кавказской дивизии вступил мой бывший начальник штаба генерал Шифнер-Маркевич. Начальником штаба корпуса вместо него я взял полковника генерального штаба Соколовского. Я был назначен командующим Западным фронтом Добрармии с подчинением Май-Маевскому, утвержденному уже в должности командующего Добровольческой армии взамен генерала Врангеля, вступившего окончательно в командование Кавказской (Царицынской) армией.

Мой фронт танулся теперь по линии Мелитополь — Александровск — Синельниково и на север к Ново-Мосовску. Бывший у Мелитополя отряд Виноградова был влит во 2-й армейский корпус генерала Бредова, также мне подчиненный. Тем временем Май-Маевский овладел Харьковом и перешел туда со своим штабом. Вскоре туда приехал генерал Деникин. Туда же был вызван и я, но уже не застал главнокомандующего. Население Харькова, много слышавшее обо мне от многократно разбитых мною красных войск и видевшее в моем лице представителя славного Кубанского войска, устроило мне торжественную встречу. Было устроено несколько банкетов, а также поднесены иконы и крупные суммы денег в мое личное распоряжение. Тем временем Шифнер-Маркевич вел бои с красными на левом берегу Днепра, против Екатеринослава.

15 июля, увлекшиеся преследованием, три сотни партизан на карьере, под пулеметным огнем, проскочили по железнодорожному мосту через Днепр, овладели двумя батареями в упряжке и, повернув их против красных, открыли по ним огонь. Красная пехота обратилась в бегство, но неприятельская артиллерия, открыв огонь по мосту, отрезала эти сотни от их дивизии. Не желая терять этих храбрецов, Шифнер

перешел в наступление всей дивизией и, вопреки директиве укрепиться на левом берегу Днепра, взял Екатеринослав.

Измученное ужасами большевизма население умоляло не отдавать снова города во власть красных, и Ставка разрешила оставить город за ними. Я никогда не забуду въезда моего в Екатеринослав. Люди стояли на коленях и пели «Христос Воскресе», плакали и благословляли нас. Не только казаки, но и их лошади были буквально засыпаны цветами. Духовенство в парадном облачении служило повсеместно молебны. Рабочие постановили работать на Добрармию по мере сил. Они исправляли бронепоезда, бронеплощадки, чинили пушки и ружья. Масса жителей вступила добровольцами в войска. Подъем был колоссальный. Как изменилось все это впоследствии, когда там поработали, на разрушение русского дела, господя вроде губернатора Шетинина. Город голодал вследствие отсутствия хлеба. Мне удалось подвезти несколько бывших в моем распоряжении поездов с мукой, и я роздал их бесплатно рабочим, кооперативам и городским продовольственным лавкам. Однако наше положение в этом районе отнюдь не могло быть названо прочным. Значительно превосходные силы красных, под начальством матроса Дыбенко, неоднократно переходили в наступление. Однако Шифнер-Маркевич, маневрируя с необыкновенным искусством, кружась в пространстве 80 верст и нанося короткие удары то здесь, то там, разбил по частям всю армию Дыбенко.

21 июня генерал Деникин посетил Екатеринослав. Ему были устроены торжественная встреча и обед в русском общественном клубе. Представители украинофилов-самостийников поднесли хлеб-соль на полотенце, расшитом простонародными узорами с надписью на украинской «мове»: «Не той казак, что поборов, а той, что выкрутився». Главнокомандующий принял это подношение, но в застольном тосте сказал, обращаясь к украинцам:

— Ваша ставка на Петлюру бита.

Затем он добавил, что Петлюра будет повешен, если попадется в руки Добрармии, как изменник. Эти слова были чреватые последствиями и дали почву для агитации самостийников как на Украине, так и на Кубани. После обеда Деникин, сидя у меня на квартире, принял явившуюся к нему депутацию рабочих, с которыми беседовал долго и благожелательно; он совершенно очаровал их...

Я просил главнокомандующего вернуть мне 1-ю Терскую дивизию, и он обещал исполнить эту мою просьбу, как только позволит военная обстановка. Чрезвычайно утомленный непрерывной боевой работой, я просил дать мне кратковременный отдых и, получив его на две недели, уехал в поезде главнокомандующего в Екатеринодар, а затем в Кисловодск.

Тут я вынужден несколько отвлечься в сторону и коснуться вскользь взаимоотношений различных национальностей на местах. Прежде всего я коснусь вопроса антисемитизма. На Дону, Кубани и Тереке нет еврейского населения. Единственные евреи — врачи, адвокаты и вообще интеллигенты, живущие в городах, ничем не отличаются от русской интеллигенции. Таким образом, в начале гражданской войны казачество совершенно не знало еврейского народа и даже не подозревало о существовании еврейского вопроса. По мере продвижения моей группы к северу и к западу от Донской области, стали попадаться населенные пункты с многочисленным еврейским населением. Расположенные по обывательским квартирам казаки слышали повсюду негодующие речи о доминирующей роли евреев в большевизме, о том, что значительный процент комиссаров и чекистов евреи, о том, что евреи хвастают:

— Мы дали вам Бога, дадим и царя.

Не только простонародье, но и интеллигенция были страшно настроены против евреев и положительно натравливали казаков против них. Постепенно у казаков выработался резко отрицательный взгляд на еврейство. Однако в Екатеринославе нас встретили одинаково радушно, как русское, так и еврейское население. Явившиеся ко мне депутации высказывали возмущение деятельностью своих единоплеменников-большевиков, которые одинаково бесчинствовали и над русскими и над евреями, не примкнувшими к большевизму. Уже ходили слухи о готовящихся еврейских погромах, и евреи просили защитить их. Было зарегистрировано несколько случаев, когда толпа водила казаков для отыскания мнимых складов оружия и наворованного имущества у евреев, причем не обошлось без насилий и отдельных случаев грабежей. Однажды в еврейском квартале начался погром. Толпа в несколько тысяч человек, в числе коих было десятка два казаков, разгромила несколько еврейских домов. При этом некоторые женщины были изнасилованы. Когда мне доложили об этом, я бросился туда со своей волчьей сотней и прекратил безобразие. Арестованные при этом коноводы и крикуны были преданы мною полемому суду. Среди них оказалось шестеро одетых в казачью форму. Из числа этих шести казаков пятеро оказались не казаками, а обывателями, переодетыми в казачью форму для этого случая. Эти шестеро погромщиков были повешены по приговору суда на городском бульваре с надписью:

«За мародерство и грабёж».

Во избежание дальнейших эксцессов, я приказал вывести войска из города. Однако наихудшая часть всякой армии — обозная, — расположенная в пригородных поселках, частенько просачивалась в город. Соблазны большого города с его

винными складами, погребками и всякого рода притонами не могли не привлекать измученных походами и отвыкших от людского общества станичников. То здесь, то там происходили эксцессы. К сожалению, начальники разных степеней не подавали хорошего примера. Вернувшись из отпуска, я узнал, что терцы погромили несколько еврейских местечек, хотя и без убийств. Впоследствии, когда мой корпус был уже перебросен под Харьков, продолжали поступать жалобы на погромы, якобы производящиеся моими казаками. Но это бесчинствовали партизанские шайки различных самостийных атаманов, прикрывавшихся моим именем для внешнего легализования своей деятельности. Отнюдь не обвиняя огульно все еврейство в сотрудничестве с большевиками, я постоянно твердил казакам, что «не тот жид, кто еврей, а тот, кто грабит людей». Однако казаки решительно не давали пощады евреям-красноармейцам, даже не считаясь с документами, удостоверявшими, что они мобилизованы принудительно, ибо у казаков сложилось мнение, что при свойственной евреям изворотливости они, если бы действительно пожелали, могли бы избежать мобилизации. Обыкновенно, пленив красную часть, казаки командовали:

— Гей, жида, вперед, вперед!

И тут же рубили выходящих. Прослышавшие об этом евреи-красноармейцы предусмотрительно надевали на себя кресты, сходя таким образом за христиан, но после того как по акценту некоторые были опознаны впоследствии, казаки перестали верить крестам и производили своеобразный телесный осмотр пленных, причем истребляли всех, обрезанных при крещении. Особенно озверели казаки, когда им пришлось столкнуться с батальонами еврейских коммунистов, шедших в бой с голубым национальным знаменем. Дрались эти батальоны очень плохо и трусливо, пытались сдаваться при первом же хорошем натиске. Казаки рубили их беспощадно. Однако под Екатеринославом, каким-то чудом, батальон мобилизованных евреев был взят в плен живьем. Я отослал их в тыл в сопровождении собственного своего конвоя.

— Рубить, рубить! — кричали казаки со всех сторон, но конвой все-таки доставил их благополучно к поезду. Впоследствии, как я слышал, евреи эти работали в Новороссийске, разгружая суда. Мне пришлось по этому поводу наслушаться со всех сторон немало нелестных отзывов. Проходя по Екатеринославской губернии и останавливаясь у крестьян, я вел с ними долгие беседы на разные темы. Гетмана Скоропадского они решительно и единодушно осуждали:

— Это был панский царь, — говорили они, — панам землю роздал, а нам — ничего.

Сепаратистских идеалов Петлюры они совершенно не раз-

деляли и вообще не интересовались им, считая его чем-то вроде чудака, психопата.

— Какие мы украинцы, мы русские, — заявляли они, — только мы — казаки.

Дело в том, что левобережные хохлы — прямые потомки запорожцев — гордились своим прозвищем «казаки» и мечтали о восстановлении Запорожского казачества. Больше всего симпатизировали, однако, крестьяне батьке Махно.

— Ему помещиков не надо; мы их тоже не хотим, — говорили они. — Земля наша; забирай что хочешь; это дело подходящее. Он бьет жидов и коммунистов, и нам их тоже не треба.

Во время моего нахождения в отпуску я получил приказ генерала Деникина о переброске моего корпуса в район Белгорода. Корпус состоял по-прежнему из 1-й Кавказской, 1-й Терской дивизий и стрелковой бригады, развернувшейся из приданных первоначально к ней стрелковых батальонов, куда входили добровольно вступившие бывшие красноармейцы-перебежчики.

Отдохнув несколько дней в Кисловодске, я предпринял объезд станиц, год тому примкнувших первыми к поднятому мною восстанию: навестил Беломечетинскую, Баталпашинскую, Кисловодскую, Ессентукскую, Бургустанскую, Суворовскую, Бекешевскую и Воровсколесскую станицы. Население встречало меня всюду с неописуемым энтузиазмом. Несмотря на страдную пору, казаки, услышав, что я еду, по 3—4 дня не выезжали в поле, дабы не пропустить времени моего прибывания. Мне была оказана особая почесть — меня встречал и провожал почетный конвой из конных казачат, певших песни и скакавших в строю справа по три. В станицах служили молебны. Громадные толпы приветствовали меня. Повсюду местные поэты преподносили мне свои безыскусные, но полные чувства стихотворения. Станичные сходы вручали мне приговоры об избрании меня почетным казаком.

В свою очередь, я в каждой станице производил особо отличившихся казаков и стариков в приказные, урядники, вахмистры и подхорунжие и раздавал кресты; собирая сходы, ободрял казаков и расспрашивал о местных настроениях и нуждах. Последние были весьма ощутительны. Прощения подавались целыми мешками. Семьи офицеров, не получавших регулярно жалованья, бедствовали. Вдовы и сироты убитых на войне и инвалиды не получали пенсий. Сознание материальной необеспеченности воинов вызывало стремление их застраховать свое благосостояние из так называемой военной добычи, понятие, которое все расширялось в ущерб добрым нравам. Церкви, школы и хаты, разоренные большевиками, за отсутствием средств не могли быть отремонтированы. Я роз-

дал громадные средства по станицам из тех денег, которые были поднесены в мое личное распоряжение в различных городах. По окончании моего объезда станиц, я донес главнокомандующему и войсковому атаману о настроениях на местах и казачьих нуждах.

Вскоре была получена телеграмма, что сосредоточение моего корпуса закончено, но что я вызываюсь первоначально в Харьков на съезд командиров корпусов. Я выехал туда. В совещании участвовали командиры 5-го конного корпуса, генерал Юзефович, Добровольческого — Кутепов, генерал Май-Маевский и я. Председательствовал генерал Деникин. Киев и Курск были уже взяты, но красные перешли в контрнаступление и взяли Купянск; их разъезды появились уже в 15 верстах от Харькова. Получив задание ликвидировать этот прорыв красных, я решил отрезать прорвавшуюся группу от главных сил и затем уничтожить ее по частям. Перейдя от Белгорода к востоку, я разбил у Корочи несколько дивизий красной пехоты, взял 8 орудий, массу пулеметов и до 7000 пленных. Все, что успело уже прорваться к югу, бросилось обратно; я разбил всю эту группу по частям.

Как раз в это время проходил знаменитый рейд генерала Мамонтова, и от него не было известий. Я просил о том, чтобы мне было разрешено пробиваться на соединение с корпусом Мамонтова для дальнейшего, по соединении, совместного рейда для освобождения Москвы; доказывал, что, овладев Москвой, мы вырвем сразу все управление из рук кремлевских самодержцев, распространим панику и нанесем столь сильный моральный удар большевизму, что повсеместно вспыхнут восстания населения и большевизм будет сметен в несколько дней. Донцы поддерживали мой план. Однако Врангель и Кутепов сильно восстали против него. Врангель, вследствие своего непомерного честолюбия, не мог перенести, чтобы кто-либо, кроме него, мог сыграть решающую роль в гражданской войне. Кутепов же опасался, что его правый фланг, вследствие моего ухода, повиснет в воздухе и он будет отрезан от донцов.

Все эти опасения были напрасны, ибо красная пехота, сильно потрепанная и чувствовавшая себя обойденной, едва ли была способна к энергичным наступательным действиям. Красной же кавалерии, кроме корпуса Думенко, действовавшего в Царицынском направлении, почти уже не существовало, ибо Буденный только формировал ее в Поволжье. Однако главнокомандующий не разрешил мне этого движения. Бывая в Ставке, я продолжал настаивать.

— Лавры Мамонтова не дают вам спать, — сказал мне генерал Романовский. — Подождите, скоро все там будем. Теперь же вы откроете фронт армии и погубите все дело.

В разговоре с генерал-квартирмейстером Плющевским-

Плющиком я сказал ему частным образом, что, невзирая на запрещение, на свой страх брошусь на Москву.

— Имей в виду, — предупредил он меня, — что возможность такого с твоей стороны шага уже обсуждалась и что в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и предан, даже в случае полного успеха, полковому суду.

Пришлось подчиниться, но если бы я не подчинился, тогда история России была бы написана иначе. Не хочется верить, но многие и многие говорили мне потом, что тут со стороны Главного командования проявилось известное недоверие к казачеству и нежелание, чтобы доминирующую роль в освобождении Москвы — этого сердца России — сыграли казаки войска.

«Вы, конечно, понимаете, — говорил гетман, — что я, флигель-адъютант и генерал свиты его величества, не могу быть щирым украинцем и говорить о свободной Украине, но в то же время именно я, благодаря своей близости к государю, должен сказать, что он сам погубил дело империи и сам виноват в своем падении. Не может быть теперь и речи о возвращении к империи и восстановлению императорской власти. Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать — или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. И право, в этой самостийности ничего худого нет. Предоставьте народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно... Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто не имеет теперь. Да и хорошо ли это? Не надо этого! Дайте самим развиваться, и, ей-Богу, сам народ устроит это все не хуже нас с вами»... Так говорил Скоропадский генералу П. Н. Краснову.

ГЛАВА XXIII

Мне было приказано повернуть к востоку и пройти по тылам красных войск, стоявших против Донской армии. Совершая это движение, я бил красных по частям; особенно крупных боев, кроме боя у Старого Оскола, не было. Однако в течение трех недель я взял 75 орудий, свыше 300 пулеметов и около 35 000 пленных.

Затем я получил приказ взять Воронеж. 6 сентября произошло столкновение моих разъездов с разъездами возвращавшегося из рейда Мамонтова, ибо казаки не узнали друг друга. Вскоре недоразумение разъяснилось, и 8 сентября наши корпуса соединились у Коротояка. Мамонтов вел за собою бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, едучи на автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамонтова сильно распус-

тились, шли в беспорядке и, видимо, лишь стремились поскорее довести до хат свою добычу. Она была, по-видимому, весьма богата; например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами.

Мамонтов получил директиву перейти на левый берег Дона и овладеть Лисками, облегчая этим задачу донских генералов Коновалова и Гусельщикова, тщетно атаковавших эту важную узловую станцию. Мамонтов допустил крупную ошибку — он перевел на левый берег Дона не только свои войска, но и громадные обозы, имея в тылу у себя лишь единственный узкий мостик. Для охраны своего правого фланга он выставил лишь один конный полк. Вытнувшись в бесконечную колонну по низменному берегу Дона, люди Мамонтова двигались вниз по его течению. В это время значительные силы красных, занимавших командные высоты, окаймлявшие низменность, перешли в наступление и, сбив фланговый полк донцов, атаковали отряд во фланг. Обозы бросились в паническое бегство; паника передалась и строевым частям; на единственном мосту через Дон происходила невообразимая давка. Установив пулеметы, большевики стали обстреливать мост, нанося мамонтовцам потери и увеличивая смятение.

Как раз в это время, с противоположного берега Дона, появился я во главе 1-й Кавказской дивизии. Бросив «волчий дивизион» на мост в плети и в шашки, я расчистил его и прилегавшую к нему местность от беглецов и тотчас же перевел по нему через Дон два конных полка, которые наказом и показом устыдили донцов и перешли в контратаку; к ним присоединилась Донская дивизия Секретева. Вскоре красные были сбиты с высот и прогнаны.

Однако тем временем произошла у Мамонтова и другая неудача: высланная по левому берегу, вниз по течению Дона, Тульская пехотная дивизия, — бывшая красная, перешедшая в Туле на сторону Мамонтова, — была внезапно атакована, прижата к реке и разбита, причем потеряла свыше 3000 пленными, всю артиллерию и пулеметы. Брошенные на выручку ее донские полки атаковали, в свою очередь, победителей, отняли артиллерию, часть пулеметов и отбили 2000 пленный тульчан. Затем, приведя обозы в порядок, Мамонтов перевел их обратно на правый берег Дона. Однако мои казаки успели-таки разбить брошенные повозки; многие щеголяли уже в новой одежде и даже в калошах.

Затем мы с Мамонтовым поехали в Коротояк и получили там директивы из штаба: ему опять двигаться на Лиски, а мне взять Воронеж. В Коротояке мы с Мамонтовым остановились в доме священника. Мамонтов, со сломанной ногой, лежал в кровати; я сидел возле него. Два наших личных адъютанта находились в этой же комнате; батюшка стоял в дверях; самовар

приветливо кипел на столе. Вдруг раздался оглушительный грохот, блеснул свет, комната наполнилась пылью и дымом. Мамонтов был сброшен с кровати и потерял сознание. Ударившись с силой обо что-то, я также лишился чувств. Однако вскоре пришел в себя; чувствую, что жестоко болит нога. Дом горел, как свеча. Батюшка испускал стоны, искалеченный и с оторванной ногой; вскоре он умер. Оглушенные адъютанты стонали на полу. Прибежавшие ординарцы вынесли нас на двор. Оказалось, что тяжелый снаряд попал в дом, пробил крышу и разорвался в коридоре.

Лежа под навесом, мы постепенно приходили в себя. Вдруг раздался второй оглушительный взрыв. Снаряд попал прямо в группу людей и лошадей; многих перебил. Тогда нас вывезли за город, и к утру мы оправились совершенно. Однако, вследствие ушиба ноги, я не мог некоторое время влезать на коня и ездил в экипаже.

Решив в первую очередь атаковать Нижне-Девичк, я направил к нему 1-ю Кавказскую дивизию с запада, 1-ю Терскую — с юга. В бою под Нижне-Девичком 11 сентября была разбита почти целиком армия красных, состоявшая из 13-й, 14-й, 51-й, 54-й и 60-й пехотных дивизий. Мы взяли свыше 7000 пленных, 20 орудий, много пулеметов и другой добычи. Затем, чтобы ввести красное командование в заблуждение, я повернул на север и пошел на Землянск, который взял с малой кровью, но и с малыми потерями. Разбитые там красные части бросились бежать к Воронежу.

Путь на Москву был теперь совершенно открыт для меня, но, раз решив не поддаваться своему стремлению к ней, я удержался и продолжал выполнение данной мне задачи. Стрелковая бригада, вместе с приданным к ней Волжским полком, была брошена в преследование отступавшей от Землянска к Воронежу группы красных. Я же с конницей пошел к деревне Гвоздевке на Дону, верстах в 35-и от Воронежа, где намеревался переправиться через реку.

Во время моей Землянской операции Мамонтов успел взять Лиски. Донской корпус генерала Гусельщикова двигался от Лисок к Воронежу и вел бои в 100 верстах к югу от него. Моя стрелковая бригада, преследовавшая красных, дошла до Дона, но, обнаружив железнодорожный мост взорванным, начала артиллерийский бой через реку с красным гарнизоном Воронежа. В ночь на 15-е сентября, сосредоточив конницу у Гвоздевки, я приступил к наводке моста через Дон. Работа облегчалась тем, что в этом месте остались сваи от прежнего сожженного моста. Но материал для верхней части приходилось привозить издалека.

Не дожидаясь окончания работы, я перебросил бригаду на противоположный берег по найденному броду и приказал ее начальнику расширить плацдарм перед мостом. Около

трех часов дня 16 сентября мост был закончен и артиллерия стала перебираться, в свою очередь. В это время красные открыли сильную канонаду как по мосту, так и по деревне Гвоздевке.

Один из удачно выпущенных ими снарядов, ударив прямо в группу моих «волков», находившихся на деревенской площади, убил 8 казаков и 12 лошадей. Как раз в это время я проезжал мимо на автомобиле с группой старших начальников. Нас выбросило из автомобиля. Я был контужен в голову и оглушен, так же, как и начальник 1-й Терской дивизии — генерал Агоев. Начальнику 1-й Кавказской дивизии — генералу Губину разбило ухо; временно исполняющий должность начальника штаба корпуса, полковник Татонов, был ранен в шею и спину. Отделались мы, в общем, довольно легко, однако меня и Агоева тошнило подряд два дня и были сильные головокружения.

Не дожидаясь подхода остальных полков, переправившиеся ранее два полка сунулись было атаковать Воронеж, но были отбиты. Город был сильно укреплен несколькими ярусами окопов с густой проволоочной сетью впереди. Четыре броневики курсировали по многочисленным железнодорожным путям; имелась и тяжелая артиллерия. Однако, видимо, дух защитников был не на высоте, ибо многочисленные составы, уходившие от Воронежа, свидетельствовали о начавшейся эвакуации города. 17 сентября я атаковал город. Несколько атак было отбито, и потери росли. В 2 часа дня «волчий дивизион», партизаны и Горско-Моздокский полк помчались в конную атаку. Когда они бешеным карьером подскочили к проволоке и стали рубить ее шашками, гарнизон окопов обратился в бегство; то же сделали и броневики. Вокзал был взят. Начался уличный бой с отступавшими отрядами красных. Они бежали в предместье города, взорвав за собою мосты через реку Воронеж. Наша артиллерия завязала с ними артиллерийский бой.

Пользуясь растерянностью красных, стрелковая бригада в ночь на 17 сентября навела мост через Дон и на рассвете, вместе с приданным к ней Волжским полком, вторглась в город. Перепуганные красные бежали и из предместья. Мы стали хозяевами города, а главное — почти вся железнодорожная линия Воронеж — Лиски перешла в наше пользование.

В Воронеже нами было взято 13 000 пленных, 35 орудий, бесчисленные обозы и громадные склады, однако несколько пощипанные казаками, которые все щеголяли теперь в новых гимнастерках, сапогах и... калошах. Штаб 13-й Красной армии сдался добровольно в плен (кроме командующего, недавно умершего). Временно командовавший армией, бывший начальник штаба ее, генерального штаба капитан Тарасов дал

чрезвычайно ценные показания. Он объяснил (и подтвердил это приказами), что все время нарочно подставлял под наши удары отдельные части 13-й Красной армии; он сообщил также, что Буденный, закончив формирование конармии, движется с нею с востока, имея задание разбить порознь меня и Мамонтова. Капитан Тарасов и его подчиненные были приняты на службу в Добармию.

Население Воронежа, еще недавно претерпевшего жестокие репрессии от большевиков за восторженный прием, оказанный им проходившему через город Мамонтову, держало себя несколько выжидательно. Действительно, ужасна была работа Чрезвычайка. Из домов, подвалов и застенков все время вытаскивали все новые и новые, потрясающие изуродованные трупы жертв большевистских палачей. Горе людей, опознавших своих замученных близких, не поддается описанию. Захваченная целиком местная Чрезвычайная комиссия была изрублена пленившими ее казаками. Также пострадали и кое-кто из евреев, подозревавшихся в близости к большевикам.

В народе ходили слухи о чудесах у раки святого Митрофания Воронежского, совершавшихся при попытках большевиков кощунственно вскрыть святыню. Часовые красноармейцы неизменно сходили с ума; у дотрагивавшихся до раки отсыхали руки. Масса паломников стремилась к святыне.

Освобожденные офицеры, рабочие и даже крестьяне охотно записывались в стрелковую бригаду, которую я стал разворачивать в дивизию. 8 сентября я раскинул верст на 30-40 пределы занятой мною зоны. Однако Гусельщиков так и не подошел к Воронежу. В городе уже начала ощущаться некая деморализация казаков. До них стали доходить с Кубани неясные слухи о разногласиях между Кубанским народным представительством и Главным командованием.

— Мы воюем одни, — заявляли казаки. — Говорили нам, что вся Россия встанет, тогда мы отгоним большевиков, а вот мужики не идут; одни мы страдаем. Многие из нас уже побиты. Где новые корпуса, которые обещали? Все те же корниловцы, марковцы, дроздовцы да мы, казаки.

— Вот Рада за нас заступает, да Деникин ее за то не жалует. Не можем мы одни одолеть всю красную нечисть. Скоро нас всех побьют, тогда опять большевики Кубань завоюют.

При объездах мною полков казаки часто задавали мне щекотливые вопросы. Что мог ответить им я, отрезанный почти три месяца от Кубани и не знавший сам, что там, в сущности, творится. Казаки стали стремиться на родину под разными предложениями. Все, кто имел право быть эвакуированным по состоянию здоровья и кто раньше оставался добровольно в строю, теперь стремились осуществить свое право. Команди-

ры полков были завалены ходатайствами об увольнении в отпуск. Некоторые казаки дезертировали, уводя с собой коней и приобретенную мародерством добычу. Иные собирались целыми группами и от моего имени требовали себе вагоны, а то и просто захватывали их силой. Из-за отсутствия надлежащего надзора на железных дорогах дезертиры проезжали безнаказанно до Кубани и Терека, никем не тревожимые, и поселялись в станицах, вызывая там зависть одностаничников, сыновья и братья которых продолжали рисковать жизнью на поле брани.

Численный состав корпуса стал стремительно уменьшаться и дошел в сентябре до 2500-3000 шашек. Становилось ясным, что ввиду ослабления численности нашей конницы и ожидавшегося появления кавалерии Буденного, нужно было или бросаться рейдом на Москву, чтобы уже затем привести в порядок подбодренную успехом армию и доколотить затем обескураженные остатки Красной Армии, или же, собрав в кулак всю наличную конницу, в том числе и донскую, бросить ее на Буденного и уничтожить его, прежде чем он успеет втянуть свои неопытные части в работу и сделается опасным для нас.

Однако мои донесения в этом смысле остались безрезультатными. Было больно смотреть на то, что творилось на местах. Всеобщий энтузиазм первых дней по освобождению Края от большевиков, по прибытии добровольческой администрации и своры помещиков, спешивших с сердцами, полными мести, в свои разоренные имения, сменялся недоверием и даже ненавистью.

— Встречают нас по батюшке, провожают по матушке, — говорили некоторые добрармейцы.

Ввиду того, что вступившие добровольно в войска разбегались по домам, разочаровавшись в часто меняющихся и неосуществляемых лозунгах Добрармии, она комплектовалась преимущественно пленными красноармейцами. Среди них попадались, конечно, убежденные противники большевизма, но громадное большинство состояло из людей, не имевших вообще никакого желания воевать или тем менее лечь костью за чуждое им дело; поэтому они неизменно сдавались, лишь только положение становилось опасным. Победители, как белые, так и красные, щадили пленных из числа мобилизованных принудительно; вояки эти носили при себе документы, свидетельствовавшие, что они действительно мобилизованы, причем большинство из них имело справки, выданные и белыми, и красными.

Добровольческая армия одевала этих солдат в новое английское обмундирование, переходившее затем к красным вместе с их владельцами. Были ловкачи, умудрявшиеся по 3-4 раза послужить в каждой из враждебных армий, причем забо-

ты об их многократном экипировании выпадали исключительно на Добрармию, ибо большевики свою пехоту не обмундировывали.

По окончании парада головные взводы всех частей были вызваны перед серединой фронта. Составилась внушительная колонна. К ней подошел председатель Круга В. А. Харламов, окруженный членами, и сказал следующую, вылившуюся из сердца речь:

«Большой Войсковой Круг Всевеликого войска Донского рад видеть свою родную армию.

Привет вам, молодые донские орлы, от Тихого Дона с верху до низу и с низу до верху.

Вы призваны на защиту Дона, его прав и вольностей. Мы, казаки, ни на кого не нападали; на нас напали предатели, погубившие могучую Русскую армию и нашу родину.

Дон всколыхнулся, взволновался, грудью встал на защиту своего существования, своих прав, своего достоинства. Но отстаивать свое существование, свои права и достояние может только тот народ, то государство или область, который имеет сильную армию.

Армия сильна железной дисциплиной. Революционной дисциплины нет — есть одна дисциплина... Армия сильна, когда между начальством и подчиненными существует полное единодушие, когда она составляет одну семью, проникнутую духом чести и рыцарства.

Я убежден, что такую сильную армию Большой Войсковой Круг видит в вас. Донские орлы! Передайте вашим братьям по оружию, что Большой Войсковой Круг гордится своей армией...»

Ген. П. Н. КРАСНОВ

ГЛАВА XXIV

Стали доноситься слухи о приближении Буденного с 15 000-й конной армией, хорошо снабженной и имевшей превосходный конский состав. Как раз в это время вновь ожившие махновцы взяли Бердянск и Мариуполь, угрожали уже Таганрогу, где была Ставка. Там начался переполох, и я получил телеграфный приказ отослать 1-ю Терскую дивизию под Таганрог. Я запротестовал и заявил, что в этом случае буду вынужден очистить Воронеж. Командующий Донской армией — генерал Сидорин, которому я был временно подчинен, вызвал меня к аппарату и просил держаться, обещая прислать вскоре к Воронежу и корпус Мамонтова. Я приготовился к обороне и придерживал терцев до подхода Мамонтова.

Однажды утром поступило сенсационное донесение о том, что в районе Усмани-Собакино терцы атакованы конницей Буденного, но опрокинули ее; оказалось, что это был... авангард корпуса Мамонтова. Недоразумение выяснилось опросом взятых в плен донцов; однако в это время терцы были действительно атакованы, и притом совершенно внезапно, красной конной частью. Это был полк красных петроградских юнкеров-курсантов в составе около 1000 шашек. Всадники сидели на отличных конях и были одеты в кожаные куртки, синие рейтузы с кантами и красные бескозырки с большевистской звездой. Их успел был недолговременным, ибо подошедшая Донская дивизия Секретева ударила курсантам прямо в тыл. Оправившиеся терцы тоже атаковали их. Опрокинутых и прижатых к реке курсантов, несмотря на отчаянную оборону, изрубили поголовно.

Было большое ликование по поводу подхода Мамонтова. В Воронеже отслужили, при громадном стечении публики, торжественный молебен перед Митрофаниевским монастырем. Одна бригада Терской дивизии была отправлена под Таганрог. Мамонтов вскоре заболел и эвакуировался; я вступил в командование всей конной группой и получил приказ выделить две бригады донцов также под Таганрог.

Вскоре я был вызван в штаб Добармии в Харьков, на совещание под председательством генерала Деникина. Сдав временно командование генерал Губишу, я своим поездом, поданном к Воронежу по исправленной дороге Воронеж — Лиски, в конце сентября выехал в Харьков; на совещание опоздал и прибыл в Харьков уже после отъезда Главнокомандующего. Совещание продолжалось под председательством Май-Маевского, с участием генералов Кутепова и Юзефовича. Генерал Сидорин по военным обстоятельствам не мог прибыть на совещание; мнение его по возникшим вопросам запрашивалось вызовами к телеграфному аппарату.

Донское командование настаивало на том, чтобы я оставил Воронеж и прикрывал Лиски; в противном случае оно требовало обратно 4-й Донской мамонтовский корпус. Наоборот, Кутепов просил, чтобы я держал Воронеж и распространялся к западу, прикрывая его правый фланг; он говорил, что в случае отдачи Воронежа обнажится его правый фланг и он неудержимо покатится к югу, ибо уже теперь держится с крайним напряжением сил. Я доказывал, что обе задачи, если не будет покончено с Буденным, мне не по силам, и настаивал на необходимости немедленно собрать конницу в кулак для ликвидации конной армии Буденного.

Ввиду того, что Май-Маевский в конце концов приказал мне, именем Главкома, оборонять Воронеж, а в случае невозможности отходить на запад, я, считая этот приказ невыпол-

нимым для себя, подал в отставку. Однако Май-Маевский, отказавшись принять ее, переслал Главнокомандующему, который тоже отказал мне в отставке. Приходилось браться за исполнение задачи, в неосуществимости которой я был убежден. Положение мое еще осложнялось и тем, что я был во временном подчинении Донскому командованию, которое решительно противилось принятию полученного мною приказа.

На совещании я услышал кое-что о назревавших на Кубани событиях; о том, что Кубань включена в тыловой район Кавказской армии Врангеля и что генерал Покровский назначен начальником ее тыла. Передавали, что генерал Деникин, коснувшись вскользь вопроса о Кубани, сказал, что он решил со всем этим решительно покончить и нужно надеяться, что скоро на Кубани наступит полное успокоение.

В Харькове я получил телеграммы от Кубанского Войскового атамана и от председателя Рады с просьбой приехать в Екатеринодар. Однако, ссылаясь на необходимость моего пребывания на фронте, Главнокомандующий отказался отпустить меня туда и телеграфно уведомил об этом атамана и председателя Рады. Я полагаю, что генерал Деникин опасался, что я стану на защиту Кубанской конституции и это вызовет излишние осложнения. В Воронеже я вернулся 2 октября, причем на участке Воронеж — Лиски мой поезд был обстрелян красной артиллерией. Когда затем он, переполненный ранеными, отправился обратно, то его атаковала уже и пехота. Поезд остановился. Легко раненные рассыпались в цепь и отбили атакующих, понеся при этом потери от пулеметного огня противника. По проходе поезда небольшой железнодорожный мост был взорван красными, но затем вновь исправлен нами.

В Воронеже было беспокойно. Испуганное слухами о подходе Буденного, население волновалось и с трепетом ждало событий. Я распорядился начать немедленную эвакуацию государственных ценностей и банков. Ввиду участвовавших нападений на линию железной дороги, товаро-пассажирское движение по ней пришлось прекратить. Ходили лишь одни броневые поезда. 4 октября я разрешил эвакуацию города для гражданского населения, которое пожелало бы его оставить. Громадные обозы беженцев потянулись на Нижне-Девичк, Новый Оскол и Касторную. Донские полки уже имели несколько столкновений с передовыми частями Буденного, неудачные для них. Это вселило в них излишнюю осторожность к нему, и дух их несколько упал.

Внезапно Донское командование потребовало, чтобы я перешел в наступление и разбил Буденного. Это было совершенно непосильно для меня. Что мог сделать я с моими 5000 шашек против 15 000 свежей конницы Буденного? Отказав-

шись категорически от выполнения этого приказа, я решил обороняться. Приказал построить, на случай отступления, три моста через Дон против Воронежа, у деревни Гвоздевки; стрелковую дивизию поставил гарнизоном в Воронеже; донцов решил держать в соприкосновении с противником, но не далее полуперехода от города, а Кавказскую и еще оставшуюся у меня бригаду терцев иметь в качестве общего подвижного резерва.

Продовольственный вопрос был у меня поставлен хорошо, ибо я приказал выдавать крестьянам мануфактуру и калоши, из отнятых у большевиков складов, в обмен на хлеб, продовольствие и фураж. Лишь позже, когда вокруг города разгорелись ожесточенные боевые действия, подвоз продуктов и фуража несколько уменьшился. Рабочие Воронежа также относились к нам хорошо — всякого рода заказы, починка вооружения и броневи́ков производились ими быстро и аккуратно; многие из них поступили к нам добровольцами.

4 октября была нащупана дивизия Буденного, девятиполкового состава, в районе Усмани-Собакино. Я решил атаковать ее внезапно и уничтожить. Терцы, отправка которых к Таганрогу была назначена на 6 октября, должны были атаковать от деревни Усмани-Собакино, кавказцы — от деревни Графской. Донцы дивизии Секретева тоже подходили к этому району. 5 октября, чуть свет, терцы атаковали на биваке один из полков красной дивизии, порубили и разогнали всадников, забрав до 400 коней и пулеметы.

В это время появилось 2-3 конных полка, шедших на рысях к месту боя. Терцы полагали, что это донцы, но оказалось, что красные. Подойдя версты на полторы, они помчались в атаку. Опешившие терцы бросились наутек, не приняв удара. Кавказская дивизия, в свою очередь, ударила во фланг красным и спасла терцев от поражения, дав им оправиться. Обе стороны спешили; завязался длительный и безрезультатный огневой бой. К вечеру терцы были выведены из боя и ушли под Таганрог, унося с собой впечатление, что в лице кавалерии Буденного вошел в игру новый и серьезный противник.

Начался ряд боев вокруг Воронежа с инициативой на стороне Буденного. Вначале он обнаружил достаточную безграмотность — атаковал меня одновременно во многих пунктах малыми отрядами. Уступая ему охотно эти пункты, я обрушивался затем превосходными силами своего резерва на небольшие отряды и уничтожал их. Быть может, Буденный слышал что-либо об аналогичном методе, применявшемся Наполеоном, но, видимо, не усвоил его сущность. В этих боях мне удалось разбить до двух бригад красной конницы и взять трофеи. Однако Буденный, поняв на опыте невыгодность своей тактики, изменил ее и не рисковал впоследствии распылять свои силы и действовать без резервов.

Конница его состояла преимущественно из изгнанных из своих станиц за причастность к большевизму донских, кубанских и терских казаков, стремившихся обратно в станицы, и из иногородних этих областей. Всадники были хорошо обучены, обмундированы и сидели на хороших, большей частью угнанных с Дона, конях. Красная кавалерия боялась и избегала принятия конных атак. Однако она была упорна в преследовании уходящего противника, но быстро охлаждалась, наплевывая на сопротивление.

Я мог бы еще долго держаться в Воронеже, но вскоре Лиски, а затем и Усмани-Собакино были взяты красными. Я мог оказаться отрезанным и окруженным в Воронеже, с перспективой пробиваться на сотню верст через подавляющие конные массы противника. Ввиду этого, в ночь с 10 на 11 октября, я очистил Воронеж и перешел за Дон. Получивший несколько хороших «уроков», Буденный не решался в течение всего дня 11 октября занять город, охраняемый лишь постами и малочисленными разъездами. Лишь поздно вечером вступили в город его авангарды. Мои посты отошли, в свою очередь, за реку, уничтожив мосты.

Задача моя теперь состояла в том, чтобы не пропустить Буденного через Дон или, во всяком случае, возможно долее препятствовать его распространению на правом берегу Дона. Я полагал, что Буденный поставит себе задачей смести меня, а затем, направляясь на Харьков, обойти правое крыло Добармии, стоявшей у Курска. Удар по донцам был менее вероятным, ибо Добармия, вследствие своего выдвинутого вперед положения, сильнее угрожала большевикам: с другой же стороны, она была гораздо сильнее морально, чем посредственные и вялые донские части.

Во время моего пребывания в Воронеже состоялся ряд митингов, на которых рабочие высказывались за необходимость активно помогать мне. В последний момент, когда Воронеж уже обстреливался красной артиллерией, прямо на митинге, на котором выступил мой офицер, есаул Соколов, явился ко мне отряд рабочих-железнодорожников в составе около 600 человек. Я вышел и обратился к рабочим с горячей благодарностью. В это время прилетевший откуда-то снаряд с треском разорвался в воздухе. Перепуганные и непривыкшие к таким вещам, рабочие шарахнулись в разные стороны; некоторые со страху попадали на землю. Стоявший близ меня рабочий был ранен и упал, обливаясь кровью.

— Поздравляю вас с боевым крещением! — крикнул я, ободряя рабочих.

Они оправились и, не заходя даже домой, с песнями двинулись из города. Эти рабочие были влиты в 1-й стрелковый батальон под командой полковника Рутсона, позже, по просьбе людей, переименованный в «волчий ударный батальон».

Рабочие сделались хорошими солдатами и далеко превосходили своей доблестью многих казаков в боях.

Ударили большие морозы. Казаки и особенно стрелки были плохо экипированы; не было перчаток; обувь находилась в жалком виде. Участились случаи отмораживания конечностей и простудные заболевания. Одновременно усилилась эпидемия тифа. Ряды наши стали быстро таять.

Под влиянием слухов о политической грозе, разыгравшейся на Кубани, деморализация Кавказской дивизии все усиливалась. Ежедневно поступали донесения командиров полков о том, что казаки дезертируют. Пополнения с Кубани не доходили до меня, разбегаясь по пути, или же, пользуясь отсутствием администрации в тылу, формировались в шайки, грабившие население и сеявшие в нем ненависть к войскам. Появилось и новое зло — отсутствие подков для перековки коней. Во время гололедицы наши кони могли идти лишь шагом, в то время как кованые на зимние подковы кони кавалерии Буденного развивали любой аллюр. Его отряды свободно уходили от нашего преследования; казаки же, при каждой неудаче, чувствовали у себя на плечах врубившегося в тыл противника. Это не могло не размагничивать настроения людей.

Для воспрепятствования Буденному переправиться через Дон я наблюдал постами реку верст на 25 вверх и вниз по течению. Посты были связаны телефонами с резервом, а в наиболее важных поставлены стрелковые батальоны. Ежедневно происходили стычки, сопровождаемые уничтожением переправившихся то здесь, то там небольших групп противника.

Около 17 октября, севернее селения Гвоздевки, а также в районе Речицы, Буденный, собрав ударные группы с сильной артиллерией, сбил мои отряды и перебросил по бригаде конницы, под прикрытием которой навел мосты; вскоре на каждом из моих флангов появились дивизии конницы, подкрепленной пехотой. Возникла возможность быть окруженным, ибо против трех конных дивизий Буденного (4-я, 6-я и Кубанская красная) у меня было лишь 2500 шашек и 2000 штыков. Нужно учесть, что красные конные дивизии состояли каждая из трех полковых бригад. Полки были сильные, по 700—800 шашек.

Буденный превосходил меня конницей почти вдесятеро. Пехота его состояла из одной дивизии девятиполкового состава. Полки, правда, были слабые, не более 600 штыков в каждом. Неважно экипированные и изрядно потрепанные нами во многих боях, они не обнаруживали большого порыва.

Донское командование требовало, чтобы я отступал на соединение с Донской армией, а Май-Маевский — чтобы я шел на Касторную, прикрыв таким образом правый фланг Добрар-

мии. В случае несогласия с его планом, Сидорин опять грозил отобрать у меня донские части. С чем же я бы остался? С 600 шашек Кавказской дивизии.

В конце концов Главнокомандующий приказал мне идти на Касторную, с сохранением у меня 4-го Донского корпуса. Тем временем Курск был уже сдан добровольцами, и они отходили на юг. Мне необходимо было отходить возможно медленнее, дабы не вывести Буденного во фланг и тыл нашей армии. Тут я побил рекорд медленности отхода — 80 верст от Воронежа до Касторной, при страшном неравенстве сил, я прошел в три недели.

В исполнении этой трудной задачи мне очень помогли присланные два бронепоезда — «Слава офицера» и «Генерал Дроздовский», выезжавшие вперед и громившие красную конницу, как только она смелела. Особенно героически действовал броневик «Слава офицера», который ворвался на одну из станиц, занятую уже красными, взял батарею в полной упряжке. Офицеры его команды сели на коней в качестве ездовых и привели к нам эту батарею, следуя за поездом.

Всю свою пехоту я соединил под командой доблестного генерала Постовского, участника Мамонтовских рейдов. После того, как красная пехота была расстроена в трех боях, она действовала очень нерешительно и пряталась за свою конницу. В Касторной, к которой я подошел в конце октября и занял позицию, ко мне прибыл небольшой — около 600 штыков, — но сильный духом и стойкий Марковский полк. Подвезли 3 танка — 1 большой и 2 малых, — а также походные кухни. От танков мне, однако, было мало проку, ибо они вечно ремонтировались и портились после каждого своего выхода в поле.

Буденный заботливо берег свой конский состав. После 2-3 дней действий на фронте он отводил части в резерв, заменяя их свежими или пехотой. Я же, вследствие ограниченности моих сил, а также из-за того, что инициатива находилась в руках противника, вынужден был всегда держать свою конницу в первой линии, обнаруживая и утомляя без того уже измученных казаков и калеча свой конский состав. Продержавшись с неделю у Касторной, я вынужден был отойти от нее, ибо, вследствие отступления добровольческих частей, соприкасавшихся с моей группой своим правым флангом, рисковал быть обойденным Буденным.

Ушибленная в Коротояке нога, во время взрыва в доме священника, продолжала у меня болеть. Отсутствие надлежащего лечения и постоянная подвижность походной жизни не могли способствовать выздоровлению. Нога разболелась так сильно, что я хромал и не мог ездить верхом, а ездил в коляске. Позже я уже почти не мог ходить, причем боли становились мучительными, особенно во время холодов. Поэтому

я послал ряд телеграмм с просьбой заменить меня временно кем-либо и дать мне возможность отдохнуть и полечиться.

Около 9 ноября приехавший командир 2-го конного корпуса генерал Науменко сменил меня: я выехал в Харьков. Науменко рассказал мне о расправе Врангеля и Покровского с Кубанской Радой, о казни Кулабухова и высылке членов Рады (самостийников) за границу.

В Харькове я побывал в штабе Май-Маевского, но самого командующего Добрармией не застал, ибо он выехал в это время куда-то на фронт. Из Харькова я поехал в Таганрог для того, чтобы в штабе Главнокомандующего сделать доклад о создавшейся на моем участке фронта обстановке. В Таганрог я приехал 15 ноября и сделал доклад генерал-квартирмейстеру Плющевскому-Плющику и начальнику штаба генералу Романовскому. Старался их убедить в том, что конная армия Буденного представляет для нас неотвратимую опасность; доказывал необходимость, не теряя времени, напрячь все усилия, чтобы покончить с ним, хотя бы для этого пришлось отвлечь силы с других участков фронта и отдать вследствие этого территорию даже до Ростова.

Генерал Романовский не разделял, однако, моего пессимизма и полагал, что концентрирующаяся теперь конная ударная группа генерала Улагая, достигающая 10 000 шашек, разобьет Буденного. В состав этой группы должен был войти 4-й Донской конный корпус Мамонтова, 2-й конный Кубанский корпус Науменко и мой 3-й конный корпус, пополненный обратным возвращением закончившей свою задачу под Таганрогом 1-й Терской дивизией. Я оспаривал мнение Романовского, доказывая ему, что эта конная группа не может справиться с Буденным, даже если бы она и состояла из 10 000 шашек; что цифра 10 000 сильно преувеличена, ибо донцы и моя Кавказская дивизия, страшно измученные и ослабленные боями и дезертирством, далеко не достигают указанных им цифр; что корпус Науменко отнюдь не состоит из 4000 шашек, как он говорит, а лишь из 1200 человек, притом недостаточно сплоченных и уже потерявших дух, ибо сборный пункт корпуса, назначенный у Старого Оскола, был выбран слишком близко к фронту и вновь прибывшие контингенты, едва высадившись из поездов, подверглись ударам красной конницы; что отдельные казачьи пополнения рассеивались, не доезжая до станции Тихорецкой, под влиянием встречных дезертиров и самостийников, что пополнения донцов прибывают без винтовок и седел и разбегаются от одиночных разъездов красных. Я жаловался на жалкую экипировку и обувь людей и неподкованность конского состава; указывал также генералу Романовскому на неудобство, могущее возникнуть вследствие подчинения заслуженного и знаменитого генерала Мамонтова молодому и сравнительно мало известному генералу Улагая, — неудобство

тем более ощутительное, что главная масса конной группы должна была состояться из донцов, Улагай же был кубанец; я доказывал необходимость, не теряя времени, приступить к спешному формированию новых конных частей на северной окраине Кубани, причем брался выполнить эту задачу, но при условии немедленно примирения Главкома с народным представительством Кубани. Все мои доводы были тщетны. Ставка осталась при своем оптимизме, будучи уверенной даже в том, что мы отстоим Харьков. Я был приглашен на обед генералом Деникиным и убедился, что он разделяет мнение своего штаба.

Во время моего пребывания в Таганроге ко мне заехал начальник английской военной миссии генерал Хольман и просил меня прибыть в миссию для вручения мне ордена Бани, пожалованного его величеством английским королем. Сговорившись и назначив подходящее для этой церемонии время, я, в свою очередь, пригласил генерала Хольмана на ужин ко мне в поезд. Пригласил также генералов Романовского и Плющевского. Во время ужина играл известный скрипач, украшение петербургского «Аквариума» и любимец публики, Жан Гулеско. По его просьбе я вывез его, вместе с семьей, из Харькова в своем поезде.

Жан Гулеско играл русские, родные, хватавшие за сердце, песни. Мы все как-то размягчались; беседа наша стала задушевной и простой. Я разговорился с Романовским, которому сильно взгрустнулось. Разговор наш коснулся, между прочим, нелюбви к нему, которая ощущалась в армии.

— Главнокомандующий одинок, — сказал мне Иван Павлович. — Со всех сторон сыплются на него обвинения. Обвиняют его даже те, которые своим неразумием или недобросовестностью губят наше дело, — ведь таких много. Все партии стремятся сделать из него орудие своих целей. Бесконечно тяжел его жребий. Но я не покину его; пусть обвиняют меня в чем угодно, я не стану защищаться; буду счастлив, если мне удастся принять на себя хоть часть ударов, сыплющихся на него. В этом я вижу свою историческую задачу. Но тяжело, ох как тяжело быть этим щитом. Чувствую, что паду под тяжестью этого креста, но утешаю себя мыслью, что сознательно и честно исполнил до конца свое назначение.

Он не удержался от слез и замолчал. Я знал, что этот умный, сдержанный и скромный человек говорит правду, ту правду, которую не высказал бы в другой обстановке. Я знал, что ему не свойственно ни хвастовство, ни желание порисоваться. Именно такова была роль этого большого и честного русского патриота, столь несправедливо и беспощадно затравленного презренными честолюбцами, поперек дороги коих он стал. Когда он пал впоследствии, сраженный из-за угла пульей убийц, бессознательно творивших дело высокопоставленных

заговорщиков и реакционеров, я вспоминал не раз тот вечер; изнемогавший и чувствовавший уже за своей спиной подстерегавших его убийц, он тогда вспоминал попорченную родину и оплакивал свою мученическую долю.

Покойся же в мире, незабвенный и честный Иван Павлович! Нелицеприятная история воздаст тебе должное и заклеймит позором виновников твоей мученической кончины.

На другой день, в указанное время, я прибыл в английскую военную миссию и был встречен там британским почетным караулом. Генерал Хольман обратился ко мне с речью:

— Этот высокий орден жалуетсЯ вам его величеством, — сказал он мне, возлагая на меня орден, — за ваши заслуги в борьбе с большевизмом, как с мировым злом.

Зволованный, я ответил кратким словом благодарности за то, что моя работа оценена. Состоявший при миссии полковник Звягинцев переводил мои слова на английский язык. Были выстроены вдоль стен все наличные в миссии английские офицеры. Присутствовавшие горячо меня поздравляли.

Чрезвычайно тронутый вниманием и высокой оценкой моей деятельности английским королем, я решил никогда не расставаться с этим орденом...

Конец

ИЗ РЕЧИ ГЕН. П. Н. КРАСНОВА 16/8 1918 ГОДА ПРИ ОТКРЫТИИ КРУГА

То, чего ожидали со страхом и трепетом народы Европы в конце прошлого века — великая мировая война разразилась летом 1914 года. Это война между Англией и Германией. Война не на жизнь, а на смерть, война капиталистов за рынки, война рабочих за право жить и работать. Франция и Россия, Австро-Венгрия и Турция, Румыния и Италия, Болгария и Япония — это только пособники.

Они работали каждая на своей стороне — одни за Англию, другие за Германию. Но своей задачи, своей роли они не имели.

Англия не была готова для войны, и раньше 1916 г. она не могла выступить. Америка колебалась — и вот в два года занять и истощить Германию, парализовать Австро-Венгрию было поручено Франции и России.

Россия честно выполнила свою задачу. И когда немцы вторглись во Францию и самому Парижу угрожала опасность захвата, началось наступление русских в Пруссию во имя спасения Франции. С беззаветным мужеством дрались русские солдаты и казаки, и наш бывший войсковой наказной атаман Самсонов погиб, окруженный врагами в Пруссии. Но мы спасли Францию.

В 1915 году немцы начали свои жестокие атаки на Верден, и снова Парижу грозила опасность. И опять, устилая долины Карпатских гор трупами солдат и казаков, истекая кровью, без снарядов и патронов, бросилась Русская армия выручать положение. Верден не был взят; Франция спасена от разгрома, но нам пришлось откатиться назад и уступить Варшаву. Но мы благородно спасли союзников.

В 1917 году Англия была готова к решительному бою, Россия была снабжена орудиями и военными припасами, готовилось грозное решительное наступление, которое должно было привести нас к победе. Уже смело говорили и в обществе, и в печати не только о возврате всего потерянного, но и занятии Галиции и Константинополя.

И Германия поняла, что она погибла...

Ген. П. Н. КРАСНОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАЗГРОМ КУБАНСКОЙ РАДЫ

Генерал-лейтенант ФИЛИМОНОВ
Кубанский атаман

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своих воспоминаниях бывший атаман Всевеликого войска Донского П. Н. Краснов, упоминает об одном из эпизодов с генералом Деникиным. Последнему как-то случилось быть «на большом официальном обеде у кубанского атамана в его дворце. Над дворцом, подобно тому, как это было на Дону, реял кубанский национальный флаг. Атаман сидел на первом месте, Деникин на втором. Это его оскорбило и взорвало. Когда дело дошло до речей, он сказал почти буквально следующее:

«Недавно над этим дворцом развевалось красное знамя и под ним, во дворце, сидела разная сволочь. Теперь над дворцом развевается знамя других цветов и сидят иные, прочие люди. Я жду, когда над этим дворцом взвьется флаг единой великой России! За единую, неделимую Россию, ура!..

Заслуги кубанцев в боях и на походах затирались. В донесениях о них умалчивали или ставили на втором месте. Природные кубанские казаки, за исключением Шкуро, Улагая и Павличенкова, не занимали видных мест. В штабе Деникина кубанцев не было... Это злило кубанцев»¹.

Этим, совершенно правильно отмечаемым П. Н. Красновым, наблюдениям необходимо придать более широкое толкование. Плохо скрываемая к кубанским казакам неприязнь, из-за распространившихся среди них идей автономии и федерации, была свойственна не только одному генералу Деникину. Она прочно разделялась буквально всем его руководяще-военным окружением. К этому окружению, как известно, принадлежал и генерал Шкуро. Вследствие этого вышеотмеченные Красновым факты не нашли, к сожалению, в мемуарах генерала Шкуро достаточного освещения. Тем не менее

¹ Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское. Архив русской революции. Том 5. С. 258.

они очень важны и заслуживают специального интереса и внимания; именно они явились одной из первых и главных причин, трагически осложнивших на Юге России военную борьбу с большевиками.

Разгон Кубанской Рады явился заключительным аккордом этого трагического недопонимания, повлекшего за собой начало конца всего военно-освободительного движения. Поэтому издательство, невзирая на дополнительные финансовые расходы, нашло уместным и полезным пополнить книгу генерала Шкуро воспоминаниями бывшего Кубанского атамана, генерала Филимонова, проливающими необходимый свет на это драматическое происшествие. Воспроизводятся также и относящиеся сюда документы в форме официальных телеграмм, которыми обменивались тогда генерал Филимонов и Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России.

Весь материал этот позаимствован издательством из «Архива русской революции», том V. Берлин, 1922 г.

Издательство «Сеятель»

Разгром Кубанской Рады, закончившийся повешением члена Рады Кулабухова и высылкой в Константинополь наиболее влиятельных представителей оппозиции, сыграл значительную роль в общем ходе борьбы с большевиками на Юге России и был одним из существенных поводов к катастрофическому отходу вооруженных сил Юга России от Орла до Новороссийска.

Между тем, до сих пор остается совершенно невыясненной та обстановка, в которой был произведен этот разгром. Непонятной остается и та роль, которую играли многие из видных действующих лиц в этом печальном событии.

Я был в это время Кубанским атаманом, и мне пришлось быть одним из непосредственных участников и свидетелей тяжелого эпизода, после которого я сложил с себя почетное звание войскового атамана, так как этот инцидент был вопиющим нарушением прав Кубани.

Поводом к разгрому послужил факт заключения членами парижской делегации Кубанской Краевой Рады с правительством Горской республики особого договора, который был квалифицирован в Ставке и в Особом совещании, как измена России. Причины же антагонизма между Главным командованием и кубанским представительным учреждением заключались в резких политических разногласиях в оценке методов и способов борьбы с большевиками и того положения, которое в этой борьбе занимало казачество вообще и Кубань в частности. Трудно было примирить прямолинейный консер-

вативный централизм Ставки с федералистическими и даже самостийными течениями, игравшими такую видную роль среди демократически настроенных членов Кубанской Рады. Трудно было примирить деятельность местных парламентариев, опьяненных той ролью, которую им приходилось играть, с авантюристическими стремлениями некоторых из военных руководителей, сумевших выдвинуться на Юге России с начала Гражданской войны.

Расправа с Радой еще намечалась в конце 1918 года. Незадолго до того, когда я вторично был избран Кубанским атаманом и оппозиция, возглавляемая председателем кубанского правительства Бычом, потерпела поражение, ко мне приходили генералы Покровский и Шкуро и предлагали при их содействии взять всю власть в свои руки.

Я тогда категорически запротестовал против такого проекта и, как атаман, потребовал, чтобы этого не делалось. Покровский и Шкуро тогда отказались от своей затеи.

Такая мысль мне неоднократно подсказывалась и во время разговоров с Деникиным.

Особенно настаивал на этом его помощник.

— Совершенно не понимаю вашего характера, — говорил он. — Как вы терпите все это? Почему вы не разгоните Раду?

— Это слишком упрощенный, грубо-примитивный способ борьбы, — возражал я своим собеседникам, доказывая, что разгром Рады — мера весьма опасная и чреватая серьезными последствиями.

Нарастали оппозиционные настроения в Раде, учащались резкие выступления против политики Ставки и Особого совещания, — нарастала неприязнь ко мне со стороны генерала Деникина, все более и более ненормальными становились взаимоотношения между Ставкой и нами, представителями и руководителями казачества.

Все это приняло в конце концов такой серьезный характер, что генерал Деникин вынужден был принять экстренные меры для того, чтобы парализовать назревший конфликт с казачеством.

Шестого и седьмого июня 1919 года в Екатеринодаре происходил съезд представителей Главного командования и казачества. В совещании участвовали: Деникин, Романовский, Драгомиров, Лукомский, атаманы казачьих войск: от Дона — Богаевский, от Кубани — я, от Терека — Вдовенко, от Астраханского войска — Ляхов. Присутствовали также председатели Донского, Терского и Кубанского правительств.

На этом совещании Деникин ребром поставил нам вопрос:

— С Русью ли идем мы, представители казачества, или против Руси?

Такая постановка вопроса вызвала с нашей стороны самую резкую отповедь. Мы, казаки, с полной откровенностью за-

явили о своих пожеланиях, о своем весьма отрицательном отношении к той политической линии, которую проводили в отношении к казакам Ставка и Особое совещание. Мы указали пути для исправления ошибок, для парализования того скверного настроения, которое создается благодаря нашим ненормальным взаимоотношениям.

Я произнес на этом совещании пространную речь. В начале я сделал краткий обзор исторического прошлого казачества. Казаки — чисто русские люди, наиболее сильные в физическом и моральном отношении, с наибольшей энергией и предприимчивостью.

Гений русского народа всегда тянулся на юг, а не на север, а потому Петровская реформа — историческая ошибка. Казаки олицетворяли собою тягу на юг, туда, где больше света, больше тепла, больше солнца.

— Когда началась невзгода, когда снова на Руси стало смутное время, — говорил я, обращаясь к Деникину, — вы, витязи Русской земли, пришли сюда, на юг, спасти Россию вместе с нами, казаками. Казаки оправдывают вашу надежду, вашу веру...

— Мы, — говорил я, — недоумеваем теперь, почему казаки, не один раз спасавшие Россию, ныне оказались где-то в стороне? Около вас все, кроме тех, кто должен быть. Около вас должны быть казачьи атаманы и председатели казачьих правительств. Вы неоднократно указывали, что высоко цените, любите казаков и считаете их молодцами. Мы хотим быть гражданами. Мы, представители казачества, считаем, что имеем полное право быть привлеченными к государственному строительству...

Другие представители казаков высказывались в этом же смысле и резко указывали на оскорбительную для нас формулировку вопроса генералом Деникиным. Последний не ответил на наши требования по существу, а лишь заявил:

— Вы, господа атаманы, меня очень сильно «облаяли», но я все же весьма удовлетворен тем, что вижу перед собой действительно русских людей...

Но едва ли Деникин был искренен.

Того же дня вечером у меня во дворце состоялся парадный официальный обед в честь прибывших на совещание атаманов, на котором присутствовало до двухсот человек, в том числе и представители союзных держав. Во время обеда играла музыка, исполнялись войсковым хором казачьи гимны — донской, кубанский.

Деникин во время обеда был мрачен и произнес совершенно неожиданный для нас тост. Он сказал приблизительно следующую речь:

— Вчера здесь, в Екатеринодаре, царили большевики. Над этим домом развевалась красная тряпка, в городе творились

безобразия. Проклятое вчера... Сегодня здесь происходит что-то странное — слышен звон бокалов, льется вино, поются казачьи гимны, слышатся странные казачьи речи, над этим домом развевается кубанский флаг... Странное сегодня... Но я верю, что завтра над этим домом будет развеваться трехцветное национальное русское знамя, здесь будут петь русский национальный гимн, будут происходить только русские разговоры. Прекрасное «завтра»... Будем же пить за это счастливое, радостное «завтра»...

Для всех присутствовавших этот тост был ушатом холодной воды, и напрасно пытался поднять настроение взявший на себя, по моей просьбе, роль «тулумбаша» — Баратов...

В течение всего лета 1920 года наши взаимоотношения с Главным командованием не улучшались, а ухудшались. Поводом к этому служили не только политические разногласия, но также и целый ряд второстепенных причин. Существование, например, нашего кубанского флага было для Деникина бельмом на глазу. Я часто говорил Главнокомандующему:

— Если отдельные войсковые части и даже сотни, ну, например, ваша комендантская, имеют собственные значки, то как же вы хотите лишить целое кубанское казачье войско права иметь свой собственный флаг?

Само собою разумеется, что наши настойчивые пожелания о привлечении казачьих представителей к управлению освобожденными областями и вообще к государственному строительству встречали у Деникина отрицательное к себе отношение и способствовали образованию почвы для подготовки разгрома Кубанской Рады.

После отъезда из Екатеринодара Деникин продолжал очень внимательно следить за работой Рады. Несколько раз он присылал мне письма, в которых указывал на то, что в Раде произносятся несоответствующие речи, подрывается престиж Добровольческой армии. В своих письмах Деникин подчеркивал, что считает меня виновником всего этого, так как я будто бы не принимаю мер против подобного рода агитации.

Когда 16 сентября я, проездом на Дон, был у него в Таганроге, Главнокомандующий прямо заявил:

— Считаю вас виновником происходящего на Кубани брожения и агитации.

Тогда я не придавал этому особого значения, тем более что на Дону мне оказали теплый и радушный прием. Из обмена мнениями выяснилось, что между нами, кубанцами, и представителями донского казачества наблюдалась полная солидарность во взглядах на наши политические и военные задачи.

Тем не менее, мое положение, как человека, очутившегося между молотом и наковальней, делалось необычайно тягостным. Нарастали трения с Главным командованием, а параллельно с этим оппозиция в Кубанской Раде становилась все

более и более энергичной и переходила в наступление, объявив открытый поход против меня, своего атамана, и в то же время умалчивая о своих скрытых целях.

Вместе с той частью членов Рады, которая меня поддерживала, мы выработали план борьбы. Мы решили предоставить представителям оппозиции высказаться до логического конца и тем самым открыть свои карты.

Нам казалось, что это вопрос нескольких дней. Закусившие удила лидеры оппозиции совершали одну бестактность за другой. Когда донская депутация явилась в Раду просить хлеба для северных округов Донской области, то Ив. Макаренко крикнул: «А, христарадничать приехали!» На одном из собраний в гор. Новочеркасске Иван Макаренко заявил: «На Кубани нет ни одного порядочного генерала». Другой представитель левого крыла Рады на официальном обеде, обращаясь к донским генералам, сказал: «Вот если бы таких генералов да к нашим пластунам». Доморощенный кубанский дипломат не замечал, что своим тяжеловесным комплиментом он нанес оскорбление одновременно и донской пехоте, и кубанским генералам.

В довершение всех несчастий, оппозиции удалось провести в председатели Кубанской Краевой Рады Ивана Макаренко — «кубанского бога бестактности». Повторяю, оппозиция лезла, что называется, на рожон и неминуемо должна была сломать себе шею.

Но, к сожалению, в Ставке в это время уже определенно говорили о необходимости принять самые решительные репрессивные меры против будирующей Рады и вожаков оппозиции. Из войсковых начальников сильно поддерживал эту мысль генерал Покровский, который доказывал Деникину и Романовскому, что он знает хорошо кубанских казаков и убежден, что путем репрессивных мероприятий можно легко установить на Кубани полный порядок и спокойствие.

Несмотря на всю остроту положения, приказ Деникина о предании военно-полевому суду членов парижской делегации Краевой Рады, заключивших договор о союзе с Горской республикой, явился для нас полной неожиданностью, тем более что лично я не знал ничего о таком договоре. Прежде чем отдать этот приказ, Деникин запросил меня, действительно ли такой договор был подписан представителями Кубани и были ли они на это уполномочены.

Я ответил, что на это они уполномочены не были, правительству о таком договоре ничего не известно, но что мною наводятся по поводу договора справки и обо всем этом я сообщу дополнительно.

Через несколько дней Деникин вторично запросил меня о том же. В своем ответе на запрос я указал, что такой договор был действительно заключен и что по объяснениям запрошенного мною председателя Зак. рады, Султан-Шахим-

Гирея, договор заключался на тот случай, если Россия не будет освобождена от большевиков и антибольшевистская Кубань предоставлена будет собственным силам.

Вслед за второй телеграммой мною был получен приказ о предании военно-полевому суду за измену России лиц, подписавших договор, то есть Быча, Савицкого, Намеотокова и Кулабухова. Этот резкий, противоречащий нашей конституции и всем соглашениям с Главным командованием, приказ был адресован не только мне, но и атаманам Дона и Терека.

В ответ на этот приказ мною и правительством была послана Деникину телеграмма с протестом против такого распоряжения. В копии телеграмма сообщена донскому и терскому атаманам.

В телеграмме говорилось о том, что мы относимся к этому акту Деникина с осуждением. По поводу договора мы принимаем свои меры. Что же касается вмешательства в это дело со стороны Главнокомандующего, то такого рода выступление вызовет среди казаков естественное недовольство Главным командованием.

Когда я сообщил о посылке телеграммы Раде, то последняя всецело присоединилась к этому протесту. Вместе с тем я рекомендовал членам Рады немедленно же приступить к обсуждению вопроса о подписавших договор членах Рады, а также послал к Деникину делегацию с целью добиться отмены отданного приказа.

К сожалению, Рада не последовала моему совету и продолжала заниматься очередными делами.

Между тем вслед за моим протестом и как бы в ответ на него последовало новое распоряжение о назначении генерала Покровского командующим тыловым районом Кавказской армии, куда, таким образом, вошла и Кубань. Значение местной власти сводилось к нулю.

В Екатеринодар прибыл Покровский.

— Генерал Деникин, — заявил мне Покровский, — настаивает на немедленном аресте Кулабухова и всех видных представителей оппозиции, всего около тридцати-сорока человек. Кулабухов же должен быть арестован в первую очередь.

Я начал доказывать Покровскому, что эти аресты совершенно недопустимы, что пользы от этого, разумеется, никакой не будет.

— Может быть, эти господа, — заявил тогда Покровский, — найдут нужным и возможным устроить вместе со мною совещание?

Я согласился на просьбу Покровского помочь ему устроить такое совещание, причем Покровский просил, чтобы это происходило у меня.

— В другое место, — говорил он, — эти господа вряд ли пойдут.

Согласившись и на это, я потребовал, однако, у Покровского, чтобы он гарантировал личную неприкосновенность всех членов Рады, которые придут на совещание.

Покровский заверил меня своим честным словом, что он гарантирует полную безопасность участникам совещания.

Разговор этот происходил 5 ноября в 4 часа дня. Совещание было назначено на тот же день, в семь часов вечера. В присутствии Покровского я написал председателю Краевой рады Ивану Макаренко записку о том, что прошу представителей оппозиции ко мне на совещание. Для того, чтобы это не бросилось в глаза, я пригласил и лидеров поддерживавшей меня группы. Все они обещали прийти, предупредив, что немного опоздают.

Но не было еще семи часов, когда я, сидя у себя в кабинете, услышал, что по лестнице поднимается большая группа лиц. Меня это заинтересовало, и я послал узнать в чем дело. Оказывается, это пришел генерал Покровский и с ним человек семь-восемь офицеров. Я тогда пригласил Покровского в кабинет к себе и спросил его:

— Что же все это означает?

В ответ на мой вопрос Покровский довольно развязно заявил, что он решил при выходе с совещания арестовать «всех этих господ».

— Но ведь вы дали мне обещание не делать этого. Осуществление вашего проекта я считаю совершенно недопустимым...

— Вы здесь ни при чем, — возразил Покровский. — Арестовывать буду я, а не вы. Я отвечаю за свои поступки. Я дал слово, а теперь беру его обратно. Мною уже отдан соответствующий приказ гвардейскому дивизиону окружить этот дом.

Тогда я заявил Покровскому, что не допущу ареста и что совещание у меня не состоится, так как предателем я не был и не буду...

После разговора со мною Покровский согласился отпустить офицеров и дал слово, что отменит все свои распоряжения.

Однако я все же принял меры предосторожности, немедленно вышел в соседнюю комнату и протелефонировал Ивану Макаренко, что сам приду в Раду и что назначенное совещание отменяется.

Предупреждение, как оказалось, было сделано своевременно.

После этого Покровский снова пришел ко мне в кабинет и сообщил список лиц, которых он считает необходимым арестовать. В списке было человек тридцать.

На мое возражение, что это совершенно недопустимо, Покровский ответил, что он готов ограничиться и меньшим числом; при этом он высказался в том смысле, что хорошо было

бы, если бы подлежащие аресту разбежались. Последнее указание я пропустил мимо ушей, так как уж, конечно, я не мог делать такого предложения своим политическим противникам.

После долгих переговоров Покровский остановился на шести лицах, подлежащих аресту. Такими лицами были: Петр и Иван Макаренко, Манжулла, Воропинов, Роговец и Безкровный. Об этом он сообщил мне официально, как о своем ультимативном требовании, в случае неисполнения которого он прибегнет к силе оружия. Его ультимативное письмо начиналось по общей форме словами: «Милостивый государь».

Об этом ультиматуме я доложил в заседании Рады на словах, потом прочел письмо. Выход из создавшегося положения я видел в немедленной посылке делегации от Рады к Деникину.

В раскаленной атмосфере выступил после моего доклада с речью Иван Макаренко.

Здесь нужно сказать, что Макаренко и его единомышленники пришли, по-видимому, к выводу, что настало время действовать в открытую, и действовать решительно. Макаренко приказал своим «гайдамакам» (отряду для охраны Рады, составленному из уклонившихся от фронта казаков Темхинского и Екатеринодарского отделов) окружить здание Рады (Екатеринодарский зимний городской театр), поставил сотню гайдамаков за кулисами и часовых у всех входов и выходов. Решено было, не более не менее, как захватить власть и арестовать атамана.

Выступив на эстраду, Макаренко заявил:

— Атаман, по-видимому, рекомендует нам — подчиниться такому решению; из этого совета видно, что атамана у нас нет. Поэтому я предлагаю передать власть президиуму Краевой Рады...

На мои протесты, что я такого заявления не делал, и на мои требования дать мне слово Макаренко заявил:

— Я не могу предоставить вам слова как атаману, потому что у нас атамана нет. Это видно и из того, что ген. Покровский обращается к атаману не как к атаману, а как к «милостивому государю».

Члены Рады реагировали на все это совершенно неожиданным для Ивана Макаренко образом. В зале послышались возгласы:

— У нас есть атаман... Нужно сменить председателя...

В хаотической, бурной обстановке было предложено поставить вопрос о доверии атаману и председателю Краевой Рады. Был объявлен перерыв, после которого Иван Макаренко вышел и покаянным голосом заявил, что он сознает свою ошибку и что, считая дальнейшее пребывание на посту председателя для себя невозможным, просит отпустить его на свободу.

Рада ответила на эти покаянные речи гробовым молчанием.

И когда был поставлен вопрос о доверии атаману, Рада большинством всех против одного вотировала мне свое доверие.

На этом заседание закончилось. Уходя, я обещал членам Рады переговорить о мирной ликвидации инцидента с Деникиным и Романовским.

6-го утром ко мне на квартиру явились внесенные в список шесть человек, в том числе и Кулабухов. Список, как выяснилось, был уже увеличен Покровским еще на десять человек. Все эти лица были арестованы.

Я тогда написал и послал Деникину телеграмму, в которой сообщал, что мною посылается ему делегация, которую настойчиво прошу выслушать.

Эта телеграмма не была послана. Ее возвратил мне с телеграфа генерал Покровский и при этом сообщил, что согласно его распоряжению на провода принимаются только телеграммы, посылаемые с его ведома.

— Послана эта телеграмма или нет? — спросил я у Покровского.

— Кажется, послана, — ответил он.

В действительности же телеграмма была задержана.

Кулабухов тем временем был приговорен к смертной казни.

Вечером я отправился на прямой провод, соединился с помощником Главнокомандующего генералом Романовским и обратился к нему «от себя и всех кубанских казаков» с просьбой «во имя заслуг казачества, жертв, понесенных ими, во имя моря пролитой казачьей крови» принять меры к тому, чтобы этот приговор не был приведен в исполнение. Кроме того, я просил принять делегацию, которая сейчас выезжает по этому же вопросу.

Романовский ответил мне, что доложит Деникину о моем ходатайстве по поводу смягчения участи Кулабухова. Однако он сомневается в успехе этого ходатайства.

— Что же касается делегации, — закончил Романовский, — то я желал бы узнать об этом мнение Покровского.

Покровский был на станции. Я попросил подтвердить, что он ничего против посылки делегации не имеет, что он и сделал.

— Ответ будет дан по телеграфу, — заявил в заключение Романовский.

Но ответа я не получил. В ночь на 7 ноября мне прислали телеграмму, адресованную на имя Покровского, в которой говорилось о том, что «Главнокомандующий просьбу Войскового атамана отклонил».

Какую просьбу — неизвестно.

Это было в пять часов утра. Утром мне было доложено, что Кулабухов уже повешен. Оказывается, что Покровский приказал привести в исполнение приговор военно-полевого суда, как только получил эту телеграмму.

Должен добавить ко всему этому, что Покровский дал мне слово, что без ведома Деникина и утверждения приговора он Кулабухова не повесит. Ввиду этого я заявил в Раде о том, что не сомневаюсь, что наша делегация, посланная к Деникину, сумеет добиться отмены этого приговора. Оказалось, однако, что когда делегаты обратились со своим ходатайством к Деникину, последний заявил:

— К сожалению, уже поздно: приговор приведен в исполнение.

Понятно, что члены делегации, которым Покровский также дал слово, что он подождет с приведением приговора в исполнение до выяснения результатов их ходатайства, были страшно возмущены всем происшедшим.

Когда был повешен Кулабухов, в Екатеринодар прибыл Врангель.

Я обратился к нему с просьбой умерить воинственный пыл Покровского. Врангель ответил, что он сделает все, чтобы парализовать дальнейшую деятельность Покровского, которую он считает нецелесообразной.

Это было необходимо, потому что Покровский говорил, что и все остальные арестованные будут повешены и что уже готовы виселицы.

Арестованные лидеры оппозиции были высланы за границу.

Так закончился разгром Кубанской Рады.

Считая, что такое поведение Деникина, вопреки моим представлениям о вреде предпринятого шага, нарушает все мои права, как атамана, разрушает связь, существующую между казаками и Главным командованием; считая, что все это отразится очень гибельно на общем деле борьбы с большевиками и не желая отвечать за дальнейшие последствия такого отношения к казакам со стороны Главного командования, я счел своевременным и необходимым уйти со своего поста.

В то время, когда происходила эта дикая расправа с членами Рады, большевики заняли подходы к Царицыну и грозили, прорвав естественные ворота на Северный Кавказ, снова наводнить Кубанскую область. Генералы Врангель и Покровский должны были оставить Екатеринодар и спешно отправиться к месту грозящей опасности. После упорных и кровопролитных боев Кавказской армии, то есть преимущественно кубанским казакам, удалось еще раз отбросить большевиков на север. Но это была только отсрочка. Катастрофа надвигалась не только извне, но зрела и внутри.

Следуя безрассудным советам молодых генералов и потворствуя их тщеславным планам, Деникин подрубил сук, на котором сидел сам.

Атаман ген. ФИЛИМОНОВ

10. VII. 1921

Новый Сад. Югославия

ДОКУМЕНТЫ К ВОСПОМИНАНИЯМ ГЕНЕРАЛА ФИЛИМОНОВА

Телеграмма Главнокомандующего Кубанскому атаману

Из главтеота № 00622-31-20/15-23-55.

В газете «Свободная Речь» № 226 приведен договор между Кубанским правительством и горским меджлисом точка благоволите телеграфировать подписывал-ли подобный договор Кулабухов Таганрог 20/10 нр. 016439 — Деникин.

Телеграмма начальника штаба Главнокомандующего Войсковому атаману

Екатеринодар. Войсковому атаману.

Екатеринодар Главтеот № 00685-32-24-1-30 Главнокомандующий просит немедленно телеграфировать был ли заключен Кубанской делегацией тот договор с горским меджлисом который указан в телеграмме № 016439 точка № 016620 — Таганрог 23 октября 1919 года Романовский.

Телеграмма Кубанского войскового атамана начальнику штаба армии генералу Романовскому

Срочно. Таганрог. Начальнику штаба армии генералу Романовскому 016620 и 016439 О заключении Бычем Кулабуховым и другими договора с горским меджлисом мне и правительству ничего не известно произвожу расследование о результатах сообщу срочно 3698 Подлинную подписал генерал-лейтенант Филимонов 24 октября 1919 года.

Телеграмма Кубанского войскового атамана Главнокомандующему вооруженными силами на юге России генерал-лейтенанту Деникину

Военная. Таганрог.

Главнокомандующему вооруженными силами на юге России генерал-лейтенанту Деникину

По объяснению Султан-Шахим-Гирея договор с Горской республикой был заключен и подписан Кулабуховым и другими как проект подлежащий утверждению Законодательной Радой на случай если бы Антанта признала власть большевиков точка 3729 Подлинную подписал Кубанский Войскаатаман генерал-лейтенант Филимонов.

Телеграмма войскового атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта Филимонова

Таганрог

Главнокомандующему вооруженными силами юга России.

Копии атаманам Донскому, Терскому. Командарм кавказской. Командармдобр. Командармдон. Командующему Войсками Северного Кавказа. Главноначальствующему Киевской области. Главноначальствующему Новороссийской области. Военному губернатору Черноморской губернии срочно на 016729.

Кубанский войсковой атаман и Кубанское краевое правительство категорически заявляет, что Краевое правительство никаких договоров с Меджлисом горских народов не заключало и никого на заключение таких договоров не уполномочивало. Лица, перечисленные в телеграмме Главнокомандующего, — Быч, Наметоков, Савицкий и Кулабухов были делегированы Кубанской Краевой Радой, а первые два и Кубанским Краевым правительством. Правительство послало своих делегатов как представителей в состав Российской делегации в Париже, в помощь Сазонову, а также для защиты интересов Кубани перед мирной конференцией и для информации точка Если названные лица действительно подписали от имени Краевого правительства договор с Меджлисом горских народов, о чем Краевому правительству по сие время официально неизвестно, то вопрос о превышении названными лицами данных им полномочий подлежит суждению Краевого правительства, а существо договора суждению Кубанской краевой рады, на рассмотрение которой в данный момент и вносится точка Во всяком случае упомянутые лица являются дипломатическими представителями Кубани и как таковые пользуются неприкосновенностью, почему в случае совершения ими незаконных действий могут подлежать суду только Кубанской краевой власти, их делегировавшей точка

Приказ о предании названных лиц военно-полевому суду является нарушением прав Кубанской краевой власти, глубоко оскорбляет правосознание кубанского народа и не может не отразиться на настроениях народа и фронта точка Сыны Кубани не запятнали себя изменой, а принесли и несут наибольшие жертвы своею кровью и достоянием для воссоздания России точка Кубань вправе требовать срочной отмены телеграммы вашего превосходительства номер 016729 ввиду несправедливости обвинения Краевой власти в измене и ввиду несомненного исключительного права только Краевой власти судить своих дипломатических представителей точка. 3789 Подлинную подписали: Кубанский войсковой атаман генерал-лейтенант Филимонов и председатель Правительства Курганский

Надпись на копиях сей телеграммы:

№ 3797 29 окт. 1919 г. гор. Екатеринодар

В редакцию газеты «Вольная Кубань». Препровождая настоящую копию телеграммы, канцелярия, по приказанию Войскового атамана, просит напечатать в № газеты «Вольная Кубань» за 30 сего октября

№ I 3798 В редакцию газеты «Голос кубанца»
№ II 3799 В редакцию газеты «Утро юга»
№ III 3800 В редакцию газеты «Кубанская земля»
№ IV 3801 В редакцию газеты «Кубанский путь»
№ V 3802 В редакцию газеты «Кубанская воля»

Телеграмма Командующего Кавказской армией

Генералу Лукомскому. Наштарту Кавказской. Командарму Добровольческой. Командовойск Одесса. Командовойск Киев. Новороссийск. Военгубу. Донскому атаману. Командарму Дона. Терскому атаману. Кубанскому атаману.

Только Екатеринодар. Кубанскому Атаману.

Приказ Кавказской армии 6 ноября 1919 года нр. 357 Кисловодск точка Прикрываясь именем кубанцев, горсть предателей, засев в тылу, отеклась от матери России точка Преступными действиями своими они грозили свести на нет все то, что сделано сынами Кубани для воссоздания Великой России запятая все то, за что десять тысяч кубанцев пролили свою кровь точка Некоторые из них дошли до того запятая что заключили преступный договор с враждебными нам горскими народами запятая договор, предающий в руки врага младшего брата Кубани тире Терек точка Пытаясь развалить фронт, сея рознь в тылу и затрудняя работу атамана и правительства в деле снабжения и пополнения армии запятая преступники оказывали содействие врагам России запятая той красной нечисти запятая которая год тому назад залила Кубань кровью точка. Как командующий Кавказской армией я обязан спасти армию и не допустить смуты ее в тылу точка Во исполнение отданного мною приказания, командующими войсками тыла армии, генералом Покровским взяты под стражу и преданы военно-полевому суду в первую голову десять изменников две точки Кулабухов запятая Макаренко запятая Манжулла запятая Омельченко запятая Балабас запятая Воропинов запятая Феськов запятая Роговец запятая Жук и Подтапельный точка Пусть запомнят эти имена те, кто попытались бы идти по их стопам точка Генерал Врангель

ПРИКАЗ ПРАВИТЕЛЯ И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ 20 МАЯ 1920 ГОДА № 3226. г. СЕВАСТОПОЛЬ

Русская армия идет освобождать от красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь мне Русский Народ.

Мною подписан закон о волостном земстве, и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернуться к нам.

Народу — земля и воля в устройении государства!

Земле — волею народа поставленный Хозяин!

Да благословит нас Бог!

Генерал ВРАНГЕЛЬ

* * *

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы Русский Народ сам выбрал бы себе ХОЗЯИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти родину.

Генерал ВРАНГЕЛЬ

ЛЮБИТЕ РОССИЮ!

Если вы поговорите с образованным англичанином, французом, финляндцем, эстонцем — он выскажет перед вами много любви к своей родине, много национальной гордости перед своим прошлым. Он будет перед нами прежде всего англичанином, французом, эстонцем. Только потом, быть может, в дружеской беседе, и то далеко не всякий, выскажет свое неудовольствие или удовольствие перед политикой своего правительства и скажет вам, что он социалист, или сторонник умеренной партии, или правый клерикал, роялист... Это после, так сказать, на задворках главного — национального чувства патриотизма, любви к Родине и гордости ею...

Но поговорите с нашим «интеллигентом», — тем, кто является образованным руководителем народа русского. Увы! В большинстве случаев он кто угодно, но только не русский. Вы можете оскорблять и издеваться в газетах над русским делом, над русским правительством, над русской армией — он смолчит. Но затроньте еврея — и посыпятся громы небесные —

¹ Перепечатано из «Имперского вестника» (США) № 18 за 1992 г

«погромная литература», «зоологические понятия», «гнет царского режима» и чего только не скажут в защиту гонимой расы.

Быть русским — это значит быть черносотенцем, это значит быть погромщиком и почему-то непременно монархистом, реставратором и крайним реакционером.

Я прошу извинения у читателя за употребление в русской речи иностранных неудобопонятных слов, но наша интеллигенция так засорила ими чистый русский язык, что без них никак не обойдешься. Русский интеллигент прежде всего сторонник своей партии. Он социалист-революционер, социалист-демократ, монархист, или, как принято говорить сокращенно по буквам, — эс-эр, эс-дек, ка-дет и т. д., только потом, и то далеко не всякий интеллигент, — он русский.

Для очень многих интеллигентов — партия выше России, интересы партии заслоняют интересы России и ее народа. От этого вечная смута. От этого слишком долгое торжество интернационала, мертвого, беспочвенного угнетения, от этой трудности борьбы с большевиками.

Монархисты, считая идею монархии важнее идеи России, наносят удар в спину Северо-Западной армии, посылая наемника Бермонта и объявляя какое-то самозванное правительство в Берлине.

Социал-революционеры, считая Деникина и Колчака слишком правыми, работали над разложением их армий и два раза срывали наступление их армий и смущали войсковой круг Донского войска и Кубанскую Раду.

Не будем говорить о крайних партиях — о большевиках и анархистах, сколько зла они сделали русскому народу, этого невозможно перечислить.

Между тем, именно теперь мы переживаем такой момент, когда нам нужно стать прежде всего русскими и отстаивать свое русское дело, собрать Россию, умиротворить ее, успокоить, вернуть к честной творческой работе и только тогда мирным путем словесно столкнуться и выяснить свои политические верования и вожелания. Прежде всего русское дело и Россия, а потом уже стремление к политическим идеалам.

Происходит это потому, что русские образованные люди на деле очень мало образованны и слишком плохо и одномерно знают русскую историю, и многие презрительно относятся к великому прошлому русского народа.

Ни один народ, кроме англичан, не имеет такого громадного культурного значения для мира, как народ русский. Англичане покорили моря и страны заморские и внесли английскую культуру в Африку, Америку и южную половину Азиатского материка. Русский народ за тысячу лет своего существования завоевал сушу и передал свою высокую русскую культуру в большую часть Азии, на Кавказ и во все Заволжье.

Дикие инородцы заговорили по-русски и стали мечтать об университетах. В Закавказье, в Туркестане, в Средней Азии, в Семиречье вся культура — русская, все богатство этих обширнейших стран создано русскими людьми и русским народом. Но интеллигенция наша в лучшем случае молчит об этом, в худшем случае отыскивает ошибки, промахи и кричит об угнетении инородцев, башкир, киргизов, армян, то есть именно тех народов, которые сохранились и процвели благодаря русскому гению, живому духу русского народа.

Посмотрите на красивую и прочную Ивангородскую крепость, что гордо стоит на реке Нарве против замка ливонских рыцарей. Ее построил Иван III в три месяца. Ее построил гордый и смелый русский народ — для оплота границы Московского царства. Много ли крепостей того времени сохранилось в мире? Стоят развалины немецких замков; вдоль побережья Средиземного моря высятся тут и там развалины генуэзских крепостей — все великих и славных народов, — гордо высятся стены Копорья, Ивангорода, Острова, Псковской твердыни и крепость Великие Луки — все Ивановы границы, границы молодого Московского царства.

Вся история России — это сплошная красота. Это такое величие духа русского народа, что слезы навертываются на глаза, когда читаешь, как обороняли русские Псков, как сражались под Нарвой, как побеждали под Полтавой, как из ничего создали великий флот. А суворовские походы, а русская армия, с венком свободы идущая в далекий заграничный поход к самому Парижу, а освобождение сербов и болгар, освобождение армян?

Забыли мы эту величайшую культурную работу, которую внес в мир русский народ и русская армия?!

С ядовитым шипением гады русской земли, бесы — разрушители счастья русского ищут только темные страницы русского быта. Описывают крепостное право, кивают на ошибки прошлого. Но разве не было этих ошибок у соседей? Разве не было вассалов в Западной Европе и рабство было только в России? А пытки, инквизиция, а то, что вызвало взрыв негодования во французском народе и революцию — ведь это современники Ивана Грозного, это современники золотого века Екатерины Великой, когда было заложено первое зерно свободы русского народа.

Мы молчим об этом потому, что нам выгоднее мутить народную душу коварными сомнениями и несбыточными мечтами, ибо в мутной воде легче рыбу ловить, легче наживаться и проходить в люди.

Шумим, но не дело делаем...

В этом отношении простой русский народ выше образованного класса, выше интеллигенции, потому что простой народ верит в русское дело и любит Россию, и, если бы не

смушали его страшной ложью и клеветой на прошлое, о! скоро, очень скоро он снова стал бы великим.

Страшная пропасть лежит между образованным классом и простым народом. Простой народ видит правду. Он видит Ивангородские стены, он слышит русский язык от берегов Великого океана до Финского залива, и от Ледовых волн до теплого синего моря, и русской душою своею он чувствует все величие духа народа русского. Но как скажет он это, темный, необразованный, робкий — скажу вернее, скромный до самоуничтожения, когда строго цыкнет на него за это и учитель — партийный работник, и газета, для которых партия превыше всего и, конечно, выше России.

Учили его этой страстной любви великие умы — Пушкин, Лермонтов, Гончаров, Тургенев, гр. Ал. Толстой, в лучших произведениях своих гр. Л. Толстой, страстно писали об этом Достоевский, Влад. Соловьев, Менделеев... Но кто читал их?

А то — быть русским! Чего захотели! Зоологическое понятие.

Русские? Да уж не из погромщиков ли вы? Проповедуете любовь к России, да, милый человек, от вас «Русским знаменем» пахнет и Союзом Михаила Архангела!

Стыдно, господа!¹

Петр КРАСНОВ

¹ Обращение бывшего Донского атамана П. Н. Краснова было опубликовано 3 декабря 1919 года в газете «Приневский край» в городе Нарве

П. Н. Краснов

**ВСЕВЕЛИКОЕ
ВОЙСКО ДОНСКОЕ**

ГЛАВА I¹

**Работа Круга спасения Дона. — Состав Круга и его настроение. —
Выборы Донского Атамана. — Основные законы, предложенные Дон-
ским Атаманом. — Отношение к ним общества и генерала Деникина.**

Общее собрание членов Временного донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей в заседании 28 апреля в здании судебных установлений в Новочеркасске, «признавая число присутствующих в настоящем собрании делегатов от войсковых частей и станиц, принявших участие в изгнании из Донской области советских войск, достаточным, постановило объявить настоящее собрание К р у г о м с п а с е н и я Д о н а».

В нем было 130 членов. Это было едва ли не самое народное, или демократическое, собрание, какое когда-либо бывало. Круг называли с е р ы м. В нем не было интеллигенции. Трусливая интеллигенция сидела в эту пору по подвалам и погребам, трясясь за свою жизнь, или подличала перед комиссарами, записываясь на службу в советы и стараясь устроиться в более или менее невинных учреждениях — по народному образованию, по продовольствию или по финансовой части. Ей было не до выборов в такое смутное время, когда и выборщики, и выбранные играли своими головами. Круг собирался без партийной борьбы. Было не до партий. В круг выбирали и на круг были выбраны исключительно казаки, которые страстно желали спасти родной Дон и для этого готовы были и жизнь свою сложить за него. И полагали жизнь, потому что большинство выборщиков, послав своих делегатов, сами разобрали оружие и пошли спасать Дон.

И потому название — К р у г с п а с е н и я Д о н а — было им как нельзя более к лицу.

Круг не имел политической физиономии, и потому в нем не было и не могло быть политической борьбы. Этот серый

¹ Печатается по изданию: Начало гражданской войны. М.; Л., 1926.

круг имел одну цель — спасти Дон от большевиков, спасти во что бы то ни стало и какою бы то ни было ценой.

Он был истинно народным и потому кратким, мудрым и деловым в своих заседаниях и решениях. Он коротко и просто сказал, что хочет Дон теперь: **п о р я д к а**.

И этот **с е р ы й**, то есть истинно демократический круг разумом народным и спас Дон. К 15 августа 1918 года, ко времени созыва полного войскового круга, большевиков не было на Донской земле, и, не вмешайся в дела войска генерал Деникин и союзники, может быть, и сейчас войско Донское существовало бы на тех же основаниях, как существуют Эстония, Финляндия, Грузия, — существовало бы отдельно от **С о в е т с к о й** России.

Конечно, вопрос об отношении к немцам и к Украине был в данное время самым острым вопросом, и в заседании 29 апреля круг постановил утвердить избранное временным донским правительством полномочное посольство на Украину в составе М. А. Горчукова, И. Т. Семенова, полковника Гущина и генерал-майора Сидорина. Посольству этому поручить командироваться в город Киев для выяснения отношений к Дону самой Украины и осведомления о целях вступления германских войск на территорию Донской области, а также твердо отстаивать существующие ныне границы области, ее независимость и самобытность казачества.

Круг повел этот деликатный вопрос хитро, по-народному. Он не признал Украины, он не признал немцев, хотя и сознавал, что без них он не сидел бы в Новочеркасске, и членами посольства он избрал именно тех людей, которые больше всего кричали о ненависти к немцам и о вечной преданности союзникам. Эти-то люди уж не выдадут и не продадут. Здесь круг именно и ошибся, но и ошибся правильно. Он мог загубить все дело, испортить совершенно отношения с Украиной и немцами, но он для этого потом и избрал атамана, который все это должен был исправить, а сам сохранил свое лицо, национальную гордость, и на суд истории и грядущих союзников войско Донское явилось непоколебимо верным союзником и ненавидящим немцев.

В том же заседании круг поставил вопрос «об организации на Дону постоянной армии, упорядочении казачьих сил, поднявшихся для борьбы с большевиками, и об установлении законов об организации армии и установлении в ней дисциплины».

То, вокруг да около чего топтался почти целый год атаман Каледин с войсковым правительством и Малым кругом, составленным из интеллигентных болтунов, народный Круг спасения Дона вырешил на втором же заседании. Он точно и определенно сказал, что Дону нужна настоящая армия, а не партизаны, добровольцы или дружинники, армия **с т а р о г о**

режима, повинующаяся законам и строго дисциплинированная.

И еще армия эта не существовала, как уже генерал Деникин сделал попытку подчинить себе донские части и осуществить единое командование, как это сделал Корнилов в ауле Шенджи 14 марта с кубанскими казаками. На вопросы представителя Добровольческой армии, «кто должен фактически командовать военными силами Добровольческой армии и донскими воинскими силами и каково отношение Дона к Украине и Германии», круг ответил: «Верховное командование всеми без исключения военными силами, оперирующими на территории Донского войска, должно принадлежать войсковому атаману, или, как в данном случае, походному атаману, и так как вопрос об отношениях к Украине и Германии еще не выяснен, то для выяснения этого вопроса Временным правительством командирется в город Киев посольство от войска Донского...»

Ответ этот не удовлетворил генерала Деникина. Планы генерала Деникина были иные. Он думал в лице донских казаков получить большие пополнения людьми и материальной частью, усилить Добровольческую армию, а не иметь рядом «союзную» армию. Когда этот ответ дошел до Деникина, он решил лично переговорить об этом с донским атаманом.

Круг работал интенсивно. Заседания шли утром и вечером. Он торопился восстановить порядок и не боялся упреков в стремлении возвратиться к старому режиму.

Так, в заседании 1 мая круг постановил: «В отличие от большевистских банд, которые никаких внешних знаков отличия не носят, всем частям, участвующим в защите Дона, немедленно принять свой воинский вид и одеть, кому положено, погоны и прочие знаки отличия».

На утреннем заседании круга 3 мая по вопросу об организации областной власти Круг спасения Дона, выразив общее желание избрать временно, до созыва Большого войскового круга, войскового атамана, вынес принятую единогласно следующую резолюцию: «Впредь до созыва Большого войскового круга, каковой должен быть созван в ближайшее время и, во всяком случае, не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии Круга спасения Дона, вся полнота верховной власти в области принадлежит Кругу спасения Дона. На время прекращения работ Круга спасения Дона вся полнота власти по управлению областью и ведению борьбы с большевизмом принадлежит избранному войсковому атаману».

На вечернем заседании того же числа были произведены закрытой баллотировкой выборы атамана. 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся на пост донского атамана был избран генерал-майор Краснов.

Генерал Краснов не принял этого избрания впредь до того, как круг утвердит те основные законы, которые он считает нужным ввести в войске Донском для того, чтобы иметь возможность исполнить задачи, поставленные ему Кругом спасения Дона.

Законы эти были рассмотрены кругом на утреннем заседании 4 мая.

Они представляли из себя почти полную копию основных законов Российской империи¹.

«Впредь до созыва Большого войскового круга из представителей всех округов войска Донского и полного успокоения войска на всем его пространстве государственный строй всевеликого войска Донского и порядок правления основываются на следующих законах:

О б а т а м а н с к о й в л а с т и: 1. Власть управления войском во всем ее объеме принадлежит войсковому атаману в пределах всего всевеликого войска Донского.

2. Атаман утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь силы.

3. Атаман назначает как председателя совета управляющих отделами, так и самих управляющих отделами, которые являются ответственными перед Большим кругом.

4. Атаман есть высший руководитель всех сношений всевеликого войска Донского с иностранными государствами.

5. Атаман есть верховный вождь донской армии и флота.

6. Атаман объявляет местности на военном, осадном или исключительном положении...

О в е р е. 10. Первенствующая в всевеликом войске Донском есть вера христианская, православная...

О з а к о н а х. 24. Впредь до издания и обнародования новых законов всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях свода законов Российской империи, за исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.

25. Все воинские части, как постоянной армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской империи до 25 февраля 1917 года.

26. Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным правительством, так и Советом народных комиссаров, отменяются.

27. Сила закона равно обязательна для всех без изъятия донских подданных и для иностранцев, в всевеликом войске Донском пребывающих.

28. Законы, изданные специально для какой-либо мест-

¹ С тем отличием от последних, что права и prerogative российского императора переходили к... атаману всевеликого войска Донского.

ности или части населения (например, евреев. — *Ред.*), новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены нет...

О совете управляющих и самих управляющих отделах и. 37. Направление и объединение действий отдельных ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления возлагается на совет управляющих...

39. Председатель совета управляющих и управляющие отвечают перед атаманом, а потом, по созыве Большого войскового круга, — перед ним за общий ход войскового управления. Каждый из них в отдельности отвечает за свои действия и распоряжения...

Этими законами вся власть из рук коллектива, каковым являлся Большой или Малый круг, переходила в руки одного лица — атамана. Перед глазами Круга спасения Дона стояли окровавленные призраки застрелившегося атамана Каледина и расстрелянного атамана Назарова. Дон лежал в обломках, он не только был разрушен, но он был загажен большевиками, и немецкие кони уже пили тихие струи Дона, священной для казаков реки.

К этому привела работа кругов, потому что и Каледин, и Назаров боролись с их постановлениями, но победить не могли, потому что не имели власти.

— Творчество, — сказал в одной из своих речей перед Большим войсковым кругом атаман Краснов, — никогда не было делом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников...

Донскому атаману предстояло творить, и он предпочитал остаться один вне критики круга или кругом назначенного правительства.

— Вы хозяева земли донской, я ваш управляющий, — сказал атаман. — Все дело в доверии. Если вы мне доверяете, вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не принимаете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править войском не могу.

Этими законами отменялось все то, что громко именовалось «завоеваниями революции» и «ее углублением». И это высказывали атаману. Но атаман этого и хотел. Законы императорской власти были привычные народу законы, народ их знал, понимал и исполнял. После революции Временное правительство спешно издало целый ряд законов, которые не были известны в народе, к которым народ не привык. Законы эти возбуждали кривотолки. А затем последовал ряд безумных декретов народных комиссаров. Все перемешалось в мозгах несчастных русских граждан, и многие не знали, что пред-

ставляет из себя закон правительства Львова или Керенского и что — декрет Ленина Атаман счел необходимым вернуться к исходному положению — до революции. В особенности это было важно для войска, да еще ввиду военного времени, чтобы совершенно аннулировать приказ № 1, разрушивший всю великую русскую армию.

На вопрос одного из членов круга атаману, не может ли он что-либо изменить или переделать в предложенных им законах, атаман ответил: «Могу. Статьи 48, 49 и 50. О флаге, гербе и гимне. Вы можете предложить мне другой флаг — кроме красного, любой герб, кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме интернационала...»

Круг рассмеялся и принял законы, предложенные атаманом, в полном объеме.

Законы эти создали атаману многих врагов. Та часть интеллигенции, которая пряталась до сих пор по подвалам и погребам и вылезла наружу, как только исчезли большевики, стала упрекать атамана в стремлении к проведению принципа «*l'état c'est moi*»¹. Стремящаяся к власти, воспитанная на критике ради критики, на разрушении, а не на творчестве, она повела широкую кампанию против атамана. В своих нелепых обвинениях она доходила до того, что, например, С. П. Черевков, редактор издававшейся в Екатеринодаре газеты, писал, что атаман стремится устроить на Дону феодальные порядки и восстановить крепостное право и «*jus primae noctis*»².

Не удовлетворяли эти законы и генерала Деникина. Они показали ему, что Дон становится на путь самостоятельного строительства, вне зависимости от Добровольческой армии, что он не признает Добровольческой армии за Россию и Деникина — за своего диктатора. Отсюда последовали обвинения атамана в стремлении к самостийности, к отделению от России. Донского атамана в Добровольческой армии прихвостни Деникина ославили едва не изменником России, самостийником и человеком «немецкой ориентации». Его слова — «Здравствуй, царь, в Кременной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону», — повторение слов, которые говорились в эпоху смутного времени на Руси, до избрания Романовых, — создали атаману в Добровольческой армии репутацию монархиста.

4 мая было последнее заседание Круга спасения Дона, и 5 мая круг разъехался. Атаман остался один править войском.

¹ «Государство — это я». Изречение самодержавного французского короля Людовика XIV.

² «Право первой ночи» — существовавшее в средние века право феодала в случае бракосочетания принадлежащих ему крепостных крестьян брать к себе новобрачную на первую ночь после брака.

ГЛАВА II

Письма атамана к императору Вильгельму и к гетману Скоропадскому. Сношения с немцами. — Свидание атамана с генералом Деникиным 15 мая. — Результаты этого свидания.

Все лежало в войске Донском в обломках и запустении. Самый дворец атаманский был загажен большевиками так, что поселиться в нем сразу без ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены и из 252 станиц войска Донского только 10 были свободны от большевиков. Не только пушечная, но и ружейная и пулеметная стрельба была слышна кругом Новочеркасска. Бои шла под Батайском и у Александровска-Грушевского. Полиции ни городской, ни станичной, ни железнодорожной стражи не было. Грабежи и убийства были ежедневным обычным явлением. Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого округа, станицы Каменская и Усть-Бело-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы подвигались к Новочеркасску, и аванпосты баварской конницы стояли в 12 верстах к югу от Новочеркасска. Планы и намерения немцев были совершенно неизвестны атаману.

Но все это были пустяки в сравнении с тем ужасным злом, которое сделали большевики в душах населения. Все понятия нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совесть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать и не желали работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей и продажей, которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц, и даже лиц интеллигентных. Большевистские комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновенным и как бы узаконенным явлением.

В стране, заваленной хлебом, мясом, жирами и молоком, начинался голод. Не было товаров, и сельчане не хотели везти свои продукты в города. В городах не было денежных знаков, и их заменяли суррогаты, купоны займа свободы и другие, что до крайности затрудняло торговлю.

Перед атаманом лежал целый ряд задач, разрешить которые он должен был во время страшной и упорной борьбы с большевиками. В голову всего атаман поставил главную задачу, данную ему Кругом спасения Дона, — освобождение земли Донской от большевиков.

Для выполнения ее ему нужно было создать армию, выяснить отношения немцев к Дону и войти в тесную связь с Украиной и Добровольческой армией, чтобы привлечь их к совместной работе против большевиков.

5 мая атаман вступил в управление войском, и в тот же день

вечером доверенный его, адъютант есаул Кульгавов, поехал с собственноручными письмами атамана к гетману Скоропадскому и к императору Вильгельму. Императору Вильгельму атаман писал на немецком языке о своем избрании, сообщал о том, что войско Донское не находится в войне с Германией, просил, чтобы дальнейшее продвижение немецких войск в Донскую землю было приостановлено, чтобы войско Донское было признано, вплоть до освобождения России от большевиков, самостоятельную республикою, управляемую основными законами, приложенными к письму. Атаман просил о помощи оружием, взамен чего предложил установить через Украину правительство торговые отношения.

Есаул Кульгавов должен был передать это письмо в Киеве командующему немецкими войсками на Украине генералу Эйхгорну, которому была послана копия этого письма. Гетману атаман писал о своем избрании, о вечной дружбе, которая была между Украиной и донскими казаками, указывал на то, что украинцы неправильно считают свои границы, и просил о скорейшем восстановлении старой границы земли войска Донского.

Результатом посылки письма императору Вильгельму было то, что уже 8 мая вечером к атаману явилась делегация от генерала от кавалерии фон Кнёрцера из Таганрога, заявившая, что германцы никаких завоевательных целей не преследуют, что они заинтересованы в том, чтобы на Дону восстановился возможно скорее полный порядок, что Таганрогский округ и Ростов они заняли лишь потому, что украинцы им сказали, что они принадлежат Украине, и что этот пограничный спор надо разрешить с гетманом Скоропадским. Что касается станиц Донецкого округа, то немцы их заняли по приглашению самих казаков. Депутация заявила, что она считает в интересах казаков, чтобы германские войска оставались временно на Донской территории, что они уйдут, как только увидят, что на Дону восстановился полный порядок.

Свидание атамана с представителями германского командования носило самый деловой характер. Атаман убедился в том, что немцы боятся казаков и что они действительно заинтересованы в помощи Дону. На первом же свидании было решено, что немцы дальше продвигаться не будут и что в Новочеркасск ни германские офицеры, ни солдаты без особого разрешения атамана ездить не будут, чтобы не раздражать казаков.

9 мая в Новочеркасск прибыли для жительства кубанский атаман полковник Филимонов и кубанское правительство, а также депутация от Грузинской республики. Донской атаман вошел в тесные дружеские сношения с теми и с другими. Он искал союзников и помощников в жестокой борьбе с большевиками, и главным союзником он считал генерала Деникина

и Добровольческую армию и искал скорейшего свидания с генералом Деникиным.

14 мая атаман получил известие о том, что 15 мая генералы Алексеев и Деникин придут из Мечетинской станицы в Маньчскую и хотели бы иметь переговоры с атаманом.

В небольшой хате станичного атамана у разложенной карты с показанием расположения войск произошла беседа, длившаяся до самых сумерек.

Деникин начал в довольно резкой форме выговаривать атаману за то, что в диспозиции, отданной для овладения селением Батайск, было указано, что в правой колонне действует германский батальон и батарея, в центре — донцы, а в левой колонне — отряд полковника Глазенапа Добровольческой армии.

— Согласитесь с тем, что это недопустимо, чтобы добровольцы участвовали с немцами. Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами. Я требую уничтожения этой диспозиции, — говорил генерал Деникин.

Атаман ответил, что уничтожить историю нельзя. Если бы эта диспозиция относилась к будущему — другое дело, но она относится к сражению, которое было три дня назад и закончилось полной победой полковника Быкадорова, и уничтожить то, что было, невозможно.

Генерал Деникин заговорил о едином командовании и о том, что желательно поступление донских частей в Добровольческую армию. Атаман ответил на это, что единое командование возможно осуществить только при условии существования единого фронта. Если генерал Деникин считает возможным со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться к Царицыну, то все донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены автоматически генералу Деникину. Движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. В Саратовской губернии уже начались восстания крестьян. Царицын даст генералу Деникину хорошую, чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицыны сблизит бы, а может быть, и соединит бы нас с чехословаками и Дутовым и создаст бы единый грозный фронт. Опираясь на войско Донское, армии могли бы начать марш на Самару, Пензу, Тулу, и тогда донцы заняли бы Воронеж.

— На Царицын я теперь не пойду, — упрямо сказал Деникин. — Я обязан раньше освободить кубанцев, — это мой долг, и я его исполню.

Генерал Алексеев поддержал Деникина. Он считал, что направление на Царицын действительно создаст единый фронт,

но вся беда в том, что кубанцы из своего войска никуда не пойдут, а Добровольческая армия бессильна что-либо сделать, так как в ней всего 2500 штыков. Ей надо отдохнуть, укрепить и получить снабжение, и войско Донское должно ей в этом помочь. Кубань, хотя и поднялась против большевиков, но сильно нуждается в помощи добровольцев. Если оставить кубанцев одних, можно опасаться, что большевики одолеют их и тыл Донской армии будет угрожаем со стороны Кубани.

На совещании было решено, что Добровольческая армия пойдет вместе с кубанцами на Екатеринодар и только после освобождения его она может помочь донцам в операциях на Царицын. Таким образом, обе армии — Донская и Добровольческая — расходились по двум взаимно противоположным направлениям: одна шла на север, к сердцу России — Москве, другая шла на юг, к Минеральным Водам. Вопрос о едином командовании отпадал.

Атаман настаивал на немедленном наступлении. Надо использовать настроение казаков, их порыв, надо воспользоваться растерянностью комиссаров.

Деникин отказал и в этом. После тяжелого похода Добровольческая армия нуждалась в отдыхе и пополнении. Ей необходимы были широкие квартиры и правильная организация тыла. Дон должен был снабдить Добровольческую армию всем необходимым и быть ее тылом.

Совещание свелось к тому, что Добровольческая армия потребовала устройства лазаретов и госпиталей, этапных пунктов и вербовочных бюро в Ростове и Новочеркасске, потребовала оружия и снаряжения и взяла взаимообразно шесть миллионов рублей у Донского войска, обязуясь обеспечить тыл Донского войска со стороны Кубани. Кубанский атаман никакой роли на совещании не играл.

Начать активные действия добровольцы и кубанцы могли только через месяц.

О союзниках не было сказано ни слова. К Украине и немцам генерал Деникин высказывал самое непримиримое отношение и старательно закрывал глаза на то, что оружие и снаряжение для Добровольческой армии донской атаман может получить только из Украины, то есть от немцев. Этот вопрос был повернут так, что на Украине остались громадные склады российской юго-западной армии. Добровольческая армия является прямою наследницею юго-западной армии, и потому Украина должна передать ей имущество складов. Про то, что эти склады были опечатаны немецкими печатями и к ним приставлены немецкие часовые, командование Добровольческой армии умалчивало.

Генерал Деникин потребовал немедленного присоединения отряда полковника Дроздовского к Добровольческой армии.

Со смутным чувством неудовлетворенности ехал донской

атаман из Манычской со свидания с генералом Деникиным. Войско Донское стояло одно-одинешенько перед громадной задачей освободиться от большевиков и положить начало освобождению и самой России.

ГЛАВА III

Тыл Добровольческой армии на Дону. — Поведение офицеров. — Две разные точки зрения на Дон. — Мелочность характера генерала Деникина. — Враждебное отношение его к атаману и генералу Денисову.

Обе столицы Донского войска — Ростов и Новочеркасск — стали тылом Добровольческой армии. Это уж такой непреложный закон всякой армии, как бы строго дисциплинирована она ни была, что совершенно механически совершается отбор ее представителей. Все прекрасное, храброе, героическое, все военное и благородное отходит на фронт. Там совершаются подвиги, красотой которых умиленно любитесь мир, там действуют чудо-богатыри Марковы, Дроздовские, Неженцевы, там — красота, благородство и героизм. Но чем дальше отходишь от боевых линий к тылу, тем резче меняется картина. Все трусливое, уклоняющееся от боя, все, жаждущее не подвига смертного и славы, но наживы и наружного блеска, все спекулянты собираются в тылу. Здесь люди, не видевшие раньше и сторублевого билета, ворочают миллионами рублей, и у них кружится голова от этих денег, здесь продают «добычу», здесь постоянно вращаются герои с громадной популярностью в тылу и совершенно неизвестные на фронте. Фронт оборван, бос и наг, фронт голоден, — здесь сидят люди в ловко сшитых черкесках, в цветных башлыках, во френчах и галифе, здесь пьют вино, хвастают своими подвигами, звенят золотом и говорят, говорят. Там, в передовых окопах, про политику не говорят, о будущем не думают, смерть сторожит эти думы, — здесь политиканствуют и создают такую окраску и физиономию, которой армия на деле не имеет.

В тылу — лазареты с врачами, санитарным персоналом и сестрами. В тылу — любовь и ревность. Раненые и больные часто бывают капризны и требовательны и на правах раненых и больных позволяют себе весьма многое, оскорбляющее тех здоровых, которые отдали себя на служение им. Но настоящие раненые и больные не в счет, им это охотно прощают, но в лазаретах всегда бывает известный процент таких раненых, которые никогда ранены не были, таких больных, болезнь которых не найдет и не определит самый искусный врач. Эти «раненые» и «больные» приносят вино в лазареты, эти «раненые» и «больные» до глубокой ночи шатаются по городу, горланя песни, и управы на них нет нигде. Что может

им сделать дежурная сестра, которая сама их безумно боится? Так было во всех армиях, так было и в Добровольческой армии. В Добровольческую армию вместе с идейными юношами шли шкурники, и эти шкурники прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск. И вот начались те тяжелые отношения между Доном и Добровольческой армией, которые бросались в глаза человеку вдумчивому. Сами армии были дружны вечной дружбой, спаянной вместе пролитой кровью, но тылы ссорились, и генерал Деникин и его окружающие, которые жили в тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону настроению.

Атаман восстановил старинный, допетровский титул Все-великое войско Донское, и все войско, от казака до генерала, подхватило этот титул. В Новочеркасске спешно печатались свои уставы, широко распространялась история войска, писали его географию, составляли особую хрестоматию. В школах и гимназиях после молитв дружно пели: «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», и гимн этот подхлестывал и взвинчивал, как «марсельеза». Над дворцом гордо реял сине-желто-красный флаг, и новочеркасские жители ходили им любоваться. Все это было «свое», особенное, новое, принадлежащее Всевеликому войску Донскому.

Большевизму атаман противопоставил шовинизм, интернационалу — яркий национализм. Ездя по станицам и полкам, атаман везде говорил одно: «Любите свою великую, полную славы родину — Тихий Дон и мать нашу Россию! За веру и родину, — что может быть выше этого девиза!»

Что такое было Всевеликое войско Донское для офицера Добровольческой армии? Донская область, Донская губерния и больше ничего. Казаки — четвертые полки кавалерийских дивизий, штабная конница, прикрытые обозы и конвои, словом — презрительно-ласковое — к а з а ч к и.

Тем, кто в сердце своем носил священное бело-сине-красное знамя великой и неделимой России, претил новый донской флаг. Немногие понимали значение его, как переходного флага. Не понимал его и Деникин. Гимн донской для них был не гимн, но только песня. В войске Донском была старая дисциплина со всем старым воинским ритуалом, со знаменами, встречаемыми звуками похода, и с караульной службой, где часовой был лицом неприкосновенным. В Добровольческой армии была дисциплина новая, упрощенная и бьющая на внешность, часто офицерски распушенная.

Атаман строго преследовал пьянство и офицеров, замеченных в нетрезвом поведении, увольнял вовсе от службы без мундира и пенсии. И он, и особенно командующий Донской армией генерал-майор Денисов, требовали не только полного соблюдения воинской дисциплины и порядка, но и форменной, щегольской, насколько позволяли обстоятельства, одеж-

ды и благопристойного поведения в общественных местах. Разлад между Доном и Добровольческой армией начался с мелочей и пустяков, но вылился в тяжелые формы вследствие крайнего самолюбия Деникина.

Его постоянно раздражала мысль, что войско Донское находится в хороших отношениях с немцами и что немецкие офицеры бывают у атамана. Генерал Деникин не думал о том, что благодаря этому Добровольческая армия неотказно получает оружие и патроны и офицеры едут в нее через Украину и Дон совершенно свободно, но он видел в этом и з м е н у с о ю з н и к а м и сторонился от атамана...

В Новочеркасске, в Александровском саду, по приказанию генерала Денисова действовало летнее гарнизонное собрание, куда могли приходить обедать офицеры с их семьями и где они могли иметь дешевую (2 р. 50 к.) и здоровую пищу. По вечерам там играл войсковой хор и пели войсковые певчие. Офицеры Добровольческой армии допускались туда на совершенно одинаковых условиях с офицерами-донцами. Добровольцы не раз устраивали там пьяные кутежи со скандалами и наконец пустили по адресу войска Донского «крылатое» слово — все веселое войско Донское.

Денисов промолчал. Вскоре на одном вечере в присутствии Денисова и одного полковника из Добровольческой армии на войско Донское стали жестоко нападать за его сношения с немцами.

— Но что же войску делать, — сказал Денисов, — немцы пришли на территорию его и заняли. Войску Донскому приходится считаться с совершившимся фактом. Не может же оно, имея территорию и народ, ее населяющий, уходить от них, как это делает Добровольческая армия. Войско Донское — не странствующие музыканты, как Добровольческая армия.

Эти «странствующие музыканты» были переданы генералу Деникину, и он в свое время припомнил словцо Денисова. Когда войско Донское начало свои сношения с союзниками, в штабе Деникина сказали: «Войско Донское — это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит».

Денисов не остался в долгу и ответил: «Скажите Добровольческой армии, что если войско Донское — проститутка, то Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработком и живущий у нее на содержании».

Это были мелочи. Но они разожгли самолюбие Деникина, и он стал добиваться удаления Денисова.

Деникин хотел, чтобы войско Донское было Донскою областью с некоторой автономией; он не соглашался признать Донской армии, но желал иметь донские полки там, где они

понадобятся; он решительно шел к тому старому режиму, о котором при обстоятельствах теперешнего момента атаман не мог и заикнуться. И Деникин стал во враждебные отношения к атаману, считая его главным виновником шовинистической политики Дона.

Но пока у донского атамана на фронте была 60 000 армия, а у него вместе с кубанцами насчитывалось 12 000, пока все снабжение шло через донского атамана, взявшегося быть посредником между Украиной и немцами, с одной стороны, и Добровольческой армией — с другой, Деникин молчал, и только окружающие его готовили грозную кампанию против генерала Денисова, атамана и всех донских патриотов. Они стремились свалить войско Донское, и впоследствии при помощи союзников они свалили его, но в результате погубили последний ресурс в своей борьбе. Как только война перестала быть национальной, народной, она стала классовой и, как таковая, не могла иметь успеха в беднейшем классе.

Казаки и крестьяне отпали от Добровольческой армии, и Добровольческая армия погибла. Говорят об измене казаков Деникину, но нужно посмотреть, кто изменил раньше: казаки Деникину или Деникин казакам. Если бы Деникин не изменил казакам, не оскорбил бы жестоко их молодого национального чувства, они не покинули бы его. И прав был атаман, когда в числе своих врагов ставил и генерала Деникина. Генерал Деникин, быть может сам того не понимая, работая на разрушение Донского войска, рубил сук, на котором сидел...

ГЛАВА IV

Отношение к немцам. — Второе письмо донского атамана к императору Вильгельму.

Очень остро и болезненно проходили для атамана отношения к немцам. Без немцев Дону не освободиться от большевиков — это было общее мнение фронтового казачества, которое умирало, защищая с оружием в руках свои станицы и освобождая станицы своих соседей.

Совершенно иначе смотрела донская интеллигенция и особенно приехавшие из России люди, которые хотели и на Дону сыграть ту крупную роль, которую они играли когда-то в царской России. К числу таковых нужно отнести и бывшего председателя Государственной думы двух последних созывов М. В. Родзянко, жившего в Новочеркасске, и всю кадетскую партию, которая объединилась в борьбе против атамана. Отозванные из Украины члены первого посольства генерал Сидорин и полковник Гущин вели сильную пропаганду против

атамана, постоянно проповедуя о том, что победа союзников, несомненно, будет и союзники не простят донским казакам того, что они сносились с немцами.

Дон раскололся на о р и е н т а ц и и. Весь простонародный, хлебородный Дон и большая часть интеллигенции держались германской ориентации; напротив, члены могущественной кадетской партии и многие политические беженцы считали, что все спасение Дона — в демократии Англии и Франции, которые придут и спасут и Дон, и Россию. Как спасут? — непременно и не иначе как ж и в о й с и л о й.

Во время сессии августовского круга атаман, отвечая на нападки в сношениях с немцами и слыша, что ему ставят в пример голубиную чистоту Добровольческой армии, которая на знамени своем неизменно носит непоколебимую верность союзникам, воскликнул:

— Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!

Буря аплодисментов покрыла слова атамана. Нападки на «германскую ориентацию» прекратились.

Нелегки были и отношения с самими немцами. Атаман не хотел, чтобы германское командование имело хотя бы какой-нибудь намек, что оно имеет влияние на управление Доном. Поэтому никаких миссий, никаких представителей от немцев в Новочеркасске допущено не было. Дон считается с фактом занятия части территории германскими войсками, смотрит на них не как на врагов, но как на союзников в борьбе с большевиками и старается использовать их для вооружения и снабжения всеми средствами борьбы своей армии. Так было сказано в первом приказе атамана, отданном 4 мая ночью.

Немцы сами шли навстречу желаниям атамана. Они — победители в данное время — всеми силами старались упрочить положение атамана и возвысить его в глазах населения. И этому иногда мешали те темные силы, которые были в интеллигенции. Одни боролись против атамана потому, что считали его врагом революции и неискренне сочувствующим идее народоправства, другие выступали против него «страха ради иудейска», стараясь заслужить в будущем благодарность союзников, большинство же было лично обижено тем, что они или не получили высокого поста, который хотели получить, или были сняты с занимаемого поста. Все эти люди собрались в Екатеринодаре, при штабе генерала Деникина, и, пользуясь теми тяжелыми отношениями, которые установились между атаманом и Деникиным, вели свою работу против атамана и немцев, и работа эта скоро возымела свои последствия.

27 июня в Ростов прибыл майор фон Кокенхаузен, назначенный официально для сношений с донским атаманом. Сношения вылились в чисто деловую форму. Установлен был курс немецкой марки в 75 коп. донской валюты, сделана была расценка русской винтовки с 30 патронами в один пуд пшеницы или ржи, заключен был контракт на поставку аэропланов, орудий, винтовок, снарядов, патронов и т. п., установлено было соглашение, что в случае совместного участия германских и донских войск половина военной добычи передавалась Донскому войску безвозмездно, выработаны были планы действий под Батайском. Наконец немцы со значительными потерями для себя отразили безумную попытку большевиков высадиться на Таганрогской косе и занять Таганрог. Немцы не особенно охотно вступали в бои с большевиками, но тогда, когда боевая обстановка этого требовала, они действовали вполне решительно, и донцы могли быть совершенно спокойны за ту полосу, которая была занята немецкими войсками. Вся западная граница с Украиной от Кантемировки до Азовского моря, длиною более 500 верст, была совершенно безопасна, и донское правительство не держало здесь ни одного солдата.

Сначала германское командование не обращало внимания на то, что офицеры едут из Украины в Добровольческую армию, и даже оказывало им содействие в этом: оно пропускало снаряжение одинаково как на Дон, так и на Кубань и в Добровольческую армию. Но когда после взятия добровольцами Екатеринодара туда прибыл бывший редактор «Киевлянина» Шульгин, во главе отдела внешних сношений стал генерал А. М. Драгомиров, в Екатеринодаре стали появляться в газетах статьи с призывом объявления войны Украине и изгнания немцев. Майор фон Кокенхаузен обратился к донскому атаману с просьбой повлиять на Деникина в том смысле, чтобы он прекратил газетную травлю гетмана Скоропадского и возбуждающие против немцев статьи. Деникин не обратил внимания на просьбу атамана, и тогда немцы стали делать затруднения офицерам в проезде к Деникину, поставили атаману условие, чтобы выдаваемые ему оружие и снаряды не были отправляемы в Добровольческую армию. Для наблюдения за этим в селении Батайск немцами была поставлена застава. Войско Донское продолжало, однако, снабжать Добровольческую армию и оружием, и патронами, посылая часть того, что получало, Деникину, минуя немцев, через Новочеркасск и далее степью на грузовых автомобилях на станцию Кагальницкую. Немцы знали про это, но закрывали на это глаза.

Но к Добровольческой армии отношения немцев резко изменились. Немцы стали считать Деникина своим врагом и в противовес Добровольческой армии стали формировать южную армию и астраханский корпус. Формирования эти по

причинам, которые будут указаны ниже, большого успеха не имели.

За первые полтора месяца немцы передали Дону, кубанцам и Добровольческой армии 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109 104 артиллерийских снарядов и 11 594 721 ружейный патрон. Треть артиллерийских снарядов и одна четверть патронов были уступлены Доном Добровольческой армии.

В середине июня на Дону распространились слухи о том, что чехословаки занимают Саратов, Царицын и Астрахань, с целью образовать на Волге «восточный фронт» для наступления на Германию. Как ни были невероятны эти слухи, тем не менее они взволновали германское командование, и 27 июня в Новочеркасск к атаману прибыли майоры фон Стефани, фон Шлейниц и Кокенхаузен. Разговор происходил в присутствии председателя совета управляющих генерала Богаевского. Немецкое командование заявило атаману, что оно всеми силами, до вооруженного вмешательства, поддерживало и помогало Донскому войску в его борьбе с большевиками, что оно готово и впредь оказывать эту помощь, что германское командование отстаивает перед Украиной неприкосновенность границ войска Донского и Германия считает себя союзницей донских казаков в борьбе с большевиками. Со стороны же Донского войска немцы видят только холодное отношение к себе. Теперь, когда создается опасность войны на востоке, когда на волжском фронте может образоваться чехословацкий фронт, который союзники могут использовать для своего наступления, Германия хотела бы знать, какую политику поведет в этом случае Донское войско, Кубань и вообще юго-восточный союз.

Это были дни, когда войско Донское только что начало освобождаться от большевиков. Оно по-прежнему было одиноким в борьбе. Немцы помогали оружием, но живую силою помогать избегали. Добровольческая армия и кубанцы были заняты своим делом и настолько мало интересовались Доном, что как раз в эти дни части Добровольческой армии, обеспечивающие Кагальницкую и Мечетинскую станицы, по стратегическим соображениям, без уведомления о том донского атамана, были сняты, и угроза висела над Новочеркасском.

Сказать германцам, что войско Донское примкнет к чехословакам и пойдет войною на немцев, значило, в лучшем случае, лишиться и последней помощи, в худшем — быть раздавленными немцами. Атаман не верил в это чехословацкое наступление. Взвесив все эти обстоятельства, атаман заявил майору фон Стефани, что Дон останется нейтральным и не допустит войны на своей территории.

Представители германского командования удовлетвори-

лись его ответом, но пожелали, чтобы это были не только слова, но чтобы они были закреплены в письменной форме, было решено, что атаман напишет германскому императору письмо, в котором выскажет свои взгляды на отношения к Германии.

28 июня атаманом было составлено следующее письмо главе германского народа¹:

«Ваше императорское и королевское величество...

Два месяца борьбы доблестных донских казаков, которую они ведут за свободу своей родины с таким мужеством, с каким в недавнее время вели против англичан родственные германскому народу буры, увенчались на всех фронтах нашего государства полной победой, и ныне земля Всевеликого войска Донского на девять десятых освобождена от диких красногвардейских банд.

Государственный порядок внутри страны окреп, и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войск создалась тишина на юге войска, и мною приготовлен корпус казаков для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствованию натиску врагов извне. Молодому государственному организму, каковым в настоящее время является Донское войско, трудно существовать одному, и поэтому оно заключило тесный союз с главами Астраханского и Кубанского войск, полковником князем Тундутовым и полковником Филимоновым, с тем, чтобы по очищении земли Астраханского войска и Кубанской области от большевиков составить прочное государственное образование на началах Федерации из Всевеликого войска Донского, Астраханского войска с калмыками Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии, по мере освобождения, и Терского войска, а также народов Северного Кавказа... Вновь образуемое государство... решило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кровавых столкновений, и обязалось держать полный нейтралитет.

Атаман Зимовой станицы (посланник) при дворе в. и. в. уполномочен просить признать права Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения последних — Кубанского и Астраханского, и Терского войск и Северного Кавказа, — право на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского союза...

Просить содействовать к присоединению к войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа и станций Лиски и Поворино и провести границу войска Донского, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице.

¹ Печатается с некоторыми несущественными сокращениями

Просить оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз, от разбойничьих отрядов Красной гвардии и дать возможность восстановить нормальные мирные отношения между Москвой и войском Донским. Все убытки населения войска Донского, торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмещены советской Россией.

Просить помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах войска Донского орудийный, ружейный, снарядный и патронный заводы...

Всевеликое войско Донское обязуется за услугу соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие и атаман Астраханского войска кн. Тундутов и кубанское правительство, а по присоединении — остальные части Доно-Кавказского союза.

Всевеликое войско Донское предоставляет Германской империи права преимущественного вывоза избытков, за удовлетворением местных потребностей, хлеба зерном и мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовления государственных бумаг с соответствующим запасом материалов, оборудование суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и других заводов и электротехнические принадлежности.

Кроме того, правительство Всевеликого войска Донского предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в Донские предприятия, промышленные и торговые, в частности, по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей...»¹

Письмо это было рассмотрено 2 июля в Совете управляющих отделами. Отношение к нему было сдержанное, скорее даже отрицательное. После доклада командующего войсками о том тяжелом положении, в котором находятся войска не только Донской, но и Добровольческой армии, о полной не-

¹ Текст взят из разосланного г М В Родзянко письма, почему за точность выражений не ругаемся. Содержание же верно

зависимости от того, будут ли эти армии в достаточном количестве и своевременно снабжены патронами и снарядами, Совет управляющих одобрил это письмо.

ГЛАВА V

Результаты письма императору Вильгельму. — Активная помощь Дону. — Восстановление старых границ Земли войска Донского. — Ослабление натиска большевиков. — Большой войсковой круг. — Интриги против атамана. — Вмешательство немцев. Атаман Краснов вторично избран атаманом.

Письмо это имело громадные последствия.

29 июля Украина сообщила о признании старых границ Донского войска, и донские власти вошли в Таганрог и Таганрогский округ. Натиск большевиков действительно ослабел, и донские войска вышли за пределы Земли войска Донского и победоносно вступили в Воронежскую и Саратовскую губернии. Германские гарнизоны были поставлены в зависимость от атамана и оставались лишь там, где атаман считал их присутствие необходимым. Таким образом, они вскоре покинули Донецкий округ и оставались только в Ростове и Таганроге, где атаман находил их присутствие необходимым до тех пор, пока полки молодой Донской армии не будут в состоянии их сменить. В Ростове была образована смешанная доно-германская экспортная комиссия, нечто вроде торговой палаты, и Дон начал получать сначала сахар из Украины, а затем должен был получить все просимые им товары из Германии. В войско Донское были отправлены тяжелые орудия, в посылке которых до этого времени германцы отказывали. Наконец, германское командование предложило участие своих войск для операций по овладению Царицыном, но атаман это предложение отклонил, надеясь, что Добровольческая армия, как это было условлено в Маньчской 15 мая, по овладении Екатеринодаром перейдет в наступление на север и вместе с донцами овладеет Царицыном. Дон был весь свободен от большевиков и достиг большого процветания внутри. Атаман созвал Большой войсковой круг на 15 августа. Германцы были настолько внимательны к атаману, что в районе, ими занимаемом, сами следили за охранением внутреннего порядка во время выборов на круг...

Все это были положительные результаты письма и тех переговоров, которые велись герцогом Лейхтенбергским и генералом Черячукиным (посланником войска Донского в Берлине. — *Ред.*) в эти трудные дни. Это было время последнего германского наступления на Париж, и гордые своими победами немцы возили генерала Черячукина на позиции, где он

лично мог убедиться в силе и мощи германской армии и страшном могуществе ее артиллерии.

Но вместе с тем письмо это было употреблено во вред атаману. Вследствие предательства отдела иностранных дел, где письмо это переводилось и печаталось, копия этого письма попала в руки враждебной атаману партии. Она была размножена с соответствующими комментариями и послана во все станицы для того, чтобы повлиять на окружные круги, где обсуждались кандидаты в атаманы. Наконец оно было напечатано в екатеринодарских газетах.

Донского атамана обвиняли в измене России, в предательстве Дона немцам, в страшной «германской ориентации». Агитаторы из Екатеринодара поехали по станицам и прямо говорили, что атаман продал Дон немцам.

Но агитация эта не имела успеха. Простым умом своим донской казак понял одно, что атаман стремится всеми силами дать мир и благосостояние Донскому войску и считается с силами, что те же, кто говорит против атамана, стараются вовлечь его в бесконечные войны и заставить служить для союзников.

Круг собрался 15 августа. Это уже не был сплошной, однородный серый круг, каким был Круг спасения Дона. Интеллигенция и то, что еще хуже, полуинтеллигенция, народные учителя, мелкие адвокаты, вошли в него, сумели овладеть умами казаков, и круг разбился уже не только географически по округам и по станицам, но и по политическим партиям. Председателем круга был не пылкий патриот Янов, вся вера которого заключалась в горячей любви к Донскому войску и казаку, но лидер кадетской партии В. А. Харламов, бывший членом Государственной думы, опытный парламентарий, искушенный в политической борьбе. Партии, настроенные против атамана, повели свою подпольную работу.

Управляющий отделом иностранных дел генерал-майор Богаевский, выставляемый Добровольческой армией как кандидат в атаманы, сдавая перед кругом отчет о работе отдела, упомянул и о письме имп. Вильгельму, написанном единолично атаманом. Письму была придана особая таинственность. Это было сделано с целью повлиять на умы серой части круга и пошатнуть ее доверие к атаману.

После речи А. П. Богаевского встал атаман и громко и честно прочел кругу свое письмо имп. Вильгельму и заявил, что всю ответственность за него он берет на себя.

В заседании 24 августа круг постановил:

«Одобрить общее в отношении центральных держав направление политики правительства, основанной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения Дона в борьбу ни за, ни против Германии.

Приветствовать наладившиеся добрососедские отношения

с родственной Украиной и указать правительству на необходимость дальнейшего сближения в общих интересах Дона и Украины».

Народная мудрость и национальный эгоизм одержали верх над хитрыми выпадами политических партий. Победа осталась за атаманом. Одновременно политические враги шли по другому пути, более опасному для атамана. Благодаря большевистской и социалистической пропаганде слово **ц а р ь** было все еще жупелом для многих людей и из серой части круга. С именем царя неразрывно связывали представление о суровом взимании податей, о продаже за долги государству последней коровенки, о засилии «помещиков и капиталистов», о белопогонниках-офицерах и об «офицерской палке». **Ц а р ь и м о н а р х и я** противопоставлялись понятию **с в о б о д а**. Между тем атаман служил торжественную панихиду по зверски убитому большевиками царю и отдал об этом приказ; официозная газета «Донской край» редактировалась опытным и талантливым писателем И. А. Родионовым, считавшимся ярким монархистом, и в ней помещались статьи, говорившие благожелательно о восстановлении монархии в России. Для членов круга, желавших свалить атамана, была благодатная почва, и 18 августа было весьма бурное заседание, где левые партии требовали немедленной смены редактора Родионова. Им удалось так разжечь настроение на кругу, что атаман не считал возможным оставаться на своем посту. 20 августа атаман заявил об отставке.

Депутация от круга во главе с председателем поехала во дворец и уговорила атамана вернуться и оставаться на посту впредь до выборов. Атаман согласился, но просил ускорить выборы.

Германское командование с глубоким интересом следило за всем происходящим на кругу. Немцы волновались оттяжкой выборов, они видели разлагающее действие круга на армию и, несмотря на всю свою сдержанность, решили предупредить атамана, что если Дон станет опять ареной политической игры, то они откажутся ему помогать.

4 сентября майор Кокенхаузен писал из Ростова атаману в этом духе.

К этому времени на Дону наметились два кандидата в атаманов: генерал Краснов — «германской ориентации», сторонник свободного Дона, и генерал Богаевский — «союзнической ориентации», сторонник подчинения генералу Деникину.

12 сентября наконец круг приступил к выборам атамана.

В 1-м часу ночи 13 сентября закончился подсчет записок, поданных для выборов атамана. Из 338 записок 234 были поданы за генерала Краснова, 70 — за генерала Богаевского, 33 записки пустые и одна — за войскового старшину Янова...

Атаман Краснов остался на своем посту.

ГЛАВА VI

«Ориентация» атамана. — Его взгляд на союзников по речам и действиям. — Отношение к немцам. — «Самостийность» атамана. — Подготовка к движению для освобождения Москвы.

Был ли действительно атаман «германской ориентации» и самостийником? Это обвинение было пущено врагами атамана, собравшимися в Екатеринодаре, — Сидориным и Гушиным, которых атаман отозвал из Киева и к которым высказал полное недоверие ввиду их прошлой некрасивой деятельности (Сидорина — в дни похода Корнилова на Петроград и Гущина — в первые дни революции), Семилетовым, уволенным от командования партизанами, Родзянко, высланным из Новочеркасска за вредную политическую деятельность, С. П. Черевковым и другими. Оставшись без дела при шумном и многолюдном штабе Деникина, они вымещали свою злобу на атамане в клевете на него.

Если обратиться к речам и поступкам атамана, то трудно найти в них какую-то особую симпатию к немцам и тем более самостийность...

Россию должна спасать сама Россия, — это он понимал твердо. Он гнал всякую мысль о помощи извне, и родной Дон он стремился спасти силами донских казаков. Но он отлично понимал, что спасти Дон — это одна задача, спасти Россию — задача другая. Ко всем иностранцам — будь то союзники или немцы — атаман относился отрицательно. Он твердо верил, что прошли те времена, когда проливали кровь и воевали «pour les beaux de la reine de Prusse»¹, он знал, что и немцы, и французы, и англичане едут в Россию не для России, а для себя, чтобы урвать с нее, что можно, и отлично понимал, что Германии и Франции по взаимно противоположным причинам нужна Россия сильная и могущественная, «единая и неделимая», а Англии, напротив, — слабая, раздробленная на части, быть может, федеративная, пожалуй даже — большевистская. И потому Германии и Франции атаман верил, Англии же не верил нисколько. Все стремления атамана были направлены к тому, чтобы независимо от иностранцев поставить Дон на ноги, дать ему все, что нужно для борьбы.

Едва только он получил Таганрог, как сейчас же забрал Русско-Балтийский завод, приспособил его для выделки ружейных и артиллерийских трехдюймовых патронов и достиг к ноябрю 1918 года выделки 300 000 ружейных патронов в сутки; он вел переговоры об устройстве своего порохового завода и снаряджательной мастерской. Атаман поставил на рабо-

¹ «За прекрасные глаза прусской королевы».

ту все ремесленные школы и гордился тем, что вся Донская армия одета с ног до головы в «свое», что она сидит на своих лошадях и на своих седлах. У императора Вильгельма он просил машин, фабрик, чтобы опять-таки как можно скорее освободиться от опеки иностранцев. Его о р и е н т а ц и я сквозила во всех его речах и на кругу, и особенно в станицах и войсковых частях. Это была ориентация р у с с к а я — так понятная простому народу и так непонятная русской интеллигенции, которая привыкла всегда кланяться какому-нибудь иностранному кумиру и никак не могла понять, что единый мир, которому стоит кланяться, — это родина.

Добровольческая армия, как армия не народная, а интеллигентская, офицерская, не избежала этого и рядом со знаменем «единой и неделимой» воздвигла алтарь непоколебимой верности союзникам во что бы то ни стало. Эта верность союзникам погубила императора Николая II, она же погубила и Деникина с его Добровольческой армией.

Атаман смотрел на немцев, как на врагов, пришедших мириться с протянутой для мира рукою, и считал, что у них он может п р о с и т ь, но когда пришли союзники, то на них он смотрел, как на должников перед Россией и Доном, и считал, что они обязаны вернуть свой долг и с них нужно т р е б о в а т ь.

Дальше история сношений войска Донского покажет ярко, какова была ориентация атамана.

В деле обвинения в самостийности вопрос гораздо сложнее. Атаман вступил в управление войском вскоре после Каледина, которого погубило доверие к крестьянам, знаменитый «паритет». Дон раскололся в это время на два лагеря — казаки и крестьяне. Крестьяне, за малым исключением, были большевиками. Там, где были крестьянские слободы, восстания против казаков не утихали. Весь север войска Донского, где крестьяне преобладали над казаками, Таганрогский округ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского округа, города Ростов и Таганрог, слобода Батайск были залиты казачьей кровью в борьбе с крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой. Крестьяне изменяли казакам, уходили к большевикам и насильно, на муки и смерть, уводили с собою донских офицеров. Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от р у с с к и х. Атаман, являясь ставленником казаков, не мог с этим не считаться. Он не мог допустить и мысли о каком-либо п а р и т е т е, потому что это погубило бы Дон, погубило бы все дело.

«Казачий круг! — говорил он кругу 16 августа. — И пусть казачьим он и останется.

Руки прочь от нашего казачьего дела — те, кто проливал нашу казачью кровь, те, кто злобно шипел и бранил казаков! Дон для донцов!

Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни, хозяева этой земли.

Вас будут смущать обиженные города и крестьяне. Не верьте им. Помните, куда завел атамана Каледина знаменитый паритет. Не верьте волкам в овечьей шкуре. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся к ним. Пусть свободно и вольно живут на Дону гостями, но хозяева только мы, только мы одни... казаки!»

Вот где самостийность атамана. В страшном домашнем споре о земле и правах на нее! Атаман понимал, что этого вопроса трогать нельзя, но, как только вопрос коснулся общей политики, атаман счел, что Дон не только неразделимая часть России, но что он обязан бороться и восстанавливать «единую и неделимую»...

Атаман решил идти с казаками спасать Россию не только на словах, но и на деле. Он готовил и берег для этого особый корпус молодых казаков: 1-я Донская казачья дивизия — 5 тысяч шашек и 12 конных орудий; 1-я пластунская бригада — 8 тысяч штыков, 8 полевых орудий, 4 тяжелых орудия; 1-я стрелковая бригада — 8 тысяч штыков, 8 полевых орудий и 4 мортиры; 1-й саперный батальон — 1 тысяча штыков; все технические войска — броневые поезда, аэропланы, броневые машины и пр. — должны были идти с Деникиным на Москву. Их особо снаряжали, особо воспитывали и прививали им идею похода для спасения России. Но Деникин требовал, чтобы пошло все войско, чтобы оно дошло до полного напряжения и выставило 200-300 тысяч борцов, атаман же давал всего около 30 тысяч — в этом была его самостийность. Но атаман знал, что все казаки на Москву н и з а ч т о н е п о й д у т, а эти 30 тысяч, а за ними столько же охотников, н а в е р н о е, п о й д у т. Атаман чувствовал, что у него нет силы заставить пойти, и потому делал все возможное, чтобы пошли сами. Деникин решил заставить пойти...

21 сентября круг наконец разъехался. Врагам атамана не удалось ни свалить его, ни уменьшить или обрезать его права. Напротив, в заседании 15 сентября круг составил указ, в котором было сказано:

«Пусть казак и гражданин Всевеликого войска Донского памятует о своем долге перед родным краем. Пусть в каждом из нас атаман найдет верных исполнителей. Одна мысль, одна воля да объединит нас: помочь атаману в его тяжелом и ответственном служении Дону...»

Эта мысль была у всего круга, кроме маленькой части политических врагов атамана. Эти политические враги не разъехались. Они остались вместе с председателем круга В. А.

Харламовым в Новочеркасске в законодательной комиссии, завели тесные сношения с Екатеринодаром и повели серьезную подпольную работу для замены атамана Краснова — «г е р м а н с к о й о р и е н т а ц и и» — атаманом Богаевским — «с о ю з н и ч е с к о й о р и е н т а ц и и». На случай прибытия союзников готовилась полная перемена декорации.

ГЛАВА VII

Первоначальная организация народной Донской армии. — Вооружение. — Снаряжение. — Офицерский состав. Дисциплина. — Тактика. — Отношение к пленным. — Реорганизация армия. — Сведения дружин и станичных полков в тактические единицы. — Молодая армия. — Донской флот. — Численность армии к осени 1918 года. — Снабжение ее.

Ко времени занятия казаками Новочеркаска и вступления в управление войском Донским атамана все вооруженные силы Донского войска состояли из шести пеших и двух конных полков при 7 орудиях и 11 пулеметах, составлявших северный отряд полковника Фицхелаурова, одного конного полка в Ростове и нескольких небольших отрядов, разбросанных по всему войску, — сила, численность и вооружение которых ни атаману, ни командующему войсками не были известны. Дон кипел восстаниями и поднялся весь от крайнего севера до юга. Но сведения о восставших, об их силе, об успехах их борьбы первое время приходили лишь со случайными людьми, прорывавшимися сквозь большевиков и приво- зившими известия в Новочеркасск.

Полки имели дружинную, станичную организацию. Каждая станица выставяла свой полк из казаков-охотников, добровольцев. Сила полков была разная и колебалась от величины станицы и от того, каков был патриотический подъем в станице. Обыкновенно после прочтения воззвания и речей служили молебен, и после молебна выходило на фронт очень много. Но по пути многие отдумывали, многих отговаривали жены. Шли больше старики и юная зеленая молодежь, фронтовики серьезничали, ждали приказа, и если собирались, то «своим» полком, и тогда были по большей части отлично одеты и организованы. От этого и сила полков была разная. Одни станицы выступали почти поголовно и дали полки 2—3 тысячи человек, в других, напротив, едва насчитывалось 300—500. Полки были пешие, но при каждом полку была непременно своя конная часть от 30 до 200—300 человек.

Район военных действий был так близок к станицам, что с наступлением темноты, когда бой затихал, на «позицию» являлись пешком и на телегах жены, отцы, матери и дети бой-

цов и приносили хлеб, молоко, мясо. Здесь иногда происходили душераздирающие сцены, когда пришедшие находили своего близкого убитым или тяжело раненным. Легкораненные оставались в строю, и были казаки, имевшие по пять-шесть ранений.

Офицеры в полках были свои же станичники. Если их не хватало, брали казаков-офицеров из других станиц, брали офицеров и неказаков, но им первое время не доверяли и к ним присматривались. Если офицер оказывался молодец, его зачисляли к себе в станицу казаком и не отказывали в земельном наделе.

С казаками бороться против большевиков пошли и многие крестьяне, жившие поблизости от станиц и в самих станицах. Этих казаки приговором станичного общества зачисляли в казачье сословие. Такие добровольцы дрались отлично и подавали пример удалы казакам.

Казаки в бою действовали великолепно, с громадных мужеством и искусством. Младшие офицеры были хороши, но в сотенных и полковых командирах ощущался большой недостаток. Пережившие за время революции слишком много оскорблений и унижений, старшие начальники недоверчиво относились к казачьему движению и первое время прятались по станицам и в Новочеркасске, избегая идти на фронт.

Одеты казаки были в свое полувоенное платье, многие по форме и по летнему времени достаточно хорошо. Недоставало только сапог. До 30% вместо сапог имели опорки, лапти, а многие и вовсе были босиком. Почти все носили погоны. Если у кого не было погон, то не потому, что он их не признавал, а потому, что у него их не имелось и негде было достать, но при первом же случае он их добывал и с гордостью надевал на себя. Офицеры за редким исключением были в погонах. Все имели на фуражках или папах белую полосу для отличия в рукопашном бою от Красной гвардии.

Дисциплина была братская. Офицеры ели с казаками из одного котла, жили в одной хате — ведь они и были роднею этим казакам: часто у сына в строю во взводе стоял отец или дядя, — но приказания их исполнялись беспрекословно, за ними следили и если убеждались в их храбрости, то поклонялись им и превозносили.

Штабы были маленькие. Штаб «отряда», ведшего совершенно самостоятельные операции, состоял из начальника штаба и одного-двух адъютантов. Для хозяйственных целей сами станицы отряжали к отряду нескольких «общественных деятелей», представителей кооперации или торговых казаков, которые распределяли добычу, взятую у неприятеля, и заботились о правильном снабжении всем необходимым отряда. Добыча, из чего бы она ни состояла, считалась собственностью отряда и сейчас же шла: одежда и оружие на пополнение

отряда, а остальное отправлялось в станицу, к себе, в дома, или в общую станичную казну. На случай получения оружия от неприятеля в тылу всегда бывало достаточно мобилизованных, но еще не вооруженных казаков.

Бой был краткотечен. Если он начинался с рассветом, то обыкновенно к полудню он уже завершался полной победой. Окопов и укреплений не строили. Самое большее, что окапывались лункой для защиты плеч и головы, большею же частью лежали открыто. Шанцевого инструмента было мало, да и окапываться мешала природная казачья леность. Тактика была проста. Обыкновенно на рассвете начинали наступление очень жидкими цепями с фронта, а в то же время какою-либо замысловатою балкою двигалась обходная колонна главных сил с конницею во фланг и тыл противнику. Если противник был в десять раз сильнее казаков, — это считалось нормальным для казачьего наступления. Как только появлялась обходная колонна, большевики начинали отступать, тогда на них бросалась конница с леденящим душу гиком, опрокидывала их, уничтожала и брала в плен. Иногда бой начинался притворным отступлением верст на двадцать казачьего отряда, противник бросался преследовать, и в это время обходные колонны смыкались за ним, и он оказывался в мешке. Такою тактикою полковник Гусельщиков с Гундоровским и Мигулинским полками в 2—3 тысячи уничтожал и брал в плен целые дивизии Красной гвардии в 10—15 тысяч, с громадными обозами и десятками орудий. Отличное знание местности, природная военная сметливость казаков, их неутомимость в преследовании сильно помогали им в этой тактике, всегда основанной на маневре.

Казаки требовали, чтобы офицеры шли впереди. Поэтому потери в командном составе были очень велики. Начальник целой группы генерал Мамонтов был три раза ранен и все в цепях.

В атаке казаки были беспощадны. Так же они были беспощадны и с пленными. Когда казаки у хутора Пономарева захватили знаменитого Подтелкова, сопровождаемого 73 казаками, оставшимися при нем, они устроили полевой суд. Полевой суд приговорил Подтелкова и двух его помощников-комиссаров к повешению, а 73 казаков конвоя — к расстрелу. Казнь сейчас же была приведена в исполнение в присутствии всех хуторян. Старуха-казачка соседнего хутора жалела очень, что она не успела посмотреть, «как этих злодеев вешать будут»... Пленных отправляли на работы в поля и каменно-угольные копи, пленные же чистили Новочеркасск и исправляли все то, что испортили и запаковали большевики. Лишь очень небольшое число пленных ставили в строй. Особенно суровы были казаки с пленными казаками, которых считали изменниками Дону. Тут отец спокойно приговаривал к смерти сына и не хотел проститься с ним.

Атаман и командующий армией приложили все усилия к тому, чтобы внести полный порядок в организацию армии и боевые действия, построить организацию на началах военной науки, добиться правильного управления отрядами, не нарушая в то же время ее народного характера.

12 мая войсковому штабу было подчинено 14 самостоятельных отрядов.

К 1 июня командующему армией удалось связать мелкие отряды в более крупные соединения, и в управлении его находилось уже всего шесть групп: полковника *Алферова* — на севере Дона, генерала *Мамонтова* — под Царицыном, полковника *Быкадорова* — под Батайском, полковника *Киреева* — под Великокняжеской, генерала *Фицхелаурова* — в Донецком районе и генерала *Семенова* — в Ростове. Все эти группы были связаны с Новочеркасском телеграфом (по большей части с аппаратами Юза) и телефоном. Кроме того, работали три радиостанции: в Новочеркасске, Каменской и Мечетинской. Все это имущество было отбито у большевиков.

Командующий армией приступил к постепенной реорганизации отрядной системы в общеармейскую. К этому времени 25 возрастов казаков было мобилизовано, а всего под ружьем находилось 27 000 пехоты, 30 000 конницы, 175 орудий, 610 пулеметов, 20 самолетов и 4 бронированных поезда, не считая молодой, постоянной армии. В августе месяце по приказу атамана командующий армией постепенно заканчивал реорганизацию мобилизованных частей. Станичные полки сводились по несколько в один, образуя номерные пешие полки двух- и трехбатальонного состава по 1000 штыков в батальоне при 8 пулеметах на батальон, конные полки были сведены в шестисотенные полки, по 16 рядов во взводе при 8 пулеметах на полк, орудия были выделены из состава полков, сведены в четырехорудийные пешие и конные батареи. Пешие полки были сведены в бригады и дивизии, конные полки тоже составили бригады и дивизии, к ним приданы артиллерийские четырехбатарейные бригады и двухбатарейные дивизионы. Дивизии сведены в корпуса, которые поставлены на 4 фронтах: северном — для наступления на Воронежскую губернию, северо-восточном — для обороны балашовского управления — между Урюпинской и Усть-Медведицкой станциями, восточном — у Царицына и юго-восточном — у станции Великокняжеской.

К этому же времени почти было закончено формирование постоянной армии из молодых казаков 19- и 20-летнего возраста. Эта молодежь, не бывшая на русско-германской войне, не усталая, не развращенная большевистской пропагандой, не знавшая ни комитетов, ни комиссаров, была собрана в 3 лагерях — Персиановском, Власовском и Камен-

ском и составила 2 пехотных бригады — пластунскую и стрелковую, 3 конные дивизии, саперный батальон и технические части, а также легкую, конную и тяжелую артиллерию. Части эти были нормального российского штата, имели казенных лошадей и все казенное обмундирование и снаряжение от войска, штатный обоз, были воспитаны, муштрованы и обучены по старым русским уставам и составляли гордость войска Донского.

26 августа донской атаман представил Большому войсковому кругу всю молодую армию, собранную под Новочеркасском в Персиановском лагере. Всего было 7 батальонов, 33 сотни спешенных казаков, 6 батарей без запряжек (одна прислуга), 16 конных сотен, одна мортирная батарея и 5 аэропланов.

Ввиду того, что почти все станицы войска Донского расположены по реке Дону и в летнее время река Дон является такою же важною артерией, как и железнодорожные пути, атаман одновременно с постройкою броневых поездов был озабочен и созданием речной флотилии. Часть пассажирских пароходов была приведена в боевое положение, на них поставлены полевые орудия на вращающихся платформах и установлены пулеметы. Было положено начало боевому флоту. К зиме 1918 года в донском флоте было 8 судов: яхта «Пернач», бывшая океанская яхта великого князя «Тамара», речные пароходы — «Донец», «Кубанец», «Цымла», «Вольный Казак» и «Новочеркасск» и морские пароходы — «Христофор» и «Сосьетэ». Речные пароходы несколько раз совершали боевые плавания по Дону, очищая от большевиков захватываемые ими станицы — особенно Цимлянскую и Нине-Курмоярскую, а пароходы «Христофор» и «Сосьетэ» плавали в порты Румынии и Крыма и доставили оттуда для донской армии 12 шестидюймовых морских длинных пушек Канэ, которые были установлены на изготовленные в Ростове броневые поезда, 4 мелких орудия Канэ, 100 пулеметов, 9 аэропланов, 500 000 ружейных патронов и 10 000 снарядов. Для подготовки личного состава донского флота был устроен в городе Таганроге флотский береговой батальон.

К зиме 1918 года донская армия и флот приняли стройную организацию, были снабжены всем необходимым, закалены в постоянных боях с неприятелем и были готовы к наступлению совместно с союзниками и Добровольческой армией на Москву для спасения России.

Армия имела к этому времени 1282 офицера, 31 300 бойцов на фронте, 79 пушек и 267 пулеметов и, кроме того, молодую армию в составе 20 000 бойцов. Технические средства армии состояли из 68 самолетов, 14 броневых поездов, 3 броневых автомобилей, химического взвода, имевшего 257 баллонов с

удушливыми газами и 15 тысяч дымовых шашек, 450 самокатов, более 3000 верст телеграфного и телефонного кабеля и с лишком 2000 аппаратов.

Артиллерийским, инженерным и интендантским довольствием Донское войско снабжалось сначала исключительно ввозом из Украины, но постепенно все снабжение становилось самостоятельно.

Для этой цели войсковое интендантство организовало суконную фабрику с производством 500 аршин сукна шинельного и рубашечного в месяц и поставило на работы все военно-ремесленные школы.

С весны 1919 года Донская армия должна была совершенно выйти из-под иностранной опеки, но обстоятельства сложились иначе. Нужно внимательно проследить за ходом боевых операций на Дону для того, чтобы вполне уяснить, почему войско Донское, так успешно развивавшееся до прихода союзников на юг России, погибло, как только слилось с Добровольческой армией.

Историю борьбы донцов с большевиками можно разделить на следующие три периода:

Период первый — народная война казачьей народной армии против разбойничьих шаек большевиков — Красной гвардии.

Период второй — народная война казачьей народной армии против Красной рабоче-крестьянской народной армии за целостность своих станиц.

Период третий — классовая война Добровольческой армии, в которую влились, как части, казачьи армии, против рабоче-крестьянской Красной Армии.

Первые два периода были при косвенной помощи германцев, последний — под руководством и при материальном участии союзников — французов и англичан.

ГЛАВА VIII

Постепенное очищение войска Донского от большевиков. — Соединение восставших казаков на севере с южными округами. — Образование единого фронта. — Движение за пределы войска. — Необходимость посторонней поддержки.

Немедленно по овладении Новочеркасском полковник Денисов, произведенный Кругом спасения Дона в генерал-майоры, решил для окончательного закрепления за собою Новочеркасска овладеть городом Александро-Грушевским, куда отступили красные войска. Эта операция была поручена северной группе войск под начальством генерал-майора Фицхелаурова.

28 апреля¹ генерал Фицхелауров с боем занял город, а вслед за тем своими конными частями очистил весь угольный район и призвал рабочих к мирной работе.

Одновременно в Донском округе, на реке Белой Калитве, 25 апреля, самостоятельный станичный Ермаковско-Екатери-нинский отряд разбил красногвардейский эшелон и отнял целый поезд с боевыми припасами (около 5000 артиллерийских снарядов и 600 000 ружейных патронов), и тогда же пришло известие о крупной победе казаков Мигулинской станицы над большевиками, где тоже была взята значительная добыча.

Все это заставило только что назначенного командующим армией молодого и решительного генерала Денисова спешить для соединения с восставшими казаками и развить действия на север и на северо-восток.

Генералу Фицхелаурову было приказано начать наступление к станице Каменской, по овладении которой повернуть на восток и стремиться к соединению с восставшими казаками 2-го Донского округа, ведшими упорные бои у Нижне-Чирской станицы.

В отряде генерала Фицхелаурова насчитывалось 9000 пехоты и конницы при 11 орудиях и 36 пулеметах.

Между 15 и 19 мая генерал Фицхелауров выбил сильный отряд товарища Щаденко из Морозовской станицы, заставил его отойти к станции Суровикино и начал наступление на Суровикино. Отходящие вдоль железной дороги к Царицыну части Щаденко нападали с тыла на части генерала Мамонтова и поставили его в очень тяжелое положение, принудив бороться на два фронта. Были дни, когда положение генерала Мамонтова, имевшего очень мало патронов, было критическим. Казаки мамонтовской группы уже готовы были призвать на помощь немцев, но донской атаман не разрешил им этого, убедивши, что они сами справятся с большевиками.

1 июня войска генерала Фицхелаурова и генерала Мамонтова совместными усилиями овладели станцией Суровикино и принудили Щаденко бросить железную дорогу и грунтовыми путями отойти к станции Чир.

Это была первая победа донцов, имевшая стратегическое значение. Благодаря уничтожению отряда Щаденко казаки Верхне-Донского, Донецкого и 2-го Донского округов объединились с казаками южных округов, и, таким образом, из 10 округов восемь получили единое командование, да и с боровшимися на севере войска Донского — в Хоперском и Усть-Медведицком округах — отрядами была установлена связь. Главное было достигнуто, командующий армией при-

¹ Все числа поставлены по старому стилю.

ступил к систематической очистке станиц и слобод от Красной гвардии.

Здесь ему и донскому атаману пришлось столкнуться с местным казачьим патриотизмом. В некоторых казачьих частях были митинги и выносились резолюции о том, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границ. Многие окружные атаманы, атаманы станиц и даже просто коменданты станций и пристаней самовольно выносили постановления о невывозе из пределов станицы хлеба, реквизировали проходящие через них грузы. Большевистский яд крепко впитался в их натуру, и Дону грозила опасность расколоться на части и погибнуть во взаимной вражде. Атаман суровыми мерами расправился с митинговавшими полками, предал полевому суду самовольцев; эти меры, с одной стороны, с другой — благородный порыв некоторых полков, как, например, Гундоровского и Егорлыцкого, которые по первому приказу выступили за пределы своих округов и пошли отстаивать войско, а не свои станицы, вернули армию к порядку. Эти случаи заставили спешить атамана с постепенным уничтожением станичных дружин и заменой их номерными полками, где местный патриотизм был бы сглажен и заменен патриотизмом общевойсковым. Эти случаи показали атаману, как нужно быть осторожным при подготовке армии к походу за пределы войска.

Наступление донских частей на север и восток продолжалось. Генералу Фицхелаурову скоро удалось связаться с полковником Алферовым, который еще 14 мая, собравши казаков подле Зотовской станицы, начал успешную борьбу против Красной гвардии. В Хоперском округе ничего не знали ни об освобождении Новочеркасска, ни об избрании атамана. Почти одновременно и генерал Мамонтов вошел в связь с отрядами полковников Старикова и Секретева, очищавших от большевиков Усть-Медведицкий округ.

К концу мая все войско Донское представляло единый фронт, подчиненный командующему армией и атаману и имеющий своею базой Новочеркасск и Украину. Отделу снабжения надо было лихорадочно работать, чтобы укрепить этот фронт оружием и средствами борьбы и не дать храбрецам дойти до отчаяния.

Прочная база на Украине, возможность, благодаря германским гарнизонам, быстро наладить транспорт и заставить работать железные дороги помогли атаману довести восстание казаков до страшного напряжения и обратить его в правильную планомерную войну с Красной гвардией.

5 июня командующий армией снарядил речной десантный отряд из пароходов «Новочеркасск» и «Донецк» в составе Каменского полка, силою около 2000 штыков, и конной сотни под общим начальством полковника Дубовского и послал этот

отряд вверх по Дону для окончательной очистки левобережных станиц. Отряд освободил от большевиков станицы Каргальскую и Романовскую и помог Цимлянскому, Нижне-Курмоярскому и Потемкинскому отрядам овладеть всем левым берегом. Красногвардейцы должны были покинуть богатые придонские станицы и хутора, уходить в степь. Здесь им пришлось столкнуться с отрядами, посланными в Задонье. Красная гвардия базировалась на железную дорогу Царицын — Торговая — Тихорецкая. Центральные станции этой дороги — Котельниково и Великокняжеская — явились сильными узлами обороны. Кавказские большевики, не тревожимые пока никем, общались с Царицыном, и силы казаков, слишком незначительные, не могли сломить сопротивления большевиков.

В первых числах июня Добровольческая армия, снабженная и укрепшая в Мечетинской, вышла из своего инертного состояния и начала наступление на Сосыку и Торговую. Одновременно и войска задонской группы Донской армии были выдвинуты на Торговую и Великокняжескую.

17 июня донцы совместно с добровольцами заняли Великокняжескую станицу. В Великокняжеской добровольцы оставили свой гарнизон, а донцы самостоятельно продолжали наступление и заняли станции Двойную, Куберле и Зимовники и таким образом стали выходить во фланг и тыл большевистским бандам, боровшимся против Мамонтова у станции Чир. Гнездо большевиков, слобода Мартыновка, упорно защищавшаяся от казаков и не признававшая атаманской власти, была окружена и через месяц осады сдалась...

История этого периода борьбы в глубине донских степей изобилует полными драматизма эпизодами. Нет возможности описать всех ужасов, всей нравственной нелепости гражданской войны братьев со своими братьями. Казаки долго не могли овладеть Мартыновкой лишь потому, что против нее действовали полки 1-го Донского округа. Большинство казаков имело своих жен из Мартыновки, и, наоборот, многие крестьяне слободы были женаты на местных казачках. Борьба между родичами обращалась в нелепость. Ни казаки, ни слободские большевики не подходили друг к другу ближе чем на две версты, боясь поранить своих. Только тогда, когда атаману удалось вывести части 1-го Донского округа на фронт 2-го Донского округа, а к Мартыновке направить полки Донецкого округа, «родственная» война окончилась и Мартыновка была захвачена.

Движение Добровольческой армии наперерез Владикавказской железной дороге заставило большевиков, торчавших под самым Новочеркасском — в Азове, покинуть побережье Азовского моря и отходить на Кубань. 13 июля на юге войска не оставалось больше большевиков, и Новочеркасск мог быть совершенно спокойным.

Командующий армией стал перебрасывать войска с юга для развития операций на севере по направлению к Воронежу и Камышину.

17 июля казаки-хоперцы овладели станциями Филипово, Панфилово и Кумылга и отрезали Царицын от станции Поворино. Одновременно генерал Фицхелауров вышел к границам Саратовской губернии.

Генерал Мамонтов, оправившись после тяжелых июньских боев у Суровикино, пополнивши свои части и, главным образом, получивши сильную артиллерию, 21 июля перешел в наступление и, сбивши противника с позиции у станции Чир, к 31 июля выгнал его за пределы области и сдавил у Царицына.

Наконец, 27 июля части полковника Алферова вышли на севере за пределы войска и захватили город Богучар Воронежской губернии, который стал опорным пунктом казаков для освобождения России от большевиков.

Войско Донское было свободно от Красной гвардии, в Новочеркасске собрался войсковой круг и приступил к созданию «конституции» и внутреннему строительству. Интеллигентная часть круга, понимая, что не может быть войска Донского вне и независимо от России, стояла на дальнейшем развитии военных действий, серая часть круга, громадное большинство, стояла на принципе «без аннексий», «при свободном самоопределении народов», и самоопределилась в пределах земли войска Донского, не желая переходить его границы.

И несмотря на всю свою силу почти самодержца, атаман чувствовал себя бессильным. Перейти границы войска Донского — это значило из народной войны сделать войну гражданскую, завоевательную в лучшем случае, идти ради добычи, ради грабежа.

Создавался заколдованный круг — идти надо, но идти нельзя. Пойдешь вперед — не будешь иметь успеха, все повернется против тебя.

Атаману удалось добиться постановления круга о переходе границ войска Донского, которое было выражено в приказе Всевеликому войску Донскому следующими словами: «Для наилучшего обеспечения наших границ Донская армия должна выдвинуться за пределы области, заняв города Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач в районах Саратовской и Воронежской губерний».

Но это была мертвая буква. За границу шли неохотно.

— Пойдем, если и «русские» пойдут, — говорили казаки.

Атаман снесся с генералом Деникиным. Он снова и весьма настойчиво просил его оставить кубанцев самим доканчивать освобождение Кубани, как это сделало войско Донское, и самому идти на Царицын и Воронеж. Атаман писал, что

Добровольческая армия и кубанцы имеют против себя одну деморализованную банду товарища Сорокина, тогда как на севере силы большевиков крепнут и сопротивление их почти неодолимо. Екатеринодар занят, 11 сентября на Кубани создается Рада казачья, самое время генералу Деникину идти и становиться самостоятельно, вне казаков.

Но генерал Деникин отказал в этом атаману. Он должен оставаться на Кубани, пока не освободит от большевиков всего Северного Кавказа. Он откладывал свое движение на север и совместные действия с донцами. Он не хотел работать рядом с атаманом, сила и популярность которого в войске была сильнее его популярности. Ему приятнее было иметь дело с мягким и податливым Филимоновым, нежели с крутым и твердым Донским атаманом. С Радой он не считался, с Кругом и Донским атаманом пришлось бы считаться. Генерал Деникин в это время уже не был ни солдатом, ни горячим патриотом, — он был политиком. Политика приковывала его к Екатеринодару и Новороссийску.

Он ждал союзников.

ГЛАВА IX

В поисках союзников. — Украина. — Состояние воинских сил Украины. — Беспомощность гетмана Скоропадского. — Переговоры Украины с Советской республикой. — Свидание гетмана Скоропадского с Донским атаманом на станции Скороходово. — Переписка по этому поводу со штабом генерала Деникина. — Необходимость создания неказачьей армии на севере Донского войска.

В этом тяжелом положении атаман все чаще и чаще присматривался к тому, что делалось рядом, на Украине. Левый фланг его и отчасти тыл — губернии Харьковская, Екатеринославская и Херсонская — были Украиной. Пока на Украине был порядок, пока была дружба и союз с гетманом, атаман мог быть спокоен за свой левый фланг. На гетмана Скоропадского атаман мог положиться. Мало того, с Украиной начинался правильный товарообмен. Дон получал от нее не только оружие и снаряжение, но получал сахар, кожу, сукно и мог развивать свою торговлю.

Но мог ли атаман быть спокоен и уверен в том, что в буре, бушевавшей над Россией, гетман Скоропадский устоит?

У гетмана армии не было. Немцы мешали ему создать таковую. Они боялись осложнений, они оккупировали Украину для своих целей, и им украинская армия была не нужна. Украинские верхи, посаженные волею немцев, боялись объявлять мобилизацию и собирать армию: большевизм был слишком силен в низах, и такая армия могла легко подпасть под

пропаганду большевиков или быть увлеченной авантюристами, коих много бродило тогда по Украине.

Гетман и его приближенные считали, что в то время можно было рассчитывать только на немцев, а если уже придется создавать армию, то создавать ее на особых началах из вольнонаемных добровольцев, набираемых из крестьян-собственников.

На Украине создание армии шло прямо противоположно тому, как создавалась армия на Дону. На Дону народ поднялся против большевиков, собрался в дружины, дружины призывали офицеров, а затем уже работою командующего армией генерала Денисова и его штаба эти дружины выкристаллизовались в полки, дивизии, корпуса и армии, и туда пришлось назначать соответствующих начальников. На Украине целый ряд генералов и офицеров получили назначения командиров корпусов, начальников дивизий и командиров полков, одели оригинальные украинские жупаны, расшитые шнурами, со сборками сзади, отпустили оселедцы, навесили кривые сабли, заняли казармы, наклеили вывески на украинском языке, напечатали уставы по-украински, ввели немецкие слова в команды, издали множество очень интересных военных книг с обложками на украинском языке и с содержанием на русском, но солдат в армии не было.

Создавалась в Киеве из молодых земельных собственников прекрасная дивизия «сечевиков-стрельцов», были офицерские батальоны и нарядный Сумской гусарский полк, но это были тысячи человек, тогда как для защиты Украины и для войны с большевиками требовались сотни тысяч.

Переговоры о мире с Советской республикой затягивались и выливались в форму праздной болтовни и пустого митинга. Советская республика недвусмысленно грозила восстанием в тылу, общественные деятели левого толка, подобные Петлюре, поднимали голову и говорили против гетмана, и если все это еще не выступало открыто, то только потому, что молчаливо стояли повсюду часовые в германских касках, и грозное «Halt» заставляло поджимать хвосты самых смелых политических шавок.

Однако гетман чувствовал, что опираться вечно на германские войска невозможно, что Украина одна не может существовать, и он решил создать тесный оборонительный союз, слившись с Доном, Кубанью, Крымом и народами Кавказа, а также с самостоятельною Грузией. Это входило и в немецкие планы, и при содействии германского командования 20 октября (ст. ст.) на станции Скороходоно, между Полтавой и Харьковом, в поезде гетмана Скоропадского между атаманом и гетманом состоялось политическое свидание.

— Вы, конечно, понимаете, — говорил гетман, — что я, флигель-адъютант и генерал свиты его величества, не могу быть ширым украинцем и говорить о свободной Украине, но в то же время именно я, благодаря своей близости к государю, должен сказать, что он сам погубил дело империи и сам виноват в своем падении. Не может быть теперь и речи о возвращении к империи и восстановлении императорской власти. Здесь, на Украине, мне пришлось выбирать — или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. И, право, в этой самостийности ничего худого нет. Предоставьте народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно... Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто не имеет теперь. Да и хорошо ли это? Не надо этого! Дайте самим развиваться, и, ей-Богу, сам народ устроит это все не хуже нас с вами...

На совещании было решено, что атаман снесется с генералом Деникиным для устройства совместных с украинцами переговоров. Там же атаман заручился согласием гетмана на создание на средства гетмана особой русской армии в юго-восточном углу Харьковской губернии, которая заслоняла бы войско Донское от большевиков со стороны Воронежской и Курской губерний.

В 6 часов вечера атаман уехал со станции Скороходово и 21 октября прибыл в Новочеркасск. В тот же день он писал генералу Лукомскому, заведующему политической частью Деникина, в Екатеринодар:

«Я вчера виделся с гетманом Скоропадским. Цель нашего свидания — установление более дружеских отношений, слияние отдельных частей раздробившейся России, объединение для общей борьбы с большевизмом, борьбы для освобождения России. Вы отлично понимаете, что гетман не может громко говорить о борьбе с большевиками, потому что не имеет для этого армии и вынужден «играть в мир» с Советской республикой. Но тайно и он, и те русские люди, которые его окружают, хотят и готовы помогать и войску Донскому, и Добровольческой армии, и Кубани в этом общем нашем деле — освободить Россию от нестерпимого гнета большевизма. Гетман готов делиться со всеми нами имуществом складов, патронами, снарядами и т. п., готов помогать и денежно, потому что Украина все-таки богаче Дона и Добровольческой армии...

Гетман предполагает на этих днях обратиться к Добровольческой армии, Дону и Кубани, если возможно — Терек, Грузии и Крыму, чтобы всем этим образованиям выслать определенное число депутатов на общий съезд. Цель этого съезда пока т о л ь к о о д н а: выработка общего плана борьбы с большевиками и большевизмом в России, чтобы наши дейст-

вия не были отрывочными и эпизодическими, но в полной мере планомерными. И я надеюсь, что протянутая рука единения и дружбы не будет вами оттолкнута...»

Но протянутые гетманом и атаманом руки остались неприкрытыми.

28 октября помощник главнокомандующего и начальник военно-морского отдела Добровольческой армии генерал Лукомский письмом за № 007 ответил атаману, что он считает необходимым начать переговоры по выработке соглашения и об условиях такового, но в основу этих переговоров должно быть поставлено единое командование, единая власть генерала Деникина.

Итак, в задачах Добровольческой армии и в тех задачах, которые ставили себе Украина и Дон и к которым они хотели привлечь Добровольческую армию, Грузию, Крым, Кубань и народы Северного Кавказа, было существенное расхождение. Гетман и атаман первою задачею ставили борьбу с большевиками и уничтожение большевизма в России, и только по завершении этой задачи они склонялись решать вопрос о будущем России. Добровольческая армия ставила если не первой своей задачей, то по крайней мере задачей одновременно с борьбой с большевиками «о б ъ е д и н е н и е о с к о л к о в б ы в ш е й Р о с с и и в е д и н у ю н е д е л и м у ю Р о с с и ю», иными словами — уничтожение самостоятельной Украины, самостоятельной Грузии, посягательства на полную автономию Крыма, Дона и Кубани. Если Скоропадский и Краснов, как русские люди, не менее русские, нежели Деникин, могли пойти на это, то гетман и атаман идти на это, не предавая избравший их народ, не могли.

Генерал Лукомский указал атаману, что Добровольческая армия не согласна с политикой атамана и энергично протестует против некоторых действий атамана. Так, атаман 21 октября для успокоения умов казаков, взволнованных сильною затяжкой и изнурительностью войны с большевиками, в приказе войске Донскому за № 1263 писал: «Недалеки те дни, когда вновь сформированная народная армия сменит в боевой линии донских казаков». Генерал Лукомский усматривал в этом, что «дальнейшая борьба за воссоздание единой России уже не составляет задачи и обязанности войска Донского, как части общего организма, стремящегося к этой конечной цели. Проводимые таким образом в народную казачью массу воззрения верхов, безусловно, могут в будущем послужить благодатной и не лишенной юридической обоснованности почвой для отказа донских казачьих частей к выполнению общих боевых задач по освобождению центра России от деспотизма большевиков и тем, следовательно, могут причинить трудно даже ныне предвидимый вред общему делу спасения отечества. Опасность такой постановки во-

проса ясна до очевидности. Всецело разделяя вашу оценку значения заслуг войска Донского в деле борьбы с большевизмом, командование Добровольческой армии тем не менее считает, что до окончания борьбы и до полного низложения власти большевиков не может быть речи об уклонении казачьих войск от этой общей цели, и потому считает указанное место приказа одним из очень серьезных поводов к порождению недопустимых разногласий...»¹

Командование Добровольческой армии настаивало на уничтожении этого приказа.

Академически генерал Лукомский и генерал Деникин, конечно, были правы. Донские казаки должны были умирать за свободу родины. Но мог ли требовать этого атаман, когда рядом воронежские, харьковские, саратовские и т. д. крестьяне не только не воевали с большевиками, не освобождали этой родины от них, но шли против казаков? Атаман стоял перед фактами суровой действительности. Казаки отказывались выходить за пределы войска Донского. В полках были митинги протеста.

«Расстреливать виновных», — говорили Деникин и Лукомский. Но кто же будет расстреливать, когда все войско солидарно с протестующими? Почему же Деникин и Лукомский не мобилизовали население Ставропольский губернии и Кубанского войска и не создали свою русскую армию, которая пошла бы вместе с казаками? Почему же они держались принципа добровольчества? Да потому, что, когда мобилизовали, то мобилизованные передавались красным и уводили с собою офицеров. То, что было невозможно для Деникина, Лукомский считал возможным для донского атамана.

У атамана было единственное средство заставить казаков идти на Москву — это дать им хотя немного передохнуть от боевых лишений за чьею-то спиной и потом заставить их примкнуть к русской народной армии и идти с нею на Москву. Атаман просил это сделать добровольцев. Он просил это дважды и дважды получил отказ. Атаман дошел до границ войска и понял, что один не может идти дальше. Фронт расширился, база удалялась, удлинялись коммуникационные линии, фланги повисали в воздухе. Должен же был кто-либо помочь ему. Он искал союзников. Союзников не было. Ему оставалось одно: самому приступить к созданию новой русской армии, и он приступил к устройству Южной армии.

Но идея эта успеха не имела. Генерал Деникин препятствовал этой организации.

¹ Письмо атаману генерала Лукомского от 2 ноября 1918 г. № 2/72 ш

ГЛАВА X

Создание Южной армии. — Поиски командующего. — Генерал Деникин против этой армии. — Воронежский, Саратовский и Астраханский корпусы. — Работа монархистов в Воронежской губернии. — Организация Красной Армии.

Какая-то — все равно какая, но армия, составленная из русских людей на северной границе войска Донского, была необходимо нужна атаману ввиду крайнего утомления донских казаков, решительного отказа их бороться и спасти Россию в полном одиночестве и, наконец, ввиду усиления напора большевиков с севера.

Атаману предложили организацию, подготовленную в Киеве союзом «Наша родина», предложили средства на эту армию. Атаман просил генерала Деникина взять на себя организацию и руководство этой армией, снова и снова указывая ему, что обстановка повелительно требует переноса центра тяжести операций от окраин к середине и выдвижения на главный операционный путь Харьков — Москва. Переговоры велись с А. М. Драгомировым, которому атаман при проезде его через Новочеркасск предложил занять место начальника штаба этой армии, которая получила название Южной армии с подчинением ее генералу Деникину. На место командующего этой армией предполагалось пригласить генерала Щербачева или генерала Н. И. Иванова.

Генерал А. М. Драгомиров сказал, что раньше, нежели ответит, он должен съездить в Екатеринодар. Из Екатеринодара он привез категорический отказ. Без чувства гадливого пренебрежения он не мог говорить о Южной армии.

— Это немецкая затея!.. Это делается на немецкие деньги лишь для того, чтобы помешать работе Добровольческой армии. Эта армия создается не на пользу, а во вред России ее заклятыми врагами, немцами...

Напрасно атаман доказывал ему, что армия будет обеспечена деньгами, которые дает на нее гетман, что гетман дает деньги потому, что он лично заинтересован в том, чтобы границы Украины были защищены от большевиков, что, кроме того, деньги дадут русские банки и войско Донское. Генерал Драгомиров получил категорическое приказание в Екатеринодаре отказаться от этой армии, и отказался.

Вести переговоры с генералом Щербачевым не удалось, и атаман остановился на бывшем главнокомандующем юго-западным фронтом и герое Львова и Перемышля генерале от артиллерии Н. И. Иванове. Генерал Иванов жил в бедности в Новочеркасске без всякого дела. Скрамный и благородный, он постоянно отказывался от всякой помощи от атамана, и

атаману приходилось ему помогать тайно. Пережитые им в Петербурге и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так любил, а вместе с тем и немолодые уже его годы отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности. Он сильно ослабел. Но он был знамя, к которому охотно шли офицеры. Он пользовался репутацией и был в действительности безупречно честным человеком и стоял вне политики. Однако и он не решался взять на себя этот пост без переговоров в Екатеринодаре с генералом Деникиным. Из Екатеринодара он приехал сумрачный и недовольный. Видимо, сильно его расстроили тамошние политики, но командовать армией согласился.

— Я об одном прошу, чтобы пока что, — сказал он атаману, — армия была подчинена командующему Донской армией и вам, Святославу Варламовичу (Денисову) и вам я верю. Это — русское дело, и отказываться от него грех. По мере сил моих буду работать. А там — не судите строго. Времена-то нынче не те.

Начальником штаба он взял себе энергичного, талантливого, но немного суетливого генерала П. И. Залесского. Армию предполагалось составить из трех корпусов: Воронежского, формируемого союзом «Наша родина» из Киева, Саратовского, формируемого из саратовских крестьян-беженцев полковником генерального штаба Манакиным, и Астраханского, возглавляемого астраханским атаманом князем Тундуртовым. Впоследствии предполагалось каждый корпус развернуть в армию и создать южный фронт, в который должна была влиться Донская армия. Но эти широкие замыслы не удались, потому что с самого начала в Южную армию вмешалась политика, и армия эта была не народной, а политической, и как ни боролся с этим атаман и Н. И. Иванов, им удалось исправить ошибки, положенные в самом начале организации.

Атаман принял готовый материал для создания Южной армии, но материал этот оказался гнилым, и армия распалась, ничего для России не давши.

Союз «Наша родина» был чисто монархической организацией. Во главе его стоял опытный и ловкий общественный деятель, г. Акацатов. И он и члены союза хотели, чтобы армия вела Россию к старому порядку и восстановлению монархии хотя бы насильственным путем. Еще армия не существовала, и только между крупными земельными собственниками и монархическими организациями собирались на нее деньги, как уже около нее сплеталась политическая интрига, и каждый старался использовать ее для политических целей. Проживавший в это время в Харькове бывший командир III кавалерийского корпуса гр. Келлер, рыцарь, оставшийся безупречно верным государю и непоколебимо преданный идее монархии,

писал еще 9 октября, то есть до свидания атамана с гетманом, следующее относительно этой армии атаману:

«...Скоропадский, по-видимому, предполагает ввести всех в заблуждение, намеревается сформировать под видом русской армии — украинскую, отнюдь не монархическую армию, с единой целью охраны северных границ Украины от большевиков, предвкушая прелести своего коронования на престол украинского королевства, которое он рисует себе в том же положении относительно России или Австрии (это не доказано), в каком была Саксония относительно Германии.

К новой армии, которую надумал формировать Скоропадский, он, Лейхтенбергский и Бискупский рядом интриг селятся притянуть и Южную армию.

Положение нашего отечества в настоящую минуту, когда союзники каждый день могут высадиться у нас на юге, настолько серьезно, что, мне казалось бы, времени терять нельзя, так как высадившиеся англо-французы могут ложно учсть положение в России; видя, что есть фронт Учредительного собрания, существует Добровольческая армия с программой далеко не монархической и т. п., но не видя реальной силы, открыто стремящейся к объединению России и монархии, они могут вообразить, что в нашем отечестве все только мечтают о республике.

Казалось бы, настала минута, когда необходимо спешить из всех сил, дабы организовать из Астраханской и Южной армий одну сильную монархическую армию, которая, поддержанная Доном и всем казачеством, а также торгово-промышленниками и народом в Малороссии, представилась бы союзникам реальной силой, не признающей другой идеи, кроме единой неделимой России с законным государем на престоле...»

Такие планы совершенно не соответствовали политической обстановке на Дону. Атаман всегда считал, что армия должна быть вне политики. Лучшая — та армия, которая слепо и не рассуждая повинуетя своему вождю, но если невозможно создать такую армию, то армия должна быть национальной и стремиться только к освобождению России от большевиков, предоставив вопросы будущего вырешить истории, вождям, народу через Учредительное собрание, земский собор, словом, кому угодно, но не солдатам и офицерам.

В Киеве союз «Наша родина» готовил армию определенно монархическую. Ею руководили герцог Лейхтенбергский, генерал Шильдбах (Литовцев) и генерал Семенов. Последний фактически являлся начальником уже собранной группы офицеров, солдат и юнкеров. Генерал Семенов, гвардейский офицер, любитель покутить, человек недалекий, сделался центром, к которому стремились те офицеры и та молодежь,

которая не хотела ехать к Деникину, опасаясь попасть в бой. Южная армия только формировалась, когда она попадет на фронт, было неизвестно, и к ней выгодно было приписаться героям тыла, любителям воевать на Крещатике и на Подоле. Офицеры понадевали на себя погоны, нашили на рукава полоски бело-желто-черного цвета — «романовских» цветов — и двуглавые орлы, распевали по кафе «Боже, царя храни» и очень мало думали о спасении родины и о царе.

Атаман настойчиво потребовал переселения их из Киева в Кантемировку, где в деревенской глуши они больше могли заниматься делом. С большим трудом, отрешившись от командования корпусом Шильдбаха-Литовцева, атаману удалось добиться переселения Семенова со штабом и «организацией» в район Черткова и Кантемировки. Здесь атаман и Н. И. Иванов произвели смотр приезжим и убедились в том, что союз «Наша родина» работал в целях не военного, боевого дела, но политики. В «корпусе» едва насчитывалось 2000 человек. Из них не более половины было боеспособных, остальные были священники, сестры милосердия, просто дамы и девицы, офицеры контрразведки, полиция (исправники и становые), старые полковники, расписанные на должности командиров несуществующих полков, артиллерийских дивизионов и эскадронов, и, наконец, разные личности, жаждущие должностей губернаторов, вице-губернаторов и градоначальников, с более или менее ярким прошлым.

Вся эта публика наполнила Кантемировку шумом и скандалами. Семенов начал водворять по уездам Воронежской губернии, только что очищенным казаками, земскую полицию старого режима со всеми ее недостатками — взятками и лихоимством.

Это так не согласовалось с обещаниями атамана и его программой, так не соответствовало вожделением населения, что возбудило общее неудовольствие, вылившееся местами в бунты, усмирять которые пришлось казакам.

В боевом отношении армия эта немногочисленна. В политическом — она повредила атаману и создала для врагов его благодарную почву для обвинения атамана в стремлении вернуть все «к старому режиму» и способствовала разложению северных округов.

Атаман повыгнал больше половины офицеров, порвал сношения с союзом «Наша родина», обратился к генералу Деникину с просьбой снабдить Воронежский корпус опытными офицерами из Добровольческой армии, но Деникин ответил ему отказом, под предлогом неимения офицеров, хотя Екатеринодар был переполнен офицерами резерва.

Самозванный астраханский атаман, князь Тундутов, гордо именовавший себя другом императора Вильгельма, оказался пустым и недалеким человеком, готовым на всяческую интригу

гу, и очень плохим организатором. Он играл роль не то царя, не то полубога у калмыков, то предлагал себя и всех калмыков в полное распоряжение атамана, носился с фантастическим проектом создания особого юго-восточного союза, возглавляемого «великим атаманом», то напротив, грозил идти со своими калмыками против Донского войска. Его калмыки были босы и оборваны, сидели на двухлетках и трехлетках, большинство не имело седел и оружия. Он был не страшен и не опасен, но беспокойства и тревоги доставил много. Астраханский «корпус» численностью около 3000 пехоты и 1000 конных, несмотря на всю безалаберность управления, все-таки хорошо дрался и довольно крепко оборонял восточные степи за Манычем от бродячих шаек Красной гвардии. В предвидении приезда союзников князь Тундутов со своим начальником штаба полковником Рябовым переехал в Екатеринодар, где, желая услужить штабу Деникина, занялся клеветой на атамана.

Саратовский корпус никак не мог вырасти больше бригады. Бригада эта, составленная преимущественно из крестьян, ушедших от большевиков из Саратовской губернии и крепко их ненавидевших, отлично дралась вместе с казаками на царицынском, камышинском и балашовском направлениях.

Продолжая активную борьбу с большевиками на всех своих фронтах, атаман и командующий армией всеми силами старались закрепить положение войска. Вдоль границы с востока от Кантемировки на Богучар, Калач и далее командующий армией строил укрепленную полосу. Население было вызвано рыть окопы, забивать колья, устраивать провололочные заграждения. Ночью подходили к ним большевистские разведчики, пытались выдернуть колья и скверно ругались: «буржуйская затея!»

Атаман искал помощи и союзников. Он понимал, что одному ему не устоять против большевиков. Он видел реформы Красной Армии и сознавал, что на реформы надо ответить усилением своей боевой мощи.

Осенью 1918 года заканчивается первый период борьбы с большевиками. Период, когда народная Донская армия боролась против разбойничьих красногвардейских банд.

Наступал второй период — против народной Донской армии появилась только что созданная народная Красная рабоче-крестьянская армия, построенная на принципах военной науки.

Усилиями военных «спецов» различных чинов и различного положения к зиме 1918 года на фронте Донского войска были уже не разбойничьи банды, а худо ли, хорошо ли, но организованная армия, правильно управляемая своими штабами. Советское командование, объявивши к осени 1918

года своим главным врагом донского атамана, сосредоточило на южный фронт 99 полков, из которых на донском фронте было 44 полка, на добровольческо-кубанском — 22, на астраханском — 5 полков, на курско-брянском — 28 полков.

В это время западный — польско-латвийский — фронт занимало 65 полков, северный — германо-финский фронт — 38 полков и восточный — против Колчака¹ — 97 полков. А всего советская армия насчитывала 299 полков.

Для уничтожения всех дефектов Красной Армии в заседании от 15 ноября (нов. ст.) 1918 года ВЦИК постановил учредить Совет рабочих и крестьянской обороны под председательством Ленина. Совету обороны была предоставлена вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств обороны в интересах обороны. Непосредственное руководство армией и флотом осталось по-прежнему в руках революционного военного совета республики. В целях большего сосредоточения деятельности этого учреждения было выделено его бюро в составе Троцкого, главнокомандующего Вацетиса и одного члена — Аралова.

Это уже был переход к диктатуре одного лица, так как при наличии в бюро Вацетиса и Аралова Троцкий явился единоличным вершителем судеб советской армии.

Троцкий к началу декабря 1918 года сосредоточил на донской фронт 127 тысяч солдат при 414 орудиях и на фронт Добровольческой армии (к 3 декабря) — 60 тысяч при 60 орудиях.

К весне 1919 года советское командование предполагало закончить организацию Красной Армии и поставить под красные знамена 3 миллиона человек.

Однако осуществить эту программу Советской власти мешало внутреннее неустройство страны. Власть держалась исключительно силою штыков. Необыкновенно показательным является распределение броневых машин советской армии. Всего в распоряжении советского командования имелось к концу 1918 года 122 машины, из которых 6 находилось на западном фронте, 25 — на восточном, 45 — на южном и 46 — в городах, в тылу. Одна Москва обслуживалась 24 машинами, и, кроме того, 12 машин было при латышской дивизии, употреблявшейся со специально карательными целями (против врага внутреннего — крестьянской бедноты).

Штаб южной армии, получивший в октябре месяце определенное задание — смести с лица земли все донское каза-

¹ Вернее сказать: «против» народной «армии Самаро-Уфимского Учредительного собрания и чехословаков». Колчак становится во главе восточной противосоветской армии лишь после произведенного им переворота 18 ноября 1918 г.

чество и занять во что бы то ни стало Ростов и Новочеркасск, считавшийся главным гнездом контрреволюции, — находился в Козлове. Фронтом командовал генерал генерального штаба — «товарищ» Сытин. Фронт состоял из 11-й армии — Сорокина (штаб в Невинномысской), действовавшей против добровольцев и кубанцев, 12-й армии — Антонова (штаб в Астрахани), 10-й армии — Ворошилова (штаб в Царицыне), 9-й армии — генерального штаба генерал-майора Егорова (штаб в Балашове) и 8-й армии — генерала Чернавина (штаб в Воронеже).

Сорокин, Антонов и Ворошилов являлись остатками прежних выборных главнокомандующих, все остальные высшие начальствующие лица были генералами императорской российской армии, отлично разбиравшимися в обстановке.

Таким образом, к зиме 1918 года положение дел на донском фронте слагалось весьма грозным образом. Донской атаман и командующие армиями генералы Денисов и Иванов вполне отдавали себе отчет в том, что происходит. Они отлично понимали, что период «кустарнических операций» миновал, что те времена, когда одного казака было достаточно на десять красноармейцев, прошли, и серьезно готовились к отпору.

Ввиду крайнего утомления казаков донской атаман совместно с командующим армией решил к началу зимы закончить укрепленную полосу по границе земли войска Донского, прекратить наступательные операции, отойти из занятых мест Воронежской губернии и временно перейти к обороне. Этого повелительно требовали обстановка и настроение казачьих войск. Опираясь левым флангом на Украину, занятую германскими войсками, а правым на Волгу с труднодоступным За-волжьем, атаман надеялся держать войско Донское до весны, а за это время усилить и укрепить свою армию.

ГЛАВА XI

Наступление донцов в Воронежскую губ. — Подвиги Гундоровского Георгиевского полка. — Мобилизация всего войска поголовно.

Еще в начале августа Донская армия занимала часть Богучарского уезда. Донское правительство не вмешивалось в дела внутреннего управления уездом; оно восстановило разрушенную большевиками городскую думу и все земские учреждения и субсидировало богучарское казначейство деньгами для того, чтобы жизнь в уезде могла идти нормально. Атаман приказал приступить к занятиям во всех учебных заведениях, собрать суды и другие правительственные учреждения и впредь до

устройства русского центрального правительства предписал сноситься с отделами в Новочеркасске.

Войска генерала Алферова, работавшие здесь, были усилены освободившимися после удаления с берегов Азовского моря большевиков войсками южного фронта, и им было приказано развить успех, воспользоваться благоприятным настроением среди жителей и овладеть городом Новохоперском, ст. Таловой и городом Калачом.

26 августа донцами был занят Калач, 22 сентября город Павловск и слобода Бутурлиновка. Противник громадными силами, около шести дивизий (однако не более 12 тысяч), в конце сентября перешел в наступление со стороны ст. Таловой. Казачий отряд Гундоровского и Мигулинского полков, силою около 2 тысяч пехоты и 400 конницы, под начальством генерала Гусельщикова прибегнул к своей обычной тактике. Быстрым отступлением до самой Бутурлиновки вовлек противника в мешок между своею пехотой и затем решительным ударом с обоих флангов сдавил его в долине Бутурлиновки и принудил их к сдаче.

В первых числах ноября гундоровцы обрушились неожиданно на врага и нанесли ему страшный удар. Озлобленный противник, в рядах которого уже появились коммунисты, перешел в контратаку, но гундоровцы бросились на него у слободы Васильевки с таким мужеством, в таком грозном боевом порядке не стреляющих и не лежащихся цепей, что красноармейцы побросали оружие и сдались. Были взяты 5000 пленных и богатая военная добыча. Командующий армией генерал Денисов учел, что на том месте, где было взято 5000 пленных, образовалось пустое место, и приказал ударить туда всеми силами. Донские части после упорного боя овладели городом Бобровском, а 10 ноября штурмом заняли важный железнодорожный узел — станцию Лиски.

Эта очень 1918 года была для Донской армии временем жестоких и упорных боев на севере и востоке войска. Командование Красной Армии, для того, чтобы парировать успехи казаков в Воронежской губернии, где казаки доходили до станции Анна и были в 35 верстах от Воронежа, собрало значительные силы в Тамбовской и Саратовской губерниях, присоединило к ним всех красных казаков Миронова и, пользуясь тем, что в этом месте Грязе-Царицынская железная дорога охватывает северную границу войска, бросило все это на Хоперский округ. 40 тысяч пехоты и конницы при 110 орудиях, 6 по-новому отлично организованных дивизий были выдвинуты по направлению к Урюпинской и Усть-Медведицкой станицам. Операция этого наступления была задумана в широком масштабе, и с самого начала ее исполнения казаки увидели, что они имеют дело с регулярной армией, руководимой опытными и знающими свое дело штабами.

Хоперцы были малочисленны. Их не было и восьми тысяч. Генерал Денисов пожертвовал успехами на воронежском фронте, оставил Лиски и Бобров и спешно перебросил лучшие части северного фронта к Усть-Медведицкой станице. Он ослабил нажим на Царицын, собрал конницу, генерала Мамонтова и смелыми маневрами сбил неприятеля.

К 10 ноября Красная Армия была выброшена из Хоперского округа, а в Усть-Медведицком округе Миронов-«непобедимый» был дважды разбит наголову и бежал в Саратовскую губернию.

Казачья конница с орудиями подходила на 12 верст к городу Камышину на Волге.

Весь север войска кипел войною. Орудия непрерывно гремели от Воронежа к Камышину и от Камышина к Царицыну. Два раза здесь казачьи части генерала Мамонтова подходили к Царицыну, занимали уже Сарепту и оба раза принуждены были отходить. Не было тяжелой артиллерии, чтобы парировать огонь царицынских батарей, мало было сил, чтобы преодолеть и взять опутанную проволокой и весьма пересеченную оврагами царицынскую позицию. Атаман не терял надежды до зимы овладеть Царицыном, чтобы этим покончить наступательные операции. Для усиления царицынского фронта спешно укомплектовывались и вооружилась 3-я Донская дивизия и 2-я стрелковая бригада молодой постоянной армии и выписаны были пушки из Севастополя, для которых в Ростове, в мастерских Владикавказской железной дороги, делали особые бронированные платформы.

Чтобы закрепить до зимы все войско Донское, на Дону были мобилизованы все казаки. Не было ни одной казачьей семьи, где кто-либо из мужчин не был убит или ранен. Были семьи, которые потеряли главу семьи и двух сыновей. Все отдавалось за свободу родины — жизнь и достояние. Все лошади были отданы или в строй, или в обозы, коров и волов резали без сожаления, чтобы кормить фронт, хлеб возили туда же, туда же отдавали последнее платье и белье...

Таково было войско Донское, одинокое в своей великой борьбе, но сильное своим глубоким патриотизмом и национальным чувством, когда произошло величайшее событие: победа союзников над центральными державами, отречение Вильгельма от престола, разложение германской армии и прибытие союзников на помощь добровольцам.

На Дону эти события выразились в том, что в грозную минуту страшного напряжения борьбы, когда ни одного лишнего человека не было на фронте, прибавился новый, западный украинский фронт протяжением в 600 верст и явилась глубокая вера, что союзники придут и выручат, и все данные для этой веры были налицо...

ГЛАВА XII

Посольство донцов к союзникам. — Письмо атамана к генералу Франшэ Д'Эсперэ. — Декларация войска Донского. — Английский адмирал посылает миноносцы в Таганрог для осведомления о Донском войске.

При первом же известии о событиях в Болгарии атаман поручил находившемуся в городе Яссах по делам снабжения предметами артиллерийского довольствия генералу барону Майделю войти в связь с союзниками и нащупать почву для сношения с ними. Известия от барона Майделя были получены самые благоприятные. Союзники вполне благожелательно относятся к Донскому войску, считают, что сношения и связь его с германцами были вызваны обстоятельствами, но не изменой и предательством, наконец, союзники при первой же к тому возможности помогут Дону и Добровольческой армии оружием и живой силой. Союзникам нужна точная ориентировка о том, что происходит на Дону и чем они могли бы помочь Донскому войску и его атаману в борьбе против большевиков. Наконец, союзники стоят на том взгляде, что Россия должна быть восстановлена в прежних границах 1914 года, за исключением Польши, то есть должна быть «великая, единая и неделимая».

Лучшего ответа атаман не мог ожидать.

6 ноября¹ атаман снарядил Зимовую станицу, то есть посольство, в лице двух горячих донских патриотов — генерал-майора Сазонова и товарища председателя Большого войскового круга, бывшего председателя Круга спасения Дона полковника Янова. Лица эти были назначены официальными представителями войска Донского перед державами Согласия. Они должны были передать письмо на французском языке полковнику Франшэ Д'Эсперэ, командовавшему союзными войсками на востоке, и копию этого письма — посланнику русскому в Румынии С. А. Поклевскому-Козеллу. К письму этому был приложен изданный донским атаманом 22 мая 1918 года политический меморандум под названием «Декларация Всевеликого войска Донского».

В этой декларации говорилось:

«Мужеством и энергией донского казачества и его вождей и руководителей войско Донское освобождено от большевиков, и Кругом Дона я выбран 17 сего мая (нов. ст.) донским атаманом с предоставлением мне впредь до созыва Большого круга чрезвычайной власти, в основных законах указанной.

¹ Все числа проставлены по старому стилю

Объявляя об этом, я прошу вас, милостивый государь, передать вашему правителю, что:

1) Впредь до образования в той или иной форме единой России войско Донское составляет самостоятельную демократическую республику, мною возглавляемую.

2) На основании ранее, 21 октября 1917 года, при атамане Каледине заключенных договоров, Донская республика, как часть целого, входит в состав юго-восточного союза — из населения территорий Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачьих войск, горских народов Северного Кавказа и Черноморского побережья, вольных народов степей юго-востока России, Ставропольской губернии, Черноморской губернии и части Царицынского уезда Саратовской губернии и обязуется поддерживать интересы этих государств и их законных правительств.

3) Относительно установления точных границ и торговых и иных отношений между Донским войском и Украиною ведутся переговоры, для чего послано посольство в лице Черячукина и Свечина.

4) Донское войско не находится ни с одною из держав в состоянии войны, но, держа нейтралитет, ведет борьбу с разбойничьими бандами красногвардейцев, посланных в войско Советом народных комиссаров.

5) И впредь Донское войско желает жить со всеми народами в мире на основании взаимного уважения прав и законности и соблюдения общих интересов.

6) Донское войско предлагает всем государствам признать его права, впредь до образования в той или иной форме единой России, на самостоятельное существование, и государствам, заинтересованным в торговых или иных отношениях, прислать в войско, в его столицу Новочеркасск, своих полномочных представителей или консулов.

7) В свою очередь, Донское войско пошлет в эти государства свои «зимовые станицы», то есть посольства, для установления дружеских отношений.

Обо всем этом прошу вас, милостивый государь, широко объявить, с согласия вашего правительства, всем гражданам вашего государства. Донской атаман генерал-майор Краснов».

В письме генералу Франшэ Д'Эсперэ атаман писал, что без иностранной помощи Россию не спасти. Донской атаман указывал, что единое командование будет возможно осуществить лишь тогда, когда Добровольческая армия повернет на настоящее направление и пойдет на Москву. Наиболее желательными вождями для такового объединенного командования атаман называл генералов Щербачева и Николая Иудовича Иванова.

«...Без помощи союзников освободить Россию невозможно, — заканчивал свое письмо атаман. — Помощь эта может

выразится в присылке снаряжения, оружия, технических средств борьбы, обмундирования и денег, — тогда борьба затянется на один, на два года, или в присылке кроме этого еще 3-4 корпусов войск (90-120 тысяч), тогда в 3-4 месяца можно всю Россию освободить.

Советские власти ненавидимы русским народом, и русский народ ждет только толчка, чтобы свергнуть их. Красная Армия труслива, подвержена панике и бежит даже от наших войск, численно раз в 10 меньших, нежели она.

Если назначить один корпус для освобождения Кавказа, один — вверх по Волге на Царицын, Саратов, Самару, Пензу, Тулу и Москву, один — на Воронеж, Рязань и Москву и один — на Харьков, Курск и Москву, можно с уверенностью сказать, что только до Саратова, Воронежа и Курска придется идти походом и с боями, — по взятии их Москва падет и дальнейшее движение примет характер триумфального шествия и торжественных встреч.

Украину временно придется занять иностранными войсками...»

Когда донские посланцы прибыли в Яссы, ясское заседание там уже закончилось. Генерала Франшэ Д'Эсперэ в Яссах не было, и вместо него был генерал Бертелло. У Бертелло были уже готовые инструкции. В Версале было решено признать одного вождя, и этим вождем был заочно признан генерал Деникин. С ним шла слава кристальной чистоты и верности союзникам, он глубоко ненавидел немцев. Его агенты уже были при французском командовании. Они доложили об измене гетмана Скоропадского России, они нарисовали Донское войско полубольшевистским государством, руководимым немцами, не имеющими никакой армии, словом, «quantite negligeable»¹, а донского атамана как ставленника и клеветника императора Вильгельма.

Все это было высказано генералом Бертелло на первом приеме Сазонову и Янову и встретило с их стороны горячий, страстный отпор. Может быть, слишком горячий и более страстный, нежели позволяли требования дипломатии. Были сказаны упреки по адресу Добровольческой армии, было сказано, что самым бытием своим Добровольческая армия обязана Донскому войску и немцам...

Расстались холодно, и дальнейшие переговоры прервались. Только благодаря глубокому такту генерала Щербачева и его примирительной политике через три дня генералу Сазонову удалось добиться вторичного свидания с генералом Бертелло, на котором все шероховатости были сглажены и Дону была обещана помощь в одинаковой мере с Добровольческой армией.

¹ Ничтожно малая величина.

Там же было выяснено, что Украина **н е п р е м е н н о** вся будет занята иноземными войсками. Или союзники принудят оставить там германские войска, или Украина будет занята англо-французской армией. Помощь была обещана широкая, готовилась к перевозке на юг России вся саксонская армия. От союзников веяло победой, и донские посланники вынесли то убеждение, что победители Германии сокрушат и большевиков.

Донесения об этом успокоили атамана за его левый фланг — Украину, и атаман приказал взять 36-ю Донскую дивизию из района Каменской станицы для усиления Царицынского направления, где ожидали только прибытия купленных у немцев 12 шестидюймовых морских орудий Канэ, платформы и установки для которых были уже готовы и собраны в Таганроге. За пушками этими был послан в Севастополь донской пароход «Сосьетэ».

Непосредственным сношениям с союзниками атаман придавал только моральное значение, как поддержке его влияния и авторитета в войске. Большевики знали, конечно, о событиях на западе и повели сейчас же широкую пропаганду о том, что союзники никогда не будут помогать ни Деникину, ни донскому атаману, потому что демократия Западной Европы с большевиками заодно и не допустит, чтобы ее солдаты пошли против большевиков.

Эта пропаганда имела большой успех как в Красной Армии, так и у донских казаков. Прибытие союзнических полков на фронт показало бы красноармейцам, что их комиссары лгут. Красная Армия только что зарождалась. Факты сдачи целыми тысячами, убийства комиссаров на фронте, митинги и обсуждения боевых приказов ясно показывали ее неустойчивость. Появление на фронте даже незначительных частей иноземных войск должно было поразить воображение противника, а в той войне, которая была тогда, это было девять десятых успеха.

К тому же неприезд союзников на Дон, отсутствие их военных частей на фронте или хотя бы в тылу у казаков должно было окончательно подорвать силы казаков. А эти силы были напряжены теперь до крайности. Казаки держались только надеждами на скорую выручку и на помощь союзников. Донскому атаману нужно было добиться того, чтобы союзники были на Дону, на донском фронте, потому что именно на донском фронте разыгрывались теперь события первостепенной важности, которые грозили самому существованию Дона. И с этой стороны прибытие союзников только в Новороссийск подрывало у казаков веру в своего атамана в минуту решительного сражения на фронте.

Но то, чего не удалось добиться официальной донской миссии генерала Сазонова и полковника Янова у генерала Бертелло, то совершенно частным образом устроил адмирал Кононов, донской казак по происхождению, бывший случайно в Севастополе на встрече англо-французской эскадры. Ему удалось свести с английским адмиралом атамана Зимовой станицы Донского войска при крымском правительстве полковника Власова, они рассеяли те неправдоподобные слухи, которые распускались агентами генерала Деникина про Донское войско и его атамана, заинтересовали адмирала в военной строительной работе Донского войска, и он отправил 21 ноября (ст. ст.) из Севастополя два миноносца в Таганрог. Официальная цель похода миноносцев была заняться промерами Азовского моря, неофициально английскому капитану Бонду и французскому капитану Ошэну (Hochain) было приказано с несколькими офицерами и матросами посетить Донское войско и доложить, кто прав, — донские казаки, которые говорят о том, что войско Донское вполне самостоятельное, организованное государство с армией, опирающееся на законы, или Добровольческая армия, которая говорит, что Донское войско есть полубольшевистская страна, раздираемая анархией и находящаяся в полувассальном отношении к германской империи.

На Дону начали готовиться к встрече так давно и так жадно ожидаемых союзников. И казалось, что яркое солнце появилось в хмурые и холодные осенние ноябрьские дни.

ГЛАВА XIII

Положение Добровольческой армии на Кубани. — Смерть лучших вождей этой армии — генерала Маркова и полковника Дроздовского. — Генералы Покровский и Шкуро. — Отношение к Кубани и Дону. — Требование признания Доном над собой власти генерала Деникина.

После освобождения Екатеринодара и созыва Кубанской Рады положение Добровольческой армии на Кубани стало двойственным. Кубанское войско, видя быстрые успехи Донского войска в государственном строительстве, мечтало освободиться от опеки Добровольческой армии и начать устраиваться так же, как и донцы. Оно и план государственного устройства взяло донской. Устроило у себя военное училище, приступило к устройству офицерской школы, создавало Политехнический институт и мечтало о своем университете. Рада разбилась на два главных течения: украинское и самостийное. Украинцы уговаривали кубанцев совершенно слиться с ними и стать частью Украины. Об этом вели переговоры председатель Рады Быч и Рябовол,

самостийники стояли за устройство федерации, в которой Кубань была бы совершенно самостоятельной, и для проведения этого они искали тесного союза с донскими казаками. И те и другие соединялись в одном — в стремлении освободиться от опеки генерала Деникина. Умеренная часть Рады — фронтовые казаки и войсковой атаман Филимонов — держалась за добровольцев. Они боялись остаться одинокими в борьбе с большевиками, хотели за счет добровольцев освободиться от большевиков. Атаман Филимонов всем был обязан генералу Деникину, но для казаков он был ничто. Война выдвинула своих героев, кумиров народной толпы. Жадный до наживы кубанский казак боготворил тех вождей, которые добычей считали не только оружие и снаряды, но и имущество магазинов и кооперативных лавок занятых городов и сел, которые налагали на жителей контрибуции, взыскивали их и делились полученными деньгами с казаками. Такими вождями были генералы Покровский и Шкуро. Тот самый Покровский, который в апреле пробовал самостийничать перед генералом Корниловым, стал послушным слугою у генерала Деникина. Характера он был решительного и в основу войны положил грабеж. Когда соединенный доно-кубанский отряд переходил весною 1918 года снова в Кубанскую область, генерал Покровский до основания взорвал фундаментальный железнодорожный мост через реку Кубань, лишь для того, чтобы донцы не перешли в Кубань и не стали там требовать своей части добычи. Пока в его отряд входили донские части, между кубанцами и донцами были постоянные споры из-за добычи.

Другой кумир кубанцев был генерал Шкуро. Молодой еще человек, он в русско-германскую войну командовал партизанским отрядом при III кавалерийском корпусе. Как и все партизаны в эту войну, он ничем особенно не отличался. Во время войны с большевиками он выдвинулся быстрым освобождением и такую же быстрою сдачею Кисловодска.

Покровский и Шкуро нравились кубанцам. Они отвечали и духу Добровольческой армии — духу партизанскому.

По мере освобождения Кубанского войска от большевиков число кубанцев увеличивалось, и они преобладали над добровольцами. Ко времени прибытия союзников, то есть к ноябрю 1918 года, в Добровольческой армии считалось 35¹/₂ тысячи кубанцев и 7¹/₂ тысячи добровольцев. Не было прежних вождей Добровольческой армии.

Убит был и красиво, истинным героем, умер генерал С. Л. Марков. 12 июня в одном из первых боев Добровольческой армии после отдыха на Дону в станице Мечетинской «предводительствуемые генералом Марковым части 1-й пехотной дивизии после упорного боя овладели мостом и станцией Шаблиевка. Задача, поставленная дивизии, составлявшей левый

фланг Добровольческой армии, была блестяще выполнена. Враг бежал, но часть его артиллерии еще продолжала стрелять, и одним из последних снарядов был ранен генерал Марков.

Был ранен в ногу и умер от заражения крови в ростовском госпитале другой герой-рыцарь Добровольческой армии — Дроздовский.

Генерал Деникин становился одиноким. Покровский, Шкуро, новая знаменитость — генерал из рядовых казаков, окончивший всего учебную команду военного времени — Павличенко не смогли быть ему ни советниками, ни помощниками, они сами нуждались в советах и руководстве, а генерал Деникин все более удалялся от армии и углублялся в политику.

В Новочеркасске политике не было места. Донской атаман определенно отмежевался от политики и искал только работников. Его кабинет управляющих отделами был совершенно пестрый. В нем были кадеты, были монархисты, управляющим отделом народного просвещения был левый социалист-революционер, почти большевик. Атаман одинаково разрешал собрания эсеров, кадетов и монархистов и одинаково их прикрывал, как только они выходили за рамки болтовни и пытались вмешиваться во внутренние дела войска. На Дону одновременно с эсеровской «Приазовский край» выходил монархический «Часовой». На Дону разрешалось работать, но воспрещалось мешать работе других. «Общественные деятели», если они не были у дела, на Дону не ценились. С Дона был выслан М. В. Родзянко, и на Дону дали понять А. И. Гучкову, что ему делать там нечего.

Все это собралось теперь в Екатеринодаре. Генерал Деникин оказался в центре самых сложных и запутанных политических интриг. Он поставил на своем знамени «единую и неделимую Россию», и все то, что не совпадало с этим, было ему ненавистно.

Скоропадский был изменником, изменниками были все украинцы, а с ними вместе изменниками были и руководители Рады — Быч, Рябовол, П. Л. Макаренко и все те, которые мечтали о федерации...

Заслуги кубанцев в боях и на походе затирались. В донесениях о них умалчивали или ставили на втором месте. Природные кубанские казаки, за исключением Шкуро, Улагая и Павличенко, не занимали видимых мест. В штабе Деникина кубанцев не было, а генералы русской службы Май-Маевский, барон Врангель, Эрдели, Покровский выдвигались на видные места. Это злило кубанцев.

К Дону отношение было сдержанное. На него тоже смотрели как на неблагодарного сына и стремились прибрать к рукам.

Пока дела Германии были хороши и все снабжение шло в Добровольческую армию из Украины через Дон, отношения Деникина к атаману были холодные, но сдержанные. Не

желая оставить никаких следов о том, что Добровольческая армия получала патроны и снаряды от немцев, генерал Деникин не требовал письменно или через свой штаб нужного ему снаряжения, но к атаману или к командующему Донской армией прибывали из Добровольческой армии частные люди (инженер Крюгер-Войновский и др.) или кто-либо из «общественных деятелей» и рассказывали о тяжелом положении добровольцев, о том, что у них не хватает ни патронов, ни снарядов и что им необходимо послать столько-то того-то или того-то. Или об этом передавал представитель Донского войска или Добровольческой армии генерал от кавалерии Смагин, и Донское войско, если только имело просимое, сейчас же, иногда в ущерб своим частям, отправляло транспорты добровольцам. Отношения между обеими армиями были вначале дружные, но равные. Дон не считал себя подчиненным Деникину, и генерал Деникин, избегая прямых сношений с Доном, считал Дон независимым от себя.

Как только стало известно о победе союзников и о близкой перемене «ориентаций», Добровольческая армия стала требовать от Дона все ей необходимое.

19 октября генерал Лукомский писал атаману: «Представитель артиллерийской части Всевеликого войска Донского на Украине, генерал-майор барон Майдель, довел до сведения главного начальника снабжения Добровольческой армии, что Украина может уступить Дону 640 пулеметов «Льюиса» и 30 миллионов патронов к ним, 20 000 ручных гранат, около 10 миллионов 3-линейных патронов россыпью и 100-200 тысяч 3-дюймовых пушечных патронов.

Ввиду острой нужды в предметах артиллерийского снабжения обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою, не признаете ли возможным уделить Добровольческой армии часть из указанных запасов или оказать ваше содействие к получению армией от Украины, под видом снабжения Дона, следующих предметов артиллерийского довольствия: 1) 100 пулеметов «Льюиса» и 5 миллионов патронов к ним, 2) 10 тысяч ручных гранат, 3) 5 миллионов ружейных патронов россыпью, 4) 75 тысяч 3-дюймовых пушечных патронов, из них 25 тысяч шрапнелей и 50 тысяч гранат, по возможности французских, 5) горных 5 тысяч, из них 2 тысячи шрапнелей и 3 тысячи гранат, 6) 48-линейных — 5 тысяч, из них 500 шрапнелей и 4500 бомб с зарядами, 7) 6-дюймовых — три тысячи бомб. О последующем прошу вас не отказать уведомить меня...»

Атаман не мог исполнить в полной мере этой просьбы Добровольческой армии, потому что он сам ничего из обещанного не получил. Способ требования через него запасов от Украины, нежелание Добровольческой армии сноситься непосредственно с гетманом, ее безразличность к гетману и не-

мцам и вследствие этого выставление атамана каким-то посредником, наконец, та властная обособленная политика, которую вел Деникин, — все это огорчало и возмущало атамана.

С прибытием союзников генерал Деникин нашел возможным дать понять донскому атаману, что он во всем зависит от него и что, хочет или не хочет он, но ему придется подчиниться ему и подчинить ему и подчинить Донскую армию единому командованию. Донская армия к ноябрю месяцу подошла к Царицыну. Царицын был обложен с трех сторон, и сообщение его с его тылом прервано. Атаман ожидал прибытия орудий, которые были куплены в Севастополе у немцев и за которыми в Севастополь прибыл донской пароход «Сосьетэ».

Командированный на этом пароходе за орудиями офицер телеграфировал 18 ноября в Новочеркасск: «Адмирал Канин получил приказание генерала Деникина никому покамест ничего не давать». Одновременно с этим капитан 1-го ранга Лебедев телеграфировал по поводу тех же орудий: «Генерал Лукомский приказал доставить платформы в Новороссийск, где и будут установлены орудия по доставке их морем из Севастополя. Посылать орудия по железной дороге и в Ростов не признано возможным».

Генерал Деникин начинал мстить донскому атаману и показывать ему, что все находится теперь в его руках. После длительных переговоров и при содействии союзников эти орудия удалось получить только к февралю 1919 года, когда Азовское море замерзло, Донская армия находилась в разложении и не только нельзя было думать о штурме Царицына, но приходилось спешно убирать войска с царицынского фронта!

Вопрос о едином командовании был особенно важен генералу Деникину ввиду того, что по мере освобождения Кубанского войска от большевиков Кубанская Рада все более хотела освободиться от опеки генерала Деникина. Один из ее членов, П. Л. Макаренко, предполагал, что настало время собрать конференцию из представителей Добровольческой армии Дона и Кубани для решения вопросов, между которыми стояли и такие:

Будущая Россия — федеративное или унитарное государство?

Какое положение в ней займет Юго-восточный союз, и из кого он будет состоять? Возможна ли теперь единая власть, и кому она может принадлежать?

Макаренко обратился со всеми этими вопросами к донскому атаману, который в декабре 1918 года отвечал ему:

«...Рассмотревши вопросы, подлежащие предварительному обсуждению в согласительной комиссии, т. е. на конференции представителей Добровольческой армии Дона и Кубани, я полагаю, что заседания таковой комиссии являются преждевременными, так как большинство вопросов в данное время

решено быть не может, а гадание о будущем, не имея никаких данных, явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нет свободных людей, ни средств, чтобы оплачивать их напрасную поездку и жизнь в Екатеринодаре, потому что:

Будущая Россия — федеративное или унитарное государство? — праздный вопрос. Надо раньше освободить Россию от большевиков. Тогда прислушаться к голосу подлинной России, России, пережившей муки большевизма, и всем вместе обсудить этот вопрос. Говорить об этом Дону и Кубани — одной тридцатой России — преждевременно. Логически, конечно, Россия — единая и неделимая, потому что самим создавать принцип *divide et impera*¹ на свою голову не годится...

На 13 ноября в Екатеринодаре генералом Деникиным было собрано совещание между представителями Добровольческой армии Дона и Кубани под председательством генерала Драгомирова. Предстояло решить три главных вопроса — о единой власти (диктатуре генерала Деникина), едином командовании и едином представителе перед иностранными союзными державами. От Донского войска были командированы генерал-лейтенанты Греков и Свечин и начальник войскового штаба генерал-майор Поляков. Им от донского атамана были даны готовые ответы: диктатура генерала Деникина не может быть признана, единое командование может быть лишь при едином фронте, и единый представитель возможен и желателен.

Совещание продолжалось два дня. Генерал Драгомиров настаивал на полном подчинении Дона Добровольческой армии и на осуществлении единого командования настолько, чтобы Добровольческая армия могла распоряжаться каждым полком Донской армии независимо от донского атамана.

К соглашению комиссия не пришла, а отношения обострились еще больше. Непосредственно за комиссией начались репрессии по отношению войска Донского. Не были отпущены из Севастополя столь нужные войску тяжелые орудия, генерал Семилетов получил разрешение на формирование «донского отряда» в Добровольческой армии, что давало возможность укрываться от мобилизации и нарушало организацию Донской армии. В отряд этот собирались все недовольные и враждебные атаману лица.

Наконец, было решено не допускать представителей союзных держав на Дон и всячески мешать непосредственным сношениям Дона с союзниками.

Когда в Екатеринодаре узнали о том, что капитаны Бонд и Ошэн едут на Дон, министр торговли и промышленности Добровольческой армии В. А. Лебедев телеграфировал пред-

¹ «Разделяй и властвуй» — девиз римских императоров, державших в повиновении покоренные народы, направляя их один на другой.

седателю войскового круга В. А. Харламову, что Бонд и Ошэн никем не уполномочены ехать на Дон и являются подставными лицами, нанятыми атаманом, чтобы инсценировать его дружбу с союзниками...

Так, с приездом союзников началась жестокая интрига против атамана и войска Донского, но им было уже не до того, чтобы парировать ее. Военные события изменились, войску Донскому угрожала гибель.

ГЛАВА XIV

События на Украине и в Германии осенью 1918 года. — Разложение германской армии. — Восстание Петлюры и Винниченко. — Обещания французов. — Уход гетмана. — Большевики на Украине.

10 ноября (нов. ст.) атаман Зимовой станицы на Украине Черячукин писал управляющему отделом иностранных дел войска Донского генерал-лейтенанту Богаевскому: «События идут быстрыми шагами. Император Вильгельм отказался от престола. В Германии социалистическая республика. В Киле делается то же самое, что у нас было в Кронштадте. Говорят, образовалось несколько республик. Отказ Вильгельма страшно гнетуще подействовал на армию, особенно убито духом офицерство. Здесь украинцы начинают побаиваться, поддержат ли их немецкие солдаты против большевиков и не станут ли они заодно с совдепами. Вообще настало время скорее вызывать союзников, если действительно последние хотят нам помочь в борьбе с большевиками. Вчера слышал, что переговоры Украины с союзниками в Яссах начались, и благоприятно; говорят здесь, что союзники требуют от немцев посылки двух корпусов против совдепов и что будто сами готовы дать на Украину сколько угодно войск. Австрийцы совсем разложились и грабят все. Предназначенные нам к отпуску из Ярмолинец тяжелые орудия трудно вывезти из-за той разрухи, которую устроили там австрияки; вагоны и поезда ими запружены, вообще картинка из недавнего нашего прошлого. Третьего дня гетман вызывал меня, кубанцев, терца и представителя Грузии для предварительного обсуждения вопросов о тесном единении и о будущем положении. Будут заготовлены письма от гетмана к правительствам с приглашением обсудить предварительно всеобщий мирной конференцией назревшие вопросы о будущем России и о тех государствах, которые теперь отделились от России. Я боюсь, что это уже поздно. Сегодня мы должны были быть вновь вызваны для прочтения и получения этих писем, но, очевидно, опять задержка».

Это письмо было написано 28 октября, а еще 24 октября на Дону надеялись на совершенно иное. В этот день у управ-

ляющего отделом иностранных дел был германский майор Кокенхаузен, который сообщил ему, что под влиянием неудач на западном фронте в Германии произошел целый ряд перемен. Рейхсканцлером назначен принц Макс Баденский, германское правительство нашло необходимым изменить свое отношение к Советской России, между Советской республикой и Германией прекращены дипломатические отношения, условия Брест-Литовского мирного договора аннулированы, Германия отозвала своего дипломатического представителя из Москвы и выслала Иоффе, советского посла, из Берлина. Майор Кокенхаузен весьма секретно сообщил, что в ближайшие дни германские войска, стоящие на Украине, начнут военные действия и перейдут в наступление против советских войск...

Тогда — и это по тогдашнему настроению и состоянию Красной Армии, совершенно не желавшей драться с немцами, так и было бы, — тогда немецкие полки освободителями вошли бы в Москву. Тогда немецкий император явился бы в роли Александра Благословенного в Москву, и вся измученная интеллигенция обратила бы свои сердца к своему недавнему противнику. Весь русский народ, с которого были сняты цепи коммунистического рабства, обратился бы к Германии, и в будущем явился бы тесный союз между Россией и Германией. Это была бы такая громадная политическая победа Германии над Англией, перед которой ничтожной оказался бы прорыв линии Гинденбурга на западном фронте и занятие Эльзаса. И державы Согласия приняли все меры, чтобы не допустить этого. Они усилили свой напор на фронт, а требование Вильсона и нежелание союзников говорить о мире с императором Вильгельмом, но лишь с германским народом, пошатнуло положение династии. Император Вильгельм был принужден отказаться от престола, власть в стране перешла в руки социалистов во главе с Эбертом, а Вильгельм с наследным принцем покинул страну. В войсках немедленно образовались Советы солдатских депутатов, а в городах — Советы рабочих депутатов. Ни о каком выступлении германских войск против Советской республики уже нельзя было думать. В самой стране начались беспорядки, поднятые большевистски настроенными группами «Спартак». Грозные германские солдаты, всего неделю тому назад суровыми «Halt!» останавливавшие толпы рабочих и солдат на Украине, покорно давали себя обезоруживать украинским крестьянам. Украинские большевики останавливали эшелоны со спешившей домой баварской кавалерийской дивизией, отбирали оружие и уводили из вагонов лошадей!

Первыми покинули Украину австрийцы. Их места пришлось занять германцам, для чего германцы вывели свои гарнизоны из Ростова и Таганрога. Это входило в планы донско-

го атамана, и Ростов был занят образцово обученными частями молодой Донской армии — л.-гв. казачьим полком, двумя батальонами 1-го Пластунского полка и 1-й конной казачьей батареей, в Таганрог были поставлены л.-гв. атаманский полк, батальон 1-го Пластунского полка и саперный батальон.

Но когда германские части стали покидать восточную границу Украины и угольный район, где среди рабочих оставалось много большевиков, остался незащищенным, атаман, с согласия гетмана, выдвинул части 3-й и 2-й Донской дивизии и занял Луганск, Дебальцево и Мариуполь. Для этого пришлось прекратить наступательные операции на царицынском фронте. С печалью смотрел командующий Донской армией, как постепенно, но очень быстро обнажался весь левый фланг с тремя дорогами, идущими в войско, и тыл его фронта и открывались прямые пути на Ростов и Новочеркасск к сердцу войска Донского. В дни страшного напряжения на севере войска, когда все резервы были уже введены в боевую линию, командующему армией пришлось создавать новый фронт — западный, протяжением в 600 верст. Донской атаман обратился с просьбой о помощи к генералу Деникину. Генерал Деникин перебросил освободившуюся пехотную дивизию генерала Май-Маевского, которая заняла линию от Мариуполя до Юзовки. Эта линия была занята очень слабо, но ведь шли же, наконец, на подмогу союзники!

В середине ноября последнюю ушла из Кантемировки наиболее дисциплинированная 2-я германская кавалерийская дивизия, а 4 декабря из города Ростова ушел германский штаб с майором Кокенхаузенем.

Левый фланг и тыл Донской армии на протяжении с лишком в шестьсот верст уже не защищался, даже не охранялся, а только наблюдался кавалерийскими и пешими заставами.

Украина кипела и бурлила восстаниями. Петлюра, окруженный сечевыми стрельцами, соединившись с Винниченко, поднял мятеж, обвиняя гетмана в стремлении соединиться с Россией. К ним примкнули широкие украинцы и масса гольтыбы, желавшей пограбить помещичьи усадьбы и богатые города и села.

В ночь с 3 на 4 ноября по улицам Киева было расклеено воззвание Винниченко и петлюры с призывом к низвержению гетмана и объявлению директории украинской республики во главе с Винниченко (голова), Петлюрой, Швецом и Андреевским.

Директория, опираясь на сечевых стрельцов в Белой Церкви, подняла восстание и, пополнив их бандами из окрестных деревень, двинулась на Фастов и далее на Киев.

Почти одновременно с этим вспыхнуло восстание в других центрах Украины: в Харькове появился атаман Балбочан, потребовавший от донского правительства, чтобы оно убрало

свои гарнизоны из угольного района, и грозивший войною, в Ровно, в Житомире, Ромодане, Крутах, Елисаветграде и Ека-теринославе — по всей Украине резали, жгли и под шумок расхищали имущество.

Идейно восстание это не пользовалось никаким успехом. На Петлюру и на его сообщников смотрели просто как на разбойников, но подавить это восстание, уничтожить этих разбойников было некому. Немецкие солдаты не повиновались своим офицерам. Надеяться на них было нельзя. Своей силы не было.

Русские «общественные деятели» успокаивали гетмана, говоря, что восстание заглушит само собою, что украинцы поконтчат с Винниченко и Петлюрой, союзники из Ясс дали знать, что они поддерживают правительство гетмана, и французский консул Энно 9 ноября должен был приехать в Киев, а за ним было обещано прислать и французские войска.

Между тем к 7 ноября сечевые стрельцы продвинулись к ст. Боярка и потом подошли к Жульням.

Энно настаивал перед немецким командованием, что немцы должны поддерживать порядок на Украине, но что могло сделать германское командование, когда войсками уже правили Советы! 15 ноября германский совдеп заключил с повстанцами перемирие, одним из пунктов которого было то, что войска гетмана должны отойти с позиции в Киев, оставив только сторожевое охранение, а петлюровцы должны были отойти на 30 верст от Киева. Перемирие это было заключено без ведома главнокомандующего украинскими войсками в Киеве генерала кн. Долгорукова и фактически не соблюдалось. Немцы не только не охраняли Киева, но местами сдавали петлюровцам оружие и уезжали в эшелонах, поданных Петлюрою для желающих ехать на родину.

Союзники обещали, что 20 ноября в районе Жмеринки, Могилева на Днестре, Одессы и Бирзуле будет сосредоточено до дивизии союзников, 27 ноября из Константинополя придут две дивизии, а ко 2 декабря с устья Дуная еще 2-3 дивизии...

Это были обещания французского командования на Черном море. Обещания генерала Бертелло. Но в Версале смотрели иначе. В Версале одни не понимали или не хотели понять всей важности назревающего момента, всей его психологической ответственности, другие желали видеть Россию уничтоженной, сгоревшей на медленном огне. Кроме той маленькой политики, которую вели военные начальники, видевшие в русских союзников, друзей, несчастных, погибающих братьев и от всей души желающие им помочь, была еще другая, большая политика, видевшая в России угрозу Персии, Индии и Ближнему Востоку, и вот эта-то другая политика и отставляла все распоряжения первой политики.

Зло получилось ужасное.

В Советской республике со страхом и трепетом следили за всем тем, что происходит в России. Победа союзников была поражением большевизма. Это понимали и комиссары, понимали и красноармейцы. Как донцы говорили, что не могут они одни бороться против всей России, так и красноармейцы заявляли, что они не могут сражаться против всего мира. Появись в эту минуту, именно зимою 1918 года, на фронте на Украине и на Дону синие капоты французских солдат или английские шинели — и большевизм бы рухнул. Но тогда рухнул бы и интернационал. Тогда началось бы братство народов, национальностей, тогда были бы Россия, Франция, Англия, но не было бы одного лица, вернее, одной безличной народности. И вот в Версале отложили помощь Украине.

Была и другая, грозная, причина. Хотя французы и англичане уверяли, что большевизм есть болезнь побежденных армий, что они — победители и их армии не тронуты этою страшною болезнью, на деле было не так. Французские и английские солдаты не желали воевать с большевиками, их армии уже были разъедаемы тою страшною гангреною усталости, которая явилась следствием войны.

И когда союзные войска не пришли на Украину, когда уже высадившиеся было в Одессе союзные войска покинули город и снова сели на суда¹, у большевиков явилась надежда на то, что в мировой войне победят они, потому что демократии Англии и Франции идут не против них. И они стали ожидать того, что будет на Дону.

Защищать Украину и гетмана остались наскоро сформированные, состоящие из одних офицеров и учащейся молодежи дружины.

Петлюра требовал разоружения всех русских офицеров, обещая им за это право свободного выхода из Украины. Слабые колебались. Помощи не было ниоткуда. Гетманские войска у Раздельной были разбиты и отходили к Одессе.

Совет украинских министров послал Петлюре делегацию, и в ее составе секретаря французского консульства Мулена, с просьбою разрешить офицерам проезд с оружием на Дон или Кубань; в случае согласия на это Киев должен был быть сдан без боя.

Гетману нечего было делать. Те самые «общественные деятели», которые убеждали его в необходимости вести более русскую политику и говорили, что с Петлюрою никто не пойдет, предали его и повели переговоры с Петлюрою. Гетман скрылся из Киева. Совет министров передал всю власть го-

¹ У автора здесь некоторая путаница. Высадка союзников в Одессе произошла в декабре 1918 г., а оставление ими Одессы — в апреле 1919 г., т. е. оба эти события относятся к более позднему периоду, чем описываемый автором.

родской думе, и в тот же день в Киев вошли войска Директории. Начались казни и самочинные убийства русских людей, началось жестокое преследование всего того, что носило имя русского. Мать городов русских, стольный град Владимира Святого и Ольги, Киев стал ареной мучений русских людей за исповедание ими любви к родине...

Командование советскими войсками, как только узнало об удалении гетмана и о занятии Петлюрой Украины, двинуло туда армию Антонова, и она без труда одолела петлюровские банды, и вскоре Харьков, а затем и Киев были заняты большевиками. Петлюра со своими сечевиками бежал в Каменец-Подольск.

Все внимание атамана было обращено теперь на то, чтобы отстоять западные границы войска Донского. Но ввиду ожидания скорой помощи от союзников атаман надеялся не только отстоять войско Донское, но вместе с Добровольческой армией и союзниками идти освобождать Москву от большевиков.

ГЛАВА XV

Прибытие союзнической миссии генерала Пуля в Екатеринодар. — Приезд капитанов Бонда и Ошэна на Дон. — Торжественная встреча их в Новочеркасске. — Поездка по войску.

На Дону союзников ожидали уже около года. Большая часть интеллигенции была настроена к союзникам любовно и восторженно. Благодаря широкому распространению в России английской и французской литературы, французы и англичане, несмотря на свою удаленность, были ближе русскому сердцу, нежели немцы. Немцы пользовались симпатиями и нравились простым казакам как серьезный, трудолюбивый народ, на француза простые люди смотрели с некоторым презрением, на англичанина с недоверием. Крепко сидело в простом русском народе убеждение, что в решительные минуты успехов русских всегда «англичанка гадит». Но интеллигенция вся была на стороне союзников и ожидала их с восторженным нетерпением.

Прибытие союзников — это была эра в понятиях всего русского общества. Поворотная точка в борьбе с большевиками. Придут союзники, и сейчас же быстрое наступление, победы, и Москва, и Петроград, и свидание с родными, и конец казням и большевистскому застенку. И время до занятия Москвы при помощи союзников измерялось неделями. Ну, через два месяца, весной, самое позднее, все будет кончено. И одни видели земский собор и выборы царя, другие — Учредительное собрание и президента — это было неоспоримо.

Ведь должна же была вся эта разруха наконец кончиться!..

Союзники приехали в Новороссийск; их торжественно встречали. В Новороссийске знали до мелочей, до самых мельчайших подробностей все, что было. От Англии приехал генерал Пуль, немного знающий по-русски, и полковник Кисо, хорошо говорящий по-русски, от Франции — капитаны Фукэ и Бертелло и лейтенант Эрлих (Erlich). Последний говорит по-русски, как русский. Знали, что у добровольцев вышло недоразумение с русским гимном. Пили на торжественном обеде за великую, единую, неделимую Россию. Музыкантам надо было играть что-либо после. Заиграли преображенский марш. Тогда генерал Пуль попросил сыграть русский гимн. Переглянулись, пошептались и опять заиграли преображенский марш. Это оттолкнуло от Деникина монархически настроенные элементы, а их было немало, особенно в гвардейском отряде Кутепова.

Когда в Новочеркаске узнали об этом, командующий армией, в распоряжении которого находился войсковой хор, спросил атамана, что играть, если будут пить за Россию.

— Русский гимн, — отвечал атаман.

— Какой? — спросил генерал Денисов.

— Я знаю только один русский гимн — «Боже, царя храни», и, пока не написан и не утвержден другой, мы и должны его играть. Великая Россия относится к прошлому, в настоящем — России нет, а будущего мы не знаем... — ответил атаман.

Вопрос был сделан не напрасно. По-видимому, в программу союзников входило нащупывание политических настроений в массах и этим путем.

25 ноября в Новочеркасск прибыли союзники. Они шли до Мариуполя на миноносцах, а потом по железной дороге на Таганрог, Ростов и Новочеркасск. Как потом признавался капитан Бонд, ехали не без страха. А что, если на Дону большевики? Как-то проедут? Небольшие рабочие команды, которые они видели в Севастополе, принадлежавшие к составу Добровольческой армии, внешним видом своим доверия не внушали. Союзных офицеров отговаривали ехать на Дон. Там, дескать, весь порядок держится на немцах, а немцы ушли и там, как на Украине, беспорядки и большевики.

Однако в Мариуполе их ожидал поезд атамана. Прекрасные вагоны, вагон-ресторан с обильной едой и винами, которых они давно не видели, электрическое освещение, безупречная чистота, бравые провожающие поезд конвойные казачки и точное, по расписанию, движение поезда их успокоили...

Новочеркасск был полон гостей. Прибытие союзников на Дон было торжеством политики атамана, ожидалось речи глубокого политического значения, и присутствовать на этом торжестве были приглашены представители Добровольческой

армии, Кубани и народов Северного Кавказа и астраханский атаман...

Автомобили длинной вереницей двигались по середине бульвара Крещенского спуска, и им сопутствовали тихо-торжественные певучие звуки донского гимна и несмолкаемые «ура» жителей и войск. По одну сторону бульвара стояли войска, по другую — дети учебных заведений. И за теми, и за другими толпа народа, из которой непрерывно летели и сыпались дождем цветы осени, нежные пушистые хризантемы.

С собора шел перезвон; все духовенство в золотых ризах ожидало своих избавителей. Как только союзники вошли в собор, приехал атаман и начался молебен...

После молебна мимо союзников, окруженных восторженной толпой народа, проходили войска...

В тот же день в большом зале атаманского дворца был обед на 100 кувертов.

Атаман произнес свою речь по-французски — он приветствовал союзников как друзей великой России. Он напомнил о вековом долге Франции, обязанной и за свою свободу в 1814 году, и за свое спасение в 1914—1915 и 1916 годах...

«...Сто четыре года тому назад в марте месяце французский народ приветствовал императора Александра I и российскую гвардию. И с того дня началась новая эра в жизни Франции, выдвинувшая ее на первое место.

Сто четыре года тому назад наш атаман граф Платов гостил в Лондоне.

Мы ожидаем вас в Москве! Мы ожидаем вас, чтобы под звуки торжественных маршей и нашего гимна вместе войти в Кремль, чтобы вместе испытать всю сладость мира и свободы!

Великая Россия! В этих словах все наши мечты и надежды!

А пока... Пока мы печальны, ибо все так же льется кровь казаков, и наши силы напряжены до последней степени, чтобы спасти отечество...»

После речи атамана встал капитан Бонд и заявил, что он и капитан Ошэн уполномочены заявить донскому атаману, что они являются официально посланными от союзников, чтобы узнать о том, что происходит в России. Союзники помогут всеми силами и всеми средствами, не исключая и войск, донским казакам и Добровольческой армии.

Эти слова были покрыты громовым «ура»! И особенно ликовали члены круга, фронтовые казаки, те люди, которых война касалась непосредственно.

Затем шли тосты за войско Донское, за союзников, и наконец капитан Бонд сказал:

— Я провозглашаю тост за великую Россию, и я хотел бы услышать здесь ваш прекрасный старый гимн. Мы не будем придавать значения его словам, но я бы хотел услышать только его музыку!..

Едва только переводчик кончил переводить слова английского офицера, как атаман, при гробовом молчании всего зала, отчетливо сказал:

— За великую, единую и неделимую Россию! Ура!

Величаво мощные, волнующие сердце, могучие звуки старого русского гимна были исторгнуты из скрипок и труб. Все мгновенно встали и застыли в молитвенных позах. Архиепископ Гермоген плакал горькими слезами, и слезы лились по его серебристой седой бороде. Все были глубоко растроганы охватившими вдруг воспоминаниями прошлого и тяжелыми думами о настоящем.

Едва гимн кончился, громкое «ура» потрясло зал и не смолкало до тех пор, пока музыканты не начали играть снова гимн. Они принуждены были повторить его четыре раза.

Англичане и французы вынесли впечатление, что на Дону настроение монархическое. Но это было верно только отчасти. Русский гимн напомнил всем собравшимся времена великой славы русской, времена побед, а не поражений, времена благородного самопожертвования, а не подлой измены. Но если бы спросили казаков, хотят ли они вернуться к старому, более половины решительно ответили бы — нет!

Простые казаки и крестьяне не желали реставрации, потому что с понятием монархии первые связывали поголовную принудительную воинскую повинность, обязанность снаряжаться за свой счет и содержать верховых лошадей, не нужных в хозяйстве, казачьи офицеры связывали с этим представление о разорительной «льготе», плохие стоянки и беспорядок положение. Крестьяне думали о возвращении помещиков и о наказании за те разорения, которые они сделали в помещичьих усадьбах, в остальном им было все равно, республика или монархия, потому что, по существу, немногие понимали разницу. Казакам, кроме того, нравился их новый самостоятельный строй, их тешило, что они сами теперь обсуждают такие серьезные вопросы, как вопросы о земле и земельных недрах. Что предполагала и чего желала донская интеллигенция, сказать трудно. Она давно уже раскололась на два противоположных лагеря — монархистов и социалистов-революционеров. Все, кто считал себя передовыми, просвещенными людьми — учителя, юристы, — все это было настроено крайне лево, и тем не менее и они восторженно приветствовали русский гимн. Русский гимн был для них русским, но не царским гимном. Игнали же и признавали они донским гимном «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», но когда пели его, то пели с новыми словами, где исключалась и преданность монарху, и готовность отдать свои жизни за царя, за славу и победы.

Позднее, когда французский лейтенант Эрлих, встретивший Новый год в офицерском собрании л.-гв. казачьего

полка и слышавший, как там играли русский гимн, настойчиво говорил атаману, что «такая проповедь монархизма неуместна и не входит в планы союзников», атаман сказал ему:

— Что прикажете мне играть, когда величают великую, единую и неделимую Россию?

Эрлих молчал.

— Большевики играют вашу «марсельезу», но это гимн Франции, но не России, — продолжал атаман.

— Да, «марсельезу» играть неудобно, — согласился Эрлих.

— У меня две возможности: играть в таких случаях «Боже, царя храни», не придавая значения словам, или играть похоронный марш. Я глубоко верю в великую, единую и неделимую Россию и потому играть похоронный марш не могу!.. Я играю русский гимн, и он всегда останется русским, что бы ни случилось.

Атамана за это за границей считали монархистом.

Русский гимн как бы еще теснее спаял все общество, собравшееся в атаманском дворце. Капитан Бонд, взволнованный всем виденным, несколько раз повторил: «Как это хорошо! Как хорошо все то, что я вижу!»

...27 ноября союзники посетили Донской мариинский и Смольный институты...

— А не забыли ваши барышни своего русского гимна? — спросил капитан Ошэн у начальницы института. — Не могли бы они нам спеть его на прощанье?

Начальница бросила вопросительный взгляд на атамана. Атаман кивнул головой.

— Mesdemoiselles, — сказала начальница детям, — иностранные гости спрашивают, не забыли ли мы наш русский гимн. Споем им его!

Никто ничего не говорил и не подсказывал девушкам, это все случилось в полной мере неожиданно. Все институтки, как одна, повернулись к иконе своей покровительницы Марии Магдалины, и девичий хор дружно и согласно запел «Боже, царя храни». И это была молитва, а не гимн, молитва, пропетая с глубоким чувством, с чистыми слезами умиления на глазах...

Вечером был раут, на котором присутствовало все новочеркасское общество и с которого атаман в 12 часов ночи увез гостей прямо на позицию.

28 ноября иностранцы были представлены на станции Кантемировка командующему Южной армией генералу от артиллерии Иванову, смотрели его войска, а затем по морозу при небольшой метели поехали в Богучар, Калач и Бутурлиновку. Повсюду в слободах и селах их встречали крестьяне Воронежской губернии с хлебом-солью. В Бутурлиновке союзники видели доблестный георгиевский Гундоровский полк...

По возвращении с позиций северного фронта атаман показал союзникам Русско-балтийский завод в Таганроге, на котором только что начиналась работа, чистились и устанавливались станки для изготовления снарядов и ружейных патронов. Из Таганрога после интимного сердечного обеда в собрании г.-гв. атаманского полка союзники поехали на свои миноносцы в Мариуполь, а капитаны Бонд и Ошэн отправились в Екатеринодар в подробным докладом главам миссий генералу Пулю и капитану Фукэ о всем, что они видели и слышали на Дону.

Они вывозили с собою самые отрадные и самые светлые воспоминания о донских казаках, они видели прочное, живущее полною жизнью государственное образование, где правил народ через свой круг и где был атаман, и по некоторым, чисто внешним признакам они полагали, что весь Дон политически — монархисты...

ГЛАВА XVI

Переписка донского атамана с генералом Пулем. — Почему атаман не хотел признать генерала Деникина главнокомандующим и диктатором? — Свидание атамана с генералом Пулем на станции Кушевка. — Речь атамана генералу Пулю.

Впечатление от приезда союзников на Дону было сильное. Оно отозвалось и на всех фронтах. Но случилось именно то, чего так боялся атаман. После короткого подъема настроения, выразившегося в частичных переходах в наступление, причем отряд генерала Гусельщикова овладел Борисоглебском и ст. Поворино и выгнал красные войска из Хоперского округа, где было взято более пяти тысяч пленных, наступил упадок духа. Приезд союзников был допинг, был наркоз, опьянивший казаков и заставивший их совершить небывалые подвиги, но работать под наркозом постоянно нельзя, после одной дозы нужна более сильная, нужно исполнение обещания — помощь, и помощь реальная — войсками.

Большевики усилили свою агитацию, не дремала и екатеринодарская партия врагов атамана. Она стала распространять слухи, что те офицеры, которые были на Дону, просто туристы, совершенно невольно сыгравшие роль Хлестаковых, что настоящие иностранцы находятся в Екатеринодаре, это — Пуль и Фуке, и они никакого дела не желают иметь с германофилом-атаманом. Этому сильно помогал Эрлих, парижский адвокат, поведший кампанию против атамана в Екатеринодаре и всеми силами старавшийся дискредитировать скромного и молчаливого капитана Ошэна.

На фронте шла небывалая борьба, усугубленная наступившими сильными морозами, вьюгами и метелями, усталость

казаков сказывалась все сильнее, и в тылу шла своя работа. Уже и председатель круга в законодательной комиссии высказывал сомнение, что союзники будут помогать Дону. Атаману было необходимо войти в сношения с генералом Пулем и добиться присылки на Дон войск. В этих целях атаман написал письмо Пулю, в котором просил его не верить всему тому, что про него говорится в Екатеринодаре, и лично посмотреть ту работу, которая сделана донскими казаками.

Доклад капитанов Бонда и Ошэна поколебал генерала Пуля, и хотя он не пожелал и смотреть всего того, что привезли с Дона эти офицеры, считая все это провокацией, но к письму атамана отнесся уже более внимательно. Этому немало помогли громкие победы, совершенные казаками в эти дни на северном фронте и в Хоперском округе.

7 декабря генерал Пуль писал атаману из Екатеринодара:

...«Я осмелюсь указать вашему превосходительству, что я считаю вопрос назначения главнокомандующего пунктом, о котором следовало бы сперва посоветоваться с союзниками, так как я вынес впечатление из вашего письма, что вы считаете, что только с союзной помощью и союзным снабжением вы сможете наступать или даже удержать занятое вами.

Инструкции от моего правительства указали мне войти в связь с генералом Деникиным, представителем в британском мнении русских армий, действующих против большевиков. Поэтому я сожалею, что для меня невозможно обдумывать признание какого-либо другого офицера таковым представителем...

Если я буду вынужден вернуться и доложить моему правительству, что между русскими генералами существует взаимная зависть и недоверие, это произведет самое болезненное впечатление и безусловно уменьшит шансы того, что союзники окажут какую-либо помощь. Я предпочел бы донести, что ваше превосходительство показал себя настолько великим патриотом, что согласились даже подчинить ваши собственные желания общему благу России и согласились служить под командой генерала Деникина...»

Атаман не хотел признавать генерала Деникина главнокомандующим не потому, что войско Донское и Деникин жили не в ладу, не потому даже, что генерал Деникин не хотел отрешиться от старого взгляда на казаков, как на часть русской армии, а не как на самостоятельную армию, чего добивались казаки и за что боролись, но потому, что атаман считал генерала Деникина не способным на творчество и притом совершенно не понимающим характера войны с большевиками и считал, что генерал Деникин погубит все дело. Кто угодно, но только не Деникин с его прямолинейной резкостью и уверенностью, что можно силой заставить повиноваться.

Атаман считался с обаятельною внешностью Деникина, с его умением чаровать людей своими простыми солдатскими честными речами, которыми он подкупал толпу, но за этими речами атаман видел и другое. В то время как на Дону были вызваны все производительные силы страны и создана покорная армия, генерал Деникин опирался на кубанских казаков и офицерские добровольческие полки. Солдатам он не верил, и солдаты не верили ему. Армия не имела правильного снабжения, не имела точных штатов, не имела уставов. От нее все еще веяло духом партизанщины, а партизанщина при возникновении красной, почти регулярной, армии была неуместна.

Генерал Деникин борьбе с большевиками придавал классовый, а не народный характер, и при таких условиях, если его не подопрут извне иностранцы, должен был потерпеть крушение. Боролись добровольцы и офицеры, то есть *г о с п о д а , б у р ж у и*, против *к р е с т ь я н и р а б о ч и х , п р о л е т а р и а т а*, и, конечно, за крестьянами стоял народ, стояла сила, за офицерами — только доблесть. И сила должна была сломить доблесть.

Генерал Деникин угнетал проявление кубанской самостоятельности, он не считался с Радой, такого же отношения надо было ожидать и к Дону, это охладило бы казаков и могло бы кончиться катастрофой.

Генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме единой и неделимой России. Такое знамя мало говорило сердцу украинцев и грузин, разжигало понапрасну страсти, а силы усмирить эти страсти не было. Деникин боялся сказать, что он монархист, и боялся пойти открыто с республиканцами, и монархисты считали его республиканцем, а республиканцы — монархистом. В Учредительное собрание уже никто не верил, потому что каждый понимал, что его фактически не собрать, презрительным названием «учредилки» оно было дискредитировано, унижено и опошлено в глазах народных масс.

Иди Деникин за царя, он нашел бы некоторую часть крестьянства, которая пошла бы с ним, иди он за народ, за землю и волю, и за ним пошли бы массы, но он не шел ни за то, ни за другое. «Демократия» отшатнулась от него и не верила ему, и Деникин боялся призвать ее под знамена.

Добровольцы были плохо одеты, плохо дисциплинированы, они не были войском — армия Деникина всего была только корпусом, и хотя Деникин уже владел тремя громадными губерниями, он ничего не создал, и атаман боялся, что он не только ничего не создаст в будущем, но развалит и созданное такими трудами, неокрепшее и хрупкое.

Атаман не считал Деникина хорошим стратегом, потому что Деникин действовал по плану, который казался атаману

некрупным и бесцельным. План Деникина состоял в покорении окраин, в этом Деникин видел обеспечение своего тыла. Сначала Кавказ, потом Крым, далее Украина. Атаман считал, что с окраинами, в том числе и с Украиной, воевать нельзя и не стоит: с ними должно столкнуться, признавши их права на свободное существование. Главной целью казалась атаману борьба с большевиками и большевизмом: с первыми — оружием, со вторым — воспитанием, и только после победы над ними и освобождения от коммунистов все й Р о с с и и можно говорить о «единой и неделимой России». Генерал Деникин прямо шел к этой е д и н о й и н е д е л и м о й и, по мнению атамана, создавал себе новых врагов, не справившись и со старыми. Деникин не признавал гетмана Скоропадского, потребовал подчинения ему Крыма, ссорился с Грузией, был в холодных отношениях с Кубанской Радой, и атаман боялся, что он раздражит и донских казаков. Атаман считал, что во время войны не время заниматься мелочами. Надо идти прямо к цели, и цель эта — гнездо большевизма — Москва и Петроград. Еще недавно атаман сговаривался с гетманом Скоропадским и завязывал сношения с Польшей и Грузией, — он искал друзей. Он считал, что путь к Москве один — создание единого фронта с чехословаками и Колчаком. Движение на северо-восток к Царицыну, Саратову и Самаре, посылка большого конного отряда для связи с атаманом Дутовым, собрание сначала е д и н о й р у с с к о й а р м и и, а затем поход на Москву. Генерал Деникин работал по обратным операционным линиям — на юг и запад. На Владикавказ — Дербент, Петровск, Баку, на Сочи и Гагры, потом на Киев...

После приезда союзников и письма генерала Пуля перед атаманом стояла неременная задача согласиться на признание генерала Деникина верховным главнокомандующим и подчинить ему не только Донскую армию, но и все войско. События на фронте, появление большевиков на Украине, создание нового западного фронта и вследствие этого необходимость во что бы то ни стало получить помощь извне требовали от атамана уступок и изменения своего мнения. Генерал Деникин, так сказать, авансом послал дивизию Май-Маевского на Украину, но дивизия эта очень вяло работала и долго оставалась в районе Мариуполя и Юзовки, не продвигаясь на север и не занимая Луганска, Купянска и Харькова, особенно последнего, на чем настаивал атаман. Дивизия эта оказывала мало помощи, и было похоже, что генерал Деникин и не окажет большей помощи, пока не будет признан войском Донским.

Атаман просил о присылке подкрепления Май-Маевскому и о побуждении его энергично продвигаться на север и занимать северную границу Украины. Деникин отвечал телеграм-

мами, полными участия, и писал, что у него нет ни одного свободного полка. А между тем атаман знал, что большевики так поспешно отступали к Каспийскому морю, что преследовала их только одна конница, пехота же, две кубанские Платунские дивизии, которые были поставлены на отдых, легко могла покончить с большевиками, еще не окрепшими на Украине. Но политика заслоняла от Деникина соображения стратегии. Раньше признание его власти над войском, потом уже помощь. А время не терпело. При таких условиях состоялось 13/26 декабря на станции Кушевке свидание между атаманом и генералом Пулем. Свидание началось очень холодно. Генерал Пуль настаивал на том, чтобы атаман первым явился к нему в вагон и чтобы разговоры происходили у него. Атаман отказался от этого, и одно время казалось, что свидание не состоится. К атаману был послан для переговоров английский полковник Кисс...

Как два индейских петуха, важных и надутых, встретились атаман и генерал Пуль. На вопрос о полном подчинении всего войска Донского с его населением и армией генералу Деникину атаман ответил категорическим отказом. Армия — да, армия может подчиниться, но как совершенно самостоятельная армия. Войско теперь не может признать Деникина иначе, как через атамана.

— Вы имеете, — сказал атаман, — австралийскую армию, она отлично дралась у вас, но она самостоятельна. Поверьте, что генерал Деникин только выиграет оттого, если Донская армия не распылится и не уничтожится, а будет в руках у своего атамана.

Присутствующий при разговоре генерал Драгомиров стал настаивать на том, что Донская армия должна войти в Добровольческую армию не как нечто целое, а подчиниться вполне. Все назначения, все распоряжения по ней должны идти только через штаб Добровольческой армии, иначе какое же это единое командование! Все войско Донское, со всем его населением, хлебом и иными средствами снабжения должно отойти в распоряжение генерала Деникина, который должен распределять все это согласно с требованиями всего фронта, всей армии.

Атаман не согласился с этим, и Пуль стал на его сторону. Генерал Пуль считал, что предложение атамана передать полностью всю армию и самого себя в подчинение генералу Деникину, который будет иметь сношения с войском Донским через него, атамана, вполне приемлемо. После этого разговор стал идти спокойнее. Генерал Пуль становился все более сторонником атамана, и против предложений и требований генерала Драгомирова уже было два голоса — атамана и генерала Пуля.

Генерал Пуль спросил атамана о его дальнейших планах.

Атаман принес карты и показал, как он полагал бы при помощи иностранных войск освободить Россию. Первое — оккупация и успокоение Украины — как Украины, а не России, второе — движение на соединение с чехословаками и Колчаком, третье — движение всеми силами на Москву.

Оказалось, что и у Пуля был тот же план — создать единый фронт от Сибири до берегов Черного моря.

Около трех часов дня после с лишком трехчасового разговора генерал Пуль покинул вагон атамана, обещая ему в ближайшие дни посетить войско Донское и на месте ознакомиться, как и куда направить войсковые части для помощи Дону в его наступлении на Воронеж и Царицын...

Уже в темноте разошлись по своим вагонам генерал Пуль и атаман, и поезда пошли один на восток, другой на запад.

Атаман приобрел себе союзника в лице генерала Пуля и ехал с глубокою верою в то, что англичане и французы на этих же днях прочно займут Украину и, может быть, двинутся и к Царицыну...

ГЛАВА XVII

Свидание донского атамана с С. Д. Сазоновым. — Приезд генерала Щербачева в Новочеркасск. — Общее заседание Щербачева, Деникина, донского атамана и чинов Добровольческой и Донской армий в Торговой. — Приказ генерала Деникина о вступлении в командование всеми вооруженными силами юга России.

Как результат свидания с генералом Пулем должно было последовать соглашение с генералом Деникиным, и отношения между Доном и Добровольческой армией должны были вылиться в строго определенные формы.

16 декабря в той же Кушевке атаман съехался с С. Д. Сазоновым и Нератовым и представил им генерал-лейтенанта Свечина, генерал-майора Герасимова, члена Большого войскового круга Георгия Ивановича Карева и г. Павлова, назначенных атаманом как Донская совещательная комиссия при С. Д. Сазонове, отправлявшемся в Париж как представитель Дона и Добровольческой армии. Атаман настаивал на признании за Доном прав на управление своим кругом и атаманом и на праве содержать свою армию. Со стороны С. Д. Сазонова это возражений не встретило.

21 декабря в Новочеркасск прибыл генерал от инфантерии Щербачев. Цель его поездки была примирить и согласовать деятельность генерала Деникина и атамана и устроить единое командование, без чего союзники отказывались чем бы то ни было помогать.

Было решено, что в ближайшие дни атаман съедется и сго-

ворится с генералом Деникиным о формах осуществления единого командования.

В тот же день вечером генерал Щербачев уехал из Новочеркасска в Екатеринодар.

26 декабря атаман свиделся с генералом Деникиным на станции Торговая. В поезде у генерала Деникина состоялось под его председательством совещание, в котором приняли участие генералы: Щербачев, Драгомиров, начальник штаба Добровольческой армии Романовский, атаман Донского войска, командующий Донской армией Денисов и др. От Кубанского войска не было допущено никаких представителей.

Заседание открыл генерал Деникин, который сказал, что с приходом союзников борьба с большевиками принимает более планомерный характер и что необходимо столкнуться и прийти к сознанию необходимости единой воли и единого управления в делах внешних сношений, устроить единую общую сеть железных дорог, одну банковскую систему, общий почтовый союз, общий суд и, наконец, гласно признать единое командование.

Донская армия и донской флот должны быть наравне с прочими вооруженными силами подчинены главнокомандующему. Донская конница должна быть передана на те участки, которые ей укажет главнокомандующий с тем, что Добровольческая армия компенсирует ее пехотой, свободный резерв Дона должен быть передан в полное распоряжение главнокомандующего, в Донской армии не могут быть на командных должностях только донские казаки, но должны находиться также и начальники от Добровольческой армии. Воронежский, Саратовский и Астраханский корпуса должны быть переданы в распоряжение Добровольческой армии, должны быть напечатаны общие уставы и установлены общие правила чиновпроизводства во всех армиях, действующих на юге России. Назначения на должности командиров корпусов и выше делаются главнокомандующим в Донской армии по соглашению с донским атаманом. Все офицеры генерального штаба подчиняются главнокомандующему, минуя донского атамана, в Донской и Добровольческой армиях устанавливаются одинаковые нормы содержания и пенсии. Право мобилизации принадлежит главнокомандующему, все снабжение, откуда бы оно ни шло, принадлежит главнокомандующему, который распоряжается также и хлебом и углем, беря и то и другое на учет.

Вопросы гласного признания единого командования вызвали крайне резкие возражения со стороны командующего армией генерала Денисова. Возражая ему, генерал Драгомиров употребил неосторожное, а может быть, и умышленно сказанное выражение — «временная автономия Донского войска». Это вызвало яростный ответ Денисова.

После очень долгих переговоров при участии генерала Щербачева удалось установить, что все-таки Донская армия в полном составе должна перейти в подчинение генералу Деникину.

— Это неперемненное требование союзников, — сказал генерал Щербачев, — без исполнения этого условия они откажутся чем бы то ни было помогать нам.

— Для Дона, — снова упрямо сказал Денисов, — единого командования не надо, и Дон без такового свободно может жить. Единое командование нужно для России, и вы требуете этой жертвы во имя ее. Но казак этой жертвы не поймет, и самый факт признания открыто и публично такого подчинения разложит Дон.

— Но поймите, — сказал Щербачев Денисову, — что без этого союзники нам ничего не дадут.

— Дону ничего и не надо, — возразил Денисов. — Разве только моральная поддержка. А вот если Дон вследствие этого подчинения со всеми его последствиями развалится и разложится, то, полагаю, союзникам это не будет все равно.

— Но почему же Дон развалится от того, что я вступлю в командование? — спросил Деникин.

— Это сделает пропаганда, — ответил Денисов.

— Против этой пропаганды мы устраиваем контрпропаганду, — возразил генерал Драгомиров, — на этих днях будет устроен особый отдел, целое министерство агитации и пропаганды.

— И во главе его поставлен Н. Е. Парамонов, личный враг атамана, мстительный социалист-революционер, известный тем, что еще в 1905 году своими брошюрами издательства «Донская речь» разлагал русскую армию, — сказал Денисов.

— Но ничего подобного, — вспыхнув, воскликнул генерал Деникин. — Кто вам это сказал?

— Это пишут в газетах, — отвечал Денисов, — против атамана в Екатеринодаре идет определенная кампания, и мы знаем, что специально для его ареста или уничтожения генерал Семилетов формирует в Новороссийске отряд.

— Я первый раз об этом слышу, — сказал Деникин. — Абрам Михайлович, разве поручены нами какие-либо формирования генералу Семилетову?

Генерал Драгомиров промолчал.

— Мало ли что пишут в газетах, — сказал Деникин. — Меня в них не меньше, нежели вас, ругают.

— Я не знаю, Антон Иванович, — отвечал атаман, — какие меры принимаете вы в Екатеринодаре, но могу засвидетельствовать одно: ни в одной из выходящих на Дону газет нет ни одного слова против вас; что касается екатеринодарских газет, то они полны такой гнусной клеветы по моему адресу, что я должен был запретить их ввоз на Дон. И их все-таки везут и

подпольным путем распространяют на позициях, и когда площадную брань по моему адресу усталый от войны казак читает в «Царицынских известиях», прокламациях Миронова или какой-нибудь «Красной газете», он этому не верит, но когда ему то же самое пишут из союзного Екатеринодара, в нем зарождается сомнение и тревога. И как не тревожится?! Атаман — немецкий ставленник, союзники ни за что не помогут атаману, с атаманом ездили ряженные донские офицеры, а не англичане и французы и. т. д., и т. д., — согласитесь, что это может сломать и самого правоверного. А последнее время стали ездить семилетовские офицеры и просто уговаривать казаков прекратить войну, пока я у них атаманом.

Переговоры постоянно заходили в неизбежный тупик. Два раза, видя бесплодность добиться искреннего признания единого командования в его лице от донцов, генерал Деникин хотел прекратить переговоры, но всякий раз генерал Щербачев его останавливал. Атаман понимал, что это необходимо сделать, необходимо для союзников, и искал такой формы, которая наименее дала бы почвы для пропаганды в войсках. Даже мелочи и те вызывали страстный отпор.

Переговоры шли уже шестой час, сгущались сумерки короткого зимнего дня, а решения никакого вынесено не было.

Наконец атаман сказал генералу Деникину:

— Антон Иванович, ввиду сложившейся обстановки я считаю необходимым признать над собою ваше верховное командование, но при сохранении автономии Донской армии и подчинении ее вам через меня. Давайте составим об этом приказ.

Генерал Деникин собственноручно написал приказ о своем вступлении в командование и о подчинении ему всех вооруженных сил юга России, действующих против большевиков.

— Хорошо, — сказал атаман, — я отдам этот приказ войску Донскому, но для того, чтобы избежать кривотолков о нарушении донской конституции, я сделаю к нему следующую добавку: «Объявляя этот приказ главнокомандующего вооруженными силами на юге России донским армиям, подтверждаю, что по соглашению моему с генералом Деникиным конституция Всевеликого войска Донского, Большим войсковым кругом утвержденная, нарушена не будет. Достояние Дона, вопросы о земле и недрах, условия быта и службы Донской армии этим командованием затронуты не будут, но делается это с весьма разумною целью достижения единства действий против большевиков».

— Но этим добавлением совершенно уничтожается весь смысл приказа о едином командовании, — сказал Драгомиров.

Деникин махнул рукою — делайте, мол, как хотите.

— Вы подписываете себе и войску смертный приговор, — сказал генерал Денисов атаману.

Итак, первое, что потребовали союзники, было выполнено. Единое командование осуществлено. Теперь оставалось только ожидать помощи от союзников и активной их работы.

ГЛАВА XVIII

Утомление казачьей армии. — Измена трех полков. — Комиссары в Вешенской станице. — Советская власть на севере Дона. — Красная Армия занимает северные станицы. — Неистовства большевиков в Вешенской станице.

На позициях казачьей армии от Мариуполя, где стоял дивизион л.-гв. атаманского полка, через Чертково и Кантемировку, через Богучар и Новохоперск, к Балашову и Царицыну и далее в заманычских степях до самого стыка с добровольцами под Ставрополем шла кипучая, страшно тяжелая боевая жизнь. Тяжести войны усугубились зимним временем. Зима наступила сразу в конце ноября и стояла суровая и холодная, с крутыми метелями и большим снегопадом. Примитивные казачьи окопы совершенно занесло снегом, черные фигуры казаков стали далеко видными, войска, жившие раньше в поле под открытым небом или в неглубоких землянках, стали жаться к деревням и селам. Борьба с Красной Армией часто шла уже не по тактическим соображениям закрепления за собою того или иного узла позиции, того или другого опорного пункта, а из-за тепла и крыши. Уходящий, кто бы он ни был, старался возможно более ухудшить положение врага и жег, что только мог успеть сжечь и уничтожить. Вместо домов доставались обгорелые стены с зияющими окнами и дверьми, без стекол и без мебели. Здесь новые части устраивались, как могли. Завешивали чем попало — мешками и рогожами — окна и битком набивались в комнаты, чтобы согреться животным теплом. В брошенных большевиками деревнях находили лазареты, полные больных, среди которых нередко лежали мертвые. Сыпной тиф косил Красную Армию, и сыпной тиф передался и на Донскую армию. Нужна была частая смена белья, а его не было, нужно было мыло, его не хватало, нужны были лазареты, их не успевали открывать.

Болезнь, полубредовое состояние перед нею понижали дух армии. Казаки приходили в отчаяние. Война шла уже десятый месяц, а не только не видно было конца, но с каждым шагом вперед положение становилось все более грозным и тяжелым. Красноармейцы осенью говорили, что они воевать будут только до зимы, а зимою разойдутся по домам, а на

деле зимою их атаки стали более решительными и смелыми, нежели раньше.

Казаки спрашивали пленных, почему это так.

— Нельзя, — отвечали красноармейцы. — Не пойдешь — расстреляют. Комиссар требует, чтобы шли. А откажешься, и самого убьют, и семье несдобровать.

Вся Россия шла на Дон. Вся Россия шла уничтожить казаков и мстить им за 1905 год. И страшно становилось казакам. Как же будут они одни против всей России? Весною, когда дрались под Новочеркасском и фронт был маленький, кругом была помощь. Слева стояли прочною стеною немцы, справа недалеко были кубанцы и добровольцы.

Теперь фронт стал непомерно большой, немцы ушли, и сколько слышно, у них тоже Советская республика, добровольцы застряли на Кавказе, и донцы остались совсем одинокими.

Приехали союзники. В ледяных окопах и в хатах, набитых людьми, рассказывали, что были англичане и французы, что они обещали помощь, а где же она? Атаман говорил и писал, что они высадились на берегу Черного моря, что они займут Украину и станут на место немцев, а вместо того атаманцев послали в Мариуполь, а из Каменской и из-под Царицына спешно послали резервы на западную границу войска, к Луганску и Гундоровской станице. Говорят, там нехорошо.

Фронт остался без резерва. Сзади никого нет, а когда сзади никого нет, жутко становится на фронте.

Если бы союзники пришли помогать, разве было бы так? Невольно напрашивалось сравнение с немцами. Как быстро подавались части корпуса генерала фон Кнёрцера в апреле и мае. Не успели оглянуться, как уже низкие серые каски торчат перед носом оторопелого «товарища» и слышны грозные окрики: «halt» и «ausgeschlossen». А ведь это были враги! Если враги так торопились помогать атаману, как же должны были спешить друзья?!

Сегодня были разведчики, офицеры — это понятно каждому казаку, что без разведки нельзя, — ну, а завтра или дня через три должны показаться и авангарды и главные силы, а вместо того атаман объявил новую мобилизацию и прямо говорит, что столица войска Донского в опасности.

Тут и пропаганды не нужно было, дело было ясное — обман.

На Рождество, к 28-му, Верхне-Донскому, Мигулинскому и Казанскому полкам, стоявшим в Воронежской губернии, к северу от Богучара, пришли парламентареры от Красной Армии. Это были не обычные парламентареры, приходившие и раньше сдаваться, это были люди, посланные от «рабоче-крестьянской» армии. Командиры полков и офицеры не успели ничего сделать, как казаки сбежались к ним толпою, и на позиции

устроился митинг, на котором казаки, развесив уши, слушали то, что им говорили пришедшие от Красной Армии люди.

Они говорили хорошие и правильные, как казалось простому измученному войною казаку, вещи.

— Мы вашего не трогаем, — говорили они, — зачем же вы идете на нас? Вы донские?

— Донские, — отвечали дружно казаки.

— Так зачем же вы сидите в Воронежской губернии? Чай, всю Россию не освободите. Вас мало, а Россия как велика! Всех крестьян не перебьете, а если мир станет против вас, и от вас ничего не останется.

— Правильно! — вздыхали казаки.

— Идите, товарищи, по домам. Мы вас не тронем. Вы живите у себя спокойно по станицам, и мы будем жить спокойно. Повоевали, и довольны.

— Что ж, это правильные речи, — говорили казаки.

— А приказ атамана? — вспоминали некоторые.

— Атамана? Да ведь он, товарищи, давно проданся немцам за четыре миллиона.

Цифра поражала. Четыре миллиона! Может быть, и правда проданся.

— Так что же, станичники, здесь, что ли, стоять будем да вшей кормить? А, так, что ль? — раздавались голоса. — Айда по домам, ребятушки, праздник Христов. Они нас не тронут. Такие же хрестьяне, должны понимать!

Офицеры попытались помешать уходу с позиции, но кого арестовали — со времен Временного правительства это было привычное занятие — арестовывать офицеров, — кто и сам, чуя недоброе, бежал от своих казаков. Во главе 28-го пешего полка стал бойкий и развратный казак Фомин. Он повел полк в станицу Вешенскую, где находился штаб северного фронта с генералом Ивановым (Матвеем Матвеевичем). Генерал Иванов не имел силы арестовать Фомина, окруженного большою толпою своих приверженцев. Фомин и казаки Верхне-Донского полка не решались напасть на штаб, охранявшийся несколькими десятками обозных казаков. Это опять была бы война, а воевать они не хотели. В одной и той же станице, в полном напряжении, стояли два враждебных лагеря. Работа штаба стала невозможной, и генерал Иванов переехал на тридцать верст, в станицу Каргинскую, где казаки еще держались и даже собирались жестоко наказать вешенцев за измену казачьему делу. Фомин захватил телеграф с Новочеркасском. Атаман передал ему приказ образумиться и стать на позицию, угрожая полевым судом. Фомин ответил площадной бранью. Атаман отправил в Вешенскую карательный отряд, но события развивались уже быстрым темпом.

Три полка, оставившие фронт, занимали линию около сорока верст. За ними была укрепленная Богучарская позиция

с проволочными заграждениями, та самая «буржуйская» затея, которая так не нравилась Красной Армии. Изменники-казаки оставили ее без защиты. У Богучара было только две сотни пешего пограничного полка, составленные из молодых крестьян Донского войска, и те передались большевикам.

Фомин, отвечая бранью атаману, знал, на что он идет, но он уже рассчитывал, что сила будет на его стороне.

Первые три дня по приходе казанцев и мигулинцев домой все было спокойно. Потом в Казанскую станицу на хорошей тройке приехало три молодых человека в отличных шубах. Они потребовали общего сбора казаков. Когда казаки собрались в станичном управлении, молодые люди поднялись на трибуну и оказались прекрасно одетыми в ловко сидящих на них френчах, с кольцами с самоцветными камнями на холевых пальцах и очень бойко говорящими. Они доказывали превосходство народной Советской власти перед какою-либо другою и предлагали немедленно приступить к выборам Совета и исполнительного комитета. Станичного атамана не было. Он поехал с докладом в Новочеркасск; появилось на собрании вино, «царские деньги» целыми пачками, и «Советская власть» была признана. Ворчали только старики, но как-то так оказалось, что их живо связали и отправили в станичную тюрьму...

Вешенская станица не отстала от Казанской. Фомин объявил себя комиссаром, и при нем тоже появились приезжие молодые люди для того, чтобы руководить его действиями и учить, как устроить станицу по советскому образцу.

Донской атаман приехал с английскими и французскими офицерами в станицу Каргинскую в 30 верстах от Вешенской, где собирал казаков и указывал им на скорую помощь союзников и необходимость немного потерпеть и уничтожить крамолу внутри войска. Из станицы Усть-Бело-Калитвенской походным порядком шел отряд в шестьдесят отборных казаков с войсковым старшиною Романом Лазаревым для того, чтобы привести к повиновению бунтующих вешенцев.

Не дремал и Фомин. В ту же ночь, когда атаман был в Каргинской, он собрал казаков в Вешенской и там повел такую речь:

— В Каргинской не настоящий атаман, а самозванец и с ним ряженные офицеры под француза и англичанина, и нам надо его выманить сюда и здесь посмотреть, какой он есть. Здесь и рассудим — или к стенке его поставим, с союзниками, или препроводим для суда в Москву, или своим судом здесь накажем. Оборвем погоны и изобличим переодетых союзников.

Нашлись на собрании и благоразумные казаки.

— Атамана мы знаем, — заявили они, — мы с ним в Атаманском полку служили.

— Я шесть лет трубачом ездил, когда атаман полковым адъютантом был, — слава Богу, узнаю, он или нет.

Решено было снарядить сани в Каргинскую, чтобы посмотреть на атамана. Так и сделали. Посланные не только повидали атамана, но, несмотря на то, что за ними следили агенты Фомина, успели передать атаману о настроении в Вешенской станице и просили его не приезжать в Вешенскую без значительной воинской силы. Между тем Фомин, чувствуя, что ему не миновать петли и что он зашел слишком далеко, принял более серьезные меры. Вешенцы волновались. Старики, помнившие и отца, и деда атамана, который сам был родом из Вешенской станицы, требовали подчинения атаману. Вернувшиеся сослуживцы — однополчане атамана — передали, что атаман подлинный, настоящий и они его и он их узнал, даже фамилии помнил. Только постарел очень. А все-таки тот же. Без обмана. И союзники с ним настоящие. Все как следует быть! Заколебались вешенцы. У них уже явилась мысль связать Фомина и с покаянной ехать к атаману. Но тут пришло известие, что девять дивизий Красной Армии перешли границу войска Донского и быстро идут к Вешенской станице. Фомин сам принялся арестовывать приверженцев атамана и готовился к встрече Красной Армии.

Красная Армия шла походным порядком, не разворачиваясь и даже не высылая мер охранения. Растерянные казаки встретили ее хлебом-солью.

Прорыв фронта, углубление в Верхне-Донской округ больших сил Красной Армии тяжело отозвались на соседнем Хоперском округе, и он без всякого давления со стороны противника покатился назад, сдавая мироновским казакам станицу за станицей.

У атамана в это время не было ни одного свободного казака. Все было послано на оборону западного фронта. Там спешно формировалась ударная группа для защиты Зверева и Лихой. Угроза нависла над Новочеркасском. Спасти положение могли только добровольцы или союзники.

ГЛАВА XIX

Приезд английской и французской миссий в Новочеркасск. — Речь атамана на официальном обеде. — Союзники на фронте под Царицыном. — Посещение союзниками заводов и мастерских. — Посещение северного флота.

В эти тяжелые дни атаман принимал екатеринодарских гостей — союзные миссии, прибывшие в полном составе ознакомиться с положением на фронте, чтобы немедленно помочь. Это уже не была повышенно радостная ликующая

встреча, какую встречали капитанов Бонда и Ошэна, но это было серьезное деловое свидание с людьми, желающими помочь и спасти Россию.

Так казалось... Этому верили...

28 декабря в Новочеркасск прибыли английский начальник военной миссии на Кавказе генерал-майор Пуль, его начальник штаба полковник Кисс и с ними три английских офицера и представитель генерала Франшэ д'Эсперэ — капитан Фуке, представитель генерала Бертелло капитан Бертелло и лейтенанты Эглон и Эрлиш. В 6 часов вечера в атаманском дворце был парадный обед, на котором обменялись речами. Атаман по-французски говорил о том, что последние часы бытия России наступают и вооруженная помощь нужна немедленно.

Если первая речь атамана союзникам, если его первая мольба о помощи России была пропитана слезами, то здесь из каждого слова сквозила кровь, раны и мучения.

Союзники поняли это. В медленной, полной величавого достоинства ответной речи генерал Пуль засвидетельствовал, что помощь будет. После него говорил о том же Фуке, затем встал лейтенант Эрлиш. Он восторженно и радостно на чисто русском языке, лишь с незначительным южным акцентом, сказал о том, что французы пойдут вместе с добровольцами и казаками на Москву. Он говорил, что атаман проявил большую мудрость, признавши над собою власть генерала Деникина. Теперь союзники безотлагательно явятся помочь казакам. Его речь, полная исторических выкриков, немного митинговая, не понравилась образованной части донского общества, бывшей на обеде, но наэлектризовала простых казаков, членов круга. События на севере войска казались уже пустяками. Через неделю явится сюда бригада англичан, и все будет ликвидировано.

Генерал Пуль искренно верил в то, что по его слову будут переброшены войска из Салоник и Батума, о чем и сказал атаману.

В 10 часов обед был окончен, и все приехавшие отправились в атаманский поезд, чтобы ехать на фронт. Время было серьезное, боевое, медлить было нельзя. Все «фронты» настойчиво требовали союзников.

В 10 часов утра холодного зимнего дня поезд медленно подходил к станции Чир на царицынском фронте, к штабу генерала К. К. Мамонтова. На перроне замер, взявши «на караул», почетный караул, подобный которому можно было видеть только во времена наполеоновских войн...

От штаба генерал Пуль поехал к резервам. Там при нем поднялись, несмотря на мороз, пять донских аэропланов и полетели бросать бомбы в Царицын. Генералу Пулю показали броневые поезда, отбитые у Красной Армии, и самодельный

броневой поезд, построенный в мастерских Владикавказской дороги в Ростове, потом поехали на позицию...

У последней батареи вышли из автомобиля. Уже было темно, и были видны, лишь когда подойдешь вплотную, врытые в землю пушки и коренастые фигуры тепло одетых в шубы артиллеристов. Много было среди них бородатых старообрядцев.

Генерал Пуль отвел атамана в сторону и сказал ему медленно, раздельно, подыскивая слова, по-французски:

— Теперь я все понимаю. Благодарю вас. Там в Добровольческой армии мне показывали батальоны. Шестьдесят человек — батальон. Молодежь. Дети. Интеллигенция... Я поздравляю вас, генерал, вы имеете настоящую армию...

На другой день атаман с союзниками посетили Провальский войсковой конный завод. Опять генерал Пуль был поражен богатством войска Донского. Еще летом атаман скупил Харьковский пункт Гальтимора, и теперь он показывал отличных жеребцов, кобыл и молодежь, любовался ими в прекрасном манеже, где шла выводка по строго заведенному коннозаводческому порядку, а сам в это время вполголоса совещался с генералом Бобриковым, начальником завода, о том, куда вывезти завод, если придется его эвакуировать, потому что уже и заводу угрожала опасность.

30 декабря союзные миссии осматривали владикавказские мастерские в Ростове, где шел ремонт паровозов и где заново строили паровозы. Союзники были потом в экспедиции заготовления государственных бумаг, где печатали в это время денежные знаки, и на заводе сельскохозяйственных машин «Акса́й».

2 января капитан Бертелло осматривал новочеркасскую военно-ремесленную школу, где видел изготовление седел, ранцев, патронташей, шитье сапог, мундиров и белья для Донской армии. 3 января союзники видели уже оживший и пущенный в ход Русско-балтийский завод в Таганроге, где при них выделяли гильзы, отливали пули, вставляли их в мельхиоровую оболочку, насыпали порохом патроны — словом, завод уже был в полном ходу. Потом смотрели кожевенный завод.

Чем больше видел Пуль, тем становился он любезнее к атаману, и вместе с тем озабоченнее. В промежутках между поездками и осмотрами он часами совещался с атаманом о том, как помочь войску. Он понял, что помощь нужна немедленная.

— Вы могли бы дать для наших солдат две тысячи тех прекрасных шуб, которыми вы снабжали нас во время поездки на позицию? — спросил он атамана.

— Конечно, мог бы.

— Хорошо. Подготовьте их к посылке в Новороссийск.

Я надеюсь устроить так, что дней через пять у вас будет батальон, а через две недели бригада. И я уверен, что если ваши люди увидят наших людей, они быстро ликвидируют этот прорыв. Я теперь же поеду в Екатеринодар, а оттуда в Лондон. В Лондоне я скорее все это устрою. Это будет лучше для вас, если я буду хлопотать за вас в Лондоне.

Генерал Пуль отказался от поездки на северный фронт. Он торопился в Екатеринодар и Лондон, чтобы активно помогать Донскому войску...

Пуль не знал в это время, что политика Англии уже переменялась.

Пуль уехал в Лондон, ничего не сделавши. Его приказ о посылке бригады из Батума не был исполнен. В Лондоне он был отстранен от ответственных должностей. Ему дали понять, что Англии нужны друзья Англии, но не России. На его место был прислан сухой и точный бригадный генерал Бригсс, этот мог лучше вести политику и на каждый вопрос генерала Деникина или кого-либо неизменно отвечал: «Об этом я снесусь с Константинополем», «из Константинополя еще нет по этому поводу указаний». Даже такой пустяк, как разрешение русскому человеку въехать в русский Батум, требовал запроса Константинополя, а оттуда Лондона. Дела решались неделями и месяцами, а Троцкий и Ленин в это время не дремали и спешили убедить Красную Армию, что союзники России не помогут.

6 января атаман с двумя молодыми английскими офицерами Эдвардсом и Олькот и французами Бертелло и Эрлишем поехал в Вешенскую станицу. Был сильный мороз — 14° R при ветре, а в степи и того больше. Несмотря на то, что всем иностранным офицерам были выданы большие бараньи папахи и шубы, они, не привыкшие к холоду, сильно мерзли. Пришлось ехать с остановками, отогреваясь по хуторам. Только в 4 часа дня, уже в сумерки, прибыли в Каргинскую. Здесь в станичном правлении атаман призывал собранных там казаков к верности войску и к терпению, говорил о том, что союзники прибыли и союзные войска скоро помогут со всею своею могучей техникой казакам. Молча слушали казаки. Когда атаман говорил о насилиях большевиков, сзади из толпы кто-то крикнул: «неправда!»

Это было первый раз на Дону, что прервали речь атамана.

Потом говорил Эрлиш. Слишком хорошо по-русски сказанная им речь возбудила подозрение, что он не француз, а разженный русский офицер или еврей, нанятый атаманом.

Ночь провели в Каргинской. Каргинские казаки не спали. Они караулили у дома, где был атаман и союзники, и несли патрули по станице. Опасались нападения вешенских казаков, да и в самой станице уже начинался раскол. С кем идти — с атаманом ли или с большевиками?

Трусливое большинство решило идти с тем, кто будет сильнее.

8 января союзники уехали. Капитан Фукэ и капитан Бертелло обещали настоять на том, чтобы французские войска немедленно были двинуты вдоль западной границы Донского войска и заняли бы Харьков.

— Если бы это было так, — сказал атаман, — я мог бы всю молодую армию бросить в Верхне-Донской и Хоперский округа и снова быть в Воронежской губернии.

Смутно было на душе у атамана. Он понимал, какой разлад внесли союзники в настроение войск и фронта, и знал, что если теперь они не придут, как не пришли после ноябрьского посещения, казаки не устоят.

ГЛАВА XX

Переписка атамана с генералом Деникиным о помощи войску Донскому. — Интриги некоторых членов круга против атамана. — Атаман готов сложить свои полномочия. — Беседа атамана с Городыским, Харламовым и членами круга. — Отказ генерала Деникина поддерживать атамана.

После отдания приказа о вступлении генерала Деникина в командование всеми вооруженными силами юга России донской фронт подчинился ему, и потому та катастрофа, которая произошла в Верхне-Донском округе, не могла не интересоваться главнокомандующего. Помимо обычных, по прямому проводу ежедневно передаваемых точных сведений о всем, что происходит на фронте, донской атаман писал об этом неоднократно главнокомандующему. Донской атаман не боялся побед Красной Армии, но он боялся разложения Донской армии. Его не то смущало, что части Хоперского и Усть-Медведицкого округов отступают в глубь войска и уже находятся недалеко от железнодорожной линии Лихая — Царицын и группа генерала Мамонтова может быть отрезана от своей базы — Новочеркаска, а его смущало то, что эти части отступали без боя, что многие части сдавались красным, что бросали обозы, орудия и патроны, — все то, что было создано такими трудами.

10 января атаман издал приказ по войску, где, рассеивая все толки о том, что он немецкий ставленник, что союзники идут не с ним и Добровольческой армией, но с большевиками, что с атаманом на фронте ездили не английские и французские офицеры, но ряженные казаки офицеры, что теперь атаман якобы продает донских казаков русским генералам и прочее, призывал казаков к дальнейшему исполнению ими долга, указывая на то, что с прибытием союзников недалек

день общей победы над большевиками и торжества правды над насилием. Приказ этот был послан во все казачьи части Екатеринодарские газеты, продолжая травлю атамана, перепечатали этот приказ с недостойными комментариями, искажая смысл приказа и в эту грозную минуту развала натравливая казаков против атамана...

8 января атаман писал генералу Деникину:

«События идут скорее, нежели я ожидал. На Украине, в Харьковской и Екатеринославской губерниях разложение полное. Большевики послали туда пока четыре своих полка, около которых спешно формируют целую армию. По имеющимся у меня сведениям, они предполагают двинуть 90 тысяч войска при сильной артиллерии на Луганск, Дебальцево, Юзовку, чтобы выйти в Таганрогский округ, где они рассчитывают найти благодарную почву для поднятия всего населения округа против казаков, а также перехватить у станций Зверево и Лихой Юго-Восточную железную дорогу и отрезать центр войска от северного и царицынского фронтов...

На севере нас побеждает не сила оружия противника, но сила его злостной пропаганды, причем в этой последней принимали участие и агенты генерала Семилетова (разложение Вешенской, Казанской и Мигулинской станиц). Вот почему меня очень удивило, что один из деятельных работников по организации пропаганды против меня, Н. Е. Парамонов, назначается вами управляющим отделом российской пропаганды. Свои соображения по этому поводу я высказал в письме А. М. Драгомирову, в конце при сем прилагаемом...

Генералу Драгомирову относительно устройства отдела пропаганды и назначения начальником его Н. Е. Парамонова атаман, между прочим, писал: «Всем известно, что деятельности и капиталам Н. Е. Парамонова обязано русское общество и русская армия своим разложением в 1905 и 1917 годах. Это его книгоиздательство «Донская речь» выпустило те миллионы социальных брошюр, которые влились в русский народ и привили ему яд бунта и большевизма. Социал-демократ по убеждениям, капиталист, а последнее время и крупный спекулянт, Н. Е. Парамонов все восемь месяцев моего управления войском Донским шел против меня. Это на его деньги велась сильная агитация на Большом войсковом кругу против меня. Это на его деньги содержится и формируется генералом Семилетовым отряд политического, а не боевого назначения, это на его деньги ведется и сейчас пропаганда против меня в войсках донского фронта. Не характерно ли то, что на этих днях взбунтовались четыре полка, все имеющие своими депутатами на кругу или самого Н. Е. Парамонова, или его ставленников? Если командование Добровольческой армии же-

даст непременно устранить меня с моего тяжелого поста, не проще ли и не честнее ли прямо мне сказать, чтобы я ушел, нежели валить меня путем пропаганды, потому что этим путем вы и меня свалите, но и Дон не устоит. Выгодно ли это для России да и для Добровольческой армии? Я не тянусь к власти. Более того, она меня тяготит, я ее ненавижу. Когда соберется круг, я поставлю вопрос ребром о моем увольнении и сошлюсь на желание такого удаления меня из Добровольческой армии, для которой я слишком непослушный сын...»

Ответом на эти письма было некоторое усиление деятельности дивизии генерала Май-Маевского, которая подошла к Бахмуту, отправление Воронежского корпуса на ст. Синельниково и последовавшее через пять дней после этого назначение Н. Е. Парамонова управляющим отделом пропаганды. Все эти пять дней генерал Деникин почти ежедневно совещался с председателем войскового круга В. А. Харламовым и некоторыми членами войскового круга из оппозиции атаману. Атаман понял, что после этого поступка ему нельзя оставаться на своем посту: помогать войску, пока он атаман, генерал Деникин не будет...

11 января атаман писал генералу Деникину: «...С одной стороны, вследствие крайнего утомления от непрерывных в течение девяти месяцев боев, без всякой смены и отдыха, потому что сменить было некем, а отдыха не давали непрерывно напивавшие советские войска, с другой стороны, вследствие пропаганды, идущей как с севера от врагов внешних, так и с юга от врагов внутренних, северный фронт мой разлагается и колеблется. Из тех телеграмм, которые доложит вам начальник войскового штаба генерал-майор Поляков, выезжающий завтра в Екатеринодар, ваше превосходительство увидите, в каком крайне тяжелом положении находится сейчас донской фронт. Казанская, Мигулинская и Вешенская станицы изменили и передались советским властям. В Вешенской уже сидит комиссар и учрежден Совет. Это на широком фронте в сто верст образовало прорыв и угрожает левому флангу полковника Савватеева, работающего у Урюпинской станицы, и правому флангу генерала Фицхелаурова у Талов и Богучара. Это совершенно разрушило управление северным фронтом, штаб которого находился в самой Вешенской станице!..

...Как моральная поддержка, необходима немедленно, теперь же, в течение трех-пяти дней, присылка в Верхне-Донской и Хоперский округа хотя бы двух батальонов иностранцев...»

Это письмом и обстоятельный доклад начальника донского штаба заставили генерала Деникина направить еще два полка на подкрепление генералу Май-Маевскому и несколько обес-

покоить союзные миссии просьбою начать продвижение французского десанта в глубь Украины...

17 января вечером председатель войскового круга В. А. Харламов с членами Солдатовым, Бондыревым и Дувакиным явились к атаману с настойчивою просьбою, ввиду грозных событий на фронте, немедленно собрать круг и объявить открытыми его заседания. Атаман отказал, мотивируя свой отказ тем, что такой экстренный созыв круга излишне взволнует фронт, и без того уже достаточно потрясенный, что всякий раз, когда бывает сессия круга, фронт болезненно отнесется ко всему, что там происходит, и что вообще атаман предпочел бы впредь до улучшения обстановки на фронте круга не созывать, но раз уж сессия его объявлена на 1 февраля, пусть и будет 1 февраля.

Из разговоров с прибывающими членами круга председатель круга мог выяснить, что о смене атамана и новых выборах не может быть и речи. Неудачи на фронте приписывали не атаману, а общему утомлению казаков и неумелому командованию генерала Денисова, которого многие офицеры не любили за его резкий правдивый характер и крутой нрав. Смены его многие желали, но не смены атамана.

Тогда было решено усилить пропаганду против атамана и привлечь для этого не только парамоновские деньги, но и деньги ростовских евреев. Были пущены слухи, что в Ростове и Екатеринодаре ожидаются жестокие еврейские погромы и что атаман этому сочувствует.

В двадцатых числах января к атаману явился председатель еврейской общины в Ростове, присяжный поверенный Городынский и попросил разрешения задать два совершенно прямых и откровенных вопроса.

— Задавайте. И я вам так же прямо и откровенно отвечу, потому что у меня тайн нет, — отвечал атаман.

— Носятся слухи — слов нет, темные слухи — о том, что в Ростове и Екатеринодаре ожидаются еврейские погромы, — сказал Городынский.

— Эти слухи пущены моими врагами, — сказал атаман, — И никакой почвы под собой не имеют. Вы знаете, что я никакого ни над кем насилия ни справа, ни слева не допущу. В Ростове у меня для этого есть хорошая полиция и достаточный и вполне надежный гарнизон, что касается Екатеринодара, то этот город находится вне моего ведения, и о нем я ничего не могу сказать.

— Очень вам благодарен за ваше утешительное слово, — сказал Городынский, — я и не сомневался, что вы мне так ответите. Теперь, скажите мне, могут ли рассчитывать ростовские евреи, ну хотя бы и не сейчас, но впоследствии быть допущены в круг, хотя бы в виде депутации, и иметь возможность перед кругом отстаивать свои права?

— Пока я Донским атаманом, — отвечал атаман, — никто, кроме донских казаков, не будет допущен к решению судеб Дона.

Городысский поклонился и вышел...

20 января атаман в еще более решительной форме написал генералу Деникину о военном и политическом положении Донского войска и просил у него уже не только помощи и совета:

«...Под влиянием злостной пропаганды, — писал атаман, — пущенной большевиками с севера и подкрепленной громадными суммами романовских денег (достаточно сказать, что в одной Вешенской станице в один день на угощение казаков, признавших Советскую власть, было отпущено пятнадцать тысяч рублей), при помощи пропаганды с юга, так как статьи газет «Кубанец», «Великая Россия» и других используются большевиками как средство агитации против меня, при помощи наезжих гастролеров с юга северный фронт Донской армии быстро разваливается. Части генерал-майора Савватеева отходят к рекам Дону, Арчаде и Медведице без всякого сопротивления. Командный состав снова терроризирован арестами, срыванием погон и насилиями. Утомление девяти-месячной борьбой при полном одиночестве на северном фронте, жестокие морозы, стоявшие этот месяц (21°—27° С), вьюги, глубокие снега, отсутствие обуви и теплой одежды довершили дело разложения казачьей массы. Яд недоверия стал слишком силен, и люди в лучшем случае расходятся с оружием в руках по домам, в худшем — передаются «товарищу Миронову», который сулит им золотые горы и рай Советской власти. Если этот пожар перекинется за Дон, где в Донецком, 2-м Донском, 1-м Донском и особенно Таганрогском округах слишком много горючего материала среди крестьянской массы, то к марту месяцу мы вернемся к тому, что имели год тому назад, и кровавая годичная борьба сведется на нет.

На быструю помощь союзников рассчитывать нельзя. Они своими неисполненными обещаниями сыграли немалую роль в разложении фронта. Генерал Пуль 5 января обещал мне, что не позже как через 10—12 дней он пришлет мне два батальона на северный фронт, и просил приготовить 2000 валенок и шуб, но прошло уже шестнадцать дней, а о них и не слышно, и сколько можно догадываться, в союзном командовании идут большие трения по поводу присылки войск. Капитан Фуке определенно работает на разложение Донской армии, громкогласно повсюду провозглашая, что войску Донскому никакой помощи оказано не будет, потому что атаман Краснов — немецкий ставленник, не признает единого командования и пр., и пр., на чем играют большевики.

А между тем благодаря блестящим победам доблестной

Добровольческой армии является полная возможность спасти Россию и без всякой иностранной помощи. Мы еще не потеряли нашего оружия, и самого малого толчка достаточно теперь, чтобы оздоровить казаков и вернуть их к исполнению ими долга.

Теперь это возможно, через неделю это, может быть, будет поздно...

Ваше превосходительство, мы на переломе, и если теперь не помочь Дону, — я боюсь, что его так расшатают мои враги, что весною вместо этого придется завоевывать Дон от Мирнова иностранной силой...

Я очень просил бы, ваше превосходительство, с полной откровенностью ответить мне на следующий вопрос:

Не считаете ли вы своевременным, чтобы в февральскую сессию круга я настойчиво просил круг освободить меня от должности атамана. Я вижу, что имя мое слишком неприятно для Екатеринодара и представителя Франции капитана Фукэ. Может быть, оставаясь на своем посту, я приношу более вреда, нежели пользы для войска, и настало время уйти. Я не хотел этого места; не жаждал власти, я ее ненавижу, и травля, поднятая против меня в Екатеринодаре, слишком утомляет меня и не дает возможности спокойно работать. К сожалению, кроме генерала Денисова, я не имею заместителя, так как остальные по своей слабыхарактерности вряд ли справятся с тою бурною обстановкою, которая сложилась теперь. 1 февраля съезжается круг, и, если я не получу от вас моральной поддержки и требования остаться на своем посту, я буду настаивать об освобождении меня от несения обязанностей донского атамана».

На это письмо генерал Деникин не замедлил ответить, что он сам замечает, что газетная травля атамана переходит границы приличия и что им закрыта издававшаяся С. П. Черевковым газета; что же касается до того, оставаться атаману на своем посту или нет, то генерал Деникин считает, что это личное дело атамана с кругом и вмешиваться в него он не будет.

Одновременно с этим генерал Деникин начал сношения с председателем совета управляющих отделами на Дону генерал-лейтенантом Богаевским, считая его вполне приемлемым заместителем атамана.

Для помощи Дону были собраны две дивизии кубанских казаков, но с посылкою их на север генерал Деникин медлил. Они были посажены в вагоны и эшелонированы по линии Тихорецкая — Ростов.

Деникин выжидал круга и того, что на нем будет.

Атаман понял, что он дольше оставаться на своем посту не может, хотя бы этого и хотел круг и требовали долг и присяга его перед войском...

ГЛАВА XXI

«Условия» французского представителя капитана Фукэ. — Письмо атамана генералу Франшэ Д'Эсперэ. — Отношение генерала Деникина к вымогательству французов.

В эти тяжелые дни, когда катастрофа надвигалась на войско Донское и атаман тщетно молил о помощи, именно 27 января к нему прибыл с чрезвычайными полномочиями начальник французской миссии капитан Фукэ и с ним английский капитан Келзет. Капитан Фукэ накануне потребовал, чтобы за ним был выслан специальный поезд. Он ехал благодетельствовать Донское войско и считал, что он имеет право на особый почет. Капитан Келзет ехал с целью осмотреть платформы для перевозки танков и дать указания, какие надо построить подпорки для их погрузки. По его словам, танки уже выехали из Англии и должны были дней через пять быть на Дону.

Капитан Фукэ просидел целый вечер у атамана, интересуясь положением на фронтах. Он подробно расспрашивал атамана о том, какая ему нужна помощь от иностранцев.

— Вы понимаете, — говорил он, — что наши солдаты не могут ни жить, ни воевать в тех условиях, в каких находятся ваши. Они требуют хороших теплых казарм, жизни в городе и вполне обеспеченной коммуникационной линии, чтобы они имели железнодорожную связь со своим тылом, со своими госпиталями и базой снабжения. Укажите такие пункты, куда мы могли бы поставить свои войска и где они оказали бы помощь казакам.

— Если бы вы заняли Луганск и обеспечили угольный район своими гарнизонами, вы имели бы для своих войск и культурные условия и помогли бы добровольцам идти дальше к северу, а я мог бы бросить весь отряд генерала Коновалова на север в Хоперский округ, — отвечал атаман.

— Отлично. Завтра же туда будет послана бригада пехоты через Мариуполь, — сказал Фукэ.

Он просил провести его на прямой провод с Екатеринодаром и в присутствии атамана, командующего армией и начальника штаба передал донским шифром зашифрованную телеграмму о том, что он требует немедленно отправки бригады пехоты в Луганск.

— Ну, вот видите, — говорил он атаману нагло покровительственным тоном, — топ аті, теперь все будет отлично. Верьте мне, что только Франция является вашим искренним союзником. Я попрошу вас составить письмо с изложением положения на Дону генералу Франшэ Д'Эсперэ, где, главное, удостоверьте его в том, что вами признано единое командование генерала Деникина. Это вопрос, который очень беспокоит генерала. Все будет хорошо. О! Я чувствую, что все будет

отлично... Не зайдете ли вы завтра ко мне в 10 часов утра, чтобы окончательно закрепить наше дело, и я сообщу вам уже сведения о движении нашей бригады в Луганск...

28 января в 10 часов утра атаман зашел к капитану Фукэ, помещавшемуся в номере Центральной гостиницы. Он застал у него французского консула в Ростове господина Гильомэ. Фукэ попросил остаться втроем без посторонних свидетелей. Он был взволнован. Он достал несколько листов, напечатанных на машинке и, видимо, спешно, этой же ночью или рано утром изготовленных, и, подавая их атаману, сказал:

— Здесь условие в четырех экземплярах. Два — для меня, потому что, вы понимаете, что я должен обо всем, обо всем доносить моему генералу, одно оставит у себя консул и одно для вас. Видите ли вы, я настаиваю на том, чтобы я периодически получал от вашего штаба все карты и сводки, которые вы отправляете генералу Деникину, и тоже в двух экземплярах — для меня и для генерала Франшэ Д'Эсперэ. Вы мне передадите обещанное письмо для генерала Франшэ Д'Эсперэ с изложением положения дел на Дону и с указанием того, что для вас необходимо нужно, а затем я попрошу вас подписать эти условия.

И капитан Фукэ передал атаману свои листки. В них значилось: «Мы, представители французского главного командования на Черном море, капитан Фукэ, с одной стороны, и донской атаман, председатель совета министров Донского войска, представители донского правительства и круга, с другой, сим удостоверяем, что с сего числа и впредь:

1. Мы вполне признаем полное и единое командование над собою генерала Деникина и его совета министров.

2. Как высшую над собою власть в военном, политическом, административном и внутреннем отношении признаем власть французского главнокомандующего генерала Франшэ Д'Эсперэ.

3. Согласно с переговорами 9 февраля (28 января) с капитаном Фукэ, все эти вопросы выяснены с ним вместе, и что с сего времени все распоряжения, отдаваемые войску, будут делаться с ведома капитана Фукэ.

4. Мы обязываемся всем достоянием войска Донского заплатить все убытки французских граждан, проживающих в угольном районе «Донец» и где бы они ни находились, происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они ни выражались — в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы, мы обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года, для чего составить особую комис-

сию из представителей угольных промышленников и французского консула...»

Атаман прочел это оригинальное условие и смотрел широко раскрытыми глазами на Фукэ.

— Это все? — спросил он возмущенным тоном.

— Все, — отвечал Фукэ. — Без этого вы не получите ни одного солдата. Mais, mon ami, вы понимаете, что в вашем положении il n'y a pas d'issue!..

— Замолчите! — воскликнул атаман. — Эти ваши условия я доложу совету управляющих, я сообщу всему кругу... Пусть знают, как помогает нам благородная Франция!..

И атаман вышел с этими листками.

Легко сказать: «Я сообщу об этом всему кругу и казакам». Легко сказать, что Франция, ни чего не обещающая и ничем не обязываясь, требует полного подчинения всего войска Донского в политическом, военном, административном и внутреннем отношениях, да и не только войска, но и самого Деникина и Добровольческой армии генералу Франшэ Д'Эсперэ, представителями которого являются Эрлиш и Фукэ! Сказать это значило бы лишить войско Донское последней надежды на помощь, лишить надежды тогда, когда фронт держался исключительно этой надеждой! Не только сказать этого, но и показать было нельзя!

Так вот она, так долго и так страстно ожидаемая помощь союзников, вот она пришла наконец, и что же она принесла!

Жизнь предъявляла свои требования. Пока никто не мог видеть, что между атаманом и представителем Франции произошел разрыв, и атаман с капитаном Фукэ поехал показывать ему Новочеркасское военное училище и Донской корпус. И тут и там капитан Фукэ говорил патриотические речи и заверял молодежь, что Франция не забыла тех услуг, которые оказали ей русские в великой войне, и что она скоро широко поможет войску Донскому.

И слушали его дети тех, кто в это время умирал в снегах на жестоком морозе, отстаивая каждый шаг Донской земли, дети тех, кто, изверившись в этой помощи, в отчаянии бросал оружие и ходил куда глаза глядят в сознании своего бессилия...

Вернувшись домой, атаман написал письмо Франшэ Д'Эсперэ...

Это письмо повез капитан Фукэ в тот же вечер для отправки особым курьером, и с тем же поездом атаман отправил генералу Деникину офицера с письмом, где в выражениях, полных негодования, описывал требования капитана Фукэ и прилагал подлинные условия, данные ему Фукэ.

29 января атаман получил телеграмму от капитана Фукэ, в которой тот писал, что он не пошлет войска в Луганск до тех пор, пока не получит с особым курьером присланного ему

подписанного атаманом и прочими лицами соглашения о подчинении генералу Франшэ Д'Эсперэ и об уплате всех убытков французских горнопромышленников.

В 8 часов вечера атаман собрал чрезвычайное совещание управляющих отделами и членов круга и прочел им требования представителя Франции. Все правительство и интеллигентная часть круга высказали свое полное негодование по поводу наглого поступка капитана Фукэ, — простые казаки молчали. Вопрос слишком близко касался их, и они готовы были подчиниться не только французскому генералу, но и самому черту, лишь бы избавиться от большевиков. Члены правительства и круга в лице его председателя В. А. Харламова выразили одобрение действиям атамана и сказали, что атаман иначе и не мог поступить.

Генерал Деникин на письмо атамана отозвался сейчас же следующей телеграммой:

«...0109. Главнокомандующий получил ваше письмо и приложенные документы, возмущен сделанными вами предложениями, которые произведены без ведома главнокомандующего, и вполне одобряет ваше отношение к предложениям. Подробная телеграмма следует вслед за этим. Екатеринодар, 30 января 1919 года. 01524. Романовский...»

Но легче от этого не было. Факт оставался фактом. Прошло почти три месяца со дня первой связи с союзниками, а помощи от них не было никакой. Фронт быстро разлагался. 30 января еще четыре хороших полка на северном фронте перешли на сторону красных.

В Новочеркасске служили панихиды по атаману Каледину — была годовщина его смерти — и хоронили командующего Южной армией генерала от артиллерии Иванова — он умер 29 января в Новочеркасске от сыпного тифа, и невольно печальные воспоминания и сопоставления шли в голову.

Тяжелые это были дни. Дни смятения и сомнения, и в эти дни на свою сессию собирался Большой войсковой круг.

ГЛАВА XXII

**Положение на фронте Донской армии к 27 января 1919 года. —
Планы командующего армией.**

К 27 января положение на фронте Донской армии было очень тяжелым, но не безнадежным. Красная Армия занимала весь Верхне-Донской округ и местами вошла клином в Донецкий округ, весь Хоперский округ и северную часть Усть-Медведицкого округа. Фронт Красной Армии шел от станций Картушино и Колпаково Екатерининской железной дороги к ст. Первозвановка, станице Луганской, причем Луганск с его

патронным заводом был занят большевиками, потом, огибая границу войска Донского, к Стрельцовке, Великоцкому и пограничной железнодорожной станции Черткове, за которой круто спускался к югу в войско Донское и доходил до слободы Макеевки; этот фронт занимала группа товарища *Кожеевникова* (начальник штаба — генерального штаба *Дуткевич*), состоявшая из 4-й дивизии матроса *Дыбенко*, 1-й дивизии *Козина* и 3-й дивизии *Сиротина* — всего 20 000 штыков при 20 орудиях. Против нее успешно действовала группа генерала *Коновалова* из частей молодой армии и старых мобилизованных казаков, всего около 8000 штыков и сабель при 16 конных орудиях и двух броневых поездах.

Далее фронт красных занимала VIII армия *Гиттиса* из 12-й дивизии *Ратайского* и 13-й дивизии *Кольчигина*, всего 22 000 штыков и сабель при 62 орудиях. Это была ударная группа, направленная для овладения станцией Миллерово. Ее успешно сдерживал генерал *Фицхелауров* с 10 000 казаков и небольшим отрядом добровольцев Харьковской губернии. Настроение отряда было хорошее, но генерал *Фицхелауров* сильно тревожился за свой правый фланг, который обходила Уральская дивизия IX Красной Армии *Княгницкого*, имевшей начальником штаба офицера генерального штаба. Эта Уральская дивизия, пользуясь событиями в Вешенской станице и растерянностью казаков, то и дело изменявших войску, прошла по реке Чиру до станицы Краснокутской и угрожала станице Чернышевской. От Краснокутской фронт, сдерживаемый казаками Хоперского округа генерала *Савватеева*, шел к северу к станице Усть-Хоперской (15-я дивизия *Гусарского*), Усть-Медведицкой, где была собрана для удара 14-я дивизия *Ролько* (генерального штаба) и корпус казачьего офицера *Миронова* из 23-й и 16-й дивизий (*Сдобнова*), фронт IX армии доходил до ст. Каменской Усть-Медведицкого округа. В IX армии было 44 000 штыков и сабель при 130 орудиях. Против генерала *Мамонтова* действовала X армия *Худякова* — 26 000 штыков и сабель и 239 орудий, состоявшая из 1-й камышинской дивизии *Антонюка*, 1-й Донской кавалерийской дивизии *Думенко*, Украинской коммунистической конной бригады, Доно-Ставропольской дивизии *Семенова*, Коммунистической дивизии *Савицкого*, 1-й Морозовско-Донецкой дивизии *Мухомерцова*. Стальной дивизии *Греленко*, 1-й Донской советской стрелковой дивизии (Котельниковой) *Шевкоплясова* и конной бригады. Фронт X армии шел по реке Дону от Каменской Усть-Медведицкого округа до Качалинской, потом шел к реке Волге у Орловки и огибал Царицын через Гумрак, Воропоново и Сарепту. Наконец, с востока на село Торговое Астраханской губернии и Ремонтное нажимали части степного фронта *Терехова* (5500 штыков и сабель и 6 орудий) и группа *Ригельмана* (6000 штыков и сабель и 11 орудий). Всего на войско

Донское наступало 123 500 красноармейцев при 468 орудиях. Войско же Донское, считая и железнодорожную стражу и гарнизоны городов и станиц, имело 76 500 человек под ружьем при 79 орудиях. Однако далеко не все эти люди могли стать на оборону границ. Сильно свирепствовал сыпной тиф и ослаблял ряды войск, начало обнаруживаться, особенно в частях, составленных из казаков Верхне-Донского, Хоперского и Усть-Медведицкого округов, уже занятых Красной Армией, большое дезертирство. Казаков тянуло в родные станицы узнать, что там делается, живы ли их родные, и они уходили из армии.

Командующим армией был составлен следующий план действий, одобренный атаманом. В районе станиц Каменской и Усть-Бело-Калитвенской генерал Денисов сосредоточивал ударную группу в 16 000 при 24 орудиях, в которую должны были войти лучшие части молодой армии и старые, испытанные в боях войска (в том числе и Гундоровский георгиевский полк). По сосредоточении, примерно к 5-6 февраля, группа эта должна была ударить на слободу Макеевку, совместно с частями генерала Фицхелаурова сбить 12-ю дивизию и, действуя во фланг и тыл 13-й и Уральской дивизий, идти в Хоперский округ оздоравливать и поднимать казаков. Такое движение сулило быстрый успех и возможное очищение Хоперского округа даже без помощи добровольцев, на которую атаман уже особенно не рассчитывал.

Атаман и командующий армией верили в успех и победу. Они понимали, что неудачи их кроются не в силе Красной Армии, а во внутреннем разложении казачьих частей, происходящем от сознания своего одиночества. Появление небольших иностранных или добровольческих частей, хотя бы только в ближнем тылу, изменило бы настроение и дало бы победный импульс Донской армии. Приближалась весна, проходили последние морозы. Разлив реки Дона задержал бы наступление Красной Армии, а с весною всегда пробуждалась и казачья доблесть, и атаман за фронт не боялся. Он боялся за внутреннее положение страны. Накануне созыва Большого войскового круга он получил известие, что отряд партизана Семилетова двинут из Новороссийска к Ростову для оказания давления в случае нужды на него, атамана. Гвардейские полки волновались и предлагали атаману уничтожить семилетовцев и, если нужно, разогнать круг. А сзади стоял Деникин с его невмешательством на словах во внутренние дела Дона, считавший, что вопрос об отставке атамана, избранного на три года, — вопрос только атамана и круга, его, так сказать, частное дело, и союзников с представителями, подобными Фукэ.

Командующему армией генералу Денисову атаман, безусловно, верил. Он с ним сжился за время войны — с 1915 по

1917 г., два года Денисов был начальником штаба у атамана, тогда начальника дивизии. Они думали одними думами и понимали друг друга с полуслова. Генерал Денисов был создателем Донской армии, и его трудам и талантам войско Донское было обязано своими победами и освобождением. Эти последние дни и генерал Денисов, и его начальник штаба генерал Поляков работали непрерывно дни и ночи. Днем им приходилось отбиваться от членов круга, депутатов различных округов, требовавших от них объяснений; почти каждый день Харламов собирал съехавшихся депутатов на частные совещания и приглашал на них Денисова и Полякова для докладов. Работать в штабе днем не приходилось, и всю сложную и ответственную работу по перегруппировке и сосредоточению сил, по отдаче приказаний и переговорам по прямому проводу пришлось перенести на ночь. Атаман знал и видел эту работу и еще более ценил этих самоотверженных, преданных войску генералов.

ГЛАВА XXIII

Заседание Большого войскового круга 1 февраля 1919 года. — Требование отставки генералов Денисова и Полякова. — Речь атамана. — Доклад генерала Денисова. — Травля его членами круга. — Заступничество атамана.

Первое заседание круга было назначено на 1 февраля после молебна в соборе в 11 часов утра. В 9 часов утра к атаману приехал председатель круга В. А. Харламов и сообщил ему, что круг решил требовать отставки Денисова и Полякова в категорической форме.

— В такой же категорической форме и я потребую своей отставки, — сказал атаман...

Уже при беглом взгляде на круг в зале Дворянского областного собрания атаман увидал, что круг не тот, что был 15 августа в дни побед. Да, лица были те же, но выражение их было не то. Тогда все фронтовики были в своих полковых погонах, с медалями и крестами на груди. Теперь все казаки и урядники и некоторые из младших офицеров были без погон. И это не была случайность. Даже спутник атамана по Абиссинии и большой его поклонник, правоверный старовер, урядник л.-гв. атаманского полка Архипов, не желая, видимо, выходить в атаманском мундире без погон, явился в какой-то вычурной синей гусарской венгерке, расшитой черными шнурами. Круг в лице своей серой части на всякий случай «демократизировался» и играл под большевиков. В президиуме заседал толстый и жирный Н. Е. Парамонов и узкими острыми глазами гипнотизировал круг. В августе его не было. Тогда

его, за две недели до круга, арестовали немцы, обвинивши его в сношениях с союзниками. Теперь он был здесь, и чувствовалось, что многие из членов круга уже подавлены его миллионами. Да он и сам не скрывал, что несколько десятков тысяч брошено им на обработку серой части круга.

При входе атамана круг не встал. Но когда атаман вышел на трибуну, чтобы говорить речь, его приветствовали аплодисментами, которые стали общими и захватили круг...

Донской атаман в большой речи обрисовал современное положение Дона. Он не скрывал трудности момента. Подробно изложил историю и роль немецкой оккупации Украины, ход переговоров и сношений с союзниками, историю вопроса об едином командовании вооруженными силами юга России. Высказываясь о причинах поражения, он относил их, главным образом, к чрезмерной растянутости фронта, увеличившейся после ухода немецких гарнизонов с пограничной территории Украины, к непосильности для Донской армии борьбы с противником, численно превосходным и технически лучше оборудованным, и к болезни, охватившей фронт и именуемой большевизмом. Вполне понимая всю ответственность момента, атаман предложил в секретном заседании прослушать в ряде документов о тех мерах, которые им принимались и принимаются для исправления положения. Он закончил свою речь выражениями полной уверенности, что с помощью Добровольческой армии беда будет уничтожена и враг снова выгнан за пределы Донского войска.

Речь атамана захватила круг, и по окончании ее его уже приветствовали по-старому.

Был объявлен перерыв, и посторонняя публика удалена из залы заседаний. Снова вышел атаман и в простой беседе, без ораторских приемов, рассказал о подлости представителя Франции капитана Фукэ, прочел его «условия», свое письмо по этому поводу генералу Деникину и его ответ и огласил свою переписку с генералом Деникиным и кубанским атаманом о помощи Донскому войску и сказал, что две дивизии кубанцев обещаны ему. Он намекнул и о том плане, который был выработан командующим армией и при помощи которого он надеется восстановить в ближайшие дни положение. В 4 часа дня заседание кончилось и возобновилось в 7 часов вечера.

Вечером около часа читал свой доклад председатель совета управляющих генерал-лейтенант Богаевский о внешнем положении войска Донского. Он напирал на то, что теперь при осуществлении одного командования войско Донское может ни за что не тревожиться, так как сила Добровольческой армии несокрушима и дело находится в надежных руках.

После генерала Богаевского говорил генерал Денисов. Бледный, страшно исхудавший за эти последние дни, нервный и измученный чрезмерной лихорадочной работой и бес-

сонными ночами, он на ряде громадных наглядных карт и схем пояснил кругу, что войско Донское поставлено в слишком тяжелые условия борьбы. 10 месяцев войны, зима, необычно суровая в этом году, болезни не могли не отозваться на нем.

«Утомление казаков, — говорил Денисов, — чувствовалось ясно еще и в ноябре месяце. Начальник штаба генерал Поляков докладывал, что его не радуют все те огромные успехи, какие были нами достигнуты, и если нам не будет оказана посторонняя помощь, то вряд ли мы удержим все то, чем завладели.

Второй причиной была гибель надежды на иноземную помощь, — продолжал командующий, — об этой помощи много говорилось и писалось, и фронт слишком долго ждал прибытия этой помощи. Нам присылалось много телеграмм с вопросом: когда же наконец придут союзники? И их неприход сыграл роковую роль.

Но главную роль в наших неудачах сыграла агитация. Агитация не только большевистская, пустившая в ход все средства — подкупы, посулы, обман, клевету и прочее, но и иная, которая выражалась в том, что общественные деятели домогались несколько раз моего свержения, настаивая несколько раз на моей отставке...»

Председатель круга понял, что в заседании 1 февраля победа осталась за атаманом. Он предложил, за поздним временем (было 12 часов ночи) и утомлением членов круга, закрыть заседание и обсудить отчеты донского атамана и генерала Денисова на другой день в окружных заседаниях, на свежую голову.

ГЛАВА XXIV

Покушение на убийство члена круга П. М. Агеева. — Заседание круга 2 февраля. — Отставка атамана. — Приезд генерала Деникина в Новочеркасск. — Речь генерала Деникина на кругу 3 февраля. — Отъезд из Новочеркаска бывшего атамана.

Когда на другой день члены круга стали собираться на совещания по кругам в женское епархиальное училище, где им было устроено общежитие, их поразили страшным известием: вчера ночью при возвращении с круга в глухой и пустынной улице двумя неизвестными молодыми людьми в солдатских шинелях ранен в живот член круга от Усть-Медведицкого округа и лидер донской социал-демократической партии, известный сотрудник атамана Каледина Павел Михайлович Агеев.

На Дону за все это время не было никаких террористических актов и политических убийств. Дон жил патриархальною,

тихою жизнью, и потому это событие взволновало членов круга. Каждый почувствовал, что, исполняя свой долг перед родиной, он подвергает свою жизнь опасности.

Кто мог интересоваться смертью Агеева? — Конечно, атаман! — говорили казаки. Агеев стоял во главе оппозиции правительству. Агеев разрабатывал земельный закон. Атаман, или его приспешник Денисов, или по его приказу земельные собственники совершили это покушение на убийство!

Что им за дело было до того, что покушение было сделано необыкновенно грубо, сыграно под атамана и притом с желанием наименьшей опасности для здоровья П. М. Агеева. Следили за ним от самого зала заседаний люди, откровенно одетые в военную форму, стреляли из малокалиберного детского револьвера, и только случайность — попали в живот — причинила довольно большие страдания Агееву и продолжительное лежание в лазарете; спутник Агеева и не побеспокоился преследовать преступников, наконец, стреляли именно в тот день и час, когда атаман более, нежели кто-либо, был заинтересован в спокойствии и полном благоволении к нему членов круга. Но покушались на жизнь «левого», оппозиции правительству, — значит, покушались «правые», покушалось правительство.

То настроение, которое удалось создать атаману на заседаниях 1 февраля, сменилось у одних озлоблением, у других растерянностью. Участь Денисова, а с ним и атамана была решена.

В 6 часов вечера круг собрался на заседание. После прочтения атаманом приказа по поводу покушения на Агеева, где атаман, высказывая общее осуждение всяким террористическим актам, требовал, чтобы виновные были во что бы то ни стало разысканы, выслушанного кругом в зловещей тишине, председатель круга предложил председателям окружных собраний высказаться по поводу вчерашних докладов атамана и генерала Денисова. 7 округов выразили недоверие командующему Донской армией генералу Денисову и начальнику штаба армии генералу Полякову и требовали их немедленной отставки. Только общее заседание представителей Черкасского, Ростовского и Таганрогского округов вынесло им доверие...

Тогда встал атаман. В речи, короткой и сказанной в очень сильных выражениях, он указал кругу, что круг берет на себя перед войском всю ответственность за такое решение. «Вы становитесь на путь России, — говорил атаман. — Сначала великий князь Николай Николаевич, потом Брусилов, потом Гучков, затем Керенский и главноверх Крыленко. Вы знаете, ибо сами это пережили, к чему это привело. Одумайтесь, что вы делаете, и не шатайте власти тогда, когда враг идет, чтобы вас уничтожить. Выраженное вами недоверие к командующему армией генералу Денисову и его начальнику штаба Полякову я

отношу всецело к себе, потому что я являюсь верховным вождем и руководителем Донской армии, а они только мои подчиненные и исполнители моей воли. Я уже вчера говорил вам, что устранить от сотрудничества со мною этих лиц это значит обрубить у меня правую и левую руки. Согласиться на их замену теперь я не могу, а потому я отказываюсь от должности донского атамана и прошу избрать мне преемника».

И атаман оставил зал заседаний круга при возгласах с мест:

— Нет, это не так... Атаману остаться. Атаману верим.

Просим остаться.

Председатель круга объявил перерыв и просил собраться по округам.

И здесь были сказаны те страшные слова, которые заставили поколебаться друзей атамана: «Это требование союзников», «это желание генерала Деникина», «без этого нам не будет оказано союзниками никакой помощи».

Отставку атамана вопреки закону баллотировали открытой баллотировкой, и она большинством голосов была принята.

В половине двенадцатого ночи председатель совета управляющих генерал-лейтенант Богаевский привез во дворец атаману следующее: «Постановление войскового круга Всевеликого войска Донского созыва 1919 года 2-й сессии, принятое в закрытом заседании 2 февраля 1919 года. В силу того, что донской атаман, генерал от кавалерии П. Н. Краснов, после выраженного войсковым кругом недоверия командующему Донской армией генерал-лейтенанту С. В. Денисову, заявил, что выражение этого недоверия простирается и на него, донского атамана, и потому он отказывается от должности донского атамана и просит круг озаботиться выбором ему преемника, войсковой круг постановил: отставку донского атамана П. Н. Краснова принять».

Согласно ст. 21 основных законов Всевеликого войска Донского, атаманская власть в войске Донском переходит к председателю совета управляющих отделами генерал-лейтенанту А. П. Богаевскому, впредь до избрания кругом атамана Всевеликого войска Донского. Председатель круга В. Харламов. Товарищи председателя круга Н. Парамонов, Ис. Быкадоров, П. Дудаков, И. Зенков, Б. Уланов, К. Попов. Секретарь: Ф. Крюков».

Атаман в это время собирался ехать навстречу генералу Деникину, которого ожидали в Новочеркасске 3 февраля. Богаевский отговаривал атамана ехать, но атаман решил встретиться главнокомандующего, чтобы лично доложить ему о своей отставке и, главное, о положении на фронтах.

В 8 часов утра атаман встретил генерала Деникина на станции Кущевка.

— Как жаль, что меня не было, — сказал Деникин. — Я бы не допустил вашей отставки.

— Настроение круга и войска таково, что всякое ваше желание будет исполнено. Казаки от вас ожидают спасения и все для вас сделают, — сказал атаман...

3 февраля генерал Деникин посетил войсковой круг... Отвечая на приветствие, генерал Деникин сказал: «Проносая вместе с Добровольческой армией по ее крестному пути неугасимую и непоколебимую веру в великое будущее единой, неделимой России, я не отделяю от блага и пользы России интересов Дона, я знаю, что сила, благоденствие и процветание Донского края служат залогом спасения России...

Я верю в здоровый разум, русское сердце и в любовь к родине донского казака, я верю, что ваша внутренняя я разруха, которой я не могу и не хочу быть судьей, не отразится на нашей общей работе в борьбе против врага Дона и России, и Дон будет спасен!..»

Из этой речи круг понял, что генерал Деникин одобряет отставку атамана и обещает помочь донским казакам...

Генерал Деникин завтракал у председателя совета управляющих генерала Богаевского и обедал у бывшего атамана. И тут и там он совещался с бывшим атаманом о дальнейшем устройстве войска. Он спросил бывшего атамана, кого он наметил бы на пост командующего армией и начальника штаба. Бывший атаман указал на генерал-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова, как на высокообразованного человека, понимающего военное дело, глубоко порядочного и честного. Начальником штаба он назвал генерала Кельчевского. К назначению предложенных ему Сидорина и Семилетова бывший атаман отнесся с полным отрицанием, как к личностям нечестным, беспринципным.

4 февраля утром генерал Деникин уехал на западный фронт, а 6 февраля вечером поехал и бывший атаман в свое изгнание.

Еще 2 февраля донской атаман приказал напечатать в «Донских ведомостях» свой прощальный приказ. Донской атаман заклинал казаков беречь будущее войска, детей и молодежь, дать им спокойно окончить учебные заведения и не пакостить молодые души участием в гражданской войне.

Завет атамана не был услышан. Новый командующий Донской армией генерал Сидорин назначил генерала Семилетова командующим партизанскими отрядами всего войска и поручил ему отбор студентов, кадетов и гимназистов в боевые дружины. Чья-то злобная рука под корень уничтожала надежды донских казаков — казачьих детей...

П. Н. Врангель

ЗАПИСКИ

ОТ РЕДАКЦИИ ЛЕТОПИСИ «БЕЛОЕ ДЕЛО»

В очередных пятой и шестой книгах летописи редакция временно отходит от своего намерения посвящать каждую книгу пяти фронтам борьбы против коммунизма и отдает обе книги одному Южному фронту, и в частности «Запискам» Главнокомандующего Русской армией генерала барона Петра Николаевича Врангеля.

Исключительная личность автора, его руководящая роль во время самой борьбы, всеобъемлющее значение, которое он имел в истории белой борьбы, и, наконец, олицетворение в нем для большинства русских людей, как находящихся за рубежом, так и оставшихся в России, самой идеи белой борьбы, которая всем им представляется неоконченной и по сей день, дает редакции уверенность в том, что решение ее отойти от установленного порядка покоится на твердом основании.

Редакция не считает себя компетентной давать характеристику и оценку личности П. Н. Врангеля. При жизни он всецело принадлежал родине, теперь он принадлежит истории. Его записки обрисовывают его исключительно кипучую деятельность с ноября 1916 года по ноябрь 1920 года. Подвиг его по сохранению русского беженства и возглавлявшейся им армии после эвакуации Крыма, несомненно, найдет своих историков.

Генерал Врангель, как бы предчувствуя, что ему надо спешить с решением вопроса об издании его труда, передал свою работу в распоряжение редакции летописи в феврале 1928 года, то есть за два месяца до своей безвременной кончины, отказавшись от какого-либо гонорара и вместо него поставив редакции условие, чтобы части армии, воинские союзы и отдельные чины их, при покупке книг, заключающих его работу, пользовались бы возможно большей скидкой.

После кончины генерала Врангеля редакция ограничилась только самыми необходимыми редакционными исправлениями, сдавая в печать рукопись в том виде, в каком она была принята от автора.

Посвященные почившему герою две книги нашей летописи да будут основой для описания того, как жил и боролся на счастье России один из лучших ее сынов...

А. фон ЛАМПЕ

Накануне переворота

После кровопролитных боев лета и осени 1916 года к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в лошадях, людях и материальной части за истекший боевой период.

Двухлетний тяжелый опыт войны не прошел даром: мы многому научились, а дорого обошедшиеся нам недочеты были учтены. Значительное число старших начальников, оказавшихся неподготовленными к ведению боя в современных условиях, вынуждены были оставить свои посты; жизнь выдвинула ряд способных военачальников. Однако протекционизм, свивший себе гнездо во всех отраслях русской жизни, по-прежнему сплошь и рядом выдвигал на командные посты лиц далеко не достойных. Шаблон, рутина, боязнь нарушить принцип старшинства все еще царили, особенно в высших штабах.

Состав армии за два года успел существенно измениться, выбыла большая часть кадровых офицеров, солдат, особенно в пехоте.

Новые офицеры ускоренных производств, не получившие воинского воспитания, чуждые военного духа, воспитателями солдат быть не могли. Они умели столь же красиво, как и кадровое офицерство, умирать за честь родины и родных знамен, но, оторванные от своих занятий и интересов, глубоко чуждых духу армии, с трудом перенося неизбежные лишения боевой жизни, ежеминутную опасность, голод, холод и грязь, они быстро падали духом, тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддержать дух своих солдат.

Солдаты после двух лет войны в значительной массе также были уже не те. Немногие оставшиеся в рядах старые солдаты, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения,

¹ Редакция, публикуя из «Записок» П. Н. Врангеля избранные главы, сочла необходимым любое вмешательство в текст мемуаров сократить до минимума, дабы читатель наш смог услышать как бы оживший голос одного из тех русских людей, что положил жизнь свою на алтарь Отчизны, а также и дыхание уже далекого времени, может быть, одного из самых трагических в истории нашей многострадальной Родины.

втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, те пополнения, которые беспрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то войсковую школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении домой и жаждали мира. В последних боях сплошь и рядом наблюдались случаи «самострелов», пальцевые ранения с целью отправки в тыл стали особенно часты. Наиболее слабы по составу были третьеочередные дивизии.

Со всем этим армия представляла собою все еще грозную силу, дух ее был все еще силен, и дисциплина держалась крепко. Мне неизвестны случаи каких-либо беспорядков или массовых выступлений в самой армии, и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено самое понятие о власти и дан наглядный пример сверху возможности нарушить связывающую офицеров и солдат присягу.

Двухлетняя война не могла не расшатать нравственные устои армии. Нравы огрубели; чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции — неизбежное следствие каждой войны — поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне.

В этом отношении много старались те многочисленные элементы, которыми за последние месяцы войны обрастала армия, особенно в ближайшем тылу: «земгусары», призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощи оппозиционной общественности, заполнили собою всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа облекались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии, главным образом прапорщиков, писарей, фельдшеров и солдат технических войск из «интеллигенции».

Офицерство и главная масса солдат строевых частей, перед лицом смертельной опасности, поглощенные мелочными заботами повседневной боевой жизни, почти лишенные газет, оставались чуждыми политике. Часть строевого офицерства лишь слабо отражала настроения, слухи и разговоры ближайших крупных штабов. Конечно, высший командный состав не мог оставаться безучастным в той волне общего политического неудовольствия и тревоги, которая грозно нарастала в тылу и, несомненно, грозила отразиться на нашем военном положении.

Становилось все более и более ясным, что там, в Петербурге, неблагополучно. Бесперывная смена министров, непрекращающиеся конфликты между правительством и Думой, все растущее количество петиций и обращений к государю различных общественных организаций, требовавших общественного контроля, наконец, тревожные слухи о нравственном облике окружавших государя лиц — все это не могло не волновать тех, кому дороги были Россия и армия.

Одни из старших начальников, глубоко любя родину и армию, жестоко страдали при виде роковых ошибок государя, видели ту опасность, которая нарастала и, искренне заблуждаясь, верили в возможность «дворцового переворота» и «бескровной революции». Ярким сторонником такого взгляда являлся начальник Уссурийской конной дивизии генерал Крымов, в дивизии которого я в то время командовал 1-м Нерчинским казачьим наследника цесаревича полком. Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своею и предсмертными словами: «Я умираю потому, что слишком люблю родину» доказал свой патриотизм. В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля устарили бы государя «дворцовым переворотом».

Другие начальники сознавали, что изменить положение необходимо, но сознавали вместе с тем, что всякий переворот, всякое насильственное выступление в то время, когда страна ведет кровавую борьбу с внешним врагом, не может иметь места, что такой переворот не пройдет безболезненно и что это будет началом развала армии и гибели России.

Наконец, среди старшего командного состава было немалое число и «приемлющих революцию» в чаянии найти в ней удовлетворение для своего честолюбия или свести счеты с тем или с другим неудобным начальником. Я глубоко убежден, что ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрешившись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить.

Зима 1916 года застала меня командиром 1-го Нерчинского казачьего наследника цесаревича полка, входившего в состав Уссурийской конной дивизии генерала Крымова. Кроме моего, в состав дивизии входили Приморский драгунский полк, который только что сдал старый его командир генерал Одинцов, оказавшийся впоследствии одним из видных генералов Красной Армии, Уссурийский и Амурский казачьи полки.

Уссурийская дивизия, составленная из сибирских уроженцев, отличных солдат, одинаково хорошо дерущихся как на коне, так и в пешем строю, под начальством генерала Крымова успела приобрести себе в армии заслуженную славу. Полк, которым я командовал уже более года, только что за блестящую атаку 22 августа в Лесистых Карпатах был награжден высоким отличием — наследник цесаревич был назначен шефом полка.

С отходом дивизии в армейский резерв, в Буковину, в район местечка Гадауц, я должен был во главе депутации от полка отправиться в Петербург для представления молодому шефу. Депутация вела с собой маленького забайкальского коня отличных форм, который должен был быть подведен наследнику, и везла с собой полную форму Нерчинского полка для поднесения цесаревичу.

В состав депутации входили: старший полковник полка Маковкин — блестящий офицер, потерявший в течение войны глаз, кавалер Георгиевского оружия, отличный спортсмен, дважды бравший Императорский приз на Красносельских скачках; командир 3-й сотни, наиболее отличившейся в упомянутой атаке, есаул Кудрявцев и полковой адъютант сотник Влесков.

Выбрать офицеров в состав делегации было нелегко, всем хотелось удостоиться этой чести, да и общий состав офицеров был таков, что трудно было наметить наиболее достойных. Нерчинский казачий полк отличался и до войны прекрасным офицерским составом. Полком долго командовал полковник Павлов, б. лейб-гусар, оставивший родной полк в начале японской войны и после кампании продолжавший службу на Дальнем Востоке. В описываемое время Павлов, получивший звание генерала, стоял во главе кавалерийского корпуса на северном фронте. Блестящий офицер, выдающийся спортсмен и знаток лошади, Павлов сумел, командуя Нерчинским казачьим полком в суровых условиях и на далекой окраине, поднять полк на исключительную высоту. Горячий сторонник чистокровной лошади, Павлов сумел акклиматизировать чистокровного коня и в суровом климате Сибири. Он посадил всех офицеров полка на чистокровных лошадей, завел офицерскую конюшню, и за последние перед войной годы ряд офицерских скачек на петроградском ипподроме был выигран офицерами полка на лошадях полковой конюшни. Высоко поддерживая строевой службы, Павлов требовал от офицеров и соответствующих моральных качеств, тщательно подбирая состав полка. Ко времени назначения моего командиром полка, большинство старых офицеров были офицеры, начавшие службу при Павлове. Со своей стороны, мне удалось привлечь в полк ряд прекрасных офицеров.

Большинство командиров Уссурийской дивизии, и в частности Нерчинского полка, во время гражданской войны ока-

залось в рядах армии адмирала Колчака, собравшись вокруг атамана Семенова и генерала Унгерна. В описываемое мною время оба эти генерала, коим суждено было впоследствии играть видную роль в гражданской войне, были в рядах Нерчинского полка, командуя 6-й и 5-й сотнями; оба в чине подьесаула.

Семенов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет, с несколько бурятским типом лица, ко времени принятия мною полка состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семенову не хватало ни образования (он окончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора, и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план гражданской войны.

Подьесаул барон Унгерн-Штернберг, или подьесаул «барон», как звали его казаки, был тип несравненно более интересный.

Такие типы, созданные для войны и эпохи потрясений, с трудом могли ужиться в обстановке мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпев крушение, они переводились в пограничную стражу или забрасывались судьбою в какие-либо полки на Дальневосточную окраину или Закавказье, где обстановка давала удовлетворение их беспокойной натуре.

Из прекрасной дворянской семьи лифляндских помещиков, барон Унгерн с раннего детства оказался предоставленным самому себе. Его мать, овдовев, молодой вышла вторично замуж и, по-видимому, перестала интересоваться своим сыном. С детства мечтая о войне, путешествиях и приключениях, барон Унгерн с возникновением японской войны бросается в корпус и зачисляется вольноопределяющимся в армейский пехотный полк, с которым рядовым проходит всю кампанию. Неоднократно раненный и награжденный солдатским Георгием, он возвращается в Россию и, устроенный родственниками в военное училище, с превеликим трудом кончает таковое.

Стремясь к приключениям и избегая обстановки мирной строевой службы, барон Унгерн из училища выходит в Амурской казачий полк, расположенный в Приамурье, но там остается недолго. Необузданный от природы, вспыльчивый и неуравновешенный, к тому же любящий запивать и буйный во хмелю, Унгерн затевает ссору с одним из сослуживцев и ударяет его. Оскорбленный шашкой ранит Унгерна в голову.

След от этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнейшие головные боли и, несомненно, периодами отражаясь на его психике. Вследствие ссоры оба офицера вынуждены были оставить полк.

Возвращаясь в Россию, Унгерн решает путь от Владивостока до Харбина проделать верхом. Он оставляет полк, верхом, в сопровождении охотничьей собаки и с охотничьим ружьем за плечами Унгерн около года проводит в дебрях и степях Приамурья, живя охотой и продажей убитой дичи, и наконец прибывает в Харбин. Возгоравшаяся Монголо-Китайская война застает его там. Унгерн не может оставаться безучастным зрителем. Он предлагает свои услуги монголам и предводительствует монгольской конницей, сражается за независимость Монголии. С началом Русско-Германской войны Унгерн поступает в Нерчинский полк и с места проявляет чудеса храбрости. Четыре раза раненный в течение одного года, он получает орден Св. Георгия, Георгиевское оружие и ко второму году войны представлен уже в чине есаула.

Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжеватыми усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только совершенно не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины, и против воинского воспитания — это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков сотни, ест из общего котла, и будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик.

В нем были какие-то странные противоречия: несомненный оригинальный и острый ум и рядом с этим поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость и рядом с этим безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительность и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта.

Этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты. В течение этой смуты он не мог не быть хоть временно выброшенным на гребень волны, и с прекращением смуты он также неизбежно должен был исчезнуть.

Я выехал в Петербург в середине ноября; несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации.

Последний раз я был в Петербурге около двух месяцев назад, когда приезжал лечиться после раны, полученной при атаке 22 августа. Общее настроение в столице еще ухудшилось со времени последнего моего посещения; во всех слоях общества чувствовалась растерянность, сознание неизбежности в ближайшее время чего-то огромного и важного, к чему роковыми шагами шла Россия. В то же время, если в среде кругов, близких к Думе и Государственному совету, среди так называемой «общественности» и была видимость какой-то напряженной работы, в сущности, не шедшей дальше словопрений и политической борьбы, если в рабочей среде и в тыловых воинских частях и велась глухо более планомерная и разрушительная работа, конечно, не без участия немецкого золота, то широкие слои населения проявляли обычную инертность, погрязши всецело в мелких заботах повседневной жизни. Так же стояли хвосты у лавок, так же полны были кинематографы и театры, те же серые обывательские разговоры слышались в толпе.

В верхах, близких к государю и двору, по-видимому, продолжали не отдавать себе отчета в надвигающейся грозе. Высшее общество и высшая бюрократия были, казалось, всецело поглощены обычными «важными» вопросами, кто куда будет назначен, что говорится в партии великого князя или императрицы... Светская жизнь шла своей обычной чередой, и казалось, что кругом меня не участники грядущей драмы, а посторонние зрители.

Через несколько дней после приезда я назначен был дежурным флигель-адъютантом к его императорскому величеству. Мне много раз доводилось близко видеть государя и говорить с ним. На всех, видевших его вблизи, государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера государя — прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум государя был быстрый, он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменил флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у императрицы. Мне подан был завтрак в дежурную комнату. После завтрака государь гулял, а затем принял несколько лиц, сколько я помню, вновь назна-

ченного министром здравоохранения профессора Рейна и министра финансов Барка.

Обедали на половине императрицы. Кроме меня, посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в семье государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда императрица принимала в нем участие, на французском языках. Я был поражен болезненным видом императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я ее не видел. Ярko выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение ее глаз. Императрица главным образом интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов. Великие княжны и наследник были веселы, шутили и смеялись. Наследник, недавно назначенный шефом полка, несколько раз задавал мне вопросы — какие в полку лошади, какая форма... После обеда перешли в гостиную императрицы, где пили кофе и просидели еще часа полтора...

На другой день, в воскресенье, я сопровождал государя, императрицу и великих княжон в церковь, где они присутствовали на обедне. Маленькая, расписанная в древнерусском стиле церковь была полна молящихся. Видя как молится царская семья, я невольно сравнивал спокойное, полное глубокого религиозного настроения лицо государя с напряженным, болезненно экзальтированным лицом императрицы. По возвращении из церкви я застал уже во дворе прибывшего сменить меня флигель-адъютанта графа Кутайсова.

26 ноября, я день праздника кавалеров ордена Св. Георгия, все кавалеры Георгиевского креста и Георгиевского оружия были приглашены в Народный дом, где должен был быть отслужен в присутствии государя торжественный молебен и предложен обед всем Георгиевским кавалерам. Имея орден Св. Георгия и Георгиевское оружие, я был среди присутствовавших.

Громадное число Георгиевских кавалеров, офицеров и солдат, находившихся в это время в Петрограде, заполнили театральный зал дома. Среди них было много раненых. Доставленные из лазаретов тяжело раненные располагались на сцене на носилках. Свита и приглашенные стояли в партере вплотную к сцене. Вскоре прибыл и государь с императрицей. По отслужению молебна генерал-адъютант принц Александр Петрович Ольденбургский взшел на сцену, поднял чарку и провозгласил здравицу государю императору и августейшей семье. Государь император выпил чарку и провозгласил «ура» в честь Георгиевских кавалеров, после чего государь и императрица обходили раненых, беседуя с ними. Я вновь, наблю-

дая за императрицей, беседовавшей, наклонившейся над носилками тяжело раненного, обратил внимание на болезненное выражение ее лица. Она, внимательно расспрашивая больного, в то же время, казалось, отсутствовала где-то. Видимо, выполняя что-то обязательное и неизбежное, она мыслями была далеко.

Наконец прибыли в Петербург офицеры делегации. Представление было назначено в Царском днем 4 декабря перед самым назначенным в этот день отъездом государя в ставку.

Отправив утром предназначенную быть подведенной наследнику лошадь, поседланную маленьким казачьим седлом, я выехал с депутацией по железной дороге, везя заказанную для наследника форму полка. Поезд наш должен был прибыть в Царское за полчаса до назначенного для представления государю депутации часа, и я рассчитывал, что успею до представления депутации доложить государю о моих офицерах, дабы государю легко было задавать вопросы представляющимся.

Вследствие какой-то неисправности пути поезд наш опоздал, и мы едва успели, сев в высланные за нами кареты, прибыть к назначенному часу во дворец. Встреченные дежурным флигель-адъютантом, мы только что вошли в зал, как государь в сопровождении наследника вышел к нам. Я представил государю офицеров, и сверх моего ожидания государь совершенно свободно, точно давно их знал, каждому задал несколько вопросов: полковника Маковкина он спросил, в котором году он взял императорский приз, есаулу Кудрявцеву сказал, что знает, как он во главе сотни 22 августа первый ворвался в окопы противника... Я лишний раз убедился, какой острой памятью обладал государь — во время последнего моего дежурства я вскользь упомянул об этих офицерах, и этого было достаточно, чтобы государь запомнил эти подробности.

После представления государь с наследником вышел на крыльцо, где осматривали подведенного депутацией коня. Тут же на крыльце Царскосельского дворца государь с наследником снялся в группе с депутацией.

Это, вероятно, одно из последних изображений государя во время его царствования, и это последний раз, что я видел Русского царя.

На Румынском фронте

Накануне представления государю депутации, я получил телеграмму от генерала Крымова с сообщением о переброске Уссурийской конной дивизии в Румынию и приказание немедленно прибыть в армию всем офицерам и солдатам дивизии, находившимся в командировках и отпусках.

На другой день после представления депутации, я, собрав моих офицеров и казаков, находившихся в Петербурге по разного рода причинам, выехал на фронт. По дороге к нам присоединились еще несколько офицеров и казаков, вызванных из отпусков или командировок и следовавших в армию.

До границы Румынии мы ехали беспрепятственно, но уже на самой границе стало ясно, что добираться до дивизии будет не так-то легко. Поспешная и беспорядочная эвакуация забила поездными составами все пути. Румынские войска продолжали на всем фронте отходить, и новые и новые поездные составы с ранеными, беженцами и войсковыми грузами беспрерывно прибывали, все более и более загромождая тыл. Пассажирское движение было приостановлено, в сутки отправлялся к югу лишь один пассажирский поезд, целыми часами простаивавший на всех станциях. Здесь впервые увидел я, ставшее впоследствии столь обыкновенным, путешествие на крышах вагонов. Не только крыши вагонов, но и буфера, и паровозы были облеплены пассажирами. Со мной было человек шесть офицеров и человек двадцать солдат. Я решил обратиться к румынскому коменданту, оказавшемуся чрезвычайно любезным офицером, отлично говорившим по-французски (вообще французский язык широко распространен в Румынии). После каких-то переговоров по аппарату с Яссами он любезно предоставил в мое распоряжение два вагона, из коих один II класса — для офицеров, другой, III класса — для солдат.

Прицепляясь к следовавшим на юг эшелонам, мы, хотя и весьма медленно, стали продвигаться к фронту. Буфеты на станциях оказались совершенно пустыми, все было съедено, в нетопленных вагонах холод был неопиcуемый, и мы считали часы, когда наконец окончится наш тяжелый путь. На станции Бырлат мы узнали, что через полчаса в направлении станции Текучи (я уже знал, что в этом пункте стоят обозы дивизии) идет пассажирский экспресс. Комендант станции обещал мне прицепить мои вагоны к поезду и пригласил пока к себе обогреться и выпить чаю. Я просил прицепить мои вагоны непосредственно за паровозом, дабы возможно быстро погреть их, и он обещал мне это сделать. Однако по какому-то недоразумению, вагон, в котором я следовал с офицерами, оказался прицепленным в хвост поезда. Это спасло нам жизнь. Не доходя 15 верст до станции Текучи, экспресс наш на шестидесятиверстной скорости врезался в следовавший на север эшелон. Четырнадцать передних вагонов было разбито в щепы, и несколько сот человек было убито и ранено. Наш вагон оказался висевшим над насыпью, и все мы попадали с наших мест, однако никто не пострадал. Трудно передать жуткую картину: в полной темноте из-под обломков вагонов неслись крики, стоны и плач. Некоторые вагоны загорелись, и много несчастных раненых погибло в огне.

Оставив при вещах двух казаков, мы пешком дошли до станции Текучи, откуда, разыскав наш обоз, выслали за багажом. В тот же день я на автомобиле с адъютантом выехал на Фокшаны по ужасному, разбитому непрерывным движением обозов и распутицей шоссе.

Мы двигались едва ли со скоростью 4-5 верст в час; шоссе и вся местность по сторонам были покрыты тянущимися на север обозами, толпами жителей и оборванных, большею частью без винтовок, солдат. Я увидел характерный отход разбитой и стихийно отступавшей армии. Вперемешку с лазаретными линейками, зарядными ящиками и орудиями следовали коляски, тележки с женщинами и детьми среди гор свертков, коробок и всякого домашнего скарба. Не могу забыть элегантного ландо с двумя отлично одетыми румынскими офицерами и несколькими нарядными дамами, запряженного уносными артиллерийскими конями в артиллерийском уборе...

Поздней ночью я встретил дивизию, отходившую на линию реки Серета. Мы простояли несколько дней на этой линии, а затем, смененные пехотой, усиленными переходами перешли в район Галаца, где сосредотачивалась крупная масса конницы, объединить которую должен был генерал от кавалерии граф Келлер. На нашем крайнем левом фланге шли жестокие бои, намечался прорыв нашей пехотой неприятельского фронта, и конницу нашу предполагалось бросить в тыл Макензену. Прорыв не удался, и, напрасно простояв сутки под открытым небом, под проливным дождем, конница вновь была оттянута в тыл. Наша дивизия отошла в район Текучи — Бырлат.

Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе.

Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне: «Наконец-то подлеца Гришку ухлопали...»

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух — великого князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям...

10 января я получил известие о состоявшемся назначении моем командиром 1-й бригады Уссурийской дивизии, в состав которой входили Приморский драгунский и мой Нерчинский казачий полки. Грустно было расставаться с полком, которым я командовал более 17-ти месяцев, с которым делил и тяготы боевой жизни, и ряд славных побед. Полк принимал старший полковник полка Маковкин, о назначении которого моим заместителем я еще в Петербурге просил государя и Походного Атамана великого князя Бориса Владимировича.

Сдав полк, я, воспользовавшись нахождением дивизии в армейском резерве, проехал на несколько дней в Яссы.

Я остановился в Яссах у посланника нашего А. А. Мосолова, однополчанина моего по конной гвардии. Квартиру в Яссах почти невозможно было найти, город был забит массой беженцев и тыловых армейских учреждений. Ожидался приезд великой княгини Виктории Федоровны, сестры королевы.

Не будучи близок к великой княгине, я не считал нужным ей представиться. Однако в день ее приезда ко мне заехал заведующий двором великой княгини, Гартунг, и передал приглашение великой княгини на другой день в 10 часов утра прибыть к ней во дворец королевы, где она остановилась.

В Яссах румынский двор не мог найти достаточно большого помещения, и король и королева с детьми помещались в разных домах. Королева занимала небольшой двухэтажный особняк на главной улице города; у ворот стоял караул в форме, напоминающей наших кавалергардов.

Я застал у великой княгини занимавшего пост русского коменданта города генерала Казакевича, бывшего преображенца и флигель-адъютанта. Великая княгиня задержала нас более часа. Она подробно рассказывала нам о всех последних событиях в Петербурге, об аресте и высылке в Персию великого князя Дмитрия Павловича, о коллективном письме, обращенном всеми членами императорской фамилии государю с мольбой о помиловании великого князя, об отказе в этом государю, о немилости, постигшей великого князя Николая Михайловича за резкое письмо его к государю, в котором высказывалась горькая и неприкрашенная правда. По ее словам, все ближайшие к государю члены его семьи ясно видели, какая опасность грозит династии и самой России, одна государыня не видела или не хотела этого видеть. Великая княгиня Елисавета Федоровна, сестра государыни, сама великая княгиня Виктория Федоровна, княгиня Юсупова, мать убийцы Распутина, князя Юсупова, мужа княжны Ирины Александровны, пытались открыть императрице глаза, но все было тщетно.

«Я знаю Россию дольше и лучше тебя, — сказала императ-

рица великой княгине Виктории Федоровне, — ты слышишь только то, что говорится в Петербурге, среди испорченной и далекой от народа аристократии. Ежели бы ты поехала с государем и со мной в одну из поездок наших на фронт, ты бы увидела, как народ и армия обожают государя».

Императрица, открыв ящик стола, показала великой княгине пачку связанных писем: «Вот все это письма офицеров и солдат, простых русских людей. Я получаю много таких писем каждый день, все они обожают государя и просят об одном, чтобы он был тверд и не уступал всем проискам Думы...»

Великая княгиня давала понять, что большинство членов императорской семьи и, главным образом, семья великой княгини Марии Павловны, признают необходимость изменить существующий порядок вещей и что в этом отношении с ними единоклубен ряд наиболее видных членов Думы...

Продолжительный разговор с великой княгиней Викторией Федоровной произвел на меня тягостное впечатление. Я, встречая великую княгиню постоянно в Петербурге, никогда к ней не был близок, и самое желание ее видеть меня, и откровенное посвящение ею во все эти подробности показались мне странными.

Дальнейшие события и выступление великого князя Кирилла Владимировича во главе «революционного» морского экипажа в один из первых дней переворота объясняют, быть может, многое.

На следующий день я был приглашен обедать к королеве. Кроме королевы с дочерьми и великой княгини, обеды статс-дама королевы и дежурный флигель-адъютант, гофмейстерина великой княгини С. П. Дурново и я. Я сидел с королевой, которая была так же мила, как и красива. Глядя на нее трудно было поверить, что взрослые великие княжны ее дочери. После обеда перешли в гостиную, заваленную привезенными великой княгиней подарками для солдат. Я душевно был рад, что разговор не возвращался к тяжелым вопросам, затронутым накануне.

Вернувшись домой, я нашел телеграмму о состоявшемся производстве меня за боевое отличие в генерал-майоры. Генерал Крымов, заболевший за несколько дней до моего отъезда в Яссы, выехал для лечения в Петербург, и в командование дивизией вступил временно командир второй бригады старый полковник Железнов, уральский казак. С производством моим в генералы мне надлежало вступить в командование дивизией, и я выехал на фронт.

В двадцатых числах января дивизия получила приказание перейти в район города Кишинева. Здесь сосредоточивалась большая часть русской конницы с Румынского фронта. Богатая местными средствами и, главным образом, фуражом, Бес-

сарабия давала возможность нашей коннице занять широкое квартирное расположение и в течение зимнего затишья на фронте подправиться и подкормиться.

Я повел дивизию крупными переходами. Стояла чрезвычайно снежная зима с обычными в этой части Румынии метелями. Однако привычные к зимнему походу забайкальские кони шли легко, и переход наш во вновь назначенный район мы сделали быстро и без особых затруднений.

Небольшой, чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обыкновенно тихий и молчаливый, был необычайно оживлен. Помимо моей дивизии, в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая Дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняла театры и рестораны.

Радужное кишиневское общество радо было случаю оказать гостеприимство нашим частям и самому повеселиться. Представители местного дворянства и крупного купечества наперерыв устраивали обеды, ужины и балы, и военная молодежь после двух лет тяжелой жизни веселилась от души. Через несколько дней после прибытия дивизии кишиневское дворянство устроило для офицеров в Дворянском собрании бал. После танцев перешли в столовую, где на отдельных столах был сервирован ужин, причем дамы сами подавали, присаживаясь к тому или иному столику. Через неделю дивизия давала в том же Дворянском собрании ответный бал кишиневскому обществу. Из окрестных стоянок прибыли два хора трубачей и песенники. Разошлись только с рассветом. Среди беззаботного веселья и повседневных мелочных забот, казалось, отлетели далеко тревоги последних долгих месяцев, и ничто не предвещало близкую грозу.

Одиннадцатого февраля прибыл из Петербурга генерал Крымов и дал новый повод местному обществу устроить в честь его ряд обедов и вечеров. Он также был далек от сознания, что роковой час почти пришел и гроза готова разразиться. Негодуя на ставку и правительство, осуждая «безумную и преступную» политику, приводя целый ряд новых, один другого возмутительнее примеров произвола, злоупотреблений и бездарности власти, он все же не отдавал себе отчета, что капля, долженствующая переполнить чашу терпения страны, уже повисла в воздухе.

На фронте и в тылу в дни переворота

Штаб дивизии расположился в 18-ти верстах от Кишинева в господском дворе «Ханки». В самом городе Кишиневе для чинов штаба, приезжавших в город по делам, была отведена

небольшая квартира. Части дивизии располагались в окрестных деревнях в 10-12 верстах от города. Первые дни по приезде генерал Крымов жил большею частью в городе, я же помещался при штабе дивизии в господском дворе «Ханки». Первого или второго марта в городе впервые стали передаваться слухи о каких-то беспорядках в Петербурге, о демонстрациях рабочих, о вооруженных столкновениях на улицах города. Ничего определенного, однако, известно, не было, и слухам не придавали особого значения.

4 или 5 марта, в то время, как я сел ужинать, вернулся из города ординарец штаба дивизии Приморского драгунского полка корнет Квитковский и передал мне о слышанных им в городе слухах о всеобщем восстании в Петербурге и о том, что «из среды Думы выделено будто бы Временное правительство». Более подробных сведений он дать не мог. В часов восемь вечера меня вызвал из города к телефону генерал Крымов. По голосу его я понял, что он сильно взволнован: «В Петербурге восстание, государь отрекся от престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам».

Я просил генерала Крымова обождать и, позвав начальника штаба, приказал ему записывать за мной слова манифеста. Генерал Крымов читал, я громко повторял начальнику штаба отдельные фразы. Закончив чтение манифеста государя, генерал Крымов стал читать манифест великого князя Михаила Александровича. После первых же фраз я сказал начальнику штаба: «Это конец, это анархия».

Конечно, самый факт отречения царя, хотя и вызванный неудовлетворенностью общества, не мог тем не менее не потрясти глубоко народ и армию. Но главное было не в этом. Опасность была в уничтожении самой идеи монархии, в исчезновении самого монарха. Последние годы царствования отшатнули от государя сердца многих сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что государь действиями своими больше всего сам подрывает престол. Передача им власти сыну или брату была бы принята народом и армией не очень болезненно. Присягнув новому государю, русские люди так же, как испокон веков, продолжали бы служить царю и родине, и умирать за Веру, Царя и Отечество.

Но в настоящих условиях с падением царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ничем соответствующим заменены.

Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности своему царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны...

Надо сказать, что в эти решительные минуты не было ничего сделано со стороны старших руководителей для разъяснения армии происшедшего. Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть сверху психологией армии не было сделано. На этой почве неизбежно должен был произойти целый ряд недоразумений. Разноречивые, подчас совершенно бессмысленные толкования отречений государя и великого князя (так, один из руководителей пехотных полков объяснил своим солдатам, что «государь сошел с ума»), еще более спутали и затемнили в понятии войск положение. Я решил сообщить войскам о манифесте и с полной откровенностью рассказать все то, что было мне известно, — тяжелое положение в тылу, неудовольствие, вызванное в народе многими представителями власти, обманывавшими государя и тем затруднявшими проведение в стране мер, необходимых в связи с настоящей грозной войной. Обстоятельства, сопровождавшие отречение государя, мне неизвестны, но манифест, подписанный царем, мы, «присягавшие ему», должны беспрекословно выполнить, так же как и приказ великого князя Михаила Александровича, коему государь доверил свою власть.

Утром полкам были прочитаны оба акта и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом — недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции (технических команд, писарей, состава некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение.

Через день, объехав полки, я проехал к генералу Крымову в Кишинев. Я застал его в настроении приподнятом, он был весьма оптимистически настроен. Несмотря на то, что в городе повсеместно уже шли митинги и по улицам проходили какие-то демонстрировавшие толпы с красными флагами, где уже попадались отдельные солдаты из местного запасного батальона, он не придавал этому никакого значения: он искренне продолжал верить, что это переворот, а не начало всероссийской смуты. Он горячо доказывал, что армия, скованная на фронте, не будет вовлечена в политическую борьбу «и что было бы гораздо хуже, ежели бы все это произошло после войны, а особенно во время демобилизации... Тогда армия

просто бы разбежалась домой с оружием в руках и стала бы сама наводить порядки».

От него я узнал впервые список членов Временного Правительства. Из всех них один Гучков был относительно близок к армии — он находился в составе Красного Креста в Японскую кампанию, а последние годы состоял в Думе председателем комиссии военной обороны, с 1915 же года во главе военно-промышленного комитета. Однако назначение военным министром человека не военного, да еще во время войны, не могло не вызвать многих сомнений. Генерал Крымов, близко знавший Гучкова, возлагал на него огромные надежды: «О, Александр Иванович — это государственный человек, он знает армию не хуже нас с вами. Неужели же всякие Шуваевы только потому, что всю жизнь просидели в военном министерстве, лучше его? Да они ему в подметки не годятся...»

Имя князя Львова было известно как председатели Земского Союза, он имел репутацию честного человека и патриота. Милюков и Шингарев были известны как главные представители кадетской партии — талантливые ораторы... Были и имена совсем неизвестные — Терещенко, Некрасов... Действенного, сильного человека, способного схватить и удержать в своей руке колеблющуюся власть, среди всех этих имен не было.

Крымов передал мне и первые петербургские газеты. Сведения о всем происходившем там, приведенные речи некоторых членов Думы и самочинно образовавшегося совета рабочих и солдатских депутатов предвещали мало хорошего. С места образовалось двоевластие, и Временное правительство, видимо, не чувствовало в себе силы с ним бороться. В речах даже наиболее правых ораторов чувствовалось желание поддаться под революционную демократию... Больно ударили меня по сердцу впервые прозвучавшие слова о необходимости «примирить» солдат и офицеров, потребовать от офицеров «уважение к личности солдата». Об этом говорил Милюков в своей речи 2 марта, когда в залах Таврического дворца он впервые упоминал об отречении государя в пользу брата...

Последующие дни подтвердили мою тревогу, все яснее становилось, что смута и развал в тылу растут, что чуждые армии и слабые духом люди, ставшие во главе страны, не сумеют уберечь армию от попыток увлечь ее в водоворот. Появился и приказ № 1.

Как-то рано утром генерал Крымов вызвал меня к телефону, он просил меня немедленно прибыть в Кишинев. «Заберите с собой необходимые вещи, — предупредил он, — я прошу вас сегодня же выехать в Петербург».

Я застал генерала Крымова за письмом. В красных чакчи-

рах, сбросив китель, он сидел за письменным столом, вокруг него на столе, креслах и на полу лежал ряд скомканных газет. «Смотрите, — ткнув пальцем в какую-то газету, заговорил он, — они с ума сошли, там черт знает что делается. Я не узнаю Александра Ивановича, как он допускает этих господ залезать в армию. Я пишу ему. Я не могу выехать сам без вызова и оставить в эту минуту дивизию. Прошу вас поехать и повидать Александра Ивановича...»

Он стал читать мне письмо. В горячих, дышащих глубокой болью и негодованием строках он писал об опасности, которая грозит армии, а с нею и всей России. О том, что армия должна быть вне политики, о том, что те, кто трогает эту армию, творят перед родиной преступление... Среди чтения письма он вдруг, обхватив голову обеими руками, разрыдался... Он заканчивал письмо, прося А.И. Гучкова выслушать меня, предупреждая, что все то, что будет мною сказано, он просит считать как его собственное мнение. В тот же вечер я выехал в Петербург.

На станции Жмеринка мы встретили шедший с севера курьерский поезд. Среди пассажиров оказалось несколько очевидцев последних событий в столице. Между ними начальник 12-й кавалерийской дивизии генерал барон Маннергейм (командовавший впоследствии в Финляндии белыми войсками). От него первого как очевидца узнал я подробности столичных народных волнений, измены правительству воинских частей, имевшие место в первые же дни случаи убийства офицеров. Сам барон Маннергейм должен был в течение трех дней скитаться по городу, меняя квартиры. Среди жертв обезумевшей толпы и солдат оказалось несколько знакомых: престарелый граф Штакельберг, бывший командир Кавалергардского полка граф Менгден, лейб-гусар граф Клейнмихель... Последние два были убиты в Луге своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалерии.

В Киеве между поездами я поехал навестить семью губернского предводителя Безака. По дороге видел сброшенный толпой с пьедестала в первые дни после переворота памятник Столыпину. Безаки оставили обедать. За обедом я познакомился с только что прибывшим из Петербурга членом Думы бароном Штейгером и от него узнал подробности того, что происходило в решительные дни в стенах Таврического дворца. От него впервые услышал и хвалебные возгласы о Керенском. По словам барона Штейгера, это был единственный темпераментный человек в составе правительства, способный владеть толпой. Ему Россия была обязана тем, что кровопролитие первых дней вовремя остановилось.

На станции Бахмач к нам в вагон сел адъютант великого князя Николая Николаевича полковник граф Менгден. Он оставил в Бахмаче поезд великого князя, направляющегося из

Тифлиса в Могилев, где великий князь должен был принять главное командование. Граф ехал в Петербург, где у него оставалась семья — жена, дети и брат. Он ничего еще не знал о трагической смерти последнего. Пришлось выполнить тяжелую обязанность сообщить ему об этом. Граф Менглен передал мне, что великий князь уже предупрежден о желании Временного Правительства, чтобы он передал главное командование генералу Алексееву, и что великий князь решил, избегая лишних осложнений, этому желанию подчиниться. Я считал это решение великого князя роковым. Великий князь был чрезвычайно популярен в армии, как среди офицеров, так и среди солдат. С его авторитетом не могли не считаться и все старшие начальники: главнокомандующие фронтов и командующие армией. Он один еще мог оградить армию от грозившей ей гибели, на открытую с ним борьбу Временное Правительство не решилось бы.

В Царском дебаркадер был запружен толпой солдат гвардейских и армейских частей, большинство из них были разукрашены красными бантами. Было много пьяных. Толкаясь, смеясь и громко разговаривая, они, несмотря на протест поездной прислуги, лезли в вагоны, забив все коридоры и вагон-ресторан, где я в это время пил кофе. Маленький рыжеватый финляндский драгун с наглым лицом, папироской в зубах и красным бантом на шинели бесцеремонно сел за соседний столик, занятый сестрой милосердия, пытаясь вступить с ней в разговор. Возмущенная его поведением, сестра стала ему выговаривать. В ответ раздалась площадная брань. Я вскочил, схватил негодя за шиворот и, протащив к выходу, ударом колена выбросил его в коридор. В толпе солдат загудели, однако никто не решился заступиться за нахала.

Первое, что поразило меня в Петербурге, это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам, в расстегнутых шинелях, без оружия солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и в значительном числе офицеров. Встречались элегантные кареты собственников с кучерами, разукрашенными красными лентами, и владельцами экипажей с приколотыми к шубам красными бантами. Я лично видел несколько старых, заслуженных генералов, которые не побрезговали украсить форменное пальто модным революционным бантом. В числе прочих я встретил одного из свиты государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон, я не мог не выразить ему своего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: «Что делать, я только одет по форме — это новая форма одежды...» Общей трусостью, малодушием, и раболепием перед новыми властителями многие перестарались. Я все эти дни постоянно

ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями наследника цесаревича на погонах (и, конечно, без красного банта) и за все время не имел ни одного столкновения.

Эта трусость и лакейское раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайшие к государю лица и сами члены императорской фамилии были тому примером. С первых же часов опасности государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые императрицей и царскими детьми в Царском, никто из близких к царской семье лиц не поспешил к ним на помощь. Великий князь Кирилл Владимирович сам привел в Думу гвардейских моряков и поспешил «явиться» М. В. Родзянке. В ряде газет появились «интервью» великих князей Кирилла Владимировича и Николая Михайловича, где они самым недостойным образом порочили отрекшегося царя. Без возмущения нельзя было читать эти интервью.

Борьба за власть между Думой и самочинным советом рабочих и солдатских депутатов продолжались, и Временное Правительство, не находившее в себе силы к открытой борьбе, все более становилось на путь пагубных компромиссов.

Гучков отсутствовал в Петербурге. Я решил его ждать и, зайдя в военное министерство, оставил свой адрес, прося уведомить, когда военный министр вернется. Через день ко мне на квартиру дали знать по телефону, что министр иностранных дел П. Н. Милюков, осведомившись о приезде моем в Петербург с поручением к А. И. Гучкову, просил меня к себе. На другой день утром я был принят весьма любезно Милюковым. «Александр Иванович Гучков отсутствует, — сказал мне министр, — но я имею возможность постоянно с ним сноситься. Я могу передать ему ваше письмо, а также постараюсь совершенно точно передать ему все то, что вы желали бы мне сообщить. Мы с Александром Ивановичем люди разных партий, — прибавил, улыбаясь Милюков, — но теперь, как вы понимаете, разных партий нет, да и быть не может».

Передав письмо генерала Крымова министру, я постарался возможно подробней высказать ему свой взгляд на опасность для армии создавшегося положения. Я указал ему, что в настоящую минуту, когда особенно необходима твердая дисциплина, надлежит всеми мерами поддерживать престиж начальников, что последние приказы расшатывают дисциплину в армии и сами создают пропасть между офицерским составом в армии и солдатами, что требование дисциплины «лишь только в строю» вредно и бессмысленно.

— Сейчас война, и мы все воины, и офицеры и солдаты, где бы мы ни находились — в окопах, в резерве или в глубоко-

ком тылу, — мы все время, в сущности, несем службу и находимся в «строю». Новые права солдат, требование обращения к солдатам на «вы», право посещать общественные места, свободно курить и т. д. хорошему солдату в настоящее время не нужны. Русский простолюдин сызмальства привык к обращению на «ты» и в таком знакомом обращении он не видит для себя обиды; в окопах и на привалах русские офицеры и солдаты живут вместе, едят из одного котла и закуривают из одной папироски — свободным посещением публичных мест, курением и прочими свободами воспользуются лишь такие солдаты, как те, что шатаются ныне по улицам столицы.

Министр слушал меня весьма внимательно, делая пометки все время в блокноте.

— То, что вы говорите, весьма интересно, я точно передам все это Александру Ивановичу Гучкову. Однако должен заметить, что те сведения, которыми мы располагаем, то, что слышим здесь от представителей армии, освещает вопрос несколько иначе.

— Это возможно, — ответил я. — Но позвольте спросить, о каких представителях армии вы изволите говорить. О тех, что заседают в Совете рабочих и солдатских депутатов, неизвестно кем выбранные и кем назначенные, или о тех, которых видел я только что на улицах города, разукрашенных красными бантами? Поверьте мне, что из хороших офицеров и солдат в Петербурге сейчас находятся лишь те, что лежат в лазаретах, и едва ли могут быть вашими осведомителями. Я не сомневаюсь, что все прочие, кто случайно находился здесь, сейчас уже поспешили вернуться в свои родные части.

— Конечно, я не берусь судить, Александр Иванович Гучков в этом вопросе компетентнее меня. Вероятно, по его возвращении он пожелает лично вас видеть. Пока будьте уверены, я в точности передам ему все вами сказанное...

Вернувшись домой, я нашел телеграмму генерала Крымова, он сообщал мне, что вызван военным министром в Петербург, что я назначен временно командующим дивизией и должен немедленно вернуться в Кишинев.

С большим трудом достав билет, я в тот же вечер выехал из Петербурга.

15 марта я прибыл в Кишинев. Генерал Крымов, не дождавшись меня, накануне выехал, с ним уехал и начальник штаба дивизии полковник Самарин. Полковник Самарин по приезде в Петербург был назначен начальником кабинета военного министра, его заместителем оказался генерального штаба подполковник Полковников, донской казак, через несколько дней после моего приезда прибывший к месту службы. Подполковник Полковников, оказавшийся впоследствии, после корниловских дней, во главе Петербургского военного

округа и сыгравший в дни падения Временного Правительства столь печальную роль, в должности начальника штаба дивизии оказался способным, толковым и деятельным работником.

Мы переживали тяжелое время. Власть из рук Временного Правительства все более и более ускользала. Это правительство оказывалось бессильным противостоять притязанию самочинного Совета рабочих и солдатских депутатов.

В армии ясно чувствовали все грозные последствия этой слабости и колебания власти и инстинктивно стремились эту власть подкрепить. Ряд войсковых частей обращался с заявлениями к председателю правительства, в коих указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всеми попытками внести анархию в страну. Такого характера заявления вынесли и все полки Уссурийской дивизии.

К сожалению, Временное Правительство не сумело, да, по-видимому, и не решалось опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь. Александр Иванович Гучков, который в это время объезжал главнокомандующих фронтами, принимая депутации от разного рода частей, неизменно громко заявлял, что правительство ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластия нет, что работа правительства и совета рабочих и солдатских депутатов происходит в полном единении.

Не было твердости и единства и в верхах армии. Вместо того, чтобы столкнуться и встать единодушно и решительно на защиту вверенных им войск, старшие военачальники действовали вразброс каждый за себя, не считаясь с пользой общего дела. В то время, как генерал граф Келлер, отказавшись присягнуть Временному Правительству, пропускал мимо себя, прощаясь с ними, свои старые полки под звук национального гимна, генерала Брусилова несли перед фронтом войск в разукрашенном красными бантами кресле революционные солдаты...

17 марта был день полкового праздника Амурского казачьего полка. Полк этот был включен в состав дивизии сравнительно недавно — весной 1916 года, и по внутреннему порядку своему невыгодно отличался от других полков дивизии. Год тому назад, когда полк находился в Петербурге, неся охрану, в полку была громкая история — убийство казаками своего офицера. Амурские казаки, отличные солдаты, были в большинстве случаев народ буйный и строптивый. Полком командовал Амурского казачьего войска полковник Сычев. Подъехав к выстроенному для парада полку, я с удивлением увидел вместо сотенных значков в большинстве сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали «подручный материал», и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками. Ко-

мандир подсказал с рапортом, оркестр заиграл «Марсельезу». Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ: «Казаки этого потребовали». Я объявил полковнику Сычеву, что не допускаю никаких «требований» подчиненных, что при встрече полк обязан играть полковой марш и что цвет значков каждой сотни установлен. Проехав по фронту, поздравившись с сотнями и поздравив их с войсковым праздником, я, став перед флагом полка, обратился к казакам: «Я ожидал встретить славный ваш полк под старым своим знаменем, а сотни с их боевыми значками, вокруг которых погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду и сегодняшний день с вами провести не могу».

Круто повернув коня, я поскакал домой.

В тот же день я отдал приказ по дивизии, где объявил выговор командиру Амурского полка за допущенный беспорядок в строю. Полковник Сычев, поддержанный заведующим хозяйством есаулом Гордеевым, пьяницей и плохим офицером, пытался вызвать неудовольствие полка против меня, стараясь внушить офицерам и казакам, что я оскорбил полк и в лице его все амурское казачество, что я сам не казак, а потому и обижаю казаков — одним словом, раздался тот припев, который впоследствии напевали так часто вожди «самостийного» казачества. Как только я узнал о недопустимых действиях командира полка и его помощника, я без лишних слов отдал приказ об отрешении обоих от должности и предписал им в тот же день выехать из пределов дивизии. Приехав в Амурский полк, я собрал офицеров, разъяснил им дело и высказал свой взгляд на вещи. В командование полком я приказал вступить Полковникову (в этой должности он был впоследствии утвержден по ходатайству генерала Крымова), а о действиях полковника Сычева и есаула Гордеева приказал командиру 2-й бригады, генералу Железнову, произвести расследование для предания их суду.

После этого дня никаких революционных демонстраций в частях дивизии не было, несмотря на то, что в самые ближайшие дни в Нерчинском казачьем полку произошел случай, который, казалось бы, мог дать к этому более чем достаточный повод. В числе других офицеров Нерчинского полка состоял прикомандированный к полку, недавно произведенный в офицеры, почти мальчик, корнет Зорин. Чрезвычайно нервный и впечатлительный, он болезненно переживал все происходившее в армии. Как-то ночью, будучи дежурным по полку, он, обходя расположение полка, услышал в одной из изб шум и крики. В ту минуту, как, отворив дверь, он готовился пере-

ступить порог, на него из сеней выскочил какой-то казак и, толкнув его, пытался проскочить в дверь. Ошеломленный неожиданностью, вообразив, что на него нападают, корнет Зорин выхватил револьвер и выстрелил в казака, убив его наповал. Через минуту все выяснилось. Оказалось, никто нападать на офицера не хотел, казаки пьянствовали в избе и, услышав снаружи шаги, опасаясь быть застигнутыми в неурочный час, бросились врассыпную, один из них и наткнулся на входящего Зорина. Несчастный Зорин, опомнившись, едва сам не покончил самоубийством. Я узнал о происшествии рано утром и немедленно поехал в полк. Дознание уже было закончено. Из него явствовало, что офицер не имел никаких оснований употребить оружие. Вместе с тем со стороны казаком было явное нарушение внутреннего порядка. Я собрал полк и тут же объявил свое решение: «Корнет Зорин предается суду за употребление оружия без достаточных к тому оснований. Командиру сотни, где был беспорядок, объявляется выговор, вахмистр и вводные разжалуются». Одновременно я откомандировал корнета Зорина в его родной полк, дабы дать возможность разобрать его дело в более беспристрастной обстановке. Тут же я сделал полку горячее конное учение и, поблагодарив казаков, вернулся в штаб. Похороны казака, за гробом которого шли все офицеры во главе с командиром полка, прошли совсем спокойно, и случай этот никаких последствий не имел.

30 марта вернулся генерал Крымов, назначенный командиром 3-го конного корпуса вместо графа Келлера.

Первые шаги Александра Ивановича Гучкова в роли военного министра ознаменовались массовой сменой старших начальников. Одним взмахом пера были вычеркнуты из списков армии 143 старших начальника, взамен которых назначены новые, не считаясь со старшинством. Мера эта была глубоко ошибочна. Правда, среди уволенных было много людей недостойных и малоспособных, сплошь и рядом державшихся лишь оттого, что имели где-то руку, но тем не менее смена такого огромного количества начальников отдельных частей и высших войсковых соединений одновременно и замена их людьми чуждыми этим частям, да еще в столь ответственное время, не могли не отразиться на внутреннем порядке и боеспособности армии.

От генерала Крымова я узнал подробности кровавых кронштадтских дней, стойвших жизни лучшим офицерам Балтийского флота, погибшим от руки матросов. Генерал Крымов, повидавши Гучкова, М. В. Родзянко, Терещенко и других своих политических друзей, вернулся значительно подбодренный. По его словам, Временное Правительство, несмотря на кажущуюся слабость, было достаточно сильно, чтобы взять движение в свои руки. Необходимость этого якобы в полной

мере учитывалась членами Временного Правительства. Главной поддержкой Временного Правительства, помимо широких кругов общественности и значительной части армии, должны были быть, по мнению генерала Крымова, казаки. На казачество возлагал он огромные надежды и прямо объявлял, что «теперь надо делать ставку на казаков». Желая сохранить в своем командовании родную дивизию и решив «ставить на казаков», генерал Крымов выхлопотал включение в состав 3-го конного корпуса Уссурийской дивизии взамен доблестной 12-й кавалерийской дивизии.

С утверждением генерала Крымова командиром 3-го конного корпуса я назначался на должность начальника Уссурийской конной дивизии.

Надежды, возлагаемые генералом Крымовым на казаков, я не разделял. Прожив детство и юность на Дону, проведя Японскую войну в рядах Забайкальского казачьего полка, командуя в настоящую войну казачьим полком, бригадой и дивизией, в состав коих входили полки трех казачьих войск, я отлично знал казаков. Я считал, что они легко могут стать орудием в руках известных политических казачьих кругов. Свойственное казакам испокон стремление обособиться представляло в настоящую минуту, когда значительная часть армии состояла из не казаков, а казачьи части были вкраплены в целый ряд регулярных дивизий, немалую опасность.

Я считал, что борьба с развалом должна вестись иными путями, не ставкой на какую-либо часть армии, а дружным единением верхов армии и сплоченностью самой армии. Но генерала Крымова трудно было переубедить. Он весь был увлечен новой идеей. Это с места учли некоторые элементы — в полках стало заметно среди офицеров деление на казаков и не казаков. В Нерчинском казачьем полку, где особенно было много офицеров, переведенных из регулярных частей, этот вопрос стал наиболее остро.

Несколько офицеров подали рапорта о перевождении их в регулярные части.

Я решил откровенно переговорить с генералом Крымовым: «Я не разделяю, Александр Михайлович, возлагаемые вами надежды на казаков. Дай Бог, чтобы я ошибался. Во всяком случае, вы делаете ставку, но следует избегать всего, что так или иначе может помешать. Сам я не казак, большую часть службы провел в регулярных частях, едва ли при этих условиях я буду полезен делу как ваш ближайший помощник...»

Генерал Крымов, видимо, понимал меня и не особенно удерживал. Он предложил написать военному министру и начальнику штаба Верховного Главнокомандующего, ходатайствуя о предоставлении мне в командование регулярной дивизии.

Попрошавшись с Приморским драгунским и родным Нерчинским полком, устроившими мне горячие проводы, я 5 апреля, в первый день Пасхи, выехал в Петербург.

Первые шаги нового правительства

Я застал Петербург необыкновенно оживленным. С раннего утра и до поздней ночи улицы города были наполнены толпами народа. Большую часть их составляли воинские чины. Занятия в казармах нигде не велись, и солдаты целый день и большую часть ночи проводили на улицах. Количество красных бантов, утерев прелесть новизны по сравнению с первыми днями революции, поуменилось, но зато неряшливость и разнузданность как будто еще увеличились. Без оружия, большей частью в расстегнутых шинелях, с папиросой в зубах и карманами, полными семечек, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожих. Щелканье семечек в эти дни стало почему-то неизменным занятием «революционного народа», а так как со времени «свободы» улицы почти не убирались, то тротуары и мостовые были сплошь покрыты шелухой. С большинства аптек и вывесок придворных поставщиков, в стремлении уничтожить «ненавистные признаки самодержавия», толпой в первые дни революции были сорваны орлы, и отсутствие на привычных местах вывесок производило впечатление какого-то разгрома.

В Таврическом дворце, Городской думе, во всех общественных местах, на площадях и на углах улиц ежедневно во все часы шли митинги. Это была какая-то вакханалия словоизвержения. Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом, в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий, и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь заняты были речами членов Временного Правительства, членов Совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: «продолжение борьбы до победного конца» (до «мира без аннексий и контрибуций» тогда еще не договорились), «восхваление» «завоеваний революции». Спасать Россию уже не собирались, говорили лишь о спасении «завоеваний революции». Формула эта стала наиболее ходячей, и в невольном стремлении сделать ее более удобоваримой договорились до «спасения революции», получилось что-то безграмотное и бессмысленное.

Борьба между Временным Правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась. Надо отдать справедливость левым элементам, они действовали решительно и определенно шли к намеченной цели. Временное Правительство, в правой его части, наоборот, все время явно избегало решительных действий и слов, искало «компромисса» и подыгрывалось под «революционную демократию»... В то время как «широкая амнистия» покрыла не только бывших революционеров, но и явных агентов германского генерального штаба, в то время, как прибывшие во главе с Лениным, прямо из Германии большевики, среди бела дня захватив дом балерины Кшесинской на Каменноостровском проспекте, обращались с балкона к толпе слушателей, призывая их к позорному миру, и Временное Правительство не смело их арестовать, — в Петропавловскую крепость заключались бывшие министры, сановники и другие лица, лишь потому, что они не угодны революционной демократии. В то время, как левая печать открыто вела разлагающую армию пропаганду, правые газеты конфисковывались и закрывались. В Крыму по приказу Временного Правительства, распоряжением полковника Верховского производились обыски у членов императорской фамилии.

Не избежала обыска и престарелая императрица Мария Федоровна. Агенты вошли к ней в спальню и шарили в ее вещах, невзирая на то, что императрица находилась в постели. Одновременно с обыском у членов императорской семьи подвергся обыскам и ряд частных лиц, проживающих в Ялте, в том числе и моя жена. У нее отобрали мои письма, в которых, конечно, ничего найти не могли.

Те, кто вчера обвинял старое правительство в слабости, произволе и неспособности справиться с разрухой, сегодня, ставши у власти, сами оказались не в силах спасти страну. Маниловы и Хлестаковы, они дальше красивых звучных слов идти были неспособны и неизбежным ходом событий должны были уступить власть более действенным силам.

20 апреля впервые произошло выступление Красной гвардии — вооруженных заводских рабочих. Правительство не решилось двинуть против них войска. Отдельные столкновения Красной гвардии с толпой на углу Михайловской и Невского стоили нескольких жизней. Во время столкновения я находился как раз в «Европейской» гостинице. Услышав первые выстрелы, я вышел на улицу. Толпа в панике бежала к Михайловской площади, нахлестывая лошадей, скакали извозчики. Кучки грязных, оборванных фабричных в картузах и мягких шляпах в большинстве с преступными, озверелыми лицами, вооруженные винтовками, с пением «Интернационала» двигались посреди Невского. В публике кругом слышались негодующие разговоры — ясно было, что в большинстве

решительные меры правительства встретили бы только сочувствие. Я пешком по Мойке прошел в дом военного министра, дабы повидать полковника Самарина, начальника кабинета А. И. Гучкова. У него я застал полковника Барановского (занимавшего впоследствии этот пост при Керенском). Я поделился с ними только что увиденным и выразил недоумение по поводу бездействия военных властей.

«Правительство не может допустить пролития русской крови, — ответил мне Самарин, — если бы по приказанию правительства была пролита русская кровь, то вся моральная сила правительства была бы утеряна в глазах народа».

Я понял, что нам говорить больше не о чем...

На другой день Совет рабочих и солдатских депутатов объявил, что войска не могут быть выведены из казарм, если приказ военных казарм не будет скреплен согласием Совета. 5 мая состоялись грандиозные манифестации верных правительству частей, имевших целью поддержать правительство против Совета. Манифестация эта произошла без всяких столкновений и еще раз ясно показала, что революционная демократия поддерживается далеко не всеми. Но и на этот раз бездарная и безвольная власть не сумела этим воспользоваться.

Нужно сказать правду, что за исключением социалистических элементов, с одной стороны, и отдельных лиц, главным образом из военных, с другой, бездарность и безволие проявляло в равной мере все общество. Растерянность, безразличие, столь свойственные русским людям, неумение договориться и организовать, какое-то непонятное легкомыслие и болтливость наблюдались кругом. Все говорили о необходимости организовать, все на словах конспирировали, но серьезной работы не было. Попробовали организовать и офицеры: но если вновь возникший союз офицеров в ставке, в непосредственной близости фронта и под руководством генерала Алексеева и генерала Деникина, и вел полезную и действительную работу, то в Петербурге его работа велась в атмосфере, могущей лишь только подорвать престиж армии.

С первых же дней среди членов союза возникла группа «Приемлющих революцию», решивших на этой революции сделать свою карьеру. Одним из главных действующих лиц в этой группе был генерального штаба полковник Гушин, донской казак, товарищ мой по академии генерального штаба. С ухватками дурного тона фата, полковник Гушин, читавший в это время лекции в академии генерального штаба, в первые же революционные дни появился на кафедре, разукрашенный красным бантом, и с пафосом обратился к слушателям, заявив: «Маска снята, перед вами офицер-республиканец». В петроградском союзе он вел самую недостойную демагогичес-

кую игру. Обращаясь в своих речах к солдатам, он от имени русского офицерства просил солдат «не отталкивать от себя во многом виноватого перед ним русского офицера». Он говорил трескучие речи, бил себя в грудь и гаерствовал...

«Поставившим на революцию» оказался и бывший мой однополчанин, а в это время начальник 1-й кавалерийской дивизии, генерал Бискупский. Лихой и способный офицер, весьма не глупый и с огромным честолюбием, с непременным желанием быть всегда и всюду первым, Бискупинский был долгое время в полку коноводом, пользуясь среди товарищей большим влиянием. Он женился на известной исполнительнице романсов, Вяльцевой, и долго сумел скрывать этот брак, оставаясь в полку. Такое фальшивое положение все же продолжаться не могло, и за два года до войны Бискупский полковником ушел в отставку. Он бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей, и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними. Овдовев, он поступил в Иркутский казацкий полк и, быстро двигаясь по службе, через два года войны командовал уже дивизией. В Петербурге он попал депутатом в Совет солдатских депутатов от одной из армий. Он постоянно выступал с речами, по уполномочию Совета совместно с несколькими солдатами ездил для переговоров с революционными кронштадтскими солдатами и мечтал быть выбранным председателем военной секции совета. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло, выбранным оказался какой-то фельдшер, и Бискупский вскоре уехал из Петербурга.

Я жил в Петербурге, ожидая назначения в армию. Близко присматриваясь ко всему происходящему, я видел, что лишь твердой и непреклонной решимостью можно было положить предел дальнейшему развалу страны. Ни в составе правительства, ни среди окружавших его общественных деятелей человека, способного на это, не было. Его надо было искать в армии, среди немногих популярных вождей. К голосу такого вождя, опирающегося на армию, не могла не прислушаться страна, и достаточно решительно заявленное требование его, опирающееся на штыки, было бы выполнено. Считаясь с условиями времени, имя такого вождя должно было быть «демократичным». Таких имен я знал только два: известного всей армии, честного, строгого к себе и к другим, твердого и храброго командующего 9-й армией генерала Лечицкого, и любимого войсками, героя карпатских боев, недавно совершившего легендарный побег из вражеского плена, генерала Корнилова. Первый, не примирившись с новыми порядками, только что оставил армию и жил в столице частным лицом, второй в описываемое время стоял во главе Петроградского

военного округа, и это положение его для дела было особенно благоприятным.

Военная организация в столице, располагавшая хотя бы небольшими военными силами и могущая выступить в нужную минуту, казалось мне для успеха дела совершенно необходимой. Ко мне обращался ряд лиц частью из существующих уже военных организаций, частью находящихся в частях столичного гарнизона. Мне вскоре удалось войти в связь с офицерами целого ряда частей. На целый ряд этих частей мы могли вполне рассчитывать.

Сведениями своими я решил поделиться со старым однополчанином и другом моим графом А. П. Паленом. Ожидая со дня на день назначения в армию, я предполагал оставить его во главе дела в Петербурге. Граф Пален очень подходил для намеченного дела: он лег ко мог, не возбуждая особых подозрений, вести работу в столице. Он всю жизнь прослужил в гвардии в Петербурге, его знала почти вся гвардия, и среди офицеров петроградского гарнизона он пользовался общим уважением. Вместе с тем его сравнительно небольшой чин, свойственная ему молчаливость и замкнутость давали возможность рассчитывать, что ему удастся вести работу с достойной скрытностью.

В помощь нам мы привлекли нескольких молодых офицеров. Нам удалось раздобыть кое-какие средства. Мы организовали небольшой штаб, прочно наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми воинскими частями, расположенными в столице и пригородах, организовали ряд боевых офицерских дружин. Разведку удалось поставить отлично. Был разработан подробный план занятия главнейших центров города и захвата всех тех лиц, которые могли бы оказаться опасными.

Неожиданно, в первых числах мая, генерал Корнилов, окончательно разойдясь с советом, оставил свой пост. Он принял только что освободившуюся 8-ю армию, стоявшую на границе Галиции. Среди имен его заместителей некоторые называли имя генерала Лечицкого, однако генерал, по слухам, отказывался от назначения. Я решил поехать к нему. Я знал генерала Лечицкого еще с Буковины. Уссурийская дивизия входила в состав его армии, и я был с ним лично достаточно знаком. Генерал Лечицкий жил в «Северной» гостинице, против Николаевского вокзала. Я просил его принять меня, и он назначил мне в тот же вечер время для разговора. Я изложил ему все мои мысли, сказав о том, что удалось мне с графом Паленом сделать за последнее время, и, упомянув о том, что знаю о сделанном ему предложении стать во главе Петербургского военного округа, предложил использовать нашу работу; при этом, ввиду ожидаемого мною отъезда в армию, я рекомендовал ему графа Палена.

«Все, что вы говорите, — совершенно верно, — сказал мне генерал Лечицкий, — мы все так думаем. Но я заместителем генерала Корнилова не буду. Я и из армии ушел, так как не могу примириться с новыми порядками. Я старый солдат. Здесь же нужен человек, не только твердый и честный, но и гибкий. Кто-либо молодой будет, вероятно, подходящее».

Зная генерала Лечицкого, я не сомневался, что он не изменит своего решения.

Заместителем генерала Корнилова был назначен начальник штаба Туземной дивизии генерал Половцев.

Ввиду отхода генерала Лечицкого от всякой деятельности, я решил, несмотря на оставление генералом Корниловым чрезвычайно выгодного для намеченного нами дела поста главнокомандующего Петербургским военным округом, все же войти с ним в связь. Другого лица, кроме генерала Корнилова, подходящего для намеченной мною цели, я среди старших военачальников найти не мог.

Генерал Корнилов, уехав в армию, продолжал поддерживать связь с целым рядом лиц в Петербурге. Связь эту он поддерживал через близкого своего ординарца, Завойко. Завойко бывший помещик, кажется, Подольской губернии, последние годы до войны, разорившись на хозяйстве, занялся финансовыми делами. Он был управляющим нефтяной фирмой братьев Лианозовых, директором и членом правления целого ряда коммерческих предприятий. После переворота он, оставив дела, занялся политической работой. Последнее время, зачислившись в ряды армии, состоял ординарцем при главнокомандующем Петербургским военным округом, а с назначением генерала Корнилова командующим армией последовал за ним.

Узнав о приезде Завойко в Петербург, я через работающего со мной и Паленом поручика графа П. П. Шувалова вошел с ним в связь. Мы условились встретиться на квартире Завойко, жившего в то время на Фонтанке, у Семеновского моста. Я приехал с графом Паленом и графом Шуваловым. Завойко произвел на меня впечатление весьма бойкого, неглупого и способного человека, в то же время в значительной мере фантазера. Мы говорили очень мало, почти все время говорил сам Завойко. С моими мыслями он согласился с первых слов. По его словам, так же смотрел на дело и генерал Корнилов. В конце разговора Завойко предложил нам прочесть выпускаемую им в печать краткую биографию генерала Корнилова, корректура которой была прислана ему для просмотра. Биография эта вскоре появилась в армии. Мы условились о дальнейшей связи. С тех пор я несколько раз видел Завойко во время его приездов в Петербург. Как-то раз, зайдя к нему, я увидел сложенные в углу какие-то разноцветные флаги. На мой вопрос, что это такое, он сообщил мне, что армии гото-

вятся к наступлению, что армия генерала Корнилова должна вторгнуться в пределы Галиции. Надписи на замеченных мною флагах — призыв к славянским народам Карпато-России к восстанию против австрийского ига, в борьбе за свободу, которую несет армия генерала Корнилова. Надписи были на языках местных галицийских народностей. В этом заказе знамен, в этих надписях сказался весь Завойко...

Предстоящий переход в наступление скоро перестал быть секретом и для широкой публики, да, конечно, и для врага. Новый министр «революционной армии» Керенский беспрерывно метался на фронте, произносил истерические речи и призывал «революционные войска спасти завоевания революции». Маршевые пополнения шли на фронт, неся красные плакаты с призывами: «Война до победного конца», «Все на фронт», «Лучше смерть, чем рабство» и т. д. Несмотря на «революционный порыв», эти маршевые пополнения большей частью разбежались по дороге.

В середине июня я получил телеграмму за подписью дежурного генерала 8-й армии, полковника графа Гейдена, коей испрашивалось согласие мое на назначение меня «впредь до освобождения дивизии» командиром бригады 7-й кавалерийской дивизии. Я ответил согласием. Однако проходили дни, все более и более приближался час перехода армии в наступление, а приказа о назначении не было...

18 июня армии Юго-Западного фронта атаковали противника, 8-я армия генерала Корнилова вторглась в Галицию, фронт противника был прорван, наши войска овладели Галичем и Станиславовом. Казалось, после долгих месяцев победа вновь озаряла русские знамена...

Наконец 30 июня я получил телеграмму о назначении меня командующим, но не бригадой, а 7-й кавалерийской дивизией. Через день я выехал в Каменец-Подольск.

Наступление революционной армии

6 июля я прибыл в Каменец-Подольск. Здесь узнал я последние новости. «Прорыв революционной армии», о котором доносил председателю правительства князю Львову «военный министр», закончился изменой гвардейских гренадер, предательски уведенных с фронта капитаном Дзевалтовским. За ними, бросая позиции, стихийно побежала в тыл вся 11-я армия. Противник занял Тарнополь, угрожая флангу и тылу соседей 8-й армии генерала Корнилова.

Геройская гибель ударных батальонов, составленных большей частью из офицеров, оказалась напрасной. «Демократизированная армия», не желая проливать кровь свою для «спасения завоеваний революции», бежала, как стадо баранов.

Лишенные власти начальники бессильны были остановить эту толпу.

Перед лицом грозной опасности безвольное и бездарное правительство как будто прозрело, оно поняло, казалось, необходимость для армии дисциплины иной, кроме революционной. Назначение генерала Корнилова главнокомандующим Юго-Западным фронтом вместо генерала Брусилова, назначенного незадолго верховным главнокомандующим, казалось, подтверждало это.

Я спешил застать генерала Корнилова еще в армии и, не теряя ни минуты, получил в штабе фронта автомобиль, выехал через Черновицы на Коломыю. Со мной ехал поручик граф Шувалов, который должен был остаться при генерале Корнилове для связи его с организацией графа Палена в Петербурге. Я приехал в Коломыю уже к вечеру.

Генерал Корнилов был на фронте, и его ожидали лишь поздно ночью. Я зашел к и. д. дежурного генерала полковнику графу Гейдену с целью получить необходимые мне сведения о моей новой дивизии. По словам полковника графа Гейдена, порядок в дивизии был в общем на должной высоте. Правда, кой-какие недоразумения с командным составом уже имели место; начальник дивизии, начальник штаба и один из командиров полков должны были уже уйти, но в общем части были в полном порядке, офицерский состав отличный, и новому начальнику дивизии, по словам графа Гейдена, взять в руки дивизию будет нетрудно.

В дивизию входили: Ольвиопольский уланский, Кирнбурнский драгунский, Белорусский гусарский и 11-й Донской казачий полк. Дивизией временно командовал командир 1-й бригады генерал Зыков, а должность начальника штаба исполнял впредь до назначения нового начальника генерального штаба полковник фон Дрейер.

Во время разговора моего с графом Гейденом в кабинет вошел среднего роста молодой человек, в модном френче и английской кепке. Полковник граф Гейден нас познакомил. Вошедший оказался комиссаром 8-й армии, Филоненко. С большим апломбом Филоненко стал высказывать свое мнение о последних операциях, о необходимости немедленного принятия ряда мер, дабы помешать противнику использовать опасное выдвинутое положение 8-й армии. Обратившись ко мне, Филоненко начал говорить, что он, как бывший офицер, признает необходимость проведения немедленных мер для укрепления подорванной дисциплины; что он всячески поддерживал генерала Корнилова в его усилиях поднять дисциплину в 8-й армии, и что он, Филоненко, все время настаивал на назначении генерала Корнилова главнокомандую-

щим Юго-Западного фронта. Мы вместе вышли и направились в штабную столовую. За обедом Филоненко продолжал с тем же апломбом говорить о военном и политическом нашем положении. Он очень любезно предложил мне помочь удалению из войсковых комитетов моей дивизии тех офицеров и солдат, которые, по моему мнению, оказались бы нежелательными.

Я с трудом нашел в переполненном городе комнату, в которой поместился вместе с графом Шуваловым. Рано утром мне дали знать, что генерал Корнилов вернулся и просит меня к себе.

Генерал Корнилов помещался в верхнем этаже маленького двухэтажного дома поблизости от штаба. Там же наверху жил Завойко. Я зашел к последнему в ожидании приема генералом. Я застал Завойко за писанием: заноса что-то на бумагу, он прихлебывал из стакана чай. Не желая ему мешать, я взял переданный мне стакан чая, сел в стороне и взял для чтения какую-то книгу. Однако Завойко, не прерывая писания, стал задавать мне ряд вопросов: «Я могу одновременно делать несколько вещей, — заявил он, — наш разговор не мешает мне писать». И действительно, продолжая расспрашивать меня и подавая реплики, Завойко, не останавливаясь, быстро набрасывал что-то на бумаге. Кончив, он, видимо, довольный своей работой, посмотрел на меня: «Вы, конечно, знаете, что генерал назначен главнокомандующим фронтом. Он поручил мне написать прощальный приказ армии. Желаете послушать?»

Завойко прочел мне известный приказ генерала Корнилова.

Я был чрезвычайно поражен этой способностью так легко, почти не сосредоточиваясь, излагать на бумаге мысли. Мне дали знать, что генерал Корнилов меня ждет.

Я знал генерала Корнилова очень мало, познакомившись с ним год тому назад за царским столом в Могилеве, куда он прибыл представиться государю после своего побега из плена. Он несколько не изменился с той поры; маленький, сухой, смуглый и загорелый, с небольшой бородкой и жесткими черными усами, с лицом заметно выраженного монгольского типа, он говорил выразительными отрывистыми фразами. В нем чувствовался особый порыв, какая-то скрытая, ежеминутно готовая к устремлению сила. Он очень спешил, уезжая через несколько часов в штаб фронта. Я вкратце сообщил ему о том, что известно мне было о положении в Петербурге, дал сведения о моей работе там и предложил использовать графа Шувалова для связи со столицей. Генерал Корнилов тут же приказал зачислить графа Шувалова ординарцем. Генерал пригласил меня обедать, и мы вместе пошли в столовую.

Во время обеда прибыл вновь назначенный командующим армией герой Галича генерал Черемисов. Маленький, худенький, с бегающими черными глазками и приятным, несколько вкрадчивым голосом, генерал Черемисов произвел на меня впечатление живого, неглупого человека. Разговор за обедом велся на общие темы. Генерал Корнилов вспоминал о своей службе в Туркестане, генерал Черемисов рассказывал о последних боях своего корпуса. Вопросы политические совсем не затрагивались.

После обеда генерал Корнилов в сопровождении нескольких лиц выехал на автомобиле в Каменец, я также на автомобиле отправился в Станиславов, откуда на следующее утро выехал в дивизию, расположенную в 20-30 верстах от города в направлении на Галич.

Дивизия занимала значительный фронт, неся охранение. В резерве находился Белорусский гусарский полк, расположенный в небольшой деревушке, недавно оставленной австрийцами, тут же помещался штаб дивизии. Я просидел со временно командующим дивизией и начальником штаба до поздней ночи, знакомясь с делами.

С утра принял доклады и, отдав ряд нужных распоряжений, я намеревался объехать полки, а к восьми часам вечера назначил у себя в штабе совещание командиров частей. Однако и то и другое я не успел сделать. Я осмотрел только гусар и доехал до казаков, как мне дали знать, что генерал Черемисов требует меня немедленно в штаб армии в Станиславов, куда только что штаб перешел. Я вернулся в штаб дивизии и здесь нашел приказание ввиду общего отхода фронта моей дивизии немедленно отходить на Станиславов, прикрывая фланг 8-й армии. Приказав командиру бригады, вступив в командование дивизией, снимать охранение и двигаться ночным переходом на Станиславов, я на автомобиле выехал в город.

Я прибыл в Станиславов уже в темноте и застал штаб готовившимся к отъезду. Спешно грузились штабные грузовики, снимались телефоны, выносилось канцелярское имущество. Поезд для штаба уже стоял на станции. По всем улицам города тянулись бесконечные обозы, направляясь в тыл.

Генерал Черемисов привез с собой нового начальника штаба и нового генерал-квартирмейстера. Они были совсем молодые, но обнаруживавшие большую политическую гибкость офицеры генерального штаба (тогда это качество признавалось имеющим первостепенное значение). Начальником штаба был назначен генерального штаба полковник Меньшов, а генерал-квартирмейстером — полковник Левитский. Генерал Черемисов вкратце ознакомил меня с обстановкой — наши армии по всему фронту отходили, не оказывая сопро-

тивления. Противник шел по пятам. Ближайший рубеж, где можно было надеяться задержаться, была река Збруч. Мне приказывалось, объединив командование моей 7-й кавалерийской и 3-й кавказской казачьей дивизией, действовать со сводным конным корпусом в стыке 7-й и 8-й армий, прикрывая их отход и обеспечивая фланги. Тут же генерал Черемисов лично продиктовал мне задание и соответствующее предписание, которое подписал. Я решил, обождав подход головы моей дивизии к городу и лично отдав дивизии необходимые приказания, самому ехать к 3-й кавалерийской дивизии, оперировавшей в районе Монастержеско, куда я наметил сосредоточить корпус. Пройдя в отведенный мне в гостинице номер, я лег спать.

Среди ночи я был разбужен страшными криками. Через окно было видно небо, объятые заревом пожара. С улицы неслись крики, слышался какой-то треск и шум, звон стекол, изредка раздавались выстрелы. Наскоро одевшись, я вышел в коридор. Навстречу мне шел мой офицер-ординарец: «Ваше превосходительство, в городе погром, отступающие войска разбивают магазины», — доложил он. Я спустился в вестибюль гостиницы. Прислонившись к стене, стоял бледный, как смерть, старик, кровь текла по длинной седой бороде. Рядом с ним растерзанная и простоволосая молодая женщина громко всхлипывала, ломая руки. Увидев меня, она бросилась ко мне и, говоря что-то непонятное, стала ловить мои руки и целовать. Я подозвал швейцара и спросил, в чем дело; оказалось, что старик еврей, владелец часового магазина, а женщина его дочь. Солдаты магазин разграбили, и владелец его, жестоко избитый, едва мог спастись. В моем распоряжении никакой воинской силы не было, со мной был лишь один офицер и два гусара-ординарца. Взяв их с собой, я вышел на улицу.

Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. Из окон домов неслись вопли, слышался плач. На тротуаре валялись разбитые ящики, изломанные картонки, куски материй, ленты и кружева вперемишку с битой посудой, пустыми бутылками из-под коньяка. Войсковые обозы сплошь загрохотали улицы. На площади застряли артиллерийские парки. Огонь охватывал соседние дома, грозя ежеминутно взрывом снарядов. Я с трудом разыскал командира парка и, взяв у него несколько солдат, лично стал наводить порядок. В каком-то магазине мы застали грабителей, занятых опорожнением ящиков с чайной посудой. Схватив первого попавшегося, я ударом кулака сбил его с ног, громко крича: «Казаки, сюда, в нагайки всю эту сволочь». В одну минуту магазин был пуст.

Через два часа удалось очистить улицу. Обозы тронулись, и артиллерия получила возможность двинуться вперед. На со-

седних улицах грабеж продолжался. От непрерывного крика я совсем потерял голос.

К шести часам утра на улице показался разъезд, подходил полк польских улан. Я приказал командиру полка, не стесняясь мерами, восстановить порядок. Тут же было поймано и расстреляно на месте несколько грабителей, и к утру в городе было совсем спокойно.

К восьми часам подошла голова моей дивизии. Отдав необходимые распоряжения для дальнейшего следования к пункту сосредоточения корпуса, я с полковником Дрейером и двумя офицерами выехал к 3-й казачьей дивизии. Дивизией командовал генерал Одинцов, бывший командир Приморского драгунского полка. Мы одновременно командовали полками одной бригады более года, и я отлично знал генерала Одинцова. Это был храбрый и толковый начальник, но нравственности низкой — сухой и беспринципный эгоист, не безговававший ничем ради карьеры.

В состав дивизии входили: 1-й Екатеринодарский полк, Кизляро-Гребенской, Дагестанский, Осетинский. Наилучшими были первые два, состоящие из кубанских и терских казаков.

Отъехав верст тридцать, мы разыскали штаб дивизии. Полки дивизии, ведя разведку, были разбросаны на широком фронте. Ознакомившись с обстановкой, я отдал генералу Одинцову необходимые распоряжения и занялся организацией своего штаба. Формировать штаб приходилось за счет обеих дивизий, заимствуя оттуда и личный состав штаба, и средства связи и канцелярское имущество...

За ужином я познакомился с А. И. Гучковым. Оставив пост военного министра и окончательно разойдясь с правительством, он прапорщиком зачислился в армию и был прикомандирован к штабу 3-й казачьей дивизии. Он поразил меня своим сумрачным, подавленным видом.

Наша конница поспешно отходила, теснимая на всем фронте противником. Одновременно с подходом частей 7-й дивизии было получено донесение о наступлении значительной колонны германцев на Монастыржеско, занятое осетинским конным полком.

В городе находились огромные склады артиллерийского имущества, и штабом армии было приказано при отходе склады эти взорвать. Из штаба армии прибыл с этой задачей в городе офицер с подрывной командой. Я кончал обедать, когда пришла донесение о завязавшейся у занимавших Монастыржеско осетин перестрелке. Я приказал подать мотор и в сопровождении начальника штаба поехал в город. Мы были от города в 4-5 верстах, когда неожиданно огромный столб пламени и дыма поднялся над Монастыржеско. Раздался оглушительный взрыв, затем второй и третий. Огромные столбы пла-

мени взвивались над городом. Было видно, как летят какие-то обломки. В поле бежали вперемежку люди и скот. Оказалось, что, видя приближение противника, офицер саперной команды, присланной из штаба, думая лишь о выполнении своей задачи, преступно поджег склады, не предупредив осетин, продолжавших драться на окраинах города. Несколько десятков всадников и сам командир пали жертвой этой возмутительной небрежности.

В сумерки противник вошел в город. Я занял позицию несколько верст восточнее. С рассветом наступление возобновилось, скоро бой велся на всем фронте. Весь день корпус удерживал свои позиции. Около двух часов дня немцам удалось отстранить кинбурнцев и захватить занятую ими деревню, угрожая разрезать фронт корпуса. Я приказал дивизиону кинбурнцев остановить противника в конном строю. Драгуны под начальством ротмистра Стаценко блестящей атакой выбили противника, захватив несколько десятков пленных и пулемет. Положение было восстановлено. С наступлением темноты, оставив на фронте для наблюдения разъезды, я оттянул корпус верст на пятнадцать и, заняв намеченный рубеж, заночевал.

Пехота наша на всем фронте продолжала отходить, не оказывая врагу никакого сопротивления. В день фронта наш откатывался на 20-30 верст. Дисциплина в отходящих частях была совсем утеряна. Войска оставляли массу отставших солдат и грабили беспощадно население по пути своего следования. Маневрируя на стыке флангов 7-й и 8-й армий, мой корпус держался в переходе впереди, непрерывно ведя арьергардный бой. Я старался все время держаться в непосредственной близости частей, дабы ознакомиться с работой полков, начальниками и солдатами. Переправившись через Збруч, войска задержались и стали устраиваться на занятых позициях, удерживая в районе города Барщова плацдарм на левом берегу реки. Корпус ночевал в полупереходе к западу от линии реки Збруч. Я находился при 7-й дивизии.

На рассвете я получил донесение, что ночевавшая севернее кавказская дивизия оттеснена противником и, ведя бой, медленно отходит к востоку. Я имел приказание удерживаться на занимаемой линии в течение дня, дабы дать время устроиться пехоте, а с наступлением темноты, мне было приказано отойти за реку и стать в резерве командующего армией. Подняв по тревоге дивизию, я вывел ее из деревни и, заняв одним спешенным полком опушку небольшого леса и выставив артиллерию, остальные три полка держал в резервном порядке.

Вскоре пришло донесение о движении в охват правого фланга дивизии, в разрез между нами и кавказцами, бригады неприятельской конницы. Взяв несколько человек из моего

конвоя, я выехал вперед и, поднявшись на небольшой холмик, ясно увидел шедшую на рысях в походном порядке колонну конницы. Было видно, что она перестраивалась в резервный порядок. Одновременно батарея противника открыла огонь, и снаряд, пролетев, разорвался за дивизией. Неприятель, видимо, нас заметил, и вскоре пули стали посвистывать около нас. Я поскакал к дивизии, приказал артиллерии открыть беглый огонь и, построив боевой порядок, пустил дивизию в атаку. Противник атаки не принял и, издали увидев разворачивающиеся полки, снял батарею и стал быстро уходить. В это время я получил донесение, что в обход моего левого фланга, почти в тыл, движется новая колонна неприятельской конницы, силою также в бригаду. Приказав одному полку продолжать преследовать отходящую колонну и отправив генералу Одинцову приказание немедленно перейти его дивизией в наступление, я, повернув батарею на сто восемьдесят градусов, перенес огонь на новую колонну и, посадив спешенный полк, тремя полками вновь атаковал противника. И на этот раз, не приняв удар, неприятельская кавалерия повернула и стала поспешно отходить. Скоро пришло донесение от начальника кавказской дивизии. Дивизия перешла в наступление, сбила противника и выдвинулась на прежние позиции. В течение дня мы удерживались на месте, ведя перестрелку, противник в наступление вновь не решался переходить.

К вечеру немцы подтянули тяжелую артиллерию и открыли по нашему расположению редкий огонь. Одна из наших батарей, расположенная за небольшой рощицей, слабо отвечала. В рощице стояли спешенные полки 7-й дивизии. Послав генералу Одинцову распоряжение с наступлением темноты оттягиваться к переправам, я поехал к начальнику 7-й дивизии. Лесная дорожка вела к полянке среди леса. У небольшого домика лесника я увидел группу офицеров. Из избы был вынесен стол, скамьи и стулья, и офицеры пили чай. Кругом полянки среди деревьев виднелись кони. Здесь стояла спешенная бригада. Едва я слез с лошади и направился к столу, как послышался характерный гул приближающегося снаряда. Мгновение, и раздался взрыв. Снаряд упал тут же за избой. Послышались стоны, по полянке со сбитым седлом и окровавленным крупом проскакала лошадь. Среди спешенных полков стало заметно движение. Отдельные люди с лошадьми потянулись в лес. Я понял, что еще минута, и начнется беспорядочный отход. В лесу шрапнельный огонь противника не мог быть очень действенным. Необходимо было сохранить порядок. Я скомандовал «смирно» и, сев за стол, потребовал себе чая. Новый снаряд прогудел в воздухе и, ударившись где-то вблизи, разорвался. Один осколок, громко жужжа, упал у самого стола так, что я, не вставая со стула, мог, нагнувшись,

его взять. Я поднял осколок и, повернувшись к ближайшему полку, крикнул солдатам: «Бери, ребята, горяченький, к чаю на закуску». И бросил осколок ближайшему солдату. В одну минуту лица просветлели, послышался смех, от недавней тревоги не осталось и следа.

Выпустив еще два-три снаряда, противник прекратил огонь. Мы потеряли всего два человека и несколько лошадей ранеными. Солнце совсем склонилось к западу, стало смеркаться, и я приказал дивизии начать отходить. Полки вытянулись из леса, а я задержался несколько, диктуя какое-то приказание. Окончив, я сел на лошадь и пошел широким галопом, обгоняя колонну. На ходу я благодарил эскадроны и сотни за сегодняшний бой. Едва я поблагодарил первую сотню, как громкое единодушное «ура» прогремело в ответ. Остальные эскадроны подхватили. С этого дня невидимое духовое единение установилось между мною и моими людьми. С этого дня я почувствовал, что полки у меня в руках, что та психологическая связь между начальником и подчиненными, которая составляет мощь каждой армии, установилась.

Это явление мне за мою службу приходилось испытывать не раз. Так, однажды, во время усиленной рекогносцировки в Крейцбургских болотах, я непреложно и ясно ощутил неожиданно мгновенно родившуюся эту духовную связь с моим полком. Так впоследствии создавалась эта связь начальника с частями на Кубани и в степях Маныча в гражданскую войну.

Отойдя за реку Збручъ, корпус стал в резерв командующего армией в верстах 30-ти от Каменец-Подольска, где находился штаб армии. На следующий день я получил телеграмму от генерала Корнилова: «Прошу принять лично и передать всем офицерам, казакам и солдатам Сводного Конного корпуса, особенно же кинбурнским драгунам и донцам, мою сердечную благодарность за лихие действия корпуса 12 июля, обеспечившие спокойный отход частей на стыке армий. Корнилов».

В резерве нам пришлось простоять всего несколько дней. Несмотря на прекрасные позиции и то, что противник действовал сравнительно небольшими силами, наши части были уже почти неспособны на какое бы то ни было сопротивление. Как-то вечером начальник штаба армии вызвал меня к телефону. Кавказский пехотный полк, прикрывавший переправы у Хотина, оставил свои позиции, и противник мог использовать прорыв, угрожая переправам и самому Каменцу. Штаб армии был в готовности к отъезду, мне приказывалось спешно выдвинуться к месту прорыва и восстановить положение. Через два дня ожидался подход 79-й пехотной дивизии, которая должна была меня сменить и обеспечить Хотинские переправы.

Я по тревоге поднял части корпуса и приказал дивизиям ночным переходом выдвинуться к месту прорыва. При корпусе находился автомобильный санитарный отряд, где имелось до 30 машин. Из штаба армии мне обещали 10 грузовиков. Я использовал все машины для переброски стрелкового полка 7-й дивизии. Отдав все распоряжения и отправив стрелков, я на автомобиле поехал за дивизией. Я застал головной полк спешившимся и перестреливающимся с противником, занимавшим только что оставленную кавказцами деревню. Кавказцы, отойдя версты на четыре, стояли на привале, выставив сторожевое охранение. Вскоре подошла и 3-я дивизия. Я послал приказание кавказцам наступать и одновременно перешел в наступление спешенной бригадой 7-й дивизии.

Вскоре все поле усеялось нашими наступающими цепями. Противник вел ружейный огонь. Но вот со стороны неприятеля прогремела артиллерия. Дымки шрапнелей взвились над нашей толпой. Цепи залегли. Еще два, три снаряда, и вдруг я увидел, что на всем фронте кавказского полка цепи отступают. В бинокль видно было, как люди бегут, обгоняя друг друга: отступление обращалось в общее бегство. Я находился на батарее и отдал приказ командиру открыть по бегущим беглый огонь. Батарея дала очередь, попадания были ясно видны. Но люди не только не остановились, но как будто еще быстрее двинулись в тыл. Я поскакал к Ольвиопольским уланам, стоящим в резерве, приказал командиру полка полковнику Семенову остановить бегущих и пиками гнать их обратно. Семенов развернул полк, и лава улан стала гнать пиками отступающую пехоту, собирая людей, как стадо баранов.

Противник, видимо, малочисленный в наступление не переходил. Наконец, я получил донесение, что кавказский полк собран. Я проехал к полку. Приказал полку отдыхать, а обед выдать людям. Собрав офицеров, поговорил с ними, а затем обошел батальоны, говоря с людьми.

Дав людям успокоиться и прийти в себя, я сам повел полк в атаку. Кавказцы пошли сперва вяло и неуверенно, а затем отлично. Выбили противника из занятой им деревни, захватили 300 пленных и 4 пулемета и освободили наших пленных, взятых утром. К сожалению, во время этой атаки мой штаб сильно пострадал: был ранен старший адъютант штаба дивизии капитан Любимский, два офицера-ординарца, из них один тяжело, и командир радиотелеграфной роты.

«Ну теперь, Владимир Николаевич, — сказал я начальнику штаба, — за кавказцев мы можем быть спокойны. После такого успеха полк будет драться хорошо».

Однако я ошибся. Среди ночи нас разбудили, сообщив, что кавказцы без всякой видимой причины оставили совсем свои позиции и отходят в тыл. Пришлось выслать для защиты

брошенного кавказцами участка последнюю бригаду. В резерве у меня не оставалось ни одного полка. Я приказал оттянуть на ночь части артиллерии и обозы за переправу, а сам со штабом остался ночевать на правом берегу реки, дабы иметь возможность использовать телефонную сеть со сторожевыми участками. На рассвете нас вновь разбудили. Противник сбил жидкое охранение корпуса. Перестрелка шла уже в занятой нами деревне. Мы быстро оделись и вышли во двор к нашим лошадям. Бой шел на улицах. Пули все время шелкали по каменному забору и стенам хат. Дорога к переправе была в руках противника. В ворота выехать уже было нельзя. Улица обстреливалась продольным огнем. Мы стали пробираться садом к реке, решив переправиться вплавь. В последнюю минуту кто-то из ординарцев разыскал крестьянина, указавшего нам брод — удалось переправиться не только конным, но и тележкам с офицерскими вещами. Во время переправы у нас был только один раненый.

Наша батарея с левого берега реки открыла огонь. Вправо были видны переправляющиеся вброд части кавказской дивизии. Удерживая левый берег реки, я выделил часть сил и бросил их на усиление второй бригады 7-й дивизии, прикрывающей главную переправу и мост у Хотина. Нам удалось удержать Хотинский тет-де-пон. К вечеру подошла бригада 78-й дивизии, 7-й кавалерийской дивизии, я приказал немедленно ее командиру генералу Серебрянникову перейти в наступление. К девяти часам вечера корпус полностью восстановил положение. На следующий день части корпуса были сменены подошедшей 79-й дивизией, и корпус отошел к Каменцу в резерв командующего армией. Отсюда через несколько дней мы перешли далее и стали близ румынской границы. Я получил от генерала Черемисова телеграмму: «Честь и Слава Свободному Корпусу. Черемисов».

Через несколько дней генерал Черемисов был сменен, и место его заступил генерал Соковнин. Одновременно с генералом Черемисовым ушел начальник его штаба полковник Меньшов, замененный генералом Яроном.

Генерал Корнилов еще 16 июля был назначен Верховным главнокомандующим.

Корниловские дни

С вступлением генерала Корнилова в должность Верховного главнокомандующего в армии стала ощущаться крепкая рука. Начальники, почувствовав за собой поддержку сверху, приободрились и стали увереннее, солдаты подтянулись. Целым рядом приказов власть войсковых комитетов была ограничена и введена в известные рамки. Полки, утеравшие

всякую дисциплину, стали приходить в некоторый порядок. Воспользовавшись боевым затишьем, я постарался возможно ближе ознакомиться не только с корпусным и дивизионным, но и полковыми комитетами. Состав их оказался в общем не плохой. Я подолгу беседовал с членами комитетов, подчас присутствовал на заседаниях, и постепенно мне удалось направить деятельность комитетов в сторону от политики и привлечь их к чисто хозяйственной работе. После продолжительных боев обмундирование, конское снаряжение и вся материальная часть корпуса сильно поистрепались. Попытки мои получить белье, сапоги и прочие необходимые предметы вещевого довольствия через армейское интендантство оказались тщетными. И вот там, где командир корпуса оказался бессильным что-то сделать, корпусной комитет добился, послал куда-то каких-то делегатов, добыть для частей все необходимое...

За это время я имел несколько писем из ставки от Завойко. Из них я знал о той борьбе, которую вел генерал Корнилов, настаивавший на срочном проведении в жизнь необходимых для поднятия в армии дисциплины мер — предоставление начальникам дисциплинарной власти, ограничение прав войсковых комитетов, наконец, установление смертной казни в тылу для изменников и дезертиров. Я, со своей стороны, писал несколько раз, указывая на необходимость провести все эти меры, пока еще не поздно и армия не развалилась совсем.

В первых числах августа я получил приказ от Завойко. Он писал о том, что, по-видимому, длительная борьба генерала Корнилова в скором времени увенчается успехом, что в ближайшее время ожидается проведение в жизнь всех намеченных по усилению дисциплины в армии мер, что в тылу авторитет Верховного главнокомандующего огромный и что недалек уже тот час, когда от имени армии он будет иметь возможность продиктовать свои условия: «...генерал просит Вас не торопиться и не упрекать нас в бездействии, — заканчивал он свое письмо, — раньше января-февраля никаких решительных выступлений ожидать нельзя...»

10-го или 12-го я неожиданно получил телеграмму с сообщением, что «ввиду предстоящего в ближайшее время нового назначения» я зачисляюсь в распоряжение главнокомандующего Румынским фронтом «с оставлением командующим сводным военным конным корпусом». Необычная эта телеграмма по содержанию своему немало меня удивила, и я поручил начальнику штаба вызвать к аппарату из ставки графа Шувалова и справиться, что значит полученное мною сообщение и что это за ожидающее меня назначение. Шувалов отвечал, что в дежурстве ничего не известно, главнокомандующий находится в Москве, откуда вернется лишь через день,

два. Через несколько дней я получил телеграмму от Завойко: «Главкомандующий очень доволен вашей работой. Телеграмма вызвана ожидающим вас в ближайшие дни видным назначением». Одновременно пришло приказание ставки о погрузке бригады 3-й кавказской дивизии — Дагестанского и Осетинского полков, для переброски на присоединение к Туземной дивизии в районе станции Дно.

27 августа, имея надобность в каких-то указаниях, я проехал верхом в штаб армии. В штабе я застал большое волнение. Только что получена была телеграмма генерала Корнилова, где он, обращаясь к армии, говорил о свершившемся великом предательстве... (Телеграмма Керенского, объявляющая главнокомандующего изменником, была получена несколькими часами позже).

Вместе с тем ставкой приказывалось снять радио и не принимать никаких телеграмм от председателя правительства. Армейский комитет против последнего протестовал, его поддерживал и. д. генерал-квартирмейстера, «приемлющий революцию», полковник Левитский. Командующий армией генерал Соковнин и начальник штаба генерал Ярон казались совершенно растерянными. С большим трудом удалось мне получить копию с телеграммы главнокомандующего, причем командующий армией предложил мне не объявлять телеграммы этой впредь до выяснения обстановки и получения указаний от главнокомандующего фронтом генерала Щербачева.

Командующий армией не нашел в себе сил вступить в борьбу с армейским комитетом и отдал приказание полковнику Левитскому «с распоряжением о снятии радио повременить». В то время как я, выйдя из штаба, сел на лошадь, полковник Левитский с торжествующим видом объявил это стоявшим тут же представителям армейского комитета. Я не сдержался и резко заявил полковнику Левитскому, что невыполнение приказа главнокомандующего в настоящих условиях считаю совершенно преступным и что касается моего корпуса, то немедленно по прибытии в штаб отдам распоряжение о снятии радиостанции. Часов в шесть вечера ко мне заехал генерал Одинцов, он сообщил мне о получении армейским комитетом телеграммы Керенского, объявляющей Корнилова изменником. По его словам, командующий армией и начальник штаба совсем растерялись и все распоряжения отдает полковник Левитский, поддерживаемый армейским комитетом. Генерал Одинцов совершенно неожиданно предложил мне «поднять по тревоге корпус, арестовать штаб и вступить в командование армией». Я мог только недоуменно развести руками.

Рано утром адъютант доложил мне, что дивизионный комитет 3-й кавказской казачьей дивизии вызывает в дивизию

членов дивизионного комитета 7-й дивизии, что в 3-ю дивизию прибыли представители дивизионного комитета и что генерал Одинцов, по требованию армейского комитета, задержал готовящуюся к отправке на погрузку 2-ю бригаду 3-й дивизии, которая накануне получила указание о направлении в Одессу. Я приказал подать себе автомобиль и поехал в распоряжение 3-й дивизии. Я застал собранными во дворе штаба дивизии все войсковые комитеты. Председательствовал полковой священник одного из полков о. Феценко, об отозвании которого из дивизии за его попытки демагогии мною недавно было возбуждено ходатайство. Тут же присутствовал генерал Одинцов и представители от армейского комитета — какой-то молодой человек в кепке и кожаной куртке и вольноопределяющийся одного из кавказских казачьих полков. Меня поразило вид Одинцова: в черкеске, без кинжала, красный, потный и растерянный, он производил вид жалкий.

Войдя в толпу, я поздоровался: «Здорово, молодцы казаки». Казаки ответили. Неожиданно я услышал голос о. Феценки: «Господин генерал, я должен вам заметить, что здесь нет ни молодцов, ни казаков. Здесь есть только граждане». Я с трудом сдержался. «Вы правы, батюшка, — ответил я, — мы все граждане. Но то, что мы граждане, не мешает мне быть генералом, вам священником, а им молодыми казаками. Что они молодцы, я знаю, потому что сам водил их в бой, что они казаки, я тоже знаю, я сам командовал казачьим полком, носил казачью форму и горжусь тем, что я казак. — Затем, повернувшись к казакам: — Здорово еще раз, молодцы казаки». — «Здравия желаем, ваше превосходительство!» — раздался дружный ответ.

Я сел за стол и, обращаясь к генералу Одинцову, спросил, что здесь происходит. Генерал Одинцов доложил, что обсуждается резолюция, предложенная представителями армейского комитета, выражающая поддержку Керенскому, телеграмма которого была прочитана представителями армейского комитета.

— Отлично, — громко сказал я, — а телеграмму генерала Корнилова вы читали?

Тут вмешался господин во френче:

— По постановлению армейского комитета эта телеграмма объявлению не подлежит.

— Я получил эту телеграмму от командующего армией, она передана мне под мою личную ответственность, я не считаю возможным скрыть ее от моих войск. Ответственность за это всецело принимаю на себя.

Я вынул телеграмму. Члены армейского комитета пытались протестовать, но из толпы послышались возгласы: «Прочитать, прочитать». Я прочел телеграмму.

— Теперь, вы знаете, казаки, все. Верю, что вы исполните

долг солдата и решите по совести и воинскому долгу. Что касается меня, то я, как солдат, политикой не занимаюсь. Приказ моего главнокомандующего для меня закон. Уверен, что и ваш начальник дивизии скажет то же самое.

Я посмотрел на Одинцова. Он что-то бормотал; глаза бежали во все стороны.

— Я — как мои дети, как мои казаки, — наконец вымолвил он.

С превеликим трудом я удержался, чтобы не обозвать его подлецом. Встав и попрощавшись с казаками, направился к автомобилю. В ту минуту, когда я садился, подбежал Одинцов:

— Как же так, как же так, — бормотал он, — я совсем растерялся. Ты с твоим вопросом застал меня врасплох..

Я махнул рукой и приказал шоферу ехать.

После продолжительных разговоров 3-я дивизия вынесла резолюцию поддерживать Керенского, 7-я, до вечера ничего не решив, от резолюции уклонилась. Через день было получено приказание штаба армии — над всеми телеграфами и телефонами устанавливался контроль войсковых комитетов, все приказания начальников вступали в силу лишь по скреплении подписью одного из членов войскового комитета.

Этого я перенести не мог. Сев верхом, я проехал в штаб армии и просил командующего армией меня принять. Я застал генерала Соковнина в саду, где он гулял с начальником штаба и адъютантом. Попросив разрешения говорить с глазу на глаз, я вынул из кармана только что полученное приказание.

— Это приказание, ваше превосходительство, я считаю оскорбительным для начальников. Выполнить его я не могу. Прошу немедленно отчислить меня от командования корпусом... — Генерал Соковнин стал меня уговаривать взять свое решение обратно. Я стоял на своем: — Я не могу выполнить этого приказания. Ежели вы меня не отчислите, то мне не остается ничего другого делать, как по тревоге поднять 7-ю дивизию и говорить непосредственно с армейским комитетом.

Генерал Соковнин, видимо, испугался. Убеденный, что я не остановлюсь перед выполнением своего решения и боясь осложнений, он обещал мне тут же переговорить с армейским комитетом. Я перешел в штабную столовую. Через час ординарец принес мне приказание командующего армией, где «разъяснялся» предыдущий приказ. «Разъяснениями этими» пункт приказа о скрепе подписи начальников совсем отменялся. Контроль над войсковой связью все еще оставался. Я, вернувшись в штаб корпуса, приказал телеграфный и телефонный аппараты перенести в свою квартиру. Корпусной комитет не решился прислать ко мне свое наблюдение.

5 сентября был полковой праздник Белорусского гусарского полка. Я решил придать ему особую торжественность, чтобы поднять дух частей, — отправил через границу в Румынию купить вина и выдал по бочонку в каждый эскадрон, из обозов 22-го разряда выписал красные чакчиры. После молебна сказал полку несколько горячих слов, а затем эскадронам был выдан обед. Я прошел по эскадронам и в каждом выпил чарку и говорил с людьми, после чего обедал в офицерском собрании. Играли трубачи, пели песенники, и на несколько часов мы перенеслись мыслями в старую полковую жизнь.

6-го из штаба фронта было получено приказание мне немедленно прибыть в Яссы. Одна бригада кавказской казачьей дивизии была уже отправлена на север, другая получила приказание следовать в район Одессы. Штаб корпуса и 7-я дивизия оставались на месте. Оставив своим заместителем недавно произведенного из полковников генерала Дрейера, я выехал в штаб фронта.

Я не видел генерала Щербачева с самого начала войны — и нашел его значительно постаревшим и, видимо, сильно подавленным. Работа штаба лежала почти исключительно на начальнике штаба генерале Головине, умном и весьма талантливом офицере. В штабе фронта, хотя и в меньшей степени, чем в штабе армии, чувствовались слабость и нерешительность. Разложение наших войск, находящихся в Румынии, коснулось несколько меньше, чем на остальных участках фронта, однако и здесь, в Яссах, солдаты ходили толпами, неряшливо одетые, не отдавали чести и курили на улице. Румынская армия, наоборот, оттянутая в течение предыдущей зимы в тыл, отдохнувшая и реорганизованная под руководством французского генерального штаба, поражала своей выправкой и внешней дисциплиной.

Генерал Щербачев сказал мне, что вызвал меня, зная о том, что я находился в письменных сношениях с генералом Корниловым, и опасаясь, что в связи с последними событиями мне могут грозить осложнения. Здесь, в Румынии, по его словам, я буду в безопасности.

Через два дня после моего приезда в Яссы получена была из ставки телеграмма за подписью начальника штаба о состоявшемся 9 сентября назначении моем, приказом верховного главнокомандующего, командиром 3-го корпуса.

В последнее время я жил под тяжелым нравственным гнетом. Участь генерала Корнилова, самоубийство генерала Крымова, возглавление армии «революционным главоверхом», «заложником демократии» во Временном Правительстве, адвокатом Керенским, все события последних дней глубоко потрясали армию. Остановившийся было процесс разложения возобновлялся, грозя совсем развалить фронт, а с ним и Рос-

сию. Однако решение генерала Алексеева принять должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, казалось, говорило, что не все потеряно. Если генерал Алексеев решил стать начальником штаба «главковерха из Хлестаковых», то видимо, есть еще надежда на какой-то исход. В минуту, когда я мог ежечасно ожидать ареста, назначение мое командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, корпуса, в состав которого входила родная мне Уссурийская дивизия, казалось мне перстом Провидения. Я не знал, насколько еще уцелели от разложения части корпуса и удастся ли мне взять корпус в руки; не знал, какая участь постигла объединенные графом Паленом офицерские организации в столице. Я решил немедленно ехать в Петербург.

Я прибыл в Петербург утром. Заехав домой переодеться, я отправился в штаб округа. В дверях штаба я столкнулся с генералом Красновым, старым знакомым моим еще с Японской войны, в последнее время командовавшим 2-й сводной казачьей дивизией. Он был чрезвычайно удивлен, узнав о назначении моем командующим 3-м конным корпусом. Оказалось, что он почти одновременно со мной также допущен ставкой к командованию этим корпусом и уже в командование вступил. В последнее время при массовой постоянной смене лиц командного состава такие недоразумения случались часто. Я ничего не имел против неожиданного осложнения и решил не торопиться с принятием корпуса и предварительно ознакомиться с обстановкой.

Во главе округа стоял только что назначенный на эту должность полковник Полковников, бывший начальник штаба Уссурийской дивизии, последнее время командовавший Амурским полком и с полком участвовавший в движении генерала Крымова в Петербурге. Я передал ему о слышанном от генерала Краснова и спросил его, не известно ли ему что-либо. Он ответил мне, что также ничего не знает, что здесь, видимо, недоразумение и так как из двух мое назначение приказом главнокомандующего является последним, то, по его мнению, я и должен принять корпус. Я ответил, что впредь, до точного выяснения всего недоразумения я, дабы не ставить генерала Краснова в неловкое положение, в корпус не поеду и буду ждать в Петербурге разрешения всего вопроса.

От полковника Полковникова узнал я впервые и подробности последних дней генерала Крымова. По словам Полковникова, разрыв председателя правительства с главнокомандующим был для частей корпуса и самого генерала Крымова полной неожиданностью. Телеграмма Керенского, объявляющая генерала Корнилова изменником, стала известна лишь на станции Дно. По словам Полковникова, прими генерал Крымов в эту минуту твердое решение безостановоч-

но продолжать движение на Петербург, город был бы взят. К сожалению, генерал Крымов, застигнутый врасплох, последнее время сильно изнервничавшийся, переживавший тяжелую семейную драму и в значительной мере утеревший прежнюю решимость, заколебался, стал расспрашивать указаний ставки и потерял драгоценное время. Порыв ослаб, полки заколебались, и под влиянием преступной агитации началось брожение. Ближайшие помощники генерала Крымова, безвольный начальник Туземной дивизии князь Багра-тион и мягкий начальник Уссурийской дивизии Губин — окончательно выпустили части из рук. Через день стало ясно, что на успех рассчитывать нельзя. Генерал Крымов, к которому, по поручению Керенского, прибыл начальник кабинета военного министра Самарин с предложением отправиться для переговоров в Петербург, решил ехать. Он прибыл к Керенскому, имел с ним чрезвычайно резкий разговор, после которого отправился на квартиру поручика Журавского, бывшего своего ординарца, в последнее время служившего в канцелярии военного министра. Генерал Крымов попросил дать ему бумаги и перо и оставить его одного. Через несколько минут раздался выстрел. Самоубийцу нашли на полу с прострелянной грудью. Он оставил письмо на имя жены. На вопрос, что побудило его к такому шагу, он ответил: «Я решил умереть, потому что слишком люблю родину». Попытка спасти его путем операции оказалась тщетной, к вечеру он скончался.

Я спросил Полковникова, каким образом он, участвовавший в наступлении Корнилова на Петербург, мог быть назначен командующим войсками Петербургского округа. Полковников ответил, что он сам был удивлен назначением, и добавил: «Вот вы же назначены командиром 3-го корпуса и также, вероятно, не ожидали».

Из штаба округа я прошел на Дворцовскую набережную в Новый Клуб, чтобы узнать что-либо о графе Палене, участь которого меня сильно беспокоила. Я узнал, что он в последние дни в городе отсутствовал и вернулся лишь накануне. Вечером я заехал к нему. Оказалось, что в первые дни после разрыва ставки с правительством графу Палену и большинству работавших с ним офицеров пришлось, во избежание ареста, скрываться; наиболее скомпрометированные бежали из города. За последние дни аресты прекратились, наблюдение ослабло, и некоторые скрывавшиеся решили вернуться. Граф Пален укрывался в окрестностях города в имении Всеволожского «Рябово». По словам Палена, движение Крымова на Петербург застало его организаторов совершенно врасплох. Конфликта правительства со ставкой в эти дни никто не ожидал, и в предвидении его ничего сделано не было. Уже после разрыва к Палену прибыл какой-то не известный ему полков-

ник, отказавшийся себя назвать и не предъявивший никаких документов. Полковник якобы был послан Крымовым и имел целью предупредить о движении последнего на Петербург. Граф Пален, опасаясь провокации, в переговоры с полковником вступить отказался. Он и поныне не знал, была ли это провокация или нет.

На другой день утром ко мне заехали командир Приморского полка, полковник Шепулов и Нерчинского Маковский. Они накануне в Царском, где стояла дивизия, узнали о моем назначении и приезде в Петербург и поспешили навестить меня. Узнав, что назначение мое еще под сомнением, они просили меня не отказываться от корпуса, и мне пришлось это обещать. Они не скрывали, что в корпусе сильное разложение, в некоторых полках казаки арестовывали офицеров. Вместе с тем, по их словам, дух в частях и порядок можно еще было поднять. Они объяснили неудачу генерала Крымова теми же причинами, что и Полковников, однако роль последнего, по их словам, рисовалась несколько иначе.

Вечером Полковников позвонил мне по телефону и просил зайти в штаб округа. От него я узнал, что «по условиям политического момента и ввиду моей политической фигуры» военный министр Верховский не находит возможным назначение меня командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, что «Верховный главнокомандующий» с ним согласился и что мне будет предложено другое назначение. Я ответил, что никакого другого назначения не приму и буду ходатайствовать об увольнении меня в отставку. Полковников заметил, что увольнение в отставку старших начальников ныне не производится и что имеется приказ военного министра, запрещающий возбуждение таких ходатайств. Я заехал к Самарину, который также утверждал, что отставку мне получить не удастся. Оставалась ставка. Нового начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерала Духонина, я совсем не знал. Генерал-квартирмейстер и дежурный генерал были также новые и не известные мне лица, но помощником начальника штаба по гражданской части состоял В. В. Вырубов, товарищ мой по студенческим годам и одновременной службы вольноопределяющимся, моей — в Конной Гвардии, а его в Кавалергардском полку. Я послал ему телеграмму, прося помочь мне получить отставку.

Утром мне дали знать, что прибывший в Петербург главнокомандующий северным фронтом генерал Черемисов желает меня видеть и просит приехать к двенадцати часам дня в Зимний дворец, где он должен быть в это время у Керенского. После Каменца я видел генерала Черемисова впервые. Генерал Черемисов предложил мне зачислиться в его распоряжение и ехать с ним в Псков. Я поблагодарил его за предложение и сказал, что твердо решил службу оставить.

В тот же день я получил телеграмму генерала Духонина, вызывающего меня в ставку.

По приезде в Могилев я явился к генералу Духонину. Я видел его впервые. Среднего роста, полный, румяный, с густыми вьющимися черными волосами, чрезвычайно молодой, он производил впечатление очень мягкого, скромного человека. Он стал уговаривать меня отменить свое решение, доказывая, что при настоящих условиях долг старших начальников оставаться в армии, что только их присутствие в армии еще дает возможность бороться с развалом. Я твердо стоял на своем. В тот же день я подал на имя генерала Духонина рапорт. Я писал, что, будучи назначен командиром 3-го корпуса, к командованию корпусом допущен не был. Ввиду всей прежней моей службы причину этому могу видеть лишь в моих политических убеждениях, «не всем угодных», «что убеждений своих никогда не менял и менять не буду в угоду кому бы то ни было» и ходатайствовал об увольнении меня в отставку.

Через несколько дней генерал Духонин передал мне через Вырубова, что «Верховный главнокомандующий» не нашел возможным увольнение в отставку одного из старших кавалерийских начальников. Еще через несколько дней мне была предложена должность командующего войсками Минского округа, на что я, конечно, ответил отказом.

Я попал в довольно странное положение: дела у меня не было, и в то же время я не мог располагать собой. Я решил ждать, не принимая, во всяком случае, никаких назначений. Мне с каждым днем становилось яснее, что ежедневно увеличивающийся в армии развал уже остановить нельзя.

Я поселился в вагоне Вырубова. Сам Вырубов жил в верхнем этаже дворца. Жуткое чувство охватило меня, когда я впервые зашел к нему в кабинет. Здесь год тому назад я видел государя. Комната с тех пор почти не изменилась. Вагон, в котором я жил, принадлежал тогда великому князю Сергею Михайловичу и был оборудован с большим комфортом. Я выписал двух своих лошадей и ежедневно делал большие поездки. Обедал я и ужинал обыкновенно вместе с Вырубовым у общего приятеля нашего князя Г. А. Бенкендорфа, брата убитого моего однополчанина и друга и племянника гофмаршала. Граф Бенкендорф состоял при военных представителях иностранных держав. Мы проводили длинные осенние вечера в бесконечных злободневных спорах. В этих спорах Вырубов неизменно подвергался нападкам нашим за соглашательство и «компромиссную политику». Мне показалось бы совершенно абсурдной в то время мысль, что Бенкендорф через два года окажется в Грузии дипломатическим представителем советской власти.

Как-то раз разговор зашел о том, что необходимо реорганизовать армию на новых началах, что без этого оздоровить армию не удастся. По словам Вырубова, этим вопросом заняты были в штабе верховного главнокомандующего. В основу организации предполагалось будто бы территориальное начало, на чем особенно настаивал генерал-квартирмейстер, генерал Дидерихс. Я стал доказывать, что одной территориальной системой ничего не достигнуть, что в настоящих условиях территориальная организация могла привести лишь к расчленению армии и с нею страны и что в то время, когда война продолжается, эту организацию практически провести нельзя. По моему мнению, для оздоровления армии, если еще не поздно, необходимо прежде всего, чтобы правительство отказалось от так называемой «демократизации армии» и «революционной дисциплины», чтобы была проведена в жизнь так называемая «Корниловская программа». При этих условиях я видел возможность начать в армии работу. Пользуясь зимним затишьем и германской оттяжкой значительных сил на Западный фронт, можно было, постепенно оттягивая часть корпусов в тыл, выделить из частей наиболее слабый элемент, остающимися пополнить выделенные в дивизиях ударные батальоны, кои могли быть развернуты в полки и бригады. По этому расчету число пехотных дивизий должно было уменьшиться, сколько мне помнится, вдвое, но зато дивизии эти были бы боеспособны. Выделенные из полков негодные элементы могли бы быть сведены в рабочие роты с особо строгой дисциплиной. Эти роты могли бы употребляться на тыловую службу, и возвращение из них обратно в строй было бы допустимо по прошествии некоторого времени и соответствующей аттестации начальства. Служба в строю, по моей мысли, должна была быть обставлена рядом служебных и материальных преимуществ по сравнению с тыловой. Конечно, все эти меры могли дать соответствующие результаты лишь при условии изменения общего порядка в армии.

Вырубов, как всегда увлекающийся, стал просить меня взять на себя разработку подробно этого вопроса. Я, не придавая этому никакого значения, отшучивался. Однако через несколько дней Вырубов вновь заговорил об этом, передал мне, что он говорил о моих соображениях Духонину и Дидерихсу и что оба чрезвычайно заинтересовались этим вопросом. Дидерихс попросил меня зайти к нему. Через несколько дней генерал Дидерихс повторил приглашение и лично попросил меня письменно разработать вопрос. Я взял себе в помощники генерального штаба подполковника Яковлева и дней через десять представил соответствующий доклад.

Гражданская часть (ныне даже вопросы реорганизации армии обсуждали штатские люди) потребовала ряд изменений, однако против главных оснований не возражала. Проект

отправили в Петербург. Я, конечно, совсем не верил в возможность проведения в жизнь всех намеченных проектом мер; выдвигая этот проект, я имел в виду другое — возможность войти в связь с многочисленными войсковыми частями и, в частности, с ударными батальонами, составленными из добровольцев, главным образом, офицеров. Один такой батальон под командованием генерального штаба полковника Манакина находился в ставке. Это была образцовая часть. В случае неизбежного развала армии, быть может, удалось сохранить хоть небольшое и организованное крепкое ядро. 16 октября Керенский утвердил представленную Вырубовым докладную записку, в основу которой вошел мой доклад. Дежурству было приказано разработать штаты.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего и помощник его по гражданской части выезжали на имеющиеся состояться в Петербурге открытие Предпарламента. Я воспользовался случаем проехать в Петербург. Я помещался с Вырубовым в его вагоне. К обеду пришел генерал Духонин, просидевший у нас часов до десяти, он, видимо, рад был отдохнуть от дел, рассказывал много о прежней своей службе, с особенным удовольствием вспоминал о времени, когда командовал 162-м Луцким полком. Полк под его начальством имел немало славных дел, и Георгиевские кресты, украшавшие грудь и шею генерала Духонина, говорили об этом.

Первое заседание Предпарламента лишний раз подчеркнуло бессилие власти и отсутствие единения в верхах.

25 октября прогремели в Петербурге первые выстрелы с крейсера «Аврора», Керенский бежал, прочие члены Временного Правительства засели в Зимнем дворце под охраной женских батальонов и детей-юнкеров. В столице повторились февральские дни. По улицам шла стрельба, носились грузовые автомобили с вооруженными солдатами.

Ставка эти дни была полна волнения. Беспрерывно заседал армейский комитет. Генералы Духонин, Дидерихс и Вырубов не отходили от аппаратов Юза. Стало известно о движении генерала Краснова с 3-м корпусом на Петербург, за ним должны были двигаться еще войска. Но уже через день заговорили об измене генерала Черемисова. В штабе главнокомандующего Северным фронтом уже велась недостойная игра. Генерал Черемисов довольно прозрачно давал окружающим понять, что в ближайшие дни он готовится стать Верховным главнокомандующим. Вызванные в Петербург правительством эшелоны были задержаны генералом Черемисовым в пути; казаки-уссурийцы стали брататься с большевиками. Еще раз в верхах армии проявилась растерянность, нерешительность и трусость.

В эти дни неожиданно проездом через Могилев прибыл генерал Одинцов. Я не видел его со времени недостойного его

поведения в Корниловские дни. Он зашел ко мне сильно сконфуженный. Я узнал, что он получил назначение в Петербург в распоряжение начальника генерального штаба. В то время я далек был от мысли, что через две недели он вернется в ставку предлагать от имени главноверха, прапорщика Крыленко, генералу Духонину сдать пост.

1 ноября Керенский бежал, предав своих товарищей по кабинету, армию и Россию. 5 ноября декретом Совнаркома Верховным главнокомандующим был назначен прапорщик Крыленко. В ставке делали еще потуги сформировать «демократическое правительство», председателем правительства намечался В. М. Чернов. Я сидел у Вырубова, когда доложили о его приходе. Желая избежать встречи с этим господином, я поспешил выйти из кабинета. Одновременно с Черновым прибыл и бывший военный министр генерал Верховский. Я имел случай его видеть, и он произвел на меня впечатление самоуверенного ничтожества.

В тот день, когда мне стало известно о назначении верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленко приказе войскам «вступить в переговоры с противником», при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный — Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералу Дидерихсу и Вырубову освободить их от связывающего их слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решив до конца разделить участь с главнокомандующим, Дидерихс же, хотя и решил остаться, но в качестве «частного человека», заручившись приказом за подписью Духонина об откомандировании в Кавказскую армию. По словам Вырубова, генерал Духонин решил ставку переносить в Киев.

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего монарха. По словам ставших у власти людей, государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего его к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: «Война до победного конца». Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителя. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники и весь русский народ. Великое слово «свобода» в этот раз народ заменил произволом и полученную вольность превратил в буйство, грабеж и убийство.

Под большевистской пятой

После тревожной, нервной жизни в ставке я поражен был найти в Крыму совершенно иную, мирную и, так сказать, глубоко провинциальную обстановку.

Еще с первых дней смуты сюда бежало из Петербурга, Москвы и Киева громадное число семейств. Люди в большинстве своем богатые и независимые, не связанные службой или покинувшие ее в большинстве случаев чуждые политической жизни, они внесли с собою в Крым особую атмосферу, столь далекую от политической борьбы и тревожных переживаний большинства крупных центров России. В окрестностях Ялты проживала после переворота и большая часть членов императорской семьи: престарелая императрица Мария Федоровна с дочерьми великими княгинями Ксенией Александровной и Ольгой Александровной, великие князья Николай Николаевич, Петр Николаевич, Александр Михайлович с семьями. В самой Ялте, Алупке, Симеизе и Гурзуфе жил целый ряд лиц петербургского общества — старых наших знакомых. Все часто виделись между собой. Многие старались перенести сюда обычный уклад петербургской жизни.

Грозную действительность напоминали лишь известия, довольно неаккуратно приходявшие с почтой. Через несколько дней после приезда я узнал из газет о трагической гибели генерала Духонина и бегстве быховских узников. Изредка доходили сведения о продолжавшемся уклоне влево демократической Украинской Рады и о зреющей на Дону «контрреволюции». В прочность последних я, зная казаков, мало верил, считая, что рано или поздно казачество должно быть увлеченным в революционный вихрь и опомниться, лишь испытав на собственной шкуре прелести коммунистического режима.

Беспечная крымская жизнь продолжалась недолго. Вскоре из северной Таврии пришли первые вести о выступлении в городах и деревне всякого сброда, спешившего объединиться под красным знаменем. Местами происходили уже погромы помещичьих усадеб.

Будучи как-то по делам имения в Мелитополе, я впервые на мелитопольском вокзале увидел красные войска; то возвращались после кровавого урока матросы Черноморского флота, разбитые генералом Калединым под Ростовом. С наглыми зверскими лицами, обвешанные пулеметными лентами и с ручными гранатами у пояса, они беспорядочными кучками пробирались в Севастополь, врываясь в пассажирские вагоны, выбрасывая женщин и детей и избивая станционных служащих.

По примеру Дона и Украины перед лицом надвигающейся-

ся красной волны решили организовать в лице «Курултая» и крымские татары. Вновь сформированное татарское правительство носило коалиционный характер, хотя преобладала «демократическая политика», ярким представителем которой был председатель правительства и военный министр Сайдамет, по примеру господина Керенского также из адвокатов. Сайдамета, кроме демократических элементов, выдвигали еще и туркофильские группы. В распоряжении правительства имелась и горсточка вооруженной силы: занимавший гарнизоны Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымской драгунский полк, укомплектованный крымскими татарами, несколько офицерских рот и, кажется, две полевые батареи. Гарнизон Севастополя и Севастопольская крепостная артиллерия были уже явно в большевистском настроении. В Симферополе, месте пребывания «Курултая», был спешно сформирован и штаб армии, начальником которого состоял генерального штаба полковник Макуха. Совершенно для меня неожиданно я получил в Ялте телеграмму за подписью последнего, сообщающую мне, что крымское правительство предлагает мне должность командующего войсками. Для переговоров мне предлагалось прибыть в Симферополь. В тот же день в Крыму была объявлена всеобщая мобилизация, долженствующая по расчету штаба, позволить в кратчайший срок сформировать целый корпус и развернуть кавалерию в бригаду. Я решил проехать в Симферополь и на месте выяснить обстановку, прежде чем дать какой-либо ответ на сделанное мне предложение.

В Симферополе, столице Крыма, застал я оживление необычайное: шла регистрация офицеров, какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главковерх, так же как и его коллега в Петербурге, мыслил иметь армию демократизированную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую им должность не могу. Сайдамет учел, по-видимому, бесполезность меня уговаривать, лишь просил до отъезда не отказать присутствовать на имеющем быть вечером в штабе совещании. На этом совещании должен был быть рассматриваем предложенный генерального штаба полковником Достоваловым план захвата Севастопольской крепости. Меня по этому вопросу просили дать заключение. Если бы я еще доселе и колебался в своем

отказе принять командование над войсками крымского правительства, то после совещания все сомнения мои должны были исчезнуть. Хотя предложенный разработанный план и был всеми присутствовавшими на совещании военными лицами, в том числе и мною и начальником штаба полковником Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее «военный министр», выслушав присутствующих, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым, и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для проведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение. Наутро я выехал в Ялту.

Восьмого января утром по городу распространились слухи, что ночью произошло столкновение между двумя эскадронами крымских драгун, расположенными в Ливадийском дворце, и местной красной армией, что крымцы отошли в горы и власть в городе захвачена Советами. Около полудня от имени Советов появились прокламации, указывающие на то, что отныне единственной властью в городе является Совет, и требующие немедленной сдачи обывателями всякого оружия. Под вечер прибыло в город судно, и высадившиеся матросы, руководимые членами местного Совета, приступили к повальным обыскам.

Эти обыски не миновали и нас. Часов в девять к нам на дачу на Нижне-Массандровской улице явились человек шесть матросов, обвешанных пулеметными лентами и гранатами, предъявили какой-то мандат и требование пропустить их для производства обыска в квартиру. Я отдал приказание их впустить и предоставить полную свободу, наблюдая лишь за тем, чтобы, воспользовавшись обыском, представители «революционного народа» чего-либо не стянули. Все имевшееся у нас оружие еще с утра было надежно спрятано в подвале и на чердаке.

Сам я во время обыска, дабы избежать необходимости разговаривать с проходимцами, сел за карточный стол и начал играть в пикет со своим сынишкой, совершенно не обращая внимания на шаривших по столам и комодам матросам. Последние всячески старались вывести меня из себя, делая вслух дерзкие замечания, намеренно производя шум и передвигая мебель. Но убедившись, что ничто не действует, оставили нас в покое. К этому испытанному приему я в последующем не раз прибегал во время обысков.

Около девяти часов десятого января я проснулся от орудейной стрельбы. От прислуги узнал, что ночью спустились с гор крымские драгуны, что западная часть города ими занята, что на рассвете из Севастополя прибыли два миноносца, которые и обстреливают город. Одевшись, я вышел на балкон вместе с гостившим у нас братом жены. В городе слышалась сильная ружейная стрельба, часто рвались шрапнели, обстре-

ливалась, главным образом, центральная часть города. От снарядов значительно пострадали некоторые здания. Два снаряда попали в соседний с нашей дачей дом, а несколько осколков упало у нас в саду.

Около полудня мне пришли доложить, что отряд матросов находится в саду и посты выставлены у входа в усадьбу. Я прошел в сад и увидел человек пятнадцать матросов и вооруженных штатских, столпившихся у балкона.

— Кто здесь старший? — спросил я. Вышел какой-то матрос. — Вот, заявляю вам, что я генерал, а это, — указал я на моего шурина, — тоже офицер — ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся.

О нашем присутствии матросы, видимо, уже знали.

— Это хорошо, — сказал назвавший себя старшим. — Мы никого не трогаем. Кроме тех, кто воюет с нами.

— Мы только с татарами воюем, — сказал другой. — Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...

Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала.

К вечеру крымцы оставили город, с ними бежали очень многие обитатели из живших в занятых крымскими татарами кварталов.

Одиннадцатого января часов в девять утра я был разбужен каким-то шумом. Приподнявшись на кровати, я услышал громкие слова, топот ног и хлопанье дверей. В комнату ворвались человек шесть матросов, с винтовками в руках, увешанные пулеметными лентами. Двое из них, подбежав к кровати, направили на меня винтовки, крича: «Ни с места, вы арестованы». Маленький прыщавый матрос с револьвером в руке, очевидно, старший в команде, отдал приказание двум товарищам стать у дверей, никого в комнату не пропуская.

— Одевайтесь, — сказал он мне.

— Уберите ваших людей, — ответил я. — Вы видите, что я безоружен и бежать не собираюсь. Сейчас я оденусь и готов идти с вами.

— Хорошо, — сказал матрос, — только торопитесь, нам некогда ждать.

Матросы вышли, и я, быстро одевшись, прошел в коридор и, окруженный матросами, пошел к выходу. В дверях я увидел жавшихся в кучу, плачущих наших служащих. В саду, у подъезда, нас ожидали еще человек десять матросов, и с ними недавно выгнанный мною помощник садовника, пьяница и грубиян; он незадолго перед этим на какое-то замечание жены моей ответил грубостью. Я как раз в это время выходил в сад и, услышав, как грубиян дерзит моей жене, вытянул его трос-

тью. На следующий день он был уволен и теперь привел матросов.

— Вот, товарищи, этот самый генерал возился с татарами, я свидетельствую, что он контрреволюционер, враг народа, — увидев меня, закричал негодяй.

С балкона, в сопровождении двух матросов, спускался брат моей жены, также задержанный. Пройдя садом, мы вышли на улицу, где ждали присланные за нами два автомобиля; кругом стояла толпа народа. Слышались ругань и свист, некоторые соболезновали. Какой-то грек, подойдя к матросам, пытался за нас заступиться:

— Товарищи, я их знаю, — показывая на нас, сказал он. — Они ни в чем не виноваты и в бою не участвовали.

— Ладно, там разберут, — отстранил его один матросов.

Мы стали садиться в автомобиль, когда расталкивая толпу, появилась моя жена. Подбежав к автомобилю, она ухватилась за дверцу и пыталась сесть, матросы ее не пускали. Я также пробовал уговорить ее остаться, но она ничего слушать не хотела, плакала и требовала, чтобы ее пустили ехать со мной.

— Ну ладно, товарищи, пусть едет, — сказал наконец один из матросов.

Автомобили помчали из города по направлению к молу. Там виднелась большая толпа, оттуда слышались крики. Два миноносца, стоя у мола, изредка обстреливали город. Автомобили остановились у пришвартованного миноносца. «Вот они, кровопийцы, что там разговаривать, в воду их», — слышались крики из толпы. Мне бросились в глаза лежавшие на молу два трупа, кругом стояли лужи крови... Стараясь не смотреть на окружавшие нас зверские лица, я быстро прошел по сходням на миноносец вместе с женой и шурином. Нас провели в какую-то каюту. У дверей остался один матрос, остальные поднялись наверх, на палубу. Почти тотчас же в каюту вошел какой-то человек в морской форме, но без погон. Он поразил меня своим убитым и растерянным видом. Жена бросилась к нему и стала спрашивать, что с нами будет; он пытался ее успокоить, отрекомендовался капитаном миноносца и обещал сделать все, чтобы скорее разобрать наше дело.

— Вам нечего бояться, если вы невиновны. Сейчас ваше дело разберут и, вероятно, отпустят, — говорил он, но ясно было, что он сам не верил в свои слова...

Шум и топот раздались близ каюты, и толпа матросов появилась в дверях. Они требовали выдачи нас и немедленной расправы. С большим трудом капитану и пришедшим ему на помощь двум, трем матросам удалось уговорить их уйти и предоставить нашу участь суду.

Через полчаса привели еще одного арестованного —какого-то инженера-полковника. По его словам, он был захвачен

также по навету служащего, с которым у него были денежные расчеты. Он больше всего беспокоился об оставленных им дома деньгах и важных документах, которые могли пропасть.

Жуткое, неизъяснимо тяжелое чувство охватило меня. Я привык глядеть смерти в глаза, и меня не страшила опасность; но мысль быть расстрелянным своими же русскими солдатами, расстрелянным, как грабитель или шпион, была неизъяснимо тяжела. Больше всего ужасала меня мысль, что самосуд произойдет на глазах у жены, и я решил сделать все возможное, чтобы ее утешить. Между тем она упросила капитана провести ее в судебной комитет и там пыталась говорить и разжалобить. Наконец она вернулась, конечно, ничего не добившись. Я стал упрашивать ее пойти домой.

— Здесь ты помочь мне не можешь, — говорил я, — а там ты можешь найти свидетелей и привести их, чтобы удостоверить мое неучастие в борьбе.

После долгих колебаний она решилась.

Я был уверен, что уже больше ее не увижу. Сняв с руки часы-браслет, который она подарила мне невестой и который я всегда носил, я сказал ей:

— Возьми это с собой. Спрячь. Ты знаешь, как я ими дорожу, а здесь их могут отобрать.

Она взяла часы и, плача, вышла на палубу. Не прошло и пяти минут, как она вернулась. На ней не было лица.

— Я поняла, все кончено, — сказала она, — я останусь с тобой.

На ее глазах только что толпа растерзала офицера.

Ежеминутно ожидая конца, просидели мы в каюте до сумерек. Около пяти часов в каюту вошли несколько матросов и с ними молодой человек в кепке и френче, с бритым лицом, державшийся с большим апломбом. Обратившись к сидевшему с нами полковнику, он объявил ему, что он свободен.

— Вы же, — сказал он, обращаясь ко мне и моему шурину, — по решению судебного комитета предаетесь суду революционного трибунала. Вечером вас переведут в помещение арестованных.

Полковник вышел, но минут через десять мы увидели его вновь. Он горячо спорил с сопровождавшим его матросом: «Я требую, чтобы мне вернули мои часы и мой бумажник, в нем важные для меня документы», — горячился он. Матрос казался смущенным: «Я ничего не знаю, — говорил он, — обождите здесь, сейчас приглашу комиссара». Он вышел.

— Моего освобождения потребовали мои служащие — портовые рабочие, — быстро проговорил полковник. — За вас также пришла просить толпа народа. Не беспокойтесь, Бог даст, и вам удастся отсюда выбраться...

Пришел комиссар, и полковник вышел вместе с ним. Вскоре за нами пришли. Под конвоем красногвардейцев нас

повели в здание таможни, где содержались многочисленные арестованные. Было темно, дул холодный ветер и шел дождь. Толпа разошлась, и мы беспрепятственно прошли в нашу новую тюрьму. В огромной зале с выбитыми стеклами, заплеванным полом, совершенно почитит без мебели, помещалось человек пятьдесят арестованных. Тут были и генералы, и молодые офицеры, и студенты, и гимназисты, и несколько татар, и какие-то оборванцы. Несмотря на холод и грязь здесь, на людях, все же было легче. Хотя все лежали, но никто, видимо, не спал, слышался тихий разговор, тяжелые вздохи. На лестнице стояла толпа матросов и красногвардейцев, и отсюда доносилась площадная брань. Вскоре стали вызывать к допросу. Допрос длился всю ночь, хотя допрашивали далеко не всех. Вскоре вызвали меня. Допрашивал какой-то студент в пенсне, маленький и лохматый. Сперва задавались обычные вопросы об имени, годах, семейном положении. Затем он предложил вопрос признаю ли я себя виновным.

— В чем? — вопросом ответил я. Он замаялся.

— За что же вы арестованы?

— Это я должен был бы спросить вас, но думаю, что и вы этого не знаете. О настоящей причине я могу только догадываться.

И я рассказал ему о том, как побил нагрубившего жене помощника садовника, из мести ложно донесшего на меня.

— Я не знаю, есть ли у вас жена, — добавил я, — думаю, что если есть, то вы ее также в обиду бы не дали.

Он ничего не ответил и, записав мое показание, приказал конвойным отвести меня в камеру арестованных. С утра стали приводить новых арестованных. К вечеру нас собралось человек семьдесят. Между прочим привели старого отставного генерала Ярцева, ялтинского старожила, семидесяти с лишним лет, совершенно больного. К вечеру доставили хорошего нашего знакомого, молодого князя Мещерского, офицера Конно-Гренадерского полка, задержанного при попытке бежать в горы.

Часов около восьми в комнату вошел матрос крупного роста, красивый блондин с интеллигентным лицом; его сопровождали несколько человек, в том числе допрашиваемый нас ночью студент и виденный мною на миноносце комиссар.

— Это председатель трибунала, товарищ Вакула, — сказал один из наших сторожей, — сейчас будет вас допрашивать.

«Революционный трибунал» переходил от одного арестованного к другому. Мы увидели, как увели куда-то старого генерала Ярцева, князя Мещерского, какого-то студента, еще кого-то... Товарищ Вакула подошел к нам. Я слышал, как студент, допрашивавший меня накануне, нагнувшись к уху председателя «революционного трибунала», сказал:

- Это тот самый, о котором я вам говорил.
- За что арестованы? — спросил меня последний.
- Вероятно за то, что я русский генерал, другой вины за собой не знаю.
- Отчего же вы не в форме? Небось раньше гордились погонами. А вы за что арестованы? — обратился он к жене.
- Я не арестована. Я добровольно пришла сюда с мужем.
- Вот как. Зачем же вы пришли сюда?
- Я счастливо прожила с ним всю свою жизнь и хочу разделить его участь до конца.

Вакула, видимо, предвкушая театральный эффект, обвел глазами обступивших нас арестованных.

— Не у всех такие жены — вы вашей жене обязаны жизнью, ступайте, — он театральным жестом показал на выход.

Однако вечером нас не выпустили. Оказалось, что мы должны пройти еще через какую-то регистрацию и что из-под ареста нас освободят лишь утром. Вакула, обойдя арестованных, вышел. Через десять минут под окнами на молу затрещали выстрелы — три беспорядочных залпа, затем несколько отдаленных выстрелов. «Это расстреливают», — сказал кто-то. Некоторые крестились. Это действительно были расстрелы. Уже впоследствии узнал я это со слов очевидца, старого смотрителя маяка, — на его глазах за три дня было расстреляно более ста человек. Трупы их, с привязанным к ногам грузом, бросали тут же у мола в воду. По занятию немцами Крыма часть трупов была извлечена, в том числе и труп молодого князя Мещерского. Труп старого генерала Ярцева был выброшен на берег в Симеизе через несколько недель после расстрела.

Второй день арестованные ничего не ели. К вечеру принесли ведро с какой-то бурдой и одной общей ложкой. Нам повеселилось — теще моей удалось через наших тюремщиков прислать нам к вечеру холодную курицу, подушку и два пледа. Мы устроились на полу. Пережитые сильные волнения отразились на моей старой контузии. Своевременно я пренебрег ею и, не докончив курса лечения, вернулся, несмотря на предупреждения врачей, в строй. С тех пор всякое сильное волнение вызывало у меня сердечные спазмы, чрезвычайно мучительные. Последние полгода это явление почти прекратилось, однако теперь под влиянием пережитого болезненное явление повторилось вновь. Всю ночь я не мог заснуть, и к утру чувствовал себя столь слабым, что с трудом держался на ногах. Наконец, в одиннадцать часов нас освободили, и мы пешком, в сопровождении одного красногвардейца, вернулись домой. Я слег немедленно в постель и пролежал целую неделю.

Через несколько дней в городе наступило успокоение. Симферополь, Евпатория, Ялта оказались в руках большеви-

ков. Остатки крымцев скрылись в горы. Более тысячи человек, главным образом офицеры, были расстреляны в разных городах. Особо кровавые дни пережил Симферополь. Здесь было расстреляно огромное число офицеров, в том числе почти все чины крымского штаба во главе со зверски замученным полковником Макухой. Теперь красные войска праздновали победу, всюду проходили торжественные похороны павших красногвардейцев. В Ялте хоронили в городском саду.

Спеша воспользоваться плодами победы, Советы почти еженедельно производили повальные обыски, отбирая драгоценности, белье, верхнее платье. Объявлена была денежная контрибуция, разложенная на наиболее состоятельных людей. Надо заметить, что все обыски, контрибуции и прочие меры принудительного характера первое время проводились весьма беспорядочно и легко обходились. Так, в списке капиталистов, подлежащих обложению, третьим номером стояла моя теща (первым номером был известный крымский ростовщик, вторым — графиня Мордвинова). Моя теща отказалась что-либо внести и, несмотря на ряд угроз и предупреждений, арестована не была. Проживавшая в Ялте графиня Толстая, наоборот, поспешила все внести, показала полностью свое имущество, укрыв лишь некоторые драгоценности. Последние она зашила в платье. Об этом донесла ее горничная, и старуха была арестована, последние драгоценности ее были отобраны, и она с дочерью заключена в тюрьму.

На текущие счета был наложен арест, и по ним можно было получать лишь сто рублей в неделю. Между тем вследствие разрушения транспорта и боязни постоянных реквизиций подвоз в город совершенно прекратился, и цены на продукты страшно возросли. На сто рублей в неделю, имея большую семью, существовать было совершенно невозможно. Мы прибегали ко всевозможным уловкам, дабы спасти деньги и наиболее ценные вещи. Большинство нашей прислуги были давно служившие у нас и вполне нам преданные. Мы им были отчасти обязаны нашим спасением, ибо они, присоединив некоторых бедняков нашего квартала, которым помогала жена, пришли в день нашего ареста требовать нашего освобождения, и голос их был принят, вероятно, во внимание, как голос «революционного народа». С помощью наших служащих мы надежно запрятали деньги и вещи. Обыски в эти дни производились людьми неопытными, и укрыть вещи не представляло большого затруднения. Деньги мы держали в металлических кронштейнах для портьер. Драгоценности жена зашила в детские куклы; меха, кружева и белье в диванные тюфяки и подушки; оружие свое я закопал в саду. Несмотря на частые обыски, у нас ни разу не были обнаружены все эти вещи.

Мы почти не выходили из дому. Вид улицы с толкающим «революционным пролетариатом» был настолько противен, что без особой нужды не хотелось выходить. Жили все время под угрозой какого-либо нового несчастья. Особенно тревожные дни переживал город во время наездов севастопольских матросов. Последние несколько раз приходили на миноносце. В городской думе в эти дни проходили ночные собрания, и неизменно, в связи с этими приездами, производились новые аресты. Дважды приходилось нам не ночевать дома. Предупрежденные через нашу прислугу о готовящихся ночью в наших кварталах арестах, мы с наступлением темноты уходили из дома, ночуя на дальней окраине города у наших знакомых. Их квартал, населенный татарами, был наиболее спокойный.

С приходом большевиков Крым оказался как бы оторванным от всего мира. Газеты приходили чрезвычайно неаккуратно. Контрреволюционная печать была еще в России совершенно задушена, и из разрозненных номеров разных газет мы изредка получали сведения о том, что делается в остальной России. Все эти события — позорный Брест-Литовский мир, падение Атаманской власти на Дону и Украинской Рады в Киеве — на Крыме совсем не отражались и казались известиями из другого мира. Эти случайные известия чередовались с самыми нелепыми слухами, неожиданно возникавшими и столь же быстро заменявшимися другими. То союзническая эскадра, форсировав Дарданеллы, ожидалась со дня на день в Крыму, то немцы присылали какой-то корпус для захвата южных плодородных губерний. Все эти слухи еще более раздражали нервы.

Мы решили переехать куда-либо в окрестности Ялты, дабы быть дальше от города, где особенно чувствовалась пята хама. Жене удалось устроить мне гражданский паспорт, где я значился горным инженером, и мы в конце февраля перебрались в Мисхор. Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореизе был также введен советский строй и имелся свой Совдеп, но татарское население, глубоко враждебное коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним. Единственной разницей была введенная для покупки карточная система, весьма стеснительная. Продуктов вообще, с прекращением подвоза из северной Таврии, в Крыму стало очень мало. Мы отпустили большую часть своей прислуги, оставив лишь совершенно верных нам людей, и поселились в маленькой дачке, ведя замкнутую жизнь и почти никого не видя, хотя кругом жило много знакомых.

Императрица Мария Федоровна и прочие члены императорской фамилии были все поселены в имении великого князя Петра Николаевича «Дюльбер», где жили под охраной матросов. К ним, конечно, никого не допускали, хотя в марте

молодой княгине Юсуповой удалось добиться разрешения видеть мать свою великую княгиню Ксению Александровну и бабушку свою императрицу Марию Федоровну. Юсуповы жили вблизи от нас, и мы часто с ними виделись. От них узнали мы, что команда, охраняющая императрицу и великих князей, относилась к ним с полным уважением и большой внимательностью. Начальник команды, матрос Черноморского флота, проявлял подчас совершенно трогательное отношение к заключенным. По приходе в Крым немцев то же самое подтвердили мне великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Ксения Александровна.

В Мисхоре, Алушке и Симеизе большевистская пята ощущалась несравненно менее, нежели в Ялте. За два месяца, которые мы прожили в Мисхоре, было всего два-три обыска у некоторых лиц и то произведенные приехавшими из Ялты красногвардейцами. Мы совершенно избегли обысков.

На страстной неделе распространился слух, что на Украину двинуты немецкие войска, что Киев и Одесса заняты немцами и что в районе Перекопа идет бой. Слуху этому сперва мало кто поверил, однако в последние дни стали появляться все новые и новые сведения; среди красноармейцев стало заметно беспокойство, многие уезжали. Кажется, в среду или в четверг, выходя из церкви, я встретил только что прибывшего из Ялты графа Ферзена. Он сообщил мне, что в Ялте в прошлую ночь был произведен вновь ряд обысков, между прочим искали и меня, пришли на нашу дачу и едва не расстреляли жившего там князя Гагарина, допытываясь, где нахожусь я. Когда граф Ферзен уезжал из Ялты, к молу подошло какое-то судно, и он видел, как шла погрузка. Говорили, что грузятся семьи комиссаров. Утром татары из Кореиза пришли сказать нам, что из Бахчисарая на Ялту идут немецкие войска. Вечером я отправился с женой в церковь. Подходя к шоссе, мы увидели спешащих к шоссе людей и узнали от них, что через Кореиз проходит немецкая пехота и артиллерия. Действительно, колонна артиллерии, под прикрытием пехоты, и длинная колонна обозов тянулись по шоссе. Трудно было принять за действительность это движение немецких войск на южном побережье Крыма.

Я испытывал странное какое-то, смешанное чувство. Радость освобождения от унижительной власти хама и большое чувство обиды национальной гордости.

На Украине и в Белоруссии

Надо отдать справедливость немцам, они вели себя чрезвычайно корректно, стараясь, видимо, сделать присутствие свое для обывателей наименее ощутимым. С их приходом

были отменены все стеснительные ограничения, введенные большевиками — карточная система, закрытие ведущих счетов и проч., но обязательное введение пропусков для выезда и въезда в Крым остались в силе.

Немецкая комендатура оказывала всяческое содействие к восстановлению в правах тех владельцев имущества или квартир, кои были захвачены большевиками. Некоторые из местных большевиков, не успевших эвакуироваться, были по жалобам потерпевших арестованы и заключены в тюрьму немецкими властями. С другой стороны, замешкавшимся в Крыму более видным большевистским деятелям немцы, несомненно, сами давали возможность беспрепятственно убраться восвояси.

На следующий день по занятии Кореиза представители немецкого командования посетили великого князя Николая Николаевича в имении «Дюльбер», где находились все члены императорской семьи. Великий князь Николай Николаевич через состоящего при нем генерала барона Сталя передал прибывшим, что, если они желают видеть его как военнопленного, то он, конечно, готов этому подчиниться, если же их приезд есть простой визит, то он не находит возможным их принять. Приехавшие держали себя чрезвычайно вежливо, заявили, что вполне понимают то чувство, которое руководит великим князем, и просили указать им, не могут ли быть чем-нибудь полезны. Они заявили, что великий князь будет в полной безопасности и что немецкое командование примет меры к надежной его охране. Барон Сталь по поручению великого князя передал, что великий князь ни в чем не нуждается и просит немецкую охрану не ставить, предпочитая охрану русскую, которую немцы и разрешили сформировать.

Понемногу улеглись тревожнения последних дней, и на пасхальной неделе заметно было давно не виданное в Крыму оживление. Все прятавшиеся по своим дачам, воспользовавшись хорошими весенними днями, повысыпали на пляж, ездили в город и стали собираться друг у друга. Престарелая императрица Мария Федоровна почти ежедневно приезжала в Мисхор к своему старому другу княгине Долгорукой и подолгу просиживала на берегу моря. Один великий князь Николай Николаевич упорно отказывался оставить свой дворец, нигде не бывал и никого не принимал.

С приходом немцев снова стали появляться газеты, главным образом киевские. Переворот на Украине и образование гетманства были для нас полной неожиданностью.

Генерала Скоропадского я знал исключительно близко. Мы провели службу в одной бригаде — я в Конной Гвардии, он — в Кавалергардском полку, где долго был полковым адъютантом. Во время японской войны мы служили вместе во

2-й Забайкальской казачьей дивизии. В 1911 году, прокомандовав недолго Финляндским драгунским полком, он был назначен командиром Конной Гвардии и с полком вместе вышел на войну. Последовательно он командовал нашей бригадой, а затем 1-й гвардейской кавалерийской дивизией. Во время боев осенью 1914 года, я в течение месяца исполнял должность начальника штаба Сводной дивизии, которой командовал генерал Скоропадский.

Среднего роста, пропорционально сложенный блондин, с правильными чертами лица, всегда тщательно одетый, Скоропадский внешним видом совершенно не выделялся из общей среды кавалерийского гвардейского офицерства. Он прекрасно служил, отличался большой исполнительностью, редкой добросовестностью и большим трудолюбием. Чрезвычайно осторожный, умевший молчать, отлично воспитанный, он молодым офицером был назначен полковым адъютантом и долгое время занимал эту должность.

Начальники были им очень довольны и охотно выдвигали его по службе, но многие из товарищей не любили. Ему ставились в вину сухость и замкнутость. Впоследствии в роли начальника он проявил те же основные черты своего характера: большую добросовестность, работоспособность и настойчивость в достижении намеченной цели.

Трудно верилось, что, стоя во главе края в это исключительное время, Скоропадский мог бы справиться с выпавшей на его долю непомерно трудной задачей. Вместе с тем среди моря анархии на всем огромном пространстве России как будто образовался первый крепкий островок. Он мог бы, может быть, явиться первой точкой приложения созидательных сил страны, и в этом мне хотелось убедиться. Я решил проехать в Киев. Одновременно я хотел побывать в нашем минском имении, оккупированном польскими войсками, управляющий которого писал нам, прося прибыть для решения целого ряда дел.

В Киев я прибыл вечером.

На следующее утро я позвонил во дворец гетмана справиться, когда Скоропадский может меня принять. Мне ответили, что гетман просит меня к завтраку. Скоропадский помещался в бывшем доме генерал-губернатора на Институтской улице. Вход охранялся караулом офицерской роты. Первый этаж был занят канцелярией, верхний занимался гетманом. В приемной мне бросился в глаза какой-то полковник с бритой головой и клоком волос на макушке, откомендовавший войсковым писарем «Острижница-полтавец». Он говорил исключительно на «украинской мове», хотя и был кадровым русским офицером. Дежурным адъютантом оказался штаб-ротмистр Кочубей, бывший кавалергард. Мы разговорились. Он рассказал мне о перевороте, о

той будто бы бескорыстной помощи, которую оказывают Украине немцы, о популярности Скоропадского. Про его словам, в самом непродолжительном времени будет сформирована большая армия, средства на которую обещали немцы. Во главе этой армии должен был стать военный министр генерал Рагоза, бывший командующий 4-й армией. Начальником генерального штаба состоял полковник Сливинский, способный офицер, которого я знал по Румынскому фронту. Другие области управления находились в руках лиц, мне большей частью совершенно неизвестных, главным образом связанных с Украиной. Я был чрезвычайно поражен, услышав среди имен членов правительства имя товарища министра иностранных дел Палтова, по словам Кочубея, имевшего на гетмана исключительное влияние. Палтов был личностью с весьма темным прошлым, замешанный в чрезвычайно грязных денежных делах, за что своевременно был лишен камергерского мундира.

Я не успел закончить разговор, как вошел Скоропадский. Мы расцеловались и отправились завтракать. За завтраком разговор имел исключительно частный характер. Скоропадский рассказал о себе, я передал ему о том, что пережила моя семья, вспомнили общих знакомых.

После завтрака мы перешли в кабинет. Скоропадский стал рассказывать о последних событиях на Украине, о его работе по устройству края, о намеченных формированиях армии. «Я очень рассчитываю на тебя, — сказал он, — согласился ли бы ты идти ко мне начальником штаба?»

Я ответил, что, не успев ознакомиться с положением дел, не могу дать какого-либо ответа, но что, во всяком случае, мог бы работать исключительно как военный техник.

«Не будучи ничем связанный с Украиной, совершенно не зная местных условий, я для должности начальника штаба, конечно, не годюсь».

Я поспешил повидать всех тех, кто мог дать интересующие меня сведения. Все эти сведения только подтвердили мои сомнения. У Сливинского я подробно ознакомился с вопросами формирования армии. Немцы, все обещая, фактически никаких формирований не допускали. Сформированы были лишь одни войсковые штабы и, кажется, одна «хлеборобская» дивизия. Никакой правильной мобилизации произведено не было, да и самый мобилизационный план не был еще разработан. Ни материальной части, ни оружия для намеченных формирований в распоряжении правительства не было.

Я считал, что выступление Америки с огромным запасом живой силы и средств должно склонить вес победы в сторону наших бывших союзников. Несомненные военные преимущества немцев — блестящая организация, стратегические таланты военачальников и боевые качества войск — в конце кон-

цов не могли возместить численного и материального превосходства противника. Единственный шанс немцев мог быть еще лишь в учете элемента времени — ежели бы немцы успели до окончания переброски американских войск сосредоточить на Западном фронте достаточную массу сил и нанести решительный удар прежде, чем противник окажется в силе захватить в свои руки военную инициативу. Это сосредоточение сил могло быть сделано исключительно за счет войск, снятых с Восточного фронта. Перед этой самодовлеющей необходимостью немцы должны были бы, казалось, отказаться от условий Брест-Литовского мира, предоставив русским возможность собственными силами восстановить на родине порядок, обеспечив тем самым базу снабжения в тылу Германии.

С нашей русской точки зрения это могло быть только выгодным. Тяжелое положение Германии давало нам право надеяться на заключение выгодного для нас договора. Что касается моральных обязательств по отношению наших союзников, то от таковых, по моему мнению, Россия была уже давно свободна. За минувший период борьбы она принесла неисчислимые жертвы на общее дело, а участие союзных правительств в «русской бескровной революции» перекладывало ответственность за выход России из общей борьбы в значительной мере на иностранных вдохновителей этой революции.

Таким образом, с государственной точки зрения я допускал возможность «немецкой ориентации». Однако я не видел в немецко-украинском союзе необходимых двухсторонних преимуществ. Германия, казалось, не могла отрешиться от столь легко давшихся ей только что богатых русских областей и не признавала, что, желая быть всюду сильной, она может оказаться всюду слабой. Украинские же союзники не понимали, что они являются лишь слепым орудием германского правительства. Большинство этих сторонников были чужды идеи самостийной Украины и видели в создании Украины лишь частичное возрождение Великой России. Но некоторые даже среди ближайших советников гетмана были ярыми сторонниками «шираго Украинства». Германцы усиленно поддерживали украинское самостийничество, и сам Скоропадский, в угоду ли могучим покровителям или в силу «политических соображений», явно играл в «ширую Украину».

Через день после моего первого посещения я обедал у гетмана. После кофе мы просидели, беседуя, до позднего часа. Как и в первый наш разговор, Скоропадский заговорил о том, что надеется на согласие мое ему помочь. Я вновь подтвердил сказанное в первый раз — возможность моей работы в настоящей обстановке лишь как техника: «Я думаю, что мог бы быть наиболее полезным в качестве военачальника, хотя бы при создании крупной конницы. К сожалению, поскольку я

успел ознакомиться с делом, я сильно сомневаюсь, чтобы немцы дали тебе эту возможность. Но это другой вопрос. Я готов взять любую посильную работу, хотя бы околоточным, если это может быть полезным России. Я знаю, что в твоём положении истинные намерения приходится, быть может, скрывать, но не скрою от тебя, что многое из того, что делается здесь, для меня непонятно и меня смущает. Веришь ли ты сам в возможность создать самостоятельную Украину, или мыслишь ли ты Украину лишь как первый слог слова «Россия?»»

Скоропадский горячо стал доказывать мне, что Украина имеет все данные для образования самостоятельного и независимого государства, что стремление к самостоятельности давно жило в украинском народе, а за последние много лет усиленно работала в этом направлении Австрия, и плоды этой работы несомненно значительны. В конце концов он стал доказывать, что объединение славянских земель Австрии и Украины и образование самостоятельной и независимой Украины, пожалуй, единственная жизненно необходимая задача.

«Для меня еще больший интерес, куда мне ориентироваться — на Восток или Запад...»

Этот вечер окончательно укрепил меня в моем решении, и на другой же день я начал хлопотать о билетах на Бобруйск и поспешил закончить все мои дела в Киеве.

За последние несколько дней, проведенных здесь, я перевидал массу лиц, старых знакомых по прежней моей службе.

Как табунок разбитых охотником куропаток, собиралось сюда со всех сторон России рассеянное, большей частью скрывавшееся после развала фронта русское офицерство. Я не пережил в рядах армии полного развала войсковых частей, и только здесь я отдал себе в полной мере отчет о тех страданиях, лишениях и уничтожениях, которые пережили за последние месяцы русские офицеры. Бестрепетно выполняя свой долг до конца, большинство офицеров, сплотившись вокруг родных знамен, видело смерть родных частей, предательство и трусость тех самых солдат, которых они еще недавно водили к победам, злобу и оскорбление со стороны своих подчиненных, с которыми еще недавно переживали радости и невзгоды боевых дней.

Как-то доложили мне о том, что меня желает видеть полковник артиллерии Влесков. Я принял его и узнал, что он брат офицера бывшего моего Нерчинского полка, сотника Влескова. Сотник Влесков, как не казак, вскоре после переворота перевелся в регулярную конницу и до конца войны служил в рядах Ингерманландского гусарского полка. Полк, как и прочие части армии, развалился, солдаты разбежались,

оставалось лишь небольшое число офицеров и несколько старых солдат. Оставшиеся решили пробираться на Украину. На одном из ночлегов на них напал проходивший вблизи большевистский эшелон. Часть офицеров была убита, лишь немного успели спастись. Некоторые перед смертью подверглись жестокому истязаниям. У Влескова были перебиты обе руки и ноги и содрана кожа с черепа. Он был подобран полуживой крестьянами, доставившими его в ближайший уездный город. После продолжительной болезни он был перевезен разыскавшим его братом в Киев. Я немедленно поехал навестить его. Блестящий офицер, редкой красоты юноша, Влесков был теперь совсем неузнаваем. Одна рука была по локоть ампутирована, пальцы другой были сведены, передвигаться он мог лишь с помощью костылей. Череп был до сего времени покрыт незажившими рубцами. Я с женой принялся немедленно хлопотать, и нам удалось устроить несчастного в лучший госпиталь. Отличный хирург, профессор Дитерихс, взял на себя о нем попечение. Через несколько месяцев Влесков совсем поправился и даже женился на прелестной девушке, с которой познакомился в госпитале, где она служила сестрой. Много позже, в то время, как я во главе дивизии бил большевиков на Кубани, Влесков разыскал меня в одной из кубанских станиц. Служить в строю он, конечно, не мог, и я чрезвычайно удивился его приезду. Оказалось, что он прибыл из Киева лишь только за тем, чтобы получить благословение мое, прежде чем вступить в брак.

Пришлось мне помочь и другому моему офицеру, есаулу Кудрявцеву, бывшему доблестному командиру 3-й сотни Нечинского полка. Один из лучших офицеров полка, благородный, честный и храбрый, он после переворота состоял членом офицерского союза в ставке. С приходом большевиков он должен был бежать и скрываться на Украине, где у него было небольшое имение. С украинскими войсками он дрался против большевиков и во главе офицерских дружин вступил в Киев. Назначенный губерниальным старостой Полтавской губернии, он делал все возможное для поддержания в ней порядка. Там застал его германский переворот. Чуждый всякой политики, Кудрявцев, сражавшийся в рядах петлюровских войск, счел изменой своему долгу признание новой власти, был смещен с должности и предан суду. Мне удалось добиться прекращения дела.

В Киеве собралась большая часть офицеров бывшей моей 7-й дивизии. Некоторых недосчитывали, многие успели погибнуть, в числе последних был один из лучших офицеров дивизии командир эскадрона белорусского гусарского полка ротмистр Натанзон, доблестно погибший в Киеве в уличном бою. 7-я дивизия должна была формироваться на Украине и так до конца, конечно, сформирована не была.

Большинство офицеров дивизии впоследствии перебрались ко мне на Кавказ.

Во время двукратного прихода в Киев большевиков погибло много офицеров: частью в боях, частью захваченных и предательски расстрелянных. Среди последних было много моих товарищей по гвардии: Кавалергардского полка — князь Голицын, Скалон, Генгросс, Долгоруков; Конной Гвардии — князь Белосельский и другие.

Со всех сторон России пробивались теперь на Украину русские офицеры. Частью по железной дороге, частью пешком через кордоны большевистских войск, ежеминутно рискуя жизнью, старались достигнуть они того единственного русского уголка, где надеялись вновь поднять трехцветное русское знамя, за честь которого было пролито столько крови их соратников. Здесь, в Киеве, жадно ловили они всякую весть о возрождении старых родных частей. Одни зачислялись в Украинскую армию, другие пробирались на Дон, где только что казаки очнулись от большевистского угара и выбрали атаманом «царского» генерала Краснова, третьи, наконец, ехали в Добровольческую армию. О последних почти ничего известно не было. Имена генералов Алексеева, Корнилова и Деникина давали основание думать, что начатое ими на Кавказе дело несет в себе зародыш действительного возрождения чести и достоинства России. Однако доходившие с разных сторон сведения представляли добровольческое движение как безнадежные попытки, обреченные заранее на неуспех за отсутствием средств, поддержки широких слоев и отсутствием единства между руководителями.

Однажды я получил приглашение от бывшего руководителя 2-го Конного корпуса князя Туманова приехать к нему на чашку чая. Только что прибывший с Дона генерал-лейтенант Свечин должен был делать у него доклад об обстановке на Дону и Кавказе. Сведения Свечина были малоутешительны. Правда, Дон, испытав ужасы большевистской волны, ныне опаматовал. Казаки отвернулись от красного знамени, и вновь избранный атаман генерал Краснов горячо и успешно работал по формированию армии и восстановлению порядка в стране. Однако, по словам Свечина, движение на Дону носило шовинистический характер. Не только старшие начальники, но и младшие офицеры, не казаки, неохотно принимались Красновым. Что же касается Добровольческой армии, то Свечин считал это дело, бывшее и без того безнадежным, ныне, после смерти генерала Корнилова, обреченным на близкий конец. Остатки армии, всего несколько тысяч человек, потерпев на Кубани неудачу, ныне отошли на Донскую область. Ни средств, ни оружия нет. Среди старших и младших начальников будто бы политические разногласия... Доклад Свечина произвел на меня тяжелое впечатление, рассеяв немногие надежды.

За эти дни я имел и другую встречу. Как-то раз в то время, когда я только что собирался выйти из номера, в дверь постучали. На мой ответ «войдите» дверь отворилась, и я увидел генерала Одинцова, бывшего начальника 3-й Кавказской казачьей дивизии, одного из первых предательски перешедших на сторону красных войск. Делегатом от Крыленко прибыл он в ставку, настаивая на сложении генералом Духониным власти. Теперь совместно с другим предателем Сытиным, бывшим дежурным генералом Румынского фронта, и советским «дипломатом» Раковским, он прибыл в Киев в составе «мирной» делегации. Я с трудом узнал его в штатском. Нимало не смущаясь, он направился ко мне, протягивая обе руки:

— Здравствуй, я бесконечно рад тебя видеть. Мне говорили, что ты погиб.

Я встал, не протягивая руки:

— Очень благодарен за твои заботы. У меня их касательно тебя не было. Я знал из газет, что ты не только жив, но и делаешь блестящую карьеру...

Одинцов горячо меня прервал:

— Я вправе, как всякий человек, требовать, чтобы мне дали оправдаться. Мне все равно, что про меня говорят все, но я хочу, чтобы те, кого я уважаю и люблю, знали бы истину. Гораздо легче пожертвовать жизнью, чем честью, но и на эту жертву я готов ради любви к родине.

— В чем же эта жертва?

— Как в чем? Да в том, что с моими убеждениями я служу у большевиков. Я был и остался монархистом. Таких, как я, у большевиков сейчас много. По нашему убеждению, исход один — от анархии прямо к монархии...

— И вы находите возможным работать заодно с германским шпионом Троцким. Я полагаю, что то, что он германский шпион, для вас не может быть сомнением.

— Да и не он один. Таких среди советских комиссаров несколько. Но в политике не может быть сентиментальностей, и цель оправдывает средства.

— Это все, что ты хотел мне сказать? В таком случае, я полагаю, всякие дальнейшие наши разговоры излишни, — и я открыл перед ним дверь...

Наконец дела мои были закончены, билеты готовы, и я мог ехать. За два дня до отъезда, часов в десять утра, город был потрясен колоссальным взрывом. За первым последовали еще два. Огромное пятиэтажное здание гостиницы тряслось как при землетрясении. В верхнем этаже ясно чувствовалось содрогание пола, все стекла полопались. Объятая ужасом публика выбегала на улицу, густые черные клубы дыма заволокли все небо. Взорвались огромные артиллерийские склады на Зверинце, подожженным, как выяснило следствие, большевиками. При взрыве погибло несколько немецких солдат и

большое число обывателей. Целая часть города, прилегающая к Зверинцу, была снесена; в центре города, на Крещатике, Большой Владимирской и Липках стекла в большинстве домов полопались. Я видел громадный взрыв артиллерийских складов в Монастержеско, но Киевский взрыв по силе был много значительнее.

Маленький уездный городок Бобруйск, грязный и населенный в значительной мере евреями, оказался чрезвычайно переполненным. Польский корпус генерала Довбор-Мусницкого, оккупировавший часть Минской губернии, был только что разоружен германскими войсками, части корпуса подлежали расформированию, и материальная часть передавалась германским властям. В городе располагались штабы польского и немецкого корпусов. Улицы пестрели красивыми формами польских улан и серыми тяжелыми фигурами немецкой пехоты.

Здесь, в Белоруссии, немецкая пята была много тяжелее, нежели в Крыму. Немцы спешили взять на учет все средства края, производя тяжелые продовольственные раскладки. Все отрасли производства и торговли подлежали регламентации и строгому контролю, свобода передвижения в крае, въезд и выезд были крайне ограничены. Правда, многие из местных обывателей находили эти стеснения менее тяжкими, чем полный произвол польской оккупации. Но тем не менее этот постоянный надзор и полное стеснение были весьма тяжелы. С течением времени и понятие о законности среди представителей немецких властей в значительной степени пошатнулось. Вследствие ли благоприятной обстановки, или в связи с общим падением нравственности, неизбежной в каждой продолжительной борьбе, среди представителей немецкой комендатуры чрезвычайно развилось взяточничество. Быть может, в этом сказалось и начало общего разложения немецкой армии.

Скоро я перестал уже сомневаться в признаках начала распада немецких войск, столь знакомых всем русским. Среди служащих имения было немало поляков. Значительное число польских уроженцев оказалось и среди расквартированных в имении немцев. Через моих служащих я скоро осведомился о той пропаганде, которой в значительной мере разъедались еще недавно стойкие немецкие части. Отдельные, подчас самые незначительные признаки не оставляли сомнений, что этот развал уже идет быстрыми шагами.

В конце июля и в начале августа я получил ряд писем. Среди прочих новостей сообщалось о возобновившейся борьбе на Кавказе. Несмотря на пессимистические сведения Свечина, Добровольческая армия, передохнувши на Дону, возобновила борьбу, кубанцы восстали, и под прикрытием Дона, казалось, готов подняться весь Кавказ. В Сибири также разгоралась война. Дела мои в имении были закончены. Оста-

ваться безучастным зрителем начинавшейся борьбы было не под силу, и я в начале августа вернулся в Киев.

За два с половиной месяца моего отсутствия здесь мало что переменилось. Увлечение немцами, казалось, еще более усилилось. Окрепили и самостийные течения. Что касается армии, то таковая продолжала числиться лишь на бумаге.

Ко времени моего приезда в Киев был под впечатлением недавнего убийства царской семьи. Отслуженная панихида вызвала ряд патриотических манифестаций, закончившихся кое-где столкновениями с самостийниками. Бессмысленное, подлое и кошмарное убийство царской семьи не найдет себе равных в истории. Подробности не были еще известны, но самый факт не подлежал сомнению. Ловко используя монархические симпатии большинства офицерства, немцы весьма искусно выдвинули проект формирования новой Астраханской противобольшевистской армии, лозунг которой должен был быть «За Веру, Царя и Отечество». Отличительные цвета были белый, желтый и черный. Широко снабженная немецкими средствами, идея этой армии пропагандировалась целым рядом лиц. Истинная цель формирования такой армии не могла не быть ясной — это было лишь отвлечение потока русских офицеров, стремившихся под знамена Добровольческой армии, продолжавшей героическую борьбу против насильников родины и поставившей в основу этой борьбы верность старым союзникам.

В день моего приезда и в последующие я несколько раз застрелял у генерала Скоропадского. Он более чем когда-либо верил в свое дело.

Через несколько дней после приезда я встретил старого однополчанина моего генерала Бискупского, которого я не видел после последней неудачной попытки его «поставить на революцию». Теперь он носился с новым планом — каких-то украинских формирований, долженствующих впоследствии начать в самой Украине борьбу против самостийных элементов. Конечно, и этот план должен был так же рухнуть, как и ставка на революцию.

Я узнал, что проживающий в Киеве генерал А. М. Драгомиров собирается ехать на Дон и Кавказ, и в тот же день зашел к нему. Наш разговор решил мою участь. Генерал Драгомиров передал мне, что он только что получил письмо от генерала Алексеева. Генерал Алексеев получил предложение объединить русские противобольшевистские силы на северном сибирском фронте, ему обещана широкая общая поддержка союзных держав. Генерал Алексеев приглашал генерала Драгомирова ехать с ним, и последний через несколько дней выезжал в Екатеринодар. Он звал меня с собой, но мне необходимо было заехать к семье в Крым, и мы решили встретиться в Екатеринодаре.

Через пять дней я был уже в Ялте, а через пятнадцать, вместе с женой, решившей разделить мою судьбу, выехал пароходом в Ростов.

Четыре года тому назад, в эти самые дни, я с эшелоном Конной Гвардии следовал на границу с Пруссией. По призыву царя русский народ поднялся на защиту родной земли, и русские воины шли на бой с германскими полками. Теперь тот же русский народ, убивший своего царя, грабил и жег родную землю. На защиту этой земли стали немногие честные сыны родины. Как преступники, скрытно пробирались они через кордоны немецких войск, занявших часть отечества, для того, чтобы под старыми знаменами начать борьбу за честь и свободу русской земли. Эту честь и свободу попирали потевшие совесть русские люди, их недавние соратники.

Грозный призрак междоусобной брани навис над Россией.

28 июля 1921 г.

Яхта «Лукулл»

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

На Кубани

Мы вышли на пароходе Русского Общества «Король Альберт», чрезвычайно переполненном. С занятием добровольческими войсками Екатеринодара и Новороссийска на Северный Кавказ и в Черноморскую область спешило вернуться большое количество ранее бежавших от красного ига. В числе пассажиров было и несколько немцев, в том числе немецкий профессор с ассистентом, объезжавший по поручению военно-санитарного ведомства оккупационные немецкие войска на юге России. Мы с ним познакомились, и это знакомство оказалось нам полезным. Немецкое командование, не запрещающая официально проезд на Дон и Кавказ стремившимся в армию добровольцам, исподволь чинило едущим всевозможные препятствия. В Керчи производился детальный осмотр документов пассажиров, и все, казавшиеся немецкой комендатуре «подозрительными», задерживались. Наше знакомство с немецким профессором избавило нас от осмотра. В Керчи мы простояли несколько часов и, воспользовавшись остановкой, сходили на берег. По словам жителей, значительное число бежавших из Новороссийска комиссаров, при попустительстве немцев, нашли убежище в Керчи и отсюда беспрестанно выезжали на север.

Ростов мы нашли переполненным и очень оживленным. Как Киев для Украины, так и Ростов для юга России стали временно столицами. Жизнь кипела ключом, общий порядок в городе ничем не отличался от дореволюционного, даже железнодорожные жандармы были те же, и лишь присутствие на вокзале немецкой комендатуры и изредка мелькавшая на улицах немецкая форма напоминали действительность.

Проведя в городе три дня и сделав необходимые покупки, мы выехали в Екатеринодар.

В отличие от Киева и Ростова, Екатеринодар носил отпечаток прифронтового города. На улицах, в гостиницах и ресторанах мелькали исключительно военные формы. В войсковом собрании, куда мы прямо с вокзала поехали завтракать, я встретил много знакомых. С трудом получив через коменданта города комнату и условившись по телефону с генералом Драгомировым вечером быть у него, я утром зашел в штаб армии.

Начальника штаба генерала Романовского и и. д. генерал-квартирмейстера полковника Сальникова я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочих полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-й кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала, и оба принимали участие в так называемом «Ледяном походе». От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 000 штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше: большое число офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях. Штаб верховного руководителя генерала Алексеева, канцелярия помощника его по гражданской части генерала Драгомирова, штаб командующего армией генерала Деникина с многочисленными отделами были переполнены офицерами. Большое число офицеров, особенно старших начальников, числились в резерве командующего армией, ожидая отправки на фронт.

В середине августа вся западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков. Новороссийск, Екатеринодар и Ставрополь были в наших руках. Преодолевая сопротивление во много раз сильнее противника, наши части продолжали двигаться вперед: на правом фланге, в горах Черноморья, работали пластуны генерала Геймана; 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского вела бои в районе Майкопа, удерживавшегося большевиками; в районе станции Петропавловской действовала 1-я конная дивизия; 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского наступала на город Армавир, упорно оборонявшийся красными; в районе Невинномысской сражалась 2-я пехотная дивизия генерала Боровского, имея на левом фланге в Баталпашинском отделе партизан полковника Шкуро. К северо-востоку от Ставрополя, прикрывая тыл 2-й пехотной дивизии, действовала 2-я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая. В резерве главнокомандующего находилась 1-я пехотная дивизия генерала Казановича. Состав войск был сборный — частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков — кубанцев и черкесов.

В пехоте, артиллерии и технических войсках было исключительно большое число офицеров. Был ряд чисто офицерских частей.

Большинство старших начальников были мне неизвестны. Я близко знал лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовского, приведшего свои части с Румынского фронта, я знал лишь по академии генерального штаба, курс которой он проходил одновременно со мной. Генерала Покровского, произведенного в этот чин постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом. В то время я состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого честолюбия, он в то же время был мало разборчив в средствах, склонен к авантюре. Наконец, полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе «партизанского отряда». Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то автономно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями туда шли, главным образом, худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-то службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе 8-го корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван. Генералов Боровского, Казановича и Геймана я совсем не знал.

Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника. Снабжение огнестрельными припасами производилось с помощью Дона в обмен на некоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, в медикаментах также ощущался крайний недостаток. Довольствие производилось исключительно за счет населения.

Силы противника исчислялись в 80 000 штыков и шашек при 100 орудиях. Располагая огромными запасами наших бывших армий, противник был несравненно сильнее и технически, однако неумелое руководство и отсутствие дисциплины сводили на нет это превосходство.

Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными со значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление твердого, кряжистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба

Верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего Юго-Западного фронта он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа, и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова.

— Ну, как же мы вас используем? Не знаю, что вам и предложить, войск у нас немного...

— Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона...

— Ну, уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, — сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, — он вам все расскажет.

Я оставил генералу Романовскому мой адрес, и он на другой день утром вызвал меня к себе. Он передал мне предложение командующего армии вступить во временное командование 1-й конной дивизией. Начальник этой дивизии генерал Эрдели получил специальную командировку в Грузию, и его отсутствие могло продолжаться значительное время. Между тем его заместитель, командир одной из бригад дивизии, генерал Афросимов, оказался не на должной высоте. Генерал Романовский дал понять, что генерал Эрдели по возвращении получит, вероятно, другое назначение и явится возможность окончательно оставить дивизию за мной.

Я задал генералу Романовскому несколько вопросов об общем нашем стратегическом положении. Со своей стороны, генерал Романовский спросил меня о том, где находился я в последнее время, по оставлении рядов армии, интересовался положением в Крыму, Украине, Белоруссии. Мой собеседник произвел на меня впечатление прекрасно осведомленного и очень неглупого. Приятное впечатление несколько портилось свойственной генералу Романовскому привычкой избегать взгляда собеседника. При наших последующих частых встречах эта особенность всегда корбила меня.

Известие о моем назначении вызвало большое удивление среди знакомых мне офицеров штаба. В ставке строго придерживались выдвижения на командные должности исключительно «первопроходников», наиболее продолжительное время служивших в рядах Добровольческой армии. Исключе-

ние для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников.

На другой день, 29 августа, я выехал по Владикавказской железной дороге на присоединение к дивизии, оперировавшей в Майкопском отделе.

Высидевшись на станции Кавказская, я переночевал в расположенном в станице обозе офицерского конного полка, входившего в состав дивизии полковника Дроздовского, а утром выехал в станицу Темиргоевскую, где находился штаб моей дивизии. Стоял прекрасный осенний день. По сторонам дороги тянулись недавно убранные поля, бесконечные бахчи с зелеными арбузами и золотистыми дынями, обсыпанные плодами фруктовые сады. Громадные станицы с каменными, покрытыми черепицей зданиями, паровыми мельницами, широкими площадями с белыми златоглавыми храмами посреди — все говорило о богатстве края. Наш возница, старый казак, всю дорогу рассказывал нам о том, как ограбили его станицу большевики, как расстреляли стариков и как рады теперь казаки освобождению. Не доезжая станицы Темиргоевской, в небольшом хуторе Зеленчуковском, мы увидели группу казаков и лошадей. Оказалось, что это конвой командующего дивизией генерала Афросимова. Моего приезда никто не ждал. Телеграмма о моем назначении и выезде опоздала. Генерал Афросимов с командиром 1-й бригады полковником Науменко и старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым пили в хате чай. Отправив свои вещи с ординарцем в станицу Темиргоевскую, я остался на хуторе, решив вместе с генералом Афросимовым проехать на левый фланг дивизии, куда он направлялся.

1-я конная дивизия состояла из Корниловского конного полка, укомплектованного казаками разных отделов; 1-го Уманского и 1-го Запорожского из казаков Ейского отдела; 1-го Екатеринодарского из казаков Екатеринодарского отдела; 1-го Линейного из казаков лабинцев и 2-го Черкесского, пополняемого черкесами заречных аулов Лабинского отдела. В дивизию входила 2-я и 1-я конно-горные и 3-я конная батарея. Все три батареи имели почти исключительно офицерский состав. При дивизии имелся и пластунский батальон весьма слабого состава. Технические средства в дивизии почти отсутствовали. Ни телефонов, ни телеграфов не было, но имелась радиостанция. Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой армии, производилось исключительно за счет противника. Во время господства большевиков большинство патронов и оружия в станицах были запрятаны казаками, и при освобождении той или иной станицы казаки являлись в части, в большинстве случаев вооруженными и с некоторым запасом патронов. Изредка штаб армии присылал добытые с Дона снаряды и патроны. При ди-

визии имелась небольшая санитарная летучка с доктором и несколькими сестрами, однако почти без всяких средств.

По мере очищения области от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевязочных средств. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть несомненно сплошь и рядом играли роль, однако со всем этим приходилось мириться.

По данным штаба дивизии, силы находившегося против нас противника исчислялись в 12-15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20-30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен. Противник был богато снабжен огнеприпасами и техническими средствами. При красных войсках имелось несколько бронев автомобилей, достаточные средства связи. Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо.

Общая обстановка к тому времени слагалась следующим образом: правее нас, в Майкопском отделе, действовала 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского из второочередных, одноименных с моим, полков. Связь с нею мы поддерживали лишь дальними разъездами. Левее нас, вдоль линии железной дороги Кавказская — Армавир, действовала 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, имея на правом фланге офицерский конный полк, разъезды которого связывались с нами. 1-я конная дивизия располагалась Черкесским и Линейными полками на реке Лаббе, на левом берегу, прочими четырьмя полками — на правом. Дивизии ставилась задача разбить находящиеся против нее части противника и отбросить его за реку Уруп.

Поздно ночью было получено донесение о занятии станицы Петропавловской нашими частями. Противник отошел на десять верст южнее к станице Михайловской, перед которой и окопался. Наутро я поехал в станицу Петропавловскую, при въезде в которую был встречен крестным ходом. Станичный сбор поднес мне хлеб-соль и вынес постановление о выборе меня почетным стариком станицы. Через несколько дней станичный сбор подвел мне коня, отличных форм кабардинца, поседланного казачьим седлом.

Занятая красными позиция с левого фланга прикрывалась многоводным руслом реки Лабы, на левом берегу которой противником удерживался небольшой плацдарм, обеспечи-

вающий мостовую переправу близ аула Кош-Хабль. К северу от станицы Михайловской позиция проходила по ряду холмов, прикрытая частью с фронта заросшим камышом и болотистой балкой Глубокой, вдоль которой она тянулась на восток верст на 10-12 параллельно Армавир-Туапсинской железной дороге. Отсутствие удобных подступов при подавляющей численности и огнем превосходстве противника, в связи с почти полным отсутствием у нас патронов, дали возможность красным остановить наше продвижение. Ограничиваясь пассивной обороной, красные удерживали нас, неизменно останавливая все попытки наши продвинуться вперед. Для дивизии наступили тяжелые дни. В течение трех недель мы беспрерывно вели бои, нащупывая уязвимый участок неприятельского фронта. Отчаявшись овладеть Михайловской фронтальной атакой, я дважды, сосредоточив главную массу сил на своем левом фланге, пытался нанести противнику удар, охватывая его с востока. Мне удалось, сбивши красных, бросить бригаду в тыл станице Михайловской и достигнуть Армавир-Туапсинской железной дороги у станции Андрей-Дмитриевка. Однако присутствие моей конницы в ближайшем тылу все же не побудило противника к отходу, красные лишь загнули свой фланг, а затем с помощью бронепоезда и двух броневинов, подтянув силы, перешли в наступление, заставив казаков вернуться в исходное положение.

Из ставки я ежедневно получал телеграммы, требующие от меня решительных действий, настаивая на наступлении «минуя все препятствия». В то же время, несмотря на все просьбы мои о высылке огнеприпасов, ставка таковых прислать не могла. Отчаявшись овладеть позицией противника правильным наступлением, я, учитывая боевые качества врага, решил сделать попытку прорвать фронт красных внезапным конным ударом. Лично произведя рекогносцировку, я с наступлением темноты провел два полка вброд через протекавший перед фронтом врага болотистый ручей, противником почти не наблюдаемый, и на рассвете бросил их в конную атаку. Полки пронеслись сквозь линию врага и дошли до самой станицы, но здесь с окраины были встречены убийственным пулеметным огнем и, понеся тяжкие потери, должны были вернуться назад. Убитые и раненые были все до одного вывезены.

В это время я старался возможно ближе стать к своим частям, ежедневно объезжая позиции, беседуя с офицерами и казаками.

Ближайший мой помощник, начальник штаба, полковник Баумгартен, способный и дельный офицер генерального штаба, неустанно помогал мне в моей работе. Из двух командиров бригад я имел прекрасного помощника в лице командира 1-й бригады генерального штаба полковника Науменко,

храброго и способного офицера. Зато другой командир бригады, престарелый генерал Афросимов, оказался совершенно неспособным. Я вынужден был вскоре отрешить его от должности. В командование бригадой вступил только что вернувшийся после ранения командир Запорожского полка, доблестный полковник Топорков.

Начальником артиллерии был генерал Беляев, прекрасной души человек, храбрый и добросовестный офицер. Командиры полков были большей частью молодые офицеры. Несмотря на большую доблесть, сказывалась их неопытность, отчего значительно страдала общая работа частей. Я каждый раз после дела собирал офицеров, разбирал операции, указывал на те или иные ошибки. Принял целый ряд мер по улучшению связи, лично проверял службу летучей почты. С превеликим трудом раздобыл в штабе армии несколько телефонных аппаратов и, захватив при одной из рекогносцировок запас телефонной проволоки, соединил штаб дивизии с начальниками боевых участков. Удалось получить в штабе армии и один автомобиль, что давало возможность почти ежедневно объезжать полки. Жена моя достала в Екатеринодаре запас медикаментов и перевязочных средств, привезла их в дивизию и наладила работу летучки.

17 сентября, выехав на позицию, я встретил казака с донесением. Наши левофланговые разъезды доносили о движении нам в тыл колонны пехоты. По направлению это не мог быть противник, о приходе же на мой участок каких-либо наших частей мне ничего известно не было. Я решил проехать лично, чтобы убедиться в обстановке. Вскоре я встретил разъезд нашего 2-го конного полка, от которого узнал, что это подходит дивизия полковника Дроздовского. Проехав еще, я встретил расположившийся на привале авангард дивизии, при нем находился и сам полковник Дроздовский со своим начальником штаба полковником Чайковским, которого я знал еще по германской войне, в начале которой он исполнял должность старшего адъютанта 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Оказалось, что полковник Дроздовский получил из ставки приказание, оставив заслон в районе Армавира, атаковать Михайловскую группу красных с тыла. Двинувшись ночным маршем, колонна сбилась с пути и вышла в тыл левофланговым частям. О задаче, поставленной моему соседнему отряду, я предупрежден не был, и прибытие частей полковника Дроздовского было для меня полной неожиданностью.

Обсудив положение, мы наметили с полковником Дроздовским общий план действий: 3-я пехотная дивизия должна была сменить мои полки на правом берегу Лабы и на рассвете 18 сентября атаковать противника с фронта. Одновременно я с дивизией и офицерским конным полком должен был выйти

в тыл противника в районе станицы Курганной и перехватить пути отхода между реками Чамлыком и Лабой. Сосредоточив свои части, я до наступления рассвета двинулся в охват правого фланга позиции противника и, едва стало светать, подошел своими передовыми частями к линии Армавир-Туапсинской железной дороги, выйдя на главный путь отхода противника, дорогу Михайловская—Константиновская. Я шел с авангардом. Дозоры подходили к переезду, когда в предрассветной мгле блеснул огонь прожектора — подходил бронепоезд противника. Доблестный командир батареи, полковник Романовский, снявшись с передков, открыл по бронепоезду беглый огонь. Орудия открыли огонь на расстоянии ружейного выстрела, однако, несмотря на удачные попадания (на месте нахождения бронепоезда остались целый ряд вагонных обломков и большие куски стальной брони), бронепоезд, дав задний ход, быстро скрылся. Мы перешли полотно железной дороги, взорвав путь в нескольких местах. Со стороны Михайловской слышалась сильная орудийная и ружейная стрельба — то вели наступление части полковника Дроздовского. Один из наших боковых отрядов захватил большевистский обоз до тридцати повозок, груженных овсом и хлебом. Со стороны Михайловской обнаружилось наступление цепей противника; одновременно, со стороны станицы Курганной, в охват нашего левого фланга, показалось около полка конницы. Вскоре бой шел на всем фронте дивизии. Мы остановили наступление противника, но продвинуться вперед нам не удалось. Я сообщил начальнику 3-й дивизии о том, что мне удалось выполнить поставленную моей дивизии задачу, и с нетерпением ждал от него донесения. Около полудня огонь на фронте 3-й дивизии стал как будто стихать. Со стороны Михайловской показались новые густые цепи красных. Я находился на наблюдательном пункте, откуда прекрасно было видно наступление противника. Наши части медленно отходили.

Около часу дня цепи красных показались и со стороны Курганной, охватывая наш фланг; одновременно конница противника стала на рысях обходить нас, угрожая перехватить мостовую переправу через реку Чамлык. В резерве у меня было четыре сотни Корниловского полка. Я приказал им атаковать конницу красных. Сотни развернули лаву, двинулись вперед, но, попав под фланговый пулеметный огонь, смешались и стали отходить. Конница противника продолжала продвигаться. Положение становилось критическим. С захватом моста, имея в тылу болотистый, труднопроходимый Чамлык, мы могли оказаться в тяжелом положении; нашей артиллерии грозила гибель. Я послал приказание частям медленно отходить к переправе и артиллерии сниматься. Лава корниловцев быстро отходила. В сотнях заметно было замешательство. Я

решил личным примером попытаться увлечь части за собой и, вскочив на лошадь, поскакал к отходящим корниловцам. Часть казаков повернула, другая остановилась. Стала отходить лава противника. Увлекая казаков криками, я бросился за противником, однако, обернувшись, увидел, что за мной следует лишь небольшая часть казаков, остальная лава крутилась на месте. Ружейный огонь был чрезвычайно силен. Пули свистали, щелкали о землю, вздымая пыль. Редко за мою продолжительную боевую службу приходилось бывать под таким огнем. Упал, раненный, мой значковый казак, у моего офицера-ординарца была убита лошадь. Батарея наша снялась, и было видно, как она отходит рысью к переправе. Немногие скакавшие еще за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мне. Выругав казаков, я приказал им спешиться и занять небольшой хуторок у переправы. Батарея благополучно перешла мост, полки медленно отходили к переправе, частью переправлялись выше по реке вброд. Наконец прибыло донесение от полковника Дроздовского; он сообщал, что атаки его дивизии успехом не увенчались. Части понесли жестокие потери, и он вынужден от дальнейшего наступления отказаться.

На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась. Противник, отбив наши атаки, несомненно, морально еще усилился. Недоволен был я и неудачной своей атакой. Части за мной не пошли. Значит, они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха... С наступлением темноты я отвел свои части, сосредоточив их за левым флангом 3-й пехотной дивизии.

Через несколько дней приехал в Петропавловскую команду армией со своим начальником штаба, в сопровождении нескольких человек конвоя. Генерал Деникин прибыл на автомобиле. Он завтракал в штабе дивизии, говорил со станичным сбором и смотрел находящийся в резерве Корниловский полк. Генерал Деникин был весьма недоволен действиями полковника Дроздовского в Михайловской операции. Он подробно расспрашивал меня об обстановке на моем участке. Части генерала Покровского, подойдя к Лабе, создавали серьезную угрозу Михайловской группе красных, и генерал Деникин полагал, что в ближайшие дни можно ожидать отхода противника в этом направлении. Эти соображения разделял и я.

25 сентября скончался основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев. С ним закончилась яркая страница героической борьбы русских патриотов. Его имя останется в нашей истории наравне с именами лучших русских людей.

Со смертью генерала Алексеева должность верховного руководителя упразднилась, а генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армией, помощником его по гражданской части оставался генерал Драгомиров, помощником по военной части был назначен генерал Лукомский.

В последних числах сентября противник на нашем фронте стал проявлять заметную нервозность. Части генерала Покровского достигли реки Лабы, местами переправившись на правый берег в районе станиц Владимирской и Засовской, угрожая флангу и тылу находящегося против меня врага. По приказанию наших лазутчиков, в станицу Михайловскую прибыл «красный главковерх» Сорокин, бывший фельдшер, уроженец станицы Петропавловской. В его присутствии состоялся ряд митингов, где говорилось о необходимости отхода; в тыл потянулись неприятельские обозы. Я приказал войскам быть особенно бдительными и, дабы не дать противнику возможности оторваться, беспрерывно тревожил его набегами и частичными наступлениями. За истекший месяц в постоянных стычках и многих более крупных делах дивизия понесла крупные потери. Много выбыло больными. О напряженности боевой работы частей дивизии за указанный период свидетельствуют цифры потерь: дивизия за август и сентябрь потеряла 260 офицеров и 2460 казаков — почти сто процентов своей численности. Эти потери непрерывно пополнялись прибывающими укомплектованиями из недавно освобожденных Лабинского-Кавказского и Майкопского отделов.

В ночь на 1 октября я получил донесение от командира Линейного полка полковника Мурзаева, что противником взорван железнодорожный мост в тылу Кош-Хабльского плацдарма и что неприятель оттягивает свои части на правый берег Лабы. Я немедленно сообщил об этом на сторожевые участки, приказал войскам при первых признаках отхода противника переходить в решительное преследование. На рассвете отход обнаружился на всем фронте, и я отдал приказ о переходе в общее наступление.

С этого дня война перенеслась в поле, где на первый план выдвигается не численность, а искусство маневра. С этого дня начинается победоносное движение наше, закончившееся полным поражением противника и очищением всего Северного Кавказа.

Дивизия наступала двумя колоннами. Правая колонна, Корниловский и Екатеринодарский полки, под общим начальством командира Екатеринодарского полка полковника Муравьева, командовавшего бригадой, двинулась через станицы Курганскую, Родниковскую, Чамлыкскую и далее на станицу Бесскорбную; левая: Уманский и Запорожский полки, под командованием полковника Топоркова, через станцию

Андрей-Дмитриевскую, хутора Синюхинские на станицу Урупскую. Линейному и Черкесскому полкам, под общим командованием командира первого, полковника Мурзаева, было приказано, переправившись в районе аула Кош-Хабль, следовать в станицу Константиновскую, составив мой резерв. Сделав все необходимые распоряжения, я на автомобиле в девять часов утра выехал в станицу Михайловскую. На площади меня ждали уже старики с хлебом-солью. Огромная толпа запрудила площадь. Когда я говорил с казаками, многие плакали. Большевики, уходя, забрали с собой из станицы заложников. Были уведены наиболее богатые хозяева, семья инспектора местного училища, один священник. Несколько стариков перед отходом красных были расстреляны.

1 октября было днем местного храмового праздника. Я присутствовал на службе, которая была особенно трогательна. Молились на редкость искренне и горячо. По окончании богослужения я вышел на площадь, куда к этому времени стали стягиваться линейцы и черкесы. На левом фланге бригады построился под зеленым знаменем отряд стариков черкесов залабинских аулов. Командовал отрядом старик черкес, богатый коннозаводчик Шавгенов. Заречные аулы жестоко пострадали от большевиков, некоторые аулы были выжжены дотла, много черкесов расстреляно и замучено. В одном из аулов несколько десятков черкесов были живьем закопаны в землю. Старики черкесы обратились ко мне с просьбой вести далее на бой их сынов, их же просили отпустить в родные аулы. При этом они свидетельствовали, что по первому зову готовы все до одного стать рядом со своими сынами. Я отпустил их, благодаря за службу, и выдал им несколько десятков захваченных нами пленных, с тем, чтобы их судил аульный суд. Едва я отошел, направляясь с бригадой в станицу Константиновскую, как черкесы, набросившись на пленных, тут же, на глазах обывателей, всех перерезали.

В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбиравших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию, во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я их предам тут же военно-полевому суду и расстреляю, как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действиях его людей.

К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработали взгляд на настоящую борьбу, но не как освободительную, а как на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно было искоренить в казаках, до-

чиста ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти все солдаты Красной Армии имели при себе значительные суммы денег, в обозах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период гражданской войны, где одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добивали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части, со своей стороны, имея неприятеля и впереди и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков, части невольно смотрели на военную добычу, как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильное распределить между частями военную добычу. Впоследствии я добился, что захваченные у пленных деньги и все попавшее в руки войсковой части распределялось между казаками особыми комиссиями из представителей сотен, а все имевшее исключительно боевое значение передавалось бы в дивизионное интендантство. Позднее, когда с помощью союзников организовано было общее снабжение наших армий, я добился сдачи войсковыми частями всей без исключения военной добычи. С самых первых дней нашей борьбы, не исключая тот период, когда мы жили только за счет военной добычи, я безжалостно наказывал всякий грабеж населения. В первые же дни прибытия моего в дивизию я повесил несколько мародеров.

К сожалению, генерал Покровский, полковник Шкуро, да и многие другие из старших войсковых начальников не пожелали или не сумели положить необходимый предел в первое время неизбежному злу, не провели резко и непреклонно грань дозволенного и недозволенного, и в истории нашей борьбы это зло стало чревато последствиями.

Красные, имея пехоту на повозках, отходили чрезвычайно быстро. К вечеру наши части достигли линии станицы Чамлыкская — хутора Синюхинские, пройдя за день 40-45 верст. Колонна полковника Топоркова нагнала в районах Синюхинских хуторов арьергард противника, нанесла ему поражение, и захватила более ста пленных, пулеметы и большой обоз.

В сумерках прибыл я в станицу Константиновскую, мне была отведена квартира в доме богатого домовладельца из иногородних. Последний, глубокий старик, встретив меня у порога сеней, упал в ноги, обливаясь слезами. Богатый человек, пользующийся у всего населения станицы, как у иногороднего, так и у казаков, всеобщим уважением, старик особенно пострадал от большевиков. Из пяти сыновей его двое при самом отходе были расстреляны на глазах отца, старший в течение 4,5 месяца вместе с 14 казаками скрывался в самой станице. Эти несчастные были укрыты родственниками в подполье, куда ночью домочадцы доставляли им пищу, с величайшей опасностью выпуская их в горницы или во двор. Я видел этих людей — от четырехмесячного пребывания в спертom сыром подполье без света их лица приобрели какой-то землистый оттенок, и все они производили впечатление только что перенесших тяжелую болезнь. Старик, неоднократно арестованный, избег участи быть увезенным с другими заложниками лишь тем, что последние три дня просидел на току, зарытый в солому. На другой день старик разыскал одного из скрывшихся с приходом красных сыновей, оказавшегося в моей комендантской сотне. Другой сын его был также жив в одном из моих полков. Радость старика была безгранична.

С рассветом преследование возобновилось. Противник, спеша к переправам, быстро отходил перед нашими частями. Главная масса красных отступала к главной переправе у станицы Урупской, другая колонна направлялась к переправе у станицы Бесскорбной. Приказав бригаде полковника Мурзаева следовать через хутора Синюхинские за левой колонной дивизии, я остался в станице Константиновской, дабы говорить со станичным сбором и отправить необходимые телеграммы. Закончив дела, я часов около десяти выехал на автомобиле на хутора Синюхинские. Я застал там линейцев и черкесов, расположившихся на привале. Лошади были заведены во дворы, люди пили чай. Мне передали донесение полковника Топоркова, он в шести верстах вел бой с прикрывающим переправу арьергардом противника. Я решил проехать к нему.

Полковник Топорков со штабом находился на артиллерийском наблюдательном пункте, небольшом кургане, тут же, за курганом, стояли два горных орудия, в двухстах метрах за скирдами соломы расположились в прикрытие батареи две сотни запорожцев, впереди маячила лава. Цепь противника залегла вдоль оврага, тянувшегося в полутора тысячах шагов перед фронтом. Пули посвистывали, долетали до наших батарей. Расспросив полковника Топоркова об обстановке, я взял бинокль и только стал рассматривать позицию красных, как услышал крик: «Конница». Лава запорожцев, повернув, ска-

кала на батарею, за ней из оврага поднималась большая лава красной конницы. Командир батареи подал команду: «Беглый огонь». Однако запорожцы продолжали скакать, преследуемые конницей противника; было ясно, что на плечах казаков красные ворвутся на батарею. Раздалась команда «на задки», но было поздно. Отдельные всадники уже проносились мимо нас. Поддавшись общему бегству, стоявшие в прикрытии две сотни запорожцев поскакали в тыл. Я, полковник Топорков и другие офицеры пытались остановить скачущих казаков, но все неслося неудержимо. Отдельные неприятельские всадники стали подскакивать к орудиям, одно орудие опрокинулось. Я видел, как артиллерийский офицер выстрелил в одного из набросившихся на орудие всадников и как другой наотмашь ударил его шашкой. Окруженный несколькими красными кавалеристами, рубился полковник Топорков.

Я бросился к своему автомобилю, но к ужасу увидел, что машина, работая на холостом ходу, стоит, врезавшись передними колесами в пахоть. Далеко впереди мелькали бросившие машину шофер и его помощник. Я побежал к кукурузному полю, правой и левой меня скакали врассыпную казаки и бежали артиллеристы. Вокруг второго орудия шла свалка, раздавались выстрелы, сверкали шашки. Ко мне подскочил артиллерийский офицер: «Ваше превосходительство, возьмите мою лошадь», — я отказался, офицер настаивал, продолжая ехать рядом со мной. «Лошади вашей я все равно не возьму, скачите в хутора, ведите сюда линейцев и черкесов, а также мой конвой и моих лошадей...» Офицер поскакал. Я продолжал бежать. Оглянувшись, я увидел трех всадников, скакавших ко мне. На ходу они нагнали какого-то бегущего солдата, раздался выстрел, и лошадь одного из всадников упала, остальные набросились на солдата, я схватился за револьвер, но к своему ужасу увидел, что кобура пуста: накануне я подарил мой револьвер начальнику черкесского отряда в обмен на поднесенный мне им кинжал и совсем забыл об этом. Шашки на мне не было, я был совсем безоружным. В эту минуту правее меня показалась мчавшаяся во весь опор лазаретная линейка. В ней сидели две сестры милосердия и лежал раненый офицер-артиллерист полковник Фолк. Напрягши все силы, я пустился бежать за линейкой, догнал ее на ходу и вскочил. Красные всадники стали отставать. Отчаяние и злоба душили меня, гибель батареи, бегство запорожцев, бессилие мое остановить казаков, сознание, что мне доселе не удалось взять мои части в руки, поднимали в душе моей бурю негодования и горечи. Я всячески гнал лазаретную линейку и трепетно вглядывался вперед — помощь не подходила. Наконец мы нагнали солдата верхом на артиллерийском уносе. Взяв у него одного из коней, я верхом на неоседланной лошади, бросив линейку, поскакал и вскоре встретил идущих на рысях линей-

цев. За ними шли черкесы. Развернув бригаду, я повел ее вперед, противник стал сразу быстро отходить за свою пехоту. Он успел увести оба орудия и мой автомобиль, забрав с собой своих раненых, и догола раздеть оставшиеся на месте боя трупы наших офицеров и солдат. Мы потеряли семь артиллерийских офицеров и несколько солдат-артиллеристов, зарубленных на самой батарее.

К вечеру наши части достигли реки Урупа, но обе переправы у станиц Урупской и Бесскорбной все еще были в руках противника. Последний вел за них упорный бой. В течение последующих дней обе станицы несколько раз переходили из рук в руки. Наконец 7 октября под ударами полковника Мурзаева пала станица Бесскорбная, а на следующий день полковник Топорков выбил противника из станицы Урупская и занял последнюю. Дивизия заняла двумя полками ст. Урупскую и четырьмя — ст. Бесскорбную. Красные отошли на правый берег Урупа, где и закрепились на командующих высотах.

Тщетно в течение почти двух недель пытались части дивизии форсировать реку Уруп. Противник, прикрывшись рекой, крепко засел на высоком скалистом гребне. Местность чрезвычайно затрудняла действие в конном строю, в патронах же ощущался огромный недостаток. Между тем генерал Казанович, выдвинувшийся до станции Овечки, вынужден был затем с тяжелыми потерями отойти почти к самому Армавиру; с величайшим трудом он удержался лишь в самом углу между Кубанью и Урупом. Противник овладел станицей Коноково в пятнадцати верстах к югу от Армавира. Приказом генерала Деникина моя дивизия была подчинена генералу Казановичу, и последний требовал моей помощи, настаивая, между прочим, чтобы я держался вплотную к его правому флангу, не соглашаясь с моими доводами, что, занимая уступное положение, я маневром могу несравненно лучше обеспечить его.

На рассвете 19 октября обнаружилось наступление противника в разрезе между моими частями и дивизией генерала Казановича. К вечеру того же дня противник переправился в районе моей дивизии на левый берег Урупа между станицей и аулом Урупским и продвинулся на 1,5-2 версты к западу от реки. Оставив у станицы Бесскорбной слабый заслон (линейцев и черкесов), я в ночь на 20 октября перебросил к Урупской все свои остальные силы и с рассветом 20 октября, объединив их под начальством только что вернувшегося из отпуска полковника Науменко, сам перешел в наступление.

В течение всего дня 20 октября велся упорный бой с тяжелыми потерями с обеих сторон. Противник был останов-

лен, и, несмотря на все усилия, ему не удалось расширить занятого плацдарма. В ночь на 21 октября обнаружился отход красных на правый берег Урупа. Используя сложившуюся обстановку, я решил широким маневром нанести противнику удар в тыл. Оставив на фронте хутора Абрахманова — аул Урупский запорожцев и уманцев с одной батареей, я ночным переходом перебросил два полка к станице Бесскорбной. На рассвете ударная группа в составе четырех полков с двумя батареями под общей командой полковника Науменко в районе села Ливонского форсировала Уруп и, стремительно захватив командующий гребень на правом берегу реки, неожиданно вышла в тыл противнику. Около 12 часов дня я получил донесение об удачной переправе частей полковника Науменко. Приказав уманцам и запорожцам стягиваться к урупской переправе, я сам выехал на наблюдательный пункт. Дул пронзительный северный ветер. Я, кутаясь в бурку, наблюдал за противоположным берегом реки, где ясно были видны неприятельские цепи. Солнце стало клониться к западу, ветер крепчал, а признаков продвижения полковника Науменко все еще видно не было.

Но вот по занятому противником гребню замелькали черные точки. Они покрыли вскоре весь гребень, и издали казалось, как будто движется муравейник. Видно было, как цепи противника быстро отходят за гребень. Где-то к востоку, в тылу у противника, слышался орудейный огонь, то вели наступление части полковника Науменко. Атакованный с фронта, фланга и тыла противник обратился в паническое бегство. Несмотря на сильное утомление людей и лошадей, преследование велось безостановочно всю ночь. К рассвету 22 октября части дивизии захватили село Моломино и станицу Успенскую, переправившись в этом пункте на правый берег Кубани. Армавирская группа красных, бывшая под начальством товарища «Демона», была разбита наголову. Мы взяли более 3000 пленных, огромное число пулеметов (одна лишь 1-я сотня Корниловского полка захватила 23). В результате боя на Урупе противник очистил весь левый берег Кубани, и 1-я пехотная дивизия генерала Казановича 22 октября без боя выдвинулась до станции Овечки.

Переночевав в станице Урупской, я на рассвете, верхом, в сопровождении прибывшего накануне назначенного в мое распоряжение и вступившего в исполнение должности начальника штаба генерального штаба полковника Соколовского и нескольких ординарцев, выехал к станице Успенской. Навстречу нам попадались длинные вереницы пленных, тянувшаяся под конвоем казаков захваченный неприятельский обоз. Мы подошли к станице Успенской, когда на улицах станицы еще шел бой. Отдельные кучки противника, засев в домах, оказывали еще сопротивление. Полки собирались и

строились на околице. Едва казаки увидели мой значок, как громкое «ура» загремело в рядах. Чувство победы, упоение успехом мгновенно родили доверие к начальнику, создали ту духовную связь, которая составляет мощь армии. С этого дня я овладел моими частями, и отныне дивизия не знала поражений.

Генерал Деникин телеграфировал мне, благодаря дивизию за славное дело, и выражал пожелание, чтобы «этот успех был началом общего разгрома противника». Вместе с тем мне приказывалось, оставив необходимое мне для снабжения моих частей оружие из военной добычи, остальное оружие отправить в Армавир для вооружения формируемых там частей, туда же приказывалось направить пленников.

При дивизии моей имелись кадры пластунского батальона, сформированного когда-то из безлошадных казаков и добровольцев. Батальон этот в июле сильно пострадал, и ко времени принятия мною дивизии его численность составляла несколько десятков человек. Еще во время приезда генерала Деникина в станицу Петропавловскую я ходатайствовал о введении в штаб дивизии стрелкового полка, который я намерялся сформировать из иногородних, в значительном числе безлошадных, используя кадры пластунского батальона, где большинство людей были также не казаки. Вскоре после этого прибыли ко мне командированные ставкой в мое распоряжение несколько офицеров из пехотных частей, в том числе два штаб-офицера, бывших кавказских стрелка, полковники Чичинадзе и князь Черкесов и несколько молодых офицеров. Все они были зачислены мною в пластунский батальон.

Переговоривши с полковником Чичинадзе и князем Черкесовым, я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отделенных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же расстрелять. Затем объявил остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, что я хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовав последний в 1-й стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его полковника князя Черкесова. Уже через две недели стрелковый полк участвовал с дивизией в боях. Впоследствии он прошел с дивизией весь Кавказ, участвовал в царицынской операции и оставался в рядах Кавказской армии все время ее существования, приобрел себе в рядах армии громкую славу.

На рассвете 29 октября я с корниловцами и екатеринодарцами, переправившись через Кубань, спешно двинулся к Ар-

мавиру, одновременно послав приказание полковнику Топоркову также идти туда. Сильнейший ледяной северный ветер временами переходил в ураган. Полки могли двигаться лишь шагом. Плохо одетые казаки окончательно застыли. Около полудня наши обе колонны вошли в соприкосновение с противником, последний, уклоняясь от боя, бросился на северо-восток, здесь был перехвачен частями полковника Топоркова и жестоко потрепан. Во время боя я с полковником Науменко и несколькими ординарцами отъехал от колонны, желая подняться на гребень, откуда поле боя должно было быть хорошо видно. Поднявшись на гребень, мы неожиданно наткнулись в 20-ти шагах на залегающую за гребнем, по-видимому, ища укрытия от непогоды, неприятельскую заставу. Наше появление в тылу заставы было так неожиданно, что большевики совсем опешили. В ту же минуту застава была изрублена моими ординарцами.

Угроза Армавиру была устранена, и я приказал отходить на ночлег полковнику Топоркову в хутора Горькореченские, полковнику Науменко к станице Убеженской. Сам я проехал в Успенское, где нашел телеграмму генерала Деникина, вызывавшего меня в Армавир.

Я застал поезд генерала Деникина на станции. Главнокомандующий пригласил меня к себе завтракать. Кроме меня, завтракали генерал Романовский и генерал Казанович. Генерал Деникин был весьма доволен действиями дивизии и горячо меня благодарил. Таманская армия красных, осевшая главным своим ядром в районе Ставрополя (последний незадолго перед этим нами оставлен), постепенно охватывалась кольцом наших войск. 2-я пехотная дивизия генерала Боровского и 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, оперировавшая вдоль линии Кавказская — Ставрополь, подходили к городу с северо-запада; с запада направлялась к Ставрополю моя дивизия; с юга шла дивизия генерала Казановича, имея правее себя части 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского. Наконец, с севера, отрезая путь к северу от железнодорожной ветки Ставрополь — Петровское, действовала 2-я кубанская дивизия полковника Улагая. Я просил генерала Деникина обеспечить мне свободу действий, изъяв из подчинения генералу Казановичу. Несмотря на возражения последнего, к которым как будто склонялся начальник штаба главнокомандующего, генерал Деникин согласился со мной. Бригада полковника Мурзаева — линейцы и черкесы — временно оставалась в подчинении генерала Казановича. Взамен ее мне передавалась из 3-й пехотной дивизии бригада генерала Чекотовского: офицерский конный и 1-й Черноморский казачий полки.

Продолжая наступление, дивизия 28 октября подошла к станице Сенгилеевской. Противник, разбитый и подавленный

предыдущими боями, оказывал слабое сопротивление и ночью, прикрывшись арьергардами, отошел на Ставрополь. 30 октября мои части подошли к Ставрополю и к вечеру закрепились на опушке леса к западу от города. Пути отхода противника на восток и северо-восток были отрезаны к северу от железнодорожной ветки Ставрополь — Петровское кубанцами полковника Улагая, к югу — 1-й кубанской дивизией генерала Покровского. К вечеру обе эти дивизии связались с соседями, и тактическое окружение Таманской армии красных было завершено.

В сумерки я объехал позиции; стоял туман, густой пеленой нависший над городом. Последний казался вымершим. Не видно было ни одного огонька, то здесь, то там вспыхивали разрывы наших снарядов; глухие артиллерийские выстрелы доносились с северной части города. В наступивших сумерках резко стучали пулеметы. В роще, привязанные к деревьям, стояли казачьи кони и, греясь вокруг костров, пили чай казаки. Продрогший вернулся я в чистую и богатую колонию Иогансдорф и, напившись чаю с превкусным местного изделия сыром, лег спать. На рассвете меня разбудили. Противник перешел в наступление, обрушившись на части полковника Дроздовского. 3-я пехотная дивизия понесла тяжелые потери и, преследуемая противником, отходила на север вдоль линии железной дороги, при этом был ранен полковник Дроздовский. Левее 3-й пехотной дивизии, оставив станцию Пелагиаду, отступали и части генерала Боровского.

Подняв по тревоге резервную бригаду и приняв необходимые меры по обеспечению своего левого фланга, я приказал дивизии перейти в наступление, дабы облегчить положение соседей. Противник держался крепко. Недостаток в патронах почти исключал возможность действий в пешем строю, атаковать же конницей в лоб город было невозможно. Наше наступление могло вылиться лишь в демонстрацию. Между тем противник, продолжая теснить нашу пехоту, к вечеру 31-го подошел к самой станции Пелагиада. Я решил использовать выгодно складывающуюся обстановку и ударить во фланг и тыл врага. Растянув бригаду полковника Топоркова, я с рассветом 1 ноября с четырьмя полками, скрытно пройдя лесом, неожиданно вышел в тыл противника и, развернув 1-ю бригаду, атаковал его. Не ожидавшие удара красные бросились к Ставрополю, преследуемые полковником Бабиевым с Корниловским полком и несколькими сотнями екатеринодарцев. Вскоре длинные колонны пленных потянулись к лесу. Полковник Бабиев на плечах бегущих приближался к городу. Я выслал заслоном к северу офицерский полк и с оставшимися в моем распоряжении несколькими сотнями екатеринодарцев и черноморцев направился к расположившемуся в предместье города монасты-

рю. Там засели красные, поражая корниловцев фланговым огнем. Вскоре около нас стали посвистывать пули. Огонь учащался, несколько казаков и лошадей было ранено. Развернув полки, я выхватил шашку и лично повел их в атаку. Дружно, громко раздалось «ура», сотни понеслись. Огонь стал беспорядочным, притих, и наконец врассыпную из монастырской ограды и улочек поселка выбежали люди. Мы ворвались в поселок. Кое-где на улице шла рубка...

Спешив сотни, я занял околицу, приказав отвести коней за монастырскую ограду. Стали прибывать раненые, их перевязывали тут же, у монастырских стен. Но вот из монастырских ворот вышел батюшка и несколько монахинь. Пули свистели и щелкали о каменную ограду, тут же хрипела и билась раненая лошадь, но вышедшие, казалось, не видели этого. С крестом в руках, кропя святой водой казаков, шел иеромонах, спокойно и безмолвно обходили раненых монахини, предлагая хлеб и чай. Мать игуменя тут же под огнем благословила меня иконой. Трогательная картина крепко врезалась в мою память...

В монастыре мы нашли двух офицеров, которые в течение нескольких дней укрывались здесь, переодетые монашками.

Около полудня я получил донесение полковника Бабиева, он со своими славными корниловцами ворвался в самый город, захватил вокзал и стоявший там бронепоезд противника. Бабиев доносил, что пока держится, но что патронов мало, и что красные, засев в домах, дерутся отчаянно. Он просил подкрепления. Я выслал ему две сотни и послал донесение главнокомандующему, прося присылки каких-либо частей для закрепления достигнутого успеха. Через несколько часов я получил ответ, что ко мне спешно двинуты на помощь один полк стрелков из дивизии генерала Казановича и инородческий дивизион от полковника Дроздовского. Между тем, перейдя в наступление, противник к вечеру после жестокого боя выбил из города части полковника Бабиева и вновь овладел вокзалом. Его попытки выбить нас из монастыря успехом не увенчались. Части полковника Топоркова к вечеру несколько продвинулись вперед, захватив городской питомник. Поздно ночью подошли инородцы, а на рассвете стрелки, которых я отправил к полковнику Топоркову. Туда же перебросил я и бригаду Чекотовского, решив использовать сосредоточение противником большей части своих сил против моего левого фланга. Около девяти часов подошел высланный в мое распоряжение наш бронеавтомобиль «Верный». Послав вперед лошадей к полковнику Топоркову, я на броневике проехал к нему и отдал приказ ударной группе — запорожцам, уманцам, черноморцам, офицерскому конному полку и стрелкам, при поддержке «Верного», перейти в наступление.

Я в предыдущую ночь не ложился и, вернувшись в монастырь, лег спать и заснул как убитый. В четыре часа меня разбудили, ординарец передал мне донесение полковника Топоркова. После жестокого уличного боя, где неприятель жестоко отстаивал каждый дом, части полковника Топоркова овладели городом.

Я с трубачами и конвоем проехал в Ставрополь. В городе кое-где шла еще перестрелка. На улицах и тротуарах лежали убитые лошади, опрокинутые повозки, трупы красноармейцев. Услышав звуки трубачей, народ выбегал на улицу. Многие крестились, плакали, некоторые совали в руки казакам хлеб, папиросы, деньги. Пожилая женщина, бросившись к моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцеловать мою руку.

Город под владычеством большевиков пережил ужасные дни. Последние недели в связи с поражением красных на Урупе начались разногласия и раздоры в верхах армии. Борьба между красными вождями закончилась расстрелом в Ставрополе красного главковерха фельдшера Сорокина. Последние дни город был объят анархией. По всему городу шли самоchinные обыски и расстрелы. Многих несчастных перед смертью подвергли жестоким пыткам. Во дворе губернаторского дома, где я остановился, мы нашли несколько десятков трупов жертв, расстрелянных по приговору помещавшегося в доме комиссарского суда. Некоторые трупы были с отрубленными пальцами, у других оказались выколоты глаза.

При отступлении из города противник оставил огромную военную добычу. Склады с мануфактурой, сукном, обувью, подковами и т. д., все это необходимо было уберечь от разхищения и привести в порядок. Я издал приказ, коим объявлял населению, что впредь до прибытия гражданских властей всю полноту военной и гражданской власти принимаю на себя, и требовал в течение 24-х часов сдачи населением всего оружия, предметов военного снаряжения и укрывающихся в городе большевиков.

Комендантом города я назначил ротмистра Маньковского, бывшего моего сослуживца по Уссурийской дивизии, прибывшего на Кубань, предоставив в его распоряжение дивизион инородцев. Ротмистр Маньковский отлично справился со своей задачей, хотя задача эта была далеко не легкая. В незнакомом городе при отсутствии местной администрации, значительном скоплении войск и естественном озлоблении пострадавшего населения против всех, кто так или иначе был причастен к большевикам, поддерживать порядок было крайне трудно. На следующий день после занятия города имел место возмутительный случай. В один из лазаретов, где лежало несколько сот раненых и больных красноармейцев, ворвались несколько черкесов и, несмотря на протесты и мольбу

врачей и сестер, вырезали до 70 человек прежде, нежели предупрежденный об этом, я выслал своего ординарца с конвойными казаками для задержания негодяев. В числе последних, по показаниям очевидцев, находился один офицер; к сожалению, преступники успели бежать.

Другой случай был почти такого же порядка. На другой день по занятии нами города ко мне явился офицер, отрекомендовавшийся хорунжим Левиным, начальником особого отряда при ставропольском губернаторе. Хорунжий Левин по занятии Ставрополя красными оставил город со своим отрядом и ныне вернулся, предоставив себя и своих лошадей в мое распоряжение. Я приказал ему принять в свое ведение тюрьму, где находились пленные красноармейцы и задержанные в городе большевики. Через несколько часов мне дали знать, что хорунжий Левин расстреливает арестованных. Я немедленно приказал хорунжего Левина арестовать, однако он успел расстрелять несколько десятков человек. По прибытии в город губернатора, полковника Глазенапа, я передал ему хорунжего Левина, и дальнейшая судьба его мне неизвестна.

3 ноября прибыл в Ставрополь генерал Деникин. Он провел в городе всего несколько часов, выслушав доклад мой, и обещал, если позволит обстановка, дать отдохнуть дивизии. 4-го или 5-го прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губернии полковник Глазенап со своим штабом. Последний произвел на меня самое скверное впечатление. За исключением начальника штаба полковника генерального штаба Яковлева, который, видимо, относился к делу добросовестно и внимательно, остальные чины штаба вели себя самым непозволительным образом. В самый день приезда полковника Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного адъютанта губернатора и двух других чинов за непристойное поведение в пьяном виде.

В Ногайских степях

Противник, оставив Ставрополь, отходил главной массой сил на Петровское, удерживая арьергардными частями линию деревень Надежденское, Михайловка, Пелагиада, местами делая попытки перейти в наступление.

На рассвете 6 ноября я получил приказание главнокомандующего, штаб которого находился на станции Рыздвяная, помочь нашей пехоте, которую в районе деревни Михайловка противник сильно теснил. Подняв по тревоге дивизию, на рысях выдвинулся к железнодорожному переезду, на дороге из Монастыря к Михайловке перешел через полотно железной дороги и, приказав 1-й бригаде и черноморцам наступать

в пешем строю, бросил уманцев и запорожцев в атаку. Славные части полковника Топоркова прорвали фронт противника и на его плечах ворвались в Михайловку. Здесь было истреблено много красных. Преследуя отходящих, наши части захватили до тысячи пленных и огромный обоз, причем обоз одной из красных дивизий был захвачен в полном составе. Вечером я получил приказание генерала Деникина прибыть к нему на станцию Рыздвяную.

Я верхом поехал на станцию Пелагиада. Стоял густой туман. Луна сквозь пелену тумана освещала зеленым светом тянущиеся по сторонам дороги хаты, широкую, покрытую лужами улицу. На дороге лежали неубранные еще трупы людей и лошадей. На площади стояла огромная лужа. Мой конь бояливо шархнулся — у самых ног лошади из лужи смотрело оскаленное лицо мертвеца, труп затащило в грязь, и видно было одно мертвое лицо. Несколько шагов далее из воды торчала окоченелая рука. Конь храпел, вздрагивал и бросался в сторону.

Я застал поезд генерала Деникина на станции Рыздвяная. Главнокомандующий горячо благодарил меня за последнее дело и сделал высокую оценку действий моих частей в течение всей ставропольской операции. Одновременно генерал Деникин объявил мне о назначении меня командиром 1-го конного корпуса, в состав которого, кроме моей дивизии, включалась 2-я кубанская дивизии полковника Улагая.

Генерал Деникин спросил меня, кого я намечаю на должность начальника штаба корпуса. Я просил назначить полковника Соколовского, работой которого за последние дни я был очень доволен. Присутствующий при разговоре генерал Романовский заметил, что полковник Соколовский для этой должности как будто молод, но генерал Деникин поддержал меня и тут же поздравил полковника Соколовского с назначением. Я наметил сосредоточить корпус в районе деревни Тугулук, о чем и послал приказание полковнику Улагая. Полковник Топорков вступил в командование 1-й дивизией.

В вагоне генерала Деникина встретил я начальника 2-й пехотной дивизии генерала Боровского. Последний имел в армии репутацию большой личной храбрости, но сильно запивал. По общим отзывам, это последнее и послужило причиной оставления Ставрополя нашими войсками. В армии говорили, что генерал Боровской «пропил Ставрополь».

7 ноября полковник Топорков разбил врага у Дубровки и вновь захватил пленных и большой обоз. 8 ноября одновременной атакой 1-й конной дивизии с юга и 2-й кубанской дивизии с запада мы овладели Сугулуком и Казинкой. Неприятель, разбитый наголову, бежал в Константиновку и Кутульту, оставив в наших руках вновь большое количество пленных и военной добычи. 10 ноября части корпуса одно-

временно овладели: 1-я конная дивизия селом Константиновка, 2-я кубанская — селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие уже не могли. 11 ноября после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и одно орудие.

Таким образом, мой корпус оказался значительно выдвинутым вперед. Бой под Петровским окончился в полной темноте. Я со штабом остался ночевать в селе Константиновке. Тут же расположились обозы 1-го разряда, радиостанция и летучка Красного Креста.

На рассвете мы были разбужены шедшей в селе перестрелкой. По-видимому, предупрежденные кем-то из местных большевиков, красные, воспользовавшись выдвинутым положением корпуса, выслали отряд для нападения на наш тыл. Около двух рот пехоты, посаженных на повозки, при двух орудиях прошли ночью от Спицевки к Константиновке и, сбив наши посты, подошли к самой деревне. Около взвода красных ворвалось в саму деревню, произведя сильный переполох. В прикрытии обоза находилась полусотня, около тридцати казаков, столько же почти было у меня в конвое. О сопротивлении думать не приходилось. Будь красные решительнее, они могли захватить нас всех. Однако большевики действовали вяло, обстреливали село, но атаковать нас не решались. К тому же обозы, имея приказание с рассветом переходить в Петровское, были уже запряжены, люди не спали, и паники особой не было. Мы успели кое-как одеться, поседлать коней и выскочить из села, однако обоз двух полков и наша летучка были захвачены противником; доктор успел бежать, но сестра попала в плен. Красные захватили было и нашу радиостанцию, но начальник артиллерии генерал Беляев, едва сам успевший выскочить в одной рубашке из дому, собрав вокруг себя несколько десятков артиллеристов и обозных казаков, радиостанцию отбил.

К полковнику Топоркову, части которого занимали ряд хуторов к югу от Петровского, прискакало несколько вырвавшихся из Константиновки обозных казаков и сообщили ему, что я со своим штабом захвачен в плен. Полковник Топорков спешно выслал в Константиновку запорожцев, при приближении которых красные, бросив Константиновку, отошли, уведя наших пленных и разграбив захваченный обоз. Большинство наших вещей пропало, в том числе и ряд моих документов.

Между тем в районе села Петровского противник с рассветом перешел в наступление. Части полковника Улагая держались, но положение его было тяжелое, главным образом ввиду недостатка патронов. Я поехал к нему и, подъезжая к Петров-

скому, нагнал казака с приказанием от генерала Чайковского, заменившего временно командовавшего отдельной бригадой генерала Чеготовского. Генерал Чайковский писал полковнику Улагаю о том, что «командир корпуса со штабом попал в плен, что он, генерал Чайковский, как старший, вступает в командование корпусом и приказывает немедленно начать отход». Расписавшись в прочтении, я тут же на приказании написал: «В плен не попадал, приказываю наступать» — и отправил казака обратно. До самого вечера наши части удерживали свои позиции, однако к вечеру, расстреляв патроны, вынуждены были отходить. Отдав распоряжение полковнику Топоркову оттягиваться к Константиновке, я поехал к полковнику Улагаю, части которого все еще держались на гребне к северу от Петровского. Приказав ему также стягивать свои части и отходить на Благодатное, я вдвоем с офицером-ординарцем, бывшим моим однополчанином по конной гвардии князем Оболенским, недавно прибывшим в корпус, спустился в село Петровское, чтобы догнать отходящие на Константиновку части. Солнце скрылось за горизонтом, сумерки быстро сгущались. Огромное село Петровское казалось мертвым. Последние разъезды оставили местечко, жители, ожидая прихода красных, боязливо попрятались по домам. Впереди нас у железнодорожной переправы еще слышались выстрелы. Я толкнул лошадь крупной рысью, спеша скорее выйти из местечка. Вот и река Калаус. Впереди чернеет железнодорожный мост. Неожиданно на соседней улице затрещали выстрелы и несколько пуль просвистели у самого уха. Наметом выскочили мы на мост. Подо мною был серый конь, недавно подаренный мне полковником Мурзаевым, казаки которого отбили коня у красных. Светлая лошадь была в темноте хорошо видна и давала возможность красным пристреляться. Князь Оболенский толкнул своего коня и, обогнав меня, поскакал со мною рядом, заслонив от выстрелов. «Ты куда, назад», — крикнул я. Но он, прикрывая меня собой, продолжал скакать рядом... Мы проскочили мост и вскоре нагнали нашу заставу...

С рассветом противник возобновил наступление. Прикрывая Константиновку и Благодатное, корпус в течение всего дня удерживал свои позиции. Патроны были совсем на исходе, в запасе ничего не имелось. Я второй день телеграфировал в ставку, прося срочной присылки огнеприпасов, разослав ординарцев в Ставрополь и к генералу Казановичу с просьбой помочь патронами. Начальники частей не переставали требовать скорейшей присылки огнеприпасов, донося, что дальше держаться не могут. Положение становилось тяжелым, раньше полудня 14-го я подхода транспорта с патронами ожидать не мог. Между тем дальнейшее наступление противника грозило потерей Константиновки, что создавало угрозу левому

флангу соседней дивизии генерала Казановича. Наступила ночь. Полки заночевали на позициях. В десять часов вечера прибыл от полковника Топоркова офицер-ординарец и привез перехваченный приказ противника, в коем красным приказывалось в шесть часов утра 14-го перейти в общее наступление. Я решил вырвать у противника инициативу и самому атаковать его прежде, чем он успеет перейти в наступление. Тут же по телефону я отдал необходимые приказания начальникам дивизий. Оставив на позиции у Константиновки полковника Топоркова с одной спешенной бригадой, я сосредоточил все остальные части к своему левому флангу в районе хутора Писаренки на полдороге между Благодарным и Петровским, объединив их под общим начальством полковника Улагая. Все оставшиеся еще в корпусе патроны были переданы полковнику Топоркову, для чего их отбирали у казаков частей полковника Улагая, обозных и в тыловых командах. Едва засерел восток, полковник Улагай построил свои части в боевой порядок и в пять часов, за час до намеченного приказом противника наступления, атаковал последнего в конном строю, прорвал фронт и обрушился на неприятельские полки, не успевшие еще закончить сосредоточение к месту атаки. Красные были окончательно ошеломлены и обратились в паническое бегство, преследуемые казаками, стремясь укрыться за Калаус. Значительное число красных было изрублено, многие потонули в реке, наши части овладели Петровским и в последующие дни с помощью подошедшего ко мне пластунского батальона закрепились на высотах к северу и востоку от местечка.

Я решил, используя выдвинутое положение моих частей, помочь генералу Казановичу. 21 ноября, оставив заслоном на фронте Донская балка — Петровское — Николина балка 2-ю кубанскую дивизию, я сосредоточил в районе железнодорожной станции Кугуты 1-ю конную дивизию и сводную бригаду под общим началом полковника Топоркова и, выдвинувшись ночным переходом к югу, на рассвете 22 ноября атаковал у села Спицевки красных, действовавших против генерала Казановича, в тыл. Противник был разбит наголову. Мы захватили 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. 1-й армейский корпус к вечеру 22 ноября подошел к реке Калаус.

Я верхом выехал встречать возвращающиеся полки. На встречу попадались конвоируемые казаками группы пленных, лазаретные линейки с тяжело ранеными, отдельные легко раненные. Встречавшиеся раненые казаки весело отвечали на приветствие. Навстречу ехал накрытый брезентом транспорт. На облучке сидело два казака, я поздоровался. Казаки ответили как-то урюмо.

— Как дела? — спросил я.

— Плохо, командира полка убили.

Тут только я заметил свешивающиеся из-под брезента ноги, я снял шапку и перекрестился:

— Кого именно?

— Их высокоблагородия полковника Мурзаева.

Смерть полковника Мурзаева была тяжелой потерей для корпуса. Это был способный, редкой доблести и огромного порыва начальник.

23-го полки вернулись с набега, а 24-го противник вновь перешел в наступление у Петровского. К девяти часам утра, потеснив наш правый фланг, противник овладел рядом хуторов к югу от местечка и в 7 верстах южнее Петровского захватил железнодорожный пункт. Около полудня 1-я дивизия перешла в контратаку. Полковник Топорков отбросил противника за Калаус. И, прижав его к скалистому гребню в районе Донская балка, разбил наголову. Мы захватили 1500 пленных, 30 пулеметов и батарею в полной запряжке. Преследуя врага, наши части выдвинулись на линию хутора Бурцева — озеро Маховое — Камбулат. В течение четырех дней нами взято 3500 пленных, 70 пулеметов, 11 пушек и большое число обозов.

Я получил телеграмму от главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством за отличия в генерал-лейтенанты.

Успехом корпуса я обязан был блестящей работе моих помощников, начальников дивизий. Я представил полковников Улагая и Топоркова, а также отсутствующего полковника Науменко к производству в генерал-майоры.

Все трое были достойнейшие офицеры. Полковники Топорков и Улагай оба отлично командовали своими дивизиями. Первый, выслужившийся из казаков, природным чутьем отлично разбирался в обстановке. Совершенно исключительной храбрости, огромного порыва и ничем непоколебимой твердости, он всегда близко стоял к своим войскам, жил с ними одной жизнью, разделяя все тяготы боевой службы и увлекая в тяжелые минуты личным примером. Раз отданное начальником приказание Топорков неуклонно выполнял, не считаясь ни с какими препятствиями; в этом отношении он иногда пересаливал и в стремлении выполнить поставленную задачу нес подчас излишние потери. Полковник Улагай был натурой несравненно более сложной; нервный, до болезненности самолюбивый, честный и благородный, громадной доблести и с большим военным чутьем, он пользовался уважением среди своих офицеров и казаков. Отлично разбираясь в обстановке, он умел ее использовать и проявить вовремя личный почин и находчивость. Обладая несомненным талантом крупного кавалерийского начальника, он имел и недостатки: неровность характера, чрезмерную, иногда болезненную

обидчивость, легко переходил от высокого подъема духа к безграничной апатии, приступая к выполнению задачи, готов был подчас искать в ней непреодолимые к этому препятствия, но раз решившись на что-нибудь, блестяще проводил решение в жизнь.

К концу ноября наши части вышли на линию реки Калаус. От Невинномысской вдоль линии Владикавказской железной дороги наступала наша пехота (10 000 штыков и шашек, 30 орудий), объединенная под начальством генерала Ляхова, долгое время в Персии командовавшего нашими казаками. На правом фланге его в Баталпашинском отделе работали казаки полковника Шкуро. К северу от частей генерала Ляхова действовал 1-й армейский корпус (1-я кубанская и 1-я пехотная дивизии, 6800 штыков и шашек, 21 орудие) под общим начальством бывшего начальника последней храброго генерала Казановича. Далее, в районе Петровского, находился мой корпус (6200 штыков и шашек, 20 орудий). Левее меня, к югу от Маныча, в районе Большой и Малой Джалги, станицы Винодельная и Предтеча оперировал отряд из трех родов войск генерала Станкевича (2-3 тысячи при 4 орудиях). Против наших частей находилась 11-я армия красных, общей численностью около 70 000 штыков и шашек при 80-100 орудиях, расположившихся в четырех группах; против генерала Станкевича между озером Маныч и с. Овощи — 15 000, против моего корпуса — 10 000; против частей генерала Казановича — 10 000; против генерала Ляхова — 20 000. В резерве в районе Кизляр — Моздок — Грозный — 12 000. В последних числах ноября красные перешли против частей генерала Станкевича в наступление и после ряда боев оттеснили их почти до железнодорожной линии Торговая — Великокняжеская, заняв села Тахра и Немецко-Хатинское. Важный для нас железнодорожный путь Торговая — Екатеринодар находился под угрозой. Приказом генерала Деникина отряд генерала Станкевича был подчинен мне, и я получил задачу, удерживая Петровское, разбить группу красных, действовавших против частей генерала Станкевича, отбросить ее за реку Калаус и прочно прикрыть ведущие к Торговой пути к югу от Маныча.

Оставив заслон в районе Петровского, 1-й конный корпус перешел в наступление на север и, двигаясь обоими берегами реки Калаус, разбил противника у Николиной балки, Предтечи и Винодельного. Под угрозой быть прижатым к болотистому Манычу, неприятель начал поспешный отход на восток. Генерал Станкевич перешел в наступление. К 1 декабря поставленная корпусу задача была полностью выполнена. Вверенный мне отряд занял широкий фронт Петровское — Винодельное — Кистинское.

За последние три месяца части корпуса пополнились. Освобожденная Кубань дала в полки значительные пополнения,

и, несмотря на большие потери в непрерывных боях, боевой состав частей стал вполне достаточным. Пополнились значительно артиллерия, технические и тыловые команды. Все эти части укомплектовывались главным образом за счет пленных красноармейцев. Также пополнился и стрелковый полк полковника Чичинадзе, работавший прекрасно. После разгрома на Урупе и Кубани красные, стремясь пополнить свои поредевшие ряды, стали прибегать к широкой мобилизации, штыками и пулеметами заставляли идти за собой население из ближайших прифронтовых деревень. Поставленные насильно в ряды дрались, конечно, неохотно, при первой возможности сдавались в плен и в наших рядах, сражаясь за освобождение родных сел, дрались отлично. Правда, по мере очищения области от красных и продвижения наших войск вперед часть из этих пополнений, освободив родное село или хутор, пыталась всячески уклониться от дальнейшей службы, но все же значительный процент продолжал добросовестно служить. Огромная, попавшая в наши руки после разгрома Таманской армии добыча дала возможность полностью снабдить всем необходимым части, создать полковые, дивизионные и корпусные запасы. Из захваченных повозок были сформированы санитарные, артиллерийские и интендантские транспорты. Попавшие в наши руки технические средства в связи с значительно развитыми местными телеграфными линиями дали возможность обеспечить связь.

Разбитый, потерпевший огромные потери противник против нас казался совершенно деморализованным, и активных действий с его стороны в ближайшие дни ожидать было трудно. Я решил воспользоваться боевым затишьем и на месте в Екатеринодаре добиться разрешения целого ряда существенных для корпуса вопросов.

Получив разрешение генерала Деникина и вытребовав себе из Ставрополя в Петровское вагон, я выехал в Екатеринодар, передав корпус только что произведенному в генералы Улагаю. Я нашел Екатеринодар еще более переполненным, нежели три месяца назад. Несмотря на то, что, предупрежденный о моем приезде, войсковой штаб отдал приказание отвести мне место в войсковой гостинице, таковой номер удалось получить лишь через несколько дней, и первые дни пришлось жить в моем вагоне.

Генерал Деникин встретил меня очень сердечно. Много благодарил за блестящие действия корпуса и обещал всем, что от него зависит, корпусу помочь, приказав мне о всех нуждах корпуса сообщать начальнику штаба. У последнего встретил я весьма любезный прием, однако ни по одному вопросу весьма определенного, исчерпывающего ответа получить не мог. Генерал Романовский в большинстве случаев уклонялся от решительного ответа, не давал определенных обещаний, избегал

и отказов... Штаб с его бесконечными отделами страшно распух и утопал в море бумаги. Забывая и откладывая разрешения самых насущных повседневных мер, штаб главнокомандующего занимался разрешением и изучением целого ряда вопросов, быть может, и существенных, но имевших в данной обстановке скорее академическое значение: пересматривались и разрабатывались уставы, заседали комиссии по разработке организации высших войсковых соединений...

В одну из таких комиссий по изучению организации конницы попал и я. Созданию мощной конницы в условиях настоящей войны, где маневр имел первостепенную роль, я придавал огромное значение. Зная казаков, я в полной мере учитывал, что, по освобождению казачьих земель, они неохотно примут участие в дальнейшей нашей борьбе, и считал необходимым безотлагательно позаботиться восстановлением частей регулярной конницы. Большое число офицеров-кавалеристов оставалось без дела и служило в пехотных частях сплошь и рядом рядовыми. Ценнейшие кадры лучшей в мире конницы таяли. Между тем от того ли, что среди лиц штаба, начиная с главнокомандующего, за немногими исключениями, большинство были пехотными офицерами, к мысли о необходимости создания регулярных кавалерийских частей верхи армии относились не только безразлично, но явно отрицательно.

Я подал отдельную докладную записку, в коей, настаивая на необходимости безотлагательно приступить к воссозданию регулярных кавалерийских частей, указывал ввиду успешного проведения этой мысли в жизнь создать особый орган — инспекцию конницы. Внесенная в комиссию, моя записка была поддержана всеми членами комиссии единогласно. Записка была передана генералу Романовскому, однако и по этому вопросу определенного ответа получить не удалось.

Приезд мой в Екатеринодар совпал с выбором Краевой Радой атамана. Правые элементы Рады поддерживали старого атамана, генерала Филимонова, левые, «самостийные» группы выставляли кандидатуру председателя Рады, Быча. Вокруг предстоящих выборов шла ожесточенная борьба. Борьба эта в казачьих частях и широкой массе казачества сочувствия не имела. Мне представлялось, что всякие политические выступления, всякая борьба в тылу, в то время, когда на фронте идут кровопролитные бои, наносят непоправимый ущерб нашему делу. Всякое послабление с этой стороны главнокомандующего могло быть, по моему мнению, чревато последствиями. Хорошо зная казаков, я не сомневался в том, что мощный окрик генерала Деникина в корне пресек бы все эти выступления и что, наоборот, всякое послабление, всякое искание властью компромисса было бы учтено как слабость ее, и неизбежным следствием чего явились бы новые домогательства местных

демагогов. При свидании моем в день приезда с генералом Деникиным я попытался затронуть этот вопрос, но главнокомандующий от дальнейшего разговора уклонился. Генерал Драгомиров сообщил мне, что находящиеся в Екатеринодаре генерал Покровский и полковник Шкуро также настаивали на необходимости положить предел недопустимым выступлениям некоторых групп Рады. Однако генерал Деникин, по видимому, был другого мнения.

На заседание Краевой Рады прибыл, кроме генерала Покровского и полковника Шкуро, целый ряд офицеров из армии. Несмотря на присутствие в Екатеринодаре ставки, как прибывшие, так и проживавшие в тылу офицеры вели себя непозволительно распушенно, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно вел себя полковник Шкуро. Он привел с собой в Екатеринодар дивизион своих партизан, носивший наименование «волчий». В волчьих папах, с волчьими хвостами на бунчуках, партизаны полковника Шкуро представляли собой не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими «волками» несли про улицам города с песнями, гиком и выстрелами. Возвращаясь как-то вечером в гостиницу, на Красной площади увидел толпу народа. Из открытых окон особняка лился свет, на тротуаре под окнами играли трубачи и плясали казаки. Поодаль стояли, держа коней в поводу, несколько «волков». На мой вопрос, что это значит, я получил ответ, что это «гуляет» полковник Шкуро. В войсковой гостинице, где мы стояли, сплошь и рядом происходил самый бесшабашный разгул. Часов в 11-12 вечера являлась ватага подвыпивших командиров, в общий зал вводились песенники местного гвардейского дивизиона и на глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попоек под председательством генерала Покровского закончилась трагично. Офицер-конвоец застрелил офицера Татарского дивизиона. Все эти безобразия производились на глазах штаба главнокомандующего, о них знал весь город, и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат.

Наконец состоялись выборы. Выбранным оказался генерал Филимонов. Весьма разумный, тонкий, осторожный, но не обладавший, как показали дальнейшие события, необходимой твердостью и не сумевший удержать в своих руках атаманскую булаву.

Начатая генералом Корниловым героическая борьба ширилась, и казалось, что значение ее начинала учитывать Европа. С целью изучения возможностей помочь нам необходимым снабжением прибыли в Екатеринодар представители английского и французского правительств. Во главе миссий

стояли: английской — генерал Пулль, и французской — капитан Фуккэ. В ближайшее время миссии выезжали на фронт для ознакомления на месте с нуждами войск.

11 ноября нового стиля на Западном фронте было заключено перемирие. Германская армия развалилась, и немецкие оккупационные войска, охваченные русской заразой, распродавая оружие и снаряжение, толпами бежали домой.

На Украине произошло то, что неизбежно должно было случиться. Посаженный немцами и державшийся немецкими штыками, Скоропадский пал, скрывшись в Германию. В Киеве предательски был убит герой Галиции, генерал граф Келлер. Уцелевшие офицеры бежали на Дон и Кавказ. Здесь генерал Краснов, в то время учтя падение Германии, умело использовавший немцев и сумевший создать собственную армию, ныне вел переговоры с союзниками. Эти переговоры велись им независимо от переговоров с союзными державами генерала Деникина.

Перед общей целью, перед лицом общей опасности вожди не сумели еще найти общего языка.

В штабе главнокомандующего жестоко обвинили генерала Краснова в нежелании «подчиниться», в «нежелании признать власть генерала Деникина». По-видимому, в штабе донского атамана такие же упреки раздавались по адресу главнокомандующего.

Борьба против насильников родины разгоралась и на других концах Русской Земли. 18 ноября социалистическое Омское правительство было сброшено и во главе сибирских армий стал адмирал Колчак. На севере, вдоль Мурманской железной дороги войска объединил генерал Миллер, в Прибалтике формировались части генералом Юденичем. Черная мгла, нависшая над Россией, казалось, рассеивалась...

Я оставался в Екатеринодаре, тяготясь екатеринодарской жизнью и стремясь скорее вернуться к себе в корпус, однако разрешение штабом важных для меня вопросов бесконечно оттягивалось. Между тем противник, оправившись и подтянув подкрепления, вновь перешел в наступление против частей генерала Улагая, овладел Кистинским и Винодельным и быстро продвигался на запад. В ставке заволновались, и генерал Романовский прислал мне записку с приказанием главнокомандующего спешить с возвращением в корпус и принять меры для восстановления нашего положения. Я вызвал по прямому проводу начальника штаба генерала Улагая. Последний принял уже необходимые меры, сосредоточивал свои части к югу от Винодельного, имея целью повторить прежний наш маневр. Я дал начальнику штаба корпуса несколько дополнительных указаний и в тот же вечер выехал в Петровское, а оттуда верхом в корпус. В Петровском я получил донесение генерала Улагая об удачном для нас деле. Генерал Улагай

нанес противнику жестокое поражение, захватив много пленных, и продолжал продвигаться к нему, угрожая тылу красных. В бою под Винодельным особенно отличились стрелки полковника Чичинадзе.

Вечером, прибыв в Винодельное, я отдал приказ генералу Станкевичу также перейти в наступление. Через два дня наше положение было полностью восстановлено.

В бытность мою в Екатеринодаре я ходатайствовал об отводе корпуса в резерв главнокомандующего, чтобы дать возможность полкам произвести перековку. Не добившись определенного ответа на мое ходатайство, я отдал приказ полкам немедленно приступить к перековке, используя боевое затишье. В последних боях противник был окончательно потрепан. Деморализация в рядах противника усиливалась, и за последние дни была масса перебежчиков. Обстановка исключала на долгое время возможность активности красных на нашем фронте. Общее положение, однако, не дало нам возможности продолжительного отдыха.

В середине декабря противник, сосредоточив значительные силы в районе станции Медведское — Шишкино, в пятнадцати верстах от села Петровское, перешел в решительное наступление против 1-го армейского корпуса генерала Казановича, выдвинувшегося к этому времени на фронт Грушевка — Ореховка, отбросил его и, нанеся громадные потери, вынудил вновь отойти за реку Калаус. По донесению генерала Казановича, его части, в случае дальнейшего продвижения противника, не были в состоянии продолжительное время оказывать сопротивление. Дальнейших отход к Ставрополю 1-го армейского корпуса создавал серьезную угрозу общему нашему положению. Я решил, невзирая на большое утомление моих частей после трехмесячных непрерывных боев, предложить главнокомандующему оказать помощь 1-му армейскому корпусу, для чего, заслонившись на фронте Петровское — Маньч, широким маневром охватить и нанести удар в тыл действующей в районе Медведское — Шишкино группе красных. За несколько дней перед этим бригада генерала Чайковского (Офицерский конный и Черноморский казачий полки) вышла из состава корпуса, а вновь сформированный 2-й Лабинский казачий полк вошел в состав 1-й конной дивизии.

Главнокомандующий одобрил мои предположения; сосредоточив в районе Петровского екатеринодарцев, линейцев, лабинцев, уманцев, запорожцев и пластунов под общим начальством произведенного в генералы Топоркова, я отдал последнему приказание 21-го на рассвете двинуться усиленным переходом в общем направлении на Александрию и, выйдя в тыл красных, атаковать их в направлении Шишкино — Медведское. Прибыв 20-го в Петровское, я нашел телеграмму о выезде генерала Деникина в сопровождении союзнических

миссий на фронт. Вечером меня вызвал из Ставрополя к аппарату главнокомандующий. По донесению генерала Казановича, тяжелое положение его корпуса исключало возможность осмотра частей союзническими миссиями. Генерал Деникин спрашивал, возможен ли приезд их в 1-й конный корпус и что я могу им «показать». Я ответил, что «могу показать лишь, как кубанцы бьют большевиков». И просил главнокомандующего, буде возможно, прибыть ночью, дабы с рассветом выступить с колонной генерала Топоркова.

Приказав полковнику Бабаеву, который с корниловцами и стрелками оставался для прикрытия Петровского, назначить взвод казаков в почетный караул и сделать все необходимые распоряжения для встречи гостей, я отдал директиву корпусу. Директива была переведена на английский и французский, и к ней была приложена схема обстановки с соответствующей объяснительной запиской, последняя также в переводе. За всеми хлопотами мне не пришлось за всю ночь лечь. В 4 часа утра я был уже на вокзале. Вскоре подошел поезд. Генерал Деникин, генерал Пуль, капитан Фуккэ и лица свиты были уже одеты, и мы, сев верхом, тронулись в путь.

Стало понемногу сереть, бесконечно, куда хватал глаз, чернела пустынная степь, местами прорезанная глубокими оврагами; кое-где одиноко темнели курганы; утро было туманное, изредка моросил дождь, и черноземная размокшая, покрытая лужами дорога не позволяла двигаться быстро. На дороге попадались оставшие от обозов повозки, местами безнадежно завязшие в грязи. Отъехав верст 15, мы нагнали большой обоз, стоявший на привале; тут же находилось несколько орудий. Генерал Топорков, оставив тяжести и часть артиллерии в тылу, выпяженными лошадьми усилил артиллерийские запряжки. В некоторых батареях тела орудий были сняты и везлись на телегах. Части двигались весьма медленно. Лошади и люди вязли в грязи, скользили и падали. Пластуны, шедшие с первой бригадой, значительно отставали от своей колонны. Лишь к четырем часам дня авангард правой колонны, при которой следовали мы, наступая дорогой Петровское — озеро Маховое — Шишкино, обойдя фланг противника, спустился в долину реки Сухая-Буйвола и завязал перестрелку с красными. С четырех часов утра мы ничего не ели и почти не слезали с лошадей. Отвыкшие от походной жизни, не втянутые в езду, главнокомандующий, чины штаба и иностранцы окончательно заморились. Выбрав удобный наблюдательный пункт, я предложил генералу Деникину оставаться здесь, сам же просил разрешения проехать вперед, чтобы руководить боем.

При генерале Деникине я оставил начальника штаба корпуса полковника Соколовского с моим конвоем, приказав ему, выждав подход 2-х отставших орудий и пластунов и объ-

единив под своим командованием эти части, наступать на деревню Сухая-Буйвола, где наш боковой отряд завязал перестрелку. Медленно тянулась мимо нас колонна, спускаясь крутым берегом в долину речки. Главнокомандующий здоровался с полками.

Вдвоем с офицером-ординарцем я, обгоняя колонну, проехал вперед. Наша лава медленно карабкалась на правый берег реки. Со стороны деревни Шишкино слышались выстрелы. Далеко вправо в районе деревни Сухая-Буйвола наш боковой отряд вел перестрелку. Левее была видна подходившая к деревне Александрия 2-я бригада. У самой переправы мелькал значок генерала Топоркова и виднелась группа чинов его штаба. То там, то здесь над колонной вспыхивали дымки шрапнелей. Наша лава поднялась на холмистый гребень. Там за гребнем часто стучали выстрелы. Мы с генералом Топорковым рысью выехали вперед. Лава лабинцев маячила перед деревней, не решаясь атаковать.

Поднимаясь в гору, подходил Екатеринодарский полк. Полком командовал молодой офицер, полковник Лебедев. Приказ о его производстве в штаб-офицеры в корпусе был лишь накануне, и Лебедев, только сегодня об этом узнавший, не успел еще надеть полковничьих погон. Я подсказал к полку, поздравился с казаками и обратился к командиру полка: «Полковник Лебедев, поддержите штаб-офицерские погоны, в атаку». Полковник Лебедев выскочил вперед, раздалась команда: «шашки к бою, строй фронт, марш, марш», екатеринодарцы понеслись. Огонь усилился, скользили и падали кони, но казаки неслись неудержимо. Вскоре рубка шла на улицах села, откуда врассыпную бежали люди, скакали повозки, лазаретные линейки, походные кухни. Из соседней деревни Медведское на восток быстро отходила длинная колонна обозов, ей наперерез из Александрии спешили полки 2-й бригады. В бинокль был виден втягивающийся в деревню Сухая-Буйвола отряд полковника Соколовского. Темнело; одно за другим стали поступать донесения. Полковник Соколовский занял Сухую-Буйволу, захватив пленных, пулеметы и батарею. Почти одновременно с ним в деревню вошла и конница 1-й кубанской дивизии генерала Покровского, действовавшая на левом фланге 1-го армейского корпуса; екатеринодарцы, линейцы, лабинцы, овладев Шишкином и Медведским, также захватили много пленных, пулеметы и орудия. Противник на всем фронте отходил в направлениях на Благодатное, Елизаветинское и Новосельцы.

Отдав необходимые распоряжения, я поехал назад. Стало совсем темно. Генерал Деникин уже проехал на Петровское, и я поспешил возвратиться, дабы застать главнокомандующего до его отъезда. Дорога казалась бесконечной. Заморенные кони двигались с трудом. Наконец мы добрались до Петров-

ского. Дом, занятый штабом, был ярко освещен. Я застал генерала Деникина с иностранными гостями за ужином. Только что главнокомандующему было доставлено посланное мною донесение с места боя. Генерал Деникин его громко прочел, и меня встретили криками «ура». Несмотря на то, что все сильно проголодались, гости ели неохотно. Все очень заморились и спешили лечь.

В 11 часов гости уехали, я оставался еще в штабе, чтобы отдать несколько необходимых распоряжений; а затем проехал на вокзал проводить главнокомандующего. Весь поезд еще спал, и я, приказав дежурному офицеру передать главнокомандующему пожелание счастливого пути, вернулся домой и заснул как убитый. Я не спал полтора суток и за последние сутки сделал верхом не менее ста верст.

Победа 21 декабря стоила противнику 1000 пленных, 65 пулеметов и 12 орудий. Огромные обозы красных попали в наши руки, 1-й армейский корпус генерала Казановича вновь выдвинулся на линию Медведское — Грушовка — Калиновка. Приказом главнокомандующего части 1-го армейского корпуса генерала Казановича, 1-го конного корпуса и отряд генерала Станкевича объединились в отдельную армейскую группу под моим начальством.

Наступающий новый год застал части корпуса на подходе в Ногайских степях.

Прошлое темно, будущее неясно, но рассвет как будто уже брезжит, прорезывая кровавую тьму, покрывшую русскую землю...

За два дня до нового года я получил неожиданно телеграмму главнокомандующего о назначении меня командующим Добровольческой армией; впредь до выполнения поставленной мне вверенной группе войск задачи, временно командовать армией приказывалось начальнику штаба генералу Романовскому. Переговоры между главнокомандующим и Донским атаманом наконец привели к соглашению 26 декабря во время свидания в Торговой главнокомандующего и Донского атамана. Генерал Деникин объединил командование Добровольческой и Донской армиями, приняв звание Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. Я совершенно не ожидал нового назначения. Оно обрадовало меня, дав возможность приложить силы и знания свои в широком масштабе и показав, что главнокомандующий доверяет мне и ценит мою работу. В то же время мне было грустно расставаться с моим славным корпусом и, неизбежно оторвавшись от войск, отдалиться от столь близкой мне боевой жизни.

10 января я вступил в командование Кавказской Добровольческой армией...

На следующий день генерал Деникин вернулся в Екатери-

нодар, а я горячо принялся за работу. Еще в первые дни смуты на Минеральные Воды бежало из главных городов России большое число зажиточных и принадлежащих к верхам армии и бюрократии лиц. Все они, особенно за последнее время владычества красных, подвергались жестокому преследованию. По мере приближения наших войск красный террор усиливался, свирепствовали обыски и расстрелы. В числе расстрелянных оказались и бывший главнокомандующий северным фронтом генерал Рузский, и герой Галиции генерал Радко-Дмитриев. Кто лишился мужа, кто сына, кто брата. Большинство потеряли последнее свое достояние. Теперь эти несчастные, не смея верить еще свое избавление и ежедневно ожидая возвращения врага, спешили пробраться в тыл, забывая вокзалы и вагоны. В Кисловодске, Пятигорске, Железноводске и Минеральных Водах осталось значительное число большевиков, не успевших бежать с красными войсками и ныне стремившихся пробраться поглубже в тыл, надеясь там, не будучи известными, надежно укрыться. Установить необходимый контроль было чрезвычайно трудно. С наступлением зимы в рядах Красной Армии стал свирепствовать сыпной тиф. При отсутствии порядка и правильно организованной медицинской помощи эпидемия приняла неслыханные размеры. За переполнением больниц тифозные заполняли дома, вокзалы, стоявшие на запасных путях вагоны. Умершие в течение нескольких дней оставались среди больных. Лишенные ухода, предоставленные самим себе, больные в поисках пропитания бродили до последней возможности по улицам города, многие, потеряв сознание, падали тут же на тротуары. Я привлек к работе все местные и имевшиеся ранее в моем распоряжении медицинские силы. Приказав очистить от больных и продезинфицировать вокзалы и вагоны, открыл ряд новых лазаретов и госпиталей, используя пакгаузы, кинематографы и т. п.

Между тем 1-й конный корпус, неотступно идя на плечах противника, непрерывно двигался вперед, захватывая пленных, орудия, пулеметы и обозы. Спеша нагнать свой корпус, проехал через Минеральные Воды генерал Покровский. Я беседовал с ним. Беседа эта подтвердила сложившееся у меня о нем мнение. Это был безусловно человек незаурядного ума и большой выдержки. Я знал, что он предупрежден о моем недоброжелательном к нему отношении, и тем более оценил спокойную, независимую и полную достоинства его манеру себя держать. Пробыв несколько дней в Екатеринодаре, вернулся в Минеральные Воды генерал Деникин. С ним приехал помощник его по гражданской части генерал Драгомиров; одновременно прибыл и генерал Ляхов.

Генерал Деникин пригласил меня и генерала Юзефовича на имеющее у него быть под его председательством военное

совещание. Кроме меня и генерала Юзефовича, присутствовали генералы Романовский, Драгомиров и Ляхов. Главнокомандующий ознакомил нас с общим положением на фронте наших армий и своими дальнейшими предположениями. Освобождающиеся за очищением Северного Кавказа от красных части Кавказской армии предполагалось перебросить в каменноугольный район, занятый нынче частями генерала Май-Маевского, с тем, чтобы в дальнейшем, заслонившись по линии Маныча слабым заслоном, главными силами развивать действия в общем направлении на Харьков. Я горячо возражал, со своей стороны предлагая освободившиеся части моей армии перебросить в район станицы Торговой с тем, чтобы в дальнейшем, по сосредоточении здесь армии действовать вдоль линии Царицынской железной дороги на соединение с сибирскими армиями адмирала Колчака, продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу. Генерал Романовский мне возражал, доказывая необходимость прежде всего обеспечить за нами жизненно необходимый нам каменноугольный бассейн и указывая на то, что харьковское направление, как кратчайшее к главному объекту действий Москве, должно почитаться главнейшим. Генерал Юзефович поддержал меня.

Мои и генерала Юзефовича доводы успеха не имели, и главнокомандующий оставил в силе свое решение перебросить освободившиеся части моей армии на Донецкий фронт.

По мере того, как я присматривался к генералу Деникину, облик его все более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший широкими военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей «железной дивизии» он имел ряд блестящих дел. Впоследствии, в роли начальника штаба верховного главнокомандующего, в начале смуты, он честно и мужественно пытался остановить развал в армии, сплотить вокруг верховного главнокомандующего все русское офицерство. Всем памятна была блестящая прощальная речь его, обращенная к офицерскому союзу в Могилеве. Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна. В то же время, говоря с войсками, он не умел овладевать сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толщу, исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого всегда держался, исключая все то, что, казалось ему, находится вне этих непререкаемых для него истин.

Сын армейского офицера, сам большую часть жизни проведший в армии, он, оказавшись на ее верхах, сохранил многие характерные черты своей среды, — провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком. От этой среды осталось у него бессознательное предубежденное отношение к «аристократии», «двору», «гвардии», болезненно развитая щепетильность, невольное стремление оградить свое достоинство от призрачных посягательств. Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе, боясь ошибиться, не доверял никому и в то же время не находил в самом себе достаточных сил твердой и уверенной рукой вести по бурному политическому морю государственный корабль...

Генерал Покровский, став во главе корпуса, продолжал гнать противника. Последний делал отчаянные усилия задержать наше победное движение и тем спасти себя от окончательного разгрома. В боях под Моздоком, станицами Калиновской и Мекенской, последние остатки некогда грозной своим числом и средствами 150 000-й армии были окончательно разгромлены. Немногие конные части, ища спасения, рассеялись по Астраханской степи. Вся же пехота, артиллерия, пулеметы и обозы попали в наши руки. Брошенные противником составы тянулись непрерывной лентой от станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст. Весь путь отступления красных был усеян брошенными повозками, орудиями, оружием, трупами убитых и умерших от болезней. В руки нашей конницы попало 8 бронепоездов, более 20 орудий, более 300 пулеметов и свыше 31 000 пленных. Наша конница подходила к Кизляру, разъезды ее достигли берегов Каспийского моря. За двенадцать дней преследования конница генерала Покровского прошла свыше 350 верст.

Получив известие о занятии нашими передовыми частями Кизляра, я решил проехать к генералу Покровскому, чтобы благодарить его части. Я проехал поездом до станции Узловой, далее путь оказался неисправным, и я продолжал путешествие на автомобиле. На всем пути из окна вагона видели мы следы беспорядочного стихийного отступления Красной Армии. Тянувшийся вдоль железной дороги тракт был усеян брошенными орудиями, повозками, походными кухнями, лазаретными линейками, трупами людей и лошадей. На останках железнодорожные станции и дома были набиты больными и ранеными. По мере продвижения вперед картина разгрома противника выявлялась все ярче.

Начиная от Моздока, до станции Наурской, Мекенской и Калиновской, на протяжении 65 верст, весь путь вдоль железной дороги был сплошь забит брошенной артиллерией и обозами, вперемешку с конскими и людскими трупами. Огром-

ные толпы пленных тянулись на запад по обочинам дороги. В изодранных шинелях, босые, с изможденными землистого цвета лицами, медленно брели тысячные толпы людей. Пленных почти не охраняли, два казака гнали две-три тысячи. Партии пленных, в значительном числе состоявших из больных, оставляли за собой большое количество отсталых. Выбившись из сил, больные люди падали тут же на грязной дороге и оставались лежать, безропотно ожидая смерти, другие пытались еще искать спасения, подымались и шли далее, шатаясь и падая, пока, окончательно выбившись из сил, не теряли сознание. Двое таких несчастных, перейдя предел человеческих страданий, бросились под колеса нашего поезда.

На одной из маленьких станций, сплошь забитой ранеными, больными, умирающими и мертвыми, я зашел в железнодорожную будку. В маленькой, в пять-шесть квадратных аршин комнате, лежали на полу плотно прижавшись друг к другу восемь человек. Я обратился с вопросом к ближайшему, ответа не последовало. Наклонившись к нему, я увидел, что он мертв. Рядом лежал такой же мертвец, далее тоже. Из восьми человек было семь трупов. Восьмой был еще жив, но без сознания. К груди своей, ища тепла, он плотно прижимал облезшую, худую собаку.

На станциях и железнодорожных разъездах стояли брошенные противником эшелоны с потухшими паровозами. Сбежавшееся из соседних деревень население растаскивало грузы. Среди всевозможных товаров, мануфактуры, посуды, снарядов, сельскохозяйственных машин, оружия, медикаментов лежали забившиеся в вагоны больные, вперемешку с трупами. В одном из вагонов я видел умирающего, под головой которого подушку заменял труп его товарища. На одном из разъездов нам показали поезд мертвцев. Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. Во всем поезде не оказалось ни одного живого человека. В одном из вагонов лежали несколько мертвых врачей и сестер. По приказанию генерала Покровского особые отряды производили очистку железнодорожных зданий от больных и трупов. Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки с сложенными, подобно дровам, окоченевшими, в разнообразных позах, мертвецами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу.

От станции Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст железнодорожный путь был забит сплошной лентой брошенных составов. Здесь были оставлены запасы неисчислимой стоимости: оружие, огнеприпасы, громадное количество медикаментов, медицинских инструментов, обувь, одежда, вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталем. Охранять все это было некому, и бесценные запасы расхищались населением окрестных деревень. Один из составов,

вероятно, от неосторожности, загорелся. Находившиеся в некоторых вагонах артиллерийские грузы взорвались. Чернел длинный ряд обгорелых вагонов, и на значительном пространстве кругом разбросаны были обезображенные трупы, среди них много женщин и детей.

Освобожденный от красного ига Терек подымался. Станицы, через которые мы проезжали, кишели народом. Скакали, спеша на сбор станичного правления, казаки. Шли в праздничных нарядах статные, красивые казачки. На околице одной из станиц мы встретили человек пятнадцать казачат с винтовками. Автомобиль застрял в грязи, и пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

— Куда идете, хлопцы?

— Большевиков идем бить, тут их много по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчера с семерых убил, — в сознании совершенного подвига заявил один из хлопцев, казаченок лет двенадцати, в бешмете и огромной лохматой шапке.

Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны.

Нагнав генерала Покровского на подходе к Кизляру, куда он в этот день переносил свой штаб, я отдал ему распоряжение оставаться с частью сил в Кизлярском отделе, а прочие силы направить под командой генерала Шатилова на юг к устью реки Суджи, с целью перехватить бегущую от Владикавказа 12-ю армию красных. Поблагодарив полки, я в тот же день выехал обратно в Минеральные Воды.

Одновременно с занятием генералом Покровским Кизляра часть его конницы заняла город Грозный. В то же время Кавказская казачья дивизия недавно произведенного в генералы Шкуро и пластуны генерала Геймана после упорного боя овладели Владикавказом и начали очищение плоскостных ингушских аулов, где держались еще части 12-й Красной армии; прижатые к Кавказскому хребту, красные пытались прорваться к морю долиною реки Суджи. Подоспевшие части генерала Шатилова успели их перехватить; в жестоких боях под станицами Самашинской, Михайловской и Слепцовской окончательно разгромили врага, захватили 7 бронепоездов, всю его артиллерию и более 10 000 пленных.

Северный Кавказ был освобожден. Армии генерала Деникина отныне имели обширную базу, бесконечно богатую местными средствами, огромным запасом людей и всем необходимым для обеспечения широких операций его войск.

Через несколько дней по возвращении из поездки моей к Кизляру я вновь занемог. Поднялась температура, сильная головная боль не оставляла меня целые дни. Несколько дней я перемогал себя, оставался на ногах и продолжал заниматься делами. Однако вскоре должен был слечь. По прошествии нескольких дней выяснилось, что я заболел сыпным тифом, ко-

торый свирепствовал кругом. Совсем больной переехал я в Кисловодск, где подготовлены были помещения для меня и штаба, нашел в себе еще силы проехать в автомобиле с вокзала на отведенную мне дачу и подняться во второй этаж. В тот же вечер я стал временами терять сознание. Жар поднимался, меня душили страшные кошмары. Ко всему этому прибавились повторяющиеся сердечные спазмы, бесконечно мучительные. Генерал Юзефович и его жена в эти дни проявили ко мне трогательную заботливость. Я был прекрасно обставлен, для лечения были приглашены профессор Ушинский и в помощь ему несколько врачей, поочередно дежуривших. Через несколько дней прибыл вызванный из Екатеринодара известный бактериолог профессор Юрьевич.

Генерал Юзефович вызвал телеграммой из Крыма мою жену. Она нашла меня в положении очень тяжелом. Я с трудом узнал ее и через несколько часов после ее приезда впал в полное беспамятство. Положение мое все ухудшалось. На пятнадцатый день болезни оно стало почти безнадежным. Врачи отчаялись спасти меня. Профессор Юрьевич предупредил жену, что она должна быть готова к худшему. Генералу Юзефовичу профессора объявили, что я едва ли доживу до утра. Жена решила пригласить священника исповедовать и причастить меня. В дом доставлена была пользовавшаяся большим почтом жителей Чудотворная Икона Божьей Матери. Я был без сознания, и исповедь могла быть только глухая. Однако во время исповеди я неожиданно пришел в себя, в полном сознании исповедовался и приобщился, но после причастия вновь впал в беспамятство. Отслужив молебен, батюшка ушел, а жена осталась у моего изголовья, ежечасно ожидая моей смерти.

Я беспрерывно бредил, вдруг начинал командовать, отдавал боевые распоряжения. Иногда бред становился совершенно бессвязным, и я бесконечно повторял одно какое-нибудь слово. К утру я окончательно изнемог.

Неожиданно к вечеру шестнадцатого дня болезни температура стала падать, на семнадцатый день наступил кризис, и я был спасен. Спасению моему я, конечно, обязан тому исключительному уходу, которым был окружен, и, главным образом, беззаветному самоотвержению жены, не отходившей от меня за все время моей болезни.

Выздоровление было длительно и мучительно. Я был страшно слаб, сильно болели ноги. Лишь в середине марта смог я перейти из постели в кресло. В первые дни начала выздоровления я получил чрезвычайно сердечное письмо от генерала Деникина.

Он поздравил меня с избавлением от смертельной опасности и пожелал скорейшего выздоровления. Письмо было чрезвычайно теплое и искренне меня растрогало. Зная, что я стеснен в средствах и что лечение мое стоило больших денег,

генерал Деникин отдал генералу Юзефовичу распоряжение покрыть расходы по лечению моему из казенных средств. С большим трудом я смог направить генералу Деникину ответ. Я несколько раз должен был прерывать письмо, не находя в себе силы его окончить...

На шестой неделе Великого поста и я прибыл в Екатеринодар...

Несмотря на падение Крыма, в котором общественное мнение единодушно обвиняло генерала Боровского, на осложнения с Грузией, на тяжелые и малоуспешные для нас бои в каменноугольном бассейне, в ставке настроение было чрезвычайно оптимистическое. Начальник штаба, генерал-квартирмейстер и прочие лица, с коими пришлось мне беседовать, казалось, уделяли военным операциям второстепенное значение. Все интересы и разговоры вертелись вокруг политики.

Обещанная иностранцами широкая военная помощь уже начинала сказываться. В Новороссийск постоянно прибывали груженные артиллерийским и инженерным имуществом, обмундированием и медикаментами пароходы. В ближайшее время ожидалось прибытие большого числа аэропланов и танков. На всем освобожденном Кавказе прочно устанавливалась власть главного командования. Ингушетия и Дагестан были окончательно замирены. Непрекращающаяся глухая внутренняя борьба между главным командованием и Доном закончилась победой генерала Деникина. Непокорный генерал Краснов только что передал атаманскую булаву генералу Богаевскому, последний, мягкий человек, явился послушным орудием ставки. На Кубани и Тереке власть главного командования была почти неограниченной. Правда, в Екатеринодаре между ставкой и местной властью в лице атамана и правительства не обходилось без трений.

Атаман генерал Филимонов горько жаловался мне на чинимые генералом Деникиным кубанцам незаслуженные обиды, на постоянно подчеркиваемое ставкой пренебрежительное отношение к нему и местным властям. На то же горько сетовал и походный атаман генерал Науменко, указывая, что, признав наравне с Доном автономию и прочих казачьих новообразований, главное командование в то же время сплошь и рядом по отношению к Кубани нарушает свои обязательства. В то время, как Дон имел свою Донскую армию, подчиненную генералу Деникину лишь в оперативном отношении, Кубань, пославшая на защиту родины большую часть своих сынов, этого права была фактически лишена. В то время, как в Донской армии назначения, производства исходили непосредственно от атамана, в кубанских частях это право оставлял за собой генерал Деникин. Двойственное подчинение казачьих частей несомненно создавало немало затруднений. Однако принцип полного и единоличного подчи-

нения казаков необходимо было бы провести в жизнь в равной степени как в отношении Кубани и Терека, так и Дона.

Не только в отношении казаков, но и всех, кто непрерываемо и безоговорочно не принимал политику главного командования, ставка проявляла какую-то нетерпимость. Провозгласив лозунг «Единая, Великая и Неделимая Россия», по существу туманный и неопределенный, главнокомандующий с каким-то фанатизмом шел на борьбу со всем тем, что, казалось ему, идет вразрез с исповедуваемой им истиной. К казакам огульно пристегивалась кличка «самостийников». Самостийниками были объявлены и все те, кто еще недавно боролся с большевиками на Украине, все, кто служил у гетмана. С падением Украины огромное число офицеров бежало на юг. Между ними было большое число весьма доблестных горячих патриотов, готовых продолжать борьбу за отечество, на каком бы клочке русской земли эта борьба ни велась. Вышшие политические соображения им, конечно, были чужды. Между тем в ставке на них смотрели едва ли не как на предателей, они брались под подозрение, и дальнейшая судьба их допускалась лишь по прохождении особой реабилитационной комиссии. Это было жестоко, несправедливо и обидно.

Войска адмирала Колчака подходили к Волге, противник, сосредоточив силы на восточном фронте, делал тщетные попытки удержать продвижение сибирских корпусов. Весенняя распутица должна была неминуемо временно приостановить операции на восточном фронте. На юге наши части за последние четыре месяца не достигли существенных успехов. Донецкий каменноугольный район продолжал удерживаться нами, однако значительных успехов нам здесь также достигнуть не удалось. С оставлением Крыма наши левофланговые части отошли к востоку от Мариуполя. В ставке были недовольны действиями генерала Юзефовича. Об этом говорил мне и генерал Деникин, и генерал Романовский. Оба они высказывали уверенность, что с вступлением моим в командование армией операции наши разовьются успешнее.

Я по-прежнему не сочувствовал принятому ставкой операционному плану. Необходимость скорейшего соединения наших сил с сибирскими армиями казалась мне непреложной. Необходимость эта представлялась столь ясно, что на нее указывалось целым рядом лиц, в том числе и не военных. Умный и проницательный А. В. Кривошеин, например, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера. Я отстранял от себя эти подозрения, но объяснения образу действия ставки найти не мог. Все попытки мои говорить на эту тему с генералом Романовским оказались бесплодны, он явно уклонялся от обсуждения этого вопроса.

На первый день праздника Святой Пасхи атаман давал музыкальный вечер, участвовали несколько артистов и прекрасно пел кубанский войсковой хор. На вечере в числе прочих присутствовал прибывший с фронта генерал Шкуро. Накануне он был у меня и сообщил мне, что в ближайшие дни ожидает обещанный ему главнокомандующим корпус. Ставка усиленно выдвигала генерала Шкуро, рассчитывая, по-видимому, использовать его для борьбы с самостийными казачьими течениями. Правда, в известной части казачества генерал Шкуро был популярен. Популярность эта приобреталась им главным образом на низменных инстинктах казаков. В широкой массе казачества имя генерала Шкуро уважением не пользовалось, и мне непонятно было, как главное командование могло надеяться найти в нем крепкого и верного союзника.

В военном отношении, как крупный начальник, он проявлял полную неподготовленность и отсутствие широких дарований, являясь лишь способным партизаном.

В Екатеринодаре явился ко мне прибывший из Сибири посланцем от атамана Семенова есаул Миллер. Миллер, бывший офицер Нерчинского казачьего полка, при мне служил в полку одновременно с Семеновым. Между адмиралом Колчаком и Семеновым были значительные несогласия, и Семенов, командуя Миллера, надеялся найти поддержку в генерале Деникине. От Миллера узнал я все подробности возглавляемой Семеновым борьбы казаков на Дальнем Востоке.

За несколько месяцев до революции Семенов, в числе других офицеров, знающих монгольский язык, был командирован в Забайкалье для формирования инородческих частей. Там застал его и большевистский переворот. Отказавшись подчиниться местным представителям советской власти, Семенов начал партизанскую войну против большевиков, поддержанный местными промышленными кругами, главным образом владельцами приисков, щедро снабжавшими его средствами. К Семенову стали стекаться, избегая беспощадной расправы красных, многочисленные добровольцы. В конце семнадцатого года стали прибывать в Забайкалье отправленные туда после неудачного наступления частей генерала Краснова на Петроград полки Уссурийской дивизии. Большая часть офицеров и значительная часть казаков и солдат присоединились к Семенову. Начальник Уссурийской дивизии генерал Хрещатицкий первый подал пример добровольного подчинения младшему, согласившись принять должность начальника штаба Семенова, выбранного поднявшимися забайкальцами атаманом. Примеру Хрещатицкого последовали другие офицеры дивизии. Семенову удалось войти в связь с японцами, оказавшими ему значительную поддержку. За забайкальцами поднялись уссурийцы и амурцы.

Силы Семенова росли и крепили, и вскоре он, стоя во главе трех войск, стал фактически хозяином Восточной Сибири. Появление адмирала Колчака неожиданно ставило предел честолюбивым планам атамана. Последний, усмотрев в действиях адмирала Колчака посягательство на свои права, отказался подчиниться Верховному Правителю, за что последним был отрешен от должности и предан суду. Решив продолжать с Верховным Правителем борьбу, Семенов стал перехватывать следующие в сибирские армии грузы, грозя совсем отрезать армии от Приамурья. Ища поддержки, Семенов обратился к атаману Оренбургского округа Дутову. Однако последний решительно отказался его поддержать. Теперь Семенов думал найти опору в генерале Деникине. Я самым резким образом высказал Миллеру мое мнение на действия его начальника, о чем просил его довести до сведения Семенова.

Через несколько дней генерал Романовский сообщил мне, что генерал Деникин решительно отказался поддержать домогания Семенова. Я предложил генералу Романовскому со своей стороны, как бывший начальник Семенова, послать ему телеграмму, побуждая его выполнить свой долг в интересах общего дела. К моему предложению генерал Романовский отнесся весьма сочувственно. Тут же составил я и вручил ему телеграмму, копию с коей послал есаулу Миллеру. Телеграмма была написана в весьма резких выражениях — зная Семенова, я знал, что это окажется наиболее действенным: «До сих пор я гордился тем, что некогда командовал славными нерчинцами, теперь стыжусь, узнав, что среди них оказался изменник общему делу...» Далее я убеждал Семенова отказаться от личных интересов для пользы общему делу и подчиниться Верховному Правительству. Мне неизвестно, была ли когда-либо получена моя телеграмма атаманом Семеновым, последний вскоре изъявил готовность подчиниться адмиралу Колчаку и в дальнейшем продолжал бороться под его начальством. За несколько дней до смерти адмирал Колчак передал Семенову полноту военной власти в Сибири.

В двадцатом году, во время борьбы моих войск в Крыму, Семенов известил меня о готовности подчиниться мне.

Кажется, 12 апреля я, зайдя утром в штаб в отделение генерал-квартирмейстера, узнал, что противник крупными массами перешел на Манычском фронте в наступление, форсировав Маныч, и продолжал наступление на Торговую. Занимавшие этот участок нашего фронта донцы, под начальством генерала Мамонтова, понесли жестокие потери и, оставив большую часть своей артиллерии в руках противника, отходили на запад. Мои предсказания пророчески сбылись. Я зашел к генерал-квартирмейстеру, где застал генерала Романовского. Для обоих, видимо, это событие было совершенно неожиданным, и они были им весьма смущены. На следую-

ший день события продолжали грозно развиваться. Противник быстро продвигался к Владикавказской железной дороге. Наши части отходили, почти не оказывая сопротивления. Сам генерал Мамонтов, видимо, потерял дух и доносил, что казаки «разложились» и что он бессилен что-либо сделать.

13-го вечером я уже лег спать, когда меня разбудили, сообщив, что генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик желают меня видеть. Полученные с фронта известия были грозны. Противник быстро продвигался к Владикавказской железной дороге, угрожая отрезать Кавказскую Добровольческую армию от ее базы. В резерве у генерала Юзефовича свободных частей не было. Необходимо было принять срочные меры, дабы остановить дальнейшее продвижение врага. Генерал Романовский спросил меня, соглашусь ли я принять командование над войсками Манычского фронта; через несколько дней он надеялся иметь возможность усилить эти части кубанцами генерала Покровского, снятыми с фронта Кавказской Добровольческой армии. Во главе последней, по предложению генерала Романовского, должен был оставаться генерал Юзефович, мне же надлежало сформировать новый полевой штаб.

С предложенным мне решением я согласиться не мог. Я считал, что намеченных генералом Романовским сил для предстоящей операции недостаточно. Нецелесообразным считал я и создание нового полевого штаба. С таким случайным, наспех созданным штабом и со сборными незнакомыми мне войсками я не мог рассчитывать на успех. Со своей стороны я предложил генералу Романовскому спешно сосредоточить на участке Владикавказской железной дороги Ростов — Тихорецкая весь 1-й конный корпус, сняв с фронта Кавказской Добровольческой армии кубанцев генерала Покровского и, сверх того, спешно перебросить туда же из Дагестана 1-ю конную дивизию генерала Шатилова, весьма сильную численно и качественно. Для объединения действий Манычской группы я предлагал использовать штаб моей Кавказской Добровольческой армии.

Генерал Романовский со мной не согласился, считая, что намеченных им сил вполне достаточно для восстановления нашего положения, а что отъезд генерала Юзефовича со штабом армии из Ростова «вызовет в Ростове панику». При этих условиях я категорически отказался от принятия командования над войсками Манычского фронта, в то же время, ввиду серьезности положения на фронте, я решил немедленно ехать в Ростов и вступить в командование моей армией.

Начальник штаба и генерал-квартирмейстер продолжали настаивать. Генерал Романовский заметил, что мой отказ поставит главнокомандующего в необходимость самому принять на себя непосредственно руководство Манычской операцией.

Я заметил, что решения своего не изменю, что, по совести, не могу взяться за дело, которое считаю для себя при настоящих условиях непосильным. «Главкомандующий, имеющий полную мощь, — добавил я, — в случае, если он лично станет во главе операции, будет иметь возможность принять все меры для того, чтобы обеспечить успех операции, и я не сомневаюсь, что он убедится в необходимости тех мер, которые я предлагаю». Генерал Романовский и полковник Плющевский-Плющик, видимо, недовольные, ушли, причем генерал Романовский просил меня на следующий день утром быть у главнокомандующего.

В десять часов утра я был у генерала Деникина, где застал начальника штаба. Генерал Деникин был, видимо, уже в курсе дела и спросил меня, «не надумал ли я что-нибудь». Я вновь подтвердил, что не считаю себя в силах справиться с поставленной генералом Романовским задачей, и просил разрешения немедленно вернуться к моей армии. Генерал Деникин не настаивал. В тот же вечер я выехал в Ростов.

24 октября 1921 г.
Константинополь

НА МОСКВУ

На Дону

В Ростове на вокзале я встречен был генералом Юзефовичем с чинами штаба. Почетный караул был выставлен от сводного полка 12-й кавалерийской дивизии. Полк формировался в Ростове. Караул был отлично одет, люди выглядели молодцами.

Оккупированная французскими войсками, после падения гетманской власти на Украине, Одесса неожиданно в конце марта была французами оставлена. Одновременно с французами бежал из Одессы и штаб формируемой «Народной Русской армии» во главе с ее организатором генералом Шварцем. В числе его ближайших помощников оказался и генерал Бискупский, долженствовавший занять пост инспектора кавалерии и обратившийся из украинского «генерального хорунжего» в генерала «демократической русской армии».

С оставлением Крыма штаб генерала Боровского был сформирован; сам же генерал Боровской получил назначение начальником Закаспийской области. Он так и не успел туда попасть, ограничив поле дальнейшей своей деятельности рестораном гостиницы «Палас». Объединенные под начальством генерала Шиллинга наши крымские части, при поддержке мощной артиллерии союзного флота, продолжали удерживать Керченский перешеек. В каменноугольном бассейне, в районе Андреевка — Ясиноватая — Криничная героически сражались обескровленные многомесячной борьбой добровольцы генерала Май-Маевского. Полки его корпуса после ряда тяжелых потерь насчитывали каждый 400-500 человек. Противник настойчиво пытался овладеть важным для него каменноугольным бассейном. Однако, несмотря на огромное превосходство, все же не мог оттеснить геройские полки Добровольческого корпуса. На правом фланге генерала Май-Маевского только что сосредоточился после удачного рейса в тыл противника Сводный конный корпус в составе Кавказской (Кубанской) и 1-й Терской казачьих дивизий. Корпусом временно командовал начальник Кавказской дивизии генерал Шкуро.

Во главе дивизий стояли: Кавказской — временно замещающий генерала Шкуро генерал Губин, бывший мой сослуж-

живец по Уссурийской дивизии; Терской — доблестный генерал Топорков. Последний, недавно на эту должность назначенный, имел уже в дивизии ряд блестящих дел, был тяжело ранен и ко времени моего приезда в Ростов отсутствовал.

Генерал Покровский со штабом ожидался в Ростове на следующий день. Он должен был объединить действия 1-й Кубанской и спешно направляющейся на Маньчжский фронт с Кавказа, только что окончившей формирование, 2-й Терской казачьей дивизии. Сосредоточение корпуса намечалось в районе станции Батайск.

До прибытия частей генерала Покровского важнейший ростовский узел с юга ничем не прикрывался. Кроме не закончившего формирования сводного полка 12-й кавалерийской дивизии, необходимого для поддержания порядка в самом городе, свободных резервов в распоряжении штаба армии не было. Донские части генерала Мамонтова окончательно потеряли всякую боеспособность, «совершенно разложились», как доносил сам генерал Мамонтов. Перед наступающей конницей красных казаки, бросая артиллерию и оружие, бежали за Дон.

Забитый многочисленными армейскими и правительственными учреждениями громадный торговый и промышленный центр Ростов был объят паникой. В самом городе было неспокойно и, по сведениям штабной и местной, донской, контрразведок, можно было со дня на день ожидать выступления местных большевиков. Я принял меры к ускорению переброски эшелонов Кубанской дивизии. Выслал для прикрытия Батайска бронепоезд.

На окраинах города, в рабочих кварталах и особенно в Замерницком поселке, издавна пользовавшемся дурной славой, было неспокойно. Имелись сведения о прибытии в город целого ряда большевистских агентов и намерении последних, при содействии местных большевиков, вызвать ряд выступлений в городе. Я приказал в ту же ночь арестовать всех намеченных контрразведкой лиц. Несмотря на возражения некоторых из присутствовавших, что эти аресты могут вызвать волнения и что сил, имеющихся в распоряжении штаба для поддержания в этом случае порядка в городе, недостаточно, я настоял на своем, считая, что только решительные действия власти могут еще заставить считаться с ней. В ту же ночь было арестовано до семидесяти человек. Среди них занимавший довольно видное положение в городе присяжный поверенный Ломатидзе. Последнего в числе наиболее видных большевистских деятелей я немедленно передал военно-полевому суду, приговорившему его к смертной казни. Несмотря на ряд обращенных ко мне ходатайств отдельных лиц и общественных групп о смягчении участи осужденных (главным образом ходатайствовали об имеющем большие связи в городе

Ломатидзе), я остался непреклонен. Через день после ареста приговор был приведен в исполнение. Решительность, проявленная властью, несомненно, возымела действие. Ни в эти дни, ни после никаких выступлений в городе не было.

На следующий день по прибытии моем в Ростов я выезжал в Батайск для свидания с генералом Мамонтовым. Последний, высокий, статный, бравого вида генерал в эту минуту казался совершенно подавленным. По его словам, «казаки совсем вышли из рук» и не осталось даже нескольких человек для посылки в разъезд. Он с несколькими офицерами пытался навести какой-нибудь порядок среди скопившихся в Батайске беглецов. К счастью, противник преследовал весьма вяло и, видимо, не отдавал себе отчета в нашей беспомощности. В Ростове явился ко мне прибывший со своим штабом генерал Покровский, коему я подчинил части генерала Мамонтова, приказав, не стесняясь мерами, привести их в порядок. Следом за головным эшелоном стали прибывать эшелоны кубанцев. Через два дня положение стало уже менее грозным. Кубанцы прикрыли Батайскую и Ольгинскую переправы и, выбросив на широком фронте разведку, дали возможность осветить обстановку. Расстреляв несколько дезертиров, генерал Покровский кое-как остановил и стал приводить в порядок деморализованные донские полки. С Кавказа приходили эшелоны с терцами.

Генерал Деникин, прибыв из Екатеринодара, лично принял на себя руководство войсками Манычской группы. Генерал Покровский, объединив командование 1-й Кубанской, 2-й Терской дивизиями и несколькими полками донцов, перешел в наступление и стал теснить противника к Манычу. Не ожидавшие отпора красные стали поспешно отходить, но вскоре оправились и сами перешли в наступление, обрушившись на терцев. Терская дивизия, только что сформированная и плохо обученная, была жестоко потрепана и потеряла всю свою артиллерию. Генерал Деникин лично мог убедиться в серьезности создавшегося положения. 1-й конной дивизии генерала Шатилова было отдано приказание спешно грузиться и следовать на Манычский фронт. Предсказания мои генералу Романовскому осуществились, и главнокомандующий вынужден был сосредоточить те самые силы, каковые предлагал генералу Романовскому использовать для намеченной операции и я.

Между тем на фронте моей армии положение продолжало оставаться тяжелым. Генерал Май-Маевский ежедневно доносил о тяжелых боях своих частей. Под давлением подавляющей численности врага, поддержанного убийственным огнем большого числа бронепоездов, наши слабые части на некоторых участках фронта вынуждены были несколько отойти. Добровольческие полки дрались чрезвычайно упорно, отстаи-

вая каждую пядь земли. Тяжелые потери заставляли опасаться, что последние кадры нашей пехоты будут уничтожены. В то же время в тылу армии свежих пополнений не имелось. Вопрос о создании запасных частей для пополнения войсковых кадров до сего времени не был должным образом разрешен. Из всей занятой армиями генерала Деникина территории Юго-Востока России лишь в Черноморской и Ставропольской губерниях гражданская власть полностью сосредоточивалась в руках главного командования. В прочих областях действовала автономная казачья власть. В значительной части казачьих областей население было смешанное — казаки и иногородние. И если относительно первых ставка, хотя и неохотно, все же готова была признать государственные права атаманов и казачьих правительств, то в отношении иногороднего населения это право командование хотело оставить за собой. При этих условиях разработка мобилизационного плана была чрезвычайно затруднительна. Дело не пошло далее бесконечной переписки между штабами главнокомандующего и войсковыми штабами.

В то время, как насущнейшие жизненные вопросы оставались неразрешенными, главное командование стремилось разрешить ряд вопросов общероссийского масштаба, долженствовавших охватить все области государственного устройства России. Разработкой этих вопросов было занято образованное главнокомандующим Особое Совещание из лиц по личному выбору генерала Деникина. Работы Особого Совещания по этим вопросам вылились в форму двух программных писем генерала Деникина на имя председателя Особого Совещания. Несколько позже была издана особая «декларация» о «целях, которые преследует командование Вооруженными Силами на Юге России в вооруженной борьбе с советской властью и в государственном строительстве».

Намеченная этими документами программа главного командования должна была служить руководящими данными для деятельности Освага — отдела пропаганды, долженствующего противопоставить свою деятельность пропаганде большевиков. Громоздкое, с огромными штабами учреждение Освага пребывало в Ростове. Оно стоило правительству бешеных денег и давало надежное убежище многочисленным уклоняющимся от выполнения своего воинского долга. Непомерно разросшийся Осваг стремился охватить все отрасли жизни армии и страны. Он не только «внедрял в сознание масс идеологию, исповедуемую Главным Командованием», «популяризировал вождей», но и ставил себе целью «облагораживание литературного вкуса обывателя». Так объяснил мне один из деятелей этого учреждения в Ростове издание отделом пропаганды художественно-литературных современников.

Была у Освага и другая, более темная сторона деятельности — так называемая «информация вверх», составление секретных сводок, касающихся деятельности политических партий, организаций и отдельных лиц. Наиболее секретные из этих сводок в числе двух экземпляров представлялись лишь председателю Особого Совещания и самому главнокомандующему. В них давались сведения о деятельности самых ближайших к генералу Деникину лиц.

В обществе и в армии отношение к Освагу было весьма недружелюбное. В армии этому много способствовало назначение помощником начальника отдела пропаганды профессора К. Н. Соколова небезызвестного полковника Энгельгардта, бывшего в первые дни смуты комендантом Петрограда.

Не получая удовлетворительного ответа из ставки, я решил проехать в Новочеркасск повидать Донского атамана генерала Богаевского и разрешить с ним ряд вопросов. Генерал Богаевский только что перенес сыпной тиф и принял меня, лежа в кровати. Мягкий и весьма доброжелательный человек, генерал Богаевский, с которым я был знаком еще по службе в армии, охотно пошел мне навстречу и обещал дать представителям Донской власти на местах необходимые указания для согласования нашей работы. В Новочеркасске я виделся также с выехавшим меня встретить на вокзал начальником штаба Донской армии генералом Келчевским. Талантливый офицер генерального штаба, он заслуженно выдвинулся в период великой войны; нравственный облик его был незavidный. Я выехал из Новочеркасска вечером и на вокзале в Ростове узнал, что через семь минут по проходе моего поезда был взорван ближайший к Новочеркасску мост. Господь хранил меня, и злоумышленникам не удался их замысел.

С целью облегчения положения частей генерала Май-Маевского я приказал генералу Шкуро ударить в тыл действующим против добровольцев частям конных. Генерал Шкуро удачно выполнил задачу, оттянув против себя часть неприятельских сил и временно облегчив положение добровольцев. Одновременно перешли в наступление своим левым флангом и донцы. Левофланговая донская дивизия генерала Калинина нанесла красным ряд тяжелых поражений и овладела городом Луганском, угрожая противнику дальнейшим продвижением на запад. Для парирования успеха донцов красные вынуждены были оттянуть с фронта моей армии часть резерва, и истекавшие кровью добровольцы получили возможность передохнуть.

Я получил телеграмму о прибытии генерала Деникина в Ростов, где на вокзале должно было состояться совещание с командующими армиями. Генерал Деникин был озабочен общим положением на фронте. Он настаивал на энергичных действиях донцов, долженствующих, приковав к себе против-

ника, облегчить тяжелое положение моей армии. С заметным раздражением говорил главнокомандующий о нежелании донского командования сообразовать свои действия с общим положением, об «интригах в Новочеркасске», виновником последних он называл генерала Келчевского. Генерал Деникин высказал предположение, что по завершении маньчжурской операции явится, вероятно, необходимость группу генерала Улагая, оперирующую в районе Св. Креста, и войска маньчжурской группы объединить в отдельную армию. При этом главнокомандующий спросил меня, согласился ли бы я стать во главе этой армии. Я ответил согласием, добавив, что по-прежнему придаю Царицынскому направлению первенствующее значение. К тому же новая армия будет состоять главным образом из родных мне частей, коими командовал я во время кавказской операции.

Вопрос о создании на Царицынском направлении новой армии, во главе которой должен был стать я, не был для меня неожиданностью. Однако решение о создании отдельной Кубанской армии было для меня ново. Учитывая в полной мере все неудобства, проистекавшие из-за существования отдельных армий новых казачьих формирований, я в то же время учитывал, что раз Дон пользуется этим правом, то и Кубань и Терек имеют право справедливо этого домогаться. Намеченное главнокомандующим решение справедливо уравнивало их права и преимущества, устраняя тем самым главный повод существовавших недоразумений. В то же время мысль, что мне придется командовать Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, с политикой, в значительной мере идущей вразрез с политикой главного командования, справедливо меня пугала.

Хотя и атаман и Рада выражали мне всяческим образом свое внимание, и Краевая Рада только что известила меня о принятии меня с семьей в коренное сословие кубанских казаков, хотя большинство кубанских частей были мне родны и в широких массах казачества имя мое пользовалось большим уважением, я все же, как командующий Кубанской армией, оказался бы в некотором подчинении кубанской власти и был бы неизбежно причастен к политике Кубани, которую я разделять не мог.

Мои ближайшие помощники, начальник штаба генерал Юзефович и генерал-квартирмейстер полковник Кусонский, соображения мои полностью разделяли. Переговорив с ними, я решил подождать с ответом до приезда Кубанского атамана генерала Филимонова и походного атамана Кубанского войска генерала Науменко, о приезде которых я был предупрежден. С ними одновременно приехал возвращающийся в строй после ранения генерал Топорков. За несколько часов до обеда, устроенного мною в честь приехав-

ших, я получил телеграмму начальника штаба главнокомандующего, разъясняющую, что объединение кубанских частей в армию с наименованием «Кубанской» не должно быть понимаемо как признание какой-либо зависимости этой армии от кубанского правительства и расширения прав последнего в отношении кубанских войск. При этих условиях Кубанский атаман сам отказался от предложения генерала Деникина именовать новую армию «Кубанской», признав, что раз по существу вопрос не разрешен, то лучше уж вновь формируемой дать название Кавказской Добровольческой, под каковым большинство войск Манычского фронта сражались за освобождение родного им Кавказа. Тут же за обедом составили телеграмму генералу Деникину, каковую подписали Кубанский атаман и я.

Через несколько дней в Ростов вновь приезжал главнокомандующий. Генерал Юзефович, долгое время командовавший за моей болезнью армией, был, видимо, несколько задет выбором на эту должность генерала Май-Маевского, полагая, что право на эту должность по справедливости принадлежит ему. При свидании с генералом Деникиным я просил его найти случай поговорить с генералом Юзефовичем и постараться смягчить горечь казавшегося ему недоверия главнокомандующего.

— Ну что же я ему скажу? Ведь по совести я считаю, что он командовать армией не может, — развел рукам генерал Деникин.

— Все-таки, ваше превосходительство, вы, быть может, нашли бы возможность его огладить, объяснив, что он необходим как начальник штаба моей армии. Я лично никогда в крупных штабах не служил, штабная работа мне мало известна, и, действительно, мне без Якова Давыдовича было бы трудно.

— Нет, увольте, я не умею разводить дипломатии. Поговорите уж вы с ним.

Так чувство незаслуженной обиды и осталось в сердце Юзефовича.

На следующий день по отъезде главнокомандующего стали вновь поступать тревожные сведения с фронта. Красные возобновили атаки; и без того бедные ряды полков таяли окончательно. Генерал Май-Маевский засыпал меня телеграммами, донося о невозможности более держаться и ходатайствуя о разрешении отойти на позиции к северу от станции Иловайская. Я приказал ему продолжать держаться, одновременно дав указания генералу Шкуро вновь перейти в наступление с целью облегчения положения добровольцев. Конница перешла в наступление, имела ряд тяжелых боев, однако особенно продвинуться не могла. Давление на части генерала Май-Маевского не ослабевало.

Генерал Май-Маевский, с которым я говорил по аппарату Юза, доложил мне, что он держаться далее не может, что дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров. Я ответил, что имею категорическое приказание главнокомандующего держаться во что бы то ни стало. Вместе с тем я обещал ему немедленно донести до сведения главнокомандующего наш разговор и оттянуть, испросив разрешения, Добровольческий корпус на намеченные им позиции.

30-го вечером я выехал в Торговую, где находился поезд Главнокомандующего.

В Задонских степях

Явившись утром к главнокомандующему, я доложил ему о положении Добровольческого корпуса. Ознакомившись с лентой разговора моего с генералом Май-Маевским по аппарату Юза, главнокомандующий принял решение — части Добровольческого корпуса оттянуть на намеченные позиции. Я тут же написал и отправил телеграмму. Затем я сделал генералу Деникину подробный доклад о намеченных мною формированиях регулярной конницы.

Еще в декабре 18-го года я представил главнокомандующему доклад о желательности создания особой инспекции конницы и настоятельной необходимости срочно приступить к воссозданию старых кавалерийских полков. В армии имелось большое количество кавалерийских офицеров, были некоторые полки, весь офицерский состав коих полностью находился в армии. Некоторые из кавалерийских частей сумели сохранить и родные штандарты. Офицеры мечтали, конечно, о воссоздании родных частей, однако штаб главнокомандующего эти стремления не поощрял. С большим трудом удалось получить разрешение на формирование полка 12-й кавалерийской дивизии; где-то на Кавказе формировались изюмцы; наконец, при моей помощи удалось развернуться собравшимся у меня на Кубани ингерманландцам. Некоторые части отдельными взводами или эскадронами действовали при пехотных дивизиях. Большое число кавалерийских офицеров находилось в тылу, служило в казачьих частях, в пехоте. По приезде моем в Ростов я поручил начальнику штаба подробно разработать вопрос об укомплектовании и развертывании отдельных кавалерийских эскадронов и сведении кавалерийских полков в высшие соединения. Составил для представления главнокомандующему кандидатский список начальников. Теперь, выслушав мой доклад, он полностью его одобрил и тут же утвердил представленный мною проект приказа, утвердил также и намеченных мною кандидатов на командные должности, однако в создании «инспекционной конницы» отказал.

Закончив доклад, я спросил у главнокомандующего о положении на Манычском фронте. Мы все еще не могли достигнуть здесь решительного успеха: вторичная переправа нашей кавалерии на северный берег Маныча вновь окончилась неудачей. Наши части захватили много пленных и значительно продвинулись в тыл противника, но вынуждены были вновь отойти на южный берег реки. 1-я конная дивизия генерала Шатилова понесла большие потери, а татарский пластунский батальон был почти полностью уничтожен. Генерал Деникин с горечью говорил о том, что хотя мы «нагнали уйму конницы», но «сделать пока что ничего не удастся».

Для обороны Маныча в районе Великокняжеской противник сосредоточил всю свою 10-ю армию — около 30 000 штыков и шашек, с нашей стороны против нее действовали кроме отряда генерала Кутепова — 6-й пехотной дивизии, всего одна дивизия пехоты и семь с половиной дивизий конницы.

6-я пехотная дивизия — малочисленная и сборного состава была мало боеспособна. Сравнительно слабыми качественно и количественно были астраханцы и горцы. Зато донские, кубанские и терские полки были вполне достаточной численности и в большинстве отличных боевых качеств. Главная масса нашей конницы — кубанцы и терцы генерала Покровского, кубанцы генерала Шатилова, Атаманская дивизия, астраханцы и горцы были сосредоточены на правом фланге к востоку от линии железной дороги, в районе сел Бараниковское — Новоманычское. Вдоль линии железной дороги располагались части генерала Кутепова. Сводно-Донской корпус генерала Савельева растянулся на южном берегу реки Маныч, к западу от железной дороги, имея главные силы у переправы Казенный мост.

Я спросил у главнокомандующего, кто из начальников объединяет главную массу нашей конницы, и с удивлением узнал, что конная масса не объединена в одних руках и что отдельные кавалерийские начальники подчиняются непосредственно главнокомандующему. Трудно было при этих условиях ожидать от конницы единства действий. Я высказал это генералу Деникину.

— Все это так, но как вы заставите генерала Покровского или генерала Шатилова подчиниться одного другому?

Возражение главнокомандующего поразило меня. Казавшийся твердым и непреклонным, генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников казался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходившее в самом Екатеринодаре, безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег

этими генералами. Однако на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно. И в данном случае он не мог решиться, несмотря на то, что общая польза этого явно требовала подчинить одного генерала другому. Я высказал генералу Деникину мое мнение, что для успеха дела конница должна быть объединена в одних руках, что хотя генерал Шатилов как крупный начальник имеет несравненно больше данных нежели генерал Покровский, однако, с другой стороны, он еще недавно был подчинен последнему, входя своей дивизией в состав его корпуса и что, близко зная генерала Шатилова, я не могу допустить мысли, чтобы он отказался подчиниться тому или иному начальнику, раз последует приказание главнокомандующего. Присутствовавший при разговоре генерал Романовский обратился ко мне:

— А вы, Петр Николаевич, не согласились бы помочь нам, объединить конницы — вам все наши полководцы подчинятся.

Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить, наконец, бесконечно затянувшуюся операцию. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой.

Послав генералу Юзефовичу телеграмму о спешной высылке моих лошадей и необходимых вещей, я известил старших кавалерийских начальников телефонограммой о моем приезде, предложив им собраться в станице Новоманычской для военного совещания. После обеда я выехал туда на автомобиле. Главная масса неприятельских сил сосредоточена была в районе Великокняжеской и Бараниковской переправ и в самой станице Великокняжеской. Как северный берег у обеих переправ, так и станица Великокняжеская с юга были усилены окопами. Противник располагал весьма мощной артиллерией, и об овладении переправами в лоб нечего было и думать. К востоку от Бараниковской переправы линия Маныча противником только наблюдалась. Мелководный, едва пол-аршина глубиной, но болотистый и чрезвычайно топкий Маныч совершенно исключал возможность переправить вброд артиллерию. Без поддержки же артиллерии, как показал опыт, мы не могли рассчитывать на успех.

Я предложил применить переносные щиты, каковые можно было бы быстро соорудить из подручного материала, разобрав многочисленные дощатые заборы. Хотя в возможности оборудования переправы предложенным мною способом большинство присутствовавших сомневалось, я, вызвав командира саперной роты, приказал подготовить опытную переправу на одном из многочисленных окрестных бачагов, а начальнику артиллерии 1-го корпуса генералу Фоку сделать опыт переправы легкой и тяжелой артиллерии.

В два часа я выехал в Новоманычскую. Опыт использования деревянных щитов для переправы вполне удался. В станице кипела работа; казаки разбирали заборы, сколачивали щиты. К моему приезду в станице Новоманычской, поселке Полтавском и с. Бараниковском были построены полки. Я объехал части, говорил с казаками. Прием был мне оказан самый восторженный.

Переправа намечалась в ночь на 4-е мая. Ударная группа состояла из 4-го конного корпуса, 1-й конной дивизии и Астраханской отдельной бригады. Для прикрытия Бараниковской переправы и связи с ударной группой оставалась Горская дивизия. На генерала Фока было возложено объединение артиллерийской группы, долженствовавшей в случае необходимости содействовать переправе. Весь день 3 мая должен был быть посвящен на подготовку материалов переправы. Поздно ночью вернулся я в Торговую. 3-го прибыли из Ростова мои лошади, я выслал их немедленно в штаб 1-й конной дивизии.

Главкомандующий получил донесение о блестящем успехе генерала Улагая. Последний, выдвинувшись со своим корпусом от Св. Креста к северу от Маныча в районе села Ремонтное — станица Грабевская, наголову разбил конный корпус противника под начальством «товарища» Думенко, захватил более 20 орудий, много пулеметов и пленных. Об успехе генерала Улагая я немедленно послал телефонограмму начальникам моих частей, приказав сообщить о победе полкам.

Вечером я выехал в станицу Новоманычскую. Темнело. Полки длинной лентой вытягивались из станицы, двигаясь к месту переправы. В хвосте дивизии тянулись длинные вереницы повозок, нагруженных дощатыми щитами и сопровождаемых саперами.

Наши передовые сотни, переправившись вечером вброд, оттеснили неприятельские разъезды. В течение ночи дружной работой саперов и пластунов был наведен настил. Люди всю ночь работали на воде, раздевшись по пояс.

На рассвете началась переправа. Я застал 1-й конный корпус уже заканчивающим переправу. Мелководный, топкий, местами высохший, покрытый солью, выступившей на поверхность вязкой черной грязи, Маныч ярко блистал на солнце среди плоских, лишенных всякой растительности берегов. Далеко на север тянулась безбрежная, кое-где перерезанная солевыми бачагами солончаковая степь. Там маячила наша лава, изредка стучали выстрелы. Длинной черной лентой тянулась от переправы наша конница, над колонной реяли разноцветные значки сотен. Сверкали медным блеском трубы полковых хоров. На южном берегу, в ожидании переправы, спешились кубанские, терские, астраханские полки. Вокруг дымящихся костров виднелись группы всадников в живописных формах.

К восьми часам главная масса конницы закончила переправу, а к полудню перешла на северный берег вся артиллерия, в том числе и тяжелая. Теснимый нашими передовыми частями противник медленно отходил на запад. Части генерала Шатилова, 1-я конная дивизия и бригада кубанцев полковника Фостикова, наступали вдоль северного берега реки. Правее, заслонившись частью сил, вдоль большого тракта, двигался 1-й конный корпус генерала Покровского. В моем резерве осталась отдельная Астраханская бригада генерала Зыкова.

Подойдя к Бараниковской переправе, генерал Шатилов бросил свои части в атаку и овладел окопами противника, захватив около полутора тысяч пленных. Бараниковская переправа была в наших руках. Горская дивизия начала переправу, я подчинил ее генералу Шатилову.

Наступали сумерки. Полки заночевали на местах. Стояла холодная майская ночь. Люди зябли и не могли заснуть. В лишенной всякой растительности степи нельзя было разжечь костров. Нельзя было напоить даже коней, негде было достать пресной воды. Я на несколько часов приехал в Новоманычскую перекусить и напиться чаю и с рассветом был уже вновь на северном берегу реки.

В пять часов была назначена общая атака. Для обеспечения боевого порядка с севера к хуторам Безугловым были выдвинуты астраханцы генерала Зыкова. Выбрав удобный наблюдательный пункт — огромную скирду соломы, я в бинокль стал наблюдать за движением колонн.

Неожиданно далеко вправо, почти в тылу, раздалось несколько орудийных выстрелов. Почти одновременно прискакал казак с донесением от Зыкова. Со стороны станции Ельмут в охват нашего правого фланга подходили большие конные массы противника.

Свежих резервов у меня не было. Астраханцы, потеряв раненым начальника дивизии генерала Зыкова и убитыми и ранеными всех командиров полков — потеряли всякую боеспособность. Расстроенные части рассеялись, казаки и черкесы отдельными группами и в одиночку текли в тыл. Я заслал мой конвой к переправам, приказав собирать беглецов и, отведя на южный берег, привести полки в порядки, беспощадно расстреливая ослушников и трусов. На замену астраханцам я просил генерала Деникина выслать мне атаманцев. Утром последние прибыли ко мне.

6-го с рассветом бой возобновился по всему фронту. Третьи сутки почти не спавшие, не евшие горячего люди и непоенные кони окончательно истомились. Однако, невзирая на это, я требовал полного напряжения сил для завершения начатого дела до конца. В течение дня нам удалось расширить занятый нами плацдарм. Части генерала Покровского вновь

заняли хутор Безугловы, части генерала Шатилова подошли на 2-3 версты к станции Великокняжеской.

На закате я назначил общую атаку. Генералу Покровскому приказал «сковать и разбить конницу Думенко». Для предварительного расстройства красной конницы приказал эскадрилье полковника Ткачева произвести бомбовую атаку.

Как на параде строились полки в линии колонн, разворачиваясь в боевой порядок. Гремели трубачи, реяли знамена. Вот блеснули шашки, понеслось «ура», и масса конницы ринулась в атаку, вскоре скрывшись в облаках пыли. Гремела артиллерия, белые дымки шрапнелей густо усеяли небо. Я на автомобиле понесся к полкам генерала Покровского. Налет полковника Ткачева оказался весьма удачным. Противник потерял большое число людей и лошадей. Морально потрясенные, его части рассеялись. К сожалению, генерал Покровский замешкался, упустил удобный момент ударить на расстроенного противника. Последний успел справиться и, не приняв атаки, стал поспешно отходить...

Великокняжеская была взята. 10-я армия красных была разгромлена. Противник за три дня потерял около 15 000 пленных, 55 орудий и 150 пулеметов. Путь к Царицыну и Волге был открыт...

По мере приближения к Царицыну противник оказывал все более ожесточенное сопротивление. В Царицын лихорадочно сосредоточивались красные части на поддержку разбитой 10-й армии. Сюда была стянута почти вся 11-я армия с Астраханского направления. С фронта адмирала Колчака подошла дивизия коммунистов. Из 16 городов центральной России подвезено было 8000 человек пополнения. К коннице Думенко из восьми полков подошли 1500 всадников конницы Жлобы. Из Астрахани в Царицын прибыли два миноносца. Суда и баржи Волжской флотилии были вооружены не только легкой, но и тяжелой артиллерией. В распоряжении противника находились несколько бронепоездов. В бою на реке Царице части вновь понесли тяжелые потери. Однако близость Царицына, сулившего отдых после тяжелого и продолжительного похода, вселяла в войска силы, и они с неудержимым порывом шли вперед, 29 мая 2-й и 4-й корпуса подошли к реке Червленной, с боем форсировали ее и сбили державшегося на северном берегу противника. В то же время 1-й корпус после упорного боя овладел станцией Кривомузгинской, захватив здесь около 2000 пленных.

Неотступно преследуя противника, моя конница в самых тяжелых условиях пересекла безлюдную и безводную калмыцкую степь, преодолела ряд укрепленных и отчаянно оборонявшихся противников рубежей и подошла к Царицыну — «Красному Вердену», как именовали его большевики, пройдя около 300 верст. Обещание главнокомандующего дать мне не-

обходимые для успешного окончания операции силы и средства исполнено не было. Развивавшиеся успехи на Харьковском направлении поглощали все его внимание, и Царицынское направление в глазах генерала Деникина стало второстепенным.

Наша разведка установила, что укрепленная противником Царицынская позиция несколькими линиями опоясывает город. Окопы были усилены проволочными заграждениями в 4-5 колов. Сильная артиллерия надежно защищала подступы.

29-го вечером я пригласил командиров 2-го и 4-го корпусов на военное совещание. Я ознакомил их с общим положением и сообщил о выяснившейся невозможности в ближайшее время рассчитывать на присылку обещанных подкреплений. Я предложил им высказать мнения, следует ли нам, не дожидаясь подхода пехоты, открытой атакой овладеть городом или, закрепившись на реке Царице, выждать подхода пехоты и технических средств. Рассчитывать на успех атаки в настоящих условиях было трудно, с другой стороны к Царицыну непрерывно подходили свежие части красных. Противник лихорадочно продолжал работу по укреплению позиций, и в дальнейшем атака города могла представить еще большие трудности. В войсках, видевших в Царицыне после тяжелого похода в пустыне Обетованную Землю, отказ от наступления вызвал бы, несомненно, упадок духа. Наконец, противник, усилившись, мог сам перейти в наступление и отбросить нас от Волги в пустынную степь. Несмотря на все трудности на совещании было решено наступление продолжать.

Преодолевая упорное сопротивление противника, после ряда жестоких боев генерал Улагай занял Теплые воды, подойдя на десять верст к городу; корпус генерала Шатилова достиг реки Ягодной; корпус генерала Покровского овладел станцией Карповка.

Наличие у противника сильной судовой артиллерии при отсутствии у нас дальнобойных орудий, чрезвычайно затрудняло действия частей генерала Улагая. Последний доносил, что, по его мнению, трудно рассчитывать на успех атаки города с юга, и со своей стороны предлагал часть своих сил передать в распоряжение генерала Шатилова для нанесения решительного удара с запада. Последнее направление представляло и тактические выгоды, создавая угрозу путям отхода красных. Я принял предложенное генералом Улагая решение. Атака была намечена на рассвете 1 июня.

В ночь с 31 мая на 1-е июня была произведена необходимая перегруппировка. В руках генерала Шатилова были объединены: 4-й конный корпус, 2-я Кубанская дивизия, три полка 1-й Кубанской дивизии и 3-я пластунская бригада. Ударная группа сосредоточилась в районе Гавриловка — Варваровка.

Вечером 31 мая был получен подписанный накануне приказ главнокомандующего о подчинении его адмиралу Колчаку. Принятое решение я горячо приветствовал. Объединение всех борющихся против общего врага русских сил, несомненно, усиливало наше положение и значение нашего дела в глазах мира. Генерал Деникин, подчинившись адмиралу Колчаку в дни блестящих успехов своих войск, давал пример гражданского долга. По форме я находил приказ неудачным. Упоминание о том, что «в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой Единой России», имевшее, очевидно, в виду «самостийные группы казачества», должно было произвести на войска, далекие от политики и мало осведомленные о борьбе главнокомандования с этими группами, неблагоприятное впечатление. Неудачна была и фраза о том, что генерал Деникин, отдавая свою жизнь горячо любимой родине и «ставя превыше всего ее счастье», подчиняется адмиралу Колчаку. Добровольное подчинение в интересах родины не только не требовало отдать жизнь, но и не должно было быть жертвой для честного сына отечества...

1 июня, едва стало светать, армия, заняв в течение ночи исходное положение, перешла в решительное наступление. Ударная группа стремительно атаковала позиции противника на реке Ягодной, прорвала фронт красных и заняла станцию Басаргино. Развивая дальнейшее наступление, пластуны к 6 часам вечера овладели селением Червленноразное, несколько раз переходившим из рук в руки, станциями Воропоново и Крутенькая. Противник при поддержке артиллерии и бронепоездов оказывал упорное сопротивление, задерживаясь на каждой позиции. Наступившая темнота приостановила бой на последнем перед Царицыном рубеже, по линии: станция Ельшанка — село Ельшанка — станция Садовая — станция Гумрак. Ночью было получено донесение, что разведкой частей генерала Покровского, в районе хутора Вертячий — станица Качалинская, обнаружено сосредоточение значительных неприятельских сил.

С утра 2 июня бой снова разгорелся. Ударная группа генерала Шатилова, развивая достигнутый накануне успех, с прежней стремительностью атаковала позиции красных; однако, встреченная сильнейшим огнем батарей и бронепоездов, вынуждена была отойти. Потери ударной группы за последние два дня боя были свыше тысячи человек, утомление людей и лошадей было чрезвычайное. Артиллерийские снаряды были совершенно на исходе. Двухдневный бой выяснил, что овладеть Царицыном нам не под силу. С болью в сердце вынужден был я предложенную в ночь со 2-го на 3-е атаку отменить.

4 июня красные, сосредоточив ударную группу против

фронта 4-го корпуса, при поддержке сильной артиллерии сами перешли в наступление в направлении на Воропоново. Главный удар врага обрушился на пластунов, которые, невзирая на мужественное сопротивление, были оттеснены. Одновременно противник вел сильное наступление и против других частей армии. Воздушная и войсковая разведки устанавливали ежедневный подход свежих неприятельских сил. Ввиду сложившейся обстановки я решил оттянуть войска к линии рек Червленая и Карловка, упираясь правым флангом в Сарепту, и здесь ожидал подхода подкреплений.

Мост через Сал был исправлен, и поезд мой получил возможность продвинуться на север.

Неудача нашей атаки под Царицыном тяжелым камнем легла мне на сердце. Я негодовал на ставку, сорвавшую весь успех, не выполнив данного мне обещания своевременно усилить меня пехотой, артиллерией и техническими средствами, что клал я в основу всей операции. Бесконечно жаль было напрасно понесенных жертв. Под влиянием этих чувств написал я немедленно по окончании операции, находясь в хуторе Верхне-Царицынском, письмо генералу Деникину, в коем излил всю горечь своих переживаний. Я упоминал о том, что невыполнение данного мне главнокомандующим обещания, на коем строил я свой план действий, лишает меня возможности и на будущее время принимать ответственные решения, не будучи уверенным, что последние не будут сорваны распоряжением свыше. При этих условиях я не считал возможным нести лежащую на мне перед войсками ответственность и просил по завершении Царицынской операции освободить меня от должности командующего армией. Для вручения письма главнокомандующему я командировал полковника фон Лампе. Последний был ознакомлен с содержанием письма.

Проезжая через станцию Котельниково, где находился штаб армии, полковник фон Лампе явился к генералу Юзефовичу. Последний, узнав о командировке полковника фон Лампе, решил его задержать. Однако тот доложил, что имеет от меня приказание безостановочно следовать в Екатеринодар. Генерал Юзефович приказал полковнику фон Лампе по прибытии в Екатеринодар ожидать от него телеграммы, до получения которой письма генералу Деникину не передавать. Сам генерал Юзефович выехал мне навстречу в Абганерово. Он горячо стал упрасивать меня взять мое решение обратно. Полковник Кусонский присоединился к нему.

4 июня генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего вызвал генерала Юзефовича к аппарату и передал ему, что по получении моей телеграммы от 2 июня главнокомандующий отдал приказание спешно направить ко мне закончившую формирование 7-ю пехотную дивизию в составе двух

полков и пяти батарей; 3 бронепоезда, вооруженные тяжелой артиллерией, и, наконец, шесть танков. Ходатайство мое о сформировании управления начальника военных сообщений также было удовлетворено. Начальником военных сообщений был назначен генерал Махров. Лишь после полученного кровавого урока ставка спохватилась. Я уступил настояниям своих ближайших помощников и приказал телеграммой полковнику фон Лампе письма не вручать.

На фронте Донской и Добровольческой армий наши части безостановочно двигались вперед. Донцы генерала Мамонтова овладели станцией Усть-Медведицкой и двигались далее к железной дороге Поворино — Царицын. Добровольцы взяли Лозовую и Чаплино. На Астраханском направлении удачно продвигались части генерала Эрдели. В Екатеринодаре и Ростове было общее ликование. Вместе с тем от генерала Юзефовича узнал я и много грустного. По его словам, штаб генерала Май-Маевского во главе с ним самим вел себя в Ростове самым непозволительным образом. Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения вызывали среди благоразумных элементов справедливый ропот. Тыл был по-прежнему не организован. Войсковые начальники, не исключая самых младших, являлись в своих районах полновластными сатрапами. Поощряемые свыше войска смотрели на войну как на средство наживы. Произвол и насилие стали обычным явлением. Как я уже говорил, трудно было в первое время в условиях настоящей борьбы требовать от войск соблюдения обычаев войны. В течение долгих месяцев армия жила военной добычей. Разоренные и ограбленные большевиками казаки справедливо хотели вернуть свое добро. Этот стимул несомненно приходилось учитывать. В приказе моем к войскам, говоря о накопленном противником несметном добре в Царицыне, я сам это учитывал. Однако рядом неуклонно проводимых мер я стремился постепенно привить частям моим чувство законности. В этом отношении я имел верных помощников в лице командиров корпусов — генералов Улагая и Шатилова. Генерал Покровский и тот, умный и с большой выдержкой, считался с моими требованиями, поддерживал теперь в войсках своих должный порядок. Захваченные у красных деньги делились между людьми полков особыми полковыми комиссиями. Часть денег отчислялась в артельные суммы частей. Все же оружие, войсковое и интендантское имущество сдавалось полками и поступало в отдел снабжения армии. Я достиг полного уважения со стороны войск к частной собственности населения. Ежели этого удалось достичь с казаками, то с регулярными частями, в значительной мере пополненными интеллигентным элементом, с огромным процентом офицерского состава, это могло быть достигнуто и того легче...

Подхода всех обещанных подкреплений я мог ожидать только около 15-го. До этого времени я решил возвратиться в Котельниково. Предстояло немало работы, необходимо было прочно наладить тыл и обстоятельно подготовиться к предстоящей серьезной операции. В Котельниково приехал ко мне походный атаман Кубанского войска генерал Науменко. Науменко горько жаловался мне на несправедливость главного командования к кубанским казакам, на незаслуженное и обидное, по сравнению с донцами, к ним отношение. Вновь всплыл вопрос о создании Кубанской армии. Я мог лишь повторить то, что говорил в Екатеринодаре и Ростове.

Генерал Науменко сообщил мне, что главнокомандующий и генерал Романовский мною очень недовольны — мне ставилась в вину резкость моих телеграмм. Генерал Романовский говорил генералу Науменко, что тон этих телеграмм совершенно недопустим, что «генерал Врангель не просит, а требует, почти приказывает». Ставил мне в вину генерал Романовский и то, что в недоразумениях кубанцев с главным командованием я не стал всецело на сторону последнего. Тем не менее я был доволен, что наконец добился получения обещанных подкреплений. Правда, взамен прекрасных пластунских частей я получал неизвестную мне 7-ю пехотную дивизию. Дивизия едва успела закончить формирование: некоторые части не имели обозов, состав частей был сборный, начальники новые. Тем не менее, при почти полном отсутствии в армии пехоты, 7-я дивизия значительно усиливала армию, а прибытие тяжелой бронепоездной артиллерии и, главным образом, танков давало возможность бороться с позиционной и судовой артиллерией красных и преодолеть искусственные препятствия. Я, в бытность в Екатеринодаре, видел пробную работу танков с обученными английскими инструкторами русскими командами и тогда же оценил всю мощность этого средства позиционной борьбы.

12 июня пал Харьков. Донцы быстро продвигались на север.

В газетах был опубликован ряд приветствий, адресованных генералу Деникину старшими начальниками в связи с решением его подчиниться адмиралу Колчаку. Я не считал удобным выражать главнокомандующему одобрение или поощрение тому или иному решению его, имеющему государственно-политический характер. Однако, не желая, чтобы молчание мое было истолковано как не сочувствие его решению, я написал генералу Деникину частное письмо, выражая глубокое уважение перед выполненным им гражданским долгом. В ответ я получил весьма любезную телеграмму.

13 июня в Ростове, где происходили заседания Южно-Русской конференции по созданию так называемой южно-

русской власти, долженствующей разрешить взаимоотношения главного командования с автономными казачьими правительствами, был убит один из наиболее ярких представителей кубанских самостийных групп С. К. Рябов. Убийцы успели скрыться. Часть прессы приписывала убийству политический характер.

9 июня начали прибывать первые эшелоны 7-й дивизии. Вид частей порадовал меня. Полки были отлично одеты в английскую форму хаки и металлические шлемы. Люди выправлены, в частях большой процент старых кадровых офицеров. Начальник дивизии генерал Бредов был чем-то задержан в Ростове, и во главе дивизии стоял полковник Непенин. Последний произвел на меня прекрасное впечатление. Следом за 7-й дивизией подошли танки. Сосредоточение подкреплений происходило крайне медленно, дорога пропускала лишь шесть пар поездов в сутки.

Могучее средство позиционной борьбы, тяжелая артиллерия бронепоездов и особенно танки, тесно связанные в своих действиях с железной дорогой, приковывали армию к последней. Эти причины, несмотря на тактические невыгоды атаки Царицынской укрепленной позиции с юга, заставили меня искать решение именно с этой стороны. Я решил, обнажив почти совершенно свой центр на протяжении около 25 верст, сосредоточить $\frac{3}{4}$ своих сил на крайнем правом фланге и этим кулаком нанести удар вдоль Волги по левому крылу неприятеля. Левофланговый корпус армии должен был отрезать пути отступления противника на север..

К 10 июня по данным разведки противник имел под Царицыном 16 000 штыков, 5000 сабель, 119 орудий, 6 бронепоездов. На Волге стояла речная флотилия из 4-х дивизионов, катеров и понтонов и 9 канонерок и миноносцев. 14 июня к Царицыну подошел переброшенный из Уфы через Саратов один из полков 2-й красной дивизии. В ближайшие дни ожидался подход остальных полков дивизии.

В ночь на 16 июня ударная группа генерала Улагая построила боевой порядок западнее железной дороги к югу от деревни Копани; в центре и впереди 4 танка с тремя броневыми автомобилями; непосредственно за ними пехота — 7-я дивизия и пластуны; в резерве два конных корпуса; на правом фланге три бронепоезда и 3-я Кубанская дивизия.

Едва стало сереть, танки двинулись вперед и, давя проводочные заграждения, разошлись вправо и влево; расстреливая бросившуюся в панике бежать неприятельскую пехоту. Вслед за пехотой устремилась в прорыв кавалерия.

Противник бежал частью на Царицын, частью на Вороново. Брошенная для спасения положения со стороны станции Басаргино в направлении на Червленноразное красная конница, поддержанная бронеавтомобилями, успеха не имела.

Наша конница отбросила красных. Конница генерала Шатилова заняла станцию Воропоново. На правом фланге 3-я Кубанская дивизия при помощи бронепоездов овладела станцией и деревней Бекетовка и отбросила противника к станции Ельшанка.

Противник отошел на 2-ю и последнюю укрепленную позицию, расположенную по высотам южнее и юго-западнее Царицына. В то время, как развивался бой на фронте ударной группы генерала Улагая, корпус генерала Покровского после артиллерийской подготовки перешел в наступление в общем направлении на Котлубань, но успеха достичь не мог. В 3 часа дня генерал Покровский вновь атаковал красных, прорвал фронт и совершенно разгромил противника, взяв 5000 пленных и 8 орудий, выйдя на фронт Карповка — Бабуркин, одновременно конные части 1-го корпуса заняли хутор Вертячий. Около 5 часов вечера войска генерала Улагая вновь атаковали противника и после ожесточенного боя овладели станцией и селом Ельшанкой и станцией Садовой. Успеху атаки много способствовали наши аэропланы, бомбардировавшие войска противника. Неприятель отошел к самой окраине города.

К сожалению, генерал Улагай не воспользовался расстройством противника, чтобы на плечах его ворваться в город, и с темнотой наступление приостановил. За ночь противник успел оправиться и закрепиться. Я приказал на рассвете атаковать врага и во что бы то ни стало овладеть городом. Однако генерал Улагай все время ссылаясь на чрезмерное утомление людей и просил атаку отложить.

Наступил рассвет, противник продолжал лихорадочно укрепляться. Я на автомобиле лично проехал вперед, переговорил с генералом Улагаем и настоял на атаке. В пять часов вечера ударная группа снова двинулась в бой. 3-я Кубанская и 7-я пехотная дивизии при поддержке бронепоездов после жестокой схватки прорвали наконец фронт красных и ворвались в город. Одновременно с атакой Царицына конница генерала Шатилова повела наступление на станцию Гумрак, овладела станцией и окончательно разгромила врага, попытавшегося здесь задержаться.

Разбитый на всех участках враг искал спасения в отступлении на север.

18 июня я отдал приказ:

«ПРИКАЗ
Кавказской армии
№ 57

18 июня 1919 года

г. Царицын

С л а в н ы е в о й с к а К а в к а з с к о й а р м и и !

8 мая под станицей Великокняжеской вы разбили противника и погнали его к Царицыну.

С тех пор, в течение сорока дней, не зная отдыха, вы гнали врага. Ни безводье калмыцких степей, ни палящий зной, ни отчаянное сопротивление врага, к которому непрерывно подходили подкрепления, не могли остановить вас.

В ряде жестоких боев вы разбили X и подошедшую XI армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в логовище врага — Царицын...

За все эти сорок дней противник потерял 40 000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали в ваши руки.

Ура вам, храбрецы, непобедимые орлы Кавказской армии.

Слава о новых подвигах ваших пронесется как гром, и весть о вашей победе в родных станицах, селах и аулах заставит гордостью забиться сердца ваших отцов, жен и сыновей.

Генерал В р а н г е л ь».

19-го утром я прибыл в Царицын и прямо с вокзала проехал в собор. Огромная толпа народа заполнила храм, площадь и прилегающие к ней улицы. Престарелый епископ Дамиан за несколько дней до нашего прихода должен был бежать и скрывался где-то на окраине города. Служил настоятель собора, освобожденный из тюрьмы нашими войсками. Во время службы и он, и большинство присутствующих плакали. По окончании богослужения я вышел на площадь и обратился к населению, приветствуя граждан с их освобождением и обещая защиту и покровительство армии.

В тот же день вечером прибыл в Царицын главнокомандующий. Приняв почетный караул, он пригласил меня и начальника штаба в вагон. Главнокомандующий благодарил нас и расспрашивал о подробностях дела.

— Ну что, как теперь настроение? Одно время было, кажется, неважным, — улыбаясь, спросил меня Деникин.

— Так точно, ваше превосходительство. Нам было очень тяжело.

— Ничего, ничего, теперь отдохнете.

К приезду главнокомандующего я с генералом Юзефовичем составили подробный доклад, предлагая дальнейший план действий. Впредь до завершения операции войск генерала Эрдели — овладение Астраханью и нижним плесом Волги, что дало бы возможность войти в реку нашей Каспийской флотилии, — дальнейшее наступление на север, при отсутствии меридиональных дорог и необеспеченности тыла армии, представлялось трудно выполнимым.

Безостановочное, стремительное наступление Донской и Добровольческой армий, при чрезвычайной растяжке нашего фронта, при полном отсутствии резервов и совершенной неорганизованности тыла, представлялось опасным. Мы пред-

лагали временно закрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах крупными водными преградами фронте Царицын — Екатеринослав и, выделив из Кавказской армии часть сил для действия в юго-восточном направлении, с целью содействия Астраханской операции, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в 3-4 корпуса. В дальнейшем действовать конной массой по кратчайшим к Москве направлениям, нанося удары в тыл красным армиям. Генерал Деникин, выслушав нас, усмехнулся:

— Ну, конечно, первыми хотите попасть в Москву.

На следующее утро генерал Деникин присутствовал на торжественном богослужении и принял парад войскам. После парада он пригласил меня и генерала Юзефовича в вагон и здесь, в присутствии генерала Романовского, прочел нам свою директиву:

«Вооруженные силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищев — Балашов, сменив на этих направлениях донские части, и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее Нижний Новгород, Владимир и Москву.

Теперь же отправить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину — правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Волово, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск.

4. Генералу Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Генералам Тяжельникову и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжельникова и Добровольского и блокировать порт Одессы.

7. Разграничительные линии: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией — прежняя; б) между Кавказской и Донской армиями — Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской

армии; в) между Донской и Добровольческой армиями — Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Шигры, Верховье, Узловая, Кашира — все пункты для Донской армии; г) между Добровольческой армией и третьим корпусом — Северная граница Таврической губернии — Александровск.

8. Железная дорога Царицын — Поворино — Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям.

9. О получении донести.

Царицын. 20 июня 1919 г.

Генерал-лейтенант Д е н и к и н.
Начальник штаба генерал-лейтенант Романовский».

Директива эта, получившая впоследствии название «Московской», являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр — все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву.

Прослушав директиву, мы с генералом Юзефовичем буквально остолбенели. Сам генерал Деникин был «Московской директивой», видимо, очень доволен. Закончив чтение, он весело добавил:

— Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять стоверстную карту.

Мне и поныне непонятно, как мог этот документ выйти из-под пера генерала Деникина.

Я доложил главнокомандующему о том, что части мои после тяжелого трехсотверстного похода по пустыне и сорокадневных напряженных боев окончательно истомлены, просил дать возможность армии хоть немного передохнуть.

— Конечно, ведь до выхода донцов к Камышину в вашем распоряжении будет, вероятно, недели две. Вам только следует не задерживать переправы тех частей, которые вы пошлете на левый берег.

Наши части, преследуя разбитого противника, уже и вечеру 19 июня, сбив неприятеля с высоты северного берега реки Пичуга, овладели посадом Дубовка. Я приостановил дальнейшее преследование, выслав для сохранения связи с противником небольшие конные части. На левый берег Волги я наметил переправить 3-ю Кубанскую казачью дивизию генерала Мамонова.

За выделением из состава моей армии 7-й пехотной дивизии, терцев и осетин, численность моих войск становилась весьма незначительной. Вследствие больших потерь и отсутствия свежих пополнений, боевой состав казачьих полков не превосходил 500-600 человек. Пластунские части были также

малочисленны. 6-я пехотная дивизия, жестоко пострадавшая под Котельниково, была окончательно небоеспособна, отведена в глубокий тыл и, укомплектованная за счет пленных красноармейцев, только еще обучалась и приводилась в порядок. Несколько в лучшем положении находилась артиллерия и технические войска, пополненные пленными и добровольцами.

Отсутствие на Кубани твердой власти и порядка на местах и непрекращающаяся политическая борьба давали возможность казакам уклоняться от выполнения воинского долга. Кубань перестала давать пополнения. Не только эвакуированные в тыл раненые, но и значительное число уволенных в отпуск и командировки казаков, пользуясь послаблением власти, уклонялись от возвращения в строй. Полевая рабочая страда особенно оттягивала казаков в тыл. Конский состав был сильно измотан; за непрерывными боями ковка совсем запущена; материальная часть, оружие и снаряжение были в самом плачевном состоянии. Все это требовалось привести в порядок...

В Поволжье

21 июня 3-я Кубанская дивизия переправилась через Волгу и уже на следующий день своими головными частями заняла село Средне-Ахтубинское, где была встречена населением колокольным звоном...

Потерпев поражение у Царицына, противник лихорадочно стал сосредоточивать к Камышину подкрепление для своей рабочей армии, сняв для этой цели даже несколько дивизий с сибирского фронта, где за последнее время красные одержали некоторые успехи над армиями адмирала Колчака. Эти подкрепления, приняв на себя отступающие части противника, 24 июня стали на пути нашего преследования, преградив подход к Камышину. Противник, заняв сильную позицию, успел сосредоточить значительную массу артиллерии, опираясь, кроме того, на могучую огневую поддержку Волжской флотилии. Фронтальная атака Варкинской позиции успеха не имела. Не имела успеха и атака обходной колонны 1-го корпуса, двинутой в направлении на Щепкин.

Предпринятые в последующие дни также безуспешные атаки с фронта и фланга укрепленной красными позиции выяснили невозможность овладеть Камышином. Я решил выдвинуть на поддержку генерала Покровского 4-й корпус.

В эти дни мне пришлось работать не покладая рук; помимо оперативных распоряжений у меня был целый ряд забот по гражданскому управлению части освобожденных Саратовской и Астраханской губерний. Под рукой не было никакого

организованного аппарата. За продолжительное владычество красных была уничтожена подавляющая часть местных интеллигентов, все приходилось создавать сызнова. Исправляющим должность Саратовского губернатора был назначен полковник Лачинов, бывший кавалергард, затем адъютант наместника Кавказа, одно время помощник военного губернатора Батумской области. Сообщая мне об этом назначении, генерал Деникин упомянул, что имел в виду сделать мне приятное, так как знает о близких моих с Лачиновым отношениях. Видимо, кто-то из лиц, выдвигавших Лачинова, ввел главнокомандующего в заблуждение. Я знал Лачинова лишь по непродолжительной совместной службе в одной бригаде с молодыми офицерами. Он прибыл с несколькими лицами своего управления в Царицын на следующий день после отъезда главнокомандующего. Как показало дальнейшее, он оказался не в состоянии справиться со своим делом.

Астраханским губернатором был назначен Б. Е. Крыштафович, по прежней своей службе хорошо знающий Астраханское войско. Подведомственная ему область пока ограничивалась лишь частью Черноярского уезда. В Царицын прибыл и Астраханский атаман Ляхов, честный и скромный человек. По приглашению его я посетил станицу Верхнецарицынскую, первой из астраханских станиц освобожденную от красного ига. Станичный сбор поднес мне звание почетного казака.

Город Царицын, «Красный Верден», как называли его большевики, оказался в ужасном состоянии. Все мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было истреблено, магазинов и лавок не существовало. Зимой в городе свирепствовали страшные эпидемии, смертность была огромна, умерших не успевали хоронить, трупы сваливались в овраге у городской тюрьмы. По словам жителей, в овраге свалено было до 12 000 трупов. С весною трупы стали разлагаться, зловоние стояло на несколько верст кругом. Я отдал распоряжение сформировать рабочие команды из пленных и засыпать овраг. Работа длилась целую неделю. Улицы города представляли собой свалочное место. Одних конских трупов было вывезено из города и пригородов более 400. Уже через несколько дней по нашему приходе город стал оживать. Улицы наполнились народом. С левого берега Волги повезли всякой живности и зелени. Продукты быстро падали в цене. Постепенно стали открываться магазины...

29 июня, в Петров день, у меня был официальный обед для епископа, начальников губерний, представителей администрации и города. В тот же день вечером я выехал в Екатеринодар. Я хотел добиться присылки мне наконец кубанских пополнений.

Главнокомандующий принял меня в присутствии генерала Романовского. Я доложил о ничтожном боевом составе пол-

ков, отсутствии необходимых пополнений, указал, что общая численность войск, входящих в состав армии, столь незначительна, что совершенно не оправдывает существование многочисленных штабов, и что если части не будут пополнены, то казалось бы необходимым свести некоторые из них вместе, расформировать ряд штабов и саму армию свести в корпус.

Главкомандующий сослался на то, что «ничего не может поделать с казаками», что «самостийники не хотят...». Присутствовавший при разговоре генерал Романовский советовал мне самому «переговорить» с казаками. Я довольно резко ответил, что мое дело командовать армией, вести же переговоры с казаками не входит в круг моей деятельности. Главкомандующий, желая, видимо, прекратить разговор, предложил генералу Романовскому созвать совещание с участием моим, войскового и походного атаманов.

Мы вышли от главкомандующего вместе с генералом Романовским. Неожиданно он обратился ко мне:

— Я хотел переговорить с вами, Петр Николаевич, я замечая с вашей стороны за последнее время какое-то недоброжелательное отношение, вы как будто нас в чем-то упрекаете, между тем мы всячески стараемся вам помочь.

Я ответил, что никакого недоброжелательства с моей стороны нет, что если я подчас с излишней горячностью и высказываю мои мнения, то это исключительно оттого, что я не могу не делить радостей и горестей моих войск и оставаться безучастным к тяжелому положению в армии.

— Я рад, что мы объяснились, — сказал генерал Романовский. Мы расцеловались.

На следующий день состоялось совещание с казаками. Совещание происходило на квартире генерала Науменко. Присутствовали генералы: Романовский, Плющевский-Плющик, атаман генерал Филимонов и генерал Науменко. Я изложил общую обстановку, дал сведения о боевом составе частей и данные о необходимости пополнений. Генерал Филимонов, не касаясь вопросов по существу, стал говорить о том, что казаки глубоко обижены несправедливым и себе отношением, что давнишние чаяния их иметь собственную кубанскую армию, несмотря на неоднократные обещания генерала Деникина, не получили удовлетворения, что, будь у казаков собственная армия, все от мала до велика сами стали бы в ее ряды. Генерал Романовский возражал, между прочим указав, что среди кубанцев нет даже подходящего лица, чтобы стать во главе армии. «Разве что Вячеслав Григорьевич мог быть командующим армией», — со скрытой иронией добавил начальник штаба. Генерал Науменко поспешил заявить, что он сам себя не считает подготовленным к этой должности, но что в замене командующего армией

нет и надобности. Командующий Кавказской армией, которая состоит почти из одних кубанцев, хотя по рождению и не казак, но имя его достаточно популярно среди кубанского казачества и оставление его во главе кубанской армии удовлетворило бы и «правительство и казаков». Войсковой атаман поддерживал генерала Науменко.

Я решил сразу покончить с делом и раз и навсегда выяснить совершенно определенно взгляд мой на этот вопрос.

— Пока я командующий Кавказской армией, я не ответствен за политику Кубани. С той минуты, как я явился бы командующим Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, я стал бы ответствен за его политику. При настоящем же политическом направлении Кубани мне, ставши во главе Кубанской армии, осталось бы одно — скомандовать «взводами налево кругом» и разогнать законодательную Раду...

Наступило общее смущенное молчание. Генерал Романовский поспешил закончить совещание, прося атамана и генерала Науменко сделать все возможное для скорейшей высылки в мою армию пополнений. Ничего более определенного я добиться не мог.

Пробыв в Екатеринодаре 4 дня, я выехал в Царицын.

Немедленно по занятии Царицына я приказал выбрать позицию к северу от города и начать ее укрепление. Последняя должна была преграждать подступы с севера к Царицыну и к станции Гумрак, позволяя использовать в течение боев кольцеобразную железнодорожную цепь Царицынского узла. Из пленных сформирован был ряд рабочих дружин. Лесные материалы и огромные запасы проволоки, брошенные красными при отходе, имелись на месте.

5 июля, узнав от перебежчиков, что расположенные в районе деревень Николаевка — Романов красноармейские части готовы при нашем наступлении сдать в плен, части 1-й конной дивизии на рассвете зашли со стороны деревни Николаевки в тыл 12-му советскому полку, который действительно после небольшого сопротивления целиком сдался в плен. Части дивизии стремительно двинулись на Рыбинское, где захватили в плен весь штаб 2-й советской стрелковой бригады. Дивизия взяла в этот день свыше 1000 пленных, около 30 пулеметов и большой обоз.

Вплоть до 11 июля армия вела упорные бои, стремясь овладеть подступами к Камышину. К противнику все время продолжали подходить свежие части. Я приказал 2-му корпусу выдвинуться из моего резерва на присоединение к первому. Части 2-го корпуса 6-го июля начали сосредоточиваться в Балкее.

К вечеру 11 июля части армии, произведя перегруппировку, заняли исходное для атаки противника положение. Атака

была назначена на рассвете. Войскам ставилась задача: атаковать и разбить противника, стремясь прижать его к реке Волге и овладеть Камышином.

15 июля под сокрушительными ударами группы генерала Покровского пал Камышин.

Противник, окруженный со всех сторон и прижатый к Волге, искал спасение в бегстве. Многие его части были почти полностью уничтожены.

На левом берегу реки Волги генерал Мамонов, успешно продвигаясь вперед, овладел Владимировкой и станцией Ахтуба, выйдя на железную дорогу. Его разъезды в районе станций Эльтон и Шунгай взорвали железную дорогу Саратов — Астрахань и захватили один эшелон следовавших к Астрахани пополнений.

К сожалению, Астраханская операция генерала Эрдели развивалась очень медленно. Пустынная, безводная местность чрезвычайно затрудняла движение наших войск, а болотистые русла многочисленных притоков Волги представляли чрезвычайно трудно преодолимое препятствие, надежно прикрывали Астрахань.

В середине июля в районе Эльтонских озер части генерала Мамонова вошли в связь с уральцами. Разъезд уральских казаков, пересекших на пространстве ста с лишним верст пустынную степь, соединился с нашими частями. Уральцы много месяцев вели тяжелую борьбу, чрезвычайно страдали, почти не имея снабжения, и всячески просили им помочь. Я дал еще ранее указание, по овладении Камышином, 2-й Кубанской дивизии генерала Говорущенко переправиться на левый берег Волги, с целью войти в соединение с уральцами. Однако почти в тот же день оперативная сводка штаба главнокомандующего принесла известие о тяжелых неудачах на фронте адмирала Колчака. Оренбуржцы были разбиты и частью положили оружие. Уральцы поспешно отходили на восток.

Кубань все еще пополнений не присылала. Некомплект в войсках достиг громадных размеров. Полки насчитывали не более 300-400 шашек. Некоторые и того меньше. Огромный некомплект был и в пластунских частях. 6-я дивизия не закончила формирование. Прибывшие ингуши и дагестанцы, были совершенно не боеспособны. Люди не обучены, не хватало седел, не было вовсе шашек. Лошади в коннице и артиллерии были окончательно измотаны. Некоторые 4-х орудийные батареи пришлось свести в 2-х орудийные. Материальная часть пришла в полное расстройство. Между тем противник сосредоточивал к Саратову, на поддержку отступающим вдоль Волги красным частям, новые свежие силы. Последние брались частью из внутренних губерний, частью снимались с Сибирского фронта.

Ставка требовала продолжения нашего наступления, не желая считаться ни с какими доводами. По овладении Камышином, генерал Романовский вызвал меня к аппарату и лично передал указания главнокомандующего преследование продолжать энергично. Я ясно отдавал себе отчет в том, что в ближайшее время, несмотря на всю доблесть частей, наступление наше захлебнется. Требуя от моих войск выполнения указания главнокомандующего, я в то же время принимал все меры на случай необходимости нашего отхода, всячески торопил работы по укреплению Царицынской позиции, требовал принятия мер по завершению формирования 6-й пехотной дивизии. Во главе последней был поставлен храбрый и деятельный генерал Писарев. Я неустанно телеграфировал Кубанскому войсковому и походному атаманам и председателю Законодательной Рады, требуя присылки подкреплений. По соглашению с кубанским правительством, довольствие Кавказской армий приняло на себя последнее. Кубань взятое на себя обязательство выполняла самым недобросовестным образом. На мои жалобы кубанское правительство оправдывалось, ссылаясь на какие-то денежные расчеты с главным командованием. Обращения в ставку оставались без ответа.

Из писем из Екатеринодара и отъезжающих туда лиц я знал, что в ставке мною очень недовольны. Генерал Романовский громко обвинял меня в «оппозиции главному командованию. Это служило камертоном и для прочих чинов штаба. Не сомневаюсь, что значительную роль играли здесь секретные сводки и «информации вверх» пресловутого Освага. Чья-то незримая рука искусно вела закулисную игру. Еще в бытность мою в Ростове мне попалась в руки одна из секретных сводок донского штаба. Отмечая благожелательное ко мне отношение местного населения, она упоминала вскользь, «что среди обывателей ходят слухи, что в ближайшее время генерал Врангель явится преемником генерала Деникина». Я тогда же, не показывая сводки генералу Юзефовичу, сказал ему, что фраза эта помещена неспроста, а несомненно с задней мыслью вселить в главнокомандующего предубеждение против ближайших помощников. Впоследствии я имел случай убедиться, что подозрения мои были вполне основательны и что чья-то злая воля удачно использовала слабые струны главнокомандующего.

В то время, как на фронте не прекращались ожесточенные бои, в тылу армии постепенно налаживался мирный уклад жизни. В городе открылись ряд магазинов, кинематографы, кафе. Царицын ожил. Первое время имели место столь свойственные прифронтовым городам картины разгула тыла, скандалы и пьяные дебоши. Однако, учитывая все зло, могущее явиться следствием этого, я, не останавливаясь перед

жестокими мерами, подавил безобразие в самом корне. Воспользовавшись тем, что несколько офицеров во главе с астраханским есаулом учинили в городском собрании громадный дебош со стрельбой, битьем окон и посуды, во время которого неизвестно каким образом пропала часть столового серебра, я предал их всех военно-полевому суду по обвинению в вооруженном грабеже. Суд приговорил есаула, известного пьяницу и дебошира, к смертной казни через расстреляние, а остальных к низшим наказаниям. Несмотря на многочисленные обращения ко мне ходатайства губернатора, астраханского войскового штаба и ряда лиц, приговор был приведен в исполнение и соответствующий мой приказ расклеен во всех общественных и увеселительных местах города. После этого случая пьянство и разгул прекратились.

Обеспокоенные действиями генерала Мамонова на левом берегу Волги красные, подвезя из Саратова свежие силы, перешли против него в наступление, однако ничего сделать с нашими доблестными частями не могли и сами понесли ряд тяжелых потерь, причем 3-я Кубанская дивизия захватила много пленных и пулеметов.

Между тем части армии, произведя после взятия Камышина перегруппировку, продолжали преследование разбитой армии красных. Согласно новой группировке 4-му конному корпусу ставилась задача наступать на север вдоль саратовского тракта, а группе генерала Покровского действовать против конной группы «товарища» Буденного, сосредоточившейся в районе Красного Яра. Левобережный отряд полковника Львова занял слободу Николаевскую против города Камышина, выдвинув вперед на Ткачев — Потемкино сильную разведку.

Преследование красных, невзирая на усталость людей и лошадей, велось стремительно.

20 июля противник перешел в контратаку. 4-й конный корпус был атакован большими силами красной конницы «товарища» Думенко. После упорного боя, понеся большие потери в людях и конском составе и потеряв часть своей артиллерии (3 орудия), генерал Топорков вынужден был отойти назад в район Павловка — Гнилушка. На следующий день генерал Топорков снова перешел в наступление и хотя и отбросил противника, но сам вновь понес большие потери...

Группа генерала Покровского, занявшая Красный Яр и выдвинувшаяся к 22 июля на линию деревень Тетереватка — Грязнуха — В. Добринка, также столкнулась с превосходными силами красной конницы. В течение трехдневных упорных боев генерал Покровский разбил конницу Буденного. Этот новый успех стоил нам очень дорого. Части понесли большие потери, и особенно значительные потери были среди командного состава. Силы армии были надломлены.

На фронте адмирала Колчака противник продолжал одерживать крупные успехи, преследуя отступавшие по всему фронту войска Верховного Правителя.

Учитывая опасность, в случае занятия нами Саратова, противник, используя свои успехи на Востоке, снимал с Сибирского фронта ряд дивизий, спешно перебрасывая их к Саратову. Из внутренних городов России непрерывно подходили свежие пополнения. Спешно производилась мобилизация в прифронтовой полосе.

Напрягая крайнюю энергию, красные в середине июля успели сосредоточить в Саратове большую часть своей XI армии. Силы, коими располагал противник, достигали 40 000, превосходя численностью мою армию во много раз. Результаты ошибочной стратегии главного командования начинали сказываться. Предложенный мною по освобождению Северного Кавказа план — освободившиеся по завершении Кавказской операции наши силы использовать на Царицынском направлении, дабы соединиться с силами адмирала Колчака, — был главнокомандующим отвергнут. Вместо этого Кавказская армия была переброшена в Донецкий бассейн. Сложившаяся независимо от нас общая обстановка вынудила нас в конце апреля сосредоточить значительные силы на Царицынском направлении, но драгоценное время было уже потеряно, противник получил возможность, действуя по внутренним операционным линиям, сосредоточить свои силы на Восточном фронте, разбить армии Верховного Правителя и освободившимися силами обратиться на нас.

25 июля я на автомобиле с начальником штаба выехал в Камышин. Чем далее продвигались мы на север от Царицына, тем более местность представляла собой характерные черты средней полосы России. Вид деревенских построек, характерный великорусский говор крестьян, все это резко отличалось от Кавказа и Задонья.

26 вечером мы выехали из Камышина по железной дороге до станции Неткачево, откуда проехали в деревню Грязнуха, где находился штаб генерала Покровского. Осмотрев расположенные в резерве части, мы проехали с генералом Покровским в Каменный Овраг к генералу Топоркову. Я хотел совместно с начальником штаба и командирами корпусов обсудить общее положение. Последнее складывалось для нас весьма неблагоприятно. Значительно усилившийся, превосходящий нас во много раз численностью, противник должен был ежечасно перейти в наступление и наши части должны были неминуемо быть отброшены к югу. Единственный наш коммуникационный путь — Волга — был под ударами врага. Наша транспортная флотилия состояла всего из двух захваченных нами в Царицыне буксиров весьма слабой силы. На своевременный подход подкреплений рассчитывать было

нельзя. При значительном удалении от базы и отсутствии путей подвоза артиллерийское снабжение пришло в расстройство. Вплоть до Царицына подготовленных узлов сопротивления не было. Войска, отброшенные к югу, неминуемо должны были сотни верст катиться назад. Имей мы силы продолжать наступление и атаковать противника в Саратове, не дав ему закончить сосредоточение, обстановка могла бы круто измениться в нашу пользу. Однако в настоящих условиях об этом нечего было и думать. Не только продолжать наступление, но и рассчитывать продолжительное время удержаться на месте, на настоящих позициях мы не могли. Надо было думать лишь о том, чтобы сберечь армию впредь до прибытия подкреплений и возможности с помощью их перейти в контрнаступление.

На военном совещании 27 июля было принято решение в случае перехода противника в общее наступление избегать решительных боев и медленно отходить, задерживаясь на каждом рубеже, лишь нанося короткие удары врагу с целью выгрыша времени.

Горькое чувство овладело мною. Я ясно отдавал себе отчет, что ошибочная стратегия главнокомандующего неминуемо сведет на нет все наши военные успехи, достигнутые такой дорогой ценой. Второй раз уже успехи моей армии сводились на нет тем, что, легшие в основу оперативного плана обещания главнокомандующего передачи мне сил, необходимых для успешного завершения операции, не выполнялись. Сосредоточив все внимание на казавшемся ему главнейшем направлении — «Московском» — главное командование уделяло Добровольческой армии все свои заботы. Нелады между главнокомандующим и кубанским правительством тяжело отражались на снабжении моих частей. Низшие органы штаба главнокомандующего проявляли в отношении нужд далекой сердцу генерала Деникина Кавказской армии полную невнимательность....

Я собирался выехать в Царицын 30 июля, однако в ночь с 29-го на 30-е флотилия красных, прорвавшись с севера, на рассвете стала бомбардировать Камышин. В городе поднялась паника. Противник, выпустив несколько десятков снарядов, отошел на север. Потери от бомбардировки оказались незначительными. В городе было убито два и ранено несколько человек и повреждено несколько домов. Население вскоре успокоилось, однако я не считал возможным, во избежание толков, уехать в тот день и выехал лишь на следующий.

Немедленно по прибытии в Царицын я вновь телеграфировал походному атаману Науменко: «Полки растаяли. Из предназначенных нам за июнь 131 вагона интендантских грузов не прибыло ни одного. Ежели так будет продолжаться, то

не только войска откажутся воевать, но и повернут в тыл против тех, кто заставляет их голодать».

Вместе с тем я решил проехать сам в Екатеринодар, дабы путем личных переговоров добиться у кубанского правительства срочной высылки мне подкреплений и наметить меры упорядочения снабжения.

Я приказал принять все меры для ускорения работ по укреплению Царицынской позиции.

1 августа с рассветом противник на всем фронте перешел в решительное наступление, нанося главный удар по обе стороны Саратовского тракта левофланговыми частям 4-го корпуса и частям 3-й пластунской бригады, расположенной между деревнями Французская — Макаровка. После сильной артиллерийской подготовки красные настойчивыми атаками прорвали фронт пластун и вынудили их к быстрому отходу, чем обнажился левый фланг 4-го корпуса; последний, будучи тесним с фронта и глубоко обойден с фланга, вынужден был также начать отход. Дабы поддержать части генерала Покровского, Астраханский полк 6-й дивизии из состава отряда полковника Львова, находившегося все еще в слободе Николаевской, был переправлен в Камышин.

Одновременно с переходом в наступление против частей Кавказской армии, обнаружилось и давление противника на фронте всего Донского корпуса. Положение последнего становилось тяжелым. 10-я донская бригада, все время доблестно действовавшая на левом фланге нашей конной группы, поспешила на поддержку родного корпуса, отойдя за реку Медведицу...

Несмотря на тяжелые бои на фронте армии, я решил проехать в Екатеринодар. Встреченный на вокзале генералом Науменко и чинами войскового штаба и приняв почетный караул Гвардейского дивизиона, я проехал к атаману. Обрисовав общее положение, я заявил, что, если срочно мне не будут высланы необходимые пополнения и армия моя не будет обеспечена продовольствием, я Царицына не удержу, войска будут отброшены в безводную степь, где неминуемо погибнут и путь на Кубань будет противнику открыт. В тот же вечер я присутствовал на заседании кубанского правительства, где я повторил то же самое. Мои слова произвели желаемое впечатление. Члены правительства единодушно обещали мне полную помощь. Атаман просил меня на следующий день посетить Законодательную Раду и там повторить мой доклад. Я изъявил согласие. Мы условились, что я прибуду в Раду к 11 часам. Соответствующее приглашение от председателя Рады должно было быть доставлено мне утром. Отъезд в Царицын я назначил в 1 час дня.

Однако в назначенный час приглашение председателя Рады я не получил. Наконец в половине 12-го прибыл на вок-

зал весьма смущенный генерал Науменко и с ним какой-то офицер, отрекомендовавшийся мне состоявшим в распоряжении председателя Рады. Офицер доложил мне, что председатель Рады О. Макаренко «случайно узнал от атамана» о желании моем посетить Раду, но, не имея от меня соответствующего заявления, не может прислать мне официального приглашения. «Передайте председателю Рады, — ответил я, — что в качестве командующего Кавказской армией я готов был оказать честь посетить ее и сделать доклад о нуждах кубанских частей. Об этом я поставил в известность вчера атамана и членов правительства. С отдельными просьбами к господину Макаренко я обращаться не буду. На фронте идут жестокие бои. Мое присутствие там необходимо. Я выезжаю через полтора часа. По приезде в армию я поставлю в известность мои части о том отношении, которое встретил их командующий в лице председателя Рады». Прибывшие уехали. Через час посланец Макаренко вернулся и доложил мне, что Рада меня ждет. Почти одновременно прибыли несколько членов Рады, между ними представители черкесов, прося меня прибыть на заседание. Я отказался, заявив, что назначенный час моего отъезда отложен быть не может. Через полчаса я выехал в Царицын...

Работы по укреплению Царицынской позиции значительно подвигались. Стрелковые окопы были большей частью закончены, хотя ходы сообщения не были еще готовы. Проволочные заграждения в 3-4 кола имелись перед всем фронтом, за исключением крайнего правого фланга, ближайшего к Волге. В общем, укрепленная позиция, при всей своей незаконченности, могла дать обороняющим ее войскам значительные преимущества и придать уверенность в их силах. Однако все же трудно было рассчитывать, что эту уверенность, необходимую для победы, могут найти в себе войска, хотя и доблестные, но перенесшие крайне тяжелое отступление, обескровленные и потерявшие значительную долю своего бывшего порыва. Укрепленная позиция, как бы сильна она ни была, не могла чудесно превратить отступающие войска в победоносные. Необходимо было поддержать отходящие части свежими силами, образовать хотя бы некоторый небольшой резерв из свежих войск.

Этот резерв должны были составлять прибывающая 2-я Кубанская пластунская бригада и части генерала Мамонова, которые я решил оттянуть, ко времени подхода армии к Царицыну, с левого берега Волги. К 25-му августа ожидалось прибытие 4 танков. После взятия Царицына имевшиеся в армии 6 танков были переброшены в Добровольческую армию. 2-я Кубанская пластунская бригада заканчивала свое

сосредоточение к середине августа. Прибыв с фронта Добровольческой армии, она имела в своем ближайшем боевом прошлом ряд сравнительно легких успехов и являлась единичей бесспорной боевой ценности. 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Мамонова после ряда блестящих дел, не испытав ни разу расслабляющего влияния неудач, полностью сохранила свой боевой пыл. При том же, действуя в богатом, совершенно не тронутом районе, части не успели измотаться. Дивизия была сравнительно большой численности. К 20 августа в 5-ти полках и 2-х отдельных дивизионах было до 2000 шашек. Что же касается Саратовского полка, то, как и прочие полки 6-й дивизии — за исключением grenадер, пополненный главным образом пленными, он в боевом отношении существенной силы не представлял. Я вызвал в Царицын телеграммой всех находящихся в отпуске и командировках строевых начальников, в том числе генерала Улагая и успевшего поправиться после ранения генерала Бабиева.

Между тем армия, ведя арьергардные бои и неся тяжелые потери, продолжала отступать. Численный состав конных полков дошел до 100-150 шашек. Стрелковые полки конных дивизий почти полностью были выведены из строя. Астраханский полк 6-й пехотной дивизии был уничтожен вовсе. В двух grenадерских полках оставалось вместе 450 штыков, 3-я пластунская бригада была сведена в батальон. В артиллерии вследствие значительных потерь батареи были сведены в 2-х и даже в одноорудийные.

Вместе с тем, учитывая тяжелое положение армии, я тогда же приказал начать эвакуацию города.

Благодаря растерянности и нерадивости железнодорожной администрации, или вследствие злонамеренной скрытой работы агентов противника, эвакуация шла весьма неуспешно. Вместо намеченных семи эшелонов в первый день удалось отправить лишь четыре, на третий ушло всего три поезда.

Взяв с собой несколько казаков моего конвоя, я лично отправился на вокзал, где застал готовый к отходу пассажирский эшелон. Большое число вагонов оказалось груженными пианино, зеркалами, мебелью и т. п. Я тут же приказал конвойным выбрасывать все это на платформу, ломать и рубить, приказав освободившиеся вагоны отдать под конвойные грузы. Осматривая далее грузившиеся на запасных путях эшелоны, где вместо того чтобы, как значилось по ведомостям, должны были находиться армейские грузы, оказались частные пассажиры, главным образом евреи, торговцы, выезжавшие с принадлежавшими им товарами. Прижатые мною к стене, они признались, что вагоны куплены ими. Деньги поделили начальник станции, составитель поездов и сцепщик. Я тут же арестовал этих лиц и в тот же день предал военно-полевому суду по обвинению в содействии успеху противника. В ту же

ночь они были повешены: двое на вокзалах города, один на городской площади. Соответствующий приказ мой был той же ночью отпечатан: я приказал расклеить его на всех станциях железной дороги. С этого дня эвакуация шла блестяще. Вместо намеченных семи удалось ежедневно отправлять восемь эшелонов. Ко времени подхода красных к Царицыну эвакуация была закончена.

21 января 1921 г.
Константинополь

СОДЕРЖАНИЕ

А. Г. Шкуро

ЗАПИСКИ БЕЛОГО ПАРТИЗАНА

3

П. Н. Краснов

ВСЕВЕЛИКОЕ ВОЙСКО ДОНСКОЕ

175

П. Н. Врангель

ЗАПИСКИ

281

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

Том 1

Редактор

В. Третьякова

Художественный редактор

И. Марев

Технический редактор

Г. Шитова

Корректоры

Н. Андреева, Э. Соломонова

Компьютерная верстка

А. Мынко

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 20.09.96.
Уч.-изд. л. 30,43. Цена 22 500 р.
Цена для членов клуба 20 100 р.
Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

*Книги издательства «ТЕРРА» можно заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.*

ТАЙНЫ

С возрождением казачества в наше время вновь возрос интерес к этой теме. Извечной красотой доблести и славы сияет история казачества.

В первую книгу сборника «Трагедия казачества» вошли мемуары казака-партизана А. Шкуро, атамана войска Донского П. Краснова, барона П. Врангеля — белых генералов, возглавивших борьбу против большевиков на юге России. Собранные вместе воспоминания этих популярных среди казачества военачальников четко выявляют различия их взглядов на роль и судьбы казачества в будущем России.

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах